

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2014 Том 20

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 4

Июль – Август

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2014 Volume 20

BASIC ISSUE

№ 4

July – August

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

РАССАДИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
ректор КГУ им. Н.А. Некрасова, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АКАЕВ ОЛЕГ ПАВЛОВИЧ
доктор технических наук, профессор

БАСОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

БЕЛКИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ
доктор технических наук, профессор

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор

БРАГИНА ЗИНАИДА ВАСИЛЬЕВНА
доктор технических наук, профессор

БУЛДАКОВ СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ГИБАЛО НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент

ДЕНИСОВ АРТЕМ РУФИМОВИЧ
доктор технических наук, доцент

ЕДОШИНА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА
доктор культурологии, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ЗАХАРОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
профессор, заслуженный деятель искусств РФ

ЛЕБЕДЕВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ
доктор биологических наук, профессор

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МУРАТКИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА
доктор филологических наук, профессор

НАУМОВ АЛЕКСАНДР РУДОЛЬФОВИЧ
кандидат химических наук, доцент

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”
(GENERAL ISSUE)**

EDITOR IN CHIEF

NIKOLAY MIKHAYLOVICH RASSADIN
Nekrasov Kostroma State University Rector,
Professor, Russian higher school honoured worker

DEPUTY EDITOR IN CHIEF

ANATOLIY GRIGOR'YEVICH KIRPICHNIK
Candidate of psychological sciences, Professor

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNAD'YEVNA ANDREYEVA
Candidate of philological sciences

THE EDITORIAL BOARD

OLEG PAVLOVICH AKAYEV

Doctor of technical sciences, Professor

NIKOLAY FYODOROVICH BASOV
Doctor of pedagogic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

PAVEL NIKOLAYEVICH BELKIN
Doctor of technical sciences, Professor

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor historical of sciences, Professor

ZINAIDA VASIL'YEVNA BRAGINA
Doctor of technical sciences, Professor

SERGEY KONSTANTINOVICH BULDAKOV
Doctor of philosophic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

NIKOLAY PETROVICH GIBALO
Doctor of economic sciences, Professor,
honoured scientist of Russia

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of juridical sciences, associate professor

ARTYOM RUFIMOVICH DENISOV
Doctor of technical sciences, associate professor

IRINA ANATOL'YEVNA YEDOSHINA
Doctor of Culture, Professor,
Russian higher school honoured worker

ANDREY IVANOVICH ZAKHAROV
Professor, honoured art worker of Russia

VLADIMIR PAVLOVICH LEBEDEV
Doctor of biological sciences, Professor

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of philological sciences, Professor,
honoured scientist of Russia

YEKATERINA LEONIDOVNA MURATKINA
Doctor of philological sciences, Professor

ALEKSANDR RUDOL'FOVICH NAUMOV
Candidate of chemical sciences, associate professor

СИРОТИНА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА

доктор биологических наук, доцент

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор экономических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ТИМОНИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

ТРАВИН ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор технических наук, профессор

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА

доктор филологических наук, доцент

ФЕТИСКИН НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ

доктор юридических наук, профессор

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АЛИЕВ УРАК ЖОЛМУРЗАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, действительный член (академик) Академии философии хозяйства г. Астана, Казахстан

ДИКУСАР АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН Молдовы г. Кишинёв, Молдова

КВЯТКОВСКА АННА

доктор психологических наук, Институт психологии польской Академии наук г. Варшава, Польша

КОНТ ФИЛИПП

профессор современного русского языка и литературы Парижский университет (Сорбонна)

КУМБРУК КРИСТЕЛЬ

доктор психологии, профессор Высшей школы г. Оснабрюк (Германия)

ЛЕМЕЩЕНКО ПЁТР СЕРГЕЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный университет г. Минск, Беларусь

ТАРАСЕВИЧ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, Национальная металлургическая академия Украины, г. Днепропетровск, Украина

ШТРАССЕР ГЕРТ

кандидат философских наук, профессор Высшей школы г. Дармштадт, Германия

MARINA VALER'YEVNA SIROTINA

Doctor of biological sciences, associate professor

ALEKSANDR IVANOVICH SUBETTO

Doctor of economic sciences, Doctor of philosophic sciences, Professor, honoured scientist of Russia

ANDREY IVANOVICH TIMONIN

Doctor of pedagogic sciences, Professor, Russian higher school honoured worker

GEORGIY MIKHAYLOVICH TRAVIN

Doctor of technical sciences, Professor

IRINA YUR'YEVNA TRET'YAKOVA

Doctor of philological sciences, associate professor

NIKOLAY PETROVICH FETISKIN

Doctor of psychological sciences, Professor, Russian higher school honoured worker

VASILII VLADIMIROVICH CHEKMARYOV

Doctor of economic sciences, Professor, honoured scientist of Russia

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV

Doctor of juridical sciences, Professor

THE EDITORIAL BOARD

FOREIGN MEMBERS

URAK ZHOLMURZAYEVICH ALIYEV

Doctor of economic sciences, Professor, full member (academician) of Management Philosophy Academy, City of Astana, Kazakhstan

ALEXANDRU DICUSAR

Doctor of chemical sciences, Professor, corresponding member of Academy of Sciences of Moldova, City of Chişinău, Moldova

ANNA KWIATKOWSKA

Doctor of psychological sciences, Psychology Institute of Academy of Sciences of Poland, City of Warsaw, Poland

PHILIPPE COMTE

Professor, expert in modern Russian language and culture among the foreigners, Pantheon Sorbonne, City of Paris, France

KRISTELL KUMBRUCK

Doctor of Psychology, Professor of Higher School, City of Osnabrück, Germany

PYOTR SYARGEYEVICH LYAMESHCHANKA

Doctor of economic sciences, Professor, Belarusian State University, City of Minsk, Belarus

VIKTOR MYKOLAYOVICH TARASEVYCH

Doctor of economic sciences, Professor, Metallurgic Academy of the Nation of the Ukraine, City of Dnipropetrovsk, the Ukraine

GERT STRASSER

Candidate of philosophic sciences, Professor of Higher School, City of Darmstadt, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

- 8 Ширяев К.Е.**
Об интегральной разделенности функций
- 10 Марголина Н.Л.**
О формулах показателей равномерной устойчивости линейных систем дифференциальных уравнений
- 12 Секванов В.С.**
О модифицированных преобразованиях Эно
- 20 Кирпичников А.П., Титовцев А.С.**
Открытые системы дифференцированного обслуживания поликомпонентных потоков
- 24 Свиридов А.В., Акаев О.П.**
Получение из торфа жидкого комплексного нитрогуминового удобрения
- 26 Исаева Г.А., Исаев П.П.**
Химическая топология в прогнозировании биологической активности местных анестетиков
- 31 Шульгина Т.А., Нечаева О.В.**
Анализ эффективности действия нанопрепаратов в составе водных растворов на биологическую активность грамотрицательных и грамположительных микроорганизмов
- 36 Кузьмичев В.В., Кузьмин А.Ф., Стрелец Б.М., Стакина М.Н.**
Динамика физиологических показателей поджелудочной железы в норме и патологии
- 41 Коваленко И.Н.**
Биоразнообразие растений нижних ярусов лесных экосистем как предпосылка их устойчивости
- 45 Немчинова А.В., Криницын И.Г., Смирнова Л.А.**
Биометрические особенности биоморф плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum* L.) в онтогенезе

ИСТОРИЯ

- 49 Кабатов С.А.**
Семантика зооморфных украшений сельского населения Костромского Поволжья
- 53 Абанин А.В.**
Фактор личности в восстании И.И. Болотникова: князь Григорий Петрович Шаховской
- 55 Чернецова С.Б.**
Редкие типы деревенских часовен в Верхнем Поволжье
- 59 Жукова Д.Д.**
Система взаимодействия владимирских губернаторов с органами полиции во второй половине XIX века
- 62 Новичкова Н.Ю.**
Основные факторы пожарной опасности в российских городах во второй половине XIX века
- 65 Бушуйев И.А.**
Транспортная система Костромы и Ярославля на рубеже XIX–XX веков в повседневной жизни губернских центров
- 69 Данилов А.В.**
Проекты строительства трамвая в Ессентуках в начале XX века
- 71 Леонов Д.Е.**
Православное духовенство на страницах сатирических журналов периода первой российской революции (по материалам Ярославской губернии)
- 75 Кочешков Г.Н.**
Марксистская концепция русского исторического процесса в трудах М.Н. Покровского
- 79 Абовян Е.Н.**
Партизанская борьба с оккупантами на Брянщине в период с ноября 1941 по май 1942 года

CONTENTS

NATURAL SCIENCE

- 8 K.Ye. Shiryayev**
On functions' integral separatedness
- 10 N.L. Margolina**
On the formulas of indices of uniform stability of linear systems of differential equations
- 12 V.S. Sekovanov**
On Hénon modified maps
- 20 A.P. Kirpichnikov, A.S. Titovtsev**
Open systems of poly-component flow differentiated service
- 24 A.V. Sviridov, O.P. Akayev**
Liquid complex nitrohumic fertilizer resulting from peat
- 26 G.A. Isayeva, P.P. Isayev**
Chemical topology in local anesthetics biological activity prediction
- 31 T.A. Shul'gina, Ol'ga V. Nechayeva**
Performance analysis of action of nanopreparations into the composition of aqueous solution on biological activity of gram-negative and gram-positive microbes
- 36 V.V. Kuz'michyov, A.F. Kuz'min, B.M. Strelets, M.N. Stakina**
Pancreas physiologic indices dynamics in health and disease
- 41 I.M. Kovalenko**
Biodiversity of understorey plants of the forest ecosystems as a precondition for their sustainability
- 45 A.V. Nemchinova, I.G. Krinitsyn, L.A. Smirnova**
Stag's-horn clubmoss (*Lycopodium clavatum* L.) biomorphs biometric peculiarities in the ontogeny

HISTORY

- 49 S.A. Kabatov**
Kostroma Region rural population zoomorphic decorations semantics
- 53 A.V. Abanin**
Prince Grigoriy Petrovich Shakhovskoy. Personality factor in the uprising of Bolotnikov Rebellion during the Russian Time of Troubles
- 55 S.B. Chernetsova**
Rare types of rustic chapels in the Upper Povolzhye
- 59 D.D. Zhukova**
The system of interaction between Vladimir Province governors and police agencies in the second half of the 19th century
- 62 N.Yu. Novichkova**
The main factors of Fire hazard in Russian cities of the second half of 19th century
- 65 I.A. Bushuyev**
The transport system of Kostroma and Yaroslavl in the late 19th – early 20th centuries in the everyday life of the provincial centers
- 69 A.V. Danilov**
Projects of tram constructing in Yessentuki in the early 20th century
- 71 D.Ye. Leonov**
Orthodox clergy on the pages of satiric magazines of the Revolution of 1905 period (on the materials of Yaroslavl Province)
- 75 G.N. Kocheshkov**
Marxist conception of the Russian historical process in the works of Mikhail Pokrovsky
- 79 Ye.N. Abovyan**
The partisans' struggle with the Axis occupants in the vicinity of Bryansk in the period from November 1941 to May 1942

- 82 Лапин Д.Л.**
Деятельность Костромского отделения РСМ по патриотическому воспитанию и изучению истории Костромской области на рубеже XX–XXI веков
- 85 Серый Н.И.**
Анализ нормативно-правовой базы сотрудничества Российской Федерации и Республики Южная Осетия в военно-политическом направлении (2008–2010 гг.)

ЭКОНОМИКА

- 89 Чекмарев Вл.В.**
Синергетический аспект экономики нововведений в процессах обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов
- 94 Брагина З.В., Пономаренко Е.В.**
Экономический патриотизм как управленческий ресурс
- 99 Завьялов Ф.Н., Козырева А.М.**
Сельское хозяйство в условиях членства России в ВТО: проблемы и решения
- 104 Козырева А.М.**
Оценка конкурентных преимуществ льняной подотрасли зарубежных стран
- 108 Пищулин О.В.**
Цели, объекты и субъекты общественного контроля

ФИЛОСОФИЯ

- 111 Ерахтин А.В.**
Онтология и трансцендентальная метафизика Иммануила Канта
- 115 Сизова Н.Е.**
Церковь и государство у С.Н. Булгакова
- 118 Семенюк А.П.**
Гносеологическая проблематика в трактате «О понимании» В.В. Розанова
- 121 Павлюченков Н.Н.**
К вопросу о единстве религиозно-философского наследия П.А. Флоренского
- 125 Равочкин Н.Н.**
Философские взгляды на идеологию в социально-исторической ретроспективе XX столетия

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 129 Налетова Т.Б.**
Традиции древнерусской литературы и христианские мотивы в раннем творчестве Н.В. Гоголя
- 133 Патроева Н.В.**
Лермонтовские зачины: строфика, метрика и синтаксис
- 137 Лебедев А.А.**
Антитеза в поэтическом творчестве П.А. Вяземского
- 140 Мураткина Е.Л.**
«Лес» А.Н. Островского и «Вишневый сад» А.П. Чехова: художественные переклички и композиционные соответствия
- 143 Морозов Н.Г.**
Сюжетный след «Жития» Серафима Саровского в рассказе Б.К. Зайцева «Священник Кронид»
- 145 Рыжакова Т.И.**
Жанровое своеобразие малой прозы Ивана Бунина 1917–1953 гг.
- 148 Дмитриенко О.А.**
Сюжет крестной мистерии в интермедийной интерпретации (на материале романа Набокова «Приглашение на казнь»)
- 151 Морозова М.Х.**
Стихия огня в романе М. Пришвина «Осударева дорога»

- 82 D.L. Lapin**
Activities of Kostroma office of Russian youth's council on patriotic education and study of history of Kostroma Region in the 20th – 21st centuries
- 85 N.I. Seryy**
Analysis of regulatory and legal framework for Russia – South Ossetia military and political cooperation

ECONOMY

- 89 V.I. Chekmaryov**
Synergistic aspects economy innovations in the process of economic security of economic units
- 94 Z.V. Bragina, Ye.V. Ponomarenko**
Economic patriotism as managerial resource
- 99 F.N. Zav'yalov, A.M. Kozyreva**
Agriculture in the conditions of Russia's participation in the WTO: problems and decisions
- 104 A.M. Kozyreva**
Assessing the competitive advantages of foreign countries of flax subindustry
- 108 O.V. Pishchulin**
Purpose, object and subject of public control

PHILOSOPHY

- 111 A.V. Yerakhtin**
Kant's ontology and transcendental metaphysics
- 115 N.Ye. Sizova**
The church and the state according to Sergei Bulgakov
- 118 A.P. Semenyuk**
Gnoseological problematic in Vasily Rozanov's treatise «Of Comprehension»
- 121 N.N. Pavlyuchenkov**
On the issue of unity of religious and philosophical heritage of Pavel Florensky
- 125 N.N. Ravochkin**
Philosophical views on ideology in the socio-historical retrospective of the 20th century

SCIENCE OF LITERATURE

- 129 T.B. Nalyotova**
Traditions of Old Russian literature and Christian motifs in Nikolai Gogol's early works
- 133 N.V. Patroyeva**
Mikhail Lermontov's introductions: stanzaic prosody, metrics and syntax
- 137 A.A. Lebedev**
Antithesis in poetic works of Pyotr Vyazemsky
- 140 Ye.L. Muratkina**
«The Forest» by Alexander Ostrovsky and «The Cherry Orchard» by Anton Chekhov: artistic consonances and compositional correspondences
- 143 N.G. Morozov**
Subject trace of «Life of Saint Seraphim» of Sarov in Boris Zaytsev's short story «Priest Kronid»
- 145 T.I. Ryzhakova**
Genre specifics of short prose by Ivan Bunin of 1917–1953
- 148 O.A. Dmitriyenko**
Mystery of the cross in interlude interpretation (based on Vladimir Nabokov's novel «Invitation to a Beheading», 1938)
- 151 M.Kh. Morozova**
The element of fire in the novel «Sovereign's Road» by Mikhail Prishvin

ЛИНГВИСТИКА

155 Юдина Т.М.

О способах номинации некоторых терминов кузнечного дела (на материале горнозаводской деловой письменности начала XVIII века)

158 Фокина М.А.

Язык и стиль застольных речей А.Н. Островского

161 Колышкина Т.Б., Шустина И.В.

Слова категории состояния как средство отражения негативной базовой мотивации потребителей в рекламном тексте

165 Волкова Е.Б.

Структурно-семантические качества местоименно-союзных соотносительных конструкций в математических текстах

167 Михайлова Л.П.

Обудоха (поиск этимологии загадочного русского слова в лингвистическом пространстве Карелии)

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

172 Романовская В.Б., Романовская Л.Р.

Религия и право в политической жизни средневековой Европы

174 Рошин Б.Е.

Первая Международная конференция труда: основные результаты нормотворчества (к 95-летию создания Международной организации труда)

178 Романовская В.Б., Пужаев В.В.

Правовой режим как общетеоретическая категория: проблемные аспекты понимания

182 Ивкова А.В.

Анализ прокурором состояния законности при противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

186 Протасова С.В.

Формирование культурно-просветительских компетенций магистров

189 Сидакова Н.В.

Качество иноязычного обучения – важнейший системообразующий фактор высшего образования

193 Поляков Е.А., Сучков Е.А.

Практические аспекты создания и применения дистанционных технологий при обучении госслужащих

198 Баранов А.Н.

Педагогическое обеспечение интеграции процессов воспитания и самовоспитания студентов технического вуза

ПОЛИТОЛОГИЯ

202 Зайцев А.В.

От институционализации диалога государства и гражданского общества к диалогической модели демократии (теоретико-методологический аспект)

210 Ковалева С.В., Степанищенко О.В.

Совершенствование Конституции РФ: к постановке проблемы

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

213 Челышев П.В.

Человек античной мифологии: природа героя и личный выбор судьбы

216 Портнова И.В.

Анималистика в отечественном искусстве XVIII–XX веков: проблема границ жанра

LINGUISTICS

155 T.M. Yudina

On the methods of nomination of certain terms of blacksmith's work (on the material of mining business writing of the early 18th century)

158 M.A. Fokina

Language and style of Alexander Ostrovsky's solemn dinner speeches

161 T.B. Kolyshkina, I.V. Shustina

Words of category of status as a means of reflection of customers' negative motivation in advertising text

165 Ye.B. Volkova

Structural and semantic qualities of pronominal conjunctive relative constructions in mathematical texts

167 L.P. Mikhaylova

Obudoxa (search for the etymology of the mysterious Russian word in the linguistic space of Karelia)

JURISPRUDENCE

172 V.B. Romanovskaya, L.R. Romanovskaya

Religion and law in the political life of medieval Europe

174 B.Ye. Roshchin

The first International Labour Conference: rule-making main results (commemorating the 95th anniversary of International Labour Organization)

178 V.B. Romanovskaya, V.V. Puzhayev

Legal regime as a general theoretic category: problematic aspects of understanding

182 A.V. Ivkova

The public prosecutor's analysis of condition of legality at counteraction of legalization (laundering) of income gained by criminal way and to terrorism financing in the bank sphere

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

186 S.V. Protasova

The formation of cultural and educational Master's competences

189 N.V. Sidakova

The quality of foreign teaching is the most important system-forming factor in higher education

193 Ye.A. Polyakov, Ye.A. Suchkov

Practical aspects of creating and use of distant technologies in the training of civil servants

198 A.N. Baranov

The pedagogic support of upbringing and self-upbringing processes integration at a technical higher educational institution

POLITICAL SCIENCE

202 A.V. Zaytsev

From institutionalization of the dialogue between state and civil society to democracy dialogic model (theoretic and methodological aspect)

210 S.V. Kovalyova, O.V. Stepanishchenko

Betterment of the Constitution of the Russian Federation: contributing to problem statement

SCIENCE OF CULTURE

213 P.V. Chelyshev

Person of ancient mythology: nature of hero and fate personal choice

216 I.V. Portnova

Animals in the domestic arts of the 18th–20th centuries. The boundaries of the genre

219 Головань Е.В.

Научно-популярная литература для детей и юношества второй половины XIX – начала XX веков как отражение «духа времени» (по материалам каталогов библиотеки Н.А. Сунгурова (бывшей Е.Ф. Олоховой) в Костроме (1898–1904))

222 Шигабетдинова Г.М.

Культура рефлексивного партнёрства в контексте срединной культуры

226 Иванов Д.И.

Инструментальная база рок-композиции как способ активизации системы русских национальных концептуальных кодов в структуре синтетической языковой личности

229 SUMMARY

237 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

219 Ye.V. Golovan'

On the publications of popular science books for children and young people (the second half of the XIX – the early XX centuries). According to the materials of Sungurov's library catalogs (former Olokhov's library) in Kostroma (1898–1904)

222 G.M. Shigabetdinova

The culture of reflexive partnership in the context of the median culture

226 D.I. Ivanov

Instrumental base of a rock song as a way of activating the system of Russian national conceptual codes in the synthetic lingual personality structure

229 SUMMARY

237 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ОБ ИНТЕГРАЛЬНОЙ РАЗДЕЛЕННОСТИ ФУНКЦИЙ

Статья содержит анализ некоторых интегральных свойств функций (разделенность, близость, равенство) и приложение этих свойств к доказательству равенства центрального и центрального стекловского показателей семейства функций.

Ключевые слова: интегральная разделенность, интегральная близость, интегральное равенство, верхняя функция, центральный показатель.

Определение 1. Интегральным средним (в дальнейшем – просто средним) функции $f(t)$, определенной на положительной полуоси, назовем

$$\bar{f} = \lim_{t \rightarrow +\infty} \frac{1}{t} \int_0^t f(\tau) d\tau.$$

Определение 2. Стекловским усреднением шага H функции $f(t)$ назовем функцию

$$f^H(t) = \frac{1}{H} \int_t^{t+H} f(\tau) d\tau.$$

Определение 3. Пусть $\{p_x(t)\}$ – семейство непрерывных ограниченных на действительной положительной полуоси функций, непрерывно зависящих от параметра x из некоторого компакта K . Верхней функцией семейства $\{p_x(t)\}$ назовем ограниченную измеримую на действительной положительной полуоси функцию $R(t)$, удовлетворяющую условию

$$\int_S^t p_x(\tau) d\tau \leq D_{R,\varepsilon} + \int_S^t (R(\tau) + \varepsilon) d\tau,$$

выполняющемуся для всех функций семейства

$\{p_x(t)\}$ при любых $t \geq S$.

Определение 4 [1, с. 115]. Центральным показателем Ω семейства функций $\{p_x(t)\}$ назовем число $\Omega = \inf_{R(t)} \bar{R}$, где точная нижняя грань берется

по всем верхним функциям $R(t)$.

Определение 5 [1, с. 116]. Центральным стекловским показателем Ω_S того же семейства назовем величину $\Omega_S = \inf_{H>0} \overline{p^H}$, где

$$\overline{p^H} = \lim_{t \rightarrow +\infty} \frac{1}{t} \int_0^t p^H(\tau) d\tau.$$

Заметим, что в силу ограниченности и непрерывности по оси x семейства $\{p_x(t)\}$ функция $p^H(t)$ существует, ограничена и измерима.

Определение 6 [1, с. 541]. Пусть даны функции $p_1(t)$ и $p_2(t)$. Скажем, что они

$$1) \text{ интегрально неравны } p_2(t) - p_1(t) \geq \varepsilon,$$

$$2) \text{ интегрально разделены } p_2(t) - p_1(t) \geq \varepsilon > 0, \text{ или}$$

$$3) \text{ интегрально близки } p_2(t) = p_1(t), \text{ если выполнено соответствующее условие:}$$

$$1) \int_S^t (p_2(\tau) - p_1(\tau)) d\tau > -\varepsilon(t - S) - D_\varepsilon \text{ для}$$

любых $t \geq S$,

$$2) \int_S^t (p_2(\tau) - p_1(\tau)) d\tau > (a - \varepsilon)(t - S) - D_\varepsilon \text{ для}$$

любых $t \geq S$,

$$3) \left| \int_S^t (p_2(\tau) - p_1(\tau)) d\tau \right| < \varepsilon(t - S) + D_\varepsilon \text{ для всех}$$

t и S .

Если эти неравенства справедливы и при $\varepsilon=0$, то будем записывать соответственно

$$1) p_2(t) - p_1(t) \geq 0,$$

$$2) p_2(t) - p_1(t) \geq a > 0,$$

$$3) p_2(t) = p_1(t).$$

В последнем случае будем говорить об интегральном равенстве функций $p_1(t)$ и $p_2(t)$.

Лемма 1. Стекловское усреднение функции $p(t)$ интегрально равно самой функции.

Доказательство. В самом деле

$$\int_S^t p^H(\tau) d\tau = \frac{1}{H} \int_S^t d\tau \int_\tau^{\tau+H} p(y) dy =$$

$$= \frac{1}{H} \int_S^t p(y) dy \int_{y-H}^y d\tau + I(t) - I(S) =$$

$$= \int_S^t p(y) dy + I(t) - I(S),$$

$$\text{где } I(\alpha) = \frac{1}{H} \int_\alpha^{\alpha+H} p(y) dy \int_{y-H}^\alpha dx.$$

Заметим, что если $|p(t)| \leq M$, то $|I_\alpha| \leq \frac{MH}{2}$, и, таким образом,

$$\left| \int_S^t p^H(\tau) d\tau - \int_S^t p(\tau) d\tau \right| \leq |I(t) - I(S)| \leq MH.$$

Положив $D_0 = MH + 1$, имеем, что

$$\left| \int_S^t (p^H(\tau) - p(\tau)) d\tau \right| \leq D_0, \text{ т.е. } p^H(t) \overset{0}{=} p(t).$$

Лемма 1 доказана.

Следствие леммы 1. Среднее функции равно среднему ее стекловского усреднения.

Лемма 2. Если $p_1(t)$ интегрально меньше $p_2(t)$, то для любого $\varepsilon_1 > 0$ существует $H_0 > 0$, такое, что для любого $H > H_0$ выполнено $p_1^H(t) < p_2^H(t) + \varepsilon_1$.

Доказательство. Из интегрального неравенства следует, что для любого $\varepsilon > 0$ существует $D_\varepsilon > 0$, такая, что для любых $t \geq S$ справедлива оценка $\int_S^t (p d\tau) - p_1 \tau > -\varepsilon(t - S) - D_\varepsilon$ и, значит,

$$\int_S^{t+H} (p_2(\tau) - p_1(\tau)) d\tau > -\varepsilon H - D_\varepsilon.$$

$$\text{Откуда} \quad \frac{1}{H} \int_S^{t+H} (p_2(\tau) - p_1(\tau)) d\tau > -\varepsilon - \frac{D_\varepsilon}{H},$$

откуда положив $\varepsilon_1 = 2\varepsilon$ и $H_0 > \frac{D_\varepsilon}{\varepsilon}$, имеем

$$\begin{aligned} p_2^H(t) - p_1^H(t) &= \frac{1}{H} \int_S^{t+H} (p_2(\tau) - p_1(\tau)) d\tau > \\ &> -\varepsilon - \frac{D_\varepsilon}{H} > -\varepsilon - \frac{D_\varepsilon}{H_0} > -2\varepsilon = -\varepsilon_1 \end{aligned}$$

Лемма 2 доказана.

Следствие леммы 2. Если $p_2(t) \leq p_1(t)$, то для любого $\varepsilon_1 > 0$ существует $H_0 > 0$, такое, что для любого $H > H_0$ выполнено

$$p_2^H(t) \leq p_1^H(t) + \varepsilon_1.$$

Доказательства следующих лемм следуют из определений и потому здесь не приводятся. Желательные могут доказать эти леммы в качестве упражнения.

Лемма 3. Если $p_1(t) \leq p_2(t)$, то $\overline{p_1} \leq \overline{p_2}$.

Лемма 4. Если $p_1(t) = p_2(t)$, то $\overline{p_1} = \overline{p_2}$,

откуда $\overline{p_1} \leq \overline{p_2}$.

Лемма 5. Если $p_1(t) \leq p_2(t) \leq p_3(t)$, то $\overline{p_1} \leq \overline{p_3}$.

Утверждение. Для семейства функций $\{p_x(t)\}$ из определения 3 центральный показатель Ω совпадает с центральным стекловским Ω_S , т.е. $\Omega = \Omega_S = \lim_{H \rightarrow +\infty} \overline{p}^H$, причем указанный предел существует.

Доказательство. Для любого положительного H функция $p^H(t)$ является верхней для семейства $\{p_x(t)\}$. В самом деле, для любой $p_x(t)$ по лемме 1

$$p_x(t) = p_x^0(t), \text{ откуда по лемме 4 } p_x(t) \leq p_x^H(t).$$

$$\text{Но } p_x^H(t) \leq \max_{x \in K} p_x^H(t) = p^H(t).$$

По лемме 5 $p_x(t) \leq p^H(t)$, что доказывает принадлежность $p_H(t)$ классу верхних функций.

Из доказанного следует, что точная нижняя грань по всему классу верхних функций не превосходит точной нижней грани по всем $p_H(t)$.

$$\inf_{R(t)} \overline{R} \leq \inf_{p^H(t)} \overline{p}^H, \text{ т.е. } \Omega \leq \Omega_S. \quad (1)$$

Для доказательства обратного неравенства заметим, что из того, что $\Omega = \inf_{R(t)} \overline{R}$ следует, что для

любого ε_1 всегда найдется такая верхняя функция $R_1(t)$, что

$$\overline{R_1} < \Omega + \frac{\varepsilon_1}{2}. \quad (2)$$

Так как $R_1(t)$ – верхняя, то $p_x(t) \leq R_1(t)$ для всякой $p_x(t)$. Отсюда по следствию к лемме 2 для любого ε_1 найдется такое H_0 , что для любых

$$H > H_0 \text{ выполнено } p_x^H(t) \leq R_1^H(t) + \frac{\varepsilon_1}{2} \text{ для всех } p_x(t).$$

Но тогда по лемме 3 $\overline{p}^H \leq \overline{R_1^H} + \frac{\varepsilon_1}{2}$ и по следствию к лемме 1 $\overline{R_1^H} = \overline{R_1}$, значит, $\overline{p}^H \leq \overline{R_1} + \frac{\varepsilon_1}{2}$.

Учитывая неравенство (2) $\overline{p}^H \leq \Omega + \varepsilon_1$.

Переходя в этом неравенстве к верхнему и нижнему пределам при $H \rightarrow +\infty$, получим, что $\lim_{H \rightarrow +\infty} \overline{p}^H \leq \lim_{H \rightarrow +\infty} \overline{p}^H \leq \Omega + \varepsilon_1$.

Исходя из того, что нижний предел не превосходит точной нижней грани, и учитывая (1), получим

$$\Omega \leq \Omega_S = \inf_H \overline{p}^H \leq \lim_{H \rightarrow +\infty} \overline{p}^H \leq \lim_{H \rightarrow +\infty} \overline{p}^H \leq \Omega + \varepsilon_1.$$

В силу произвольности ε_1 $\Omega = \Omega_S$, причем $\lim_{H \rightarrow +\infty} \overline{p}^H = \lim_{H \rightarrow +\infty} \overline{p}^H$, поэтому существует

$\lim_{H \rightarrow +\infty} \overline{p}^H$ и он совпадает с центральным и центральным стекловским показателями.

Утверждение доказано.

Библиографический список

1. Теория показателей Ляпунова и ее приложения к вопросам устойчивости / Б.Ф. Былов, Р.Э. Виноград, Д.М. Гробман, В.В. Немыцкий. – М.: Наука, 1966. – 576 с.

О ФОРМУЛАХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАВНОМЕРНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИНЕЙНЫХ СИСТЕМ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ УРАВНЕНИЙ

В статье обсуждается несовпадение двух формул показателей в случае системы с неограниченной правой частью.

Ключевые слова: качественная теория дифференциальных уравнений, показатель Ляпунова, устойчивость, равномерная устойчивость.

Будем рассматривать линейную однородную систему дифференциальных уравнений

$$x' = A(t)x, \quad (1)$$

где $x: \mathbb{R}^+ \rightarrow \mathbb{R}^n$ – неизвестный вектор-столбец:

$$x(t) = \begin{pmatrix} x_1(t) \\ x_2(t) \\ \vdots \\ x_n(t) \end{pmatrix},$$

$A(t): \mathbb{R}^+ \rightarrow \text{End } \mathbb{R}^n$ – функциональная матрица с непрерывными или кусочно-непрерывными коэффициентами:

$$A(t) = \begin{pmatrix} a_{11}(t) & a_{12}(t) & \cdots & a_{1n}(t) \\ a_{21}(t) & a_{22}(t) & \cdots & a_{2n}(t) \\ \vdots & \vdots & & \vdots \\ a_{n1}(t) & a_{n2}(t) & \cdots & a_{nn}(t) \end{pmatrix}.$$

Оператор Коши системы (1) будем обозначать $X_A(t, S)$.

Для исследования вопросов, связанных с асимптотическим поведением решений дифференциальных уравнений, А.М. Ляпуновым [4] было введено понятие показателя. Развитие теории линейных систем привело к созданию целого ряда показателей. Один из показателей, служащих для оценки оператора Коши, был введен П. Болем в 1913 году под названием индекса [1]. Позднее этот показатель был независимо получен К.П. Персидским и назван особым [3, с. 211].

В [2, с. 103] особый показатель системы (1) называется верхним особым числом и обозначается Ω^0 . Там же приведены три способа его определения для систем вида (1) с интегрально ограниченной матрицей коэффициентов, то есть такой, для которой выполняется

$$\sup_{t \geq 0} \int_t^{t+1} \|A(s)\| ds \leq M,$$

где M – некоторая постоянная [2, с. 252].

В статье будет обсуждаться определение верхнего особого числа методом стекловских усреднений [2, с. 115]:

$$\begin{aligned} \Omega^0 &= \inf_{H>0} \left(\frac{1}{H} \ln \sup_{t \geq 0} \|X_A(t+H, t)\| \right) = \\ &= \lim_{H>0} \left(\frac{1}{H} \ln \sup_{t \geq 0} \|X_A(t+H, t)\| \right) \end{aligned}$$

Авторами [2, с. 103–117] доказана возможность замены знака \inf на \lim для систем с интегрально ограниченными коэффициентами.

Во всех дальнейших рассуждениях будет рассматриваться система (1), матрица коэффициентов которой интегрально не ограничена. В этом случае равенство для верхнего особого числа может нарушаться, поэтому становится необходимым закрепить за конкретными формулами прежние обозначения или ввести новые.

Определение 1 [2, с. 115]. Показателем Боля системы (1) назовем

$$\beta(A) = \overline{\lim}_{H>0} \left(\frac{1}{H} \ln \sup_{t \geq 0} \|X_A(t+H, t)\| \right).$$

Определение 2 [2, с. 115]. Верхним особым показателем системы (1) назовем

$$\Omega^0(A) = \inf_{H>0} \left(\frac{1}{H} \ln \sup_{t \geq 0} \|X_A(t+H, t)\| \right).$$

Утверждение. Для любой размерности n существуют системы вида (1), для которых $\beta(A) > \Omega^0(A)$.

Доказательство.

При $n=1$ вычислим показатели системы

$$x' = a(t)x, \quad (2)$$

где $a(t) = t \sin t$.

В одномерном случае оператор Коши линейной системы имеет вид $X_a(t, s) = e^{\int_s^t a(s) ds}$.

Подставляя в формулу показателя Боля и используя определение логарифма, имеем

$$\begin{aligned} \beta(a) &= \overline{\lim}_{H>0} \left(\frac{1}{H} \ln \sup_{t \geq 0} \|X_a(t+H, t)\| \right) = \\ &= \overline{\lim}_{H>0} \left(\frac{1}{H} \sup_{t \geq 0} \int_t^{t+H} a(s) ds \right). \end{aligned}$$

Тогда

$$\beta(a) = \overline{\lim}_{H>0} \left(\frac{1}{H} \sup_{t \geq 0} \int_t^{t+H} a(s) ds \right) \geq$$

$$\begin{aligned}
 &\geq \lim_{\substack{t=2\pi k^2 \\ H=\pi+2\pi k}} \left(\frac{1}{\pi+2\pi k} \int_{2\pi k^2}^{2\pi k^2+\pi+2\pi k} s \sin s ds \right) = \\
 &= \lim_{\substack{t=\pi k^2 \\ H=\pi+2\pi k}} \left(\frac{1}{\pi+2\pi k} (-s \cos s + \sin s) \Big|_{2\pi k^2}^{2\pi k^2+\pi+2\pi k} \right) = \\
 &= \lim_{\substack{t=\pi k^2 \\ H=\pi+2\pi k}} \left(\frac{1}{\pi+2\pi k} \left(-(2\pi k^2 + \pi + 2\pi k) \cos \pi + \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. + 2\pi k^2 \cos 0 \right) \right) = \\
 &= \lim_{\substack{t=\pi k^2 \\ H=\pi+2\pi k}} \frac{4\pi k^2 + \pi + 2\pi k}{\pi + 2\pi k} = +\infty.
 \end{aligned}$$

Первое неравенство в этой цепочке следует из определений верхнего предела и точной верхней грани. Первое равенство получается интегрированием по частям, остальные следуют из свойств тригонометрических функций.

Подставляя в формулу верхнего особого показателя $X_a(t, s) = e^{\int_t^{t+s} a(s) ds}$ и используя определение логарифма, имеем

$$\begin{aligned}
 \Omega^0(A) &= \inf_{H>0} \left(\frac{1}{H} \ln \sup_{t \geq 0} \|X_A(t+H, t)\| \right) = \\
 &= \inf_{H>0} \left(\sup_{t \geq 0} \frac{1}{H} \int_t^{t+H} a(s) ds \right).
 \end{aligned}$$

Так как точная нижняя грань по всем положительным H не превосходит значения при $H = 2\pi$, получаем цепочку.

$$\Omega^0(A) = \inf_{H>0} \left(\sup_{t \geq 0} \frac{1}{H} \int_t^{t+H} a(s) ds \right) \leq$$

$$\begin{aligned}
 &\leq \sup_{t \geq 0} \left(\frac{1}{2\pi} \int_t^{t+2\pi} s \sin s ds \right) = \\
 &= \sup_{t \geq 0} \left(\frac{1}{2\pi} (-s \cos s + \sin s) \Big|_t^{t+2\pi} \right) = \\
 &= \sup_{t \geq 0} \left(\frac{1}{2\pi} \left(-(t+2\pi) \cos(t+2\pi) + \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. + \sin(t+2\pi) + t \cos t - \sin t \right) \right) = \\
 &= \sup_{t \geq 0} \left(\frac{1}{2\pi} \left(-(t+2\pi) \cos t + \sin t + t \cos t - \sin t \right) \right) = \\
 &= \sup_{t \geq 0} \left(\frac{-2\pi \cos t}{2\pi} \right) = -1.
 \end{aligned}$$

Получили $\beta(a) = +\infty$, $\Omega^0(A) \leq -1$.

Построенная система естественным образом обобщается на случай более высокой размерности рассмотрением диагональной системы $x' = a(t)Ex$, где E – единичная матрица.

Библиографический список

1. Боль П. Избранные труды / пер. с нем. – Рига: Издательство АН ЛССР, 1961.
2. Былов Б.Ф., Виноград Р.Э., Гробман Д.М., Немыцкий В.В. Теория показателей Ляпунова и ее приложения к вопросам устойчивости. – М.: Наука, 1966.
3. Далецкий Ю.Л., Крейн М.Г. Устойчивость дифференциальных уравнений в банаховом пространстве. – М.: Наука, 1970.
4. Ляпунов А.М. Общая задача устойчивости движения. – М.; Л.: Гостехиздат, 1966.

О МОДИФИЦИРОВАННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ ЭНО

В статье рассматривается спектр преобразований Эно плоскости; исследуется характер неподвижных точек данных преобразований; рассмотрены их аттракторы при некоторых значениях параметров; указаны методические приемы изучения модифицированного преобразования Эно.

Ключевые слова: нелинейность, аттрактор, неподвижные точки, нелинейное преобразование, преобразование Эно.

Динамические системы находят в настоящее время многочисленные приложения. Например, аттракторы классического двумерного нелинейного преобразования Эно, порождающего дискретную нелинейную динамическую систему, могут использоваться в качестве математических моделей объектов и процессов, происходящих в природе и обществе. Исследованию нелинейных преобразований, построению с их помощью математических моделей и методике их изучения посвящены многочисленные работы (см., например, [1–11]). Изучение аттракторов Эно позволяет, на наш взгляд, развивать креативность обучаемых, устанавливает интеграцию между математикой, программированием и компьютерной графикой.

Как известно, классическое преобразование Эно задается формулой:

$$T \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 - ax^2 + y \\ bx \end{pmatrix}, 0 \leq a \leq 2, |b| < 1 \text{ — и обладает рядом интересных свойств, среди которых:}$$

1) переход к хаосу через удвоение периода T :

(см. рис. 1–3 и [2]).

2) Фрактальная размерность аттрактора равна 1,26 при $a = 1,4, b = 0,3$.

3) При $a = 1,4, b = 0,3$ в системе Эно наблюдаются признаки хаоса.

В данной статье мы рассмотрим серию отображений, исследование которых в научных статьях и монографиях нам не встречалось. Отметим, что в нашем случае обе переменные изменяются по

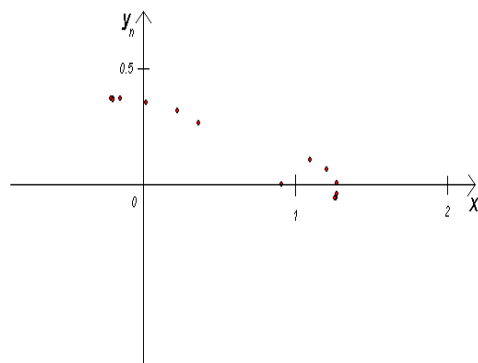
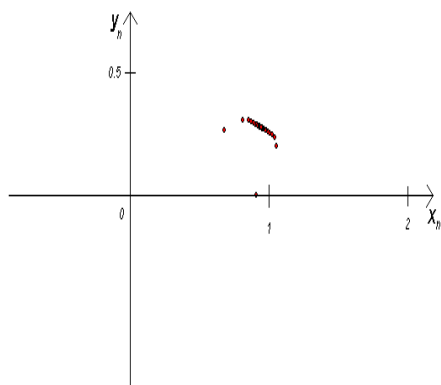

Рис. 1. а) Орбита точки $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ при $a = 0,25, b = 0,3, T=1$; б) Орбита точки $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ при $a = 0,6, b = 0,3, T=2$

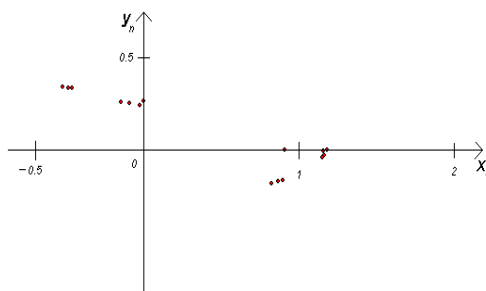

Рис. 2. Орбита точки $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ при $a = 1, b = 0,3, T=4$

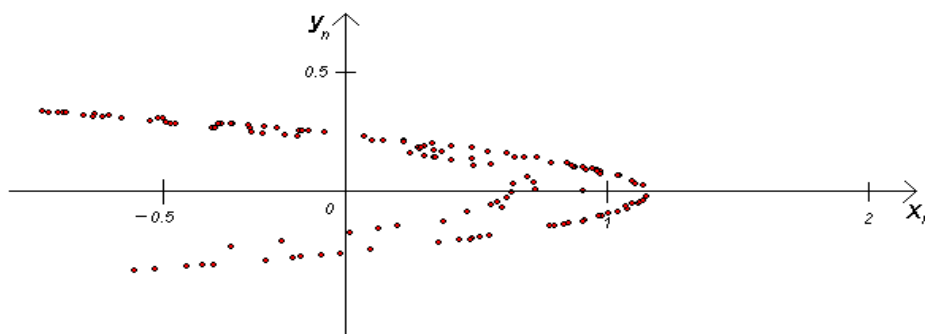

Рис. 3. Признаки хаотичного поведения орбиты точки $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ при $a = 1,4$, $b = 0,3$.

нелинейным законам в отличие от классического случая.

Рассмотрим серию модифицированных отображений Эно:

$$T_n \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 - ax^2 + y^{\frac{1}{n}} \\ bx^n \end{pmatrix}, 0 \leq a \leq 2, |b| < 1, n \in \mathbb{N}.$$

При $n=1$ мы получаем классическое отображение Эно. Проведем исследование данных отображений в общем виде.

Рассмотрим уравнение: $\begin{pmatrix} 1 - ax^2 + y^{\frac{1}{n}} \\ bx^n \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$.
Имеем:

$$\begin{cases} 1 - ax^2 + y^{\frac{1}{n}} = x \\ bx^n = y \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} 1 - ax^2 + b^{\frac{1}{n}}x = x \\ ax^2 + (1 - b^{\frac{1}{n}})x - 1 = 0 \end{cases}.$$

Решая квадратное уравнение, получим:

$$x_{\pm n}^* = \frac{-(1 - b^{\frac{1}{n}}) \pm \sqrt{(1 - b^{\frac{1}{n}})^2 + 4a}}{2a}; y_{1,2}^* = b(x_{1,2}^*)^n.$$

Таким образом, мы имеем две неподвижные точки при каждом значении $n \in \mathbb{N}$.

$$(1) x_{+n}^* = \frac{-(1 - b^{\frac{1}{n}}) + \sqrt{(1 - b^{\frac{1}{n}})^2 + 4a}}{2a}; y_{+n}^* = b(x_{+n}^*)^n$$

$$(2) x_{-n}^* = \frac{-(1 - b^{\frac{1}{n}}) - \sqrt{(1 - b^{\frac{1}{n}})^2 + 4a}}{2a}; y_{-n}^* = b(x_{-n}^*)^n$$

$$a \geq \frac{-(1 - b^{\frac{1}{n}})^2}{4}. \text{ Положим } \alpha_n = 1 - b^{\frac{1}{n}}. \text{ Нетрудно}$$

видеть, что $\alpha_n \in (0, 1)$. Таким образом,

$$(3) x_{+n}^* = \frac{-\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a}; y_{+n}^* = b(x_{+n}^*)^n$$

$$(4) x_{-n}^* = \frac{-\alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a}; y_{-n}^* = b(x_{-n}^*)^n$$

Прежде чем перейти к процессу линеаризации модифицированного преобразования Эно

$$T_n \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 - ax^2 + y^{\frac{1}{n}} \\ bx^n \end{pmatrix}, \text{ положим}$$

$$\begin{pmatrix} x_{n+1} \\ y_{n+1} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \tilde{x} \\ \tilde{y} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 - ax^2 + y^{\frac{1}{n}} \\ bx^n \end{pmatrix}, 0 \leq a \leq 2, |b| < 1, n \in \mathbb{N}.$$

Как известно (см. [2]), элементы матрицы A , задающей линейное отображение, находятся через

$$\text{значения частных производных } A = \begin{pmatrix} \frac{\partial \tilde{x}}{\partial x} & \frac{\partial \tilde{x}}{\partial y} \\ \frac{\partial \tilde{y}}{\partial x} & \frac{\partial \tilde{y}}{\partial y} \end{pmatrix}.$$

В нашем случае мы имеем:

$$A_n = \begin{pmatrix} -2xa & \frac{1}{n}(y)^{\frac{1}{n}-1} \\ nb(x)^{n-1} & 0 \end{pmatrix}.$$

Найдем собственные значения оператора

$$A_n = \begin{pmatrix} -2xa & \frac{1}{n}(y)^{\frac{1}{n}-1} \\ nb(x)^{n-1} & 0 \end{pmatrix}.$$

(Здесь

$$x = x_{+n}^* = \frac{-\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a}; y = y_{+n}^* = b(x_{+n}^*)^n$$

$$x = x_{-n}^* = \frac{-\alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a}; y = y_{-n}^* = b(x_{-n}^*)^n$$

отображения T_n).

$$\text{Из уравнения } \begin{vmatrix} -2ax_{\pm n}^* - \rho & \frac{1}{n}(y_{\pm n}^*)^{\frac{1}{n}-1} \\ bn(x_{\pm n}^*)^{n-1} & -\rho \end{vmatrix} = 0 \text{ име-}$$

ем: $\rho^2 + 2ax_{\pm n}^*\rho - \sqrt[n]{b} = 0$, поскольку

$$\begin{aligned} bn(x_{\pm n}^*)^{n-1} \times \frac{1}{n}(y_{\pm n}^*)^{\frac{1}{n}-1} &= \\ &= bn(x_{\pm n}^*)^{n-1} \times \frac{1}{n}(b \cdot x_{\pm n}^n)^{\frac{1}{n}-1} = b^{\frac{1}{n}} = \sqrt[n]{b}. \end{aligned}$$

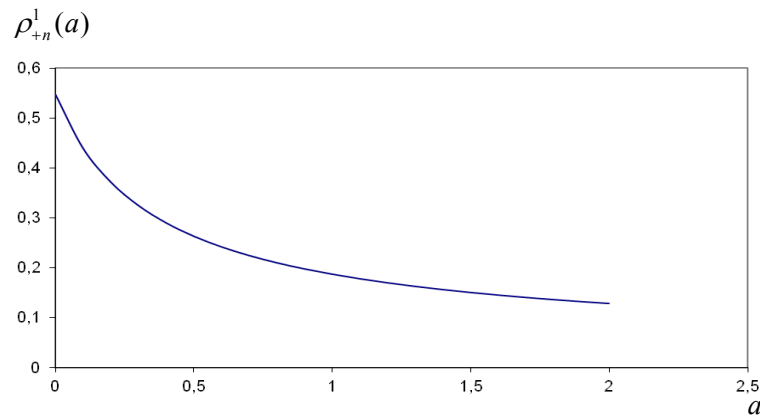
Положим:

$$\rho_{\pm n}^i = \frac{-2ax_{\pm n}^* \pm \sqrt{4a^2 x_{\pm n}^{*2} + 4b}}{2} = -ax_{\pm n}^* \pm \sqrt{a^2 x_{\pm n}^{*2} + b},$$

где $i=1, 2$.

Будем считать, что

$$\rho_{+n}^1 = -ax_{+n}^* + \sqrt{a^2 (x_{+n}^*)^2 + \sqrt[n]{b}},$$

Рис. 4. График функции $\rho_{+n}^1(a)$ на отрезке $[-2; 2]$

$$\rho_{+n}^2 = -ax_{+n}^* - \sqrt{a^2 (x_{+n}^*)^2 + \sqrt[n]{b}},$$

$$\rho_{-n}^1 = -ax_{-n}^* + \sqrt{a^2 (x_{-n}^*)^2 + \sqrt[n]{b}},$$

$$\rho_{-n}^2 = -ax_{-n}^* - \sqrt{a^2 (x_{-n}^*)^2 + \sqrt[n]{b}}.$$

Исследуем на экстремум каждую из полученных выше функций. Рассмотрим сначала функцию $\rho_{+n}^1(a)$. Для этой цели найдем производную функции $\rho_{+n}^1(a)$:

Имеем:

$$\rho_{+n}^1 = -a \frac{-\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a} + \sqrt{a^2 \left(\frac{-\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a} \right)^2 + \sqrt[n]{b}}.$$

Преобразовав последнее выражение, получим:

$$\begin{aligned} (\rho_{+n}^1(a))' &= \left(\frac{\alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2} + \sqrt{\alpha_n^2 - 2\alpha_n \sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}} \right)' = \\ &= -\frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} + \\ &+ \frac{1}{4\sqrt{\alpha_n^2 - 2\alpha_n \sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}} \cdot \\ &\cdot \left(4 - \frac{4 \cdot \alpha_n}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} \right) = -\frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} + \\ &+ \frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 - 2\alpha_n \sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}}. \end{aligned}$$

$$\cdot \left(\frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} - \alpha_n}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} \right) = \frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}.$$

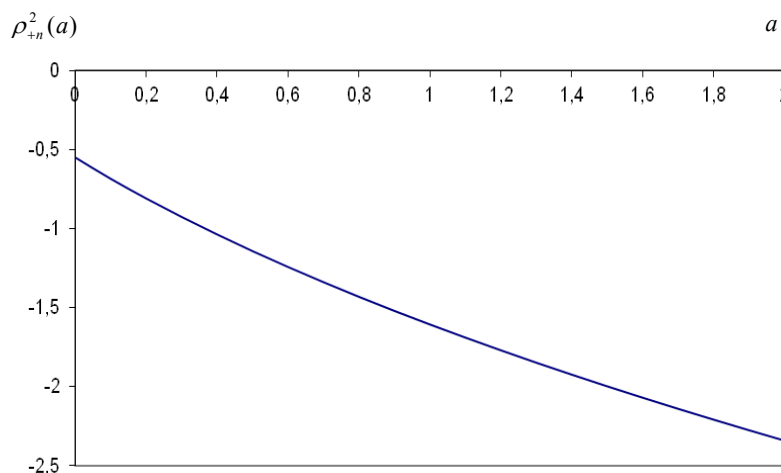
$$\cdot \left(\frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} - \alpha_n}{\sqrt{\alpha_n^2 - 2\alpha_n \sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}} - 1 \right) < 0.$$

Пусть теперь $n=1, a=1, b=0,3$. Тогда: $\lim_{a \rightarrow 0} \rho_{+n}^1(1) \approx 0,20$ (см. рис. 4).

Отметим, что $\rho_{+n}^1(a)$ не превосходит единицы на отрезке $[0; 2]$. Заметим, также, что предел $\lim_{a \rightarrow 0} \rho_{+n}^1(a) \approx \sqrt[n]{b} \approx 0,54 < 1$.

Далее рассмотрим функцию

$$\begin{aligned} \rho_{+n}^2 &= -ax_{+n}^* - \sqrt{a^2 (x_{+n}^*)^2 + \sqrt[n]{b}}: \\ \rho_{+n}^2(a) &= -a \frac{-\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a} - \\ &- \sqrt{a^2 \left(\frac{-\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a} \right)^2 + \sqrt[n]{b}} = \\ &= \frac{\alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2} - \\ &- \sqrt{\frac{\alpha_n^2 - 2\alpha_n \sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}{4}} = \\ &= \frac{\alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2} - \\ &- \frac{\sqrt{\alpha_n^2 - 2\alpha_n \sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}}{2}. \\ (\rho_{+n}^2(a))' &= \left(\frac{\alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2} - \right. \\ &- \left. \frac{\sqrt{\alpha_n^2 - 2\alpha_n \sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}}{2} \right)' = \end{aligned}$$

Рис. 5. График функции $\rho_{+n}^2(a)$ на отрезке $[-2; 2]$.

$$\begin{aligned}
 &= -\frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} - \\
 &\quad - \frac{1}{4\sqrt{\alpha_n^2 - 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}} \cdot \\
 &\quad \cdot \left(4 - \frac{4 \cdot \alpha_n}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}\right) = -\frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} \cdot \\
 &\quad \cdot \frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 - 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}} \cdot \\
 &\quad \cdot \left(\frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} - \alpha_n}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}\right) = -\frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} \cdot \\
 &\quad \cdot \left(\frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} - \alpha_n}{\sqrt{\alpha_n^2 - 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}} + 1\right) < 0.
 \end{aligned}$$

Найдем такое значение a_n , чтобы выполнялось:

$$\rho_{+n}^2(a_n) = -1. \text{ То есть: } -1 = -\alpha_{+n}^* - \sqrt{\alpha_n^2 x_{+n}^{*2} + \sqrt[n]{b}}.$$

Далее имеем: $1 - 2a_n x_{+n}^* + a_n^2 x_{+n}^{*2} = a_n^2 x_{+n}^{*2} + \sqrt[n]{b}$. Проведя несложные преобразования, получим:

$$1 - 2a_n \cdot \frac{-\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a_n}}{2a_n} = \sqrt[n]{b}; \quad 1 + \alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a_n} = \sqrt[n]{b};$$

$$\alpha_n^2 + 4a_n = (1 + \alpha_n - \sqrt[n]{b})^2, \quad a_n = \frac{(1 + \alpha_n - \sqrt[n]{b})^2 - \alpha_n^2}{4}.$$

В классическом случае при $n = 1, b = 0,3, \alpha_1 = 0,7$

$$\text{находим} \quad a_1 = \frac{(1 + 0,7 - 0,3)^2 - 0,49}{4} = 0,3675,$$

что согласуется с результатом, приведенным в [2]. При $n = 2, b = 0,3, \alpha_2 \approx 0,45$,

$$a_2 \approx \frac{(1 + 0,45 - 0,55)^2 - 0,2025}{4} \approx 0,152. \text{ На рисунке 5 мы видим, что при } a > a_n \quad |\rho_{+n}^2(a)| > 1 \text{ (здесь рассмотрим случай } n = 1, b = 0,3, \alpha_1 = 0,7, a_1 = 0,3675).$$

Вывод: система Эно устойчива в окрестности

точки с координатами $\begin{pmatrix} x_{+n}^* \\ y_{+n}^* \end{pmatrix}$,

$$\text{где } x_{+n}^* = \frac{-\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a}; \quad y_{+n}^* = b(x_{+n}^*)^n$$

при $0 < a < a_n$.

Далее исследуем на устойчивость систему Эно в окрестности точки $\begin{pmatrix} x_{-n}^* \\ y_{-n}^* \end{pmatrix}$, где

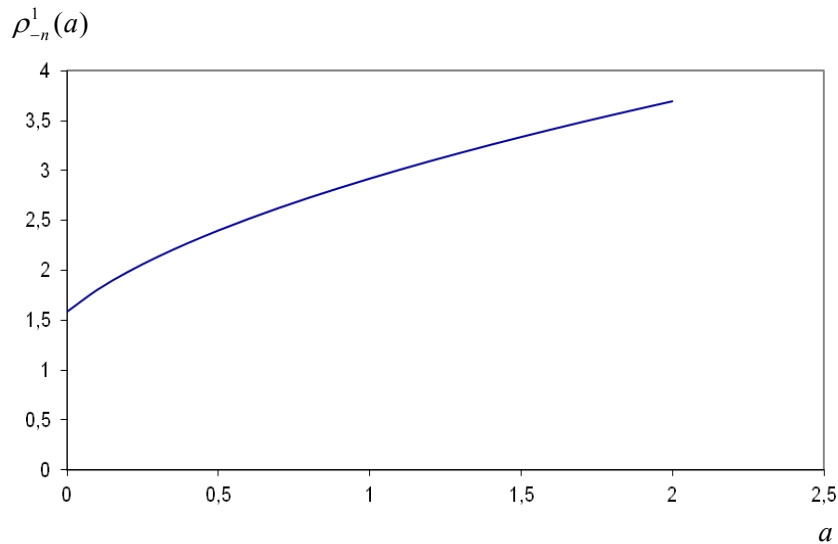
$$x_{-n}^* = \frac{-\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a}; \quad y_{-n}^* = b(x_{-n}^*)^n$$

Имеем:

$$\begin{aligned}
 \rho_{-n}^1(a) &= -a \frac{-\alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a} + \\
 &+ \sqrt{a^2 \left(\frac{-\alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a} \right)^2 + \sqrt[n]{b}} = \\
 &= \frac{\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2} + \\
 &+ \sqrt{\frac{\alpha_n^2 + 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}{4}} = \\
 &= \frac{\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2} + \\
 &+ \frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}}{2}.
 \end{aligned}$$

Заметим, что

$$\begin{aligned}
 \lim_{a \rightarrow 0} \rho_{-n}^1(a) &= \frac{\alpha_n + \alpha_n}{2} + \frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 2\alpha_n^2 + \alpha_n^2 + 4\sqrt[n]{b}}}{2} = \\
 &= \alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + \sqrt[n]{b}} = 1 - \sqrt[n]{b} + \sqrt{(1 - \sqrt[n]{b})^2 + \sqrt[n]{b}} = \\
 &= 1 - \sqrt[n]{b} + \sqrt{1 - \sqrt[n]{b} + \sqrt[n]{b^2}} > 1 - \sqrt[n]{b} + \sqrt[n]{b} = 1 \\
 &\quad (1 - \sqrt[n]{b} + \sqrt[n]{b^2} > \sqrt[n]{b^2}).
 \end{aligned}$$

Рис. 6. График функции $\rho_{-n}^1(a)$ на отрезке $[-2; 2]$

Функция $\rho_{-n}^1(a)$ монотонно возрастает, поскольку возрастает каждое слагаемое. То есть:

$$0 < a_1 < a_2 \Rightarrow \rho_{-n}^1(a_1) < \rho_{-n}^1(a_2)$$

$$\Rightarrow \rho_{-n}^1(a_1) > 1 \quad \forall a_1 \in [0; 2] \quad (\text{рис. 6}).$$

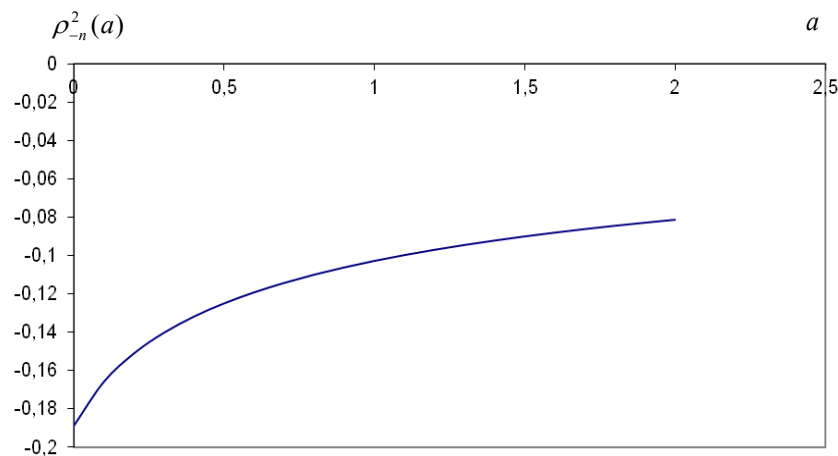
Заметим, что при $n = 1, b = 0,3 \lim_{a \rightarrow 0} \rho_{-n}^1(1) \approx 1,58$.

Исследуем, наконец, функцию $\rho_{-n}^2(a)$. Найдем производную $(\rho_{-n}^2(a))'$. Имеем:

$$\begin{aligned} (\rho_{-n}^2(a))' &= \left(\frac{\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2} - \right. \\ &\quad \left. - \frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[4]{b}}}{2} \right)' = \frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} - \\ &\quad - \frac{1}{4\sqrt{\alpha_n^2 + 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[4]{b}}}. \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} &\cdot \left(4 + \frac{4 \cdot \alpha_n}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} \right) = \frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} - \\ &\quad - \frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[4]{b}}}. \\ &\cdot \left(\frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} \right) = \frac{1}{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a}} \cdot \\ &\cdot \left(1 - \frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n}{\sqrt{\alpha_n^2 + 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[4]{b}}} \right) > 0. \\ \lim_{a \rightarrow 0} \rho_{-n}^2(a) &\approx \alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 2\alpha_n^2 + \alpha_n^2 + 4\sqrt[4]{b}} = \\ &= 1 - \sqrt[4]{b} - \sqrt{(1 - \sqrt[4]{b})^2 + \sqrt[4]{b}}. \end{aligned}$$

Далее имеем:

Рис. 7. График функции $\rho_{-n}^2(a)$ на отрезке $[-2; 2]$.

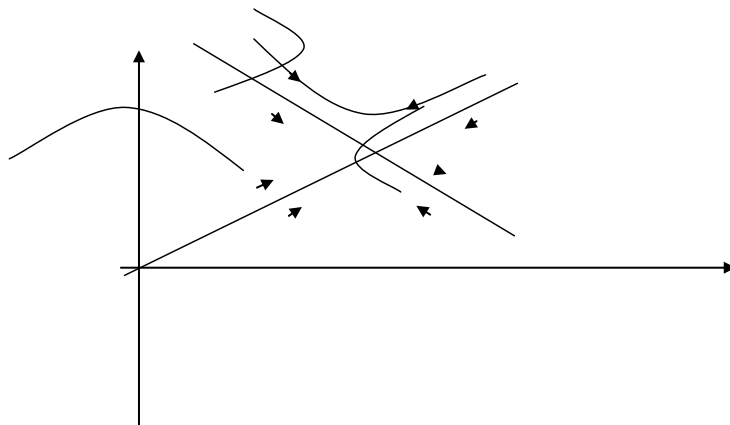

Рис. 8. Устойчивость системы Эно при $[0; a_n]$ в окрестности точки $\begin{pmatrix} x_{+n} \\ y_{+n} \end{pmatrix}$

$$1 - \sqrt[n]{b} - \sqrt{1 - \sqrt[n]{b} + \sqrt[n]{b^2}} > \\ > 1 - \sqrt[n]{b} - \sqrt{1 - \sqrt[n]{b} + \sqrt[n]{b}} > -\sqrt[n]{b} > -1.$$

Покажем, что график функции $\rho_{-n}^2(a)$ не пересекает оси абсцисс Oa . Предположим противное. Тогда

$$\frac{\alpha_n + \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2} - \\ - \frac{\sqrt{\alpha_n^2 + 2\alpha_n\sqrt{\alpha_n^2 + 4a} + \alpha_n^2 + 4a + 4\sqrt[n]{b}}}{2} = 0.$$

Из последнего равенства получаем: $4\sqrt[n]{b} = 0$, что невозможно. Поскольку функция $\rho_{-n}^2(a)$ монотонно возрастает, то $-1 < \rho_{-n}^2(a) < 0$ для каждого $a \in [0; 2]$. Следовательно, $|\rho_{-n}^2(a)| < 1$ и $\forall a \in [0; 2]$.

Отметим, что при $n = 1, b = 0,3$

$$\lim_{a \rightarrow 0} \rho_{-n}^2(a) \approx 0,7 - 0,888 = -0,188 \text{ (рис. 7).}$$

Вывод: Система Эно неустойчива при любом $a \in [0; 2]$ в окрестности точки с координатами

$$\begin{pmatrix} x_{-n}^* \\ y_{-n}^* \end{pmatrix}, \text{ где } x_{-n}^* = \frac{-\alpha_n - \sqrt{\alpha_n^2 + 4a}}{2a}; y_{-n}^* = b(x_{-n}^*)^n.$$

Дадим полученным результатам геометрическую интерпретацию. Заметим, что при $\alpha_n \rightarrow 0, \beta_n \rightarrow 0$ приращение значений отображения T_n выражается в виде:

$$T_n \begin{pmatrix} x_{\pm n}^* + \alpha_n \\ y_{\pm n}^* + \beta_n \end{pmatrix} - T_n \begin{pmatrix} x_{\pm n}^* \\ y_{\pm n}^* \end{pmatrix} = T_n \begin{pmatrix} x_{\pm n}^* + \alpha_n \\ y_{\pm n}^* + \beta_n \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} x_{\pm n}^* \\ y_{\pm n}^* \end{pmatrix} \approx \\ \approx \begin{pmatrix} -2x_{\pm n}^* a & \frac{1}{n}(y_{\pm n}^*)^{\frac{1}{n}-1} \\ nb(x_{\pm n}^*)^{n-1} & 0 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \alpha_n \\ \beta_n \end{pmatrix}.$$

Линейное отображение:

$$\begin{pmatrix} -2x_{+n}^* a & \frac{1}{n}(y_{+n}^*)^{\frac{1}{n}-1} \\ nb(x_{+n}^*)^{n-1} & 0 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \alpha_n \\ \beta_n \end{pmatrix}$$

имеет два собственных вектора \vec{P}_1, \vec{P}_2 . Оно представимо по данным направлениям в виде (рис. 8):

$$A \begin{pmatrix} \alpha_n \\ \beta_n \end{pmatrix} = \rho_{+n}^1 \cdot \vec{P}_1, \quad A \begin{pmatrix} \alpha_n \\ \beta_n \end{pmatrix} = \rho_{+n}^2 \cdot \vec{P}_2.$$

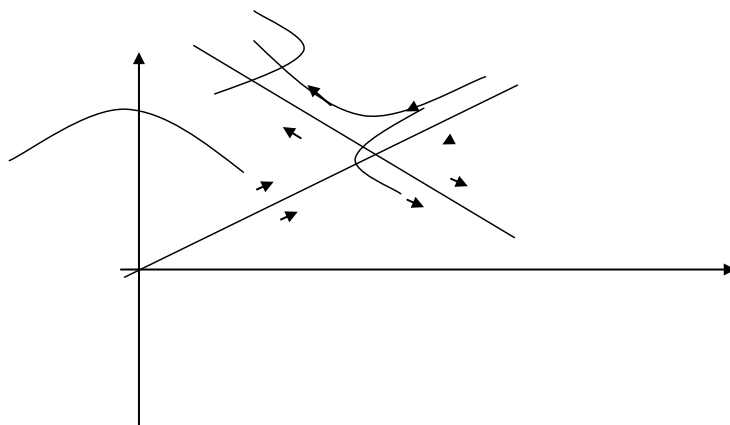

Рис. 9. Неустойчивость системы Эно в окрестности точки $\begin{pmatrix} x_{-n} \\ y_{-n} \end{pmatrix}$

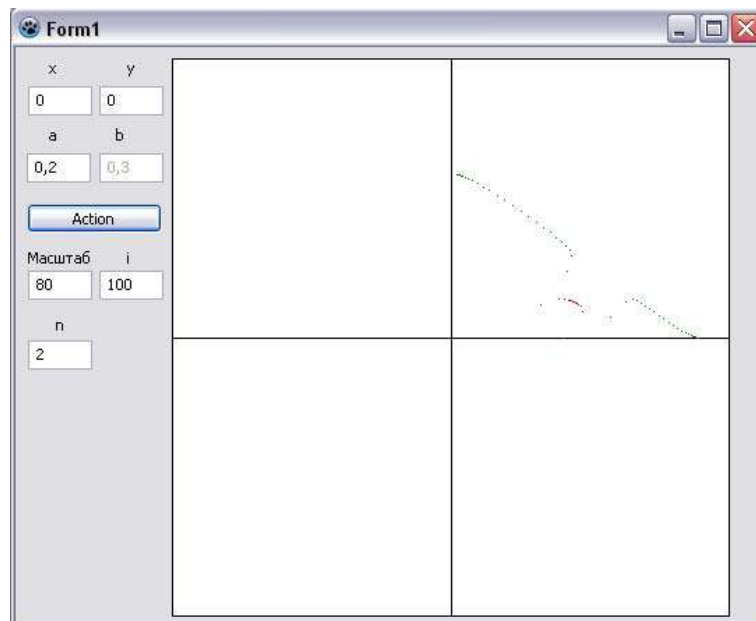

Рис. 10. Орбита точки $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ при $a=0,2$, $b=0,3$

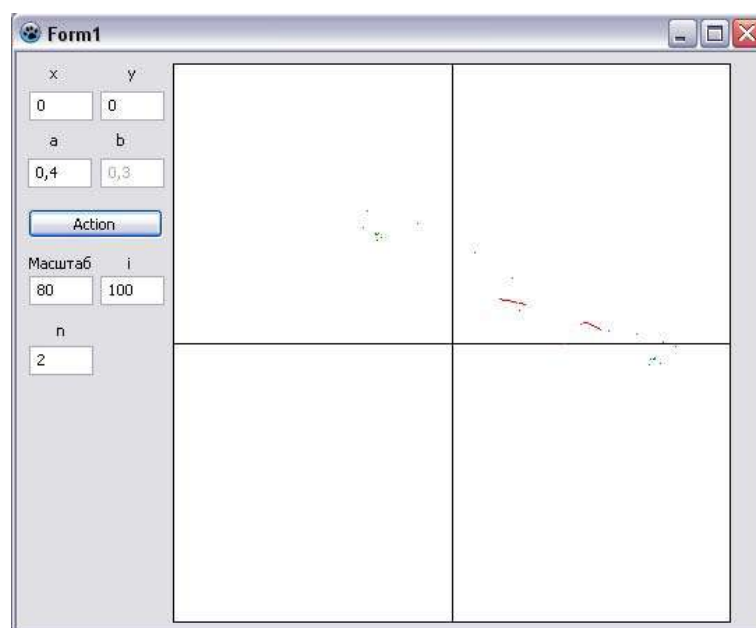

Рис. 11. Орбита точки $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ при $a=0,4$, $b=0,3$

Заметим, что модуль $\rho_{+n}^1(a)$ не превосходит единицы на отрезке $[0; 2]$. При $0 < a < a_n$, $|\rho_{+n}^2(a)| < 1$. Таким образом, при $a \in [0; a_n]$ система устойчива в окрестности неподвижной точки $\begin{pmatrix} x_{+n} \\ y_{+n} \end{pmatrix}$ (оба направления притягивающие, см. рис. 8).

Линейное отображение:

$$\begin{pmatrix} -2x_{-n}^* a & \frac{1}{n}(y_{-n})^{n-1} \\ nb(x_{-n})^{n-1} & 0 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \alpha_n \\ \beta_n \end{pmatrix}$$

имеет два собственных вектора \vec{P}_3, \vec{P}_4 . Оно представимо по данным направлениям в виде:

$$A \begin{pmatrix} \alpha_n \\ \beta_n \end{pmatrix} = \rho_{-n}^1 \cdot \vec{P}_3, \quad A \begin{pmatrix} \alpha_n \\ \beta_n \end{pmatrix} = \rho_{-n}^2 \cdot \vec{P}_4.$$

Заметим, что $\rho_{-n}^2(a)$ не превосходит единицы на отрезке $[0; 2]$. Однако при каждом $a \in [0; 2]$ $\rho_{-n}^1(a) > 1$. Следовательно, система Эно неустойчива в окрестности неподвижной точки $\begin{pmatrix} x_{-n} \\ y_{-n} \end{pmatrix}$ при каждом $a \in [0; 2]$ (одно направление притягивающее, а другое – отталкивающее, см. рис. 9).

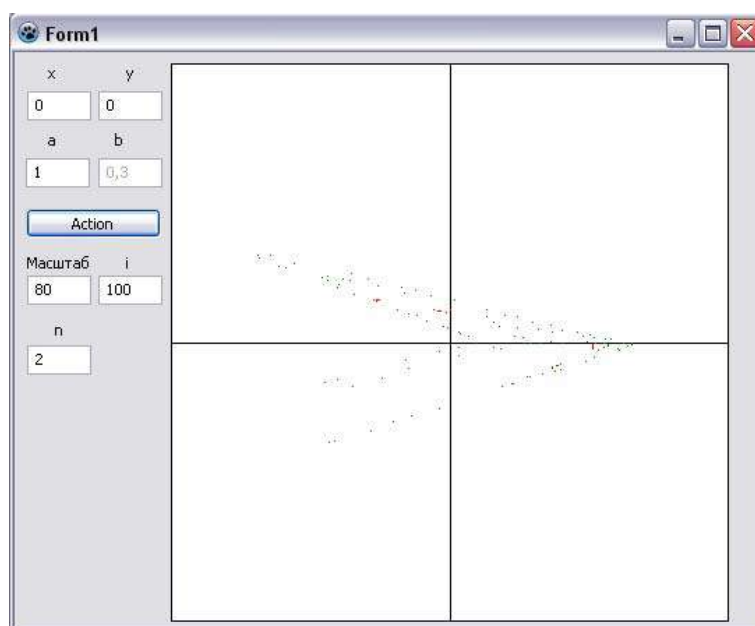

Рис. 12. Наличие признаков хаоса орбиты точки $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ при $a=1, b=0,3$

Компьютерные эксперименты дают результаты, согласующиеся с нашими аналитическими исследованиями при различных значениях параметра a , $n=2$, $b=0,3$. Суть компьютерного эксперимента – рассматривается точка $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ и исследуется ее орбита. Оказывается, устойчивость системы теряется, поскольку орбита точки $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ притягивается к нескольким центрам (рис. 10: $a=0,2, b=0,3$; рис. 11: $a=0,4, b=0,3$).

На рисунке 12 при $a=1, b=0,3$ у орбиты точки $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$ наблюдаются признаки хаоса.

Библиографический список

1. Белихов А.Б., Леготин Д.Л., Сухов А.К. Современные компьютерные модели распространения загрязняющих веществ в атмосфере // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 1. – С. 14–19.
2. Гринченко В.Т., Мацibuра В.Т., Снарский А.А. Введение в нелинейную динамику: Хаос и фракталы. Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
3. Кроновер Р.М. Фракталы и хаос в динамических системах. Основы теории. – М.: Постмаркет, 2000. – 352 с.
4. Малинецкий Г.Г. Математические основы синергетики. Хаос, структуры, вычислительный эксперимент. Изд. 4-е, суц. перераб. и доп. – М.: КомКнига, 2005. – 312 с.
5. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. – 656 с.
6. Секованов В.С., Миронкин Д.П. Изучение преобразования пекаря как средство формирования креативности студентов и школьников с использованием дистанционного обучения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 1. – С. 190–195.
7. Секованов В.С. О множествах Жюлиа некоторых рациональных функций // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 2. – С. 23–28.
8. Секованов В.С. Отображение «Кошка Арнольда» и методика его изучения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 2. – С. 143–149.
9. Секованов В.С. Элементы теории фрактальных множеств. Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 248 с.
10. Секованов В.С. Преодоление стереотипов мышления при рассмотрении понятия «фрактальная размерность множества» / В.С. Секованов, С.Б. Козырев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – Т. 12. – №7.
11. Секованов В.С. Многоэтапное математико-информационное задание «Странные аттракторы» / В.С. Секованов, В.А. Ивков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 5. – С. 155–158.

Кирпичников Александр Петрович

доктор физико-математических наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет

kirpichnikov@kstu.ru

Титовцев Антон Сергеевич

кандидат технических наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет

notna6683@mail.ru

ОТКРЫТЫЕ СИСТЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЛИКОМПОНЕНТНЫХ ПОТОКОВ

В работе предложена математическая модель открытых систем массового обслуживания (СМО), сочетающая в себе многоканальную модель Эрланга ($M/M/m/0$), классическую многоканальную модель ($M/M/m$), а также многоканальную модель с ограниченной очередью ($M/M/m/E$). Проведена математическая формализация модели в стационарном режиме, сформулирована задача организации обслуживания в системах этого типа при заданных требованиях к производительности, исследован нестационарный режим работы СМО.

Ключевые слова: система массового обслуживания, система дифференцированного обслуживания, поликомпонентный поток требований, очередь, обслуживающее устройство.

Введение

В последнее время в связи с развитием рынка в России появляется все большее количество различного рода товаров и услуг и возникают проблемы, связанные с организацией пунктов торговли и обслуживания населения, таких как супермаркеты, торговые базы, оптовые рынки. Для описания подобных объектов во многих случаях подходят модели СМО с пуассоновскими потоками заявок. Однако СМО, встречающиеся в повседневной практике, зачастую представляют собой сложные системы, имеющие во входном потоке заявки нескольких типов. Практический интерес имеют модели обслуживания, являющиеся комбинациями известных классических моделей СМО. Первая и единственная известная авторам попытка математического описания работы комбинированных систем массового обслуживания была предпринята в работе [4, с. 105], однако её автор ограничился лишь исследованием комбинации модели Эрланга и классической многоканальной СМО, менее интересной с точки зрения возможных приложений. В этой связи авторами была предложена модель открытой СМО, сочетающая в себе многоканальную модель Эрланга ($M/M/m/0$), классическую модель многоканальной СМО ($M/M/m$), а также модель многоканальной СМО с ограниченной очередью ($M/M/m/E$). Граф состояний и переходов такой СМО приведён на рисунке 1.

Примером подобных систем могут служить обычные кассы с очередями. Люди, приходящие в кассу, представляют собой входной поток, содержащий требования разного типа: одни люди из-за отсутствия времени пользуются услугой только в том случае, если касса свободна, другие – в зависимости от количества людей в очереди, третьи – дожидаются обслуживания до конца.

Предположим, что рассматриваемая СМО имеет m обслуживающих устройств и входной поток требований, содержащий заявки трёх типов:

– 1-й тип – заявки, которые обслуживаются при любых обстоятельствах, независимо от наличия свободных обслуживающих устройств и количества заявок, ожидающих обслуживания в очереди;

– 2-й тип – заявки, которые обслуживаются при наличии свободного обслуживающего устройства либо становятся в очередь, если число требований в очереди меньше определённого числа E . В случае, когда в очереди уже имеется E или более требований, вновь поступившая заявка второго типа получает отказ и выбывает из системы необслуженной;

– 3-й тип – заявки, которые обслуживаются только при наличии свободного обслуживающего устройства и никогда не становятся в очередь. В случае если на момент поступления в систему очередной подобной заявки в системе не оказывается свободного обслуживающего устройства, данная заявка покидает систему необслуженной.

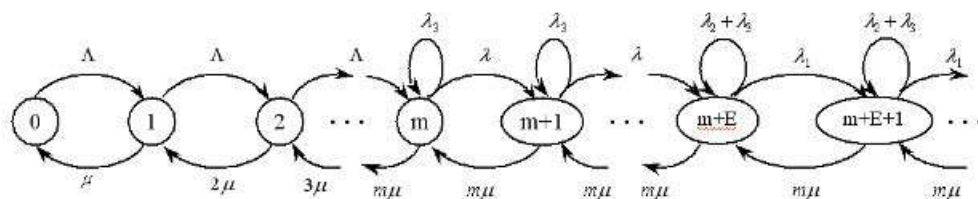

Рис. 1. Граф состояний и переходов СМО

Потоки заявок такого рода будем называть поликомпонентными, а системы, обслуживающие каждый тип заявок по отдельным правилам, – системами дифференцированного обслуживания.

Потоки заявок каждого типа, образующие поликомпонентный поток, являются простейшими и имеют интенсивности $\lambda_1, \lambda_2, \lambda_3$ соответственно, суммарный поликомпонентный поток с интенсивностью $\Lambda = \lambda_1 + \lambda_2 + \lambda_3$ также является простейшим. Обозначим $\lambda = \lambda_1 + \lambda_2$ – входной поток требований после m -го состояния и λ_1 – входной поток требований после $(m + E)$ -го состояния (также простейшие). Среднюю интенсивность обслуживания заявок одним обслуживающим устройством обозначим за μ . В этом случае интенсивность выходного потока обслуженных заявок до m -го состояния кратна μ и зависит от числа занятых каналов. После m -го состояния интенсивность потока обслуженных заявок равна $m\mu$. Поток обслуженных заявок также носит простейший характер. Обозначим приведённые интенсивности соответствующих потоков требований как

$$\rho_1 = \frac{\lambda_1}{\mu}; \quad \rho_2 = \frac{\lambda_2}{\mu}; \quad \rho_3 = \frac{\lambda_3}{\mu};$$

$$R = \frac{\Lambda}{\mu} = \rho_1 + \rho_2 + \rho_3; \quad \rho = \frac{\lambda}{\mu} = \rho_1 + \rho_2.$$

С учетом принятых обозначений и допущений получим вероятностные, числовые и временные характеристики стационарного режима работы СМО.

Математическая модель

В настоящей работе формализация модели осуществлена по общей схеме, изложенной в работах [1, с. 6; 2, с. 214; 3, с. 242]. По графу, приведенному на рисунке 1, составлена система уравнений Колмогорова для вероятностей стационарных состояний СМО, решение которой приводится в виде вероятностей всех возможных состояний СМО в стационарном режиме:

$$P_0 = \left[e_m(R) + \frac{R^m}{m!} \left\{ \frac{\rho}{m - \rho} \left[1 - \left(\frac{\rho}{m} \right)^E \right] + \frac{\rho_1}{m - \rho_1} \left(\frac{\rho}{m} \right)^E, \quad \rho \neq m \right. \right. \\ \left. \left. E + \frac{\rho_1}{m - \rho_1}, \quad \rho = m \right\} \right]^{-1},$$

где $e_m(R) = \sum_{i=0}^m \frac{R^i}{i!}$ – неполная экспонента;

$$P_i = \begin{cases} \frac{R^i}{i!} P_0, & 0 \leq i \leq m \\ \left(\frac{\rho}{m} \right)^{i-m} \frac{R^m}{m!} P_0, & m \leq i \leq m + E \\ \left(\frac{\rho_1}{m} \right)^{i-m-E} \left(\frac{\rho}{m} \right)^E \frac{R^m}{m!} P_0, & i \geq m + E \end{cases}.$$

Для удобства формализации модели были введены новые базисные вероятностные характеристики:

- вероятность неполной загрузки накопителя

$$(1) P_{НЗН} = \sum_{i=m}^{m+E-1} P_i = \dots = \frac{R^m}{m!} P_0 \begin{cases} 1 - \left(\frac{\rho}{m} \right)^E, & \rho \neq m; \\ E, & \rho = m \end{cases};$$

- вероятность полной загрузки накопителя

$$(2) P_{ПЗН} = \sum_{i=m+E}^{\infty} P_i = \dots = \frac{R^m}{m!} \left(\frac{\rho}{m} \right)^E P_0;$$

- вероятность немедленного обслуживания

$$(3) P_{НО} = \sum_{i=0}^{m-1} P_i = \dots = e_{m-1}(R) P_0.$$

Под неполной загрузкой накопителя в данном случае следует понимать такое состояние СМО, когда общее число требований в очереди не превышает $E - 1$. В этом случае в очередь принимаются заявки первого и второго типов. Система при этом может находиться в любом состоянии от m -го до $(m + E - 1)$ -го. Накопитель считается загруженным полностью, когда в очереди уже имеется E заявок. В этом случае в очередь становятся только заявки первого типа, а требования второго типа получают отказ. Система в этом случае может находиться в любом состоянии, начиная с $(m + E)$ -го. Вновь прибывшая заявка любого типа обслуживается немедленно, когда система находится в любом из состояний от 0-го до $(m - 1)$ -го. Приведённая интенсивность ρ_1 потока заявок первого типа не должна превышать числа обслуживающих устройств m , иначе произойдёт переполнение очереди. С целью упрощения математической модели все остальные числовые характеристики СМО выражены через вышеуказанные базисные характеристики с учётом последних трёх выражений (1–3):

- вероятность ожидания обслуживания заявкой в очереди

$$P_{ож} = \frac{\lambda_1}{\Lambda} \sum_{i=m}^{\infty} P_i + \frac{\lambda_2}{\Lambda} \sum_{i=m}^{m+E-1} P_i = \dots = \frac{\rho}{R} P_{НЗН} + \frac{\rho_1}{R} P_{ПЗН};$$

- вероятность отказа в обслуживании вновь прибывшей заявке

$$P_{отк} = \frac{\lambda_3}{\Lambda} \sum_{i=m}^{\infty} P_i + \frac{\lambda_2}{\Lambda} \sum_{i=m+E}^{\infty} P_i =$$

$$= \dots = P_{НЗН} + P_{ПЗН} - P_{ож} = 1 - P_{НО} - P_{ож}.$$

- относительная пропускная способность

$$q = 1 - P_{отк};$$

- абсолютная пропускная способность

$$(4) A = \Lambda q = \dots = \Lambda P_{НО} + \lambda P_{НЗН} + \lambda_1 P_{ПЗН};$$

- среднее число требований, находящихся под обслуживанием

$$\bar{n} = \sum_{i=0}^m i P_i + \sum_{i=m+1}^{\infty} m P_i =$$

$$= \dots = R P_{НО} + \rho P_{НЗН} + \rho_1 P_{ПЗН} =$$

$$= R (P_{НО} + P_{ож});$$

- среднее число заявок, находящихся в очереди (средняя длина очереди)

$$\begin{aligned}\bar{l} &= \sum_{i=m+1}^{\infty} (i-m) P_i = \\ &= \dots = \left\{ \frac{\rho}{m-\rho} (P_{H3H} - EP_{m+E}), \quad \rho \neq m \right\} + \\ &+ \rho_1 \left(\frac{E}{m} + \frac{1}{m-\rho_1} \right) P_{H3H};\end{aligned}$$

- среднее время ожидания обслуживания заявкой в очереди

$$\begin{aligned}\overline{t_{ожид}} &= \int_0^{\infty} t f_{ожид}(t) dt = \\ &= \dots = \frac{1}{\Lambda q} \frac{\rho}{m-\rho} (P_{H3H} - EP_{m+E}) + \\ &+ \frac{1}{\Lambda q} \frac{\rho_1}{m} P_{H3H} \left(E + \frac{m}{m-\rho_1} \right) = \frac{\bar{l}}{A};\end{aligned}$$

- второй момент времени ожидания заявки в очереди

$$\begin{aligned}\overline{t_{ожид}^2} &= \int_0^{\infty} t^2 f_{ожид}(t) dt = \dots = \\ &= \frac{1}{A} \left\{ \frac{1}{\mu(m-\rho)} \left[2 \frac{\rho}{m-\rho} (P_{H3H} - EP_{m+E}) - E(E+1) P_{m+E} \right], \quad \rho \neq m \right\} + \\ &+ \frac{1}{A} \left\{ \frac{E^2-1}{3m\mu} P_{H3H}, \quad \rho = m \right\} + \\ &+ \frac{1}{A\mu(m-\rho_1)} \left[2\rho_1 \left(\frac{E}{m} + \frac{1}{m-\rho_1} \right) P_{H3H} + E(E+1) P_{m+E} \right];\end{aligned}$$

Задача организации обслуживания в СМО

Имитационное моделирование данной СМО в системе GPSS World показало, что при произвольно заданных значениях числа обслуживаемых устройств m и ограничения длины очереди E в выходном потоке обслуженных заявок наблюдается преобладание требований одних типов над заявками других типов. Задача организации обслуживания заключается в том, чтобы по известным в качестве исходных данных интенсивностям входных потоков заявок всех типов и заданным требованиям к производительности СМО по каждому типу заявок рассчитать необходимое число обслуживаемых устройств, а также ограничение по длине очереди для заявок 2-го типа. Для этого абсолютную пропускную способность СМО (4) представим в виде трёх слагаемых, каждое из которых представляет собой количество обслуженных заявок определенного типа.

$$(5) \quad A = \lambda_1 (P_{HO} + P_{H3H} + P_{H3H}) + \lambda_2 (P_{HO} + P_{H3H}) + \lambda_3 P_{HO} = A_1 + A_2 + A_3.$$

Поскольку заявки 1-го типа обслуживаются при любых обстоятельствах, то задать требуемую производительность можно только для заявок 2-го и 3-го типов. Из последнего выражения (5) следует

$$(6) \quad \begin{cases} A_3 = \lambda_3 P_{HO} \\ A_2 = \lambda_2 (P_{HO} + P_{H3H}) \end{cases}$$

или, в относительных единицах,

$$(7) \quad \begin{cases} q_3 = P_{HO} \\ q_2 = P_{HO} + P_{H3H} \end{cases}.$$

Система уравнений (6) используется, если задана абсолютная пропускная способность по каждому типу заявок, система уравнений (7) – если требуемая производительность задана в относительных единицах. Так как правые части уравнений являются функциями от m и E , решение системы в той или иной форме относительно данных переменных даст значения числа обслуживаемых устройств и ограничения длины очереди, удовлетворяющие заданным требованиям.

Обращаем внимание, что значения m и E должны быть натуральными числами, поэтому возможно лишь приближенное решение данной системы уравнений. При этом ближайшим целочисленным решением, максимально удовлетворяющим поставленным выше требованиям, очевидно, будет то решение, для которого невязки между правой и левой частями систем уравнений (6), (7) являются минимальными.

Нестационарный режим

Нестационарный режим в открытых системах дифференцированного обслуживания поликомпонентных потоков исследован посредством имитационного моделирования данных систем в системе моделирования GPSS World. Имитационное моделирование осуществлялось в диапазоне значений времени моделирования: от 10 до 1000000 единиц модельного времени. Всего разработано 4 имитационных модели – обобщенная модель систем дифференцированного обслуживания поликомпонентных потоков и ее частные разновидности: комбинация моделей М/М/м/Е и М/М/м/0, комбинация моделей М/М/м и М/М/м/Е, комбинация моделей М/М/м и М/М/м/0. Поведение характеристик данных моделей СМО иллюстрируют графики, приведенные на рисунках 2–3. Зависимость среднего времени ожидания заявки в очереди от времени моделирования имеет качественно схожий характер поведения со средней длиной очереди.

На графиках характеристики с индексом 1 относятся к общей комбинированной модели, с индексом 2 – к комбинации моделей М/М/м/Е и М/М/м/0, с индексом 3 – к комбинации моделей М/М/м и М/М/м/Е, с индексом 4 – к комбинации моделей М/М/м и М/М/м/0, по оси абсцисс откладывается время моделирования. Интересной особенностью, вытекающей из представленных выше результатов, является то, что для вторых моментов характеристик данных систем квазистационарный режим устанавливается в течение более длительного промежутка времени, на порядок превышающего промежуток времени для первых моментов.

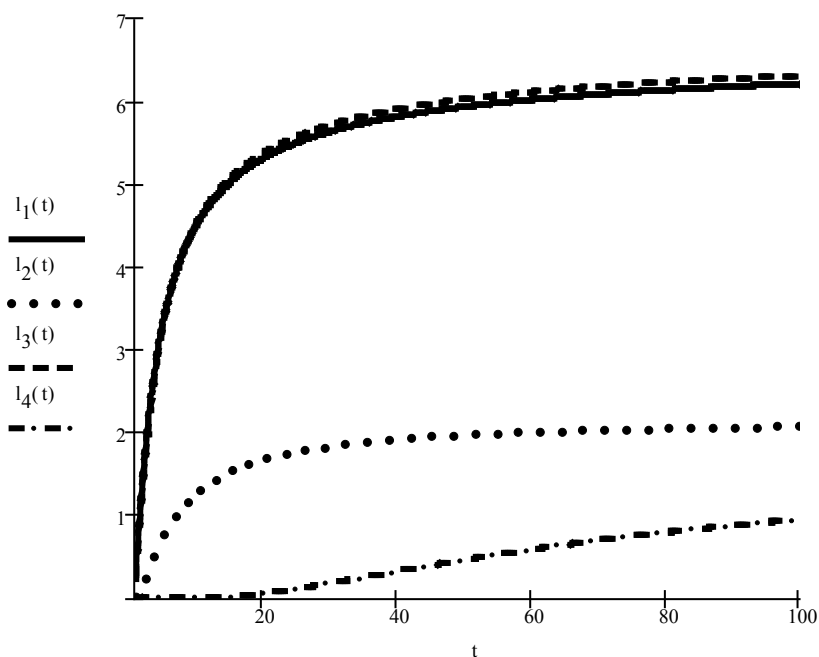

Рис. 2. Зависимость средней длины очереди от времени

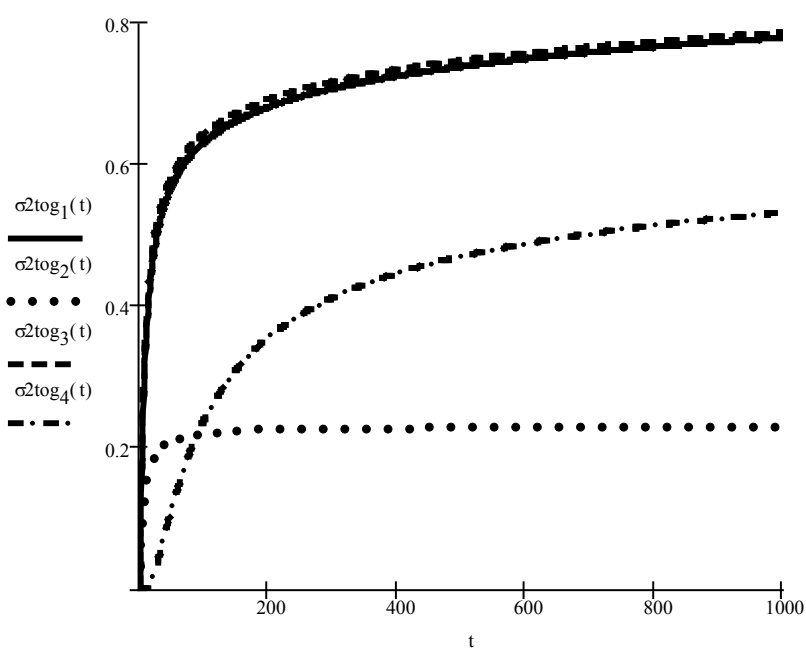

Рис. 3. Зависимость дисперсии времени ожидания от времени

Заключение

Приведённые в данной работе результаты могут быть полезны при проектировании объектов, работающих по принципу систем массового обслуживания. Предложенная модель является универсальной для целого ряда открытых СМО, поскольку при определённых значениях параметров m и E , а также интенсивностей входных потоков требований разных типов, она сводится к ранее известным классическим моделям СМО. Подобные модели позволяют оценить производительность проектируемой системы при известной её структуре, а также дают возможность рассчитать число

обслуживающих устройств и ёмкость накопителя, необходимые и достаточные для получения требуемой производительности.

Библиографический список

1. Кирпичников А.П., Титовцев А.С. О вероятностных характеристиках обобщённой модели систем дифференцированного обслуживания поликомпонентных потоков // Наука в центральной России. – 2013. – №4. – С. 5–8.
2. Кирпичников А.П., Титовцев А.С. Системы дифференцированного обслуживания поликомпонентных потоков // Информационные технологии.

Радиоэлектроника. Телекоммуникации. – 2012. – Т. 2. – №2. – С. 212–218.

3. Кирпичников А.П., Титовцев А.С. Числовые характеристики систем дифференцированного обслуживания поликомпонентных потоков // Вест-

ник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16. – № 23. – С. 242–244.

4. Cohen J.W. Certain delay problems for a full availability trunk group loaded by two sources // Communications news. – 1956. – V. 16. – P. 105–113.

УДК 519.6:502

Свиридов Александр Васильевич

кандидат химических наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

avsviridov09@mail.ru

Акаев Олег Павлович

доктор технических наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

akaev@list.ru

ПОЛУЧЕНИЕ ИЗ ТОРФА ЖИДКОГО КОМПЛЕКСНОГО НИТРОГУМИНОВОГО УДОБРЕНИЯ

Предложен способ получения на основе торфа жидкого комплексного нитрогуминового удобрения с микроэлементами. Испытания удобрения показали его эффективность для увеличения всхожести семян и ускорения рост растений.

Ключевые слова: торф, нитрогуминовый, микроэлементы, удобрение.

В настоящее время для выращивания сельскохозяйственных культур широко применяются жидкие комплексные удобрения (ЖКУ). При производстве этих удобрений значительно снижаются капитальные затраты и стоимость переработки сырья по сравнению с твердыми удобрениями, так как в технологической схеме нет стадий сушки, гранулирования, охлаждения, дробления, рассева, кондиционирования. Применение ЖКУ позволяет полностью механизировать процесс внесения их в почву, осуществлять внекорневую подкормку растений. Поэтому такие удобрения незаменимы для тепличных хозяйств.

Сегодня большой интерес вызывают жидкие комплексные гуминовые удобрения, которые содержат легкорастворимые соли гуминовых кислот – гуматы натрия, калия и аммония. Они являются физиологически активными формами гуминовых кислот, действие которых заключается в повышении активности ферментов, скорости физиологических и биохимических процессов, а также в стимулировании процессов дыхания, синтеза белков и углеводов у растений [1].

Наряду с этим, они активизируют развитие корневой системы растений, улучшают поступление питательных веществ и микроэлементов из почвенного раствора в растение. Это способствует повышению коэффициента использования минеральных удобрений, что позволяет сократить дозы азотных удобрений на 30–50% и сэкономить значительные средства.

Гуминовые кислоты практически не растворяются в воде и минеральных кислотах. Особенно характерны гуматы кальция и магния, которые нерастворимы в воде и образуют в почве водопрочные гели со склеивающей и цементирующей спо-

собностью. Гуматы натрия, калия и аммония легко растворимы в воде и вымываются из почвы [2].

В настоящее время такие удобрения получают в основном из торфа.

В Костромском регионе торф является одним из важнейших природных ресурсов. Крупные торфяные месторождения расположены в Макарьевском, Кадыйском и Костромском районах. Торф в Костромском регионе используется, в основном, в сельском хозяйстве без переработки, а также как топливо. Применение торфа в качестве топлива не вполне целесообразно, так как он содержит по сравнению с бурым углем меньше основных теплообразующих элементов и больше энергетически бесполезных – азота и кислорода [3].

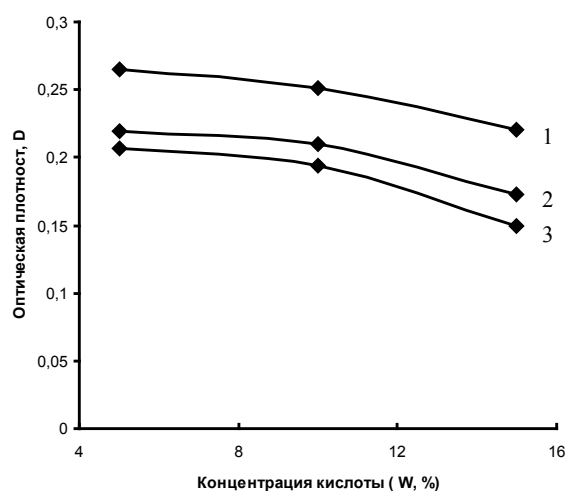

Рис. 1. Зависимость оптической плотности гуминового раствора от концентрации азотной кислоты:

1 – при комнатной температуре;
2 – при нагревании (1 час); 3 – при нагревании (2 часа)

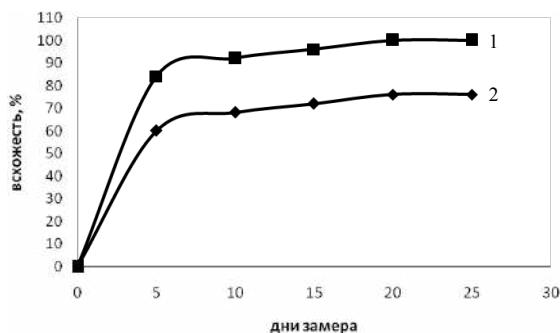

Рис. 2. Зависимость всхожести семян свеклы от количества дней замера:

1 – семена, обработанные нитрогуминовым удобрением;
2 – семена, не обработанные нитрогуминовым удобрением

В данной работе для получения жидкого комплексного нитрогуминового удобрения использовали торф Мисковского месторождения Костромского региона. С этой целью сначала осуществляли получение раствора гуматов калия путем обработки порции торфа в 0,1 М растворе гидроксида калия при температуре 100°C и интенсивном механическом перемешивании. Затем раствор гуматов отделяли от твердой фазы фильтрованием с использованием металлической сетки и капроновой ткани. В полученном растворе определяли концентрацию гуминовых кислот по методу Эрдманна, равную 24,0 г/л.

Для получения нитрогуминового удобрения гуминовых кислот из раствора гуматов осаждали гуминовые кислоты азотной кислотой с концентрациями 5%, 10%, 15% при 25°C и 70°C с разным временем обработки. Осаждение гуминовых кислот сопровождалось изменением оптической плотности растворов, которую определяли с помощью фотоэлектроколориметра КФК-3 на длине волны 350 нм с шириной кюветы 30 мм. Предварительно пробы растворов разбавляли дистиллированной водой. Экспериментальные данные представлены на рисунке 1. Экспериментально установлено, что снижение оптической плотности растворов происходит при увеличении концентрации азотной кислоты и времени их нагревания. Вместе с тем значительное снижение оптической плотности происходит уже при нагревании в течение часа и концентрации азотной кислоты, равной 15%. Поэтому в работе раствор гуматов обрабатывали в этих условиях.

Затем отделяли водную фазу и осадок гуминовых кислот для нитрования обрабатывали концентрированной азотной кислотой. Такая обработка ведет к нитрованию ароматических ядер, активированных функциональными группами в составе гуминовых кислот. Кроме того, возможно частичное окисление гуминовых кислот с образованием карбоксильных групп [4]. Полученную смесь об-

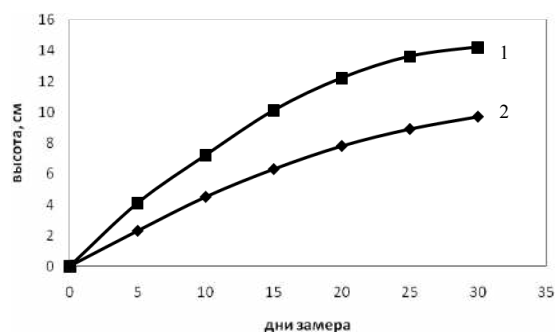

Рис. 3. Зависимость высоты свеклы от количества дней замера:

1 – семена, обработанные нитрогуминовым удобрением;
2 – семена, не обработанные нитрогуминовым удобрением

рабатывали разбавленным раствором гидроксида калия для растворения гуминовых кислот путем перевода их в гуматы калия. Избыток раствора гидроксида калия нейтрализовали разбавленным раствором фосфорной кислоты. После этого в полученный раствор вводили микроэлементы в концентрациях, выбранных на основе анализа литературных данных. Для этого к гуминовому раствору добавляли определенные объемы предварительно приготовленных растворов солей, содержащих микроэлементы. В результате было получено концентрированное жидкое комплексное нитрогуминовое удобрение, содержащее макроэлементы: азот, фосфор, калий, а также микроэлементы: бор, кобальт, медь, марганец, молибден и цинк. Для испытания это удобрение разбавляли в 50 раз с целью достижения оптимальных концентраций макро- и микроэлементов. Испытания удобрения осуществляли на семенах свеклы и томата, которые довольно восприимчивы к гуматам. Сначала изучали влияние удобрения на всхожесть семян. Для этого семена замачивали в течение четырех часов в растворе удобрения. Затем семена высаживали

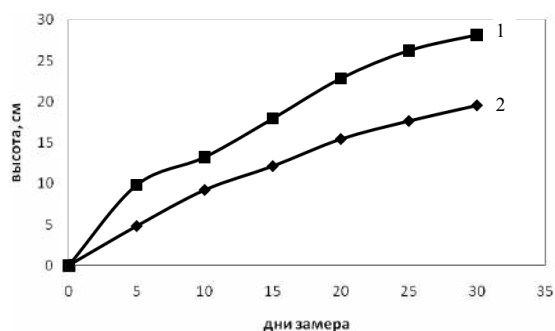

Рис. 4. Зависимость высоты томата от количества дней замера:

1 – семена, обработанные нитрогуминовым удобрением;
2 – семена, не обработанные нитрогуминовым удобрением

в почву и через 5 дней измеряли высоту растений. Наряду с этим осуществляли корневую подкормку растений раствором удобрения. Кроме того, в такой же почве выращивали контрольные растения без использования удобрения.

Экспериментально установлено, что в большей степени удобрение влияет на всхожесть семян свеклы. Зависимость всхожести от количества дней учета показана на рисунке 2.

Из рисунка 2 следует, что всхожесть семян свеклы, предварительно обработанных нитрогуминовым удобрением, значительно выше, чем необработанных семян. Это различие составляет более 20%. Всхожесть семян томата, обработанных нитрогуминовым удобрением, была выше на 10% по сравнению с необработанными семенами.

Испытания удобрения показали также, что оно способствует значительному ускорению роста свеклы и томата (рис. 3, 4).

Увеличение скорости роста свеклы и томата при использовании нитрогуминового удобрения

происходило в течение всего периода наблюдений.

На основании полученных экспериментальных данных можно заключить, что полученное в работе жидкое комплексное нитрогуминовое удобрение способствует значительному повышению всхожести семян, активизирует рост растений.

Библиографический список

1. Антонова О.И., Крапивина М.В., Третьякова М.Н. Применение гуминовых удобрений в сельском хозяйстве. – Бийск, 2000. – 112 с.
2. Лиштван И.И., Базин Е.Т., Копенкин В.Д. Физика и химия торфа. – М.: Недра, 1992. – 232 с.
3. Драгунов С.С. Гуминовые удобрения. Теория и практика их применения. – Днепропетровск, 1983. – 237 с.
4. Гайдук К.А., Зуев Т.Т., Лецко А.П. Исследование химического состава торфа и новые материалы на его основе // Торфяная промышленность. – 1982. – № 12. – С. 17–19.

Исаева Галина Александровна

доктор биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
biophys@mail.ru

Исаев Павел Павлович

доктор химических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
chemphys@mail.ru

ХИМИЧЕСКАЯ ТОПОЛОГИЯ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МЕСТНЫХ АНЕСТЕТИКОВ

В настоящей работе рассмотрены топологические характеристики веществ, проявляющих обезболивающее действие. Рассчитаны логарифмы минимальной блокирующей концентрации местноанестезирующих препаратов и ряда модельных соединений. Исследована корреляционная способность индексов Винера и индексов Балабана исследуемых соединений с их биологической активностью. Показано, что в большинстве случаев индексы Винера, в отличие от индексов Балабана, лучше коррелируют с биологической активностью, хотя оба индекса обладают хорошей дискриминирующей способностью по исследованному свойству.

Ключевые слова: биологическая активность, топологический индекс, индекс связанности, индекс среднеквадратичных расстояний, QSAR-методы, местные анестетики.

Введение

Одной из задач химии является определение свойств химических соединений исходя из их молекулярной структуры. Все свойства молекулы закодированы в ее структуре, а нахождение количественного соотношения «структура – свойство» часто помогает наилучшим образом расшифровать их. Это помогает понять, как структура влияет на свойства соединений, на их способность вступать в различного рода взаимодействия.

Повышенный интерес к проблеме «структура – свойство» обусловлен наличием большого количества синтезированных к настоящему времени веществ, а также широкого спектра возможностей их применения. Решение данной задачи, даже в рамках одного класса соединений, позволит

прогнозировать свойства гипотетических молекул, вести синтез новых соединений с заданными свойствами.

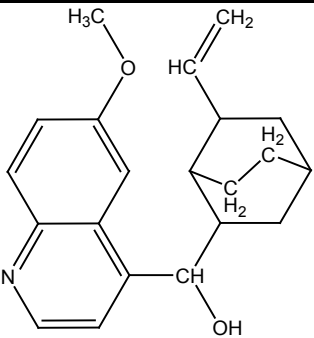
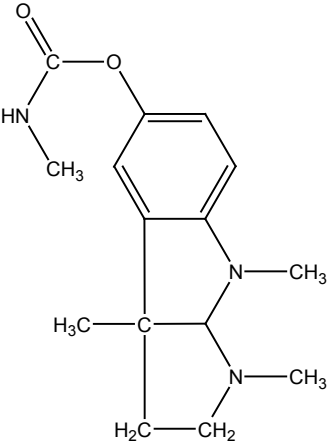
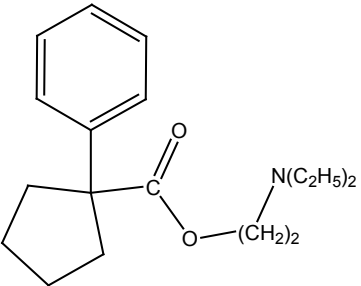
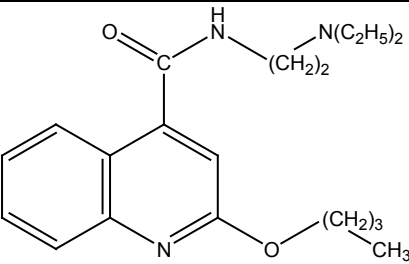
В данной статье разрабатывается идея выражать строение молекул числами, которые связаны со структурой молекулярных графов. Графы – это математические объекты, поэтому их можно характеризовать с помощью чисел. Эти числа в химии называют «топологическими индексами» – ТИ. Рассчитав какой-либо ТИ для большого числа молекул, можно установить связь между его значениями и свойствами веществ, и затем использовать эту связь для предсказания свойств новых, еще не синтезированных веществ [1].

Способы расчета ТИ могут быть самыми разнообразными, но все они должны удовлетворять вполне естественным требованиям: 1) каждой молекуле со-

Таблица 1

Структура и биологическая активность исследуемых веществ

№	Структурная формула	Наименование	Активность А
1		Н-октанол	-0,16
2		Тимол	-0,52
3		О-фенантролин	-0,80
4		Эфедрин	-0,77
5		Прокаин	-1,67
6		Лидокаин	-1,96
7		Димедрол	-2,80
8		Дикаин	-2,90
9		Фенилтолоксамин	-3,20

10		Хинин	-3,60
11		Эзерин	-3,66
12		Карамифен	-3,20
13		Дибукаин	-4,20

ответствует свой индивидуальный индекс; 2) близкие по свойствам молекулы имеют похожие индексы. Каждый молекулярный граф можно представить либо матрицей, либо полиномом, либо числовым индексом. Представление структурной формулы в виде числового значения, часто называемого топологическим индексом (ТИ), может осуществляться несколькими способами [2–4]. Наиболее часто применяется построение матрицы смежности $A(G)$ и матрицы расстояний $D(G)$ на графе.

Структурные дескрипторы включают информацию о размере и форме молекулы, о соединении атомов и структурных групп в ней и их взаимном

расположении. Кроме того, с их помощью можно учитывать особенности электронного и пространственного строения молекул, выбирая соответствующим образом веса вершин и ребер молекулярного графа. Корреляционные соотношения, полученные с помощью ТИ, даже без достаточно ясного физического смысла, могут оказаться полезными в решении различных практических вопросов [5–7].

В качестве объектов исследования в данной работе выбраны производные бензойной кислоты, соединения с анилидной связью и некоторые модельные соединения, проявляющие местноанестезирующее действие (табл. 1).

В таблице 1 в 4 столбце представлена биологическая активность (А) исследуемых соединений в виде $\log(\text{MBC})$, где MBC – минимальная блокирующая концентрация (minimum blocking concentration) препарата в межклеточном растворе организма, приводящая к полной блокаде нервной возбудимости (проводимости) в ммоль/л.

MBC веществ определялась экспериментально или из литературных данных, исходя из стандартного способа отсчета активности относительно репера, физиологическое действие которого принято за единицу, например кокаина или новокаина. Опытные измерения MBC проводились на стандартной электрофизиологической аппаратуре согласно методике [8]. Растворы были приготовлены при pH=6,8 с возрастающей концентрацией анестетика. Блокирующие эффекты восстанавливались после отмывания нервно-мышечного препарата раствором Рингера (табл. 1).

Интерес к рассматриваемым веществам обусловлен, прежде всего, предполагаемым широким спектром их биологической активности, а также возможностью использования этих соединений в качестве моделей при решении проблемы количественных соотношений «структура – свойство» и «структура – активность».

Цель данной работы – исследование взаимосвязи между химической структурой исследуемых соединений и их физиологическими свойствами.

Обсуждение результатов

В работе изучались корреляционные возможности ряда ТИ в прогнозировании биологической активности местных анестетиков.

В качестве структурных параметров рассматривались ТИ Винера (традиционный) и индексы среднеквадратичных расстояний Балабана. Атомы водорода в таких графах не указываются, так как

их расположение можно однозначно установить по структуре углеродного скелета.

Первый топологический индекс, отражающий структуру молекулярного графа (G), был предложен в 1947 г. Винером [1]. Он определяется как сумма диагональных элементов матрицы расстояний плюс полусумма ее недиагональных элементов:

$$W(G) = \sum_{i=1}^n d_{ii} + \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n \sum_{\substack{j=1 \\ j \neq i}}^n d_{ij},$$

где d_{ij} – это i -й и j -й элемент матрицы расстояний, который показывает наикратчайшее расстояние между вершинами i и j в графе G . Например, для графов, соответствующих пентанам C_5H_{12} , индекс Винера принимает значения 20, 18 и 16. Можно предположить, что он описывает степень разветвленности углеводорода: наибольшие значения соответствуют наименее разветвленным углеводородам. С увеличением длины углеродного скелета индекс Винера растет, так как в матрице расстояний становится больше элементов.

Более сложный пример: структурная формула, молекулярный граф и матрица наикратчайших расстояний тимолола

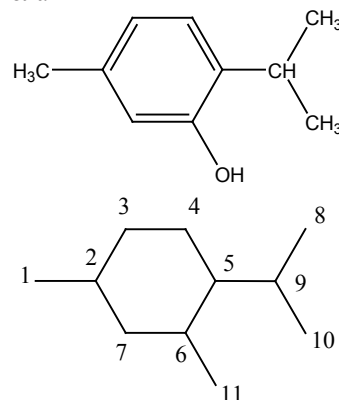

Таблица 2

Корреляция топологических индексов Винера и Балабана с биологической активностью местноанестезирующих веществ

№	Соединение	W(G)	А эксп.	А(W) расч.	ε(W)	B(G)	А(B) расч.	ε(B)
1	н-октанол	120	-0,16	-0,61	0,40	17079	-1,07	0,91
2	Тимол	150	-0,52	-0,69	0,12	17984	-1,08	0,56
3	О-фенантролин	271	-0,8	-1,03	0,18	30146	-1,15	0,35
4	Эфедрин	202	-0,77	-0,84	0,02	28816	-1,14	0,37
5	Прокаин	618	-1,67	-1,97	0,28	176834	-2,03	0,36
6	Ксикаин	556	-1,96	-1,80	-0,18	159216	-1,92	-0,04
7	Димедрол	992	-2,8	-3,00	0,20	302286	-2,78	-0,02
8	Тетракаин	892	-2,9	-2,72	-0,18	317499	-2,87	-0,03
9	Фенилтолоксамин	933	-3,2	-2,84	-0,37	258223	-2,52	-0,68
10	Хинин	1286	-3,6	-3,80	0,22	330149	-2,95	-0,65
11	Эзерин	760	-3,66	-2,36	-1,31	165315	-1,96	-1,70
12	Карамифен	981	-3,2	-2,97	-0,23	298818	-2,76	-0,44
13	Совкаин	1654	-4,2	-4,81	0,65	707324	-5,21	1,01

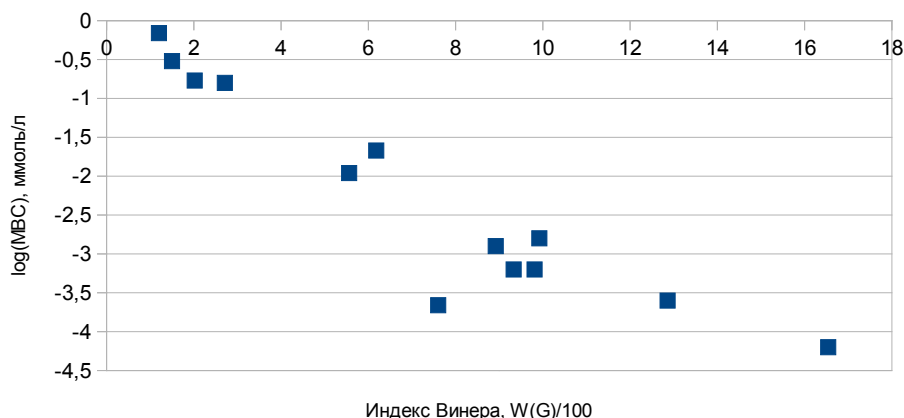

Рис. 1. Зависимость биологической активности от топологического индекса

$$D(G) = \begin{pmatrix} 0 & 1 & 2 & 3 & 4 & 3 & 2 & 6 & 5 & 6 & 4 \\ & 0 & 1 & 2 & 3 & 2 & 1 & 5 & 4 & 5 & 3 \\ & & 0 & 1 & 2 & 3 & 2 & 4 & 3 & 4 & 4 \\ & & & 0 & 1 & 2 & 3 & 3 & 2 & 3 & 3 \\ & & & & 0 & 1 & 2 & 2 & 1 & 2 & 2 \\ & & & & & 0 & 1 & 3 & 2 & 3 & 1 \\ & & & & & & 0 & 4 & 3 & 4 & 2 \\ & & & & & & & 0 & 1 & 2 & 4 \\ & & & & & & & & 0 & 1 & 3 \\ & & & & & & & & & 0 & 4 \\ & & & & & & & & & & 0 \end{pmatrix},$$

$$W(G) = 150$$

В таблице 2 A – экспериментальное значение $\log(\text{MBC})$ [8]; $A(W)$ – расчетное значение A по Винеру; $A(B)$ – расчетное значение A по Балабану; $e(W) = A(\text{эксп}) - A(\text{расч})$ – ошибка расчета по Винеру; $e(B) = A(\text{эксп}) - A(\text{расч})$ – ошибка расчета по Балабану.

Анализ графических зависимостей позволяет сделать предположение, что биологическая активность (A) зависит от дескриптора молекулярной структуры – индекса Винера (рис. 1) и индекса Балабана линейно. В этом случае математическая модель имеет вид $A = k \cdot X + B$. Это регрессия с 2 параметрами k и B . Результаты расчета методом наименьших квадратов (МНК) для данных, представленных в таблице 1, приведены в таблице 2 и позволяют построить в соответствии с математической моделью прогностические уравнения следующего качества:

Модель 1. Зависимость биологической активности препаратов полного ряда (табл. 1) от индекса Винера $X = W(G) \cdot 10^{-2}$; $k = -0,273$; $B = -0,285$; $n = 13$; $r^2 = 0,88$; $s^2 = 0,69$; $F = 77,65$, $s = 0,23$.

Модель 2. Зависимость биологической активности препаратов полного ряда (табл. 1) от индекса Балабана $X = B(G) \cdot 10^{-4}$; $k = -0,060$; $B = -0,969$; $n = 13$; $r^2 = 0,71$; $s^2 = 0,59$; $F = 26,45$, $s = 0,21$.

Модель 3. Зависимость биологической активности препаратов ряда (табл. 1, за исключени-

ем эзерина) от индекса Винера $X = W(G) \cdot 10^{-2}$; $k = -0,276$; $B = -0,148$; $n = 12$; $r^2 = 0,98$; $s^2 = 0,09$; $F = 210,70$, $s = 0,10$.

Модель 4. Зависимость биологической активности препаратов ряда (табл.1, за исключением эзерина) от индекса Балабана $X = B(G) \cdot 10^{-4}$; $k = -0,065$; $B = -0,652$; $n = 12$; $r^2 = 0,93$; $s^2 = 0,35$; $F = 53,79$, $s = 0,17$.

Найденные модели адекватны эксперименту и обладают хорошей дискриминирующей способностью. Модели, основанные на индексе Винера, имеют более высокое качество.

В данной работе используются следующие статистические критерии оценки качества математических моделей [9–10]. Стандартное отклонение линии регрессии s^2 . Величина s характеризует качество аппроксимации исходных данных линейной регрессии. Множественный корреляционный коэффициент. Критерий r^2 характеризует ту долю суммы квадратов отклонений величин y_i от их среднего значения, которая учитывается регрессионной моделью. Максимальное значение величины r^2 – единица, минимальное – ноль. Величина r^2 растет с увеличением количества регрессионных коэффициентов k . Недостатком корреляционного коэффициента является его зависимость от абсолютных величин коэффициентов регрессии [10]. Для проверки значимости отличия параметров регрессии от нуля используется F -критерий. Выясняется, превосходит ли величина F некоторое критическое значение, соответствующее принятому уровню значимости. Если не превосходит, то считается, что модель адекватна эксперименту на данном уровне значимости. F -критерий применим в том случае, когда экспериментальные ошибки определения независимой переменной распределены нормально.

Библиографический список

1. Химические приложения топологии и теории графов / под ред. Р. Кинга. – М.: Мир, 1987. – 560 с.
2. Randic M. In search of structural invariants // J. Math. Chem. – 1992. – V. 9. – P. 97–146.

3. Seybold P.G., May M., Bagal U.A. Molecular structure – property relationships // J. Chem. Educ. – 1987. – V. 64. – P. 575–581.

4. Hansen P.J., Jurs P.C. Chemical applications of graph theory // J. Chem. Educ. – 1988. – V. 65. – P. 574–580.

5. Станкевич М.И., Станкевич И.В., Зефиров Н.С. Топологические индексы в органической химии // Успехи химии. – 1988. – Т. 57. – № 3. – С. 337–366.

6. Galvez J., Garcia-Domenech R., Gregorio-Alapont C. Indices of differences of path lengths: novel topological descriptors derived from electronic interferences in graphs // J. Comput. – Aided Molecular Design. – 2000. – №. 14. – P. 679–687.

7. Basac S.C., Balaban A.T., Grunwald G.D. Topological indices: their nature and mutual relatedness // J. Chem. Inf. Comput. Sci. – 2000. – V. 40. – №. 4. – P. 891–898.

8. Исаева Г.А. Взаимодействие местноанестезирующих и антиаритмических препаратов с потенциалзависимой мембраной. – Воронеж: ЦЧКИ, 2001. – 133 с.

9. Craig P.N., Hansch C., MacFarland J.W., Martin Y.C., Purcell W.P., Zahradnik R. Minimal Statistical Data for Structure – Function Correlations // J. Med. Chem. – 1971. – №14 (447).

10. Davis W.H.Jr., Pryor W.A. Measures of Goodness of Fit in Linear Free Energy Relationships // J. Chem. Ed. – 1976. – №53 (285).

УДК 616:576.8

Шульгина Татьяна Андреевна

Саратовский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии
tshylgina2012@yandex.ru

Нечаева Ольга Викторовна

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
olgav.nechaeva@rambler.ru

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЙСТВИЯ НАНОПРЕПАРАТОВ В СОСТАВЕ ВОДНЫХ РАСТВОРОВ НА БИОЛОГИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ ГРАМОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И ГРАМПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ МИКРООРГАНИЗМОВ

Использование наноматериалов в составе средств, обладающих антибактериальной активностью, является одним из рациональных решений в борьбе с антибиотикорезистентностью. Проведено экспериментальное исследование антимикробного действия наночастиц серебра и меди в составе водных растворов на 20 клинических штаммах золотистого стафилококка и кишечной палочки. Установлено, что водные растворы наночастиц серебра и меди обладают максимально выраженным бактерицидным эффектом.

Ключевые слова: *Staphylococcus aureus*, *Escherichia coli*, водные растворы, наночастицы, серебро, медь.

В последнее время стремительный рост резистентности микроорганизмов к антибиотикам приобретает важное социально-экономическое значение. Инфекционно-воспалительные процессы, вызванные резистентными штаммами, характеризуются длительным течением и увеличением сроков нахождения пациентов в условиях стационара. Соответственно возникает необходимость в выборе более дорогостоящих и не всегда доступных лекарственных средств. Все это увеличивает прямые и не прямые экономические затраты, а также повышает риск распространения резистентных штаммов микроорганизмов среди населения [5; 8]. Во всем мире проводится разработка новых альтернативных средств, обладающих антимикробным действием. Большое внимание уделяется изучению наноматериалов, а именно наночастиц металлов [1–4; 6; 7].

Целью работы явилось изучение эффективности действия потенциальных антимикробных средств среди новых препаратов, содержащих металлические наночастицы, в составе водных растворов.

Для реализации поставленной цели были решены следующие задачи:

- провести сравнительное изучение антимикробной активности исследуемых растворов;
- выявить среди опытных образцов растворов наночастиц серебра и меди наиболее активные в отношении грамотрицательных и грамположительных микроорганизмов.

Материалы и методы. Была изучена антимикробная активность шести водных растворов наночастиц серебра и меди ($C_{Ag} = 3,9 \text{ мМ}$, $C_{AOT} = 37 \text{ мМ}$; $C_{Ag} = 4,3 \text{ мМ}$, $C_{AOT} = 5 \text{ мМ}$; $C_{Cu} = 0,25 \text{ мМ}$, $C_{AOT} = 60 \text{ мМ}$; $C_{Cu} = 0,25 \text{ мМ}$, $C_{AOT} = 30 \text{ мМ}$; $C_{Ag} = 3,9 \text{ мМ}$, $C_{AOT} = 37 \text{ мМ} + C_{Cu} = 0,25 \text{ мМ}$, $C_{AOT} = 60 \text{ мМ}$; $C_{Ag} = 4,3 \text{ мМ}$, $C_{AOT} = 5 \text{ мМ} + C_{Cu} = 0,25 \text{ мМ}$, $C_{AOT} = 30 \text{ мМ}$), предоставленных ООО НПК «Наномет» (г. Москва). В качестве экспериментальной модели использовали клинические штаммы *Escherichia coli* и *Staphylococcus aureus*, характеризующиеся множественной антибиотикорезистентностью.

Водные растворы наночастиц серебра и меди, водные диализованные растворы наночастиц серебра и меди, их композиционные смеси в концентрациях 3%, 2%, 1%, 0,5%, 0,25% и 0,125%, которые были предложены лабораторией фирмы-разработчика, добавляли в мясо-пептонный агар (МПА) с учетом разведения.

Микробную взвесь готовили из суточной культуры с оптической плотностью 0,1, определяемой на приборе «Densi La Meter». Далее приготовленную взвесь титровали до получения конечной концентрации колониеобразующих единиц (КОЕ) 3×10^4 в изотоническом растворе хлорида натрия. На чашки Петри с МПА, содержащим различные варианты наночастиц, высевали по 100 мкл микробной взвеси, распределяли с помощью шпателя и термостатировали при температуре 37°C в течение 24 часов, после чего проводили подсчёт КОЕ.

В контрольных пробах посев микроорганизмов производили на интактную питательную среду.

Статистическая обработка проведена с использованием программы Statistica версии 6.0. При статистической обработке полученных данных проводился расчет основных вероятностных характеристик случайных величин: первого или нижнего квартиля (25%), медианы (второго квартиля) для центрирования распределения и третьего или верхнего (75%) квартиля. Учитывая несоответствие данных закону нормального распределения и малый объем выборки, для сравнения групп между собой использовали U-критерий Mann-Whitney, который представляет непараметрическую альтернативу t-критерия для независимых выборок. При оформлении статистических таблиц проводили расчет Z-критерия, который является производной U-критерия Mann-Whitney при интерполяции значений U-критерия на нормальное распределение, т.е. по своей сути Z-критерий является непараметрическим аналогом t-критерия для нормального распределения без учета типа распределения. При проверке статистических гипотез критический

уровень показателя достоверности p принимали равным 0,05. Различия считали статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты исследования. Результаты антимикробной активности водных растворов наночастиц серебра, меди и их композиционных смесей представлены в таблице 1.

Установлено, что бактерицидный эффект при действии водного раствора наночастиц меди и композиционной смеси наночастиц меди и серебра проявляется в более широком диапазоне концентраций (от 3% до 0,5%), чем при действии водного раствора наночастиц серебра (от 3% до 1%). Данный эффект можно объяснить действием наночастиц меди, которые проявляют по отношению к клиническим штаммам *S. aureus* более агрессивное воздействие, чем наночастицы серебра. В концентрациях 0,25% и 0,125% водные растворы меди и смеси наночастиц серебра и меди проявляют такую же антибактериальную активность, как и водный раствор наночастиц серебра.

Наряду с этим было проанализировано влияние композиционной смеси водных растворов наночастиц серебра и меди и водных диализованных растворов наночастиц этих же металлов на клинические штаммы *S. aureus*. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Выявлено, что бактерицидный эффект смеси водных растворов наночастиц серебра и меди проявлялся в диапазоне концентраций от 3% до 0,5%, о чем свидетельствовало отсутствие роста бактерий на МПА. Аналогичным действием обладала смесь водных диализованных растворов наночастиц серебра и меди в концентрациях от 3% до 1%.

Таблица 1

**Действие водных растворов наночастиц серебра, меди и их смеси
на клинические штаммы *S. aureus***

Опытные образцы	контроль	3%	2%	1%	0,5%	0,25%	0,125%
	число КОЕ						
водный раствор ($C_{Ag} = 3,9$ мМ, $C_{AOT} = 37$ мМ)	428 (307; 448)	–	–	–	42 (24; 55) $Z=3.77$; $p=0.000157$	181 (104; 312) $Z=2.91$; $p=0.003611$	305 (264; 360) $Z=1.96$; $p=0.049367$
водный раствор ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 60$ мМ)	474 (369; 655)	–	–	–	–	98 (65; 211) $Z=3.25$; $p=0.001152$ $Z_1=1.39$; $p_1=0.161973$	373 (200; 508) $Z=1.73$; $p=0.082100$ $Z_1=0.56$; $p_1=0.570751$
водные растворы ($C_{Ag} = 3,9$ мМ, $C_{AOT} = 37$ мМ) + ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 60$ мМ)	377 (328; 521)	–	–	–	–	58 (35; 100) $Z=3.77$; $p=0.000157$ $Z_1=2.94$; $p_1=0.003197$; $Z_2=1.58$; $p_2=0.112412$	249 (175; 433) $Z=1.96$; $p=0.049367$ $Z_1=0.98$; $p_1=0.325752$; $Z_2=0.83$; $p_2=0.405680$

Примечание: в каждом случае приведены медиана, нижний и верхний квартили (25%;75%). Z , p – по сравнению с группой контроля. «–» – отсутствие КОЕ на питательной среде; Z_1 , p_1 – по сравнению с водным раствором ($C_{Ag} = 3,9$ мМ, $C_{AOT} = 37$ мМ); Z_2 , p_2 – по сравнению с водным раствором ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 60$ мМ).

Таблица 2

Действие композиционной смеси водных растворов и водных диализованных растворов наночастиц серебра и меди на клинические штаммы *S. aureus*

Опытные образцы композиционной смеси	контроль	3%	2%	1%	0,5%	0,25%	0,125%
	число колоний						
водные растворы ($C_{Ag} = 3,9$ мМ, $C_{AOT} = 37$ мМ) + ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 60$ мМ)	377 (328; 521)	–	–	–	–	58 (35; 100) $Z=3.77$; $p=0.000157$	249 (175; 433) $Z=1.96$; $p=0.049367$
водные диализованные растворы ($C_{Ag} = 4,3$ мМ, $C_{AOT} = 5$ мМ) + ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 30$ мМ)	688 (408; 896)	–	–	–	308 (224; 496) $Z=1.88$; $p=0.058593$	488 (320; 848) $Z=0.75$; $p=0.449692$ $Z_1=3.77$; $p_1=0.000157$	528 (352; 848) $Z=0.83$; $p=0.405680$ $Z_1=2.57$; $p_1=0.010166$

Примечание: в каждом случае приведены медиана, нижний и верхний квартили (25%;75%). «–» – отсутствие КОЕ на питательной среде; Z , p – по сравнению с группой контроля; Z_1 , p_1 – по сравнению с водными растворами.

Таблица 3

Действие водных диализованных растворов наночастиц серебра, меди и их смеси на клинические штаммы *S. aureus*

Опытные образцы	контроль	3%	2%	1%	0,5%	0,25%	0,125%
	число КОЕ						
водный диализованный раствор ($C_{Ag} = 4,3$ мМ, $C_{AOT} = 5$ мМ)	616 (544; 736)	–	–	–	388 (172; 536) $Z=2.34$; $p=0.019111$	496 (464; 688) $Z=1.17$; $p=0.241322$	616 (544; 736) $Z=0.00$; $p=1.000000$
водный диализованный раствор ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 30$ мМ)	668 (376; 986)	–	–	–	185 (19; 232) $Z=3.32$; $p=0.000881$ $Z_1=1.73$; $p_1=0.082100$	315 (124; 417) $Z=2.26$; $p=0.023343$ $Z_1=1.70$; $p_1=0.088974$	460 (236; 704) $Z=1.28$; $p=0.198766$ $Z_1=0.90$; $p_1=0.364347$
водные диализованные растворы ($C_{Ag} = 4,3$ мМ, $C_{AOT} = 5$ мМ) + ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 30$ мМ)	688 (408; 896)	–	–	–	308 (224; 496) $Z=1.88$; $p=0.058593$ $Z_1=0.18$; $p_1=0.850107$; $Z_2=1.92$; $p_2=0.053903$	488 (320; 848) $Z=0.75$; $p=0.449692$ $Z_1=0.03$; $p_1=0.969850$; $Z_2=1.51$; $p_2=0.130571$	528 (352; 848) $Z=0.83$; $p=0.405680$ $Z_1=0.56$; $p_1=0.570751$; $Z_2=0.56$; $p_2=0.570751$

Примечание: в каждом случае приведены медиана, нижний и верхний квартили (25%;75%). Z , p – по сравнению с группой контроля. «–» – отсутствие КОЕ на питательной среде; Z_1 , p_1 – по сравнению с водным диализованным раствором ($C_{Ag} = 4,3$ мМ, $C_{AOT} = 5$ мМ); Z_2 , p_2 – по сравнению с водным диализованным раствором ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 30$ мМ).

Концентрации 0,25% и 0,125% композиционных водных растворов и концентрация 0,5% композиционного диализованного раствора наночастиц серебра и меди также оказывали бактерицидное действие на клетки золотистого стафилококка, что позволяет говорить о более выраженной антибактериальной активности смеси водных растворов наночастиц металлов.

В таблице 3 представлены результаты антимикробной активности водных диализованных растворов наночастиц серебра, меди, а также сме-

си этих растворов. Максимальный бактерицидный эффект выявлен в диапазоне концентраций от 3% до 1% для всех опытных образцов. Бактерицидное действие водных диализованных растворов отмечено и при концентрациях 0,5%, 0,25% и 0,125%. Статистически значимого различия в действии этих концентраций на золотистый стафилококк не выявлено.

На следующем этапе работы была проведена оценка действия смеси водных растворов наночастиц серебра и меди и водных диализованных

Таблица 4

Действие композиционной смеси водных растворов и водных диализованных растворов наночастиц серебра и меди на клинические штаммы *E. coli*

Опытные образцы композиционной смеси	контроль	3%	2%	1%	0,5%	0,25%	0,125%
	число КОЕ						
водные растворы ($C_{Ag} = 3,9$ мМ, $C_{AOT} = 37$ мМ) + ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 60$ мМ)	904 (848; 1040)	-	-	-	108 (56; 168) $Z=3.66$; $p=0.000246$	272 (164; 528) $Z=3.06$; $p=0.002202$	624 (280; 848) $Z=2.26$; $p=0.023343$
водные диализованные растворы ($C_{Ag} = 4,3$ мМ, $C_{AOT} = 5$ мМ) + ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 30$ мМ)	904 (848; 1040)	-	-	-	14 (2; 27) $Z=3.77$; $p=0.000157$ $Z_1=2.87$; $p_1=0.004072$	137 (111; 159) $Z=3.77$; $p=0.000157$ $Z_1=2.57$; $p_1=0.010166$	422 (296; 523) $Z=3.51$; $p=0.000440$ $Z_1=1.17$; $p_1=0.241322$

Примечание: в каждом случае приведены медиана, нижний и верхний квартили (25%;75%). «-» – отсутствие КОЕ на питательной среде; Z , p – по сравнению с группой контроля; Z_1 , p_1 – по сравнению с водным раствором.

Таблица 5

Действие водных растворов наночастиц серебра, меди и их смеси на клинические штаммы *E. coli*

Опытные образцы	контроль	3%	2%	1%	0,5%	0,25%	0,125%
	число КОЕ						
водный раствор ($C_{Ag} = 3,9$ мМ, $C_{AOT} = 37$ мМ)	688 (604; 776)	-	-	-	2 (1; 4) $Z=3.77$; $p=0.000157$	54 (15; 90) $Z=3.77$; $p=0.000157$	180 (68; 311) $Z=3.70$; $p=0.000212$
водный раствор ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 60$ мМ)	1416 (1198; 1616)	-	-	-	757 (656; 944) $Z=3.70$; $p=0.000212$ $Z_1=3.77$; $p_1=0.000157$	896 (704; 1008) $Z=3.62$; $p=0.000285$ $Z_1=3.77$; $p_1=0.000157$	1022 (992; 1152) $Z=3.32$; $p=0.000881$ $Z_1=3.77$; $p_1=0.000157$
водные растворы ($C_{Ag} = 3,9$ мМ, $C_{AOT} = 37$ мМ) + ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 60$ мМ)	904 (848; 1040)	-	-	-	108 (56; 168) $Z=3.66$; $p=0.000246$ $Z_1=3.77$; $p_1=0.000157$; $Z_2=3.40$; $p_2=0.000670$	272 (164; 528) $Z=3.06$; $p=0.002202$ $Z_1=3.40$; $p_1=0.000670$; $Z_2=2.94$; $p_2=0.003197$	624 (280; 848) $Z=2.26$; $p=0.023343$ $Z_1=2.74$; $p_1=0.005159$; $Z_2=2.57$; $p_2=0.010166$

Примечание: в каждом случае приведены медиана, нижний и верхний квартили (25%;75%). Z , p – по сравнению с группой контроля. «-» – отсутствие КОЕ на питательной среде; Z_1 , p_1 – по сравнению с водным раствором ($C_{Ag} = 3,9$ мМ, $C_{AOT} = 37$ мМ); Z_2 , p_2 – по сравнению с водным раствором ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 60$ мМ).

растворов наночастиц этих же металлов на клинические штаммы *E. coli*. Полученные результаты представлены в таблице 4.

Было установлено, что бактерицидный эффект этих растворов в отношении грамотрицательных бактерий ярко выражен при действии концентраций 3%, 2% и 1%. Смесь водных растворов в диапазоне концентраций 0,5% – 0,125% и смесь водных диализованных растворов в концентрациях 0,5% и 0,25% проявили менее выраженный бактерицидный характер действия по отношению к кишечной палочке. Концентрация смеси водных

диализованных растворов 0,125% статистически значимой не является.

Дополнительно нами был проведён сравнительный анализ действия только водных растворов наночастиц металлов и их смеси, результаты которого представлены в таблице 5. При действии концентраций в диапазоне от 3% до 1% все опытные образцы проявляют биоцидный эффект. Из трёх водных дисперсий самым эффективным является водный раствор серебра.

При сравнении водных диализованных растворов этих же металлов и их смеси наблюдался вы-

Таблица 6

Действие водных диализованных растворов наночастиц серебра, меди и их смеси на клинические штаммы *E. coli*

Опытные образцы	контроль	3%	2%	1%	0,5%	0,25%	0,125%
	число КОЕ						
водный диализованный раствор ($C_{Ag} = 4,3$ мМ, $C_{AOT} = 5$ мМ)	816 (718;880)	-	-	-	17 (9;39) $Z=3.77$; $p=0.000157$	194 (23;246) $Z=3.36$; $p=0.000769$	307 (168;576) $Z=2.75$; $p=0.005796$
водный диализованный раствор ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 30$ мМ)	808 (656; 1024)	-	-	-	408 (296; 736) $Z=2.45$; $p=0.014020$ $Z_1=3.77$; $p_1=0.000157$	410 (320; 608) $Z=2.94$; $p=0.003197$ $Z_1=1.81$; $p_1=0.069643$	547 (272; 800) $Z=1.92$; $p=0.053903$ $Z_1=1.39$; $p_1=0.161973$
водные диализованные растворы ($C_{Ag} = 4,3$ мМ, $C_{AOT} = 5$ мМ) + ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 30$ мМ)	904 (848; 1040)	-	-	-	14 (2; 27) $Z=3.77$; $p=0.000157$ $Z_1=0.75$; $p_1=0.449692$; $Z_2=3.62$; $p_2=0.000285$	137 (111; 159) $Z=3.77$; $p=0.000157$ $Z_1=0.98$; $p_1=0.325752$; $Z_2=3.02$; $p_2=0.002497$	422 (296; 523) $Z=3.51$; $p=0.000440$ $Z_1=0.22$; $p_1=0.820596$; $Z_2=1.05$; $p_2=0.289919$

Примечание: в каждом случае приведены медиана, нижний и верхний квартили (25%;75%). Z , p – по сравнению с группой контроля. «-» – отсутствие КОЕ на питательной среде; Z_1 , p_1 – по сравнению с водным диализованным раствором ($C_{Ag} = 4,3$ мМ, $C_{AOT} = 5$ мМ); Z_2 , p_2 – по сравнению с водным диализованным раствором ($C_{Cu} = 0,25$ мМ, $C_{AOT} = 30$ мМ).

раженный бактерицидный эффект также в диапазоне концентраций от 3% до 1%. (табл. 6). Следует отметить, что 0,5% и 0,25% диализованные растворы наночастиц серебра и смеси наночастиц серебра и меди проявляют практически одинаковую бактерицидную активность, существенно превышающую таковую водного диализованного раствора меди.

Таким образом, все опытные образцы растворов наночастиц серебра и меди оказывают выраженное антибактериальное действие в отношении клинических штаммов *S. aureus* и *E. coli*.

Антибактериальное действие смеси водных растворов наночастиц серебра и меди на клинические штаммы золотистого стафилококка и кишечной палочки превосходит аналогичный эффект смеси водных диализованных растворов наночастиц этих металлов.

Смеси водных растворов наночастиц серебра и меди более агрессивны по отношению к штаммам *S. aureus*, чем к штаммам *E. coli*, что, вероятно, связано с особенностями строения клеточной стенки грамотрицательных бактерий.

Полученные результаты позволяют рассматривать опытные образцы растворов наночастиц металлов как средства для борьбы с полирезистентными грамположительными и грамотрицательными бактериями.

Библиографический список

1. Егорова Е.М., Ревина А.А., Кондратьева В.С. Способ получения наноструктурных металлических частиц (патент РФ № 2147487, МПК В22F 9/24

по заявке № 99114319/02, приор. от 01.07.1999 г., опубл. 20.04.2000 г.).

2. Изучение биологической активности наночастиц меди / А.А. Рахметова, Т.П. Алексеева, Т.А. Байтукалов, О.А. Богословская // Актуальные вопросы спортивной медицины, лечебной физической культуры, физиотерапии и курортологии: материалы VII междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых. – М., 2008. – С. 33.

3. Изучение антибактериального действия наночастиц меди и железа на клинические штаммы *Staphylococcus aureus* / И.В. Бабушкина, В.Б. Бородулин, Г.В. Коршунов, Д.М. Пучиньян // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2010. – Т. 6. – № 1. – С. 11–14.

4. Нанобиотехнология и наномедицина / А.И. Арчаков [и др.] // Биомедицинская химия. – 2006. – № 6. – С. 529–546.

5. Сидоренко С.В., Колбин А.С., Балыкина Ю.Е. Социально-экономические аспекты приобретенной бактериальной резистентности // Клиническая фармакология и терапия. – 2010. – № 5. – С. 16–22.

6. Сравнение действия ионов и наночастиц серебра на клетки дрожжей и кишечной палочки / Е.К. Баранова, А.А. Ревина, Л.И. Войно, В.И. Горбатюк // Наночастицы в природе. Нанотехнологии их создания в приложении к биологическим системам: материалы 1-го Рос. науч.-метод. семинара. – М., 2003. – С. 53–60.

7. Egorova E.M. Biological effects of silver nanoparticles // Silver nanoparticles: Properties, Characterization and Applications / ed. by Audrey

E. Welles). – New-York: Nova Science Publishers, 2010. – P. 221–258.

8. Paterson D.L. The role of antimicrobial

management programs in optimizing antibiotic prescribing within hospitals // Clin Infect Dis. – 2006. – 42 Suppl. – P. 90–95.

УДК 591.2

Кузьмичев Василий Витальевич

доктор ветеринарных наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

kaf_mbd@ksu.edu.ru

Кузьмин Андрей Федорович

кандидат медицинских наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

kaf_mbd@ksu.edu.ru

Стрелец Борис Максимович

доктор медицинских наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

kaf_mbd@ksu.edu.ru

Стакина Маргарита Николаевна

Костромская областная ветеринарная лаборатория

margarita.stakina@yandex.ru

ДИНАМИКА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОДЖЕЛУДОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

Диагностика патологий поджелудочной железы невозможна без биохимических и общеклинических исследований крови. В качестве профилактики патологий лабораторный анализ крови рекомендуется проводить систематически: выявленные на ранних стадиях нарушения обменных процессов в организме животных более пластичны и легче подвергаются коррекции путем баланса рациона кормления с минимальным применением лекарственных препаратов. По данным С.В. Старченкова (2001), при своевременном устранении этиологических факторов, исследуемые показатели крови приходят к значениям физиологической нормы, соответствующей данному виду животных.

Ключевые слова: физиологические показатели, динамика работы, поджелудочная железа.

Введение

В настоящее время человеку необходимо общение с домашними животными. В случае болезни животных, живущих рядом с человеком, у него возникают эмоциональные, а часто и физические расстройства. Поэтому знание физиолого-биохимических основ жизнедеятельности организма собаки и кошки необходимо [7].

Поддерживая уровень обмена веществ в рамках физиологической нормы, можно сохранить здоровье животного. В таком случае у животных увеличивается продолжительность жизни, улучшается её качество и они дают крепкое жизнеспособное потомство. Большое значение имеет и правильное кормление животных. Известно, что корм оказывает существенное влияние на организм, принося ему энергию, пластические, минеральные вещества и витамины для поддержания в нем нормальной структуры клеток, тканей, органов и систем, а также нормальных физиологических функций. В связи с этим необходимо обращать особое внимание на правильное сочетание основных питательных веществ в рационе, состав кормов и их доброкачественность [17–19].

Выявление количественного содержания биохимических компонентов в биологических жидкостях здоровых животных и их изменений при заболеваниях позволяет с помощью лабораторных исследований провести своевременную диагно-

стику (при отсутствии клинического проявления) болезни.

Материалы и методы исследования. Исследования проводились в испытательном центре ОГБУ «Костромская областная ветеринарная лаборатория». Для исследования была использована сыворотка крови 18 взрослых собак в возрасте от 3 до 6 лет, принадлежащих владельцам из частного сектора г. Костромы и Костромского района. Все пробы крови были отобраны у животных ветеринарными врачами ветеринарной клиники и испытательного центра ОГБУ «Костромская областная ветеринарная лаборатория» для определения морфологического состава и проведения биохимических исследований.

Кровь собак исследовали на концентрацию гемоглобина, СОЭ, общее количество лейкоцитов, эритроцитов. Из биохимических показателей определяли концентрацию глюкозы, общего белка, холестерина, активность α -амилазы, активность ГГТ.

Было проведено три серии исследований. В первой серии опытов было задействовано три группы взрослых собак разных пород в возрасте от 3 до 6 лет, массой 30–40 кг. Первая группа – клинически здоровые животные (n=6), вторая группа – больные с клиническими признаками острого панкреатита (n=6), третья группа – больные собаки с клиническими признаками сахарного диабета (n=6). Кровь животных данной группы исследовалась с целью оценки состояния обмена веществ и выявления нарушений.

Во второй серии для анализа динамики морфологических и биохимических показателей крови была задействована группа взрослых собак ($n=6$) разных пород в возрасте от 3 до 6 лет, массой 30–40 кг, с клиническими признаками острого панкреатита.

В третьей серии для анализа динамики морфологических и биохимических показателей крови были задействованы собаки ($n=6$) разных пород, в возрасте от 3 до 6 лет, живой массой 30–40 кг, с клиническими признаками сахарного диабета.

Кровь здоровых животных исследовали однократно. Кровь больных животных исследовали трижды: до лечения, через 14 дней и через месяц после лечения.

Для проведения исследований опытных проб крови был использован универсальный химический анализатор биологических жидкостей «Виталон – 400», предназначенный для биохимического и турбидиметрического анализа, оснащенный термостатируемой кюветой, термопринтером, светофильтрами 340, 405, 500, 546, 578, 620, 670 нм. Методы: определение активности γ -глутаматдегидрогеназы (ГГТ) и активности α -амилазы в сыворотке крови кинетическим методом; определение концентрации общего белка в сыворотке (плазме) крови биуретовым методом; определение концентрации глюкозы, холестерина, гемоглобина крови колориметрическим методом; определение скорости оседания эритроцитов в крови (СОЭ) по методу Панченкова; определение общего количества эритроцитов и лейкоцитов в крови путем подсчета в камере Горяева. Дифференцированный подсчет лейкоцитов проводили в мазках крови, окрашенных по методу Паппенгейма.

Все полученные значения измерений также заносили в таблицы, на основе которых описывали результаты исследований.

Результаты исследования и их обсуждение.

Практически при всех заболеваниях нарушаются обменные процессы в организме животных. При воздействии каких-либо патогенных факторов изменяется морфологический состав крови, отклоняются от физиологической нормы биохимические показатели крови, изменяется активность ферментов.

Отмечено, что собаки, в сравнении с другими

видами животных, наиболее часто страдали от нарушений пищеварения. Наиболее часто возникали такие заболевания поджелудочной железы, как острый панкреатит, хронический панкреатит, сахарный диабет. Диагностика этих заболеваний невозможна без лабораторных исследований крови. С этой целью нами была исследована кровь больных собак. Клинически здоровые животные также были подвергнуты лабораторным анализам с целью оценки состояния обмена веществ и выявления ранних (доклинических) нарушений.

В первой серии опытов кровь у собак для лабораторных исследований брали однократно. Первая группа животных состояла из клинически здоровых собак ($n=6$). Во второй группе были животные с клиническими признаками острого панкреатита ($n=6$). В третьей группе – собаки с клиническими признаками сахарного диабета ($n=6$).

При исследовании стабилизированной крови животных первой группы на морфологические показатели установлено, что все они находились в пределах физиологической нормы.

При исследовании крови животных второй группы выявлено ускорение СОЭ, лейкоцитоз, концентрация гемоглобина повышена.

У животных третьей группы установлено ускорение СОЭ. Концентрация гемоглобина была снижена, но находилась в рамках физиологической нормы. Общее количество лейкоцитов и эритроцитов в пределах нормы, соответствующей данному виду животных (табл. 1).

При исследовании крови животных первой группы на биохимические показатели установлено, что концентрация общего белка и активность α -амилазы находились в пределах нормы. Содержание холестерина повышено. Концентрация глюкозы находилась в пределах нормы, но имела пограничные значения. Активность ГГТ незначительно повышена. Владелец животных данной группы было рекомендовано ограничить количество жирных и углеводистых кормов в рационе. Также рекомендовано систематическое исследование крови на биохимические показатели.

В крови животных второй группы выявлена гипергликемия, гиперхолестеринемия. Активность фермента α -амилазы и ГГТ повышена (табл. 2).

Таблица 1

Морфологические показатели крови
клинически здоровых собак и при патологии поджелудочной железы

Группы животных	Вид исследований			
	Концентрация гемоглобина	СОЭ	Количество лейкоцитов	Количество эритроцитов
	Норма 120,0 – 180,0 г/л	Норма 2 – 6 мм/ч	Норма 5,3–12,7 *10 ⁹ /л	Норма 5,3–10,2 *10 ¹² /л
1 группа	171,8±9,8	3,0±0,1	7,9±0,4	7,1±0,4
2 группа	185,7±10,2	8,0±0,2	15,8±0,6	9,2±1,1
3 группа	125,7±8,1	7,0±0,2	10,9±0,3	5,8±0,2

Таблица 2

**Биохимические показатели крови
клинически здоровых собак и при патологии поджелудочной железы**

Группы животных	Вид исследования				
	глюкоза, ммоль/л	α -амилаза, ед/л	общий белок, г/л	холестерин, ммоль/л	ГГТ, ед/л
	Норма 3,4 – 6,0 ммоль/л	Норма 269,5-1462,4 ед/л	Норма 55,1-75,1 г/л	Норма 3,0 – 6,6 ммоль/л	Норма 1,0-9,7 ед/л
1 группа	5,8 \pm 0,4	937,1 \pm 29,6	65,6 \pm 3,8	9,6 \pm 0,4	11,8 \pm 0,7
2 группа	8,5 \pm 0,5	1988,5 \pm 45,9	56,2 \pm 3,1	11,7 \pm 0,9	18,1 \pm 1,7
3 группа	16,2 \pm 1,2	1635,6 \pm 38,6	55,7 \pm 3,5	10,9 \pm 0,8	12,9 \pm 0,9

Таблица 3

Морфологические показатели крови собак с диагнозом острый панкреатит

Дни исследований	Вид исследований			
	Концентрация гемоглобина	СОЭ	Количество лейкоцитов	Количество эритроцитов
	Норма 120,0–180,0 г/л	Норма 2–6 мм/ч	Норма 5,3–12,7 \cdot 10 ⁹ /л	Норма 5,3–10,2 \cdot 10 ¹² /л
До лечения	185,7 \pm 10,2	8,0 \pm 0,2	15,8 \pm 0,6	9,2 \pm 1,1
14 день	183,7 \pm 9,8	8,0 \pm 0,2	14,2 \pm 0,7	8,7 \pm 1,3
30 день	175,4 \pm 9,1	6,0 \pm 0,4	13,1 \pm 0,5	8,1 \pm 0,9

Таблица 4

Биохимические показатели крови собак с диагнозом острый панкреатит

Дни исследований	Вид исследования				
	глюкоза, ммоль/л	α -амилаза, ед/л	общий белок, г/л	холестерин, ммоль/л	ГГТ, ед/л
	Норма 3,4 – 6,0 ммоль/л	Норма 269,5–1462,4 ед/л	Норма 55,1–75,1 г/л	Норма 3,0–6,6 ммоль/л	Норма 1,0–9,7 ед/л
До лечения	8,5 \pm 0,5	1988,5 \pm 45,9	56,2 \pm 3,1	11,7 \pm 0,9	18,1 \pm 1,7
14 день	7,1 \pm 0,3	1595,6 \pm 39,7	58,7 \pm 4,6	11,4 \pm 0,6	15,9 \pm 1,4
30 день	5,2 \pm 0,2	1228,1 \pm 32,4	61,2 \pm 3,9	10,5 \pm 0,3	11,3 \pm 1,1

При исследовании сыворотки крови животных третьей группы установлено, что концентрация глюкозы превышала верхнюю границу нормы в 2,7 раза, концентрация холестерина была выше нормы в 1,5 раза. Активность ферментов α -амилазы и ГГТ незначительно повышена.

Таким образом, при патологиях поджелудочной железы изменяются биохимические показатели, о чем свидетельствовало повышение уровня глюкозы, холестерина и активности ферментов в крови.

На втором этапе исследовали кровь собак второй группы с клиническими признаками острого панкреатита: жажда, снижение аппетита, угнетение, слабость, частая рвота, диарея. Установлено, что эти животные после кормления начинали беспокоиться.

При уточнении анамнеза установлено, что животные этой группы продолжительное время получали несбалансированное в отношении жиров и углеводов кормление – в их рационе присутствовали колбасы, копчености, сладости, кондитерские изделия.

При исследовании крови на общий клинический анализ выявлено ускорение СОЭ, лейкоцитоз, концентрация гемоглобина повышена (табл. 3).

На фоне медикаментозного лечения к 14 дню отмечалось снижение концентрации гемоглобина, количества лейкоцитов и эритроцитов на 1,1, 10,1 и 5,4% соответственно. СОЭ изменений не претерпевало.

Лечение животных было продолжено с применением диетотерапии, которая предусматривала ограничение углеводистых и жирных кормов. К концу исследований отмечается значительное снижение концентрации гемоглобина до нормативных показателей. СОЭ и количество лейкоцитов приблизились к верхней границе физиологической нормы.

При биохимическом исследовании сыворотки крови была выявлена повышенная концентрация глюкозы и холестерина. Отмечена также гипопотеинемия, что можно объяснить нарушением всасывания белков корма в желудочно-кишечном тракте в результате патологических процессов. Активность ферментов α -амилазы и ГГТ повышена (табл. 4).

Выявленные изменения биохимических показателей крови и данные анамнеза указывали на развитие острого панкреатита. Провоцирующими факторами в возникновении указанной патологии

Таблица 5

Морфологические показатели крови собак с диагнозом сахарный диабет

Количество исследований	Вид исследований			
	Концентрация гемоглобина	СОЭ	Количество лейкоцитов	Количество эритроцитов
	Норма 120,0–180,0 г/л	Норма 2–6 мм/ч	Норма 5,3–12,7·10 ⁹ /л	Норма 5,3–10,2·10 ¹² /л
До лечения	125,7±8,1	7,0±0,2	10,9±0,3	5,8±0,2
14 день	123,9±7,7	7,0±0,1	11,3±0,5	6,0±0,4
30 день	131,9±6,2	6,0±0,3	9,5±0,2	6,6±0,2

были погрешности в кормлении данной группы животных, так как основу рациона составляла еда со стола хозяев.

Врачом ветеринарной клиники было назначено комплексное лечение, направленное на устранение этиологического фактора. Медикаментозное лечение было направлено на снятие болевого синдрома, подавление воспалительного процесса. Применялись спазмолитики – но-шпа, папаверина гидрохлорид. Купирование боли было достигнуто путем применения раствора баралгина. Применялся антибиотик широкого спектра действия – пенициллин.

Для угнетения секреции ферментов поджелудочной железы была назначена голодная диета на 1–2 дня.

Через две недели при повторном биохимическом исследовании сыворотки крови было отмечено снижение концентрации глюкозы на 16,5%, активности α -амилазы – на 19,7% и ГГТ – на 12,1%. Концентрация холестерина оставалась на прежнем уровне и была на 42,1% выше нормальных показателей.

После проведенного лечения кровь животных вновь исследовали на биохимические показатели. Концентрация глюкозы и активность α -амилазы были в пределах нормы. Концентрация общего белка крови также повысилась, что свидетельствовало о нормализации всасывательной функции желудочно-кишечного тракта. Отмечено, что активность фермента ГГТ возвращалась к норме медленно и к окончанию опыта оставалась повышенной, как и концентрация холестерина.

В дальнейшем лечение животных заключалось в применении диетотерапии, которая предусматривала присутствие в рационе отварного мяса, рыбы, нежирного творога.

В третьей серии опытов исследованиям подверглась кровь собак третьей группы – с клиническими признаками сахарного диабета. Кровь у этих животных брали дважды: через 14 дней после начала лечения, и через 30 дней после начала лечебных мероприятий. При уточнении анамнестических данных у всех собак отмечались жажда, быстрая утомляемость животных, повышенный диурез, потеря массы тела при сохранении аппетита.

При первоначальном исследовании крови на общий клинический анализ выявлено ускорение СОЭ. Концентрация гемоглобина снижена, общее количество лейкоцитов и эритроцитов в пределах нормы. Повторное исследование проводилось для уточнения диагноза.

При заключительном исследовании крови отмечено повышение гемоглобина, снижение СОЭ и количества лейкоцитов. Под действием медикаментозного лечения к 30 дню отмечалось повышение концентрации гемоглобина на 4,7% и количества эритроцитов на 4,0%; понижение количества лейкоцитов на 12,8% и СОЭ на 14,2% (табл. 5).

При первоначальном биохимическом исследовании крови была выявлена гипергликемия, гиперхолестеринемия. При этом уровень глюкозы у собак данной группы превышал показатели нормативных данных, соответствующих данному виду животных, в 2,7 раза, концентрация холестерина превышала нормальные значения в 1,6 раз. Активность ферментов α -амилазы и ГГТ повышена на 10,6% и 24,8% соответственно. Концентрация общего белка была близка к нижней границе нормы (табл. 6).

Для уточнения диагноза и исключения погрешностей в кормлении было назначено повтор-

Таблица 6

Биохимические показатели крови собак с диагнозом сахарный диабет

Количество исследований	Вид исследования				
	глюкоза, ммоль/л	α -амилаза, ед/л	общий белок, г/л	холестерин, ммоль/л	ГГТ, ед/л
	Норма 3,4–6,0 ммоль/л	Норма 269,5–1462,4 ед/л	Норма 55,1–75,1 г/л	Норма 3,0–6,6 ммоль/л	Норма 1,0–9,7 ед/л
До лечения	16,2±1,2	1635,6±38,6	55,7±3,5	10,9±0,8	12,9±0,9
14 день	16,9±0,8	1683,3±23,3	58,7±2,9	10,5±0,5	11,4±0,7
30 день	7,4±0,4	1481,1±53,7	59,6±3,1	9,3±0,3	10,8±0,8

ное исследование сыворотки крови на указанные биохимические показатели крови. При повторном исследовании была выявлена гипергликемия. При дополнительных биохимических исследованиях были увеличены показатели остаточного азота – креатинина и мочевины.

Врачом ветеринарной клиники было назначено комплексное лечение. Медикаментозная терапия заключалась в применении ферментов – панкреатина, панзинорма форте, мезима форте, а также гипогликемических препаратов – манинила и т.д. Лечение также включало в себя диетотерапию. Было назначено: постное вареное мясо, рыба, некрепкие мясные бульоны, поливитамины. Из рациона исключили кондитерские изделия, овсяную кашу, белый хлеб. Ограничено количество углеводов и жира в рационе животного.

После проведенного лечения кровь животных вновь исследовали на биохимические показатели. Концентрация глюкозы и холестерина в сыворотке снизилась, но оставалась выше нормального значения на 18,9 и 29,0% соответственно. Активность ферментов α -амилазы и ГГТ имела пограничные значения. Отмечено повышение уровня общего белка крови до нормальных значений. Таким образом, при патологических процессах в поджелудочной железе некоторые компоненты крови у подопытных животных не вошли в нормативные границы физиологических показателей.

Библиографический список

1. Бикхард К. Клиническая ветеринарная патофизиология / пер. с нем. В. Пулинец. – М.: ООО «АКВАРИУМ ПРИНТ», 2005. – С. 215–235.
2. Берестов В.А. Лабораторные методы оценки состояния пушных зверей. – Петрозаводск: Карелия, 1981. – С. 25–27.
3. Васильева Е.А. Клиническая биохимия сельскохозяйственных животных. – М.: Россельхозиздат, 1982. – С. 3, 133–160.
4. Данилевская Н.В., Коробов А.В., Старченков С.В., Щербаков Г.Г. Справочник ветеринарного терапевта / серия «Мир медицины». – СПб.: Издательство «Лань», 2000. – С. 107.
5. Зайко Н.Н., Быць Ю.В., Атаман А.В. и др. Патологическая физиология / под ред. Н.Н. Зайко и Ю.В. Быця. – 3-е изд., перераб. и доп. – К.: Логос, 1996. – С. 259–271.
6. Зотова А.С. Динамика морфо-функциональных показателей печени в норме и при гепатозе норок. – Иваново, 2006. – С. 15.
7. Конопатов Ю.В., Рудаков В.В. Биохимические показатели кошек и собак в норме и при патологии. – СПб., 1998. – С. 5–7, 10–13, 20, 28.
8. Лабораторные исследования в ветеринарии. Справочник / под ред. В.Я. Антонова и П.Н. Блинова. – М.: Колос, 1971. – С. 428.
9. Лебедев А.В. и др. Незаразные болезни собак и кошек. 2-е изд., перераб., испр. и доп. – СПб: ГИОРД, 2000. – С. 8–21.
10. Смирнов А.М., Конопелько П.Я., Пушкарев Р.П. и др. Клиническая диагностика незаразных болезней животных. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Агропромиздат, 1988. – С. 372–444.
11. Савронь Е.С., Воронянский В.И., Киселев Г.И., Четкин А.В., Докторович Н.Л. Практикум по биохимии животных. – М., 1967. – С. 62.
12. Скопичев В.Г. и др. Частная физиология. Ч. 3: Физиология собак и кошек. – М.: Колос, 2008. – С. 104–107, 113, 114.
13. Старченков С.В. Болезни собак и кошек. – СПб.: Изд. «Лань», 2001. – С. 189.
14. Уша Б.В., Фельдштейн М.А. Первая помощь животным при незаразных болезнях. – М.: Колос, 1995. – С. 133–138.
15. Четкин А.В., Головацкий И.Д., Калиман П.А., Воронянский В.И. Биохимия животных / под ред. проф. А.В. Четкина. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 155, 173, 189, 260, 301, 329, 445.
16. Шарабрин И.Г. Профилактика нарушений обмена у крупного рогатого скота. – М.: Колос, 1975. – С. 3–55, 83.
17. Шарабрин И.Г., Кондрахин И.П. и др. Рекомендации по диагностике, лечению и профилактике болезней обмена веществ у коров. – М., 1977. – С. 4–6, 29.
18. Щербаков Г.Г., Коробов А.В. и др. Внутренние болезни животных. – СПб.: Изд. «Лань», 2002. – С. 447, 532–541.
19. Щербаков Г.Г., Старченко С.В. Незаразные болезни собак и кошек. – СПб: Агропромиздат, 1996. – С. 20, 83.

БИОРАЗНООБРАЗИЕ РАСТЕНИЙ НИЖНИХ ЯРУСОВ ЛЕСНЫХ ЭКОСИСТЕМ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ИХ УСТОЙЧИВОСТИ

В статье рассматривается биоразнообразие структурных составляющих экосистем – ярусов, синузий и др., которые отличаются относительной самостоятельностью.

Ключевые слова: лесные экосистемы, устойчивость, биоразнообразие, травяно-кустарничковый ярус, структура популяций.

Постановка проблемы. На протяжении последних двух десятилетий проблема изучения биоразнообразия занимает одно из центральных мест в экологических исследованиях. Это связано с тем, что в 1991 г. Генеральная ассамблея Международного союза биологических наук утвердила специальную программу изучения биоразнообразия (Diversitas), а в 1992 году была принята Конвенция о биоразнообразии. Флористическое биоразнообразие активно изучается на уровне крупных регионов и отдельных экосистем. Сравнительно менее изучено биоразнообразие структурных составляющих экосистем – ярусов, синузий и др., которые отличаются относительной самостоятельностью. Установление особенностей формирования биоразнообразия отдельных ярусов особенно важно для лесных растительных сообществ, в которых каждый ярус выполняет специфические биолого-экологические функции и определяет общую устойчивость лесной экосистемы.

Литературный обзор и цель исследования. Чаще всего в ботанических работах биоразнообразие понимают как таксономическое разнообразие видов растений на той или иной территории или в фитоценозе определенного типа. Этому аспекту проблемы посвящена огромная литература [1, 114 с.; 5, с. 131–140; 9, р. 804–808; и др.]. Такой интегрирующий подход правомерен для уровня экосистем, но он маскирует распределение видов по структурным частям фитоценозов. Этот аспект проблемы при его важности для анализа организации и устойчивости растительных сообществ остается малоизученным. Известно, что в формировании многоярусных сообществ, в частности лесных, структура видового разнообразия достаточно сложная, а элементы (виды растений) этой структуры отличаются по жизненным формам и по отношению к факторам среды обитания [4, с. 804–807]. Для устойчивости биоценозов функциональное разнообразие их структурных составляющих важнее, чем общее видовое разнообразие [7, р. 646–655]. Такое направление исследований представляет особую актуальность для лесных сообществ северо-востока Украины, которые выполняют важную климатообразующую функцию и испытывают большие антропогенные нагрузки.

Целью исследования явилось а) установление видового богатства в травяно-кустарничковом ярусе в трех ассоциациях лесных фитоценозов, характерных для Новгород-Северского Полесья, б) выявление дифференциации видов растений травяно-кустарничкового яруса по группам со сходными эколого-биологическими особенностями.

Объекты и методика. В качестве объектов исследования выбраны три ассоциации лесных фитоценозов Новгород-Северского Полесья, типичные для данного региона. Это ассоциации: 1 – *Molinio caeruleae-Pinetum sylvestris*, 2 – *Mercurialo perrenis-Quercetum roboris* и 3 – *Quercu-Pinetum (sylvestris)*. В каждой из ассоциаций было описано до 8–15 стандартных пробных площадей с регистрацией видового состава травяно-кустарничкового яруса, проективного покрытия и встречаемости всех видов. Для выявленных видов были учтены их девять основных особенностей: жизненная форма, средняя высота особей, продолжительность жизни, срок зацветания и экологический оптимум по трем факторам – освещенность, плодородие почвы и режим увлажнения. Экологические оптимумы оценивали по шкалам Я.П. Дидука [8, р. 176].

Оценка структуры травяно-кустарничкового яруса проведена на основе кластерного анализа (пакет *Statistica*, версия 8), который позволяет дифференцировать виды растений по группам на основе сходства их биологических и экологических особенностей.

Результаты и их обсуждение. Ассоциация *Molinio caeruleae-Pinetum sylvestris* W. Matuszk. et J. Matuszk. представляет собой хвойные леса чаще всего на месте старых посадок сосны. Они широко распространены в регионе исследований на сырых почвах. В травяно-кустарничковом ярусе в среднем регистрируется 14 видов на 100 м² [3, с. 312]. Доля видов травяно-кустарничкового яруса в общем видовом составе в этом синтаксоне равна примерно 77%.

На основании 8 описаний нами выявлено 17 видов: 1. *Calamagrostis arundinacea*, 2. *C. epigeios*, 3. *Calluna vulgaris*, 4. *Carex nigra*, 5. *Convallaria majalis*, 6. *Dryopteris carthusiana*, 7. *Festuca ovina*, 8. *Luzula pilosa*, 9. *Lycopodium annotinum*, 10. *Maianthemum bifolium*, 11. *Melampyrum pratense*, 12. *Molinia caerulea*, 13. *Pteridium aquilinum*, 14. *Ru-*

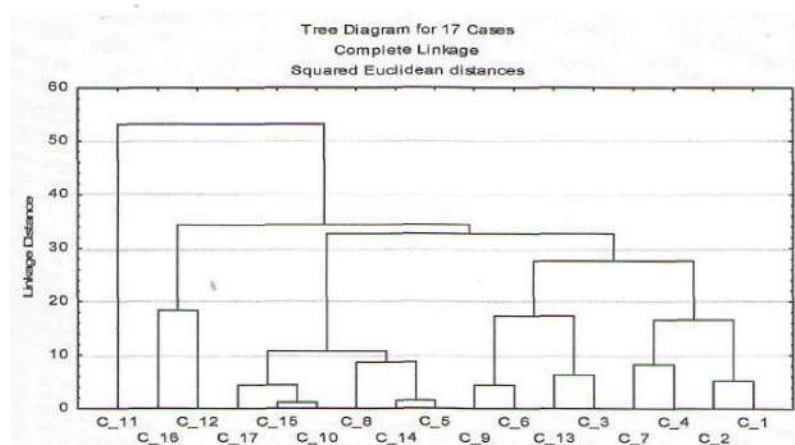

Рис. 1. Кластерный анализ видов растений травяно-кустарничкового яруса ас. *Molinio caeruleae*-*Pinetum sylvestris*.
Нумерация видов соответствует тексту

bus saxatilis, 15. *Trientalis europaea*, 16. *Vaccinium myrtillus*, 17. *V. vitis-idaea*.

По результатам кластерного анализа в травяно-кустарничковом ярусе выделено 4 кластера (рис. 1).

Кластеры выделены на уровне евклидовой дистанции в 34–54 единицы.

Первый кластер включает 6 видов растений. Его ядро формируют две тесно связанные пары видов *Trientalis europaea* – *Majanthemum bifolium* и *Rubus saxatilis* – *Convallaria majalis*. В этот кластер входит константный для данной ассоциации вид – *Vaccinium vitis-idaea*.

Второй, более рыхлый кластер образуют 8 видов. В него входят *Lycopodium annotinum*, *Calamagrostis arundinacea*, *C. epigeios* и др. Диагностических и константных видов растений в этом кластере нет.

Виды растений этих двух кластеров составляют основу травяно-кустарничкового яруса и находятся во взаимозамещающих отношениях.

В третьем кластере только два вида – *Molinia caerulea* и *Vaccinium myrtillus*. Оба этих вида наибо-

лее характерны для живого напочвенного покрова данной ассоциации, они имеют 100%-ю встречаемость и проективное покрытие до 30–50%. Они принадлежат к константным для данной ассоциации, а *Molinia caerulea* является также еще и диагностическим видом. Это доминанты и эдификаторы живого покрова в данной лесной ассоциации.

Особняком выделяется четвертый кластер, представленный одним видом – *Melampyrum pratense*. Это эвритоп, опушечно-лесной вид, полупаразит, быстро занимающий открытые экологические ниши. Для рассматриваемой ассоциации он относится к числу константных видов. Мало-численность видов этого кластера свидетельствует о достаточной замкнутости и сукцессионной сформированности травяно-кустарничкового яруса в ас. *Molinio caeruleae*-*Pinetum sylvestris*.

Ассоциация *Mercurialo perrenis*-*Quercetum roboris* Bulokhovet Solom. является зональной для широколиственных лесов, занимая места с умеренным увлажнением и достаточным плодородием почвы. Видовое богатство травяно-кустарничково-

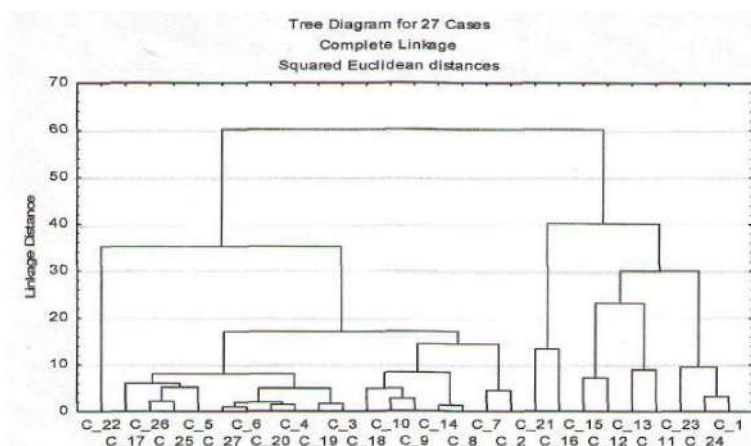

Рис. 2. Кластерный анализ видов растений травяно-кустарничкового яруса ас. *Mercurialo perrenis*-*Quercetum roboris*.
Нумерация видов соответствует тексту

го яруса – 27 видов на 100 м², при общем видовом богатстве, по оценкам разных авторов, до 35 видов растений [3, с. 312]. В целом, из общего видового богатства данного синтаксона на долю травяно-кустарничкового яруса приходится около 75% видов растений.

На основании 12 описаний в составе живого напочвенного покрова выявлено 27 видов: 1. *Aegopodium podagraria*, 2. *Anemone ranunculoides*, 3. *Asarum europaeum*, 4. *Carex digitata*, 5. *C. pillosa*, 6. *Convallaria majalis*, 7. *Corydalis cava*, 8. *C. solida*, 9. *Dentaria bulbifera*, 10. *D. quinquefolia*, 11. *Dryopteris carthusiana*, 12. *Epipactis helleborine*, 13. *Equisetum sylvaticum*, 14. *Gagea lutea*, 15. *Galeopsis bifida*, 16. *Geum rivale*, 17. *Glechoma hirsuta*, 18. *Lathraea squamaria*, 19. *Lathyrus vernus*, 20. *Majanthemum bifolium*, 21. *Melampyrum nemorosum*, 22. *Mercurialis perennis*, 23. *Milium effusum*, 24. *Polygonatum multiflorum*, 25. *Pulmonaria obscura*, 26. *Stellaria holostea*, 27. *Viola myrabilis*. По видовому составу фитоценозы данного типа могут рассматриваться как субассоциация *Mercurialo-Quercetum* var. *corydaletosum cavae* Onyshchenko 2009 [3, с. 312].

Результаты кластерного анализа приведены на рисунке 2. Они показывают, что в травяно-кустарничковом ярусе асс. *Mercurialo perennis-Quercetum roboris* выделяются два основных кластера с эвклидовой дистанцией порядка 35–40. В первом кластере – 9 видов растений, во втором – 18, третий кластер выделяется на уровне эвклидовой дистанции 61 и содержит только один вид.

Ядро первого кластера составляют *Aegopodium podagraria*, *Polygonatum multiflorum*, *Dryopteris carthusiana* и *Milium effusum*. Это виды, константные для изучаемой ассоциации.

В составе второго кластера из 18 видов один вид диагностический (*Carex pillosa*) и пять видов константных для ассоциации.

В совокупности растения этих двух кластеров определяют структуру и состав живого напочвенного покрова.

В третьем кластере один вид *Mercurialis perennis*, который является диагностическим для асс. *Mercurialo perennis-Quercetum roboris*.

Ассоциация *Quercus-Pinetum (sylvestris)* J. Matuzk. подразделяется на несколько субассоциаций. Из них для региона исследования типична субассоциация *Quercus-Pinetum (sylvestris) coryletosum*, в которой и было проведено изучение травяно-кустарничкового яруса. В лесных фитоценозах этого типа древостой двухъярусный, из сосны и дуба с небольшой примесью березы. Хорошо развит ярус кустарников, в котором доминируют орешник и рябина. Часть лесных массивов этого типа сформировалась на месте старых посадок сосны. В травяно-кустарничковом ярусе выявлено 39 видов растений при среднем видовом богатстве 30 видов

на 100 м² [3, с. 312]. Из общего видового богатства на долю травяно-кустарничкового яруса приходится примерно 81% видов растений.

На основании 11 геоботанических описаний выявлено 35 видов растений, входящих в состав травяно-кустарничкового яруса: 1 – *Agrostis gigantea*, 2 – *Anthoxanthum odoratum*, 3 – *Asarum europaeum*, 4 – *Calamagrostis arundinacea*, 5 – *C. epigeios*, 6 – *Carex digitata*, 7 – *C. pilosa*, 8 – *Chamaerion angustifolium*, 9 – *Convallaria majalis*, 10 – *Deschampsia cespitosa*, 11 – *Epipactis helleborine*, 12 – *Equisetum sylvaticum*, 13 – *Galeopsis ladanum*, 14 – *Geum urbanum*, 15 – *Hypericum maculatum*, 16 – *Lathyrus vernus*, 17 – *Luzula pilosa*, 18 – *Majanthemum bifolium*, 19 – *Melampyrum nemorosum*, 20 – *Melica nutans*, 21 – *Molinia caerulea*, 22 – *Orthylia secunda*, 23 – *Paris quadrifolia*, 24 – *Poa nemoralis*, 25 – *Polygonatum multiflorum*, 26 – *P. odoratum*, 27 – *Potentilla erecta*, 28 – *Pyrola minor*, 29 – *Rubus saxatilis*, 30 – *Stellaria holostea*, 31 – *Trientalis europaea*, 32 – *Vaccinium myrtillus*, 33 – *Vaccinium vitis-idaea*, 34 – *Veronica officinalis*, 35 – *Viola riviniana*.

Результаты кластерного анализа приведены на рисунке 3. При высоком видовом богатстве в асс. *Quercus-Pinetum (sylvestris)* выявлено только два кластера на уровне эвклидовой дистанции 6,5. Оба они довольно рыхлые и подразделяются на целый ряд подкластеров. Низкое значение эвклидовой дистанции для кластеров этой ассоциации указывает на более высокий уровень сходства биологии и экологии видов растений, которые складывают травяно-кустарничковый ярус, по сравнению с двумя предыдущими ассоциациями. В асс. *Molinia caeruleae-Pinetum sylvestris* разделение кластеров происходит на уровне 64 и 35, а в асс. *Mercurialo perennis-Quercetum roboris* – 35–40 единиц эвклидовой дистанции.

По биолого-экологической структуре кластеры асс. *Quercus-Pinetum (sylvestris)* неравноценны. В первый кластер входит 13 видов растений, являющихся диагностическими или константными для изучаемой ассоциации, а во второй кластер только один диагностический вид – *Poa nemoralis*. В целом, в рассматриваемой ассоциации травяно-кустарничковый ярус наименее дифференцирован по биолого-экологическим особенностям складывающих его видов и выделяется повышенной целостностью.

Обобщая полученные результаты, следует отметить, что, согласно современным представлениям, формирование растительных сообществ и его ярусов происходит на основе двух механизмов [6, р. 343–366]. Первый механизм – это *равноправие*, при котором фитоценоз или, как в данном случае, травяно-кустарничковый ярус образуют виды с одинаковым уровнем конкурентной способности и поэтому способны к совместному обитанию. Второй механизм – *стабилизация*, который обеспе-

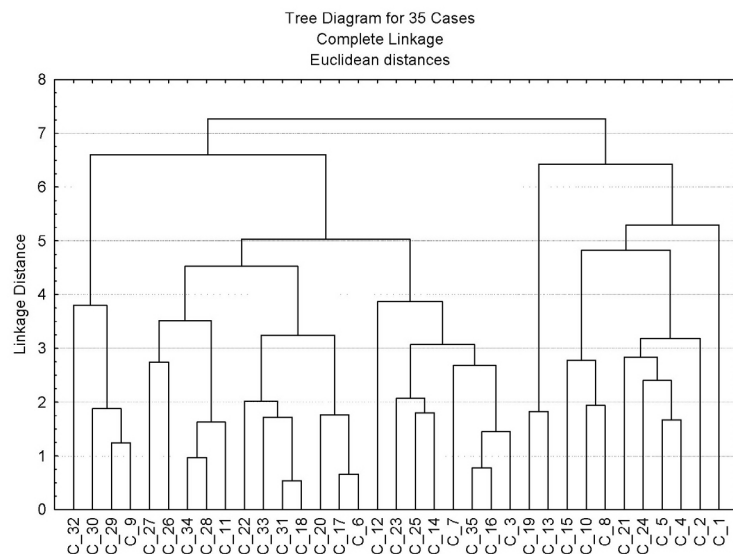

Рис. 3. Кластерный анализ видов растений травяно-кустарничкового яруса асс. *Quercu-Pinetum (sylvestris)*.
Нумерация видов соответствует тексту

чивает совместное существование видов растений с разной конкурентной способностью за счет их расхождения по экологическим нишам.

На основании данных кластерного анализа можно утверждать, что в первых из двух рассматриваемых ассоциациях асс. *Molinio caeruleae-Pinetum sylvestris* и асс. *Mercurialo perrenis-Quercetum roboris* преобладает механизм стабилизации, а в последней (асс. *Quercu-Pinetum (sylvestris)*) – механизм равноправия. Взаимодействие видов растений и их «упаковка» в одном ярусе идут на уровне их популяций [2, с. 263], поэтому целью дальнейших исследований является изучение структуры, состояния и динамики видов растений травяно-кустарничковых ярусов лесных фитоценозов северо-востока Украины.

Выводы. 1. В изученных лесных фитоценозах северо-восточной Украины 75–81% общего видового богатства приходится на травяно-кустарничковый ярус.

2. В трех изученных ассоциациях лесных фитоценозов растения травяно-кустарничкового яруса, в зависимости от их биолого-экологических свойств, группируются в 2–4 кластера разного уровня целостности.

3. Формирование травяно-кустарничкового яруса осуществляется на основе совместного действия двух механизмов – равноправия и стабилизации.

Библиографический список

1. Бродский А.К. Введение в проблемы биоразнообразия. – СПб: Изд. СПб. ун-в., 2002. – 144 с.
2. Злобин Ю.А. Популяционная экология растений: современное состояние, точки роста: монография. – Сумы: Университетская книга, 2009. – 263 с.
3. Панченко С.М. Лесная растительность национального природного парка «Деснянско-Старогутский». – Сумы: Унив. книга, 2013. – 312 с.
4. Полянская Т.А., Дорогова Ю.А. Экологическое разнообразие различных жизненных форм растений бореальной эколого-ценотической группы // Изв. Самар. НЦ РАН. – 2010. – № 1 (3). – С. 804–807.
5. Шеляг-Сосонко Ю.Р., Емельянов И.Г. Экологические аспекты концепции биоразнообразия // Экология та ноосферология. – 1997. – №1–2. – С. 131–140.
6. Chesson P. Mechanisms of maintenance of species diversity // Ann. Rev. of Ecology and Systematics. – 2000. – Vol. 11. – P. 343–366.
7. Diaz S., Cabido M. Viva la difference: plant functional diversity matters to ecosystem processes // Trends in Ecol. a. Evolution. – 2001. – Vol. 16. – № 11. – P. 646–655.
8. Didukh Ya.P. The ecological scales for the species of Ukrainian flora and their synphytoindication. – Kyiv, 2011. – 176 p.
9. Lereau M., Naeem S., Inchausti P. Biodiversity and ecosystem functioning: current knowledge and future challenges // Science. – 2001. – Vol. 294. – P. 804–808.

Немчинова Анна Викторовна

кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nemanvic@rambler.ru

Криницын Игорь Георгиевич

кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
hek@rambler.ru

Смирнова Лидия Андреевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БИОМОРФ ПЛАУНА БУЛАВОВИДНОГО (*LYCOPODIUM CLAVATUM* L.) В ОНТОГЕНЕЗЕ

В статье рассматривается применимость терминов рамета и генета как единиц онтогенеза плаунов. По результатам биометрических исследований морфологии плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum* L.) предлагается рассматривать ряд морфологических признаков в качестве маркеров онтогенетических состояний.

Ключевые слова: онтогенетические состояния, биоморфы, морфогенез, биометрия растений, популяционная морфология растений, плауны.

Среди высших растений плауновидные (*Lycopodiophyta*) относят к одним из наиболее древних. К классу Плауновые относятся как ископаемые, например род Астероксилон (*Asteroxylon*), так и современные виды рода Плаун (*Lycopodium*), например плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum* L.). В отличие от древовидного, у которого стебли отходили от горизонтально подземно распростертого, дихотомически ветвящегося корневищеподобного органа – ризомида, плаун булавовидный – наземное травянистое растение с главной скелетной осью – ползучим

стеблем, на котором располагаются прямостоячие, неправильно дихотомически ветвящиеся побеги с мелкими, линейными, густо расположенными листьями [1].

В современной литературе описаны жизненные формы и онтогенезы значительного количества цветковых и некоторых папоротников (Онтогенетический атлас, 1997; 2005; Криницын, 2007; 2011; Шорина, 1981; и др.). Однако в отношении плаунов результаты биоморфологических и популяционно-онтогенетических исследований в рассмотренной нами литературе отсутствуют. Для обозначения

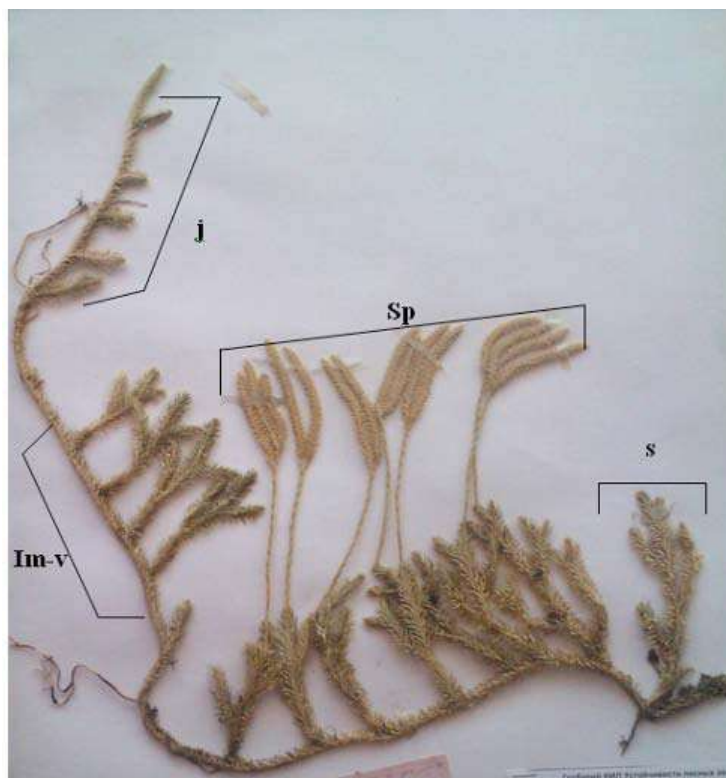

Рис. 1. Онтогенетические состояния плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum* L.)

Обозначение онтогенетических состояний: J – ювенильное, Im – имматурное, V – виргинильное, Sp – репродуктивное (спороносящее), S – сенильное

различных онтогенетических единиц при описании популяционной жизни вида используются термины – рамета и генета [2]. Генеты – отдельные особи, индивидуумы, сформировавшиеся из семени или споры, которые могут выступать как самостоятельные онтогенетические единицы и характеризоваться определенными морфологическими особенностями, но могут состоять и из вегетативных частей – рамет в разных онтогенетических состояниях.

Проблемный вопрос: что принимать за счетную единицу онтогенеза плауна – отдельную особь или ее часть? Рассматривать ли в качестве объекта изучения морфогенеза раметы в составе организма (генеты) или генеты целиком? Какие признаки-маркеры выделять для определения онтогенетических состояний?

Полагаем, что в пределах особи (генеты) плауна можно выделить несколько структурных частей (зон), чередование которых соответствует смене онтогенетических состояний за цикл видимого роста: I зона – молодые части на вершине растущего побега в ювенильном, имматурном, виргинильном состояниях, II – репродуктивная зона с развитыми стробиллами, III – наиболее старая зона в сенильном состоянии (рис. 1). Согласно демографической классификации биоморф [2], морфогенез плаунов более всего сходен с морфогенезом растений с явнополицентрической жизненной формой без дезинтеграции. Выделяемые части (зоны) плауна, можно рассматривать как раметы, поскольку каждая из зон отделена придаточным корнем или группой придаточных корней, с помощью которых плаун крепится к субстрату.

В литературе приводятся примеры описания морфогенеза споровых растений (папоротника орляка) [3], для которых выделены функциональные зоны – пионерная, построения, зрелости и дегенерации, однако за единицу онтогенеза приняты отдельные особи папоротника. На побеге плауна явной функциональной неравноценности зон не

наблюдается, однако их структурно-морфологическая дифференциация также не очевидна, за исключением наличия в репродуктивной зоне спорозонных колосков.

Цель исследования – установить, существуют ли значимые морфологические (биометрические) отличия между онтогенетическими зонами, выделяемыми на растении плауна булавовидного.

Для исследования биометрических показателей было отобрано несколько образцов *Lycopodium clavatum*, собранных в Кологривском районе Костромской области, у которых на ползучем стебле главного побега материнской особи дифференцируется несколько разновозрастных зон (рис. 1). Поскольку длительность последовательных стадий морфогенеза плауна пока исследована слабо, на приведенном образце имматурная и виргинильная стадии объединены в одну зону, а сенильная не принята во внимание. Измеряли и сравнивали средние показатели следующих признаков каждой онтогенетической зоны: количество листьев на побегах II порядка, длину побегов II порядка, расстояние между побегами II порядка на главном побеге (побеге I порядка), количество побегов II порядка в разных возрастных зонах.

Проведена статистическая оценка отличий морфологических признаков онтогенетических зон плауна (табл. 1). Распределение в выборке значений признака – густоты листочков на стебле побега II порядка – близко к нормальному в ювенильной и репродуктивной зонах, поэтому в отношении этих зон признак может использоваться в качестве маркера для характеристики онтогенетического состояния зон (рис. 2).

Расчеты показали, что густота листьев в репродуктивной зоне выше, чем в ювенильной и имматурно-виргинильной зонах. В пределах доверительного интервала от среднего значения (от -95,0% до +95,0%) этого признака между ювенильной и имматурно-виргинильной зонами различия незначительны, а в репродуктивной зоне значения этого

Таблица 1

**Результаты статистической обработки данных
по признаку густота листочков на побегах II порядка**

Статистические показатели	Возрастное состояние		
	J	im, v	Sp
Число наблюдений	12	10	11
Среднее значение	22,9375	22,03584	27,60791
Нижнее значение доверительного интервала (-95,0%)	19,41962	19,39613	23,43852
Верхнее значение доверительного интервала (+95,0%)	26,45538	24,67555	31,7773
Медиана	24	20,81818	28,33333
Мода	20	полимодальны	полимодальны
Минимальное значение	12	18,26923	14,09091
Максимальное значение	33,75	27,58621	36,66667
Дисперсия	30,65546	13,61651	38,51712
Стандартное отклонение	5,536737	3,690055	6,206216
Коэффициент вариации	24,13837	16,7457	22,47985
Стандартная ошибка	1,598318	1,166898	1,871245

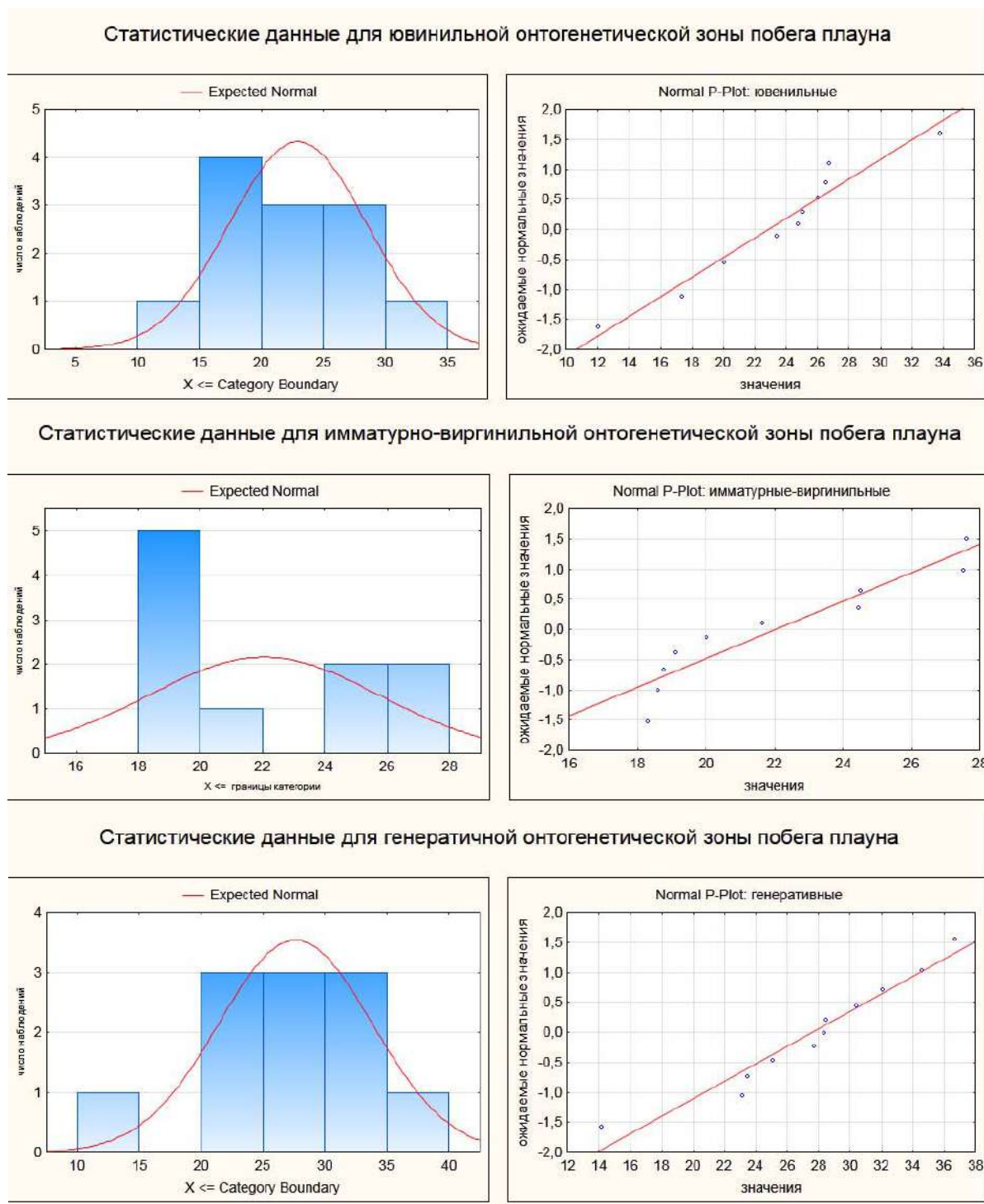

Рис. 2. Результаты статистической обработки биометрических данных по густоте листочков на побегах 2 порядка

признака заметно выше (рис. 3). По-видимому, по мере формирования спорозонных колосков и репродуктивной зоны в целом, процесс наращивания листовой массы не прекращается.

Закономерно также, что средняя длина побегов II порядка увеличивается по мере роста и развития главного побега растения и максимальна в репродуктивной зоне (табл. 2). При этом расстояние между побегами II порядка в разных зонах практически не изменяется и, по-видимому, закладыва-

ется на ранних стадиях. Количество побегов II порядка в разных зонах варьирует, и для достоверных выводов требуется сбор дополнительных наблюдений.

Таким образом, морфология онтогенетических единиц плауна булавовидного, как и прочих видов плаунов, специфична, что требует продолжения детального изучения их жизненных форм. На главном побеге плауна можно выделить несколько онтогенетических зон, биометрически достоверно

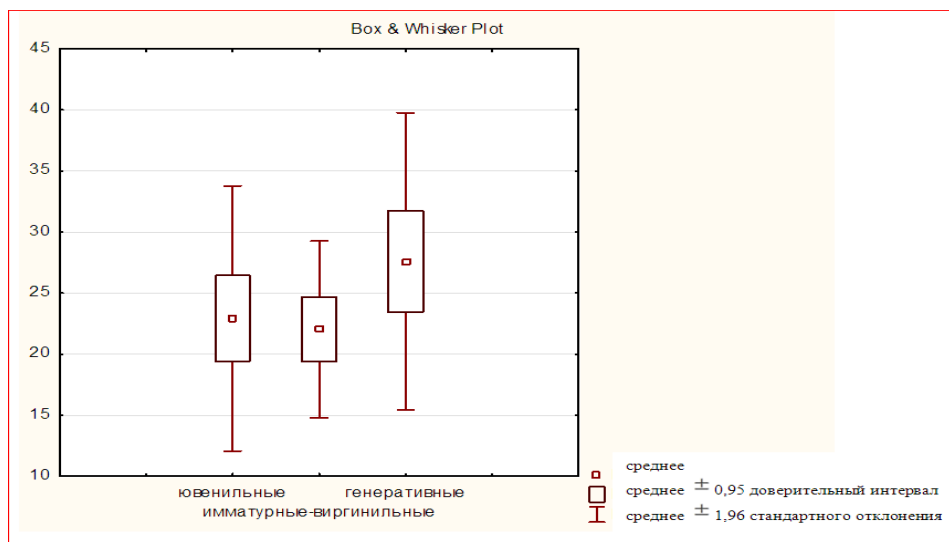

Рис. 3. Сравнительная диаграмма распределения значений густоты листочков на побегах II порядка в разных онтогенетических зонах

Таблица 2

Средние арифметические значения биометрических показателей разных онтогенетических зон

Признак	j	im-v	Sp
Количество листочков на 1 см побега (густота листочков на стебле II порядка)	22,94	22,04	27,61
Средние длины побегов II порядка	1,87	7,57	10,37
Средние расстояния между побегами II порядка на главном стебле	3,77	3,81	3,28
Среднее количество побегов II порядка	6	3,5	5,5

отличающихся по густоте листочков на побегах II порядка, а также по длине побегов II порядка, – по признакам, которые предлагаем использовать в качестве маркеров для характеристики онтогенетических состояний зон плауна булавовидного.

Библиографический список

1. Жизнь растений: в 6 т. / гл. ред. чл.-кор. АН СССР, проф. Ал.А. Фёдоров. – М.: Просвещение,

1978. – Т. 4. Мхи. Плауны. Хвощи. Папоротники. Голосеменные растения / под ред. И.В. Грушвицкого и С.Г. Жилина. – 447 с.

2. Ценопопуляции растений (очерки популяционной биологии). – М.: Наука, 1988. – 183 с.

3. Шорина И.И. Строение зарослей папоротника-орляка в связи с его морфологией // Жизненные формы: структура, спектры и эволюция. – М.: Наука, 1981. – С. 213–232.

СЕМАНТИКА ЗООМОРФНЫХ УКРАШЕНИЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Цель исследования – определение функциональной нагрузки и содержания зооморфных украшений сельского населения Костромского Поволжья (культура Костромских курганов). При этом, к сожалению, основная база источников (археологические памятники – курганные захоронения) по данному направлению в последние десятилетия под воздействием мощного антропогенного фактора и исчезновения носителей духовной культуры безвозвратно уничтожается.

Ключевые слова: семантика, культ коня, культ птицы, смысловая нагрузка.

Связи зооморфных украшений с определенными идеологическими представлениями средневекового, в нашем случае – субстратного (возможно – дериват), сельского населения Костромского Поволжья и населения Руси в целом несомненны.

Почитание животных – весьма распространенное явление многих религий. Время распространения зооморфных украшений на территории Руси и за ее пределами укладывается в хронологические рамки X–XIV вв., то есть дозолотоордынский период и начальный этап золотоордынского времени. В период последнего данные амулеты исчезают. Поэтому, чтобы раскрыть семантику исследуемых древностей, необходимо переместить центр внимания в домонгольскую Русь и, местами, много раньше.

Зооморфные украшения представлены многочисленными сериями и индивидуальными отливками, свидетельствующими о многообразии воспроизведенных в них существ животного мира [8, с. 39–52]. Среди них можно сразу же выделить фигурки коней, птиц (гусь, утка, селезень, курочка), собак, баранов, рыб и оленей. В целом, это те животные, которые украшали средневековых обитателей Восточной Европы, особенно – сельское население. И, вместе с тем, зооморфные подвески вряд ли можно считать простыми следами окружающей действительности. Из 109 учтенных находок с территории Костромского Поволжья XII–XIV вв. [8, с. 48, рис. 8.9] лишь одна подвеска изображает барана. Однако из всего длинного списка животных, воспроизведенных в украшениях, лишь конь и птица (преимущественно водоплавающая) оказались объектом, который повторялся более чем в тысяче подвесок северорусских типов, распространенных на территории от Прибалтики до Урала. Костромские древности, в результате сравнительного анализа всех находок, найденных на интересующей нас территории и относящихся к XII–XIV вв., дали следующую картину:

1) «коньки-птицы» (или «барашки») – 55 экз. (51,4%);

2) коньки – 25 экз. (23,4%);

3) птицевидные подвески, по всей вероятности стилизованные уточки, – 24 экз. (22,4%);

4) петух (возможно – курица) – 3 экз. (2,8%) [8, с. 39–52].

Здесь, как и на территории Северо-Восточной Руси, налицо количественное преобладание двух видов изображений – коня и птицы (тоже водоплавающей). Объяснение этого факта следует искать в системе древних языческих верований местного населения. Исходя из того, что интересующие нас древности происходят из области славяно-чудского расселения, правильнее будет начать наш обзор с рассмотрения культового значения коня и птицы в системе верований финно-угорских народов.

Письменные источники свидетельствуют о длительном существовании языческих обрядов у финно-угров. Лишь в сравнительно поздний период развернулась христианизация иноязычного населения Северной Руси [7, с. 319], которое, по заключению Н.М. Гальского, «еще долгое время оставалось христианами лишь по имени». Послания митрополита Симона в Пермь (1501 г.), архиепископов Макария (1534 г.) и Феодосия (1548 г.) в Водскую пятину наполнены обликами непрекращающихся языческих молений и ритуальных обрядов среди местной «чуди» [1, с. 129].

Для раннего периода финно-угорского населения человекообразное представление о богах не характерно. «Божества являлись их воображению еще в виде не ясных стихийных образов, или неодушевленных предметов и животных» [5, с. 156]. Об этом свидетельствует и описание священных рощ, увешанных шкурами жертвенных животных в древней Перми, и данные о чуди Новгородской земли, которая «всей твари поклоняхуся, яко богу, и чтяху, и жертву приношаху кровную бесам...» [11, с. 73].

Особая роль в финно-угорской мифологии принадлежала птице и коню. Древние карелы считали утку прародительницей всего сущего на земле, отводили ей роль творца природы. Из яйца утки, по «Калевале», возник мир. Священными птицами

у карелов считались также гусь и лебедь. Сходные по смыслу верования бытовали в удмуртской мифологии, у мордвы, марийцев, хантов (остатов). Обзор материалов этнографии и фольклора позволяет установить широкое распространение верований, связанных со священной ролью водоплавающей птицы, на всей территории расселения финно-угров. Налицо отчетливо выраженное космогоническое значение этой птицы, выступающей в качестве творца мироздания. Нет ни малейшего сомнения, что данные этнографии, характеризующие подобные моменты [4, с. 112; 16, с. 264] в XVIII – начале XX вв., могут быть прямо связаны с более ранним периодом – с эпохой бытования на исследуемой территории зооморфных изображений. Истоки культа водоплавающей птицы в лесной полосе Восточной Европы и Западной Сибири уходят в глубокую древность: об этом свидетельствуют наскальные рисунки, скульптурные фигурки птиц из кости, камня, дерева и глины, изображение «уток» на керамике эпохи неолита и бронзы.

Оформление культа коня в финно-угорской среде относится к более позднему периоду, но в эпоху бытования зооморфных амулетов в северорусских землях он уже находился в полном расцвете. Система верований, связанных с культовой ролью коня, отразила усиление значения коневодства в хозяйстве некоторых финно-угорских племен. Кроме того, здесь мы имеем дело и с доминирующей ролью коня в сельском хозяйстве как в золотоордынское, так и в более раннее время. Конь являл основу жизнедеятельности Костромского Поволжья, главное место в котором занимало земледелие, в первую очередь – хлебопашество. Об этом свидетельствуют и письменные источники [3, с. 23–50]. По наблюдениям М.Г. Худякова, роль коня в космогонических представлениях народов Прикамья прослеживается с ананьинской эпохи [17, с. 251–254]. Подобной точки зрения придерживается и А.П. Смирнов. Однако он считает, что изображение коня восходит в своей основе к более ранним тотемическим представлениям, являющимся в ананьинскую эпоху уже пережитком [17, с. 269]. Во всяком случае, в ананьинское время появляются литые фигурки коней, служившие амулетами-оберегами [2, с. 80].

Культовое почитание коня у восточно-финнских народов широко проявилось в аграрной магии, при жертвоприношениях и молениях. В удмуртской и марийской мифологии прослеживается образ крылатой «лучезарной» лошади, связанной с культом Солнца. Космогоническое значение коня у удмуртов получило отражение в культовой езде на конях по кругу, олицетворявшей движение Солнца в виде бога солнечного коня; у марийцев – в обряде жертвоприношения «солнечных» жеребят.

Таким образом, конь для многих чудских народов является священным животным, связанным

по своей семантике с Солнцем. В этом заключается его близость с культовыми водоплавающими птицами – творами Солнца.

Материалы этнографии и фольклора свидетельствуют о наличии определенных культов почитания животных и в славянской среде – у населения, обитавшего по соседству, а часто и чересполосно, с финно-угорскими племенами. Православно-языческий комплекс, исторически сложившийся в быту русского народа в процессе христианизации Руси, представляет собой сложный, запутанный клубок верований, обычаев, суеверий, религиозно-мистических обрядов, языческого происхождения, слившихся с элементами православия [13, с. 56].

Сравнительный анализ верований восточнославянских народов показывает, что в народных поверьях о животных ведущее место занимают домашние животные, в первую очередь – конь. Лошадь в хозяйстве земледельца России была незаменимой – главной производительной силой. Это обусловило почитание ее как животного, оказавшего сверхъестественное влияние на плодородие полей. С древнейших времен конь был введен в славянскую аграрно-магическую обрядность.

Глубокие истоки культов, связанных с конем, в славянской среде раскрываются в археологических и этнографических материалах. На старинных русских вышивках встречаются изображения богини в окружении коней и всадников. Конь был неотъемлемым атрибутом Великой сельской богини, поклонение которой относится к древнейшим пластам славянских верований.

Конь являлся распространенным символом добра, благоденствия и счастья. Он наделялся магическими, оберегающими от несчастий свойствами. В преданиях русского народа конь выступает защитником от нечистой силы.

Конь в древности символизировал Солнце. Образ коня-Солнца встречается в резьбе, на вышивке и в более позднее время. Вместе с тем конь символизировал и воду. В языческую эпоху коня приносили в жертву водяному божеству, его изображения охраняли посуду для воды (ковши). Б.А. Рыбаков полагает, что такая двойственная природа коня объясняется древними представлениями о пути Солнца. Утром, на заре, Солнце выезжает в колеснице, влекомой чудесными златогривыми конями; вечером Солнце продолжает свой путь под землей, по воде. Здесь коня сменяют «гуси-лебеди», везущие солнечную колесницу (или ладью) к востоку [12, с. 63–64].

В связи с этим интересен факт распространение в Костромском Поволжье самой многочисленной серии зооморфных украшений – полых «коньков-птиц» («барашков») [8, с. 47–50].

Из птиц у славян наиболее почитаемым являлся петух. По заключению А.И. Савельева, петух в древности представлял «зооморфический» образ

Перуна-громовика, который своим громозвучным пением (громом) вещал о победе над демоническими силами [9, с. 52–76]. Взгляд на петуха, как на вестника света, прогоняющего нечистую силу, свойственен едва ли не всем народам, знакомым с этой птицей.

Таким образом, важная культовая роль коня и птицы прослеживается у всех этнических объединений, занимавших в эпоху средневековья Север Восточной Европы и прилегающие территории. Наиболее близкими у славян и финно-угров оказываются верования, связанные с конем (солярный культ). Характерной особенностью финно-угорских представлений является чрезвычайно развитое почитание водоплавающей птицы, имеющее ярко выраженное космогоническое значение.

При сравнительном обзоре местных форм зооморфных украшений в Костромском Поволжье, прежде всего, обращает на себя внимание преобладание коньковых подвесок. Подвески в виде коня были популярны и, собственно, в славянской среде, в то время как изображения водоплавающей птицы не получили у славян широкого распространения, чего не скажешь о субстратном населении Костромского края. Образ вестника света – петуха, ярко выраженный в верованиях восточных славян, на территории исследуемого региона представлен подвесками IV и XVIII типов [13, с. 56; 8, с. 40–42, рис. 4.5; 10, с. 47, рис. 8.3–13].

Близость идеологических представлений разнотнических коллективов Костромской земли (особенно культа коня) обеспечила известную интернациональность отдельным сериям изображений на позднем этапе их существования. Данный факт определения субстратного характера костромского населения получил наиболее полную характеристику в работе Е.А. Рябина «Костромское Поволжье в эпоху средневековья» [14], и согласившегося с ним, с определенной долей условности, А.Е. Леонтьева [10, с. 277–279].

Отражением важной роли коня и птицы в системе языческих верований явилось усиление их магического, защитного значения. В большинстве своем в северных районах Костромской области до сих пор фиксируются изображения коней и птиц на жилых постройках. Конские и птичьи головки вырезаются на нижних концах «куриц», поддерживающих крышу, и на наличниках окон [6, с. 67–104]¹. Изображения птиц, близкие по трактовке курганным подвескам-амулетам, обнаруженные на городских древнерусских браслетах и белокаменной резьбе Дмитриевского собора во Владимире, еще раз доказывают, что зооморфные амулеты, несмотря на их сильную финно-угорскую «окраску», не являлись полностью чужеродным элементом в культуре восточнославянского государства, а составляли ее заметную, специфическую, особенность.

Зооморфные подвески были принадлежностью женского костюма. В современном этнографическом материале их место прочно заняла вышивка. В основе этих архаических зооморфных орнаментов лежит все та же вера в магические защитные свойства священных животных и птиц.

В свете этнографических и фольклорных материалов раскрывается и идеологическая нагрузка средневековых подвесок-амулетов. Например, о близости культов коня и птицы в Костромском Поволжье свидетельствует особый вид орнамента – волнистая линия (символ воды)², которая встречается здесь только на изображениях коньков (XX тип) [8, с. 49–50, рис. 10–11]. На это же указывает другой символ воды – лапчатые шумящие привески, прикреплявшиеся не только к птицевидным изображениям (тип IV–V), но и к амулетам в виде коньков (тип VII A) [8, с. 44–45, рис. 7.1–3]. Взаимосвязь образов коня и птицы обеспечила, в отдельных случаях, взаимопереход зооморфных сюжетов. Для Костромского Поволжья это переработка птицевидных фигурок III типа (вариант 1 A) в изображении коней. Здесь же появляется особая форма «коней-птиц» (тип XIX) [8, с. 40, рис. 4], сочетающая в себе видовые особенности разных представителей животного мира.

При анализе семантики зооморфных изображений следует иметь в виду два пласта культовых языческих представлений, тесно связанных между собой. Первый из них уходит корнями в древние космогонические верования, отражает роль священных животных в культе Солнца, воды и в происхождении всего сущего на земле. Отпечатком таких представлений являются орнаментальные мотивы украшений. Вторая сторона идеологической нагрузки зооморфных подвесок, вытекающая из мифологической космогонической символики изображений, проявилась в придании им магических, защитных свойств, то есть в превращении магических культовых фигурок в обереги [13, с. 58–59].

На исследуемой территории еще долгое время сохранялись пережитки родовых отношений, но на смену им уже «шли» отношения феодального общества. Эта переходная эпоха хронологически соответствует золотоордынскому времени и отображается на идеологических представлениях местного населения [7, с. 317–320]. В них причудливо переплетались верования, характерные для эпохи разложения первобытнообщинного строя (почитание животных – «духов-покровителей»; вера в животного – «культурного героя», творца мира), и, возможно, проявились некоторые элементы зоолотрических культов – этой высшей формы почитания животных, свойственной классовым обществам.

Со временем меняется культовая нагрузка украшений вообще. В нашем случае амулеты-под-

вески приобретают магическую роль, а их связь с космогоническими представлениями оказалось опосредованной. Зооморфные украшения, получив отражение в ранних языческих верованиях, традиционно передававшиеся из поколения в поколение, дожили и до наших дней в вышивке, резьбе и металлическом литье.

Проанализированные в данной статье подвески-амулеты являются ценным археологическим источником, содержащим важную историко-культурную информацию о представлениях наших предков и в целом о самом средневековом населении Костромского Поволжья в составе древнерусских территорий. На основе сравнительного анализа выявлены местные (в подавляющем большинстве своем сельского производства) зооморфные украшения, установлена определенная территориальная целостность производившихся украшений, выявляющих определенные этнокультурные, политические и торговые связи Костромского Поволжья (в данном случае больше в лице сельских жителей) с определенными регионами.

Примечания

¹ Изображение стилизованных зооморфных фигурок в традициях костромского домостроительства фиксируется и в настоящее время.

² Орнаментация подобных мотивов (линия или несколько параллельных волнистых линий) керамического комплекса, вообще, считается одним из основополагающих признаков определения славянской керамики этого времени.

Библиографический список

1. Гальский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – Харьков, 1916. – Т. 1. – 308 с.
2. Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. – Советская археология. – 1966. – № 3. – С. 80–99.

3. Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. – М., 1960. – 263 с.

4. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 512 с.

5. Иловыйский Д.И. История России. Ч. 2. – М., 1880. – 578 с.

6. Кабатов С.А. Сельские поселения Костромского Поволжья XIII–XVII вв. (по археологическим данным): дисс. ... канд. истор. наук. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2004.

7. Кабатов С.А. Этнокультурная история сельского населения Костромского края (до золотоордынского времени) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 1. – С. 317–320.

8. Кабатов С.А. Зооморфные украшения Костромского Поволжья // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 1. – С. 39–52.

9. Кабатова Е.А. Перун: генезис и эволюция культа. Дипломный проект. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. – 113 с.

10. Леонтьев А.Е. [Рецензия: Костромское Поволжье в эпоху средневековья] // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 277–280.

11. ПСРЛ. – СПб., 1851. – 281 с.

12. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: София, Гелиос, 2002. Изд. 2-е, испр. – 592 с.

13. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. – Вып. Е1–60. – Л., 1981. – 124 с.

14. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л., 1986. – 318 с.

15. Смирнов А.П. (ред.) Материалы по истории мордвы VIII–IX вв. – Моршанск: Изд-е Моршанского краеведческого музея, 1952. – 232 с.

16. Фаминцын А.С. Божества древних славян. – СПб.: Алетейя, 1995. – 368 с.

17. Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье. – ИГАИМК. – 1933. – Вып. 100.

ФАКТОР ЛИЧНОСТИ В ВОССТАНИИ И.И. БОЛОТНИКОВА: КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ ШАХОВСКОЙ

В статье исследуется фактор личности в восстании И.И. Болотникова, изучается деятельность князя Г.П. Шаховского, его значение в повстанческом движении.

Ключевые слова: князь Григорий Петрович Шаховской, восстание Болотникова, фактор личности, Смутное время.

Период Смутного времени известен своими авантюрами и интригами. Самой известной из них стала самозванческая интрига, повлекшая за собой появление Лжедмитрия I. Многие ученые занимались исследованием этой интриги, оказавшей огромное влияние на судьбу Московского государства. Не менее интересным представляется изучение другой авантюры, которая «воскресила» Лжедмитрия I и стала идеологической основой восстания И.И. Болотникова. Главным автором этой авантюры стал князь Григорий Шаховской [5, с. 310–311; 2, Гл. XI].

Восстание Болотникова изучалось достаточно подробно. В нем большое внимание уделялось социальному фактору. И если советские историки считали социальной базой повстанческого движения крестьянство [4, с. 130; 8, с. 89–90; 9, с. 52], то современные ученые, такие, например, как А.Л. Станиславский [11, с. 242–243], – казачество. Не менее важную роль играли личности, участвовавшие в организации восстания Болотникова. Именно Григорий Шаховской стал главным «заводчиком» смуты и человеком, поднявшим северские города против царя Василия Шуйского.

Князь Григорий Петрович Шаховской происходил из древнего старинного рода Шаховских. Основателем рода был князь Константин Глебович, по прозвищу Шах, в 1482 г. упоминавшийся в документах как нижегородский воевода. От отца же Григория Шаховского, Петра Андреевича, пошла третья ветвь княжеского рода. В своей семье Григорий Петрович был вторым сыном.

В 1596 г. князь был на должности воеводы сторожевого полка в Крапивне и в том же году воеводой в Туле [6, с. 100–101]. В 1597 г. Григорий Шаховской занимал должность головы в Ново-монастырском остроге (в Черниговской области) и был приставом на встрече датских послов и царя Федора Иоанновича. В 1601 г. он был головой в передовом полку от Новосила [6, с. 103; 7, с. 133].

В 1596 г. у Шаховского произошел местнический спор с князем Иваном Петровичем Ромодановским. Он бил челом царю, что ему не по чину служить вместе с Ромодановским на Крапивне. Федор Иоаннович удовлетворил эту просьбу и отослал на службу в Тулу. Однако позже Иван Петрович Ромодановский сумел оспорить первоначальное решение, доказав, что князь Шаховской бил челом государю ложно, не имея на то права.

В результате Григорий Шаховской был наказан, и ему было запрещено занимать воеводские должности [6, с. 100–101]. Может быть, именно этот местнический спор и унижение, которое испытал князь в результате его проигрыша, и стали одной из тех причин, которые заставили Шаховского изменить Борису Годунову.

Борис Годунов при дворе царя Федора Иоанновича занимал очень высокое положение. Так, английский посол Джером Горсей, бывавший при московском дворе и оставивший после себя записи о тех событиях, называл Годунова лордом-протектором [3, с. 87]. Возможно, Годунов сумел повлиять на местнический спор и решить его не в пользу Шаховского.

В 1605 г. опала с Григория Шаховского была снята, и в Разрядных записях за Смутное время есть запись от 1605 г. о том, что князь Григорий Шаховской был назначен воеводой Белгорода [1, с. 30]. Именно тогда и произошел переход князя на сторону Самозванца. По всей северской земле стрельцы, посадские люди, дворяне, казаки выступали в поддержку Лжедмитрия. Южные города присягали ему на верность без его ведома. В этой обстановке князь Григорий Шаховской поддержал народный порыв, правда, скорее всего, преследуя личные цели.

Сведений о службе Шаховского у Лжедмитрия I мало. Известно, что в 1605 г. он был назначен воеводой Курска. Также князь участвовал в свадьбе Самозванца и Марины Мнишек и ехал в свадебном поезде [7, с. 232; 1, с. 81].

Наиболее интересной представляется судьба Григория Петровича после смерти Лжедмитрия и избрания царем Василия Шуйского. Он был отправлен в Путивль – город, который во время похода Самозванца на Москву стал центром сопротивления северских земель [5, с. 301, 303–304]. Именно его жители приютили лжецаревича после понесенного им чудовищного поражения под Добрыничами от армии Бориса Годунова. Они не позволили ему бежать в Польшу и уговорили остаться. Именно Путивль Самозванец сделал своей столицей и после воцарения освободил от платы налогов на десять лет [10]. При Василии Шуйском

путивляне этих льгот лишались. И в эту бывшую мятежную столицу был назначен воеводой Шаховской.

Наиболее подробно действия Шаховского описаны у Конрада Буссова, одного из немецких наемников, служившего у Лжедмитрия II. По его сведениям, Шаховской ехал в Путивль в сопровождении двух поляков, везде распространяя слухи, что Лжедмитрий жив и что один из поляков является переодетым спасшимся царевичем. По приезде в город Шаховской рассказал путивлянам то же самое и убедил не присягать Василию Шуйскому [2, гл. XII]. Достаточно скоро в Путивле появляется Иван Исаевич Болотников, беглый холоп князя Телятевского. Он рассказывает, что бежал от своего хозяина, стал казаком, побывал в плену у турок и, в конце концов, решил возвратиться на родину. По пути Болотников встретился в Польше с живым Лжедмитрием, и тот назначил его командиром своей будущей армии. На этом основании Болотников потребовал права командования мятежным войском, которое и было ему предоставлено [2, гл. XII].

Рассказ Болотникова приведен только у К. Буссова, в других источниках он отсутствует. Вероятнее всего, Болотников никакого путешествия не совершал и его история была еще одной легендой, выдуманной для подтверждения «воскрешения» Самозванца.

И одним из ее авторов, возможно, был князь Григорий Шаховской. Именно он возглавил восстание в Путивле и распространял слухи о спасении Лжедмитрия I. Именно из рук Шаховского Болотников получил командование и возглавил мятежное войско. Не случайно Конрад Буссов писал, что князь Григорий Шаховской поклялся отомстить за смерть царя Дмитрия таким образом, что об этом будут говорить, пока существует Россия.

Позже повстанческое движение, несмотря на одержанные победы и даже осаду столицы, начнет терпеть поражения. Тула будет осаждена и взята войсками Василия Шуйского. Болотникова и царевича Петра казнят, а Григория Шаховского сошлют на Кубенское в Спасо-Каменный монастырь.

Таким образом, князь Григорий Петрович Шаховской создал идеологическую базу повстанческого движения и поднял жителей южных городов на восстание против Василия Шуйского. Совершил он это, преследуя личные мотивы, стремясь

отомстить московским боярам за смерть Лжедмитрия I. Также Шаховской привлек на сторону восставших опытного полководца – И.И. Болотникова – и сражался в лагере мятежников до самого конца.

Библиографический список

1. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время // Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). – М.: Императорское общество истории и древностей российских, 1907. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Belokurov> (дата обращения: 27.03.2014).
2. Буссов К. Московская хроника. Смутное состояние русского государства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/acts/17/lyzlov/bussow.html> (дата обращения: 27.03.2014).
3. Джером Г. Записки о России XVI – нач. XVII вв. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
4. Корецкий В.И. Новое о крестьянском закреплении и восстании И.И. Болотникова // Вопросы истории. – 1975. – №5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/history/17/3/kor1971.html> (дата обращения: 27.03.2014).
5. Новый летописец / пер. С.Ю. Шокарева // Хроники смутного времени. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. – 603 с.
6. Разрядная книга 1475–1605 гг. – М.: АН СССР (Институт истории); Наука, 1989. – Т. III. – Ч. III. – 153 с.
7. Разрядная книга 1550–1636 гг. – М.: АН СССР (Институт истории); Наука, 1976. – Т. II. – Вып. 1. – 242 с.
8. Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. – М.: Мол. гвардия, 1981. – 352 с.
9. Смирнов И.И. Краткий очерк восстания Болотникова. – М.: Госполитиздат, 1953. – 151 с.
10. Состояние русского государства по смерти последнего претендента Димитрия / пер. И.И. Смирнова // Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова // Исторические записки. – 1942. – Т. 13. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Bolotnikov/Sost_russ_gos/text.html (дата обращения: 27.03.2014).
11. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. – М.: Мысль, 1990. – 270 с.

РЕДКИЕ ТИПЫ ДЕРЕВЕНСКИХ ЧАСОВЕН В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В статье рассматривается проблема изучения и сохранности деревенских часовен буферной зоны Ярославского, Костромского и Тверского Поволжья. Попытка каталогизации и систематизации часовенных сооружений данного региона выявила здесь несколько сооружений, находящихся вне общепринятой системы типологии часовен. Сопровождающий этнографический материал позволяет отнести их к так называемым объектам народного православия.

Ключевые слова: часовня, деревенские святыни, народное православие, традиционная культура, сакральный ландшафт.

Часовни, как особый вид культовых сооружений малых форм, ещё не получили достойного описания в научной литературе. Исторически так сложилось, что до второй половины XX века построение часовен в России практически не регулировалось какими-либо общецерковными правилами или регламентами. Часовни – небольшие культовые сооружения или придорожные столбы с иконами и лампадами в нише.

В связи с отсутствием в них алтаря и антиминса, в часовнях не проводились литургии и не совершались таинства Евхаристии. Тем не менее часовни на северо-востоке Руси широко распространены в сельской местности. Они прочно вошли в сложившуюся систему локальных религиозных практик и традиций [7].

Часовня в русской деревне – это второй после церкви, а зачастую и единственный духовный центр, место совершения религиозных обрядов, представляющих собой особую смесь языческих и христианских наслоений. Часовенные сооружения издревле использовались для символического структурирования округа и выделения в ней мест с сакральным смысловым наполнением. Большинство исследований по ним затрагивают лишь архитектурную и, частично, историческую сторону вопроса, во многом оставляя в стороне этнографический аспект и проблему изучения деревенских культов [9]. В последние годы появился ряд серьёзных исследований, систематизирующих сведения о деревенских часовнях некоторых северо-западных регионов России. Эти работы позволяют составить объективное представление о феномене часовенных сооружений и их месте в жизни человека, а также понять их роль в системе коммуникаций культурного ландшафта региона [8]. Если монастыри и церкви региона Верхнего Поволжья описаны и изучены достаточно хорошо, то вопрос о степени изученности часовен на данной территории остаётся открытым. Между тем Ростово-Ярославская епархия является одной из самых древних епархий в России, история которой насчитывает уже более тысячи лет.

Можно только обозначить нескольких основных типов деревенских часовен, выделенных по фактору их установки. В сложившейся практике

чаще всего устанавливались: часовни на почитаемых родниках, часовни внутри населённых пунктов, привратные, кладбищенские и поминальные часовни, часовни-копилки (кружки), придорожные, а также часовни, установленные по завету (эпизоотии). Гораздо реже устанавливались кельи-часовни и часовни в священных рощах. В архитектурном плане это, в основном, часовни клетского типа без звонниц и часовни «амбаронки», то есть простейшие одночастные часовни, по внешнему виду напоминающие амбар.

В данной работе описывается несколько Верхневолжских часовен, находящихся в буферной зоне Ярославского, Костромского и Тверского Поволжья, которые не являются типичными для данной местности. Изучение этих объектов позволит ближе подойти к пониманию феномена деревенской часовни и организации жилого (и сакрального) пространства сельской округи.

1. «Георгиевская часовня» в д. Веняха Красносельского района Костромской области (рис. 1). Другое местное название – «часовня на камне». Скорее всего, была построена не позже второй половины XIX в., так как относится к так называемому «кирпичному стилю». По форме это четырехгранный кирпичный столб на массивном фундаменте.

Рис. 1. Георгиевская часовня в с. Сидоровском

даменте с дугообразным кокошником над каждой гранью. Венчается вся конструкция маленькой главкой с крестом. По характеру зубчатого пояса, присутствующего в архитектуре часовни, можно говорить и о рубеже XVII – XVIII веков (рис. 1).

В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что фундамент-основание явно старше верхней части часовни. Оно выложено из местного длинного и плохо обожженного кирпича с использованием качественной извести. В верхней кладке применено закругление ребра цементного раствора между кирпичами, в то время как кирпичная кладка основания вокруг валуна выложена с применением известкового раствора.

В основании часовни находится большой природный гранитный валун серого цвета. На лицевой части природного валуна, вмурованного в основание, неким образом просматриваются контуры Георгия Победоносца, развернутого в левую сторону, образованные за счет более светлой прослойки неровной поверхности гранита. Эта часть валуна открыта и находится с внешней стороны сооружения. Общая высота постройки – чуть больше двух метров при ширине 128 см. Высота наземной части валуна – 58 см.

Непосредственно над камнем сразу начинается основная кирпичная часть часовни, которая имеет большую просторную нишу. В ней размещен деревянный крест и несколько современных икон – Георгия Победоносца и Николая Угодника. Ниша закрыта застекленной рамой и запирается на замок. С правой стороны от рамы в кирпичной кладке имеется квадратное углубление с прорезью для бросания монет. В толще стены с внутренней стороны ниши расположена старинная металлическая накладка-крышка, прикрывающая углубление, где находится ёмкость для сбора денег. С двух боковых сторон часовни расположены небольшие оконца. До недавнего времени часовенка имела деревянный забор. Последний ремонт часовни местные жители провели весной 2013 года, в результате чего строение было выкрашено в цвета российского триколора. При этом утратило некоторые архитектурные детали. В частности, были выровнены и покрашены «витые» колонны по бокам центральной ниши.

Устная традиция связывает появление этого камня в д. Веняхе с неким большим «потопом». Скорее всего, это был весенний разлив одного из притоков Волги – реки Шача. Считается, что в тот год вода ушла из деревни только к июню, после чего местные жители увидели у одного из домов большой гранитный валун, в причудливой поверхности которого они разглядели образ белого всадника на коне. Этот природный рисунок на камне по своей конфигурации напоминает иконографическое изображение Георгия Победоносца. С этим камнем связан эпизод чудесного спасения домов во

время большого пожара, уничтожившего практически всю деревню в 1928 г. Одна из информаторов 1929 г.р. рассказывала, что, со слов её матери, во время пожара люди увидели, что два дома, у которых лежит «Георгиевский камень», огонь обходит стороной. Спасенным остался только тот скarb, который люди стащили ближе к камню и часовне.

Жители деревни тщательно следили за камнем: мыли его, обтирали грязь и пыль. Зимой обязательно расчищались подходы к часовне. Одна из жительниц деревни 1929 г.р. в настоящий момент считается хранительницей камня и часовни. В её руках находятся ключи от часовни. Она зажигает лампадку в нише, моет и чистит камень. Ранее за чистотой камня следила её бабушка. К часовне на камне люди обязательно заходили по пути к храму в с. Сидоровское. Вставали на колени перед ней на колени, молились Георгию, прижимались телом к камню, целовали силуэт Георгия. После этого богомольцы бросали в щель монетки и шли дальше в с. Сидоровское. Считалось, что Георгий и лечит, и помогает во всех горестях обратившимся к нему людям.

2. Часовня в с. Чистая Дуброва Весьегонского района Тверской области. По форме эта часовня – типичный столбик. Но при этом она вытесана из цельного гранитного блока серо-розового цвета. Была установлена у большого древнего тракта, ведущего в XVIII–XIX веках из Твери к городу Весь Ёгонская (г. Весьегонск), являвшегося важным торговым центром до 1776 г. в Тверском наместничестве, и с 1796 г. – в Тверской губернии. В настоящее время часовня расположена примерно в 50 метрах от колокольни Покрова Богородицы, но на момент фиксации её в 1978 г. ещё находилась в 200 метрах к западу от той же колокольни [2]. Изваяние вытянутое, четырёхгранное, имеет тщательно обработанную поверхность без полировки. Квадратное основание несколько шире, чем основ-

Рис. 2. Часовня-копилка в с. Чистая Дуброва

ное тело часовни за счет опоясывающего уступа. Верхнюю часть пилона венчает имитация двускатной крыши, при этом крылья крыши выступают над боковыми гранями. Высота часовни – 131 см (без креста), периметр основания – 250 см, ширина боковой грани – 56 см. Тимпан завершающего объём щипца занимает простой рельефный крест. Аналогичный рельеф креста имеется и в верхней части тыльной стороны. Две боковые стороны часовни гладкие. В средней части данной часовни-копилки сделана небольшая, но глубокая ниша для кружки, закрываемая железной дверкой с прорезью для монет (рис. 2).

В целом, памятник отличает простота, лаконичность форм. Данная часовенка является чрезвычайно редким для Верхневолжья примером архитектуры малых форм и является разновидностью широко распространенного обетного столба с иконой. В XIX веке часовня-копилка в с. Чистая Дуброва располагалась возле колокольни церкви Покрова Пресвятой Богородицы, построенной в 1882 году. После закрытия сельского храма в первой половине XX в. функции и статус часовни-копилки были постепенно утрачены. В 1978 г. Калининским областным Управлением по охране памятников истории и культуры был создан паспорт памятника и составлен его обмерный план [2]. По всей видимости, уже в 80-х гг. XX века она была в силу неизвестных причин перемещена с изначального места. Восстановление часовни произошло в 2009 году.

3. Ныне утраченная часовня «Камень» во имя Параскевы Пятницы близ с. Чамерово Весьегонского района Тверской области (рис. 3). Была установлена в конце XVIII века над гигантским валуном серого гранита размерами 485x137x185 см и окружностью в 1650 см. Землю под часовню пожертвовал крестьянин деревни Почепы Чамеровской волости А. Смородин [6]. По словам старожи-

Рис. 3. Рисунок часовни на «Камне» близ с. Чамерово. Весьегонского района Тверской области

лов, записанных в начале XX века, часовня была построена рядом с деревом, на котором произошло явление иконы св. мученицы Параскевы [6, с. 6–7].

Священник Н. Никольский, составивший в 1911 г. описание Троице-Пятницкого монастыря, отмечал, что некоторые старики из крестьян ещё помнят пень от дерева, на котором произошло явление иконы. Известно, что задолго до постройки в этой местности монастыря раз в год на «девятую пятницу по Пасхе» сюда стекался в большом количестве народ, который приходил сюда помолиться и отслужить молебен в часовне с камнем. В эти же дни здесь проходила большая ярмарка, просуществовавшая до начала XX века [6, с. 5]. По всей видимости, строители возводили часовню, приравниваясь к огромному валуну специально, с целью не скрыть камень, а включить его в контекст функционирования православной часовни. Сама часовня представляла собой деревянную постройку с двумя или тремя окнами. Была покрыта железной крышей с куполом, которую венчал крест.

Рис. 4. Место часовни на «Камне» и сам валун, ранее находившийся внутри часовни близ с. Чамерово. Фото С.Б. Чернецовой (2013 г.)

В народе она называлась часовня «Камень» [6]. Валун внутри часовни со всех сторон был окружён деревянным крашеным настилом, по которому к нему подходили люди. Верующие обходили камень вокруг, при этом священник опрыскивал их «святой» водой, скапливающейся в щели камня. Камень пользовался огромной целительной силой. Богомольцы приезжали к нему из Красного Холма, Бежецка и Весьегонска. Верующие часами стояли в очереди, чтобы прикоснуться к «святому» валуну, помолиться всем святым и получить благословение от батюшки [3]. В 1895 году возле села Чистая Дуброва была основана женская община. Первые насельницы монастыря сначала жили в сторожке при часовне с камнем. Позднее община построила два каменных храма и стала называться Троице-Пятницким общежительским монастырем. В 1929 году монастырь был закрыт. Зимой 1941–1942 гг. серией взрывов все монастырские постройки были разрушены. Скорее всего, именно тогда была уничтожена и сама деревянная часовня [4]. Валун при взрывах не пострадал. Сейчас он лежит на своём изначальном месте – правом берегу небольшой речки Суховетки, в урочище «Голубково» (рис. 4). В расщелине на его поверхности камня лежат монеты. Рядом с ним навес-крыша на четырёх столбах, возведенная несколько лет назад местными энтузиастами.

4. *Ферапонтова часовня* у бывшего села Физино Буйского уезда Костромской губернии. По форме – сруб с высокой двускатной крышей и одноглавым завершением, опоясанный галерейными пристройками. Часовня стояла на стрелке рек Костромы и Монзы. Напротив неё в реке Костроме в XIX веке находился большой валун, часть которого возвышалась над водой. За причудливую форму верхней надводной части камня он получил название – «каменный баран». Плоты, сгонявшие лес, и другие маломерные суда довольно часто разбивались о каменные выступы – «рога» барана, возвышающиеся над водой. В связи с этим у речников родился обычай причаливать к берегу и выходить помолиться Ферапонту: «А кто помолится ему батюшке, да положит что в кружку, то пройдёт благополучно без всякой скорби» [5, с. 231–232]. После того как при очередном столкновении «рога» отломились, то один из них как святыню положили в часовню Ферапонта, то есть фактически главной святыней часовни был обломок камня. Другой «рог» был отправлен в Костромскую архивную комиссию [5, с. 232]. Сейчас место нахождения сгоревшей Ферапонтовой часовни можно определить по старой сосне, которая росла рядом с часовней ещё до пожара и на которую стали частично распространяться сакральные функции часовни: «Бабушки там собирались, и они молились вот около этой сосны» [1].

Проведенный анализ обрядовых практик, связанный с описанными выше часовенными сооруже-

жениями, позволяет с большой долей уверенности отнести их к так называемым объектам «народного православия». По устоявшемуся в научной среде мнению, деревенские часовни обрели свои специфические черты в особой сложившейся среде народного двоеверия. При этом часовни находились на грани церковного канонического и традиционного понимания христианства [9]. Занимая важное место в религиозной жизни поселения, они концентрировали вокруг себя христианские по форме, но «неканонические» по сути случаи религиозной практики.

Библиографический список

1. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, СПб. – Ф. К-1. – Оп. 2. – Д. 1728. Сроки: 26.07–12.08.2000 г. *Щепанская Т.Б.* Материалы экспедиции в Буйский район Костромской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.poechaly.narod.ru/kostr.htm> (дата обращения: 09.06.2014).
2. Архивные документы 1979 года: Часовня-копилка (Чистая Дуброва). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/vesuezd/cistaa-dubrova/arhivnye-dokumenty> (дата обращения: 09.06.2014).
3. Воспоминания Сергея Кислякова о Камне. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/vesuezd/kamen/ziteli-kamna-rasskazyvaut/vospominania-sergea-kislakova-o-kamne> (дата обращения: 09.06.2014).
4. *Купцов Б.Ф., Кондрашов А.И.* Храмы Весьегонского уезда. – Тверь: ООО «Издательство “Триада”», 2004. – С. 65.
5. *Нефедов Ф.Д.* Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // Материалы по археологии Восточных губерний, издаваемых Императорским Археологическим обществом. – Т. 3. – М., 1899. – С. 231–232.
6. *Никольский Н.* Материалы по описанию Троице-Пятницкого женского монастыря. – Весьегонск: Типография Виноградова А.П., 1911.
7. *Панченко А.А.* Народное православие. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. – СПб.: Алетей, 1998. – 305 с.
8. *Платонов Е.В.* Материалы для истории деревенских святынь. Описи часовен Санкт-Петербургской епархии 1808–1816 гг. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2014. – 352 с.; *Платонов Е.В.* Часовни Тихвинского уезда. Рубеж XIX–XX вв. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2011. – 304 с.
9. *Платонов Е.В.* Часовни Северо-Запада России. Этнография. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://countrysite.spb.ru/Library/Chapelsnw.htm> (дата обращения: 09.06.2014).

**СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАДИМИРСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ
С ОРГАНАМИ ПОЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Статья представляет собой исследование деятельности владимирских губернаторов во второй половине XIX века. В связи с передачей некоторых хозяйственных функций в компетенцию вновь созданных органов самоуправления, увеличились полномочия губернаторов в сфере контроля, ревизии, а также охраны общественного порядка. Тесное взаимодействие с органами полиции способствовало проведению правительственных реформ, а также эффективности деятельности губернаторов.

Ключевые слова: Владимирская губерния, вторая половина XIX века, Великие реформы, органы полиции, губернатор.

Довольно долгое время проблемы истории дореволюционной губернской администрации находились на периферии исследовательского интереса. В период поздней империи освещению деятельности местного аппарата власти уделялось мало внимания. Тема рассматривалась, в основном, не в историческом, а в юридическом плане [9]. В дореволюционной либеральной историографии, как правило, преувеличивалась реакционность государственной бюрократии [6].

В трудах дореволюционных юристов И.Е. Андриевского, Е. Анучина, С. Белецкого, Б.П. Бразоля, Н.Т. Волкова, И.П. Высоцкого, Б.Б. Глинского, В.Ф. Дерюжинского, А.А. Лопухина, П. Руткевича, Н. Селиванова, И.Т. Тарасова, А. Щукина в основном нашли отражение общетеоретические вопросы деятельности полиции, подбора и подготовки полицейских кадров, затрагивались отдельные аспекты деятельности и организации сыскной полиции [11].

Исследования советского периода строились на классовом подходе к анализу работы местных органов администрации. Авторы указывали на почти неограниченную власть губернатора [13, с. 37–48], называя его «хозяином» губернии [10, с. 229].

Перестроечные процессы второй половины 1980-х – 1990-х гг. сопровождалась расширением тематики исследований и пробуждением научного интереса к истории административного управления. М.М. Шумилов [21] рассматривал вопросы взаимоотношений губернаторов с центральной властью, оценивал эффективность губернаторского контроля над местными органами самоуправления. Также с 1990-х гг. активизировался интерес ученых к истории отечественной полиции. Например, в работе В.И. Власова и Н.Ф. Гончарова исследуется эволюция форм розыска преступников и способов раскрытия преступлений в России, дается общая характеристика органов и должностных лиц, осуществляющих борьбу с преступностью [8].

Современный период развития историографии характеризуется не только усилившимся вниманием к истории государственных учреждений Российской империи, но и постановкой новых проб-

лем, поиском новых подходов к изучению темы. Авторы отмечают рост профессионализма губернаторов начала XX века [14] совершенствование дореволюционной системы государственных учреждений [17, с. 140–151].

Кроме монографий, существует целый ряд диссертаций, посвященных истории государственных органов управления. Авторы исследований сосредотачивают внимание все чаще на местной специфике в развитии губернского управления [15; 16].

Сегодня историки обращаются к изучению органов государственного управления регионального уровня, поскольку без знания особенностей функционирования власти на местах не может сложиться целостная картина модели государственного управления Российской империи.

Период 60–70-х гг. XIX века характеризуется глубинными реформами: отменой крепостного права, созданием органов местного самоуправления – земского и городского, отделением суда от администрации и возникновением всесословных судебных учреждений. Преобразования эти затронули, в первую очередь, губернский уровень здания государственного управления. Реформы существенно сократили prerogatives губернаторов по текущему управлению местным хозяйством, а многие традиционные полномочия губернаторов, например в хозяйственной и судебной сфере, были переданы вновь образованным органам. Функции же губернаторов в сфере надзора, направленные на поддержание общественного порядка и государственной безопасности, существенно возросли. В этом направлении его компетенция пересекалась со сферой ответственности органов полиции, главной задачей которых было охранение государственного порядка [20].

При изучении истории правоохранительных органов России принято выделять несколько основных этапов. На первом этапе, охватывающем время до начала XVIII в., было характерно отсутствие регулярных полицейских органов: их функции исполнялись органами управления общей компетенции. Сам термин «полиция» в этот период в России не употреблялся, а соответствующая деятельность именовалась «благочинием». Вторым

этап, который приходится на период с первой четверти XVIII в. до февраля 1917 г., связан с формированием и развитием регулярной полиции как специализированного органа [20].

Изучение функционирования губернской администрации и ее взаимоотношений с органами охраны правопорядка имеет на сегодняшний день важное практическое значение в связи с административными реформами, проводимыми сегодня как в сфере местного самоуправления, так и в системе органов охраны правопорядка. Именно поэтому востребован исторический опыт функционирования губернаторской власти императорской России и проявленное губернаторами в пореформенный период искусство управления в кризисных ситуациях, взаимодействие с органами самоуправления, судебными, полицейскими и другими учреждениями.

Совершая регулярные и продолжительные поездки по губернии для ревизии уездных и волостных учреждений и обнаруживая недостатки, губернатор высказывал свои замечания и давал указания соответствующим органам, в чьем ведении находилось ревизуемое учреждение [3, л. 1]. Например, владимирский губернатор П.А. Шатохин, утвержденный императором Александром II 8 октября 1865 г., весь первый месяц нахождения на новой должности посвятил объезду различных уездов Владимирской губернии [15, с. 99]. Губернатор поручал полицеймейстерам и уездным исправникам «строго следить за содержанием всех дорог и переправ» [2, л. 67], контролировать исполнение приказов МВД о мерах противопожарной безопасности [2, л. 70], «принимать меры к пополнению сельских магазинов хлебными запасами» [2, л. 74] и пр. [3, л. 2–3].

На губернатора был возложен надзор за законностью действий органов местного самоуправления и полиции с правом протеста и остановки решений [3, л. 3–4]. Губернатор обращал внимание земских управ на то, чтобы они в случае обращения к полиции строго руководствовались законом, «избегая в интересах дела таких поручений, которые без особого затруднения могли быть выполнены своими средствами» [15, с. 103].

Поскольку основной задачей органов губернской администрации было проведение политики центральных властей на местах, в исследуемый период местная власть активно содействовала успешной реализации правительственных реформ [14, с. 124]. Реализация положений крестьянской реформы в начале 1860-х гг. вызвала необходимость усиления губернаторского контроля за деятельностью административных учреждений губернии, участвовавших в проведении реформы (губернское по крестьянским делам присутствие, губернское правление). Министр внутренних дел в циркуляре от 26 февраля 1861 года поручает владимирскому

губернатору А.П. Самсонову оказывать содействие в сохранении занимаемой должности тех дворян-помещиков, которые находятся в отлучке для «исправления должностей по крестьянскому делу» [1, л. 47]. Земский отдел МВД разрешил «начальникам губернии поручать исправление некоторых своих обязанностей вице-губернаторам», оставляя за собой общий надзор за благосостоянием вверенных им губерний [1, л. 48]. Губернаторы должны были также следить за настроениями среди крестьянского населения. Важным направлением их деятельности стало предотвращение крестьянских волнений.

Существенное место в деятельности губернаторов рассматриваемого нами периода занимало так называемое «охранительное направление», выражавшееся в их действиях по охране «неприкосновенности прав самодержавия, пользы государства, общественного спокойствия, безопасности всех и каждого, соблюдении установленных правил и благочиния» [12, с. 141].

Поскольку губернатор являлся чиновником МВД и подчинялся министру, он получал большое количество министерских предписаний из всех департаментов, которые должен был исполнять. Среди всего количества предписаний большая часть принадлежит Департаменту полиции. Некоторые из них касаются паспортного режима [4, л. 15, 17, 42], другие – сферы общественного порядка, в частности о доставлении в Публичную библиотеку экземпляров всех книг [1, л. 45], запрещении распространения определенного списка печатных изданий или препятствия к исполнению в частных театрах некоторых пьес [4, л. 64, 70].

Губернатор и органы полиции тесно взаимодействовали друг с другом в охране общественного порядка, в хозяйственной сфере. Сотрудники полиции в согласии с циркулярами губернатора принимали конкретные меры по предотвращению эпидемий и эпизоотий, контролировали соблюдение правил противопожарной безопасности, наблюдали за сохранением общественного порядка и спокойствия, арестовывали лиц, нарушающих законы, вели наблюдение за нераспространением запрещенной литературы и драматическими постановками. Полицеймейстеры и уездные исправники находились в прямом подчинении у губернатора и наряду с городскими головами и земствами строили свою деятельность в соответствии с заданным губернатором курса.

Значительную часть внимания губернаторов занимал также контроль за местами лишения свободы. Главы губернии осуществляли общий надзор за строительством тюрем, их материальным обеспечением, режимом содержания арестантов [18, с. 128]. Так, в циркуляре к уездным исправникам Владимирской губернии губернатор Струков просит принять меры «к развитию между арестантами

работ» [3, л. 17]. Следуя циркуляру Медицинского департамента МВД, губернатор А.П. Самсонов дает распоряжение Врачебной управе и Попечительному о Тюремх Комитету обеспечивать снабжение медикаментами пересыльных арестантов [1, л. 39].

Правительство явно запоздало с проведением губернской реформы, не создав на местах современного механизма осуществления преобразований. Необходимо признать, что большая часть губернаторского корпуса была настроена консервативно, а порой и реакционно и, в отличие от деятелей земского и городского самоуправления, явилась орудием торможения, а затем и свертывания реформ, перехода к «контрреформам» [10, с. 97]. Хотя контрреформы и не упразднили учреждений, созданных в эпоху Великих реформ, но внесли в государственный строй такие поправки, которые усиливали в управлении обществом роль коронной администрации за счет ослабления роли общественного самоуправления [13, с. 153]. Большую самостоятельность на местах получили и губернаторы [1, л. 248–251].

Объективно и преобразования органов полиции, суда, тюремной системы, армии свидетельствовали о стремлении к усилению вертикали власти и ее концентрации. В этих органах царское правительство видело ту силу, которая должна была обеспечить существование самодержавия, так как оно было в нем заинтересовано [13, с. 154]. Введенные Великими реформами учреждения и законы не ликвидировались, а трансформировались и корректировались [13, с. 155].

Однако многое зависело от личности самих губернаторов. Либерально настроенные и дальновидные главы губерний умело строили отношения с земствами и центральными органами, способствовали экономическому развитию губерний и благоустройству в них.

Библиографический список

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 225.
2. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 254.
3. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 274.
4. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 335.
5. Robbins R.G.Jr. The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987.
6. Блинов И.А. Надзор за деятельностью губернаторов // Вестник права. – 1902. – №7; Он же. Гу-

бернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб., 1905.

7. Богатырева О.Н. Губернская администрация и земское самоуправление. Вторая половина XIX – начало XX века // Вопросы истории. – 2004. – №8.

8. Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в веках (историко-правовое исследование). – Домодедово, 1997.

9. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 1: О государственном устройстве. – СПб., 1875.

10. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений в дореволюционной России. – М., 1968.

11. Захватов Д.В. Сыскная полиция Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2005.

12. Козлобаев В.А. Институт губернаторской власти в механизме управления Российской Империей, 1860-е – начало 1880-х гг.: Историко-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2007.

13. Ленин В.И. Гонимые земства и аннибалы либерализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 5. – М., 1979.

14. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. – М., 2001.

15. Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последние десятилетия существования Российской империи (на материалах Урала): дисс. ... канд. истор. наук. – Оренбург, 2003.

16. Марасанова В.М. История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX в. (на материалах Верхнего Поволжья): дисс. ... докт. истор. наук. – Ярославль, 2005.

17. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. – 2-е изд., испр. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999.

18. Николаева И.А. Владимирская губернская администрация в 1905–1917 гг.: анализ деятельности губернатора, канцелярии губернатора и губернского правления: дисс. ... канд. истор. наук. – Иваново, 2009.

19. Фролов Н.В., Фролова Э.В. Владимирские наместники и губернаторы. – Ковров, 1998.

20. Хамхоев Б.Т. Из истории становления милиции общественной безопасности в России // Теория и право. – 2010. – № 8.

21. Шумилов М.М. Губернская администрация и органы центрального управления в России во второй половине XIX в. – Л., 1988.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОЖАРНОЙ ОПАСНОСТИ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается проблема обеспечения пожарной безопасности в городах Российской империи во второй половине XIX века; определены причины частых и опустошительных пожаров, обозначена позиция населения по отношению к ним; сделан вывод о необходимости укрепления системы обеспечения пожарной безопасности и ее основной структурной составляющей – противопожарной службы.

Ключевые слова: пожарная безопасность, урбанизация, строительные нормы, объекты повышенной пожарной опасности, материальный ущерб, менталитет городских слоев населения.

С периода Великих реформ в России началось активное инфраструктурное строительство в городах, развитие коммуникационных систем, рыночной экономики. К значимым проявлениям социально-экономической модернизации в России во второй половине XIX – начале XX в. относится развитие старых и появление новых городских центров преимущественно фабричного типа, рост урбанизированности, расширение площади городов, увеличение числа домов. В центре этого геополитического процесса находился горожанин – человек, одной из важнейших потребностей которого являлось осознание личной безопасности.

Немецкий историк, социолог, экономист М. Вебер отмечал, что «дефиниции “города” могут быть самыми различными по своему характеру. Общее для них всех только одно: то, что город представляет собой замкнутое (во всяком случае, относительно) поселение, “населенный пункт”, а не одно или несколько отдельно расположенных жилищ. В городах дома тесно – как правило, стена к стене – примыкают друг к другу». При этом наблюдается отсутствие специфического для сообщества соседей личного знакомства друг с другом [1, с. 34]. В связи с этим горожане, в отличие от сельских жителей, защищавших себя и свое имущество вместе с общиной, менее защищены от возможных угрожающих их безопасности ситуаций и, соответственно, надеются в этом вопросе на помощь государства. Наибольшую опасность для горожан на протяжении всей истории городов представляли пожары.

Обеспечение пожарной безопасности находится в теснейшей связи с процессом урбанизации. Эта взаимосвязь и обозначила необходимость институционализации системы обеспечения пожарной безопасности.

Москву в конце XIX века современники с горькой иронией называли «великороссийской деревней» [9, с. 4], несмотря на заметный рост количества каменных построек в центре города. «Позади центральных улиц в ней гнездится целая сеть переулков, сплошь застроенных деревянными домами самого плохого калибра. В летнее сухое время эти переулочки представляют собой готовый костер,

в который стоит бросить зажженную спичку, чтобы он вспыхнул по всем направлениям» [9, с. 5–6].

В целях повышения пожарной безопасности в Москве в конце 70-х годов XIX века вышел закон, воспрещавший возводить внутри Садового кольца новые деревянные постройки. На месте сгоревшего дома предписывалось возводить каменный.

Вопреки распространенному мнению об изначальном преобладании в северной столице каменной застройки, количество каменных домов в Петербурге впервые стало превышать количество деревянных только в 1880-х годах. Город был каменным в основном в центральной его части. На Петербургской, Выборгской сторонах и на Охте деревянные дома составляли от 54 до 87% застройки [11, с. 19]. В 80-е годы XIX века в столице 49% всех домов были построены из древесины. В связи с этим пожары наносили серьезный урон жителям имперской столицы.

Для того чтобы обеспечить эффективную защиту населения от пожаров, пожарные постоянно рисковали жизнью, но одной отваги и самоотверженности огнеборцев было явно недостаточно. Масштабность городских пожаров свидетельствовала о необходимости иметь хорошо организованную и технически оснащенную противопожарную службу. «Русские города и села представляют собой громадные скопления горючего материала. Всем известны пожары, при которых выгорали целые города и села», – такое мнение о состоянии пожарной безопасности в империи высказал в конце XIX века российский пожарный деятель М. Колесник-Кулевич [6, с. 5].

Если огонь легко находил пищу в столичных городах, то российская провинция в пожарном отношении была еще более уязвима. Преобладание деревянных строений над каменными еще более ярко прослеживается в застройке провинциальных городов. В Ярославле во второй половине XIX века насчитывалось 2755 деревянных и 1099 каменных домов. В Вышнем Волочке каменные дома составляли лишь десятую часть всей городской застройки (326 каменных на 3215 деревянных домов). В Молоде этот показатель был еще выше – из 793 жилых домов только 34 были построены из камня, а 659

возведены из древесины. Деревянная застройка Костромы составляла около 90% от всего количества построек.

Уездные города были в основном одноэтажными, а значит, и деревянными, что еще более сближало их облик с сельской местностью. «Я хорошо помню наш город того времени. Жилые и другие городские здания были, в основном, одно- и двухэтажные. Трехэтажные здания встречались редко», — пишет в своих воспоминаниях почетный краевед Твери Николай Алексеевич Забелин [4, с. 20].

Кроме финансового фактора, выражавшегося в приемлемой для горожан цене на древесину, были и другие причины преобладания в городах деревянной застройки над каменной. Каменные дома были очень дороги не только в строительстве, но и в содержании. Россияне традиционно предпочитали жить в деревянных домах, считая их более пригодными и привычными для жилья. Использование древесины, как наиболее доступного строительного материала, повышало риск возникновения пожаров и оборачивалось настоящими трагедиями для населения российских городов.

В 1855 году пожар, вспыхнувший во Владимире в Успенском монастыре, уничтожил 37 деревянных монашеских келий, 44 деревянных и 6 каменных домов на прилегавших к нему улицах: Никитской, Шишовой, Царицынской, Боровке. В 1848 и 1850 годах в Самаре произошло два опустошительных пожара, вследствие которых город выгорал почти дотла. Пожар 1848 года был запечатлен не только в официальных донесениях властей. Сохранилось описание одного из его очевидцев, самарского купца и мецената Егора Аннаева. Вот как он вспоминает об этом бедствии в своих записках: «...Это было 5 июня. Въезжая в гору, видим на громадном пространстве дымящиеся развалины... Торчат одни обгоревшие дымовые трубы и кругом нестерпимая жара... 8-го июня второй пожар почти совсем опустошил Самару...» [2, с.55].

Фактически пожары были постоянной проблемой для жителей как крупных, так и малых городов. Губернский Ярославль в этом отношении не являлся исключением. Чаще всего пожары возникали в наиболее опасный весенне-летний период. Построенный в Ярославле при губернаторе М.Н. Голицыне Гостиный двор в мае 1835 г. сгорел. Благодаря поддержке губернатора Полторацкого уже через пять месяцев он был восстановлен. Вновь пришлось отстраивать Гостиный двор после сильного пожара 25 мая 1848 г. Пожар вспыхнул на постоянных дворах, откуда пламя быстро перекинулось на соседние постройки и «вскоре проникло в гостиный ряд, и целая половина его сгорела» [10, с. 108]. Во время пожара серьезной опасности уничтожения огнем подверглись Архирейский дом и семинария, но, к счастью, к ночи пожар утих, причинив, тем не менее, серьезный

ущерб собственникам домов, торговых заведений и трактиров.

В августе 1852 года пожарным Ростова не удалось уберечь от огня Гостиный двор и 6 каменных двухэтажных домов с находившимися на нижних этажах лавками. Пожар быстро распространился из-за сухой ветреной погоды, и пожарная команда оказалась бессильна действовать в условиях плотной застройки [3, л. 1–2].

С сожалением приходится констатировать, что и в зимний период вероятность возникновения пожаров оставалась высокой и неконтролируемой, огонь наносил серьезный ущерб жителям.

На протяжении всего XIX века в городах России отмечалась высокая степень пожароопасности. В 1895 году в истории города Данилова произошло трагическое событие — случился большой пожар, уничтоживший все казенные и общественные учреждения в центральной части. Обгорели церкви Преображенская и Никольская, остались остовы каменных жилых домов. Уцелели только управление воинского начальника, тюрьма, арестный дом, больница. Осталось лишь 370 домов, в которых на время и разместились погорельцы. Судя по воспоминаниям современников, Данилов был отстроен очень быстро, поскольку около 30% пространства Даниловского уезда на конец XIX века было занято лесом. Однако принцип застройки остался прежним. По данным за 1906–1911 годы в Данилове насчитывалось 655 одно- и двухэтажных домов, в основном деревянных.

Усложняла пожарную обстановку в стране и массовая пассивность городского населения, которое в большинстве своем не проявляло заинтересованности в решении наболевшего к концу XIX века в России пожарного вопроса, хотя процесс урбанизации, ставший одной из ключевых проблем модернизационного периода, повлек за собой изменения в социальной структуре городского населения, в условиях и образе жизни.

Структурные изменения городской экономики, повлекшие за собой радикальные перемены в образе жизни городского населения, в организации домашнего быта горожан, оказывали заметное влияние на состояние пожарной безопасности. Вместо свечей в домах появились керосиновые лампы, ставшие вскоре из-за неумелого или неосторожного с ними обращения одним из главных виновников случайных пожаров. Для чаепития каждая семья обзаводилась самоваром. Оставленный без присмотра, он также мог стать причиной возгорания. Курение табака приобрело массовый характер, что, в свою очередь, повысило риск возникновения пожаров.

При этом население демонстрировало полное пренебрежение правилами пожарной безопасности, что свидетельствовало о низком уровне культуры горожан. «Большое влияние на отношение к пожар-

ному вопросу оказывает наша некультурность» [8, с. 35], – с тревогой отмечал в докладе «О состоянии пожарного дела в России» член Императорского русского пожарного общества Ф.Э. Ландезен.

Миграционные процессы, усиленные отменной крепостного права, оказывая влияние на социальную структуру, трансформировали ментальности, господствовавшие в российском обществе XIX века. «Происхождение значительной части горожан из крестьян, близость их к крестьянскому образу жизни и, как следствие, их крестьянская самоидентификация, как отмечает российский историк Б.Н. Миронов, во многом объясняют истоки традиционного по своему характеру менталитета городских слоёв» [7, т. 1, с. 323].

В свою очередь, ушедшая вперед городская материальная и отчасти духовная культура стала служить для сельских жителей образцом для подражания. Однако, перейдя в категорию горожан, они изменяли стиль в одежде, но, к сожалению, не изменяли привычного для сельской местности отношения к пожарам и большей частью не обвиняли самих себя в их возникновении, а сетовали на Божью волю, против которой грешно выступать с разумными мерами. Такая веками существовавшая позиция смирения неизбежно приводила к пассивному созерцанию пожара, а не к попыткам справиться с огнем.

Крестьянство в большей степени проявляло приверженность старым традициям. К.Д. Кавелин сформулировал крестьянское мировоззрение следующим образом: «Крестьянин прежде и больше всего – безусловный приверженец обряда, обычая, заведенного порядка, предания. Весь его домашний и хозяйственный обиход предопределен тем, как его завели и устроили отцы и деды. Быт его меняется, но эти перемены являются в его глазах результатом деятельности судьбы и тайных невидимых сил, которые управляют жизнью. Полное отсутствие самостоятельности, безграничное подчинение тому, что приходит извне, – вот основной принцип всего мировоззрения крестьянина. Им определяется вся его жизнь» [5, с. 541]. Доверие к опыту предков, пассивное восприятие установлений власти – ментальные причины незаинтересованности крестьян в активном решении задачи борьбы с пожарами.

Таким образом, пополняющиеся крестьянами городские слои (прежде всего, мещанство, купечество) во многом наследовали крестьянский образ мышления и традиционный менталитет.

Многие города не смогли переработать мигрирующую в них массу сельского населения в городских жителей. Более того, благодаря особенностям российских городов и под давлением сельского менталитета стал меняться стиль жизни самих городов и взаимоотношений между их жителями.

К факторам, определявшим необходимость создания и функционирования в городах пореформен-

ной России пожарных подразделений, относятся не только низкий культурный уровень жителей, пренебрегавших соблюдением требований пожарной безопасности, но и существенное повышение плотности населения.

С ростом урбанизации главной проблемой русских городов конца XIX века был дефицит жилья. Максимум он достигал в центральных городских кварталах. По мере развития городской инфраструктуры земля становилась главным дефицитом. Проблема жилья начала решаться за счет увеличения этажности домов, что, в свою очередь, увеличивало количественный состав их жильцов.

Заработная плата в России была намного ниже, чем в Западной Европе, и высокая стоимость квартир неизбежно приводила к их перенаселению. Это касалось, прежде всего, жилищ низших слоев горожан. Специалисты пожарного дела видели в доходных домах объекты повышенной пожарной опасности. Их волновал также тот факт, что, в случае пожара, жители верхних этажей практически не имели надежды на спасение, поскольку самая высокая пожарная лестница доставала лишь до 5 этажа.

Владельцы домов обязаны были следить за пожарной безопасностью: вовремя чистить дымоходы, иметь необходимый инвентарь на случай пожара, следить, чтобы жильцы не захламляли проходы в коридорах, однако, при всей очевидной необходимости соблюдения этих правил, в большинстве случаев они не соблюдались. Цена этой безответственности была очень высока – жизнь и здоровье проживавших в этих домах людей.

По статистике, пожары из-за неисправных печей и дымоходов занимали в XIX веке второе место после неосторожного обращения с огнем. С середины XIX века частой причиной пожаров становились газ и керосин, которые использовались в домах для освещения.

Следить за выполнением правил пожарной безопасности должна была полиция, в связи с чем взятки полицейским чинам приобрели массовый характер. Жестоко расплачиваться за безответственность домовладельцев приходилось жильцам.

Развитие промышленности в городах, являвшихся центрами сосредоточения экономических возможностей, сопровождалось повышением концентрации населения и производственных объектов, поэтому последствия пожаров в них имели наиболее тяжелые последствия. Только в Тверской губернии за период с 1860 по 1890 гг. число пожаров увеличилось в 6 (!) раз (с 240 случаев в 1860 гг. до 1538 – в 1890 г.).

Таким образом, к основным факторам пожарной опасности в российских городах второй половины XIX века можно отнести: увеличение численности городского населения, преобладание деревянной застройки над каменной; повышенную плотность населения, усугубляющуюся много-

этажностью домов; нарушение строительных норм в процессе сооружения городских строений, рост числа крестьян в социальной структуре городского населения, находящегося в рамках традиционного мировоззрения и более склонного к созерцанию пожара, а не к попыткам справиться с огнем.

Между тем в условиях города степень пожарной защиты определялась, прежде всего, не возможностями отдельного индивидуума, нередко пренебрегавшего соблюдением правил пожарной безопасности, а эффективностью системы обеспечения пожарной безопасности и ее основной структурной составляющей – противопожарной службой. Необходимость организации деятельности социального института – городской пожарной охраны, являвшейся неотъемлемой частью системы социальной инфраструктуры города, – была обусловлена масштабами пожарных катастроф.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова;

предисл. П.П. Гайденоко; комм. А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

2. Вехи огненной Самары: от крепости до наших дней. – Т. 1. – Самара, 1991. – 188 с.

3. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 4. – Д. 1672. – Л. 1–2.

4. Забелин Н.А. Город Тверь в 1914–1917 гг.: воспоминания подростка 12–15 лет // Записки тверских краеведов. – Тверь, 2002. – Вып. 3. – С. 20–26.

5. Кавелин К.Д. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 2. – М., 1967. – 652 с.

6. Колесник-Кулевич М. О противопожарных средствах (опыт исследования). – М.: Типография П. Сегала и Ш. Фридланда., 1888. – 27 с.

7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: в 2 т. – Т. 1. – СПб., 1999. – 548 с.

8. Ландезен Ф.Э. О состоянии пожарного дела в России // Пожарное дело. – 1912. – №24. – С. 29–36.

9. Пожарный. – 1892. – № 8. – С. 2–6.

10. Троицкий И. История города Ярославля. – Ярославль, 1853. – 118 с.

11. Юхнева Е.Д. Петербургские доходные дома. – М: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 362 с.

УДК 94(470)

Бушуев Иван Алексеевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ivan.textwork@yandex.ru

ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА КОСТРОМЫ И ЯРОСЛАВЛЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГУБЕРНСКИХ ЦЕНТРОВ

В статье рассматривается роль транспортной системы в повседневной жизни населения Костромы и Ярославля в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: повседневная жизнь, быт, транспортная коммуникация, транспорт, трамвай, извозчики.

Рост городской территории, увеличение количества населения, развитие внутренней инфраструктуры стали определяющими факторами для повседневной жизни Костромы и Ярославля на рубеже XIX–XX вв. В связи с этим более важную роль в структуре губернских центров стала играть транспортная сеть, обеспечивавшая связь между отдельными их частями. Одной из наиболее насущных проблем в жизни Ярославля и Костромы была связь между основной частью города и заволжской местностью. В Ярославле к началу XX в. возникла необходимость постройки железнодорожного моста через Волгу, который бы стал не только дополнительным транспортным узлом, соединявшим две части города, но и напрямую объединил бы Ярославскую и Архангельскую железнодорожные ветки. 6 мая 1901 г. последовало Высочайшее повеление на постройку в 1902 г. железной дороги Санкт-Петербург – Вятка с ветвью Данилов – Буй и устройством у Ярославля моста через р. Волгу для соединения ее с Московско-Ярославско-Архангельской железной дорогой. Городская дума предложила возбудить ходатайство об устройстве моста таким образом, чтобы по нему свободно могли двигаться пешеходы и экипа-

жи [17, с. 3]. Несмотря на то что изыскания для постройки моста были начаты еще в сентябре 1904 г., когда строилась железнодорожная линия Петербург – Вологда – Вятка [3, л. 1], строительство моста началось только в 1910 г., а открытие состоялось в 1913 г. и было приурочено к 300-летию юбилею царствующей династии Романовых. На открытии моста присутствовал император Николай II, в связи с чем мост получил название «Николаевского». В Костроме железнодорожный мост через Волгу был построен только в 30-х гг. XX в. Костромской железнодорожный вокзал располагался в Заволжье – как раз на Ярославском тракте, и из основной части города добраться до него можно было, только используя волжскую переправу – на пароме или на пароходе [14, с. 7].

В Ярославле главным видом наземного транспорта в начале XX в. был электрический трамвай, который был запущен в декабре 1900 г. Ярославская трамвайная система была одной из первых в Российской империи. Она тянулась от паромных пристаней на набережной Волги к Московскому вокзалу, попутно проходя наиболее важные объекты городской инфраструктуры (мужскую гимназию, бульвар, театр, гостиный двор, Спас-

ский монастырь), боковые линии вели к Ярославской Большой мануфактуре, к ст. Всполье (там линия соединялась с железной дорогой), Леонтьевскому кладбищу, губернской земской больнице [11, с. 5]. По мере роста популярности трамвая среди горожан власти предпринимали меры к улучшению качества работы данной транспортной службы – 23 июля 1901 г. городская комиссия Ярославля произвела подробный осмотр всех путей трамвая и указала места на разъездах для постройки павильонов для пассажиров (по сути – остановок), было признано необходимым устроить 4 павильона – на Богоявленской, Власьевской, Сенной площадях и на углу Федоровской улицы и Московского шоссе [18, с. 3]. Кроме того, велись работы и по расширению трамвайной линии. Обыватели с охотой пользовались новым транспортом, на самых оживленных станциях вагоны порой переполнялись настолько, что места в буквальном смысле «брались с боем» [13, с. 3]. При устройстве трамвайных линий возникла необходимость переустройства телефонной сети на двухпроводную, так как ток от электрического трамвая создавал помехи во время телефонных разговоров. Работы по переустройству начались в середине 1902 г. [19, с. 3].

В апреле 1900 г. городская дума Костромы приняла решение об устройстве в городе трамвайной сети [9, с. 3]. Трамвай бы не только соединил окраины города с центральными улицами, но и поспособствовал решению проблемы электрического освещения в городе – трамвайная электростанция могла работать и в этих целях [5, с. 5–10]. Несмотря на все планы местных властей (был готов предварительный проект, назывались конкретные имена подрядчиков и суммы), в Костроме трамвайная система так и не была организована, главной причиной чего была дороговизна итоговой сметы.

В связи с этим для Костромы основным видом внутригородского транспорта продолжали оставаться извозчики. С.М. Чумаков вспоминал: «Извозчиков в городе было много, так как иного транспорта (общественного) не было. Железнодорожный вокзал был за Волгой, и к услугам извозчиков приходилось обращаться всем приезжающим и также отъезжающим» [15, с. 388].

Извозчики делились на две категории – на «ломовых», т.е. перевозивших грузы, и «легковых» – пассажирских. Разделение существовало и внутри каждой из этих групп. Для определения категории ломовых извозчиков определяющим становился характер транспортировки: подвоз тяжелых и крупногабаритных грузов, подвоз продуктов к местам торговли, доставка строительных материалов, подвоз воды, вывоз снега, мусора и нечистот (ассенизационные обозы). Легковые извозчики делились на два основных типа, в их случае критериями разделения было качество лошади и экипировки. «Лихачи», бравшие более вы-

сокую таксу за проезд, носили красивые кафтаны и четырехугольные лакированные шляпы, их лошади были «рысистых» пород, а повозки блестели кожей летом и привлекали медвежьей полостью в зимнее время. Более доступные в денежном отношении «ваньки» – в основном, крестьяне, проживавшие в ближайших окрестностях губернского центра и обеспечивавшие себя сезонными заработками, – внешне выглядели куда проще: их лошади были загнанными, а повозки и экипировка – самыми простыми [7, с. 25]. Именно извозчиков последнего типа было в Костроме больше, они имели «поношенные дребезжащие пролетки на железном ходу» [15, с. 388]. У некоторых были пегие лошади самого низкого качества [там же].

Нормы извозничьего промысла регулировались местными властями. Правила, изданные еще в 1871 г., устанавливали, что извозчики, как легковые, так и ломовые, обязаны были стоять в порядке, не производить никакого шума, быть в трезвом виде, не произносить бранных слов и оскорблений, подавать экипажи пассажирам и к подъездам тихо и осторожно, не оставлять лошадей без привязи и присмотра. Для занятия извозным промыслом необходимо было получить особое разрешение – взять специальные номера в городской управе [12, с. 5]. В 1885 г. к этим правилам было добавлено еще несколько: извозчикам обозов надлежало следовать в одну линию, привязывая лошадей на арканы, а загруженным телегам запрещалось совершать остановки среди городских улиц. Извозчикам и кучерам запрещалось сходить с козел на улице, сидеть внутри кареты или закрытой коляски, а также курить при езде. При съездах экипажи должны были останавливаться в одну линию. Запрещалось быстро ездить по улицам, в особенности – по перекресткам. Извозчиками надлежало прибывать номера с правой стороны козел на видном месте, а номер сзади должен был быть написан белой краской на кузове у легковых извозчиков и на дуге – у ломовых [12, с. 16–17].

В 1894 г. вышла более полная редакция правил извозного промысла в Костроме. Был установлен возрастной ценз – извозным промыслом могли заниматься мужчины от 18 до 65 лет, несудимые и не состоящие под следствием. Для этого необходимо было получить в Городской управе специальные номера, взамен желаящий заниматься промыслом предоставлял от полиции или от сословного учреждения, к которому он принадлежал, удостоверение, подтверждающее его неподсудность и трезвое поведение. Полицейское управление вело специальную «книгу извозчиков», куда вносились все необходимые данные. Лошади у извозчиков должны были быть здоровыми, экипажи – современными, их надлежало ремонтировать и окрашивать каждый год. Чехлы на сидениях должны были быть из гладкой кожи и не «линочье», чтобы одежда пассажи-

ров не пачкалась. Сбруя должна была быть крепкой, а одежда извозчика – общепринятой кучерской формы, при этом чистая и опрятная. Экипажи и сбруя свидетельствовались полицией вместе с членом городской управы, а лошади – ветеринарным врачом два раза в год – в январе и апреле. Сообщения об осмотре упряжек, снаряжения и одежды извозчиков публиковались на страницах местных газет [10, с. 3]. Номера, сделанные из тонкой жести или железа, у ломовых извозчиков прибавались на дуге с левой стороны, у легковых – на экипаже сзади сидения седока. Номера соответствующего размера должны были быть написаны черной краской на белом фоне так, чтобы номер извозчика-нарушителя был замечен при проезде. Второй номер хранился при извозчике. Он использовался в различных целях – например, пассажир мог затребовать его себе, если оставлял в экипаже ценные вещи. Для приведения номеров к единообразию они заказывались Городской управой, при получении с извозчиков взимались за них деньги. Извозчикам, стоявшим на улицах, надлежало не загромождать проходы и проезды. Запрещалось оставлять лошадей без надзора и привязи у магазинов, гостиниц, питейных заведений и частных домов. Ломовым извозчикам запрещалось останавливаться на улицах, за исключением специально отведенных для этого мест – торговых рядов, пристаней и т.д. Запрещалась быстрая езда через площади, а из ворот всегда надлежало выезжать «шагом». Со стоянки пассажирам лошади должны были подаваться тихо и с соблюдением очереди. Запрещалось беспокоить публику своими предложениями, курить при езде табак. Если пассажир, находясь в нетрезвом состоянии, вел себя неподобающим образом, извозчик обязывался сдать его ближайшему постовому. Во время процессий, крестных ходов, похорон извозчики должны были сворачивать в проулки, тем самым освобождая уличное пространство. Строго необходимо было соблюдать правило езды по правой стороне. Если пассажир забывал в экипаже свои вещи, извозчик должен был сдать их дежурному в полицейское управление. Извозчики, находясь на бирже, не должны были вести между собой игры, допускать брань, а с публикой им надлежало обращаться вежливо [12, с. 41–46].

У легковых и у ломовых извозчиков должны были быть два старосты – дневной и ночной. В обязанности старост входило наблюдение за поведением и трезвостью извозчиков, за недопущением на биржу бесправных лиц, а также надзор за исправностью экипажей, сбруи и здоровьем лошадей. Старосты также наблюдали за «большими съездами» извозчиков во время театральных представлений, крупных общественных собраний и т.д. [там же, с. 43–44].

На практике извозчики ожидали пассажиров, располагая свои экипажи не только на углах цент-

ральных улиц и на городских площадях, но и у входов гостиниц, трактиров, магазинов, жилых домов. Хозяева заведений и домовладельцы неоднократно выражали недовольство этим фактом и подавали прошения в губернаторскую канцелярию об удалении извозчиков от их лавок и домов [2, л. 7]. Городская управа сообщала: «Легковые извозчики в городе Костроме <...> останавливаются там, где им заблагорассудится, не заботясь о том, удобно это или неудобно для ближайшего к месту их стоянки домовладельцу и вообще для обывателей, пользующихся услугами извозчиков» [2, л. 11]. Городские власти пытались определить места для постоянных стоянок извозчиков. Нормативно вопрос получил решение к 1905 г. – постановление об определении места для стоянки извозчиков было опубликовано в «Костромских губернских ведомостях», оно гласило: «Легковые извозчики могут стоять на площадях и углах улиц, не загромождая проходов с улиц на тротуары и обратно, а равно подъездов, имеющих в угловых домах» [8, с. 2]. Как мы видим, данное постановление всего лишь еще раз напоминало старые правила, которыми к этому времени многие стали пренебрегать. Также извозчикам запрещалось останавливать нагруженные телеги на улицах, а в случае остановки при каждом трех телегах или возах должен был находиться хотя бы один грузчик, следующий при первом возе, которому, в свою очередь, запрещалось в это время идти по тротуару [1, л. 5].

Несмотря на растущую среди местного населения популярность трамвая, ярославцы также продолжали пользоваться услугами извозчиков. Отличительной чертой ярославских извозчиков были цветные ярлыки. «Лихачи», обладавшие прекрасными экипажами с прорезиненными шинами и хорошими рысистыми лошадьми, крепили к своим экипажам ярлыки белого цвета. Извозчики, экипажи которых были среднего качества, крепили на них синие ярлыки – стоимость поездки на таком экипаже была ниже, поэтому их услугами могли воспользоваться средние и бедные слои городского населения [4, л. 1–2]. К началу 1906 г. цвета ярлыков изменились: простые пролетки стали носить белые ярлыки, а более качественные экипажи (одним из основных критериев качества считалось наличие резиновых шин) носили красные ярлыки [4, л. 7–8].

Ярославские извозчики, так же как и костромские, обязывались следовать «Обязательным постановлениям о легковом извозном промысле». Для того чтобы заниматься извозным промыслом, необходимо было получить специальное дозволение Городской управы. До занятия извозом допускались несудимые лица не моложе 16 лет. Экипажи могли быть одноконные, парные и троечные. Каждый экипаж должен был иметь жестяные или латунные номерные знаки – один прибавался сза-

ди, другой должен был находиться при извозчике. Номерные знаки выбирались два раза в год – до 1-го июня и до 1-го января. Извозчику надлежало иметь приличную одежду – кучерский кафтан черного или темно-синего сукна с кушаком, летом – кучерскую шляпу, зимой – шапку. Лошади должны были быть здоровыми, экипаж и сбруя – прочными. Требовалось оснащение зимних экипажей суконной или бархатной полостью, опушенной мехом, летним полагалось иметь фартук и верх для ненастной погоды. Одежда кучера, лошади, экипажи и сбруя подвергались освидетельствованию полицией, подтверждением успешного освидетельствования была специальная пломба на экипаже или санях. На биржах – местах извозчицких стоянок, улицах и площадях лошади должны были стоять в ряд, не загораживая проходы и проезды. При езде рекомендовалось держаться правой стороны улицы. Извозчик имел право брать плату с пассажира только согласно установленной таксе, исключением было ночное время (с 2-х часов ночи до 6-ти часов утра) – плата производилась по обоюдному соглашению, но ее размер должен был быть менее двойной цены. Такое же правило оплаты вступало во время праздников. Для наблюдения за исполнением всех правил и указаний, а также для решения проблем среди извозчиков на каждой бирже выбирался староста сроком на 1 год [4, л. 16–19(об)].

В Ярославле бытовал некий конфликт между двумя видами транспорта – электрическим трамваем и конным экипажем. На трамваях разрешалось перевозить ручной багаж, а извозчики в свою очередь были против, считая, что тем самым у них отнимают источник дохода [4, л. 1–2]. В сознании горожан извозчик становился более архаичным типом, в то время как трамвай набирал все большую популярность: «Трамвайный вагон объединил гордым званием “пассажир” совершенно разную публику от состоятельной городской верхушки до бедных студентов» [16]. В Костроме извозный промысел также имел свою особенность: среди занимавшихся им значительную долю представляли местные татары – жители граничащей с городом слободы за р. Черной [6, с. 10]. В Ярославле татары-извозчики в основном занимались ломовым извозом.

Таким образом, транспортная система двух губернских центров на рубеже XIX–XX вв. находилась в развивающемся состоянии, однако наличие в Ярославле трамвайной сети давало городу ряд значительных преимуществ: она обеспечивала более быстрое передвижение между различными частями города, а также позволяла использовать

трамвайную электростанцию для организации уличного освещения городского пространства. Кроме того, передвижение на трамвае было доступно широким слоям городских масс, в то время как поездка на извозчике в большинстве случаев оставалась прерогативой более состоятельной части горожан.

Библиографический список

1. ГАКО. – Ф. 207 (Костромская городская управа). – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 366.
2. ГАКО. – Ф. 207. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 375.
3. ГАЯО. – Ф. 73 (Канцелярия Ярославского губернатора). – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 7206.
4. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 7248.
5. Доклад Городской управы в Костромскую городскую думу об устройстве трамвая и электрического освещения. – Кострома, 1900. – 42 с.
6. Кивокурцева О.О. О костромском яме и татарском извозе // Костромская старина. – 1997. – № 9. – С. 9–10.
7. Колгушкин Л. Кострома начала века // Губернский дом. – 1994. – № 2. – С. 25–30.
8. Костромские губернские ведомости. – 1905. – № 44. – 9 июля.
9. Костромской листок. – 1900. – № 38. – 7 апреля.
10. Костромской листок. – 1901. – № 4. – 12 января.
11. Критский П.А. Прогулка по Ярославлю. – Ярославль, 1912. – 32 с.
12. Обязательные постановления Костромской городской думы для жителей города Костромы. Изданные в разное время в установленном законом порядке. – Кострома: Губернская типография, 1897. – 116 с.
13. Северный край. – 1902. – № 217. – 19 августа.
14. Сырцов И.Я. Город Кострома в его прошлом и настоящем. – Кострома: Губернская типография, 1909. – 51 с.
15. Чумаков С.М. Воспоминания костромича // Костромские купцы Чумаковы / сост. А.В. Бялко, Н.Г. Чудова. – М.: Издательство «Октопус», 2006. – С. 383–466.
16. Шапко Н.И. К вопросу о формировании городской среды Ярославля на рубеже XIX–XX вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 2.
17. Ярославские губернские ведомости. – 1901. – № 39. – 22 мая.
18. Ярославские губернские ведомости. – 1901. – № 58. – 27 июля.
19. Ярославские губернские ведомости. – 1902. – № 50. – 28 июня.

ПРОЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ТРАМВАЯ В ЕССЕНТУКАХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена проектам строительства трамвая в Ессентуках в начале XX века. В ней проведён анализ маршрутной сети трамвая и рассмотрены причины, по которым проекты не были реализованы.

Ключевые слова: Ессентуки, трамвай, электростанция, маршрут, курорт, технология, товарищество, поселение, вокзал.

Начало XX века отмечено развитием городского рельсового транспорта. Не стал исключением курортный регион «Кавказские Минеральные Воды» (КМВ). С 1903 г. в Пятигорске начал действовать городской электрический трамвай, выполнявший пассажирские перевозки, в Кисловодске – грузовой электрический трамвай. В первое десятилетие XX века неоднократно рассматривались проекты трамвая в других населённых пунктах региона. Начиная с 1907 г. несколько предпринимателей из разных мест империи предлагали построить трамвайную сеть в Ессентуках. Интерес у потенциальных строителей был связан с популярностью курорта, который выходил на лидирующие позиции среди других курортных групп КМВ [2, с. 107].

История строительства и развития городского рельсового транспорта актуальна в свете современного состояния отрасли на территории России. В настоящее время сокращается рельсовая сеть, в некоторых городах она закрыта полностью. В европейских государствах наблюдается обратная тенденция. Ранее закрытые трамвайные сети восстановлены, во многих городах и сельских населённых пунктах появились новые. Отличительными особенностями трамвая как городского общественного транспорта является высокая провозная способность, низкая себестоимость перевозок и экологическая безопасность эксплуатации. Последний аспект является наиболее актуальным для курортного региона КМВ, где активная эксплуатация транспорта на двигателях внутреннего сгорания уже привела к нарушению экологической обстановки.

Научная новизна рассматриваемого вопроса состоит в том, что тема проектов строительства городского рельсового транспорта в Ессентуках подробно не рассматривалась. Единственная заметка в научно-популярном очерке исследователя С.В. Боглачёва затрагивает этот вопрос [1, с. 420–423]. Привлечение материалов фондов Государственного архива республики Северная Осетия-Алания позволило восстановить хронологию событий и более подробно рассмотреть сами проекты. Анализ документации проектов и переписки позволил выявить новые имена, связанные с историей города Ессентуки, – отставного военного С.А. Гамазова и инженера Я.А. Абрагамсона.

В 1907 году житель Тифлиса полковник в отставке Степан Артемьевич Гамазов в заявлении генерал-губернатору и наказному атаману Терского казачьего войска А.М. Коллюбакину предложил начать строительство в Ессентуках конно-железнодорожных дорог. Этому заявлению предшествовали устные договорённости с управляющим Владикавказской железной дороги И.Д. Иноземцевым и самим Коллюбакиным, с которым Гамазов встречался в Ессентуках летом того же года. Тогда наказной атаман высказал «своё сочувствие этому мероприятию» [6, л. 31].

Предполагалось, что в течение 1908–1909 гг. по центральным улицам поселения удастся проложить рельсовую дорогу на конном ходу. Через пять лет конную тягу планировали заменить электрической. Срок аренды вновь построенной дороги определялся в 30 лет. По улицам, где должна была пройти линия трамвая, устраивалось освещение, работавшее ночью до 22–24 часов.

При разработке проекта большое значение придавалось роли местного станичного общества. В его пользу с каждой квадратной сажени, занятой под конку, должна была выплачиваться арендная плата. Казачье общество через 10 лет после начала эксплуатации дороги могло выкупить трамвайное предприятие у его владельца. При комплектовании штата работников конно-железнодорожной дороги преимущество отводилось местному казачьему населению [6, л. 31об.].

В проекте строительства конки планировалась разветвлённая рельсовая сеть с пятью конечными станциями. Вероятным началом всех маршрутов служил железнодорожный вокзал. Здесь устраивалось рельсовое кольцо, от которого в три стороны отходили пути. Один путь пересекал железную дорогу и поворачивал на улицу Царскую (сейчас им. К. Маркса), далее Терскую (ул. Чкалова), Слепцовскую (ул. Нагорную), Шереметьевскую (ул. Урицкого), Пушкинскую (ул. Пушкина), поворачивая вновь на Терскую и далее на Лермонтовскую. Путь должен был заканчиваться на пересечении Лермонтовской и Корсаковской (им. Свердлова) улиц. На всём протяжении не планировалось устройство разъездов. Этот маршрут удовлетворял бы транспортные нужды вновь застраиваемой части курорта.

Наиболее популярным маршрутом должен был стать рельсовый путь, проложенный по Глав-

ной Курсовой улице (ныне Интернациональной). От этой линии начинались все другие маршруты. Один из рельсовых путей у центрального входа в лечебный парк поворачивал на ул. Кисловодскую и следовал до пересечения с одним из переулков (сейчас ул. Гаевского). Маршрут по Главной Курсовой и Базарной улице пересекал многие жилые кварталы, базар и заканчивался у храма Святого Николая. На этой линии планировался один разъезд между Первым (ныне ул. Гоголя) и Вторым (ул. Фрунзе) переулками. Ещё одна рельсовая линия начиналась от вокзала и шла по Пантелеймоновской улице (сейчас ул. Анджиевского) до Ермоловской (ул. Семашко), по ней до Нелюбинской (ул. Ленина) и следовала до пересечения с Муравьевской (ул. Разумовского). От рельсового пути на Главной Курсовой улице отходила ещё одна линия, которая по центральной аллее верхней части лечебного парка с одним разъездом шла до Пятигорской улицы, где на пересечении с безымянным переулком (сейчас пер. Тбилисский) должна была заканчиваться. Между парковой линией конки и рельсами на Пантелеймоновской улице планировалось построить небольшой участок дороги [6, л. 31об.]. Два последних маршрута предполагалось проложить по дачному посёлку и лечебному парку, соединив место проживания курортников с местами отдыха и лечения.

Однако проект полковника С.А. Гамазова не был реализован. По-видимому, этому было несколько причин. Отставной военный вряд ли имел финансовые возможности для строительства дороги. Общество Владикавказской железной дороги, с управляющим которого Гамазов вёл переговоры, не стремилось строить городские железные дороги.

12 мая 1911 г. станичным обществом был заключён договор с тремя предпринимателями, которые должны были построить в станице электростанцию для нужд освещения и будущего трамвая. По приговору от 29 января 1912 г. станичное общество разрешало строительство. Тогда же начало действовать «Ессентукское электрическое товарищество» (далее – Товарищество). Товарищество, состоявшее из местных домовладельцев, обязывалось под контролем уполномоченного от станицы начать строительство электрической станции. Часть электроэнергии предполагаемой станции должна была отпускаться для нужд станицы, а пятая часть доходов станции передаваться на благоустройство и просвещение жителей Ессентуков. [4, лл. 1, 2–2об.]. 29 мая 1912 г. Товарищество начало отпускать электроэнергию своим абонентам [7, с. 3].

Местная газета «Пятигорское эхо», сообщая о начале отпуска электроэнергии абонентам Товарищества, желала «скорого осуществления... программы по проведению в Ессентуках трамвая» [7, с. 3]. Предприниматель, который взялся бы за строительство трамвая, брал на себя обяза-

тельство устроить рельсовый путь, закупить подвижной состав и построить все необходимые строения для эксплуатации дороги. Для строительства депо трамвая выделялась земля на месте бывшей войсковой молочной фермы. Для контроля за строительством были избраны уполномоченные от станицы, которыми стали известные казаки: есаул А.Ф. Федюшкин, В.Н. Дубинин и Г. Горепёкин [3, лл. 1, 4–4об., 9–9об., 14].

К концу 1912 г. был закончен и 18 ноября отпечатан проект строительства трамвая. В нескольких выпусках газет «Новое время» и «Русское слово», а также в журнале «Электричество» за 1913 г. были опубликованы объявления с предложением концессии на строительство. На объявления никто не отозвался [5, л. 9об.].

Проект 1912 г. предполагал три линии трамвая, которые частично повторяли проект С.А. Гамазова, предложенный ещё в 1907 г. Первая линия длиной около двух вёрст начиналась от железнодорожного вокзала и шла по Суворовской, Кисловодской, Главной Курсовой и Базарной улицам, пересекая Базарную площадь. Ответвление линии по Базарной улице шло до Субботнего базара, оттуда по Атаманской улице через парк, далее по Пантелеймоновской улице. Вторая линия охватывала западную часть станичного поселения, соединяясь с основной линией трамвая на Суворовской улице. Длина этого пути должна была составить более четырёх вёрст. Третья линия длиной более двух вёрст начиналась на вокзале и проходила по кварталам Новых Ессентуков [3, с. 13].

Согласно проекту договора, станичное правление имело право вмешиваться во многие вопросы строительства трамвая и освещения станицы. В частности, тип рельс, подвижной состав, внешний вид сторожей и персонала трамвая должен был быть согласован со станичным правлением. На вновь построенных линиях предприниматель должен был возвести четыре крытых павильона, оборудованных отапливаемыми клозетами. Рельсовые пути должны были укладываться на бетонном основании, а пространство между рельсами и путями замощено. Станичным обществом для концессионера была разработана система штрафов в размере от 15 до 500 рублей. Оно же требовало половину ежегодной прибыли предприятия в пользу станицы. На 90% персонал трамвая и электростанции должен был состоять из станичников, которых предварительно нужно было обучить профессии. В тексте договора ущемлялись права евреев, которым запрещалось работать на предприятии. Неоднократно пересматриваемые пункты проекта договора не могли удовлетворить предпринимателей. Укладка пути на бетонном основании, замощение ряда улиц, устройство освещения на многих улицах станицы делали проект нерентабельным. [3, лл. 14, 15–25, 27–31, 34–36, 40–43, 46–48, 53.]

Согласно источникам, в 1914–1915 гг. Горный учёный комитет Горного департамента Министерства торговли и промышленности рассматривал проект постройки и эксплуатации электрического трамвая, предложенный предпринимателем В.П. Харчевниковым и автором технического проекта трамвая Я.А. Абрагамсоном [1, с. 420–421]. В 1915 г. членом «Общества благоустройства Ессентуков» был составлен новый план Ессентуков, где были указаны линии трамвая. Новый проект предполагал создание своеобразного трамвайного кольца, соединявшего основные районы Старых и Новых Ессентуков. По приговору станичного общества от 21 августа 1916 г. предпринимателям было отказано. В приговоре от 6 ноября уточнялись причины отказа. Станичное общество не желало лишаться доходов от извозного промысла. Для решения вопросов строительства электрического трамвая было решено создать отдельную комиссию [5, лл. 1, 4–4об., 9].

Убыточной была работа ессентукской электростанции. Она не приносила дохода, а её долг почти равнялся стоимости всего имущества станции. Было решено продать электростанцию. В 1916 г. предпринимались попытки организовать новое товарищество для эксплуатации электростанции, которые не увенчались успехом [1, с. 431].

Начиная с 1917 г. социальные и политические изменения в стране отодвинули планы строительства и благоустройства на курортах КМВ. Только

в первой половине 1920-х годов было начато восстановление разрушенных лечебно-оздоровительных учреждений и строительство нового советского курорта. Но к проектам строительства трамвая больше не возвращались.

Вопросы строительства электрического трамвая в Ессентуках в XXI веке могут получить новую жизнь. Современные технологии и экологичность этого вида транспорта позволяют проложить трамвайные пути вдоль пешеходных зон курортной части города без вреда для минеральных источников. Для этого важно знать опыт прошлых поколений, которые ещё сто лет назад пытались преодолеть проблемы дотационности бюджета и привлечения частного капитала к строительству и благоустройству города.

Библиографический список

1. Боглачёв С.В. Кавказские Минеральные Воды в исторических очерках. – Пятигорск: СНЕГ, 2012. – 520 с.
2. Ткешелашвили И.С. Курорт Ессентуки. – Кисловодск: Печатное дело, 1914. – 131 с.
3. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А). – Ф. 11. – Оп. 58. – Д. 1290.
4. ЦГА РСО-А. – Ф. 11. – Оп. 58. – Д. 1292.
5. ЦГА РСО-А. – Ф. 11. – Оп. 58. – Д. 1297.
6. ЦГА РСО-А. – Ф. 11. – Оп. 62. – Д. 555.
7. Электрическое товарищество // Пятигорское эхо. – 1912. – 2 июня.

УДК 94(470)

Леонов Дмитрий Евгеньевич

кандидат исторических наук
Ростовский педагогический колледж (Ярославская область)
demetriosrost@yandex.ru

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА СТРАНИЦАХ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье приведен анализ материалов сатирических изданий периода первой российской революции – газет «Лихорадка», «Звонарь», «Ярославский колокол», «Ярославская колотушка», «Дубинушка», изданных на территории Ярославской губернии в 1906–1908 гг., выявлена их антиклерикальная направленность, определены основания для критики духовенства, Церкви, вероисповедной и образовательной политики правительства Российской империи.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг., Православная Церковь, духовенство, периодическая печать, политическая борьба, сатирические журналы, антиклерикализм.

В начале XX столетия Русская православная церковь являлась самой крупной религиозной организацией в империи. Государство и Церковь были связаны тесными союзническими отношениями, главенствующая роль в которых принадлежала светской власти. Священнослужители фактически являлись государственными служащими, исполняя ряд светских функций, таких, например, как регистрация актов гражданского состояния. В период первой российской революции 1905–1907 гг. (и до 1917 г.) духовенство принимало участие и в политической

жизни – в качестве избирателей и депутатов Государственной Думы, в деятельности политических партий.

Принято считать, что общество Российской империи в период революции 1905–1907 гг. разделилось на три лагеря – правительственный, либеральный, революционный. Во многом условное, это деление сохранялось, по меньшей мере, до победы большевиков в Гражданской войне. Эти «лагери» в период их относительно «мирного» сосуществования вели активную информационную войну, происходившую на страницах многочис-

ленных периодических изданий. Революционные и леволиберальные деятели вовремя усвоили, что сатира – мощнейшее орудие пропаганды, которое всегда попадает в цель, формируя общественное мнение. В годы первой революции возникла масса сатирических изданий, которых насчитывалось, по различным данным, более 200 наименований.

Подавляющее большинство сатирических журналов 1905–1907 гг. издавалось в Санкт-Петербурге и Москве, некоторые из них – в провинции. В Ярославской губернии в 1905–1908 гг. также возникли сатирические газеты и журналы.

Первым по хронологии сатирическим изданием в губернии был «Ярославский колокол», несколько номеров которого вышло в 1906 г. В г. Ярославле в 1906–1908 гг. под редакцией В.Г. Куприянова издавался популярный сатирико-юмористический журнал «Ярославская колотушка». Два сатирических издания существовали в 1906–1907 гг. в Ростове: «Лихорадка» (под редакцией М.М. Сидорова) и «Звонарь» (редактор А.И. Цветков). В Рыбинске И.М. Проскурнин в 1906 г. издавалась газета «Дубинушка». Все они существовали на протяжении короткого периода времени и к 1908 г. были ликвидированы.

Основной задачей изучаемых изданий была политическая сатира; провинциальные газеты и журналы осуществляли данную функцию на местном уровне, с использованием местной специфики. Следует отметить, что в качестве объекта высмеивания на страницах сатирических журналов нередко фигурировали православное духовенство, религия, Церковь.

Ярославская губерния не относилась к числу «передовых» с точки зрения развития революционного движения; исследователи и современники отмечали в целом низкий уровень политической сознательности населения. С осени 1905 г. усиливалось черносотенное движение. Священнослужители губернии в основной своей массе не принадлежали к правым партиям, однако, в силу своего зависимого от государства положения, поддерживали правительственный лагерь и придерживались умеренно консервативных убеждений. Именно поэтому в глазах прогрессивно настроенных издателей сатирических газет и журналов духовенство ассоциировалось со «старым миром», с находящимся в кризисе самодержавием.

Практически в каждом номере изучаемых изданий содержалась сатира и на церковные темы, хотя критика религии и церкви вовсе не являлась главной задачей сатирической прессы.

Прежде всего, осмеянию подвергались представители черносотенного духовенства. На страницах ярославских сатирических изданий главным объектом сатиры был иеромонах Иллиодор (Труфанов), известный авантюрист, а в период революции 1905–1907 гг. один из наиболее ярких

монархических проповедников. Его проповедь отличалась крайней эмоциональностью; публичные выступления на собраниях черносотенцев были проникнуты антисемитизмом и нетерпимостью к политическим противникам. Не случайно «Ярославская колотушка» говорила о том, что он «похож бывает на разумного» только тогда, когда «не говорит политических речей» [7, с. 6]. В № 2 этого издания размещена карикатура под названием «Два врача», изображающая врача глазных болезней Кацаурова – лидера ярославского «Союза Русского Народа», и иеромонаха Иллиодора, как бы ведущих прием народа. Люди, пришедшие на «прием» к светскому и духовному врачам, в темных очках; этим автор карикатуры подчеркнул политическую слепоту сторонников «Союза». Подпись под карикатурой отражает функцию идеологического руководства иеромонаха в партии: «Дай-ка маслица отец Илиодор. – Подождите Иван Николаев. Сказано: сначала врачей душу, потом тело» [8, с. 7]. В качестве «лекарства» не случайно выбрано «маслице» – это и намек на качество политической идеологии ярославских «патриотов», и на профессиональные качества Кацаурова как врача глазных болезней, и, вероятно, на использование еля в православном богослужении.

Один из номеров «Ярославской колотушки» приводит анекдот об иеромонахе Иллиодоре и о погромной деятельности «черной сотни». Парень спрашивает старика: «Дедушка, а что это отец Иллиодор говорил на молебне в “Союзе русского народа” “жатвы много, а делателей мало”? Урожай большой что ли предсказывал и жнецов не достачу?» Старик отвечает: «Полно, дурень! Это он о том, что осенью начнутся занятия в лицее и гимназиях так, пожалуй, черносотенцев не хватит для битья» [9, с. 4].

Кроме иеромонаха Иллиодора, на страницах сатирических изданий высмеивался еще один известный в Ярославле священник – законоучитель Екатерининской гимназии о. Клавдий Меценатов. «Ярославская колотушка» изобразила его в процессе «внушения любви к ближнему», более напоминающем рукоприкладство [9, с. 8]. Это же издание сообщало, что на средства К.П. Победоносцева и под руководством «патриота» и «благочестивца» Кацаурова «в скором времени» в Ярославле будут открыты «курсы истинного благочестия», вести которые предстоит о. Клавдию Меценатову и монаху Иллиодору [9, с. 6]. В № 13 (1906 г.) «Ярославской колотушки» за крайне правые убеждения критиковался ростовский священник Сперанский, заявивший на предвыборном собрании: «Не потерплю жидов!» [12, с. 6].

В № 6 «Ярославской колотушки» за 1906 г. помещена карикатура на манер картины В. Васнецова «Богатыри» под названием «Ярославские витязи». Вместо былинных богатырей художник изобразил

«Кацеурушку-пустосвятушку», «Колесникушку-стихоплётушку» и «Иллиодорушку-пустомелюшку». В № 9 за 1906 год напечатан выразительный рисунок демонстрации погромщиков во главе со звероподобным существом, напоминающим священника, и лаконичной подписью «Идут»; эта карикатура в 1940 г. была перепечатана научно-методическим журналом «Антирелигиозник» как иллюстрация дореволюционного антиклерикализма [6].

Ряд публикаций был посвящен критике духовенства, поддерживавшего курс царского правительства. Так, журнал «Лихорадка» (1907, № 3) в сатирическом докладе «озеронеровского» уездного исправника А. Раевского упоминает о тридцати «протоиереях и простоиереях», «громящих с амвона крамольников» и тем самым исполняющих свой гражданский долг. В то же время в городе «крамольных рясоносцев не имеется» [1, с. 7].

В публикациях неоднократно отмечались непоследовательность российского правительства в проведении преобразований, его популистские шаги. В ростовском журнале «Лихорадка» за 1907 г. в № 4 помещено стихотворение «Лесной царь», в котором критике подвергнута реализация принципов Манифеста 17 октября 1905 г.: «Родимый, мне страшно! / Вон там все поют, / И в воду младенцев насильно суют! / Идут хороводом купели вокруг... / Свободу ты совести видишь, мой друг!» [2, с. 4]. Напомним, что, несмотря на то что в Манифесте была провозглашена свобода вероисповедания, религиозные организации оставались регистраторами актов гражданского состояния, т.е. крещение ребенка было фактически единственной возможностью получения свидетельства о рождении.

Острую сатиру на политику правительства в период отступления революции предлагала заметка «По слухам» («Лихорадка», 1907 г., № 10), в которой сообщалось, что власть разработала закон «О необходимости оглушения молодых людей в смысле временного усыпления чувств». Подчеркивалось, что «оглушение» должно иметь «характер преимущественно нравственный». Для «оглушения» рекомендовано, прежде всего, «затвердить азбуку Кирилла по древлесловенскому начертанию». После того как молодежь усвоит базовые знания в области церковнославянского языка, целесообразно пустить в ход Священное Писание и богослужебную литературу: «Дабы юнии читали Екклесиаст, синаксарь, запоминаху все службы кафеолических церкве, даже до великаго и малаго повечерия». По мысли «законодателя», необходимый «оглушительный» эффект должен быть достигнут: «Аще же, паче чаяния, отроцы не внидут в юдоль тупоумия и не оскудеют главы оных, то неукоснительно благовремение читати им мысли о. И. Кронштадтского ... или сонники, или же приступить

к изучению эфиопского, австралийского и др. языков»... Заканчивается статья библейским лозунгом «тако да просветятся человецы!» [5, с. 6]. Таким образом, в приведенной заметке критике подвергнуты как привычная практика использования государством религии в целях успокоения общества, так и православие в целом (через использование автором церковнославянского языка, отношение к богослужебной практике Церкви как приводящей в «юдоль тупоумия» и т. д.).

На страницах журнала «Лихорадка» нашла отражение и критика в адрес политики Синода по увеличению численности церковноприходских школ. Известно, что кардинальным отличием в содержании образования, которое давали эти школы, было преобладание предметов православного цикла над общеобразовательными дисциплинами. Методика преподавания характеризовалась принципом первенства воспитания над образованием, опираясь на нравственные идеалы православной веры [14, с. 23]. Либерально-демократическая общественность отдавала предпочтение светскому образованию, видя в православной составляющей церковных школ очередной инструмент влияния правительства на народные массы. Журнал «Лихорадка» в № 8 за 1907 г. поместил стихотворение о школе села Давыдово Ростовского уезда, в которой преподавали «не поповская дочка недоучка» и даже не «поповский сынок» – школа была земской. Автор стихотворения, по-видимому, описывает реально происходившие события: сельский «очень добрый» священник составил «бумагу» и пошел собирать подписи за то, чтобы преобразовать земскую школу в церковноприходскую. Однако «народ остался к просьбе безучастен», поскольку видел, что церковные школы существенно отстают от земских по качеству образования: «А попы в хвосте тянулись в просвещеньи, со своей церковной школой, с часословом» [4, с. 6].

Теме православного начального образования посвящена и заметка Максима Косовороткина о «В-цкой варварской школе» [9, с. 3]. «Дай-ка нам еще годок, – говорит сотрудник школы, – совсем бы бессловесных выпустили». А то, в силу краткости курса обучения, выпускники оказываются «речистыми не по разуму». В другой заметке, опубликованной под именем Свистулькина, Сергиевская школа (по-видимому, церковноприходская) названа «готтентото-папуасской педагогичнейшей», а ее «заведующий школьными горшками, противнями и ухватами» – черносотенцем [10, с. 7].

Использование религиозной аргументации для оправдания социального и имущественного неравенства подвергнуто критике в притче «Как один вельможа искорениша крамолу», написанной на церковнославянском языке. Вельможа, видя, что народ требует свободы, созвал 200 простолюдинов и сообщил им, что в России слишком холодно для

свободы, и поэтому она здесь не представляется возможной: «И сама мысль сия, чесо ради мужик был равен боярину – мысль грешная, ибо сказано в писании: мужиком родишася, мужиком и умреши» [7, с. 4].

В некоторых публикациях подвергается критике индифферентное отношение духовенства к социальным проблемам. В подражание некрасовскому «Кому на Руси жить хорошо?» составлено стихотворение Максима Косовороткина «Родные картинки», рассказывающее о трагической гибели волжского бурлака Макара («Лихорадка, 1907, № 7). Среди свидетелей происшествия оказались и представители духовенства – «постник отец Елизар» и дьячок: «Отец Елизар, уж с брюшком округленным, / Лениво играя цепочкой креста, / Взирает с укором на барина сонного, / Что кушает мясо во время поста» [3, с. 6]. Как и большинство состоятельных граждан, церковники проявили равнодушие к погибшему.

Многочисленные публикации посвящены обличению сребролюбия, присущего некоторым представителям духовенства. Некто «В-цкий рясофорный рыцарь печального образа и разных монет кавалер» удостоился даже посвящения в стихотворной форме: «Хотя ходить бывает склизко / По мелким камешкам иным, / Но мы... когда к карману близко, / О дальней совести молчим. / Хотя народу все мы служим, / Но мы народом и живем, / О гешефтиках не тужим, / Чего не сеем, то и жнем».

«В-цкий рыцарь», вероятно, сдавал в аренду церковные земли, завышая арендную плату, поскольку народ («овцы») жаловался, что «многоныко» отец «стрижет с них шерсточки». Он же в ответ великодушно обещал взимать «всего лишь» три копейки за сажень земли [11, с. 7].

Другой «отец», о котором рассказывается в № 13 «Ярославской колотушки» за 1906 г., был уникален тем, что пел «без икон». Однако прежде чем пойти отпевать, отец требовал оплаты своего труда: «Если же не дал – сиди, умирай и не жди» [12, с. 7]. Необходимо «дать», но существенно больше, и епархиальному секретарю. В заметке «Письма к товарищу» описана ситуация, когда некий рядовой священник («отец Иван») приехал в духовную консисторию решить серьезное для себя дело, а секретарь потребовал с него крупную сумму денег и лошадь, стоившую 300 р., причем поставил его в такие условия, что выбора не было, пришлось платить. В качестве вывода приведена поговорка: «Апполинарии любят динарии» [9, с. 2].

Авторы сатирических изданий подвергают резкой критике такие пороки, как пьянство, чревоугодие, празднословие, блуд. Вышеупомянутый в стихотворении Косовороткина «постник отец Елизар» был изображен «с брюшком» и «нагрузившись». В № 20 «Ярославской колотушки» (1906 г.) напечатана карикатура на священника, которого под

руки держали городовые. Подпись под рисунком сообщала, что «пьяный священник в очках», с непокрытой головой и в рясе ползал на четвереньках у входа в номера Аристовой [13, с. 6].

Ростовский журнал «Лихорадка» неоднократно обращал внимание на празднословие, свойственное некоторым представителям духовенства. Новый архимандрит Спасо-Яковлевского монастыря проповедовал так красноречиво, что вызвал у всего женского населения болезнь «архимандроманию». Хроника сообщала, что болезнь эта распространяется с огромной быстротой, а несколько дам уже «близки к гибели». Тут же намекалось и на близкие отношения между архимандритом и одной высокопоставленной дамой: некая госпожа М-на подарила архимандриту Яковлевского монастыря дом [4, с. 2]. Вероятно, на эти же отношения намекает и карикатура в № 10 «Лихорадки» (1907 г.), изображавшая кота с бородой и в клобуке и кошку с женским лицом на крыше дома. Подпись под картинкой вполне красноречива и не нуждается в комментариях: «Не в силах снести любви пожара, / Загнув пушистый хвост дугой / “Кот-Демон” и княжна Тамара / Сошлись за дымовой трубой...»; «Гостить я буду до обедни, / Быть может дольше (как сказать?). / Ты будешь слушать мои бредни, / Порою млеть и засыпать!» [5, с. 5].

Нередко на страницах сатирических изданий использовались церковная лексика, церковнославянский язык. «Высокий» стиль славянского языка вступал в противоречие с предметом высмеивания; за счет этого создавался комический эффект. Так, в № 10 от 14 марта 1907 г. «Лихорадки» с большим количеством церковнославянизмов и в библейском духе изложен «космогонический миф» «Д. Ушинского» о происхождении сатирического журнала. Материал назван «летописью одного черносотенца» и представляет собой жесткую сатиру в адрес правых партий, царского правительства, религии и Церкви. Конституция, о которой мечтают демократически настроенные круги, названа «блудородительной женой антихристовой». Редакция «новорожденного» сатирического журнала охарактеризована как «блядивая дева»; на этот термин приведена ссылка: «слово... не конфискуемое, так как взято из церковных стихир. Клянусь соборным протопопом!» [5, с. 2].

В форме акафиста составлена «Хвалебная песнь ходоку и председателю угодничского волостного суда» («Лихорадка, 1907, № 7): «Радуйся, ходо, ходьбу презирующий! Радуйся, нужные бумаги через месяц доставляющий! Радуйся, в волостном суде одновременно председательствующий! Радуйся, чужой дом нахрапом занявший!» [3, с. 3].

В целом, высмеивание духовенства, религии, Церкви на страницах сатирических журналов Ярославской губернии можно разделить на следующие группы, в соответствии с объектом сатиры:

1) Высмеивание представителей духовенства, поддерживавших крайне правые политические партии (черносотенные).

2) Критика использования православия как идеологии, отвлекающей население от социально-политических проблем, а также духовенства, поддерживавшего курс царского правительства.

3) Высмеивание индифферентной позиции духовенства по отношению к существующим социальным проблемам, социальному неравенству.

4) Высмеивание традиционно присущих (согласно общественному мнению) духовенству пороков – сребролюбия, чревоугодия и пр.

5) Косвенное высмеивание религии и Церкви через использование специальной религиозной лексики и фразеологии в заметках, фельетонах, загадках, стихотворениях на общественно-политические темы.

Эти группы представлены на страницах сатирических журналов в различной степени. Так, редакция журналов «Ярославский колокол», «Ярославская колотушка», в целом, не позволяли себе высмеивать Церковь как институт; сатира не затрагивала основу вероучения Церкви. На страницах указанных изданий, прежде всего, высмеиванию подвергаются священнослужители-черносотенцы (в основном, иеромонах Иллиодор), вместе с черносотенцами светскими (врач Кацауров). К ярославским изданиям примыкает и рыбинская «Дубинушка», которая также была направлена, прежде всего, против черносотенных организаций. Что касается ростовских журналов «Лихорадка» и «Звонарь», то они отличались большим антире-

лигиозным радикализмом. Так или иначе, в любом номере каждого изучаемого сатирического издания содержалось от одной до нескольких насмешек в адрес духовенства или его отдельных политиканствующих представителей. Насмешки же в адрес веры, верующих и Церкви встречаются значительно реже.

Библиографический список

1. Лихорадка. Литературно-сатирический журнал. – 1907. – № 3.
2. Лихорадка. Литературно-сатирический журнал. – 1907. – № 4.
3. Лихорадка. Литературно-сатирический журнал. – 1907. – № 7.
4. Лихорадка. Литературно-сатирический журнал. – 1907. – № 8.
5. Лихорадка. Литературно-сатирический журнал. – 1907. – № 10.
6. Марин В. Антиклерикальная карикатура в России в начале XX века // Антирелигиозник. – 1940. – № 1. – С. 33–36.
7. Ярославская колотушка. – 1906. – № 1.
8. Ярославская колотушка. – 1906. – № 2.
9. Ярославская колотушка. – 1906. – № 5.
10. Ярославская колотушка. – 1906. – № 7.
11. Ярославская колотушка. – 1906. – № 8.
12. Ярославская колотушка. – 1906. – № 13.
13. Ярославская колотушка. – 1906. – № 20.
14. Яценко Р.В. Развитие церковно-приходских школ России: вторая половина XIX – начало XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 2005. – 24 с.

УДК 94(470)

Кочешков Геннадий Николаевич

доктор исторических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

kocheshg@mail.ru

МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ТРУДАХ М.Н. ПОКРОВСКОГО

В данной статье анализируется марксистский методологический подход известного историка М.Н. Покровского в исследовании исторических процессов, произошедших в России в дореволюционное время.

Ключевые слова: большевистская партия, революция, марксизм, исторические процессы, классовая методологическая база, мировоззрение, теория «торгового капитала».

Большой и сложный путь М.Н. Покровского (1868–1932) как ученого тесно связан с развитием русской дореволюционной историографии. Будучи студентом историко-филологического факультета Московского университета, М.Н. Покровский получил основательную научную подготовку. Его учителями были выдающиеся ученые В.О. Ключевский и П.Г. Виноградов. Лекции Ключевского пользовались огромной популярностью у студентов. По воспоминаниям А.А. Кизеветтера (еще одного ученика В.О. Ключевского), лекционный курс по истории России маститого ученого пленял «неотразимо необычно-

вым сочетанием силы научной мысли с художественной изобразительностью изложения и с артистическим искусством произнесения. Те, кто слушал этот курс из уст самого Ключевского, хорошо знают, каким существенным дополнением к его словам служили виртуозные интонации его голоса. Когда я начинаю теперь читать этот курс, мне неизменно слышатся эти интонации, они неразрывно сплелись для меня с самими словами курса, и я не могу отрешиться от той мысли, что без этих интонаций читатель печатного текста этих лекций даже не может вникнуть во всю многозначительность их содержания» [3, с.47].

Лекции Ключевского обогатили студента Покровского фактическим материалом. Не меньшее значение имели для Покровского и учебные курсы профессора кафедры всеобщей истории Московского университета П.Г. Виноградова. В лекциях Виноградова М.Н. Покровский открыл для себя центральное звено его будущих исследовательских работ – экономику как определяющий фактор исторического процесса.

В 1891 году, по окончании университета, он был оставлен при кафедре всеобщей и русской истории «для приготовления к профессорскому званию». Социально-экономическое направление исторических взглядов М.Н. Покровского отразилось уже в первых его статьях, опубликованных в конце 90-х годов XIX – начале XX века: «Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей» (под ред. проф. П.Г. Виноградова) и «Русская история с древнейших времен до смутного времени» (под ред. проф. В.Н. Сторожева). В начале XX века Покровский активно включается в политическую жизнь России, вступая в ряды РСДРП. «Мои убеждения, – писал он, – искренние и научные, но резко демократические, вовлекли меня в революцию. Я вошел в единственную революционную партию, которая была, – в партию большевиков» [5, с. 299]. Вскоре он был избран в состав большевистского центра РСДРП.

После поражения русской революции 1905 года М.Н. Покровский находился в эмиграции, где подготовил первые тома «Русской истории с древнейших времен». Продолжил работу над этим историческим сочинением Покровский уже по возвращении в Россию накануне Первой мировой войны. Тогда же он подготовил к изданию работу «Очерк истории русской культуры».

Пяти томное издание «Русской истории с древнейших времен» хронологически охватывало историю страны от древности до XIX века. Название данной работы не случайно – она противопоставлялась «Курсу русской истории» В.О. Ключевского, которого Покровский в эти годы считал уже «чуждым» элементом, буржуазным историком. «Очерк истории русской культуры» является антитезой «Очеркам по истории русской культуры» П.Н. Милокова.

Будучи историком-марксистом М.Н. Покровский объяснял все исторические процессы, происходившие не только в России, но и в мире, с классовых позиций. Историческую науку он называл «классовой», и этот термин он употреблял неоднократно [9, с. 56–58]. Классовый характер исторической науки проявлялся и в классовом происхождении исторических источников, и в классовости методологической базы исследований, и в классовости мировоззренческой позиции любого историка. Все труды классиков русской исторической науки он также анализирует с позиции социального

происхождения того или иного автора. Он видел слабые стороны и односторонний характер дворянской и буржуазной историографии и объяснял эти недостатки принадлежностью ее представителей к защитникам интересов «высших сословий». Так, Б.Н. Чичерина Покровский характеризовал как «тамбовского полукрепостника», А.П. Щапова – как типичного крестьянского историка, который в своих произведениях отразил истинно крестьянское мировоззрение [4, с. 40].

М.Н. Покровский глубоко обосновал положение о роли экономического фактора в истории, часто явно преувеличивая его значение в общественном развитии России. Характеризуя древнейший период истории Руси, М.Н. Покровский подробно останавливался на анализе первичной ячейки славянского общества, названного им «печищем» или «дворищем». «Печище» – это своеобразная форма патриархальной семьи, где кровные элементы значительно разбавились пришлыми людьми, принимавшими в ее семейный союз по чисто экономическим соображениям. Эта хозяйственная организация семьи необходимо предполагала важную организацию для охраны продуктов хозяйства. Во главе этой семейной организации стоит «отец». «Разрастаясь естественным путем, – пишет М.Н. Покровский, – семья могла, при благоприятных обстоятельствах, сохранить свое хозяйственное единство... Так образовывалось племя, члены которого были связаны общим родством, а стало быть, и общей властью» [8, т. 1, с. 57].

Из такой первобытной организации, считает М.Н. Покровский, постепенно вырастают зачатки древнерусского государства. При этом глава семьи становится племенным князем, «самодержцем». И город, убеждает читателей историк, возник из «печища», при этом городские жители занимались не земледелием и промыслами, а торговлей и разбоем. По мнению Б.Д. Грекова, в вопросе о происхождении русских городов Покровский является последователем В.О. Ключевского, который считал основным фактором зарождения городов не внутренние процессы, происходившие в Киевской Руси в IX–X вв., а некие внешние явления – движение на юг норманнов, «типичных представителей разбойничьей торговли» [2, с. 76].

Завершив обзор внутреннего состояния Руси накануне и в период формирования государственности у восточных славян, М.Н. Покровский приступает к анализу феодализма как новой общественно-экономической формации. Определение феодализма сведено у него к трем основным признакам: «во-первых, господство крупного землевладения, во-вторых, связь с землевладением политической власти..., и наконец, в-третьих, те своеобразные отношения, которые существовали между этими землевладельцами-государами: личность известной иерархии землевладельцев,

так что от самых крупных зависели более мелкие... и так далее» [8, т. 1 с. 65]. Исследователи творчества М.Н. Покровского отмечают, что в данном вопросе М.Н. Покровский идет вслед за Н.П. Павловым-Сильванским, автором широко известного труда «Феодализм в древней Руси» [11, с. 588].

Феодализм в его древнейшей форме существовал в России до образования Московского централизованного государства; главной причиной распада феодального государства, по Покровскому, было развитие денежного хозяйства, которое все более глубоко проникало в экономику страны, уничтожая старые структуры феодально-сословной иерархии. М.Н. Покровский верно подмечает, что период создания Московского государства характеризовался широким распространением поместной формы земельной собственности в ущерб вотчинной. «Хозяйственные перемены... должны были выдвинуть новые общественные классы или, по крайней мере, новые социальные группы» [8, т. 2, с. 82]. И причина у Покровского шла по линии «естественного экономического развития, а не против него» [8, т. 2, с. 79]. В итогах Смуты мы видим полное расстройство крестьянского хозяйства. «Разорились более или менее все, но одни более, другие менее» [8, т. 1, с. 219]. Окончательно ликвидировано боярство, победило дворянство.

На XVII век приходится развитие торгового капитализма. Сконструированная Покровским категория «торговый капитализм» имела сложный состав. Сюда фактически, по мнению известного исследователя П.Г. Рындзюнского, включались и помещик-крепостник, и крестьяне, и наряду с ними торговая буржуазия, частично перераставшая в буржуазию промышленную [9, с. 508].

По мнению Покровского, «торговый капитализм» XVII в. вырос на очень примитивной экономической основе. И внутренняя, и, отчасти, внешняя торговля носили еще ремесленный характер. Развитие западноевропейских торговых связей Покровский рассматривает как попытку «европейского торгового капитализма» завоевать Россию. Однако русские цари не позволили Западу захватить русский рынок. «Первые цари дома Романовых, — отмечает Покровский, — монополизировали в своих руках в сущности все наиболее ценные предметы сбыта». И далее: «Перечень царских монополий дает нам любопытную картину концентрации русского вывоза, создавшей почву, на которой выросал туземный торговый капитализм» [8, т. 3, с. 91–93]. К числу этих монополий Покровский относил меховую, шелковую, хлебную, торговлю ревенем и икрой.

С уничтожением феодализма на смену «патриархального капитализма» пришла «бюрократическая монархия», созданная «торговым капитализмом». В эпоху Петра I, согласно концепции Покровского, в России происходит развитие бур-

жуазных отношений. «Читатель догадывается, — пишет историк, — когда должен был наступить конец средневековым “государственным чинам”: это должно было случиться в ту минуту, когда сюзерен перестал зависеть от натуральных повинностей своих вассалов, — когда он получил в руки силу, позволившую ему покупать услуги, вместо того, чтобы их выпрашивать. Вот отчего окончательное торжество денежного хозяйства было всегда критическим моментом для “прав и вольностей” феодального дворянства. Реальная власть переходит тогда в те же руки, в чьих были деньги — в руки торговой буржуазии, а ей средневековые чины с их преобладанием поземельного дворянства, вовсе не были нужны и интересны. Только там, где землевладение сделалось буржуазным или где буржуазия не имела никакого значения, средневековые учреждения сохранились, принимая новую форму: первый случай имел место в Англии, второй в Польше. В России и во Франции дело шло иным, можно бы сказать, более нормальным путем: и там и тут рост торгового капитала и его влияние на дела совпадает с ростом абсолютной монархии и упадком тех форм “политической свободы”, которые были тесно связаны с натуральным хозяйством» [8, т. 3, с. 140–141]. В суждениях Покровского налицо глубокие противоречия, которые совершенно запутывают ситуацию в определении уровня экономического развития России в эпоху Петра Великого: как можно соотнести его утверждение о развитии буржуазных отношений с укреплением абсолютизма в стране? Покровский, по-видимому, не замечал основных противоречий своей собственной схемы. На это обращали внимание первые исследователи научного творчества М.Н. Покровского. В частности, К. Базилевич в статье «“Торговый капитализм” и генезис московского самодержавия в работах М.Н. Покровского» особо подчеркивал эту слабость исторической концепции ученого: «В изложении экономической истории... Покровский постоянно подчеркивал экономическую деградацию, возврат к натурально-хозяйственным отношениям и слабость частного капитала, которому он противопоставлял могучую и монополистическую царскую торговлю. Между тем, согласно схеме, частный торговый капитал именно в это время создал политические формы своего господства и ликвидировал феодальные отношения» [1, с. 173].

В первой половине XIX в. происходит быстрое развитие промышленности. Выросший и окрепший промышленный капитал нуждался в свободных рабочих руках и требовал уничтожения крепостного права. Между промышленным капиталом и капиталом торговым существовал глубокий антагонизм, который породил взаимную борьбу не только в хозяйственной, но и в политической сфере. При этом если торговый капитал действовал при помощи внеэкономических методов,

опираясь на крепостное право и сильную централизованную власть, то промышленный капитал использовал чисто экономические средства давления на власть с требованием вольнонаемного труда. Говоря о борьбе этих двух сил, Покровский подчеркивает: «Она у меня является стержнем русской истории» [6, с. 9].

В конечном итоге развитие денежного хозяйства, благоприятная конъюнктура хлебного рынка привели к тому, что интересы торгового и промышленного капитала к середине XIX в. временно сошлись, в результате чего и произошло падение крепостного права. В итоговой оценке реформы 1861 года Покровский оказался верен себе: «“Освобождение” крестьян (не только от помещиков, но и от доброй части их собственной, крестьянской земли) в 1861 г. могло состояться только потому, что оно и торговому капиталу оказалось выгодно. А полной ликвидации крепостнического государства долго не удавалось достигнуть, потому что торговому капиталу это государство было нужно» [7, с. 74]. Безусловно, крестьянская реформа была непоследовательной и противоречивой, но не видеть гигантские прогрессивные изменения, произошедшие в России во всех сферах жизни общества в результате отмены крепостного права, достойно сожаления, однако такая оценка, данная Покровским, вполне вписывается в его концепцию «торгового капитализма».

Таков общий взгляд М.Н. Покровского на ход русской истории, представляющий, по существу, схему историка-марксиста. Характеризуя исторический процесс на протяжении длительного периода времени, можно выделить четыре периода. Первый охватывает время с VIII по X век и характеризуется «дворишным» или «печишным землевладением». Второй период начинается с XI и заканчивается XVI веком и может быть определен как период древнего феодализма; третий период хронологически занимает время с XVII по XVIII век и называется периодом нового феодализма. Наконец, четвертый период охватывает XVIII –

начало XX в. В этот период развивается и торжествует буржуазия.

Библиографический список

1. *Базилевич К.* «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: сб. статей. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1939. – 517 с.
2. *Греков Б.* Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: сб. статей. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1939. – 517 с.
3. *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. – М.: Искусство, 1997. – 396 с.
4. *Покровский М.Н.* А.П. Щапов // Историк-марксист. – 1927. – Т. 3. – С. 12.
5. *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. (Историографические очерки, критические статьи и заметки). – М.: Соцэкгиз. – Вып. II. – 1933. – 448 с.
6. *Покровский М.Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. – 2-е изд. – М.: ГИЗ, 1927. – 200 с.
7. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке: в 3 ч. – М.: ГИЗ, 1923. – Ч. 1–2. – 251 с.
8. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен: в 5 т. – М.: Издание Т-ва «Мир», 1913–1914.
9. *Рындзюнский П.Г.* Социально-экономическая история России XIX в. в работах советских историков // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV / под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1966. – 854 с.
10. *Сидоров А.В.* Марксистская историографическая мысль 20-х годов. – М.: Университетский гуманитарный лицей, 1998. – 224 с.
11. См: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. – М.: Госполитиздат, 1941. – 660 с.

ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА С ОККУПАНТАМИ НА БРЯНЩИНЕ В ПЕРИОД С НОЯБРЯ 1941 ПО МАЙ 1942 ГОДА

В статье описывается второй этап борьбы партизан с оккупантами на территории Брянщины, который ограничивается периодом с ноября 1941 по май 1942 гг.; рассматривается процесс централизации управления отрядами, организации штабов партизанской войны, партизанских краев и зон.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизаны, партизанский отряд, подполье, диверсии, сопротивление, оккупация.

Поражение под Москвой и отступление от нее показало, что план немецкого командования «молниеносной» войны оказался несостоятельным. У противника появились новые задачи – надолго, во всяком случае на всю зиму, «обживать» оккупированную территорию, сквозь которую они стремительно прошли в конце лета и осенью. А это означало крайнюю необходимость сохранять инфраструктуру региона, опираясь на которую немецкое командование рассчитывало обеспечить содержание и снабжение своих войск, а в будущем, опираясь на нее, одержать победу на московском направлении. Германское руководство вынуждено было в корне пересмотреть свою «восточную политику». Это сформулировал Й. Геббельс в своем дневнике: «...мы должны коренным образом изменить нашу восточную политику... Мы можем значительно уменьшить партизанскую опасность, если завоюем доверие населения... будет целесообразно также создать в некоторых регионах марионеточные правительства, которые будут проводить нужные нам непопулярные меры... они будут служить удобным прикрытием для проведения нашей собственной политики» [7]. Основная цель – с помощью местных структур бороться с партизанами и тем самым создать себе возможность беспрепятственно осуществлять переброску войск вдоль линии фронта. Кроме этого, использовать местное население и ресурсы для содержания армии и, собственно, самой Германии.

В это же время советское руководство усилило работу по созданию новых партизанских отрядов и координации их боевых действий для срыва этих целей противника. Перед партизанами ставятся новые задачи. Кроме борьбы с оккупантами и срыва передислокации их частей, возникает необходимость борьбы со структурами «самоуправления», уничтожения предателей и подъема национально-освободительного движения местного населения. Продолжали формироваться партизанские отряды. К примеру, в конце 1941 г. на территории Жуковского района возник отряд военнослужащих во главе с капитаном И.И. Муралем и лейтенантом Кабановым. В Дятьковском районе – отряды старшего политрука Корягина, лейтенанта Куликова и старшего лейтенанта Г.И. Орлова.

По данным А.П. Горшкова, через полгода количество партизан увеличится в пять раз [3, д. 166, л. 11].

Началась концентрация партизанских сил в брянских лесах. По данным архива ФСБ по Брянской области, в первой половине января 1942 г. в лесном массиве Брянск – Жиздра – Дятьково – Жуковка активно действовали 11 партизанских отрядов. Из них первым отрядом, численностью 30 человек, командовал Шпадарев; вторым отрядом, численностью 26 человек, – Денисов, и третьим отрядом, численностью 22 человека, – Пуклин [1, д. 208, л. 5–6]. К 14 января все 11 отрядов были объединены в партизанский батальон численностью 300 человек под общим командованием Виноградова [1, д. 208, л. 7].

К концу 1941 – началу 1942 гг. брянские леса стали местом сосредоточения не только местных, но и многих украинских партизан. Из Сумской области сюда переместился отряд С.А. Ковпака и С.В. Руднева, из Донбасса – отряд И.Ф. Боровика, из Харьковской области – отряды Н.О. Воронцова и К.И. Погорелова. Из открытых полустепных местностей, малопригодных для партизанских действий, они перебрались в лесную зону [1, д. 95, л. 1–12]. Так, в лесах на границе с Белоруссией и Украиной действовали Злынковский партизанский отряд под командованием Маркова, Новозыбковский – под командованием Чернобаева, Климовский – под командованием Варожева, Стародубский – под командованием Денисенко. Отряды действовали совместно с соединением черниговских партизан под командованием А.Ф. Федорова [1, д. 95, л. 1–12].

В целях повышения эффективности борьбы проводилась централизация управления отрядами, создавались штабы партизанской войны. Так, в середине марта был создан объединенный штаб партизанских отрядов зоны Хинельских лесов Орловской области под командованием капитана И.А. Гудзенко. 15 декабря 1941 г. на станции Нерусса (в Суземском районе) командиры и комиссары находившихся в южной части Брянских лесов партизанских отрядов, а также секретари нескольких подпольных райкомов партии приняли решение о координации своих действий и создали объединенный штаб (командир – А.Н. Сабуров) [6].

Совместные действия нескольких отрядов позволили провести успешные операции против гарнизонов оккупантов в Суземке, Локте, а 2 февраля 1942 г. силами шести отрядов под общим руководством А.Н. Сабурова, И.С. Сенченкова и А.Д. Бондаренко разгромить гарнизон коллаборационистов в Трубчевске [4, РХ 23–23, л. 11 об; 5].

Крупные неудачи заставили немецкое командование бросить на фронт тыловые резервы, и поэтому в ряде населенных пунктов в это время кадровых войск оккупантов не осталось, а численность оставленных гарнизонов в других была невелика. Это обстоятельство использовали партизаны. В декабре 1941 г. п. Жуковка был освобожден партизанским отрядом и несколько дней удерживался им [8; 9]. 4 февраля партизаны разгромили гарнизон на железнодорожной станции Палужье Выгоничского района.

11 апреля 1942 г. был создан единый Штаб южного массива брянских лесов, объединявший 48 отрядов. 23 апреля 1942 г. Орловским обкомом ВКП(б) и Военным Советом Брянского фронта было создано объединенное командование южной группировки партизанских отрядов – Штаб объединенных партизанских отрядов южных и юго-западных районов Орловской области.

На 15 марта 1942 г. на территории региона, согласно докладной записке начальника областного управления НКВД К.Ф. Фирсанова, «официально действовало 65 партизанских отрядов, оставленных в тылу или переброшенных через линию фронта, общей численностью 2 тыс. 959 чел., а также 236 истребительно-диверсионных разведывательных групп общей численностью 731 чел.». Согласно этой же записке, «количество партизан после пополнения их отрядов за счет населения достигало 5000–5500 чел» [2, д. 827, л. 147]. Через два с половиной месяца секретарь обкома А.П. Матвеев в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) указывал, что «на территории области действуют 60 партизанских отрядов общей численностью 25240 чел.» [2, д. 827, л. 147].

По мере роста партизанского движения возникла необходимость создания общего органа управления партизанскими отрядами. 16 марта 1942 г. секретарь обкома ВКП(б), член военного совета Брянского фронта А.П. Матвеев, заместитель начальника политуправления фронта С.С. Шатилов и начальник разведотдела штаба фронта Кочетков обратились в Военный Совет фронта с предложением о создании оперативного штаба по руководству партизанским движением. Вскоре штаб был создан. В его состав вошли секретарь Орловского обкома ВКП(б), член Военного Совета фронта ст. майор госбезопасности А.П. Матвеев, начальник Политуправления фронта генерал-майор А.П. Пигурнов, начальник УНКВД К.Ф. Фирсанов, секретарь обкома комсомола И.И. Борцов и началь-

ник разведотдела фронта М.А. Кочетков. Созданный штаб разработал план развития подпольных организаций, активизации деятельности партизанских отрядов в тылу врага и расширения радиосвязи с отрядами, усиления диверсионно-разведывательной деятельности.

В конце апреля 1942 г. в тыл была переброшена группа командиров и политработников 10-й армии в составе капитана А.Н. Галюги, батальонного комиссара Розина, передавшая решение политотдела армии о создании объединенных партизанских отрядов. Объединенные отряды и военные группы были сведены в 3-ю стрелковую партизанскую дивизию под командованием капитана А.Н. Галюги. По данным А.П. Горшкова, в мае 1942 г. эта дивизия насчитывала в своем составе 7 батальонов, численностью около 2 000 человек, и имела на вооружении 13 орудий, 24 миномета, 8 станковых и 74 ручных пулемета, 150 автомашин и 1500 винтовок [3, ф. 451, оп. 1, д. 166, л. 15].

Для установления прочной связи с партизанами и более глубокого изучения обстановки на оккупированной территории решением бюро Орловского обкома в ночь на 19 апреля 1942 г. «прибыла группа в составе Алешанского – зам. председателя облисполкома, М.А. Забельского – представителя УНКВД, И.Д. Калинина – представителя политуправления фронта и Вайнеровича – военного кинооператора». Группа на парашютах приземлилась в районе деревни Чернь. По поручению обкома и штаба фронта 15 мая в поселке Гавань группа провела совещание с секретарями подпольных райкомов и командным составом партизанских отрядов. Оно признало необходимым сформировать объединенный штаб партизанских отрядов. Его командиром был назначен Д.В. Емлютин, комиссаром – секретарь Трубчевского райкома ВКП(б) А.Д. Бондаренко, начальником штаба – В.К. Гоголюк, заместителем комиссара – полковой комиссар В.А. Андреев, редактором партизанской газеты – секретарь Трубчевского райкома ВКП(б) – Н.П. Коротков [3, ф. 451, оп. 1, д. 166, л. 15].

Партизаны значительно расширяют подконтрольные территории и начинают создавать обширные партизанские края и зоны. Этот процесс начинается с декабря 1941 г. 14 февраля партизаны овладели Дятьковом [3, ф. 1650, оп. 1, д. 255, л. 39–40]. 16 февраля на объединенном заседании Дятьковского райкома партии и райисполкома было вынесено постановление о восстановлении Советской власти в районе [3, ф. 451, оп. 1, д. 194, л. 24]. Так образовался *партизанский край на Брянщине*, куда входили Дятьковский, часть Дубровского, Жуковского, Брянского районов, а также Людиновского и Жиздринского районов Калужской области [3, ф. 451, оп. 1, д. 194, л. 24].

К апрелю 1942 г. на юге Брянских лесов образовался еще один *партизанский край*. Его терри-

тория простиралась на 140 км с севера на юг и на 100 км с запада на восток, занимая большую часть Навлинского, Суземского, Трубчевского, некоторые территории Брасовского, Брянского, Выгоничского, Комарического, Погарского, Почепского и Севского районов.

Активизировалась *подпольная деятельность* в населенных пунктах, остающихся под контролем у оккупантов. Так, в 1942 г. в Карачеве действовала подпольная группа под руководством учительницы А.В. Панкратовой, связанная с Брянским городским партизанским отрядом, куда подпольщики передавали разведданные. Активно действовали в 1942 г. подпольщики в Локте внутри «русского самоуправления», организованного германскими властями. Комаричскую подпольную группу возглавлял молодой врач П.Г. Незымаев, который срывал отправки молодежи в Германию – им было спасено более 300 человек.

К весне 1942 г. партизанские части насчитывали в своих рядах около 18 тыс. партизан и партизанок, имели на вооружении 13 танков, 5 бронемашин, 6 полковых, 13 батальонных и 117 ротных минометов, 12 станковых и 395 ручных пулеметов, 81 орудие разных калибров, 5000 снарядов и 7000 мин разных калибров, 5 млн. патронов. Согласно данным А.П. Горшкова, в мае 1942 г. партизаны удерживали в своих руках до 500 населенных пунктов с населением 150 тыс. чел. [3, ф. 451, оп. 1, д. 166, л. 12–13]. В.В. Крашенинников приводит несколько иные данные: в мае 1942 г. партизанами края контролировалось около 500 населенных пунктов, где проживало примерно 200 тыс. жителей. Территорию края обороняли около 8 тыс. партизан и примерно столько же из групп самообороны [10].

К маю 1942 г., помимо двух партизанских краев, образовалась обширная (до 200 селений) *партизанская зона* на территории Клетнянского и частично некоторых прилегающих (Жуковского, Дубровского, Мглинского, Суражского) районов.

По отчетным данным партизанских отрядов, на 14 мая 1942 г. орловскими партизанами было убито 19845 вражеских солдат, 237 офицеров, один генерал, 2090 предателей. Сбито стрелковым оружием, уничтожено в эшелонах и на вражеских аэродромах 44 самолета, пущено под откос 32 вражеских эшелона, взорвано 125 различных мостов, подорвано и сожжено 42 танка и бронемшины и 418 автомашин [3, ф. 451, оп. 1, д. 166, л. 12–13].

Партизанские отряды, входящие в юго-западную группу региона, с октября 1941 г. по 15 мая 1942 г. выросли с 900 человек до 8 тыс. человек [1, д. 83, л. 2] партизан и бойцов групп самообороны.

Советское руководство, в связи с наступлением врага на юге СССР, поставило задачу усилить разрушение инфраструктуры противника, чтобы воспрепятствовать переброске войск из Восточной Пруссии, Польши, Прибалтики, из-под блокиро-

ванного Ленинграда. Ставились серьезные задачи по разрушению мостов, подрыву железнодорожных путей, организации налетов на станции для разрушения путевого хозяйства, подрыву путей во время движения составов, для чего необходимо было овладеть приемами сложного минирования и уничтожения рельсового полотна.

В конце весны 1942 г. партизаны провели ряд операций по дезорганизации железнодорожных перевозок на железнодорожных линиях Брянск – Гомель и Брянск – Льгов. Так, в ночь на 22 мая 1942 г. 7 партизанских отрядов Трубчевского и Выгоничского районов в результате одновременного нападения на участок между станциями Красный Рог и Выгоничи разрушили 7,5 км железнодорожного полотна, 4,5 км линий связи, пустили под откос бронепоезд, разгромили гарнизон станции Хмелево [2, д. 61, л. 173].

Первый партизанский аэродром был подготовлен в конце марта 1942 г. вблизи села Слободище в Дятьковском районе. В мае аэродромы появились у партизан Навлинского района – вблизи сел Вздружное и Салтановка, а в июне крупный аэродром был оборудован близ деревни Смелиж Суземского района. Партизанам начали регулярно доставлять боеприпасы, взрывчатку, медикаменты, агитационно-пропагандистские материалы, а из партизанских краев вывозили раненых, членов семей партизан.

Таким образом, к лету 1942 г. партизаны Брянщины добились заметных успехов, создав два обширных подконтрольных края и одну зону, проведя несколько крупных операций против оккупантов и их пособников. В одном из немецких февральских приказов 1942 г. отмечалось, что «в русских селах население сочувствует и помогает партизанам», а коллаборационистская газета «Голос народа», издававшаяся в п. Локоть, высказала аналогичную мысль более развернуто: «Население поддерживает партизан... Партизаны держатся по двум причинам: во-первых, – возможность прятаться в лесах и, во-вторых, – поддержка большинством населения, которое не желает выдавать их властям. В результате партизаны создали себе широкую экономическую базу и контролируют многие районы» [10].

Партизаны держали под контролем районы и населенные пункты, в основном примыкавшие к лесу. Они не могли контролировать Брасовский район, особенно Локоть, где германскими властями был создан центр коллаборационизма [3, д. 77, л. 79–89], а также те районы, где располагались усиленные воинские гарнизоны, военная «русская» полиция. Таким образом, задачи партизан в регионе резко усложнились в связи с тяжелым положением Красной армии. Не допустить переброску войск противника вдоль линии фронта с севера на юг – становилось главной задачей парти-

зан. С другой стороны, необходимость активного использования инфраструктуры региона германскими властями вынудило их опираться на местное население, усиливая различные формы коллаборационизма.

Библиографический список

1. АУФСББО (Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Брянской области). – Открытый фонд. – Д. 83, 95, 059, 208.
2. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 61, 827.
3. ЦНИБО (Центр новейшей истории Брянской области). – Ф. 1650. – Оп. 1. – Д. 77, 255; Ф. 451. – Оп. 1. – Д. 166, 194.
4. БА-МА, РХ (Bundesarchiv-Militararchiv (BA-MA). – Федеральный архив – военный архив (BA-MA), 23-23. – Л. 11 об.
5. Анищенко Е.Н. Через толщу лет. – Тула, 1996. – С. 10–11.
6. Богатырь З.А. Борьба в тылу врага. – М., 1969. – С. 54–55.
7. Брамиттедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс – Мефистофель усмехается из прошлого. – Ростов н/Д, 2000. – С. 178–179.
8. Гаврилкин Г.А. Непокоренный Суземский край (хроники партизанской битвы) // Поклонимся великим тем годам... – М.; Суземка, 2005. – С. 24–25.
9. Гогун А. Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941–1944. – М., 2008. – С. 197.
10. Горбачев О.В., Колосов Ю.Б., Крашенинников В.В., Лупоядов В.Н., Тришин А.Ф. История Брянского края. XX век. – Клинцы, 2003. – С. 275–277.

УДК 061.2(470)

Лапин Денис Леонидович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
denilapin@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РСМ ПО ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Автор раскрывает в статье специфику и формы изучения истории Костромской области КООО РСМ в 1991–2013 гг.

Ключевые слова: общественные объединения, молодежная политика, Российский Союз Молодежи.

В условиях реформирования общества возникает потребность исторической науки в новых знаниях об организации историко-краеведческой работы с молодежью, в ее осмыслении, в анализе организации деятельности государственных учреждений и общественных объединений по обучению и воспитанию молодежи с опорой на исторические знания. Кроме того, сложным в нынешнем российском обществе остается вопрос о социализации учащейся молодежи через историко-краеведческую работу, обусловленный формированием мировоззрения, патриотизма, любви к Родине, а также малой исследованностью проблемы. В статье дается анализ деятельности Костромского отделения «Российского Союза Молодежи» (далее – РСМ), действующего с 1991 г. [3, л. 5].

Актуальность вопроса объясняется тем, что, несмотря на большое количество опубликованных материалов, раскрывающих деятельность РСМ, фактически вне поля зрения историков остается именно ее патриотическая составляющая. Кроме того, последние два прошедших десятилетия – время во многом противоречивое, в том числе и в области краеведения. С одной стороны, интерес к краеведению значительно возрос, однако обострились проблемы взаимодействия федеральных

и региональных традиций, полиэтнического населения регионов страны, развития национальных культур в условиях полиэтнического государственного образования, изменилась идеологическая составляющая деятельности общественных объединений. С другой стороны, это время разрушения многих традиционных для всей России ценностей, составляющих основу мотивации позитивного социального поведения. Задачи исследования – раскрытие потенциала РСМ и анализ проводимых им историко-краеведческих мероприятий.

Исходя из того, что членами РСМ в Костромской области являются более 2 тыс. молодых людей и он объединяет под своим началом местные отделы в 17 муниципальных образованиях Костромской области, мы можем утверждать о его большом административном потенциале. Объединение тесно сотрудничает с Администрацией Костромской области, департаментами образования, науки, социальной защиты населения Костромской области, Комитетом образования, культуры, спорта и работы с молодежью Администрации города Костромы, Управлением Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Костромской области, Общественной палатой Костромской области, областным и городским советом ветеранов, а также

образовательными и общественными организациями, благотворительными фондами и коммерческими структурами. Члены организации входят в состав Общественной палаты Костромской области, Координационного совета детских и молодёжных общественных объединений Костромской области, Общественного совета при Управлении МВД России по Костромской области, коллегий департаментов образования и науки, финансов, информационной политики Костромской области и др. Все это дает основания утверждать, что объединение имеет большой опыт работы с другими государственными и общественными организациями. Реализация РСМ большого количества мероприятий и проектов, основное назначение которых – социализация молодежи в современном обществе [4, л. 4], в том числе и через историко-краеведческую деятельность, свидетельствует о наличии широкого спектра методов и форм работы с подрастающим поколением. К примеру, в 1992 г. проведена в жизнь важная программа «Возрождение» – конкурс музеев учебных заведений г. Костромы – с целью изучения истории родного края и подготовки к другим областным краеведческим молодежным мероприятиям. Задачами программы явились поддержка интереса к изучению и сохранению местного фольклора, проведение поисковой работы по различной краеведческой тематике [2, л. 129]. На реализацию программы по просьбе РСМ администрацией области было выделено 20 тыс. руб. [5, л. 14]. С начала 2000-х гг. организация совместно с Костромским музеем-заповедником проводит так называемые «Ночи музеев» в середине мая каждого года, включающие в себя мастер-классы по историческим танцам и показательные выступления. Все это говорит о взаимодействии РСМ с другими государственными и общественными объединениями и расширении с начала 2000-х гг. программ работы с подрастающим поколением. Несомненно, программы «Возрождение» и «Ночи музеев» имели позитивные результаты в патриотическом воспитании, так как молодежь через них приобщалась к традиционным национальным ценностям.

К 55-летию Великой Победы РСМ создал и претворил в жизнь программу «Достижения», в ходе которой были созданы агитбригады, собиравшие материалы о героях-костромичах. О большом масштабе этой программы говорит проведение районных и городских конкурсов этих агитбригад, по их итогам лучшие из них приняли участие в лагерных сборах в период весенних каникул 2001 г. [5, л. 15]. С 2004 г. Костромским отделением РСМ разработана и реализуется программа Клуба ролевых игр и исторических танцев «Отражение», она носит комплексный характер и реализует ряд социально-адаптационных и управленческих задач, что подтверждает главную цель организации – соци-

лизацию и культурное и патриотическое развитие современной молодежи [1, л. 7].

С 2002 г. одной из самых интересных стала программа «Маршрут наследников Тимура – Молодые патриоты». Ее многофункциональность и стремление к социализации подрастающего поколения очевидны исходя из ее содержания, где, кроме патриотического воспитания, присутствуют задачи развития детской и молодёжной инициативы по оказанию помощи нуждающимся в заботе и внимании престарелым и одиноким людям, ветеранам и инвалидам войны, труженикам тыла, детям-сиротам и детям-инвалидам, обучение молодежи различным формам самоорганизации в целях создания команды добровольцев, осуществляющей социальные проекты и акции в муниципальных образованиях и областном центре, сосредоточение акцента на деятельности не в стенах школы, а в микрорайоне, по месту жительства, с учётом районных, социальных, этнических особенностей и традиций данной территории и т.д. [8].

Традиционным мероприятием стал и Совет командиров, где ребята делятся опытом, разрабатывают мероприятия, различные акции; на одном из таких Советов был разработан проект «Виртуальный музей Победы Костромской области». Благодаря ему у любого человека появилась возможность ознакомиться с историей жизни людей, которые грудью вставали на защиту нашей Родины, увидеть памятники, воздвигнутые в честь знаменательных людей и событий. Материалы музея пополняются в основном «тимуровцами».

Программа Костромского отделения РСМ «Маршрут наследников Тимура – Молодые патриоты» развивается в нашем регионе девять лет, причем каждый год она имеет приоритеты в своей направленности; итоги работы за учебный год подводятся на ежегодном областном Фестивале Добровольцев, и опыт работы обобщается в информационно-методическом сборнике о деятельности тимуровских отрядов. Сейчас в нашей области действует более 130 подобных групп, активно принимающих участие в данной программе, что говорит о ее успешности.

Итак, программа представляет собой систему для осуществления историко-краеведческой работы среди учащейся молодежи. В основе этого процесса лежат общность понимания целей совместной деятельности государства и общества, обусловленной территориальным и культурным единством, необходимостью регламентирования жизнедеятельности и интеграции в новые условия.

Количество ребят в отрядах различно: некоторые состоят из 3–4 человек, но есть школы в муниципальных образованиях области, каждый класс которых представляет собой самостоятельную тимуровскую группу, входящую в Штаб «Молодых Патриотов» [8]. У каждого подразделения есть

свой старший друг-помощник, к которому в первую очередь идут ребята за тем или иным советом; также есть свой план действий, которым ребята руководствуются в течение года. В последующий период времени реализация поставленных задач имела лишь положительные результаты [6, л. 10; 7, л. 14], что говорит об эффективности патриотического воспитания.

Таким образом, Костромское отделение РСМ имеет в наличии широкий спектр методов и форм работы по изучению истории нашего региона: в 1991–2013 гг. был проведен ряд важных и содержательных мероприятий. Эта организация играет большую роль в воспитании юного поколения, так как проведение конкурсов, соревнований, кроме всего прочего, и отвлекло часть молодежи от интеграции в радикальные группировки, криминальные группы, деструктивные секты и т.п., наполнив жизнь молодых людей иным, позитивным содержанием. Эффективная реализация таких программ, как «Возрождение», «Ночи музеев», «Достижения», «Отражение», «Маршрут наследников Тимура – Молодые патриоты», несомненно, имела позитивные результаты, так как их участники погружались в историю родного края, становились и участниками, очевидцами важных событий современной истории, приобщались к традиционным для России ценностям – верности Родине, уважению к ее культуре, трудолюбию, честности, справедливости, совестливости, чувству национального достоинства, дружбы между народами, уважению к старшим поколениям, долгу, милосердию. Все это крайне необходимо в нынешних условиях перманентного социально-экономического и духовного кризиса, который в первую очередь отражается на молодежи, а также при создании единого образовательного пространства в постсовет-

ской России. Процесс патриотического воспитания в РСМ дал значительный импульс в активизации деятельности этого объединения, обусловив один из важнейших факторов его устойчивого и динамичного развития.

Вместе с тем патриотическое воспитание в РСМ в 1991–2013 гг. не было доминирующей составляющей, что говорит о второстепенной роли организации в этой сфере. Это вполне объяснимо, так как основная цель объединения – социализация молодежи в современное общество. Можно констатировать наличие у РСМ большого административного ресурса, который при эффективном использовании и оснащении информационными технологиями может привлечь к изучению родного края более широкие массы молодых людей. Опыт показывает, что развитие патриотического воспитания идет успешнее вследствие тесного сотрудничества организации с другими общественными и государственными объединениями.

Библиографический список

1. ГАНИКО. – Ф. 1018. – Оп. 65. – Д. 65. – Л. 7.
2. ГАНИКО. – Ф. 1018. – Оп. 67. – Д. 13. – Л. 129.
3. ГАНИКО. – Ф. 1018. – Оп. 70. – Д. 3. – Л. 5.
4. ГАНИКО. – Ф. 1018. – Оп. 70. – Д. 11. – Л. 4.
5. ГАНИКО. – Ф. 1018. – Оп. 70. – Д. 18. – Л. 14, 15.
6. ГАНИКО. – Ф. 1018. – Оп. 70. – Д. 27. – Л. 10.
7. ГАНИКО. – Ф. 1018. – Оп. 70. – Д. 36. – Л. 14.
8. Программа «Маршрут наследников Тимура – Молодые патриоты на 2011 – 2012 учебный год». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kostroma.ru/sites/kostroma/programms/Timurovtsy-Kostroma.html> (дата обращения: 02.01.2014).

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ (2008–2010 ГГ.)

В статье рассматривается история развития нормативно-правовой базы сотрудничества Российской Федерации и Республики Южная Осетия в период после признания независимости Южной Осетии (2008–2010 гг.). Представленный в статье анализ соглашений в области военно-политического сотрудничества не только отражает развитие самой нормативно-правовой базы, но и позволяет определить особенности и тенденции развития двусторонних отношений Российской Федерации и Южной Осетии в указанный период.

Ключевые слова: грузино-осетинский конфликт, российско-югоосетинские отношения, Южная Осетия, Южный Кавказ.

До событий Пятидневной войны двухсторонние отношения РФ и Южной Осетии основывались на принципе территориальной целостности Грузии. РФ выступала посредником в грузино-югоосетинских отношениях и осуществляла свои полномочия на основе многосторонних документов, подписанных в рамках урегулирования грузино-осетинского конфликта, а также двухсторонних документов между РФ и Грузией. Однако вооруженная эскалация грузино-осетинского конфликта создала новую политическую реальность в зоне его урегулирования, поставив перед руководством РФ вопрос о новом формате легитимизации проводимой ею политики в регионе.

Первым шагом в реализации нового внешнеполитического курса РФ на Южном Кавказе стал указ Президента РФ от 26 августа 2008 г. «О признании Республики Южная Осетия» (далее – РЮО) [12]. Согласно первому пункту указа РФ признавала РЮО в качестве суверенного независимого государства. Вместе с тем в указе содержались поручения Министерству иностранных дел РФ «о проведении переговоров с югоосетинской стороной по вопросу установления дипломатических отношений и оформления договоренностей соответствующими документами, а также проведения с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти РФ переговоров о подготовке проекта договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» [12]. Таким образом, после вступления в законную силу данного указа началась новый период двухсторонних отношений РФ и РЮО в соответствии с нормами международного права. Было положено начало процессу формирования нормативно-правовой базы двухсторонних отношений. Как полагает один из ведущих российских кавказоведов С.М. Маркедонов, указ Президента РФ закрепил юридически существующие изменения роли Москвы в «осетинских делах» [2].

В оперативном режиме Министерство иностранных дел РФ развернуло дипломатическую деятельность с целью практической реализации президентского указа. Так, в Москве 5 сентября

2008 г. состоялась встреча статс-секретаря, заместителя Министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасина с Президентом Республики Абхазия С.В. Багапшем и Президентом РЮО Э.Д. Кокойты. В ходе беседы обсуждалась военно-политическая ситуация вокруг Южной Осетии и Абхазии, а также ведущаяся работа по этим проблемам в международных организациях, включая ООН и ОБСЕ. Затрагивались также конкретные вопросы развития отношений РФ с Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия [10]. Вероятно, что эта встреча являлась в том числе подготовкой к переговорам между министрами иностранных дел РФ и РЮО, состоявшимся 9 сентября 2008 г. в Москве. В ходе переговоров состоялся обмен нотами, которые составили договоренность об установлении дипломатических отношений РФ и РЮО, произошло визирование текста проекта договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Особое значение стороны уделили статьям, которые касались обеспечения безопасности сторон [11]. Анализ текста стенограммы пресс-конференции министров иностранных дел РФ и РЮО, а также интенсивность официальных встреч сторон позволяет высказать предположение, что некие конкретные подготовительные действия и меры в области развития двухсторонних отношений были приняты заранее. Процесс формирования текста и согласования договора развивался отнюдь не в хаотичном режиме, не вызывая, по всей видимости, разногласий между сторонами. Подтверждением тому служит обращение РЮО к РФ с просьбой о размещении на своей территории российских военных баз, опубликованное 27 августа 2008 г. [13].

16 сентября 2008 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров посетил РЮО, где провел встречу с президентом Э.Д. Кокойты. 17 сентября 2008 г. в Москве состоялось подписание договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и РЮО [1]. Статьи 1–7 Договора направлены на обеспечение безопасности и стабильности друг друга и Закавказского региона в целом. В документе подчеркивается, что стороны заключают отдельные соглашения о военном сотрудничестве, охране

государственной границы, двойном гражданстве. Статьи 8–25 посвящены развитию социально-экономического, гуманитарного и правового сотрудничества. В статье 15 говорится, что стороны будут принимать меры для объединения энергетических и транспортных систем, взаимоувязывания систем связи и телекоммуникаций. В статье 23 содержатся сведения об унификации законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность, включая гражданское и налоговое законодательство, а также законодательство в области социальной защиты населения и пенсионного обеспечения. В статье 16 подчеркивается, что РФ будет принимать эффективные меры для поддержания и функционирования финансовой и банковской систем РЮО, исходя из того, что платежным средством на территории РЮО является российский рубль [1].

Таким образом, в тексте договора был отражен широкий спектр направлений сотрудничества. При этом был установлен де-факто ассоциативный формат двухсторонних отношений. В документе нашло свое отражение закрепление де-юре хождения российского рубля. Финансово-экономическая и социальная сферы РЮО оказывались в зависимости от РФ ввиду своего слабого развития. РФ на основе договора, уже в рамках международного права, смогла оказывать всеобъемлющую помощь РЮО. Отметим, что ранее социально-экономическая поддержка оказывалась на основе соглашения между Правительством РФ и Правительством Грузии о взаимодействии в восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта и в возвращении беженцев [5]. Однако Пятидневная война де-факто прекратила существование данного соглашения, хотя де-юре оно по-прежнему является действующим. Далее продолжилась работа по формированию нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок сотрудничества в обозначенных в договоре сферах.

30 апреля 2009 г. между РФ и РЮО состоялось подписание соглашения о совместных усилиях в охране государственной границы РЮО [7]. Здесь особенно привлекает внимание терминологический аппарат, используемый в тексте соглашения. Так, в статье 1 указывается, что под «государственной границей» стороны понимают государственную границу РЮО с Грузией. В статье 2 обозначены конкретные направления деятельности по охране государственной границы; борьбе с терроризмом, контрабандой оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ и радиоактивных материалов, незаконным перемещением через государственную границу наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также другой противоправной деятельности, осуществляемой при пересечении государственной границы. Кроме того, указывается, что будет осуществляться подготовка специалистов для полномочного органа

югоосетинской стороны. В статье 3 подчеркивается, что югоосетинская сторона до формирования органов пограничной охраны РЮО в интересах обеспечения собственной безопасности и безопасности РФ делегирует российской стороне полномочия по охране государственной границы [7]. Таким образом, во-первых, в документе получило закрепление знаковое понятие «государственная граница РЮО», была начата новая легитимная форма двухстороннего взаимодействия по широкому спектру вопросов охраны и безопасности. Во-вторых, посредством формирования Пограничного управления РФ в РЮО не только осуществлялась реализация соглашения, но и был получен реальный рычаг в закреплении своего положения на Южном Кавказе. Фактически соглашение дало российской стороне самые широкие практические полномочия, в том числе и в формировании численного контингента Пограничного управления, поскольку его количественный состав не был закреплён в соглашении.

13 сентября 2009 г. стало известно о подготовке соглашения между РФ и РЮО о сотрудничестве в военной области [3]. Примечательно, что текст соглашения был опубликован лишь в июне 2012 г. правовым департаментом МИД РФ, хотя косвенное официальное сообщение о его подготовке имело место в июне 2009 г. [9]. Это соглашение стало единственным, текст которого не был опубликован в течение трех лет с момента подписания. Вероятная причина закрытости документа была обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, РФ в условиях негативного международного фона после Пятидневной войны хотела замаскировать от участников мирового сообщества полный текст соглашения до начала его практической реализации. Во-вторых, документ был нацелен на реальную деятельность в укреплении военного положения РФ на Южном Кавказе как минимум на 49 лет. В-третьих, он был призван оказать геополитическое давление как на региональных, так и на международных акторов. В статье 8 указано, что стороны рассмотрят вопрос о необходимости создания совместной группировки войск с определением ее состава, порядка управления и организации взаимодействия входящих в ее состав воинских формирований сторон в мирное и военное время. Таким образом, фактически РЮО в рамках данного соглашения была интегрирована в военную сферу РФ.

С целью укрепления военно-политического сотрудничества РФ и РЮО 7 апреля 2010 г. были заключены: соглашение между РФ и РЮО об объединенной российской военной базе на территории РЮО [8] и 8 апреля 2010 г. соглашение между Правительством РФ Правительством РЮО о военно-техническом сотрудничестве [6]. Данные документы были призваны создать современные национальные вооруженные силы в РЮО и обозначить

механизм взаимодействия между министерствами вооруженных сил. Кроме того, руководствуясь этим соглашением, РФ получила возможность совершенно легального командирования своих военных специалистов с целью реализации поставленных задач. (Ранее военные специалисты направлялись в РЮО в полулегальном статусе.) Наличие военной базы РФ в РЮО способствовало укреплению ее безопасности и упрочило военное присутствие на Южном Кавказе.

Таким образом, в 2008–2010 гг. была сформирована значительная нормативно-правовая база двусторонних отношений РФ и РЮО в военно-политической сфере. Были закреплены концептуальные основы сотрудничества как в рамках двусторонних соглашений (договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи), так и в рамках программ межведомственного сотрудничества в военной области и сфере безопасности (соглашения о военно-техническом сотрудничестве, охране государственной границы). Произошло юридическое оформление и легитимизация существующих направлений сотрудничества, имевших место быть в качестве теневых и неофициальных. Так, в ходе интервью российским журналистам Президент РФ В.В. Путин сообщил, что в конце 2006 – начале 2007 гг. Генштабом был разработан план по противодействию грузинской агрессии, в рамках которого РФ осуществляла подготовку югоосетинских ополченцев.

Высокая степень оперативности оформления нормативно-правовой базы способствовала закреплению нового статус-кво в регионе, отвечающего интересам РФ. Вместе с тем после заключение договоров военно-политической направленности стало очевидно, что для РФ закавказское направление внешней политики является стратегически важным «не только на словах, но и на деле». Кроме того, заключение рассматриваемых договоров и соглашений стало своего рода продолжением информационно-психологической войны в СМИ, которая не прекратилась и после окончания активных боевых действий. Таким образом, нормативно-правовая база двусторонних отношений РФ и РЮО стала своего рода «нетрадиционной формой политического информирования» мирового сообщества о государственных приоритетах этих государств.

В целом, рассмотренная нормативно-правовая база позволила РФ сохранить и укрепить свое военно-политическое присутствие на Южном Кавказе. РФ получила правовое объяснение своего военного присутствия на территории РЮО, до этого существовавшего в формате смешанного миротворческого контингента. Практическая помощь и содействие со стороны РФ позволила обеспечить комплексную безопасность РЮО и сохранить стабильность на южных границах РФ, в том числе

в условиях подготовки к зимним Олимпийским играм в Сочи.

Библиографический список

1. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия // Бюллетень международных договоров. – 2009. – № 5. – С. 68.
2. Маркедонов С. Россия в Абхазии Южной Осетии: новая повестка дня. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politcom.ru/7091.html> (дата обращения: 01.06.2014).
3. Распоряжение Президента РФ от 13.06.2009 № 368-РП «О подписании Соглашения между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией о сотрудничестве в военной области» // Собрание законодательства РФ. – 22.06.2009. – № 25. – Ст. 3046.
4. Решение об ударе // ИА Интерфакс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/259643> (дата обращения: 07.04.2014).
5. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Грузии о взаимодействии в восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта и в возвращении беженцев // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 8. – С. 60.
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Южная Осетия о военно-техническом сотрудничестве // Бюллетень международных договоров. – 2010. – № 12. – С. 47.
7. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия // Бюллетень международных договоров. – 2009. – № 10. – С. 61.
8. Соглашение между РФ и РЮО об объединенной российской военной базе на территории РЮО // Бюллетень международных договоров. – 2010. – № 12. – С. 34.
9. Соглашение между РФ и РЮО о сотрудничестве в военной области // Официальный сайт МИД РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/5AFD1FAAB559C33F44257D010038ECA1 (дата обращения: 01.06.2014).
10. Сообщение для СМИ о встрече статс-секретаря – заместителя Министра иностранных дел России Г.Б. Карасина с Президентом Республики Абхазия С.В. Багапшем и Президентом Республики Южная Осетия Э.Д. Кокойты // Официальный сайт МИД РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/nsrkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc32574bb00466a99!OpenDocument> (дата обращения: 01.06.2014).

11. Стенограмма выступления и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, Министра иностранных дел Южной Осетии М.К. Джигоева и Министра иностранных дел Абхазии С.М. Шамбы на совместной пресс-конференции. Москва, 9 сентября 2008 года // Официальный сайт МИД РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/nsrkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc32574bf00600a6e!OpenDocument> (дата обращения: 01.06.2014).

12. Указ Президента РФ от 26 августа 2008 г. № 1261 «О признании Республики Южная Осетия» // Официальный сайт Президента РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1114437> (дата обращения: 01.06.2014).

13. Южная Осетия просит Россию разместить на своей территории военные базы РФ // ИА «Regnum». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1047223.html#ixzz35nEAC5KY> (дата обращения: 01.06.2014).

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИКИ НОВОВВЕДЕНИЙ В ПРОЦЕССАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

В статье обосновывается применение совокупности теоретических подходов, позволяющих получить синергетический эффект при создании механизмов обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в парадигме экономики нововведений.

Ключевые слова: экономика нововведений (инновационная экономика), экономическая безопасность хозяйствующих субъектов, синергетический и процессный подходы.

Мнение о том, что институциональные реформы – причина переживаемого Россией системного экономического кризиса, имеет широкое распространение. Отчасти это справедливо, поскольку реформы, осуществляемые с надеждой на преодоление накопившихся за годы планового хозяйствования структурных деформаций, и создание обновленной системы производительных сил до сего времени определяют не эволюционный процесс, а изменения, обнаруживающие тенденции либо кризиса, либо неопределенности будущего. В этих условиях российская экономическая наука переживает период активного переосмысления практически всех значительных концепций ведущих отечественных и зарубежных экономических школ. Причем ввиду количественного и качественного преобладания последних в большинстве современных подходов используется метод включения в аналитические и теоретические построения именно положений парадигм западной экономической мысли. Поскольку в основу мер по реформированию экономики были положены «их» же версии, то в настоящем наблюдается противоречивый, но, вместе с тем, по нашему мнению, плодотворный процесс соединения критики методов апробации в российской действительности западных рецептов и экономического знания, полученного из описания (объяснения) имеющихся «аномальных» экономических явлений, верификации теоретических моделей практическими исследованиями на российском же материале.

Теоретические подходы, значимые для исследования экономической безопасности. Некоторые из известных теорий и теоретических концепций заслуживают того, чтобы быть упомянутыми как наиболее значительные для накопления не только знаний, но и полезного опыта в целях решения актуальных проблем российской экономики, в части формирования состояния экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

Во-первых, это *синергетический подход* к решению организационных проблем экономики. В частности, акцентирующий внимание на том,

что любая новая упорядоченность возникает как результат реструктурирования и дотраивания за счет элементов среды, т. е. требует для себя выхода за пределы исходной системы. Решение некоторых проблем российских реформ в контексте этого подхода видится во всемерном развитии интеграционных форм на всех уровнях экономики [1; 3].

Во-вторых, это современный *мировоззренческий принцип*, согласно которому реальным фактором в формировании будущего является воля человека, уполномоченного принимать решения в области неопределенности [14; 16]. Из этого следует, что желаемое состояние экономической безопасности, характеризующееся высокой степенью занятости и социальных гарантий, эквивалентным обменом, конкуренцией издержек и цен, интересом к долгосрочным инвестициям или задачам долгосрочной максимизации прибыли, не может быть достигнуто, если ожидать правильных действий только со стороны Правительства. Многие из того, что может принести успех реформам, зависит от самих экономических организаций, а точнее, от лиц, направляющих их деятельность. Опыт реформирования российской экономики в текущем столетии показывает, что право этих лиц осуществлять властные полномочия плохо (по личным и весьма субъективным основаниям) сопрягается с их реальной способностью получить желаемое состояние экономики. Большое число руководителей до сих пор мало приемлют мысль о собственной ответственности перед обществом в условиях, когда какой бы ущербной ни была экономическая политика государства, именно решения руководителя являются собой главный инструмент компенсации ситуаций неопределенности.

В-третьих, это идеи *институционально-эволюционной теории*, утверждающие особое влияние социальных норм на экономическое и технологическое развитие, а также существование зависимости институциональной структуры от тех свойств экономической организации, которые являются результатом осмысления окружающей среды. В соответствии с ними такие категории, как опыт, согла-

сование и доверие, обладают особой ценностью, чтобы изменить качество трансформационного процесса в экономике России. Из чего можно сделать вывод об особой актуальности оформления (в виде согласованной, принятой обществом концепции, программы) *национальной идеи устойчивого экономического развития* [4; 5; 6; 7; 13].

В-четвёртых, это *процессный подход*. Значимость его определяется тем, что наиболее общим определением предмета экономической науки является определение в качестве таковых явлений и процессов. Но затем внимание исследователей сосредотачивается, в основном, на явлениях, а процессы остаются как бы «за кадром». В то же время значимость понимания происходящих процессов и их состояний становится всё более осознанной. В контексте настоящей статьи укажем, например, на позицию С.А. Иванова [2], который отмечает: «Категория экономической безопасности может быть рассмотрена как состояние, имеющее определённую структуру». Он же даёт следующее определение экономической безопасности предпринимательства (как явления): «Экономическая безопасность предпринимательства как состояние – это наличие таких экономических, производственных и технологических условий, которые позволяют ему успешно осуществлять устойчивое функционирование в секторе экономики, реализуя в конечном итоге один из основных принципов предпринимательской деятельности» [2, с. 201].

Следует особо рассмотреть возможность соединения названных подходов с целью выявления синергетического аспекта экономики нововведений. Дадим определение процесса. Процесс (от лат. Processus – продвижение), – в широком смысле – последовательная смена в развитии явлений, состояний и изменений. Процесс – в узком смысле – совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенных ресурсов, последовательная смена состояний объекта во времени.

Процесс – это связанный набор повторяемых действий (функций), которые преобразуют исходный материал и/или информацию в конечный продукт (услугу) в соответствии с предварительно установленными правилами.

Процесс может иметь иерархическую структуру, определяющуюся совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных видов деятельности, преобразующую входы в выходы [ISO 9000:2000 (2005)].

Процессы состоят из действий (activities), а действия из задач (tasks).

Бизнес-процесс включает в себя взаимосвязанных действий, реализующих цели компании. Действие – предметно-ориентированное задание или действие, выполняемое над объектом, в результате которого достигается одна или несколько целей,

стоящих перед компанией. Задача – атомарное действие процесса, неделимое более на элементарные части.

Структурный аспект проблемы предполагает выделение основных факторов, влияющих на экономическую безопасность предпринимательства. На наш взгляд, к ним следует отнести:

- материальное обеспечение производства, состояние рабочей силы (трудовых ресурсов);
- размеры и прогрессивность основного производственного капитала (фондов);
- состояние сферы исследований, разработок и технологических нововведений;
- возможность реализации продукции.

В целом понимание структуры процесса означает выделение элементов процесса. Но при этом совершенно очевидно, что описывать деятельность одного сотрудника как процесс нецелесообразно. Процесс – понятие более масштабное, он подразумевает участие некоторого количества сотрудников, управляемых владельцем процесса. Отсюда вытекает первый принцип выделения процессов, который дополняет уже известное определение стандарта ISO 9000:2000.

Итак, процесс – совокупность взаимосвязанных или взаимообусловленных видов деятельности, преобразующих «входы» в «выходы», который кроме самой деятельности по преобразованию включает в себя систему планирования деятельности, систему мониторинга результатов деятельности, систему управления деятельностью.

Значимым является определение цели процесса. Примеры целей для бизнес-процесса работы оценщиков: 1) уменьшение общей стоимости получения отчётов от внешних оценщиков; 2) более благоприятные впечатления пользователей из-за уменьшения административных задержек при обработке претензий; 3) получение полного видения бизнес-процесса, связанного с работой внешних оценщиков; 4) включение существующих систем и ресурсов в автоматизированную систему управления работой оценщиков. Цель бизнес-процесса – это те результаты, которых мы намерены достигнуть, выполняя бизнес-процесс. Улучшение процесса при оптимизации должно способствовать достижению целей процесса за более короткие сроки либо с меньшими затратами ресурсов или с лучшим качеством. Кроме того, необходимо установить цели оптимизации в виде конкретных показателей, которых необходимо достичь в результате проведённой работы по изменению процесса. Границы процесса – точки, определяющие начало и конец процесса, а также точки соприкосновения с другими процессами. Точки начала определяются первичными входами в процесс, точки конца – выходом процесса. Верхние и нижние границы процесса воспринимаются как точки, где происходит взаимодействие входов и выходов

процессов. То есть верхняя граница процесса – это та точка, в которой данные для процесса обеспечиваются выходом другого процесса, а нижняя граница – точка, в которой выход процесса является входом другого процесса. Применительно к исследованию процессов формирования состояния экономической безопасности хозяйствующих субъектов, ниже идет речь о пороговых значениях. Стоит отметить, что определение верхних и нижних границ часто носит субъективный характер. Чтобы определить, где находятся границы того или иного процесса, необходимо сопоставить цель процесса с возможностями влияния на него в случаях, когда он выходит за пределы организации. Если есть возможность скоординировать процесс с поставщиками/потребителями, влиять на ход процесса за пределами компании, то граница процесса выходит за пределы фирмы. Для определения состояния экономической безопасности необходимо осуществить соответствующий анализ.

Отмеченное выше положение является актуальным для понимания векторов изменения теоретического экономического знания. И дело в том, что теория и практика стали все больше и больше отдаляться друг от друга. Этот разрыв встречает сильное неприятие, особенно в студенческой среде. Университеты в четырех странах запускают новую образовательную программу по экономике, после того, как студенты выразили протест в связи с тем, что традиционная программа обучения не объясняет проблем, с которыми сталкивается мировая экономика.

С начала финансового кризиса студенты критиковали факультеты экономики за то, что профессора не рассказывают об актуальных социальных проблемах, включая неравенство и глобальное потепление. Они также критиковали преподавателей за их нежелание рассказывать о целом ряде экономических теорий, вместо этого они уделяли много внимания неоклассическим теориям, которые, по их мнению, слабо объясняют обвал рынка в 2008 году. Студенческие протесты поддерживали выдающиеся экономисты, такие, как Джозеф Стиглиц, преподающий в Колумбийском университете, и Энди Хэлдейн, главный экономист Банка Англии. Сторонники протеста считают, что необходимо преподавание более широкого спектра экономических теорий и подходов, если новое поколение руководителей и политиков хочет избежать ошибок, которые были сделаны до них и привели к кризису.

Факультеты в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Бостоне, Будапеште, Сиднее и Бангалоре в текущем 2014/15 академическом году намерены отреагировать на подобные жалобы и ввести новый курс лекций проекта CORE, который возглавляет Уэнди Карлин, преподаватель в Университетском колледже Лондона. Institute for New Economic

Thinking (INET) – группа исследователей, которую финансирует миллиардер Джордж Сорос, – потратил на программу около 300 тысяч долларов. Университетский колледж Лондона, Институт политических исследований Sciences Po в Париже, Колумбийский университет в Нью-Йорке, Массачусетский университет в Бостоне, Центрально-Европейский университет в Будапеште, Сиднейский университет и Университет Азима Премжи в Бангалоре стали участниками первой фазы проекта [17].

Итак, речь идет о дихотомии синергии в теории и практике. Теоретический аспект дихотомии был показан выше. Теперь попытаемся показать практико-ориентированную направленность синергетического аспекта на примере определения *пороговых знаний* экономической безопасности (исходя из вышеприведенного содержания этого понятия).

Чтобы устранить (снизить) угрозы экономической безопасности страны, например, возникающие в связи с ростом внешней и внутренней задолженности, прежде всего, необходимо установить пороговые значения в области корпоративного долга. При этом нужно ориентироваться не на отдельные пороговые значения, а на *систему индикаторов экономической безопасности в сфере совокупного национального долга*. Основой такой системы являются существующие в соответствии с Маастрихтскими соглашениями пороговые значения экономической безопасности в области государственного долга – 60% ВВП [15]. Учитывая, что в России дефолт 1998 г. произошел при уровне внутреннего государственного долга в 28% ВВП, целесообразно ввести пороговые значения отдельно для внутреннего и внешнего государственного долга:

- объем государственного внутреннего долга – 30% к ВВП;
- объем государственного внешнего долга – 30% к ВВП.

Вместе с тем, выдвигая данные индикаторы в качестве основных в системе пороговых значений в области внешнего и внутреннего долга, следует иметь в виду, что в настоящее время корпоративный долг в несколько раз превышает государственный. В связи с этим систему индикаторов экономической безопасности необходимо дополнить пороговыми значениями по корпоративному внутреннему долгу, корпоративному долгу нерезидентам и по совокупному национальному долгу [8].

При расчете величины пороговых значений по корпоративному и совокупному национальному долгу необходимо учитывать следующие обстоятельства: в современной России корпоративный долг появился лишь в начале 1990-х гг. При этом по настоящему масштабный корпоративный долг сформировался в 2005–2008 годах. Величина внутреннего корпоративного долга в своей подавляющей части определяется состоянием банковской системы России. Коммерческие банки предостав-

ляют основную массу кредитов предприятиям, а также являются главными покупателями корпоративных облигаций. Между тем, банковская система России имеет узкую ресурсную базу. Быстрый рост корпоративного долга перед нерезидентами связан с конъюнктурой мирового рынка – резким падением процентных ставок в 2001–2004 годы и в период кризиса. Причем падение ставок было настолько сильным, что не только позволило многим российским компаниям брать кредиты за рубежом, но и сделало эти кредиты существенно более выгодными, чем кредиты на внутреннем рынке. Однако с ростом в перспективе процентных ставок рефинансирование внешнего корпоративного долга столкнется с затруднениями. Возможность федерального бюджета обслуживать государственный долг, включая долг государственных корпораций и государственных банков, в значительной мере определяется мировыми ценами на нефть [9].

Очевидно, что в этих условиях при определении пороговых значений корпоративного и совокупного национального долга нельзя пользоваться опытом стран с развитой рыночной экономикой. Учитывая сказанное, индикаторы экономической безопасности по корпоративному долгу могут быть определены следующим образом. *Пороговое значение по внутреннему корпоративному долгу.* Учитывая, что отношение совокупных активов банковской системы к ВВП должно составлять не менее 100–120%, а доля кредитного портфеля в активах – не менее 45–60%, объем банковских кредитов корпоративному сектору должен находиться в пределах 70–75% ВВП [15]. С учетом корпоративных займов данное пороговое значение составит 90% ВВП.

Пороговое значение короткой позиции по деньгам участников рынка. Короткая позиция по деньгам – сумма рыночной стоимости ценных бумаг, купленных на заемные средства, и денежных средств, полученных от продажи взятых взаем ценных бумаг, устанавливает ограничение по объему биржевых торгов корпоративными облигациями. В настоящее время короткая позиция по деньгам иногда достигает 200–300% собственных средств участников торгов. Между тем, курсы облигаций в течение короткого времени могут резко измениться. Практика показала, что в период кризиса котировки большинства корпоративных облигаций снизились до 50–60% номинала, а некоторых – до 30% и ниже. В случае если инвесторы вложили в облигации весь собственный капитал и заемные средства свыше 100% собственного капитала, их банкротство неминуемо. Поэтому короткую позицию по деньгам целесообразно установить в размере 50–70% общей суммы собственных средств участников торгов. Это связано с тем, что установление 26 сентября 2008 г. предельного соотношения между собственными и заемными средства-

ми (по всем бумагам – акциям и облигациям) 1:1 желаемых результатов не дало.

Следует отметить, что в ряде работ предлагаются иные показатели для регулирования заемных средств на фондовом рынке: заемные средства на приобретение ценных бумаг к объему капитализации рынка – 4–5%; кредитные ресурсы, направляемые на покупку ценных бумаг, ко всему объему эмиссии этих бумаг за определенный период – 30–40%; банковские активы в виде ценных бумаг корпораций не могут быть выше собственного капитала каждого банка с учетом резерва для страхования обесценения указанных бумаг. По мнению А. Шабалина, определение заемных средств через короткую позицию более точно измеряют их величину. В этом случае четко фиксируется, какие именно заемные средства имеются в виду – сумма рыночной стоимости ценных бумаг, приобретенных на заемные средства, и денежных средств, полученных от продажи взятых взаем ценных бумаг. Следует также иметь в виду, что, во-первых, между получением кредитов и покупкой на них ценных бумаг существует временной лаг (деньги должны поступить со счета банка-кредитора на счет клиента, затем – на банковский счет его брокера, после этого – на счет брокера в торговой системе). Во-вторых, часть кредитов в связи с изменившейся конъюнктурой рынка, может стать нецелесообразными. Короткая же позиция отражает уже вложенные в ценные бумаги кредиты.

Пороговое значение по корпоративному долгу нерезидентам. При определении порогового значения данного показателя следует иметь в виду, что в современных условиях далеко не все российские предприятия могут брать кредиты за рубежом, а тем более размещать там свои облигации. Следовательно, ресурсная база для погашения корпоративного долга нерезидентам гораздо меньше ресурсной базы для погашения внутреннего корпоративного долга. Кроме того, возможность внешних корпоративных заимствований зависит от конъюнктуры мирового рынка (величины процентных ставок, спроса и предложения на кредиты и облигации). Учитывая это, пороговое значение корпоративного долга нерезидентам должно составлять 50–60% порогового значения по внутреннему корпоративному долгу, т.е. находиться в пределах 40% ВВП.

Пороговое значение по внешним корпоративным облигационным займам ставит предел формированию наиболее неустойчивой пирамиды ценных бумаг (с учетом того, что все долговые обязательства находятся у нерезидентов). Исходя из того что, во-первых, крах пирамиды ГКО-ОФЗ произошел при ее величине в 28% ВВП. Во-вторых, что это была пирамида государственных, а не менее надежных корпоративных ценных бумаг. В-третьих, что у нерезидентов на момент дефолта было менее 25%

ГКО-ОФЗ, пороговое значение по внешним корпоративным займам должно составлять 10% ВВП.

Пороговое значение по совокупным внешним государственным и корпоративным займам. Этот показатель ставит ограничение созданию пирамиды государственных и корпоративных долговых обязательств, обращающихся на внешних рынках. Государственный долг по ценным бумагам гораздо менее надежен (из-за частых скачков курсов и доходности ценных бумаг, дестабилизации рынка еврооблигаций, в том числе, по причинам, не зависящим от страны-заемщика), чем государственный долг по кредитам. Учитывая это, на него должно приходиться не более трети общей величины внешнего государственного долга. Поскольку пороговое значение по внешнему государственному долгу составляет 30% ВВП, то величина внешнего государственного долга по ценным бумагам не должна превышать 10% ВВП. С учетом ограничения по внешнему корпоративному облигационному долгу – 10% ВВП, пороговое значение экономической безопасности по совокупным внешним государственным и корпоративным займам должно составлять 20% ВВП.

Пороговое значение по совокупному национальному долгу. Данное пороговое значение равно сумме пороговых значений по внутреннему государственному долгу, внешнему государственному долгу, корпоративному внутреннему долгу и корпоративному долгу нерезидентам, и составляет 190% ВВП.

Определение данного порогового значения особенно актуально. В ближайшие годы возможна ситуация, когда объемы государственного внешнего и внутреннего долга будут находиться в пределах соответствующих пороговых значений. В то же время пороговые значения по корпоративному долгу будут резко превышены. Если при этом будет превышено и пороговое значение по совокупному национальному долгу, то возникнут трудности не только в сфере корпоративного долга, но и для бюджетной системы. Федеральный бюджет вынужден будет расплачиваться по государственным гарантиям по корпоративному долгу. Одновременно в результате возможного кризиса в корпоративном секторе резко уменьшатся налоговые поступления в бюджет. Это приведет к сбоям в обслуживании и погашении государственного внешнего и внутреннего долга. Более подробное обоснование пороговых значений экономической безопасности в области государственного и корпоративного долга содержится в работах А. Шабалина [10; 11].

Создание системы пороговых значений поставит пределы чрезмерным корпоративным займам. Использование средств Резервного фонда для финансирования экономики и выпуск сберегательных облигаций и инвестиционных облигаций позволят снизить долговую нагрузку на

экономику и уменьшить зависимость от иностранных кредиторов.

Проведенные рассуждения, на наш взгляд, ярко демонстрируют синергетический аспект экономики нововведений в процессах обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов, и, в первую очередь, экономической безопасности личности [12].

Библиографический список

1. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.
2. Иванов С.А. Экономическая безопасность инновационного предпринимательства как элемент цикличности // Цикличность как форма экономической динамики. Структурная и инвестиционная политика: Тезисы докладов всероссийской научной конференции. 19–21 июня 1997 г. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1997. – С. 198–201.
3. Кемпбелл Э. Стратегический синергизм. – СПб.: Питер, 2004. – 416 с.
4. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений / пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – 536 с.
5. Нуреев Р.М. Очерки по истории институционализма. – Ростов н/Д.: Изд-во «Содействие – XXI век», 2010. – 415 с.
6. Попов Е.В. Институционально-эволюционная миниэкономическая теория. – Екатеринбург: ИЭУРО РАН, 2004. – 302 с.
7. Сухарев О.С. Основа институциональной и эволюционной экономики. – М.: Высш. шк., 2008. – 391 с.
8. Шабалин А.О. Рост масштабов государственного и корпоративного долга и экономическая безопасность России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 6. – С. 101–106.
9. Шабалин А. Динамика и структура совокупного национального долга // Экономист. – 2014. – № 2. – С. 43–47.
10. Шабалин А. Масштабы и динамика внешнего корпоративного долга // Экономист. – 2013. – № 4. – С. 38–39.
11. Шабалин А.О. Масштабы и структура корпоративного долга в России // Экономическая наука современной России. – 2014. – № 2. – С. 54–65.
12. Чекмарев Вл.В. Экономическая безопасность как условие благополучия и развития личности // Экономика образования. – 2014. – № 3. – С. 80–82.
13. Эволюционная экономика и «мейнстрим». – М.: Наука, 2000. – 224 с.
14. Экономические институты современной России / сост., науч. ред. В.В. Чекмарев. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. – 453 с.
15. Экономическая безопасность России / под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Бином, 2009. – 895 с.

16. Экономическая теория перед вызовами XXI века. Вып. 1 / отв. ред. В.И. Гришин, Г.П. Журавлева. – М.: ГОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2010. – 552 с.

17. Кризис меняет высшее экономическое образование. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finance.rambler.ru/news/economics/151275243.html> (дата обращения: 23.09.2014).

УДК 330.1

Брагина Зинаида Васильевна

доктор технических наук, кандидат экономических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
bragzv@yandex.ru

Пономаренко Елена Васильевна

кандидат экономических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
bragzv@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС

Предложен новый взгляд на экономический патриотизм как управленческий ресурс, который сводится к тому, чтобы рассматривать процесс подготовки и принятия управленческих решений органами, уполномоченными определять вектор развития, через призму обеспечения защищенности интересов отраслей российской экономики.

Ключевые слова: управленческие ресурсы, экономический патриотизм и формы его проявления.

Не спрашивай, что твоя родина может сделать для тебя, – спроси, что ты можешь сделать для своей родины. (Джон Кеннеди)

Важно, чтобы ты был готов умереть за свою страну, но ещё важнее, чтобы ты был готов прожить жизнь ради неё. (Теодор Рузвельт) [1]

Развитие теории управления экономическими системами предполагает дополнение научных основ организации использования управленческих ресурсов. Стремление к получению преимуществ в конкурентной борьбе, к предельной ориентации на потребителя, к минимизации затрат при достижении максимального экономического эффекта актуализирует проблему активизации такого управленческого ресурса как патриотизм гражданина.

В научной литературе, посвященной теории подготовки и принятия управленческих решений, основное внимание уделяется проблеме выбора критериев, по которым можно было бы сравнивать те или иные версии (варианты, альтернативы) решения [2, с. 219–227]. Чаще всего используются такие критерии как «эффективность», «рациональность», «оптимальность», а иногда «качество» или «результативность». Анализ сущности этих понятий приводит к заключению, что все попытки развести их по содержанию не имеют под собой достаточных оснований, поскольку они ориентируют на позитивный конечный результат бизнеса. Повышение обоснованности управленческого решения принято связывать с одним из двух условий: привлечение компетентных специалистов или экспертов и последовательное и точное использование принципов своевременности ресурсной обеспеченности, преемственности, законности [3].

Однако упомянутые нами теоретические положения разработки управленческих решений – это лишь формальные (технические) требования к процессу подготовки и принятия управленческого решения. Они обязательны для исполнения, но не

способны гарантировать производственной организации или конкретному человеку, или государству в целом ожидаемого экономического благополучия. Последнее может гарантировать развитая у каждого специалиста забота о интересах своей родины и готовность защищать ее экономические интересы, гордость за достижения родной страны, уважение к ее историческому прошлому и бережному отношению к народной памяти и культурным традициям. То, что принято называть патриотизмом.

В настоящее время в экономической науке и теории управления понятие «экономический патриотизм» является одним из самых актуальных, но, к сожалению, малоизученных. С одной стороны, экономический патриотизм можно считать частным случаем патриотизма как любви к своему Отечеству, своему народу: нельзя быть патриотом, не живя интересами своей страны, ее жителей. С другой стороны, экономический патриотизм – самостоятельный феномен, являющийся немаловажным условием принятия решений в области экономики, как хозяйствующего субъекта, так и экономики государства в целом. Он помогает осмыслить нравственную основу профессиональной деятельности специалистов. Экономический патриотизм социума складывается из отдельных убеждений, позиций, мировоззрений граждан.

Экономический патриотизм – это не просто осознание того общеизвестного факта, что личное благополучие зависит от экономического благополучия страны, в которой живешь, прежде всего, это максимальное содействие экономическому прогрессу государства, которое основывается на реализации потенциальных возможностей экономики

и эффективном использовании всех внутренних и внешних ресурсов.

Особенно ярко потенциал этого управленческого ресурса проявляется у специалистов, чья профессиональная деятельность связана с управлением экономическими процессами или хозяйствующими субъектами.

Чем выше уровень специалиста в управленческой иерархии, тем большее значение имеют его решения, тем шире круг их влияния, тем больше у него возможностей содействовать экономическому прогрессу государства, тем важнее его убеждения как человека, являющегося или не являющегося патриотом своей страны.

Актуальность исследования патриотизма как управленческого ресурса хозяйствующих субъектов диктуется тем, что их конкурентоспособность определяется эффективностью управленческих решений, во многом зависящих от убеждений и нравственных принципов сотрудников, их социальной целей. Принятие управленческого решения, по сути, это всегда выбор альтернативы. И этот выбор должен быть подчинен моральному закону и социальной цели, вырабатываемой субъектом управления для направленного воздействия на объект управления. Это правило одинаково значимо как для решений, принимаемых в бизнесе, так и для решений, принимаемых в органах государственного и муниципального управления. Еще раз вернемся к формулировке Теодора Рузвельта: «...но ещё важнее, чтобы ты был готов прожить жизнь ради неё». Основу основ каждого управленческого решения в экономике составляет принятый нравственный принцип и социальная цель.

И, как показывает теория и практика управления, феномен патриотизма порождает целый комплекс проблем, сдерживающих эффективное использование этого управленческого ресурса. К ним относятся следующие проблемы: не разработанность представлений о сущности патриотизма как управленческого ресурса, формах его проявления в процессе экономических взаимодействий; несовершенство существующих инструментов и методов воспитания и оценки патриотизма, а также процедуры их применения в рамках конкретных типов хозяйствующих субъектов, что выдвигает на первый план исследование этих важных проблем.

Указанные обстоятельства подтверждают актуальность и научно-практическую значимость выбранной темы статьи. Но в одной статье мы не сможем изложить свою версию решения всего комплекса названных актуальных проблем. Рассмотрим подробнее формы проявления патриотизма в трудовой деятельности.

Проблема изучения соотношения патриотизма и трудовой активности человека взаимосвязана с анализом влияния на него как индивидуальных духовно-нравственных качеств, так и характера

всей социальной системы с ее базовой формой собственности.

Л.И. Сугакова [4] отмечает, что в советское время в условиях замкнутой партийно-государственной системы марксистская методология напрямую, т.е. непосредственно, связывала высокую трудовую активность человека с общественной формой собственности и этим объяснялась патриотическая мотивация труда. И действительно, в жизни старших поколений, чья биография проходила сквозь суровые испытания российской истории, эта связь была органичной. Убедительными примерами служат послереволюционный трудовой энтузиазм с высокой степенью слияния патриотизма и трудовой активности, послевоенное восстановление народного хозяйства с высокой социально-значимой мотивацией труда. Позднее трудовой энтузиазм был характерен для периода «оттепели» и освоения космоса. Но в эти периоды он исходил еще из недавней общинной рабоче-крестьянской психологии большинства населения страны [4]. Как отмечал Н.А. Бердяев, в то время самым распространенным был социально-ориентированный тип человека, который живет общим и растворен в нем [5]. Человек еще не позволил себе публично выделить своего индивидуального «Я» из общественной среды. Но так было в начале и середине XX века.

С развитием науки, ростом технической оснащенности труда, сопровождаемым и обеспечиваемым ростом интеллектуального капитала с одной стороны, а, с другой, централизованной командно-административной системой организации производства и распределения общественного продукта, сложилась ситуация, когда общественно-государственные приоритеты постепенно из стимулирующих превращались в тормозящие развитие. Теперь принято считать, что в советское время общенародная собственность по существу была сведена к собственности государственной. Но государство не было тождественно обществу, оно оказалось относительно обособленной от него организацией, представленной органами государственного управления и, в конечном счете, отдельными людьми. «Государство» становилось носителем своих собственных корпоративных интересов. Таким образом, в годы застоя и перестройки общенародная собственность на практике реализовалась как собственность, отчужденная от непосредственного производителя. Вместе с этими тенденциями стало изменяться и отношение к труду, в котором социально-значимые установки стали постепенно вытесняться личными и материальными интересами.

Реалистичный анализ трансформации внутреннего личностного мира человека, происходивший в последние десятилетия советской власти и отразившийся как в массовом сознании, так и в сознании руководящих работников государственного

**Состояние обеспечения защищенности экономических интересов
Российских лесопромышленных компаний (фрагмент)**

Принято управленческое решение:	Форма проявления экономического патриотизма	В чем проявляется защищенность/незащищенность экономических интересов предприятий отрасли
регламентирующее экономическую деятельность в отрасли	Установлены пошлины за кору как полноценную древесину.	Кора составляет 10 % от объема древесины, на этот процент поставщик платит пошлину больше. При поставках в сотни тысяч кубометров получаются существенные потери.
	Установлен запрет на вывоз леса, который в России не находит сбыта	Ограничения на экспорт без недостаточного внутреннего потребления приведет к плачевным последствиям. В России нет необходимости (нет сбыта) в переработке «балансов» и технического сырья. Если его не экспортировать, то оно будет просто засорять лес. Кроме того, лишит лесозаготовителей доходов.
	Введено требование рассортировки хлыстов по диаметру	Чтобы рассортировать хлысты на дополнительные диаметры, площадку в лесу нужно значительно увеличить, тогда лесхозы будут иметь право предъявлять предприятиям претензии и штрафы. Кроме того, сортировка по диаметрам оценивается 120-150 руб. за хлыст. В расчете на весь объем производства складываются большие непроизводительные расходы
	Режим работы таможни не учитывает экономические интересы лесозаготовителей	Невыполнение таможней распоряжения о круглосуточном оформлении грузов, включая выходные и праздничные дни, сопровождается нарушением сроков исполнения договоров поставки, что, в свою очередь, влечет штрафы, кроме того «заморожены» оборотные средства предприятия.
	Не устраняется бюрократическая волокита в оформлении фитосанитарных сертификатов	Сопровождается нарушением сроков исполнения договоров поставки, что, в свою очередь, влечет штрафы, кроме того «заморожены» оборотные средства предприятия.

аппарата дала Е.Е. Тарандо [6]. Как показали исследования, переломными в этом плане стали 70–80 гг. XX в., когда внутреннее «Я» человека стало созреть и активно себя проявлять в нарастающей потребности индивидуальных демократических свобод и личных интересов, как материальных, так и духовных [7].

События конца 80-х – начала 90-х годов в России прорвали обособленность, закрытость социальной системы. Вместе с тем постепенно были утрачены и духовно-мировоззренческие ценности. Рыночные отношения в производстве и распределении материальных благ и практика международных контактов формировалась в условиях «размытых» представлений о ценностях, «ради которых ты готов прожить жизнь ради Родины». Тем самым, проблема патриотизма актуализировалась.

Рассмотрим проявление экономического патриотизма со стороны сотрудников органов, уполномоченных определять «судьбу», т.е. вектор развития отраслей народного хозяйства. Формы проявления патриотизма как управленческого ресурса можно

наблюдать на фактическом материале конкретной отрасли народного хозяйства. В таблице 1 приведены результаты нашего анализа защищенности интересов лесной и лесоперерабатывающей промышленности принятыми управленческими решениями, регулирующими развитие бизнеса в этой отрасли. Известно, что обоснованность выводов зависит от «чистоты» эксперимента. Применительно к исследованию нашей проблемы это означает, что анализировать проявление экономического патриотизма можно, если оценку его дают специалисты, имеющий одинаковый уровень компетентности и одинаковое служебное положение. Поэтому мы использовали оценку состояния проблемы, которая была дана только руководителями предприятий этой отрасли промышленности. И второе обязательное требование к эксперименту: формы проявления патриотизма должны быть достоверными, официально документированными. Для выполнения этого условия мы воспользовались опубликованным интервью с руководителями лесопромышленных компаний области Вологодской

области в периодическом издании «Лесная газета» от 19 августа 2006 года [8]. По материалам этой статьи отследим, насколько защищены интересы российского производителя целым комплексом экономических решений, регулирующих развитие бизнеса в этой отрасли.

За последние постперестроечные годы переработка древесины, действительно, шагнула вперед, правда, не такими темпами, как того всем хотелось бы. Однако дела обстоят так, что заготовка древесины в большинстве районов России стала убыточной, экспорт малоприбыльным и при этом пошлины на вывоз невостробованной в России древесины повышаются и создаются дополнительные барьеры для экспорта. Крупнейшие предприятия Вологодской области, заготавливающие почти половину древесины в регионе, заявили о резком сокращении объемов заготовок из-за возросших издержек производства, в том числе при экспорте леса. По их мнению, решения, принятые органами государственного управления в отношении экспортных поставок, лишь усугубляют кризис отрасли, но никак не стимулируют развитие отечественной деревопереработки.

В таблице 1 приведен фрагмент анализа состояния защищенности российского производителя. Обстоятельнее состояние проблемы можно понять, ознакомившись с комментариями руководителей лесопромышленных компаний. Как оценивают они принятые решения?

Валерий Писарев – генеральный директор холдинговой компании «Череповецлес»: «Нарушена стройная система экспорта. По 892-му приказу мы обязаны делать предварительное декларирование, что вызывает определенные затраты, и финансовые, и организационные. В том же приказе сказано, что таможня должна обеспечивать круглосуточное оформление грузов, включая выходные и праздничные дни. Но одну часть этого документа таможня выполняет, а другую не собирается. Я даже получил официальный ответ на запрос от вологодской таможни, что у них график работы с 9 до 18, а суббота и воскресенье выходные. В том же приказе (892-м) сказано, что суда до трех тысяч тонн должны оформляться в течение полутора часов. У нас договора с судовладельцами до трех часов, но мы не укладываемся и в это время. Расходы на производство растут. Еще проблема: выписать фитосанитарный сертификат. В этом году и фитосанитарная служба ограничила себе рабочее время, а услуги ее стали в четыре раза больше. Для нас это выливается в несколько миллионов рублей по году. Кроме того, правительство мечтает, чтобы у нас прекратился экспорт круглого леса, но мы не виноваты, что на внутреннем рынке ни береза, ни осина не востребованы. А у нас сегодня, к сожалению, 60% на деланке – это лиственная древесина, которую кроме как на экспорт, некуда отправить.

Правительство толкает лесозаготовителей на нарушения: выбирать в лесу дорогую древесину, а остальную бросать» [8].

Александр Чуркин, генеральный директор холдинговой компании «Вологодские лесопромышленники»: «Предполагали, что новый Таможенный кодекс упростит экспорт, а жизнь показала, что только усложняет, усложняет и усложняет. И правила игры меняются чуть ли не ежемесячно. Например, проблема коры. Вернее, взимания пошлины за нее, как за полноценную древесину. Чтобы законодательно установить, что кора не является товаром, должен появиться человек, который имеет власть и понимает это. Сегодня, вероятно, такого человека в правительстве нет, поэтому и проблема не решается. При этом лесозаготовители несут убытки. Если кора составляет 10% от объема древесины, на этот процент мы платим пошлину больше. Умножьте это на сотни тысяч кубометров и получите сумму. Кроме того, последнее повышение пошлин еще ухудшило экономику лесозаготовительных предприятий. Самое удивительное, что это повышение коснулось и балансов, которые имеют ограниченный сбыт на территории России и тоже облагаются пошлинами» [8].

Андрей Прокопов, генеральный директор Национальной лесопромышленной компании: «Появилась серьезная проблема: требование не выпускать древесину в не рассортированном по диаметрам виде. Причем, это лес одного качества и цены, облагающийся одинаковой пошлиной. Диаметр балансов может быть до 50 сантиметров, но это не значит, что его можно использовать как пиловочник, поэтому это требование ничего не дает государству, но усложняет жизнь экспортеров. Сортировка по диаметрам ни к чему не приводит с точки зрения экономического эффекта для государства, так как отчисления в казну не зависят от диаметров отгруженных сортментов. В лесу есть определенные правила складирования заготовленного леса. Чтобы разбить его на дополнительные диаметры, площадку в лесу нужно значительно увеличить, тогда лесхозы будут обращаться к нам с претензиями и штрафами. Получается непреодолимое противоречие между тем, что мы можем, и тем, что от нас требуют. Если раньше люди зарабатывали на кубометре два доллара, а теперь при рассортировке должны терять пять. Убытки легко подсчитать. Сегодня уже есть определенные разъяснения, что не обязательно делать рассортировку, но сама проблема еще требует решения. Могут опять потребовать, а могут и отменить. Мы не знаем, что будет, потому что часто решения принимаются внезапно и без аргументации» [8].

Возможно, действия правительства выгодны предприятиям, занятым переработкой древесины: сырья больше, и цены должны уменьшиться. Отношение к вопросу высказал **Евгений Коротков**,

генеральный директор Череповецкого фанерно-мебельного комбината: «Цель сократить экспорт круглого леса благородная и в долгосрочной перспективе важная и необходимая. Экспортировать нужно только то сырье, которое невозможно переработать у нас в России. Но я считаю, что здесь правительству нужно быть более гибким: совершенно ни к чему увеличивать пошлины на балансы, которые не находят сбыта в России. Я знаю одну истину – все, что выгодно производству, нужно поддерживать, а не ограничивать. С ростом внутренних издержек лесники находятся в очень тяжелом положении. Если вводить *ещё ограничения по экспорту без недостаточного внутреннего потребления, это приведет к плачевным последствиям*» [8].

Валентин Лысанов, директор предприятия «Белый ручей»: «Из-за ужесточения условий экспорта у нас выпало из доходов около 40 миллионов рублей. Сокращаем экспорт, но ущерб от этого еще не подсчитан. Увеличиваем и собственную переработку, то есть лесопиление, но это старались делать всегда. Для увеличения собственной переработки нужны финансы, но на развитие производства сейчас средств нет. Поэтому, одно дело, желание и стремление, а другое, возможности. Они все уменьшаются. Для увеличения мощностей лесопиления нам нужно где-то 35–40 миллионов, но где их взять? А пока мы перерабатываем 60% пиловочника. Ограничение экспорта не стимулирует, а усугубляет положение. Я с 59 года слышу на всех уровнях вплоть до министров, что нужна собственная переработка, мы хотим этого, но если пусто в кармане, это все только разговоры. А сейчас, если у меня с вложенного рубля 98 копеек затраты, где мне накопить эти деньги?» [8].

Но, возможно, благодаря этим преградам появятся новые производства?

Андрей Прокопов, генеральный директор «Национальная лесопромышленная компания»: «Новые мощности будут появляться, и появятся наверняка, когда созреют соответствующие условия, когда возникнет экономическая целесообразность строительства таких предприятий. Но это не значит, что с запретом экспорта будут строиться новые лесопильные и целлюлозно-бумажные производства. Их будут строить, только понимая, что они будут приносить прибыль. Государство может запретить экспорт и сократить заготовку леса, но это не значит, что лесоперерабатывающие предприятия начнут потреблять больше леса. Новые производства могут быть построены как в тех, так и в других условиях, а не из-за того, что раз нельзя вывозить сырье, то начнут их строить» [8].

Обобщим приведенные оценки влияния исполнения решений, принятых органами государственного управления на эффективность работы лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий.

В интервью руководителей предприятий назван целый комплекс управленческих решений, исполнение которых сопровождалось существенным ростом издержек производства в лесозаготовительной отрасли, это, как было подтверждено руководителями деревообрабатывающих производств, не способствовало росту эффективности и этих производств. Экономический патриотизм в действии – это максимальное содействие экономическому прогрессу государства, которое основывается на реализации потенциальных возможностей рыночной экономики и эффективном использовании всех внутренних и внешних ресурсов. Приведенные мнения руководителей лесной и деревообрабатывающей промышленности ярко демонстрируют проявление экономического патриотизма сотрудников органов и организаций, наделенных полномочиями вводить в действие нормативно-правовые документы, регламентирующие экономические отношения производителей с потребителями и другими партнерами. Для обеспечения гармонизации национальной и глобальной экономики органы государственного управления уже сейчас должны иметь стратегию эффективной интеграции страны в глобальный мир. Интеграция должна базироваться на сочетании принципов открытости экономики с защитой внутреннего рынка, анализе государственных, региональных и отраслевых концепций и программ социально-экономического развития. Следовательно, для защиты российского производителя недопустимы решения, которые неизбежно приводят к росту издержек производителя. В рассмотренной ситуации *это такие решения как: предварительное декларирование объемов реализации леса; нарушение режима работы таможни; бюрократическая волокита в оформлении фитосанитарных сертификатов; запрет на вывоз леса, который в России не находит сбыта; пошлины за кору как полноценную древесину; рассортировка хлыстов по диаметру и другие моменты, упомянутые в этом интервью.*

Готовность сотрудников органов государственного управления, уполномоченных защитить экономические интересы России, посредством разработанных и принятых управленческих решений, должна проявляться, прежде всего, в создании условий для внедрения новейших технологий в области производства. При этом ставка должна быть сделана на поддержку отечественного научно-технического потенциала и содействие внедрению в отечественной экономике собственных технологий мирового уровня, их эффективной и выгодной продаже за границу. Экономический патриотизм предполагает создание системы льготного налогообложения отечественных научно-технических структур, развитие современной отечественной системы патентования и лицензирования, введения целевых программ развития технологий миро-

вого уровня, усиления государственной поддержки фундаментальных исследований и их прикладных разработок, создание коммерческих структур по внедрению и продаже отечественных новейших технологий.

Проблема активизации такого управленческого ресурса как экономический патриотизм – это общественная, и потому социально-политическая проблема. Нами затронут один аспект этой проблемы. Он убедительно демонстрирует роль и значимость этого ресурса для успешного решения задач радикального повышения эффективности экономики.

Библиографический список

1. Крылатые выражения о патриотизме [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: <http://www.harakter.net/virtues/russian/patriotism/desc.php> (дата обращения 25.06.2014).

2. Герасимов Б.Н. Теория управления. – Самара: изд-во НОФНО ВПО СИБиУ, 2012. – 404с.

3. Брагина З.В., Еришов В.Н., Денисов А.Р. Информационное моделирование бизнеса. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – 120 с.

4. Сугакова Л.И. Учебно-методические материалы // Механизм и истоки формирования гражданственности и патриотизма в контексте закономерностей развития личности [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: http://www.npravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2292 (дата обращения: 22.05.2014).

5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж: YMCA – Press, 1955. – 159 с.

6. Тарандо Е.Е. Труд и собственность. Диалектика развития. – СПб., 2003. – 240 с.

7. Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В., Тарандо Е.Е. и др. Будущее за обществом труда / под ред. В.Я. Ельмеева. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. – 2003. – 272 с.

8. Родионов М. Беседа с руководителями лесопромышленных компаний Вологодской области // Лесная газета. – 2006. – 19 авг. – С. 2.

УДК 338.43

Завьялов Федор Николаевич

доктор экономических наук, профессор

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Козырева Анна Михайловна

кандидат экономических наук, доцент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

kozirewaam@yandex.ru

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В УСЛОВИЯХ ЧЛЕНСТВА РОССИИ В ВТО: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы развития сельского хозяйства в условиях членства России в ВТО: постепенное снижение дотирования, создания льготных условий кредитования и других мер, противоречащих уставу и правилам ВТО. Обосновывается необходимость широкого использования целевого инвестирования через специальные программы социального развития.

Ключевые слова: желтая и зеленая корзины, инвестирование в инфраструктуру, социальное развитие, племенное хозяйство, семеноводство, квотирование, развитие малого предпринимательства.

Всемирная торговая организация (ВТО) – это международная экономическая организация, регулирующая правила международной торговли согласно принципам либерализации, а также торговлю услугами и торговые аспекты прав интеллектуальной собственности. Кроме этого, в ее компетенцию входит анализ торговой политики, разработка и контроль соблюдения правил и процедур торговли. Организация занимается регулированием и разрешением торговых споров. В настоящее время в состав ВТО входит 158 стран мира, она охватывает 4/5 всей мировой торговли. Основной тенденцией мировой торговли является ее либерализация и глобализация. ВТО начала действовать с 01.01.1995 г. как продолжатель деятельности ГАТТ, ее воздействие дало возможность к XXI веку уменьшить уровень таможенного обложения товаров в мировой торговле для развитых стран с 6,3% до 3,9%, для стран с переходной экономикой с 8,6% до 6%, для

развивающихся стран с 15,3% до 12,3% [4]. Средний уровень таможенных платежей России накануне вступления составлял 12%. При вступлении в ВТО основным является принцип «все или ничего», т.е. вступающий в эту организацию должен принять и соблюдать все разработанные правила и процедуры. Однако для развивающихся стран, к которым относится и Россия, после вступления устанавливается переходный период для избегания резкого перехода при принятии правил ВТО, что может привести к снижению эффективности развития экономики и нежелательной трансформации внутреннего рынка. Так, для российского рынка экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции установлен переходный период продолжительностью в шесть лет.

Нельзя сказать, что ВТО – это организация, которой управляют развитые страны, что имеет место в Мировом банке или МБРР, где голоса распределяются пропорционально взносам. Принцип

либерализации означает равенство всех стран. Каждая из них обладает только одним голосом, хотя некоторые страны голосуют не только за себя, но и по поручению других стран, входящих в их союзы. Так, Великобритания голосует не только от себя, но от имени мелких стран, входящих в содружество государств, и имеет 30 голосов. Франция – около 13 голосов. Страны – члены ВТО – взаимодействуют в рамках торговой системы, не допускающей дискриминации, где каждая из них получает гарантии справедливого и последовательного отношения к экспорту на рынки других стран, обязуясь обеспечить такие же условия для импорта на свой внутренний рынок. Соблюдения этого принципа ярко продемонстрировала процедура подготовки и вступления в ВТО нашей страны, которая продолжалась 19 лет. Россия подала заявку на вступление в ВТО в 1993 г., но тогда в силу неблагоприятных условий (резкого снижения показателей экономики страны, высокой инфляции, обнищания больших масс населения) подготовиться к такому шагу не смогла. Кризисы 1995 и 1998 гг. заставили отложить решение этого вопроса на длительную перспективу. Лишь в 2000 году, когда экономика начала выходить из кризиса, стало восстанавливаться единство страны, появилась возможность вернуться к решению этого вопроса, возобновить переговоры. Нашей стране необходимо было вести переговоры с 89 странами, которые высказали свои претензии, указали на те моменты и ситуации в экономике и законодательстве, которые не соответствовали положениям и правилам ВТО. Это самый длительный путь, который прошла наша страна по сравнению со сроками вступления всех других стран. Например, Киргизия прошла процедуру вступления в ВТО за 28 дней, так как на первых этапах своего независимого развития вела проамериканскую политику, предоставив свою территорию США для открытия военной базы, которая стала опорной для ведения войны в Афганистане. Еще одной причиной было то, что некоторые страны были против вступления России в ВТО, так как полагали, что в России не созданы равные для всех условия и возможности в торговле. Наша страна, ведя переговоры о присоединении к ВТО с 89 странами, приняла на себя 164 обязательства по приведению экономики и торговли к стандартам и правилам этой организации. Когда в ВТО вступал Китай, таких обязательств было лишь 68. На Токийском раунде против вступления России выступили Канада, Новая Зеландия, Аргентина, которые показали, что в нашей стране существуют неравные условия в сельском хозяйстве в виде значительных дотаций, создающих преимущества этим товарам во внешней торговле. КНР показала, что Россия демпингует с ценами на электроэнергию. США не давали добро для вступления России в ВТО, считая, что у нас слабые

законы, не действующие на уровне защиты прав интеллектуальной собственности. Действительно тогда не уничтожались пиратские дискеты, диски. Именно поэтому нашему Правительству, Думе стало необходимым срочно принимать законы, а Министерству экономического развития и торговли пришлось вести длительные переговоры, идти на компромиссы, объяснять существующее положение и искать выходы из сложившейся ситуации. Такой длительный марафон и высокая неопределенность не позволили России подготовить экономику для работы в ВТО, что стало причиной, с которой она столкнулась, когда стала членом этой организации. Недостаточно была подготовлена не только экономика всей страны, но и хозяйство отдельных регионов. Обследование, проведенное преподавателями кафедры Мировой экономики и статистики Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова в 2006 году, выявило отрицательное отношение большинства руководителей ярославских предприятий к вступлению России в ВТО.

До сих пор в нашем обществе нет единого мнения о выгодах и потерях, которые получит Россия, став равноправным членом ВТО. Наиболее яркими противниками вступления в эту организацию выступила КПРФ, организовав серию митингов своих сторонников в разных городах. Были дебаты в российской Думе, подан запрос в Конституционный суд о законности этого шага. Однако четкой аргументации, конкретных цифр нигде не было приведено, господствовали эмоции и запугивания, угрозы полного провала экономики и массовой безработицы.

ВТО регулирует лишь внешние экономические отношения и не вмешивается во внутреннюю политику. Но беды нашего сельского хозяйства именно во внутренних причинах. И во времена Советской власти, и сейчас оно работало и продолжает работать по «желтой корзине», когда помощь идет через предоставление льгот, дотаций, субсидирование, списание долгов, льготное приобретение ГСМ и электроэнергии, минеральных удобрений и т.д. Такая политика началась сразу же после коллективизации и уничтожения наиболее крепкого и продуктивного крестьянского слоя – «кулаков», которые давали более 50% товарного хлеба, мяса, молока и других продуктов. Этой политике скоро будет 90 лет, но наше сельское хозяйство при огромных возможностях: самой плодородной земле, большом количестве лугов и пастбищ, огромной помощи государства, так и не стало передовой отраслью, а дотации просто породили иждивенческие отношения и устойчивую установку: «государство должно помогать». Сторонники этого направления оперируют доводом: во всех странах государство дотирует сельское хозяйство. Действительно, правительства разных стран помогают сельскому хозяйству, но эта помощь носит иной

характер, чем в нашей стране. Во многих странах дотации даются не для повышения объема производства, а для его уменьшения. В Финляндии фермеры получают дотацию, если снижают производство молока. В Швеции дотации даются фермерам при снижении производства зерна. В США специальная государственная корпорация приобретает зерно у фермеров в залог по твердым и заранее известным ценам. Если в течение года рыночные цены на зерно вырастут, фермеры могут забрать его и продать. Если же они его не забрали, то через год зерно переходит в собственность государства. Такая политика выгодна и фермерам, и государству. Когда Испания и Португалия входили в ЕС, им было выставлено условие – снизить количество производства вина. В ЕС его уже производят: Италия, Франция, Австрия, Германия, Кипр и другие страны. Были забастовки, марши протеста на тракторах в Мадриде и Лиссабоне. Но производство вина было сокращено, и за это ЕС выделил фермерам специальные дотации, поэтому виноградары успокоились. Заметим, что именно тогда испанские и португальские вина появилось у нас в России, так как ЕС не регулирует продажи вина и других продуктов в другие государства, которые не входят в общий рынок.

Внутри ЕС используется другой механизм регулирования продаж продуктов питания и товаров широкого потребления – квотирование. Им подвержены все сельскохозяйственные товары, и цены не растут, а остаются достаточно стабильными, при этом рынки заполнены продуктами питания. Каждому государству выделяются определенные квоты на поставку продукции на продажу и для дальнейшей переработки. Например, по молоку. По нормам питания ВОЗ определяется, сколько нужно молока на питание и на производство молочной продукции. Северные страны ЕС: Бельгия, Голландия. Дания, Германия производят молока больше, чем его необходимо, зато страны южной Европы: Греция, Италия, Испания, Португалия и ряд других производят его недостаточно. Поэтому его перераспределяют. Квоты, выделенные государствам, распределяются по производителям. Если кто-то не может или не хочет выполнить квоту, то может ее продать другому фермеру. За молоко, полученное сверх квоты, введена система штрафов. Этим и достигается стабильность рынка молока и молочной продукции.

Проблема заключается в том, что ЕС и другие развитые страны работают по «зеленой корзине», которая не противоречит принципам и стандартам

Таблица 1

**Уровень поддержки
сельскохозяйственных производителей
на га посевной площади (долл./га.) [3]**

№	Страны	Уровень поддержки
1.	Россия	36
2.	Австралия	94
3.	Канада	123
4.	США	136
5.	ЕС	1386

ВТО, но дает возможность оказывать существенную помощь сельскому хозяйству. Вот что говорит статистика ФАО (см. табл. 1).

Цифры таблицы 1 говорят о том, что страны разных континентов значительно обгоняют нашу страну в помощи сельскому хозяйству. Австралии мы уступаем в 2,6 раза, Канаде – в 3,4 раза, США – в 23,8 раза, ЕС – в 38,3 раза. Дело здесь не в дотациях, субсидировании или списании долгов, а в том, что они работают по «зеленой и голубой корзинам», которые предлагают широкое инвестирование государством развития сельского хозяйства: строительства дорог, жилья, обучение, предоставление информационных услуг обеспечение удобрениями и пестицидами, племенную работу для животноводства и селекционную работу для растениеводства, подготовку кадров, новейших образцов техники для различных культур и т.д. Поэтому, если мы хотим поднять конкурентоспособность нашего сельского хозяйства: урожайность, удойность, выход мяса, яйценоскость, то нужны большие средства в виде государственных целевых программ, а не в виде дотаций, организации специального инвестирования, что не запрещено ВТО. Таков должен быть путь развития сельского хозяйства, который используется в большинстве стран мира, где он показал свою высокую эффективность.

Для адаптации экономики и конкретно сельского хозяйства нашей стране дан специальный шестилетний период, в течение которого объем дотирования должен снизиться примерно в два раза, т.е. на 10% ежегодно. Вот данные, которые приведены на сайте Министерства экономического развития и торговли (табл. 2). [5]

Как видно из данных таблицы 2, плавное снижение дотаций начнется с 2014 г., они снизятся за 6 лет почти в 2 раза. В настоящее время сельскому хозяйству выделяется помощь примерно 4 млрд. руб. Поэтому говорить о гибели или провале сельского хозяйства при вступлении в ВТО вряд ли

Таблица 2

Прогнозная динамика уровня дотирования сельского хозяйства России после вступления в ВТО

Годы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Уровень дотирования млрд. долл.	9	9	8,1	7,2	6,3	5,4	4,4

Таблица 3

**Показатели эффективности продукции животноводства крупных агрохолдингов
и малых предприятий за 2005–2007 гг.**

Виды продукции	Себестоимость одного центнера		Уровень рентабельности %		доля 100 крупных компаний в выпуске %
	крупных	малых	крупных	малых	
Говядина	3754	4677	+24	-24	4
Свинина	4098	5091	+33	- 7	25
Птица	3423	4626	+23	-16	36
Яйца	1364	1745	+24	+ 8	50

уместно. Просто ВТО дает шанс и время для развития этой отрасли на новой основе.

Важным обстоятельством является то, что ВТО не препятствует, а даже поддерживает помощь государства в сельском хозяйстве малому и среднему бизнесу, которая ничем не ограничивается. Двадцатилетие развития рыночных отношений в сельском хозяйстве привели к появлению на селе значительного слоя фермеров и индивидуальных предпринимателей, который все больше начинает заявлять о себе. Однако эти же рыночные отношения вызвали значительную дифференциацию их хозяйств. Проведенное нами исследование [2] показало, что в этой отрасли уже существуют класс мелких хозяйств (около 50%) и крупных капиталистических предприятий (10–15%). Например, по мясу, рентабельны лишь крупные агрохолдинги, а средние и малые предприятия – убыточны. Представление об этом дает таблица 3.

Как видно из цифр таблицы 3, себестоимость основных продуктов животноводства в малом бизнесе на 24–38% выше, чем в крупных агрохолдингах, поэтому продукция животноводства у них убыточна. Лишь производство яиц рентабельно на 8%, что явно недостаточно для развития. Класс фермеров и индивидуальных предпринимателей в России все больше начинает заявлять о себе. За 2005–2010 гг. доля производства зерна у них выросла с 5% до 26,7%, картофеля – с 9,9% до 53,1%, мяса скота и птицы в живом весе с 3% до 4,8%, молока – с 2,5% до 10,4%, т.е. они дают уже четверть всего производства мяса и больше половины – картофеля, десятую часть молока. Там, где сельскохозяйственные кооперативы, товарищества по обработке земли были убыточны, предприниматели и фермеры показали значительный рост, став уже одним из важных секторов производства основных видов сельскохозяйственной продукции. На наш взгляд, помощь государства должна направляться наиболее передовым, креативным секторам сельского хозяйства в виде создания наиболее благоприятных условий их развития и под конечные результаты деятельности. Это не противоречит правилам ВТО, так как фермеры и индивидуальные предприниматели подпадают под правила о помощи малому бизнесу и ничем не ограничиваются.

Второй проблемой, которая затрагивает широкие массы народа является снижение таможен-

ных пошлин. Коммунистические лидеры пугают огромными потоками зарубежных товаров, инвестиций, что может окончательно погубить отечественную промышленность. В ВТО входят 158 государств, которые приняли рекомендованные этой организацией импортные таможенные пошлины, но мы имеем мало сведений о том, что у них идет разорение промышленности и сельского хозяйства. Во-первых, по самым скромным подсчетам, уже сейчас импорт продуктов питания составляет около 40% всего его потребления. Россия не обеспечивает себя мясными продуктами, ввозится до 60% сыров, йогуртов. Намного превышены нормы продовольственной безопасности. Поэтому предусматривается резкое снижение таможенных пошлин на импорт мясных продуктов и продуктов животноводства. Например, пошлины на импорт живых свиней снизятся с 45% до 5%, пошлины на ввоз чистопородных свиней будут отменены, на молоко они снизятся – с 19,8% до 14,9%, на злаки – 15,1% до 10%, на рыбу – 10% до 3%. Кроме снижения таможенных пошлин предусмотрено увеличение квот на мясные продукты и обнуление их в пределах таможенных квот, где они были 15%. За пределами квот пошлины на свинину снизятся с 75% до 65%.

На наш взгляд, регулирование импорта продовольствия в нашей стране должно строиться на основе жесткого квотирования, которое широко используется в ЕС и не запрещено ВТО. Однако структура квоты должна быть иной, чтобы она могла служить защите отечественного производителя. В ЕС квотируется общий объем сельскохозяйственной продукции, поступающей на продажу или для дальнейшей переработки. Квоты разрабатываются из норм ФАО потребления продукции на человека, подсчитывается, сколько нужно молока, мяса, яиц и других продуктов для продажи населению и для производства из них других видов товаров, объем которых так же нормируется. Основной задачей квотирования является недопущение снижения цен, избежание избытка производства сельхоз продуктов. Механизм квотирования уже выдержал испытание временем, и страны ходатайствуют о его продлении до 2018 года. Наше квотирование необходимо строить иначе. Необходимо определить общую потребность по стране в сельскохозяйственной продукции, исходя из норм ее потребления.

Сейчас даже по молоку мы не дотягиваем до норм потребления, рекомендованных ФАО. Эту потребность нужно четко разделить на отечественное производство и импорт. Квоты устанавливаются лишь на импортные товары в зависимости от объема отечественного производства. Если оно растет, то квоты снижаются, а если наши производители снижают производство, то импорт увеличивается. Это позволит, не ущемляя интересы отечественных производителей, наполнить рынок необходимым количеством продовольственных товаров.

Более сложная проблема образовалась с сельскохозяйственной техникой. В настоящее время доля иностранной техники в сельском хозяйстве составляет две трети ее общего объема и продолжает расти. Дело заключается в том, что зарубежная техника более производительна и надежна, особенно это касается животноводческих комплексов. Членство в ВТО означает снижение пошлин с 15% до 5% и изменение правил кредитования покупки отечественной техники. Производительность труда в сельском хозяйстве России примерно в 5 раз ниже, чем в Европе и США. Одной из причин этого – слабая вооруженность техникой, ее высокая изношенность. Объем вносимых минеральных удобрений в нашей стране в 10 меньше уровня Западной Европы, при этом 85% удобрений экспортируется по более низким ценам, чем они продаются на внутреннем рынке [1]. Членство России в ВТО должно поставить барьер такому положению, она должна выровнять цены и действовать по стандартам этой организации. Тогда, может быть, поставки удобрений на внутренний рынок увеличатся. Если снижение пошлин увеличит приток машин, оборудования в сельское хозяйство, то это большое благо, а не проблема. Сейчас основу тракторного парка России в сельском хозяйстве составляют поставки из Белоруссии, которые имеют хорошо развитую ремонтную базу, поставки запасных частей обеспечили стабильный доход белорусскому тракторостроению. Животноводство, построенное на основе зарубежных животноводческих комплексов, в основном немецких, голландских, бельгийских и датских, создает класс высоко квалифицированной рабочей силы, которая в социальном плане меняет представление о труде в сельском хозяйстве, он становится привлекательным и способствует закреплению молодежи. Об этом не стоит забывать противникам членства России в ВТО, а государству именно на эти территории стоит направлять средства для развития социальной инфраструктуры.

Снижение таможенных пошлин на основные продукты питания, одежду, обувь явится значительным фактором улучшения уровня жизни многочисленных слоев населения. В настоящее время у нас примерно 15% населения живет ниже минимального прожиточного минимума, а около 25% –

ниже среднего уровня по стране и региону. У таких слоев населения потребление примерно на 70% состоит из жизненно важных потребительских товаров: питания, одежды, обуви, предметов санитарной гигиены. Для них уменьшение таможенных пошлин означает повышение уровня жизни, так как цены на потребительские товары, поступающие по прямым поставкам в крупные торговые дома, должны снизиться. Сейчас именно торговые дома крупных зарубежных фирм в больших городах занимают решающее место в обеспечении населения продуктами питания и предметами первой необходимости. В малом и среднем торговом бизнесе цены во многом зависят от уровня наценок, которые колеблются от 100 до 300 процентов, поэтому снижение таможенных пошлин останется незаметным.

Важным является то, что уменьшение таможенных платежей приведет к снижению стоимости жизни. Ведь за 50 лет существования ГАТТ и ВТО было проведено 8 раундов переговоров, и современные торговые барьеры в среднем по всему миру намного ниже, чем они были когда-либо за всю историю современной торговли. Увеличение импорта одежды и обуви обеспечивает населению больший выбор товаров и услуг. Это приводит, во-первых, к свободе выбора для населения в соответствии с его финансовыми возможностями, а рост предложения будет толкать к снижению цен импортных товаров; во-вторых, товары отечественных производителей будут подстраиваться под цены и качество импортных товаров, что так же является благом для населения. Давно известно, что протекционизм, повышение торговых барьеров вызывает снижение эффективности производства и качества отечественной продукции. Наглядный пример СССР, где отсутствовала свобода внешней торговли, что привело к тому, что качество большинства наших потребительских товаров было значительно ниже зарубежных, что было одним из факторов кризиса начала 90-х гг. XX века и привело к разорению многих отечественных производств.

Кризис 2008–2009 годов показал, что мы уже являемся частью мирового экономического пространства, и поэтому должны принять его стандарты и правила. Действительно, для сельского хозяйства нашей страны на первых порах могут возникнуть сложности, но без их преодоления наша страна не может на равных конкурировать с продукцией других стран, не достигнет продовольственной безопасности. Членство в ВТО – это окончательное, экономическое падение последнего «железного занавеса», который делает нашу страну равноправным членом мирового экономического пространства, и это неизбежный шаг, определяющий равенство нашей экономики на мировой арене.

Библиографический список

1. Алтухов А. Пути нейтрализации рисков зернового хозяйства // Экономист. – 2012. – № 12. – С. 28–36.
2. Завьялов Ф.Н. Дифференциация хозяйств фермеров и индивидуальных предпринимателей в условиях развития рыночных отношений в России // Вопросы статистики. – 2012. – № 11. – С. 74–83.
3. Обзор торговой и сельскохозяйственной политики Европейский Союз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fao.org/fileadmin/templates/est/meetings/wto_comm/RU/Trade_Policy_Brief_EU_RU_final.pdf (дата обращения: 14.07.2014).
4. Hammonds совместно с Gruppo Soges, IBF International Consulting и Компанией Тандем-Форум. Всемирная торговая организация. Краткое пособие для бизнеса: Проект ТАСИС. – М.: Издательство, 2006. – 81 с.
5. Соглашение о единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства: отраслевое соглашение от 09 декабря 2010 г.) Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/formuep/unipolicy/doc20101021_010 (дата обращения: 03.07.2014).

УДК 338.45:68

Козырева Анна Михайловна

кандидат экономических наук

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

kozirewaam@yandex.ru

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ЛЬНЯНОЙ ПОДОТРАСЛИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассматриваются общие тенденции функционирования и развития льняной подотрасли Франции как одной из наиболее развитых территорий и крупного производителя текстильного льна Европы. Показаны действия стран Европейского Союза в направлении государственной поддержки, применения экономически интегрированных методов сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: мировое производство, посевные площади, конкурентоспособность, рейтинги конкурентоспособности, меры поддержки, субсидирование.

Рассматривая международный рынок льна, необходимо сконцентрировать внимание на легкой промышленности как основном потребителе льноволокна. Легкая промышленность развитых и развивающихся стран входит в первую пятерку отраслей, формирующих бюджет, стимулирует развитие сельского хозяйства и других отраслей экономики. Использование в легкой промышленности натуральных волокон ежегодно увеличивается на 1–1,5%. Лен объявлен культурой XXI века и к 2015 г. более 70% выпускаемой одежды планируется изготавливать из льняных, льнохлопковых и других смесовых тканей, а согласно прогнозам ФАО, к 2030 г. потребление натуральных волокон составит 35 млн. тонн в год.

В странах Европы процесс выращивания льна высокотехнологичен. При возделывании и уборке льна используются высокопроизводительные технические средства, совмещающие в одном технологическом процессе несколько операций. При производстве аналогичной продукции в России применяют однооперационное оборудование, а уровень технологии достигается за счет многократных проходов техники. Доля получаемого длинного волокна в мире составляет более 50% (70% длинного и 30% короткого в Европе) от общего его количества. В России производили 75% короткого, 25% длинного волокна, сегодня 90% приходится на короткий лен, используемый для

производства технических тканей и изделий из него. В странах Западной Европы наблюдается специализация в производстве льнопродукции. Например, семена льна выращивают в Голландии и Бельгии, а посевной материал для сортообновления поступает в сопредельные льносеющие государства. Трепаное волокно этих стран характеризуется хорошим качеством и высокими прядильными свойствами. Льняная подотрасль в западных странах менее структурирована по вертикали (от льнозавода до торговой сети) чем в России, но имеет ряд горизонтальных уровней: выращивание льна, производство льноволокна, прядение, выработка тканей, отделка тканей, изготовление одежды [8, с. 52].

Сегодня в мире занимаются выращиванием льна 14 стран, одной из которых является Франция. Согласно статистическим данным журнала EuroFlaxNewsletter, в 2012 году осуществляли посев льна-долгунца только 10 стран: Беларусь, Бельгия, Китай, Чехия, Франция, Литва, Нидерланды, Польша, Россия, Украина. Согласно этому источнику, первое место по площади посевов занимала Франция – 67760 тыс/га, как один из лидеров посева, производства и переработки льна-долгунца в странах Европы. Второе – Беларусь – 63200 тыс/га, что было связано с емкими инвестиционными вливаниями в данную подотрасль, которая была приравнена к хлебу. Почетное третье место замыкала Россия

с объемами посевов 55 тыс/га. Мировое производство ежегодно превышает 200000 тонн в год.

Сегодня производство льняного волокна локализуется преимущественно в Европе, на которую приходится 68% мирового производства [6]. Европейский Союз занимает ведущее место в мировом производстве льна (в основном Франция, Бельгия и в меньшей степени Нидерланды). В Европе в основном выращиванием и переработкой льна занимаются страны Западной Европы. На страны Европы приходится 85% мирового производства льноволокна. Лен является редким продуктом, который составляет менее 1% всех текстильных волокон, потребляемых в мире [1].

В Западной Европе, в Нормандии, в Нидерландах, всемирно признанным является прочность волокон льна, его качество. Благодаря благоприятному климату, его волокна приобретают необходимую стадию спелости, вовремя убранная в срок треста показывает высокие номера длинного волокна. Россия, Беларусь и Украина – традиционные производители льна в мире, но климатические условия и дефицит специального оборудования не позволяют получить качественное длинное волокно необходимого номера, что отражается на конкурентоспособности данного сырья в сопоставлении с другими производителями. Литва, Польша и Чехия являются более мелкими производителями льна на мировом рынке, однако, как и в России, континентальный климат делает культуру более нежной, ранимой, что также сказывается на качестве сырья и конкурентных преимуществах данной подотрасли. В регионе ЕС, ограничивающим фактором, влияющим на урожай льна, является неблагоприятная погода, осадки, влажность почвы влияет на качество льняной соломы. Возделываются более 70 сортов, но 36 сортов льна-долгунца и 15 сортов льняного семени устойчивых к засухе [4].

Франция – экономически высокоразвитая страна мира, занимает пятое место в мире по уровню экономического развития и второе по величине в зоне евро. По данным ОЭСР, Франция в 2008 году была пятой в мире по экономическому развитию после США, Китая, Японии и Германии. По объему ВВП Франция в 2008 году занимала 9 место, после Великобритании, Германии, Индии и России [5]. Согласно рейтингам исследований Всемирного экономического форума (ВЭФ) и IMD, конкурентоспособность Франции значительно снизилась в последнее десятилетие. Франция упала с 15 места на 23 место в течение последних семи лет в глобальной конкурентоспособности ВЭФ Index и также наблюдалось падение с 22 на 28 место в конкурентоспособности Scorecard IMD World [2].

Франция имеет многоотраслевую промышленную и сельскохозяйственную базу, несмотря на колебания в рейтингах [3]. Франция остается основ-

ным производителем текстильного льна в Европе. Французское льняное волокно считается лучшим в мире по качеству. Во Франции в период с 2002 по 2007 годы посевные площади льна-долгунца возросли в 3 раза с 5000 га до 15000 га. Также можно констатировать факт, что Франция является первым европейским производителем и по тоннажу с высокой производительностью [7].

Департамент статистики и прогнозирования (SSP) при Министерстве сельского хозяйства Франции говорит о дифференцированном развитии регионов страны, где также не везде выращивают и перерабатывают лен. Места распределяются таким образом: первое место – Верхняя Нормандия, второе – Нижняя Нормандия, Пикардия, Норд-Па-Де-Кале, третье место делят территории, которые осуществляют переработку, производство и получают текстильный лен: Бретань, Шампань-Арденны, Лотарингия, Лимузен, Аквитания, Юг-Пиренеи.

В настоящее время в Европе существуют 3 системы сельскохозяйственного производства:

- обычное сельскохозяйственное производство (интенсивное, промышленное и классическое сельское хозяйство);
- комплексное сельскохозяйственное производство (эколого-экономическое сельское хозяйство);
- органическое земледелие (биологическое, экологическое, природное). На эту систему приходится сегодня менее 10%.

Данные системы успешно развиваются и во Франции благодаря программам развития и поддержки сельскохозяйственного сектора, как самой Франции, так и территорий входящих в ОЭСР, ФАО. Поддержка сельскохозяйственных производителей в России гораздо скромнее.

Согласно директиве Европейского Союза 2009/128/ЕС от 21.10.2009 года, все члены ЕС были обязаны (до 1 января 2014 года) ввести интегрированные системы сельскохозяйственного производства. Интегрированные методы сельскохозяйственного производства можно рассматривать как золотую середину между органическими и обычными методами ведения сельского хозяйства, т.к. введение интегрированного производства в сельском хозяйстве рассматривается как необходимость вывода сельского хозяйства стран Европы на новый, более стабильный уровень экономического развития. В нашей стране нет такого понятия применительно к производству, переработке сельскохозяйственных товаров, но ведется речь только об организационно-правовых формах организации бизнеса, вывода единых хозяйств под крыло крупных производителей и единого головного звена, в том числе и кластерные структуры. Это связано с тем, что в нашей стране производители и переработчики территориально и организационно разобщены.

В 2011 году Франция занимала 6 место в мире по производству семян льна-долгунца

с гектара (77292 га), после России (472700 га), Китая (350000 га), Индии (338810 га), Канады (273200 га), Казахстана (90000 га). Семь последующих мест заняли такие страны как: Украина (58700 га), Беларусь (49981 га), Италия (3000 га), Польша (2160 га). В 2012 году Франция занимала 3 место в мире по площади посевов льна-долгунца (67760 га), после Беларуси (63200 га) и России (55000 га) (объемы сборов ниже российских показателей). Тут выращивают длинноволокнистый лен.

Также во Франции имеется ряд сельскохозяйственных организаций, способствующих организации ведения посева, производства и переработки льна-долгунца (чего не скажешь про Россию). К ним можно отнести: комитет сельскохозяйственного производства (CIPALIN); Европейскую конфедерацию льна и конопли; Генеральную ассоциацию производителей Лин (AGPL); ARVALIS – ассоциация производителей льна-долгунца, куда входят два института: институт растительных волокон и технический институт льна (ITL); Федерацию профсоюзов сельскохозяйственного трепания льна [7].

Эти организации принимают участие в разработке политики по защите интересов производителей льнопродукции на внутреннем и внешнем рынках. В последние годы с их участием разработана система субсидирования производителей льноволокна и перерабатывающих предприятий, также предусматривается выплата специальных субсидий в регионах, где культивирование льна затруднено (северная Франция, Бельгия и Нидерланды). Субсидии в странах ЕС выплачиваются из расчета 370–420 евро за га посевной площади льна. Субсидирование территорий затруднительного выращивания льна (почвенно-климатические условия) дотируются дополнительно 15–20 евро за га. При переработке льнотресты субсидии выплачиваются за длинное волокно 120–140 евро/т, короткое – 60–75 евро/т. В России федеральные и региональные субсидии за волокно составляют 8–9 тыс. руб. за тонну (170–200 евро/т), а в переводе на 1 га – 120–140 евро/т. При переработке льнотресты субсидии не предусмотрены, также они не осуществляются в районах затруднительного возделывания. Таким образом, субсидиарная поддержка производителей и переработчиков льноволокна в России в три раза ниже, чем в странах ЕС.

Мировой рынок льняной продукции, затрагивая интересы стран, имеющих экспортную ориентацию, практически сегментирован по факторам «цена-качество-ассортимент», которые будут определяющими в конкуренции на рынке льна в будущем. На рынке наблюдается усиление конкурентной борьбы со стороны производителей стран Восточной Европы, России и Китая. Поставки китайской продукции на европейский рынок постепенно растут. Все это хорошо ложиться на

материалы Стратегии развития легкой промышленности России до 2020 года, где по оценке экспортеров конкурентоспособности продукции по параметрам «качество–цена» мировой рынок товаров легкой промышленности разделен на четыре основные ниши, и прослеживаются аналогичные примеры стран: высокое качество товаров, широкий ассортимент (страны ЕС, США); среднее качество, низкие цены, небольшой ассортимент, низкая доля готовой продукции (Китай, Индия, Пакистан, Корея); среднее качество, простой дизайн, средние цены, широкий диапазон товаров (Россия и страны СНГ); низкое качество, низкие цены, узкий ассортимент (Средняя Азия).

Текстильный сектор в этих странах считается важнейшей отраслью промышленности и двигателем быстрого роста экономики в целом. Правительства стран оказывают финансовую поддержку предприятиям текстильного сектора, стимулируя их инвестиционную деятельность и частично компенсируя расходы предприятий на научные исследования по повышению качества экспортной продукции. Такие меры позволили Турции за короткий срок повысить экспорт текстильной продукции и готовой одежды более чем в 20 раз (от 130 млн. дол. в 1980 г. до 2,8 млрд. дол. в 1990 г.). Кроме того, обеспечение отрасли качественным сырьем способствовало тому, что в последнее время текстильная продукция турецкого производства конкурентоспособна с продукцией традиционных мировых лидеров – Италии, Германии.

Государственная поддержка сельского хозяйства развитых стран такова: внутренний рынок ограничен спросом населения, а на мировом рынке национальные производители не могут конкурировать с продукцией, получаемой в развивающихся странах из-за низких цен на продукцию. Меры поддержки сельского хозяйства в целом являются вынужденными, например, система интервенций на рынках сельскохозяйственной продукции, призванная сгладить колебания цены вследствие резкого изменения предложения. На поддержку сельского хозяйства в России расходуется менее 1% ВВП. С точки зрения доли ВВП, расходуемой на поддержку сельского хозяйства, Россия не так уж отличается от развитых стран. Средний уровень расходов в странах ОЭСР в 2000–2002 гг. составлял 1,2% ВВП, наименьший уровень – в Новой Зеландии (0,3%), наибольший – в Корею (4,6%). Если же взглянуть на соотношение государственной поддержки и стоимости произведенной продукции, то в 1999–2001 гг. государственная поддержка в Российской Федерации в среднем составляла 9% от стоимости продукции, в то время как в Канаде этот уровень составлял 26%, в США и ЕС – почти половину. Впрочем, 1999–2001 годы были удачными для российского АПК, а в 1997 году российская поддержка сельского хозяйства мало в чем «усту-

пала» американской и европейской: по данным ОЭСР, она составила 43% стоимости произведенной продукции.

По степени поддержки сельского хозяйства можно судить о развитости и благополучии всего государства. В расчете на каждый гектар сельхозугодий это около 10\$ США, в то время как в странах Евросоюза примерно 800\$. За период 1990–2005 годов государственная поддержка сельхозпроизводства нашей страны сократилась в 19 раз, в 7 раз уменьшились инвестиции. В США дотации в сельское хозяйство постоянно растут и составляют 25 млрд \$, в странах Европы – 60 млрд \$, а в России снизились до 1 млрд \$ [9, с. 289]. В Евросоюзе на каждую единицу сельхозпродукции приходится 25% дотаций. Соотношение прямых и косвенных субсидий таково: в США и Канаде доля прямых субсидий составляет 24% и 21%. В странах ЕС преобладают косвенные субсидии – более 90%. В структуре государственных субсидий наибольший удельный вес занимают средства на поддержку цен. В странах ЕС сельское хозяйство регулируется в рамках единой аграрной политики. Для каждого продукта устанавливается «объективная цена», к которой должны стремиться при управлении рынком сельскохозяйственной продукции. Совет Европы устанавливает «цену вмешательства» – 85–90% объективной цены; это гарантированная цена, по которой уполномоченные Комиссией ЕС организации в странах-членах начинают скупать излишки продукции в случае перепроизводства какого-либо продукта. Такие закупки по гарантированным ценам направлены на поддержание доходов фермеров. При повышении рыночных цен Комиссия ЕС может пустить в продажу данный продукт из созданных резервов и сбить цены. Для поддержки внутренних цен и защиты от конкуренции со стороны третьих стран разработан механизм: импортируемая продукция подвергается сборам, которые равны разнице между «пороговой» ценой и мировой ценой; при экспорте предусмотрены компенсации, которые покрывают разницу между европейской и мировыми ценами.

Применение единой аграрной политики позволило странам ЕС достичь самообеспеченности по большинству продовольственных товаров, где их конкурентные преимущества рассматриваются не по отдельности, а воедино, синергетически, выходя на интегрированные программы экономического развития, как предприятий, так и территорий.

Библиографический список

1. About Flax. Flax Industries & Research [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fir-group.com/about-flax/> (дата обращения: 06.09.2014).
2. Bruno Lanvin, Javier Gimeno. The battle of France on competitiveness universal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knowledge.insead.edu/economics-politics/frances-battle-for-competitiveness-3100> (дата обращения: 07.09.2014).
3. France GDP GrowthRate [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tradingeconomics.com/france/gdp-growth> (дата обращения: 07.09.2014).
4. Heller K. Crop management of fibre flax in Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fibrafp7.net/Portals/0/06_Heller.pdf (дата обращения: 09.09.2014).
5. Outline of the French Economy. The French economy: strengths and weaknesses [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://about-france.com/geo/french-economy.htm> (дата обращения: 05.09.2014).
6. Presentation de la filiere Lin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coopdefrance.coop/fr/41/lip/> (дата обращения: 06.09.2014).
7. USRTL – IndustrieFrancaise du Lin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.usrtl-ifl.fr/spip.php?article34> (дата обращения: 07.09.2014).
8. Козырева А.М. Динамика экономических аспектов развития льняной подотрасли в зарубежных странах и России // Агропродовольственная политика России. – 2012. – № 9. – С. 50–52.
9. Козырева А.М. Конкурентоспособность национальной экономики: регионально-отраслевые аспекты оценки. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 412 с.

ЦЕЛИ, ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Автор актуализирует роль общественного контроля как функции управления через определение целей, объектов и субъектов.

Ключевые слова: общественный контроль, цели общественного контроля, объекты и субъекты общественно-го контроля.

Первая задача, которую должны совместно решить политические руководители и лидеры структур гражданского общества в современных условиях системного кризиса и необходимости модернизации общества, – налаживание инновационного широкомасштабного действенного общественного контроля над органами государственного и муниципального управления, над оказанием социальных услуг гражданам и организациям.

Условием действенности общественного контроля является, как мы не раз отмечали [1–6], то, что структуры гражданского общества, лидеры и рядовые общественные контролёры должны обладать моральным авторитетом среди граждан, должны быть способными брать на себя обязательства и отвечать за их выполнение.

Модернизация России требует социального партнерства, объединения всех сил общества. Социальное партнерство требует новой парадигмы государственного и муниципального управления, не только потенциальной готовности к сотрудничеству, но реальных встречных партнёрских шагов государства и структур гражданского общества.

Объекты общественного контроля – это все сферы жизнедеятельности общества и государства, которые затрагивают жизненно важные интересы граждан. Потому что, согласно Конституции Российской Федерации 1993 года, именно народ является источником власти.

Ключевые проблемы для объектов общественного контроля можно сгруппировать по блокам:

1. Проблемы безопасности жизнедеятельности на определенной территории: личной, имуще-

Таблица 1

Объекты и цели общественного контроля

Объекты общественного контроля	Цели общественного контроля
Решение проблем безопасности жизнедеятельности на определенной территории	- контроль за обеспечением личной, имущественной, санитарной, продовольственной, экологической безопасности жизнедеятельности; - наведение порядка в домах и микрорайонах; - профилактика правонарушений; - контроль за работой специализированных органов по обеспечению нормальной жизнедеятельности
Благоустройство жилой среды	- разработка общественных правил и контроль за их соблюдением в отношении благоустройства дома, придомовой территории, микрорайона; ограничение вредоносных воздействий; поддержание чистоты и красоты; - контроль за управляющими и ремонтными организациями в сфере ЖКХ, за производителями коммунальных услуг (водо-, газо-, энерго-снабжения и др.)
Предоставление качественных социальных услуг	- отладка работы социально значимых учреждений: социальных подразделений администраций муниципальных образований, учреждений здравоохранения, школ и дошкольных учреждений, общественного транспорта, средств связи (почты, Интернет) и др.; - создание многопрофильной системы социальной поддержки и защиты различных категорий населения определенной территории; - контроль за защитой семьи и детей;
Организация досуга и отдыха	- контроль за пропагандой жизненных ценностей; - повышение уровня культуры и распространения культурных учреждений (библиотек, музеев микрорайона и т. д.) - контроль межэтнических отношений, толерантности в межгрупповом общении, повышение культуры общежития; - совершенствование культурной среды и цивилизованности социального обустройства; - контроль каналов социальной справедливости.

ственной, санитарной, продовольственной, экологической и других видов.

2. Благоустройство жилой среды: квартиры, дома, придомовой территории, микрорайона и т.д.

3. Предоставление качественных социальных услуг.

4. Организация досуга и отдыха.

Из таблицы следует, что в сферу контроля со стороны граждан попадают и некачественно проведенные товары, и недобросовестные врачи и учителя. Но это *ситуация самоконтроля*, когда структуры гражданского общества могут контролировать деятельность организаций и граждан, которые не относятся к органам публичной власти.

В условиях глобального финансового, экономического, и, следующего за ними, социального кризиса, общественный контроль, в первую очередь, должен быть направлен на наиболее острые социальные проблемы:

– Соблюдение прав и интересов граждан в ходе решения антикризисных задач и осуществления государственных и муниципальных функций.

Наиболее эффективная современная форма гражданского контроля – контроль за реализацией государственных и муниципальных услуг: за качеством самих услуг и процедурой их предоставления.

– Не менее важное направление – антикоррупционный общественный контроль. Оценивая значение общественного контроля в антикоррупционном механизме, известные юристы отдают должное целеустремленным действиям институтов гражданского общества: «Весьма эффективна публичная реакция общественных объединений, муниципальных органов, каналов СМИ по выявлению и оценке коррупционных действий. Формируемая благодаря этому общественная атмосфера создаёт обстановку социальной нетерпимости к ним» [6, с. 28].

Некоторые из направлений гражданского контроля, которыми планировали заниматься новые инициативные группы (опыт наблюдения за гражданским контролем в г. Пермь):

– гражданский контроль за выделением средств из муниципального бюджета на капитальный ремонт жилых зданий;

– гражданский контроль за деятельностью управляющих компаний и администраций ТСЖ;

– гражданский контроль органов внутренних дел по работе с заявлениями граждан;

– гражданский контроль и гражданская экспертиза работы участковых милиционеров;

– гражданский контроль школ на предмет обеспечения нормальных социально-бытовых условий для учащихся;

– гражданский контроль и гражданская экспертиза реформы сети социальных учреждений для граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию (в частности, причины, актуальность и соци-

альная эффективность закрытия властями реабилитационных центров);

– гражданский контроль качества социальных и медицинских услуг в рамках медико-социальной экспертизы (назначение инвалидности);

– гражданский контроль содержания щитовой рекламы и рекламы в общественном транспорте (грамотность, этичность, эстетичность);

– гражданский контроль соблюдения административных регламентов, внедряемых в систему государственного управления;

– гражданский контроль государственной политики в сфере социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы;

– гражданский контроль деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Особенно важен общественный контроль в период реформирования государственных структур, внедрения регламентов государственных услуг и должностных регламентов деятельности служащих.

Особо отметим, что разработка стандартов и процедур государственных услуг требуют контроля качества со стороны населения – потребителей услуг. Цель такого контроля – социально ответственное поведение власти и бизнеса по отношению к населению.

Выше мы отметили, что важным направлением является антикоррупционный общественный контроль. Оценивая значение общественного контроля в антикоррупционном механизме, известные юристы отдают должное целеустремленным действиям институтов гражданского общества: «Весьма эффективна публичная реакция общественных объединений, муниципальных органов, каналов СМИ по выявлению и оценке коррупционных действий. Формируемая благодаря этому общественная атмосфера создаёт обстановку социальной нетерпимости к ним» [6, с. 28].

Эффективный контроль возможен только тогда, когда определены четкие правила, нормы и стандарты предоставления гражданам услуг и товаров. Когда соблюдаются законы и применяются неотвратимые санкции к нарушителям. В противном случае контролировать просто нечего: как граждане не могут контролировать то, что четко не определено, расплывчато, передано на «усмотрение» лицу, предоставляющему услугу?

Как действовать гражданам, если они видят нарушение законов, в том случае, когда судебные заседания затягиваются, судебные исполнители бездействуют, а нарушитель уходит от ответственности?

К первоочередным шагам государства по созданию основы для общественного контроля и борьбы с коррупцией можно отнести:

– принятие норм прямого действия и санкций за их невыполнение в рамках федерального закона «Об административных процедурах деятельности государственных и муниципальных органов»;

– совершенствование организационных форм реализации «принципа одного окна» с постоянным мониторингом оценки населения качества работы этих «окон»;

– оперативность работы судов в ходе решения повседневных проблем граждан; введение административной ответственности для чиновников – применение санкций за невыполнение Кодекса чести государственных и муниципальных служащих.

К субъектам общественного контроля относятся инициативные граждане, организованные группы граждан, представители общественности, некоммерческие организации, общественные организации. К специализированным организациям гражданского общества относятся Общественная палата, Общественные советы при ведомствах и администрациях городов.

«Модельный закон субъекта Российской Федерации об общественном контроле» (разработан Общественной палатой Ханты-Мансийского автономного округа) относит к субъектам общественного контроля:

- а) представителей общественности;
- б) структурные подразделения общероссийских общественных объединений, в том числе политических партий, межрегиональные, региональные и местные общественные объединения, в том числе отделения творческих союзов, объединения предпринимателей;
- в) иные некоммерческие организации, включая религиозные организации, действующие на территории субъекта Российской Федерации, высшие учебные заведения, научные организации;
- г) иные субъекты, участвующие со стороны общественности в деятельности органов государ-

ственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Основным субъектом общественного контроля является Общественная палата субъекта Российской Федерации, которая координирует взаимодействие между представителями общественности, общественными объединениями, иными объединениями граждан, осуществляющими общественный контроль.

Для снижения нагрузки на органы власти целесообразно первоочередную работу с обращениями граждан вести через институты гражданского общества. Вопросы, носящие характер противоречий и конфликтов, должны рассматриваться представителями системы общественного контроля.

Библиографический список

1. Пищулин О.В. Интеллектуальные начала корпоративного управления // Экономика образования. – 2013. – № 3. – С. 132–134.
2. Пищулин О.В. Методы создания привлекательного инвестиционного климата: проблемы теории и практики // Экономика образования. – 2014. – № 1 – С. 95–100.
3. Пищулин О.В. О критериях эффективности общественного контроля // Экономика образования. – 2014. – № 3 — С. 83–86.
4. Пищулин О.В. Особенности инвестиционной деятельности в инновационной сфере // Экономика образования. – 2014. – № 2. – С. 159–163.
5. Пищулин О.В. Оценка эффективности и качества управления // Экономика образования. – 2013. – № 4. – С. 120–121.
6. Тихомиров Ю. Лечить надо все общество. О системном противодействии коррупции // Российская Федерация сегодня. – 2008. – Ноябрь. – № 22.

ОНТОЛОГИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИКА ИММАНУИЛА КАНТА

В статье показано, что даже в специальных работах, посвященных проблемам метафизики и онтологии, понятия «философия», «метафизика» и «онтология» нередко отождествляются, что приводит к путанице и противоречиям. Противоречивостью характеризуется и метафизика Канта. Выступая против онтологии, Кант не отрицает реального существования «вещей в себе», то есть даже в рамках своей метафизики ему не удалось исключить онтологическую проблематику.

Ключевые слова: Кант, философия, метафизика, онтология, априоризм, трансцендентальность.

Центральной проблемой античной философии было постижение мирового целого и общей природы сущего как такового. Обобщая натурфилософские представления своих предшественников, Аристотель впервые четко формулирует предмет философии. В отличие от частных наук, имеющих дело с отдельными сторонами бытия, философия исследует бытие как таковое, мир в целом, его «первые начала и принципы». «Есть некоторая наука, – говорит он, – исследующая сущее как таковое, а также то, что ему присуще само по себе. Эта наука не тождественна ни одной из так называемых частных наук, ибо ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такового, а все они, отделяя себе какую-то часть его, исследуют то, что присуще этой части...» [1, т. 1, с. 119].

Аристотель достаточно четко выделяет философию из всей совокупности научных знаний. Философией он называет науку, предметом которой является не природа, а то, что существует сверх её – сверхчувственные неподвижные вечные сущности. Как наука о всеобщем, философия выступает у Аристотеля и в качестве науки об истине. «Верно также и то, – говорит он, – что философия называется знанием об истине» [1, т. 1, с. 94]. Таким образом, Аристотель ставит две фундаментальные проблемы, которые лежат в основе всего последующего историко-философского процесса: проблему сущности мира и проблему его познания, проблему истины. В античности формируется классическое представление о философии, в центре которого находится онтология как учение о бытии.

Термин «метафизика», как известно, впервые использовал систематизатор и издатель аристотелевских сочинений Андроник из Родоса. Он назвал философские работы Аристотеля словом «метафизика». Аристотель никакого отношения к этому термину не имел. Поэтому можно возразить С.Л. Катречко, когда он приписывает Аристотелю использование термина «метафизика» [6, с. 84]. Понимание «метафизики» как синонима слова «философия» получило признание в классической философии. Поэтому, на наш взгляд, нельзя согла-

ситься с Н.З. Бросовой, которая пишет: «Согласно западноевропейской философии и теологической традиции, восходящей к Аристотелю, метафизика есть наука о сверхчувственном [сущем], о его первопричинах и первоосновах, она составляет ядро философии» [3, с. 54]. Мы полагаем, что ядром и фундаментом классической философии является не метафизика, а онтология.

Если не придерживаться четких терминологических различий в использовании понятий, то неизбежно возникает путаница. О путанице в использовании понятий «философия», «метафизика» и «онтология» пишет В.Ю. Кузнецов, ссылаясь на статью А.Л. Доброхотова «Метафизика» из «Новой философской энциклопедии», где они фактически отождествляются. В этой статье метафизика трактуется как «философское учение о сверхопытных началах и законах бытия вообще или какого-либо типа бытия», но подчеркивается, что «слово» это «часто употреблялось как синоним философии» ... и тут же утверждается: «Близко ему понятие «онтология» [7, с. 35].

Аналогичная ситуация сложилась и с использованием термина «онтология». Это понятие, сохраняя свою семантику как учение о бытии, оказывается достаточно плюралистичным с точки зрения конкретного наполнения его объёма. В современной философии появились разнообразные варианты так называемых «региональных» онтологий: онтология личности, онтология языка, онтология сознания, онтология тела, онтология вкуса и т.д. Используя модное слово «онтология», авторы вкладывают в это понятие различный, порой противоположный смысл, не всегда осознавая, что их «онтология» не имеет ничего общего с классической онтологией Аристотеля. Но законов логики никто не отменял, и четкость, однозначность понятий по-прежнему остается необходимым условием любого продуктивного мышления.

Проблема онтологии уходит на второй план в философии Нового времени, которая концентрировала свое внимание на проблемах познания. Отрицая метафизику Аристотеля как науку о сверхчувственном бытии, философы отрицали её и как

науку о всеобщем. Новая метафизика выступает у них в форме натурфилософии. Указывая на опытный источник нашего знания, они, за редким исключением, явно недооценивали значение и возможности теории. Возникает новое направление критики метафизики и особенно её центральной части – онтологии, получившей название *гносеологизм*. Его сторонники считали, что метафизика была источником всякого рода заблуждений и суеверий потому, что игнорировала вопрос о том, сильную ли задачу она ставит нашему познанию. Поэтому, согласно Д. Юму, началом подлинно научной философии должно быть выяснение возможностей и границ познания [11, т. 2, с. 15]. Свое классическое завершение эта критика метафизики получила в философии И. Канта.

Кант создал учение о зависимости результатов познания от априорных форм *чувственности, рассудка и разума*. Чувственное созерцание в философии Канта – источник знания. Внешний мир является субъекту через его чувственность, которая дает эмпирическому содержанию знания априорные формы ощущений – пространство и время. Поскольку пространство и время обладают признаками всеобщности и необходимости, Кант делает вывод, что они не могут иметь опытного происхождения. Он считает, что пространство и время не являются объективными свойствами, принадлежащими самим вещам, они имеют сугубо субъективный характер [5, т. 2, с. 404, 407].

Итак, чувственное созерцание – это начало всякого познания. Но возникает вопрос о его источнике и его отношении к внешнему миру. Важным составным элементом науки о чувственном познании и гносеологии в целом Кант считает учение о «вещах в себе». Он убежден, что мир вещей в себе существует, поскольку именно они воздействуют на органы чувств и вызывают в нас ощущения. Но опытные данные не дают нам адекватного знания об окружающем нас мире. То, чем вещь является для нас (феномен), принципиально отличается от того, что она представляет сама по себе (ноумен). В чувственно воспринимаемом мире, подчеркивает Кант, «мы везде, даже при глубочайшем исследовании его предметов, имеем дело только с явлениями» [5, т. 3, с. 146].

В процессе познания субъект облекает полученные им от вещей ощущения не только в форме пространства и времени, но также и в форме понятий. Созерцания субъекта могут быть только чувственными, а способность мыслить предметы чувственного познания есть рассудок. Определяя рассудок как «познание через понятия», Кант добавляет: «*рассудок можно вообще представить как способность составлять суждения*» [там же, с. 167].

Выявив различия между эмпирическим и теоретическим познанием, а также между аналитическими и синтетическими суждениями, Кант сосредото-

точил свое внимание на исследовании творческих способностей человеческого мышления. Поскольку именно мышление в конечном счете создает понятия предметов, то Кант переходит к исследованию науки о мышлении – формальной логике Аристотеля. Недостатком последней является то, что она работает с уже готовыми понятиями и не объясняет, как они создаются. Поэтому Кант делает вывод, что должна существовать другая логика, показывающая, как создаются понятия. Такую логику он назвал *трансцендентальной*. Она, в отличие от формальной, должна иметь своим предметом не формы мысли, а категории, которые Кант называет *чистыми понятиями рассудка*. Категории возникают из логических функций рассудка, заложенных в «спонтанности нашего мышления». В сознании человека, по Канту, заложено стремление к единству знания. Рассудок, объединяя многообразие наглядных представлений, приводит их к единству, но он не может дать синтетических знаний из понятий, так как все знания рассудка всегда опираются на опыт. Окончательного единства познание достигает на ступени разума. Разум никогда не направлен прямо на опыт или на какой-нибудь объект, он всегда имеет своим предметом рассудок, чтобы с помощью понятий априори придать единство многообразным рассудочным знаниям.

Подобно тому, как рассудок порождает категории и объединяет многообразие чувственных восприятий предметов посредством понятий, разум порождает свои понятия – трансцендентальные идеи, которые существуют в разуме как априорные принципы. Кант пишет: «Под идеями я разумею такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» [5, т. 3, с. 358]. Это идеи *души, мира и Бога*, которые являются предметом исследования в метафизике. Идеи необходимы для опытного (научного) знания в качестве идеалов, регулятивных принципов, направленных на постижение целого, всеобщего. Но поскольку идеи разума не основываются на чувственных данных, а составляют его собственную природу, стремление разума выявить всеобщее, охватить мир в целом и раскрыть его сущность, неизбежно приводят его к неразрешимым противоречиям. Тем самым Кант ставит под сомнение традиционную метафизику, которая рассматривалась как учение об умопостигаемых, сверхчувственных основах всякого существования.

Огромной заслугой Канта, его коперниковским переворотом в философии, было признание определяющей роли субъекта в процессе познания. До Канта считалось, что знания должны сообразоваться с предметами. При этом безуспешными были все попытки что-то априорно установить о предметах, что расширяло бы наше знание о них. «Поэтому, – говорит Кант, – следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики

более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием, – а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они даны» [там же, с. 87]. Такой подход, по мнению Канта, сближает метафизику с точными науками, такими как математика и теоретическое естествознание.

Понятие метафизики в творчестве Канта неоднозначно и противоречиво: он – то дает очень высокую оценку метафизике, называет её наукой, то отрицает её научный статус. Кант дает резкую оценку традиционной метафизики, которая, как он считает, «не сумела ещё встать на верный путь науки». Одно из своих сочинений он называет «Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука». В этой работе он подчёркивает противоречивость и бесплодность современной ему метафизики, поскольку «постоянно одна метафизика противоречила другой или в самих утверждениях, или же в их доказательствах и тем самым сводила на нет свои притязания на прочный успех» [5, т. 4 (1), с. 88].

Подобная метафизика не может считаться наукой. Но почему же, спрашивает Кант, «природа наделила наш разум неустанным стремлением искать такой путь (метафизики. – *А.Е.*) как одного из важнейших дел разума» [5, т. 3, с. 87]. Такое стремление, считает Кант, говорит о возможности создания метафизики как науки, но для этого необходима радикальная её реформа. Новая метафизика возможна только как критика разума, которая позволит ограничить подлинное знание от ложных идей, всякого рода фантазий, которые господствуют в сознании, она приобретает трансцендентальный характер.

Кант разграничивает понятия «трансцендентное» и «трансцендетальное». Трансцендентное – значит сверхопытное, то, что выходит за пределы всякого возможного опыта, потустороннее. Трансцендетальное, которое Кант называет доопытным, несмотря на независимость от эмпирического познания, не выходит за пределы опыта, более того, оно является основой и условием всякого опыта, поскольку организует наше познание и делает его возможным. Трансцендетальное имманентно присуще нашему сознанию, но от познавательных способностей субъекта зависит только форма знания, само же содержание знания поступает к нам из опыта.

Давая определение метафизики, Кант характеризует её как систему «чистой теоретической философии» [5, т. 6, 180–181]. Онтологию он определяет как часть метафизики [там же, с. 180]. Будущая онтология, по мысли Канта, должна быть соединена с теорией познания. И хотя Кант редко обращается к центральной онтологической катего-

рии – «бытие», но, как справедливо подчеркивает А.Л. Доброхотов, «главные элементы его системы отвечают на вопросы, традиционно относившиеся к ведению онтологии» [4, с. 178].

Априорность познания, согласно Канту, сближает метафизику с точными науками и даёт возможность превратить её в науку, дающую двойную пользу. «Первая заключается в решении задач, которые ставит любознательный человек, когда он разумом пытается вывести у вещей их тайные свойства». Вторая польза от метафизики заключается в том, что она определяет «*границы человеческого разума*». [5, т. 2, с. 348–349].

Один из современных исследователей философии Канта, А.Н. Троепольский считает, что здесь Кант фактически говорит о существовании двух метафизик. Первой метафизике присуще стремление описать наличие сверхчувственных, скрытых свойств у вещей. Вторая, претендующая на установление границы возможного опыта, отрицает достижимость целей первой метафизики. Под традиционной метафизикой, отмечает А.Н. Троепольский, Кант понимает «философское учение о сверхчувственных нефизических началах чувственного мира» [9, с. 26].

Согласно Канту, традиционная метафизика в границах теоретического разума невозможна как наука. Во-первых, она не имеет реальной предметной области, так как её фундаментальные термины и понятия, такие как «мир», «Бог», «душа», «монада» и др., являются пустыми, поскольку они выходят за границы возможного опыта. Во-вторых, традиционная метафизика не опирается на чувственное созерцание, а разум, будучи примененным к пустым понятиям, оказывается противоречивым. Эти противоречия Кант назвал антиномиями чистого разума.

Возражая против тезисов Канта, которые якобы доказывают невозможность существования метафизики как науки, А.Н. Троепольский проводит развернутый их анализ. Он, в частности, указывает на то, что человек в обыденной жизни признаёт существование мыслей и чувств у другого человека. «Таким образом, – говорит он, – сверхчувственные сущности (объекты) могут существовать в границах теоретического разума, обьективированные в языке, содержащем имена для сверхчувственных сущностей» [там же, с. 46]. Ссылаясь на факт использования в естественных науках таких воображаемых предметов, как «теплород», «флогистон», «эфир» и т.д., А.Н. Троепольский делает вывод, что эти понятия «являются пустыми относительно эмпирического (чувственно воспринимаемого) мира и не пустыми относительно сверхчувственного мира» [там же, с. 47].

Философия Канта внутренне противоречива, на это обратили внимание уже его современники. Действительно, Кант не отрицает реального су-

существования атомов и молекул, хотя они не могут быть предметом чувственного восприятия. В его космологической теории процессы образования планет Солнечной системы происходят в реальном пространстве и времени, объективность которых он отрицает. Его понятие «вещей в себе» отличается крайней неопределенностью, оно противоречит всему духу кантовского критицизма. Ведь если признать, что они абсолютно непознаваемы, что мы имеем дело только с явлениями, то на каком основании мы можем утверждать, что они существуют и являются причинами наших ощущений? На это противоречие кантовского учения сразу указали такие его оппоненты, как Ф. Якоби и И.Г. Фихте. Обсуждая этот вопрос и указывая на противоречивость философской системы Канта, Т.И. Ойзерман пишет: «Настаивая на существовании “вещей в себе”, Кант тем же самым выражает свое убеждение в существовании сверхчувственного, потустороннего, трансцендентного» [8, с. 63].

Ставя под сомнение догматическую метафизику, Кант пришел к выводу, что философия в качестве онтологии, претендующая на теоретическое познание вещей в себе, невозможна, но так и не создал непротиворечивой философской системы, ограничившись попыткой оградить разум от заблуждений. В.Ф. Асмус пишет: «Когда Кант, закончив разработку критики, хотел приступить к положительному строительству, оказалось, что строить-то почти нечего! Оттого такими схематичными, пустыми и бессодержательными кажутся многие его страницы “Критики чистого разума”, посвященные изложению проекта метафизики» [2, с. 160].

Соглашаясь с мнением В.Ф. Асмуса, А.И. Уёмов подчёркивает, что его вывод не отменяет заслуги Канта в критике традиционной метафизики. «Особенно ценной является идея Канта о превращении метафизики в доказательную науку. Однако приро-

ду доказательности в науке Кант понимал неправильно, преувеличив роль и значение априорности. Это и определило неудачу его реформы метафизики» [10, с. 15].

Таким образом, попытки Канта доказать, что философия в качестве онтологии невозможна, заменить учение о бытии – учением о познании, не увенчались успехом, поскольку даже в рамках своей метафизики ему не удалось исключить онтологическую проблематику.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1975.
2. *Асмус В.Ф.* Иммануил Кант. – М.: Наука, 1973. – 237 с.
3. *Бросова Н.З.* Судьба метафизики и судьба человека // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 54–85.
4. *Доброхотов А.Л.* Категория бытия в классической западной философии. – М.: МГУ, 1986. – 248 с.
5. *Кант И.* Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1964.
6. *Катречко С.Л.* Как возможна метафизика? // Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 83–94.
7. *Кузнецов В.Ю.* Преодоление метафизики как проблема современной философии // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 28–38.
8. *Ойзерман Т.И.* Амбивалентность философии. – М.: «Канон+» и РООП «Реабилитация», 2011. – 400 с.
9. *Троепольский А.Н.* Метафизика, философия, теология, или Сумма оснований духовности. – М.: Гуманитарий, 1996. – 176 с.
10. *Уёмов А.И.* Метафизика: учебное пособие. – Одесса: Астропринт, 2010. – 260 с.
11. *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1966.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО У С.Н. БУЛГАКОВА

В статье рассматриваются историко-философские взгляды С.Н. Булгакова – представителя русской религиозной философии рубежа XIX–XX веков. Анализируется совокупность религиозно-философских, публицистических работ по проблеме отношений церкви и государства, затрагиваются вопросы о роли церкви и государства в жизни человека и общества, прослеживаются этапы развития этих взаимоотношений на протяжении русской истории, включенных в оригинальную философскую систему С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, церковь, государство, христианство, православие, общественный идеал, русская философия.

Ключ к решению проблемы общественного идеала С.Н. Булгаков искал на пути анализа особенностей взаимоотношений церкви и государства. В своих трудах философ рассматривает, как складывались отношения между церковью и государством. Нравственные искания и интеллектуальные переживания у философа в проблеме общественного идеала протекали в общих рамках христианской культуры, основные ценностно-значимые мотивы и вытекающие из них выводы были заданы Булгакову православной линией христианской религии. Г.В. Флоровский в своей книге «Пути русского богословия» отметил, что «в духовном развитии Булгакова решающим было влияние В. Соловьева, и от него основная тема всей его системы. С В. Соловьевым связана вся его проблематика религиозной церковной культуры, истории христианства, очень характерная для С. Булгакова» [8, с. 190]. Н.А. Бердяев в «Русской идее» также указывал, что «центральной темой философских взглядов С. Булгакова стала тема об отношении церкви к культуре и общественной жизни» [1, с. 222].

Булгакова интересует история христианства, церкви, государства, взаимоотношения религии и общества. Однако эти взаимоотношения рассматриваются через призму следующих проблем: с одной стороны – «религия и мораль», с другой – «церковность и общественность». В сущности, философ рассматривает механизмы объединяющего воздействия церкви на общество и государство. В своих работах он неоднократно подчеркивал, что в человеческой жизни обязательно присутствуют элементы, раскрывающие характерные особенности взаимоотношений общества и государства, церкви и государства. В сборнике статей «Два града», опубликованном в 1911 году, Булгаков анализирует взаимоотношения церкви и государства. Возвращаясь к истокам христианства, религии, он анализирует «мир первохристианства, который представляет собой организованное государство. Такое государство есть организация порядка, экономической жизни, культуры, религии, которое создало и провозгласило себя высшим в мире началом, божеством» [2, с. 154]. Философ указывал и на то, что у первохристиан государство это толь-

ко лишь порядок жизни, некая обязанность для возможного существования. С появлением первохристианства прослеживаются исторические пути развития государства. Как писал Булгаков, первохристианство имеет для всего христианского мира «значение образца, примера, нормы, и вместе с тем оно и есть то зерно, из которого развивается историческое растение» [2, с. 144]. Весь, окружающий первохристиан «мир» философ характеризует как «организованное государство, стальным кольцом охватывавшее всю тогдашнюю вселенную. ... На религиозной, но не политической почве столкнулось христианство с римским государством и обрело “вериги государственности”» [2, с. 154]. На данном этапе истории христианство не могло признать и не признало государство «высшим началом, организующим жизнь, устраняющим ее до конца и разрешающим все вопросы» [2, с. 154].

Анализируя основные черты первохристианства, Булгаков рассматривает естественные условия, политические, культурные, экономические, облегчавшие распространение христианства. Первохристианство является тем зерном, из которого появляется древо исторического христианства. В своих рассуждениях Булгаков приходит к выводу о том, что первохристианство было, по преобладающему своему составу, народным движением. Первохристиане платили подати, подчинялись законам и установленным порядкам, признавали свои права и обязанности, но своё предпочтение они отдавали слову Божьему. Поэтому в государственной жизни христиане были пассивны, так как им была свойственна покорность Промыслу Божьему, неверие в продолжительность существования мира сего и ожидание всеобщего конца. Философ писал: «Государство было для античного человека всем: домом, родиной, храмом, у христиан же оно из центра переместилось в периферию, ибо новое жилище нашёл он, и не только за пределами этого мира, но и на земле – церковь, община. Родилась новая идея, новая заповедь, новый высший идеал общения людей, не в земном человекобожеском государстве, а в союзе божественном, теократическом, церковном» [2, с. 157]. Именно отсюда, по мнению Булгакова, началась борьба и складывались непростые отношения между церковью и государством.

В процессе реконструкции проблемы общественного идеала, Булгаков анализирует вопросы культурно-исторического развития христианства и государства как формы власти общества. Он рассматривает государство как экономический союз, а в церкви он видит религиозно-мистический союз веры и любви, наделённый творческой силой. Он считает, что только церковь, а не государство, способна разрешить задачу организации и объединения человечества на основе «благодатных даров, данных Спасителем, на основе любви к Нему личной и общей» [4, с. 72].

Следует отметить, что философ пытается подчеркнуть важность религии как составляющую часть в концепции общественного идеала и показать свои позиции в вопросах сущности христианства, особенности анализа такого религиозного феномена, как Богочеловечество, а также пытается дать трактовку церкви. Как богочеловеческое единство, церковь подлежит историческому развитию, имеет свою историю, которая есть не только внешнее пребывание в мире, но и внутренний процесс. Исходя из вышеизложенных рассуждений, Булгаков пытается ответить на вопрос: может ли иметь церковь историческое, догматическое развитие? С одной стороны, вопрос этот разрешается самим фактом возникновения догматов в истории, следовательно, Церковь имеет догматическое развитие. Исходя из религиозно-догматической точки зрения Булгакова, религия и церковь должны быть всем для верующего человека. Христианство противостоит насилию и ненависти в обществе, проповедует любовь, свободу и равенство, призывает к прогрессу, к очищению общества, к личному и общественному покаянию. Это означает, по мнению философа, что именно церковь направляет историю в верное русло, являясь важнейшей сферой общества.

Анализируя понятие церкви, Булгаков обращается к первоисточникам христианского вероучения и на основе данных Святого Писания подчёркивает многозначность данного понятия. Он останавливается на четырёх значениях понятия церкви. Во-первых, церковь – есть собрание верующих, религиозное общество христиан. Во-вторых, церковь определяется и как территориальное единство, связывающее людей религиозной верой. В-третьих, церковь рассматривается как небольшое единство, небольшая социальная единица или социальная организация. Примерами тому могут послужить церкви-приюты, церкви-школы, родовые или семейные церкви. В-четвертых, церковь – есть совокупность «всех верующих, связанных единством даров и благодатной жизни. Это Церковь мистическая и вселенская» [3, с. 432]. Исходя из выше рассмотренных определений, ни одно из них не раскрывает сути церкви. Булгаков считает, что изучать это понятие следует в абсолютном смысле, как Царство

Божие – Царство Небесное, в котором заключается благодатная жизнь, религиозная природа, сама история и её развитие, и Царство Грядущее.

Булгаков видит необходимость донести до общества именно расширенное понятие церкви. В церкви, как и в религии, важно усматривать не только связь человека с Богом, но и человека с человеческим обществом. Религия, по мнению Булгакова, есть первичная основа социального общества, где экономические, правовые, политические взаимоотношения имеют вторичную природу своего происхождения. Поэтому и созидание мира, по мнению Булгакова, должно осуществляться на религиозной основе, то есть на связи человека с Богом и человека с человечеством, через церковь.

Анализируя связи церкви и государства, сложившиеся на разных этапах исторического процесса, Булгаков указывает на то, что средневековая церковь является противницей государства, стремится подорвать его принципы, отрицает светскую безбожную культуру, стремится к восстановлению общества по образу идеального царства Божия. Так возникает вопрос об отделении церкви от государства. Средневековая церковь стремилась принизить функции государства, укрепить за собой власть над ним и отводила государству лишь задачи внутренней и внешней защиты мира. Булгаков писал: «Вся средневековая церковь есть порыв лететь вверх, превратив камень и свинец в лёгкие крылья, но их тяжесть давит к земле и противится гордому замыслу. И в этом трагедия, серьёзная, глубокая, непоправимая, кладущая печать на эту эпоху. Теократическому идеалу, принудительной церковности противопоставлен был идеал свободной личности и свободной религиозной совести» [2, с. 104].

Следующий этап исторических отношений церкви и государства у Булгакова – это период реформации, который привнёс свои изменения. Реформация отделила церковь от государства и признала её наряду с семьёй, политикой и хозяйством одной из сторон человеческой жизни. Булгаков считает главным недостатком русской церкви подчинение политическим интересам, в этом случае она становится главной опорой самодержавия и теряет свое истинное предназначение.

Как и многие русские религиозные философы – от славянофилов и В. Соловьёва до С. Франка, Г. Флоровского, – Булгаков был глубоко убежден в том, что фундаментом человеческого общества является начало духовное. Он считает, что церковь является мощным источником духовного воздействия, способным изменить общество. Поэтому он считал ошибочным ограничивать область влияния церкви какой-то одной узкой сферой. Причину исторической слабости церкви Нового времени он видел в ошибочном понимании самого понятия церкви как храма, а не как человечества, общечеловечности и культуры.

В.В. Зеньковский, характеризуя философское творчество Булгакова, отметил, что именно у него «впервые была продумана тема о религиозной центральности проблемы хозяйственной активности» [7, с. 230]. В своих трудах по исследованию проблемы общественного идеала Булгаков глубоко затрагивает вопрос о роли и судьбе церкви в истории и в судьбе человека. Церковь у него – это и культура, и общественность, и человечество. Церковь как единый организм должна принимать участие в жизни общества, но делать это на основе свободы как общественного идеала.

Задачу всего христианства Булгаков видел в стремлении к усовершенствованию общественного строя. Именно поэтому вопрос о взаимоотношении Церкви и государства стал одним из основных направлений его работ. Булгаков был убежден в том, что отношения Церкви и государства должны быть основаны на внутреннем их сближении, через внутреннее влияние сферы церковной на сферу государственную, не мерами внешнего принуждения, а на основе духовной свободы. Философско-религиозное мышление должно осознать, по его мнению, Церковь как духовный центр всей культуры и государственности, скрепляющий их воедино. Совершенно очевидно, что Булгаков отдаёт предпочтение божественному началу общественного строя как высшей нравственной истине. Философ занимает теократическую позицию и остается ей глубоко и преданно верен. Никакое государство, по его мнению, не может заменить высшей духовной власти.

Церковь, в представлениях Булгакова, призвана быть духовным началом государства и общества, внутренней святыней, которой живет человечество. Философ считал, что только в Церкви может существовать внутреннее единство общества, его соборность, так как Церковь есть процесс исторического развития, призванный воздействовать духовно на общество и государство в целом. Философско-религиозное мышление начала XX века считало Церковь способной привести в движение государственной общественности. В эпоху сложных исторических реалий Булгаков рассматривал Церковь как один из высших социальных институтов общественного идеала, способного изменить и усовершенствовать жизнь человеческого

общества. В его трудах прослеживается убеждение в том, что православие обладает глубокой верой в возможность и необходимость духовного преобразования человеческого общества через его христианизацию. Поэтому православие способно легко подстраиваться к той или иной политической форме государственного строя и принимать все формы политической жизни. Православная церковь у Булгакова является сферой свободной истины, соборного единства и предания. Государство также есть единство, но не церковного мира: оно черпает основы своей идеологии от Церкви и осуществляет и распространяет эти основы на общественную сферу. В суждениях о Церкви и государстве заключается диалектическое преимущество религиозно-философских подходов С.Н. Булгакова к проблеме общественного идеала.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Русская идея // Самопознание. Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С.11–248.
2. Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – 589 с.
3. Булгаков С.Н. Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвящённая 130-летию со дня рождения, 5–7 марта 2001 г. / сост. М.А. Васильева, А.П. Козырев; ред. О.Б. Василевская, М.А. Васильева. – М.: Русский путь – 2003 – 520 с.
4. Булгаков С.Н. Христианский социализм. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 350 с.
5. Булгаков Сергей, протоиерей. Православие и государство. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.textfighter.org/teology/ortodox/Article/bulgakov_s_pravoslavie_i_gosudarstvo.php (дата обращения: 25.05.2014).
6. С.Н. Булгаков: Pro et Contra / сост. И.И. Евлампиев; ред. Д.К. Бурлака. – Т. 1. – СПб.: РХГИ, 2003 – 1000 с. – (Русский путь).
7. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005. – 368 с.
8. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Ч. 2. – Электронная библиотека Православного гуманитарного университета, 2003 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pstbionline.orthodoxy.ru> (дата обращения: 17.06.2014).

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРАКТАТЕ «О ПОНИМАНИИ» В.В. РОЗАНОВА

В статье эксплицируется гносеологическая концепция раннего Розанова, ведётся поиск адекватного контекста для её интерпретации, выявляются источники, повлиявшие на её формирование.

Ключевые слова: В.В. Розанов, понимание, русская религиозная философия, потенциальность, гносеология.

Центральное место в работе «О понимании» занимает познавательная проблематика, через призму которой здесь рассматриваются также онтологические, антропологические, этические, эстетические, религиозные и другие проблемы, системно скоординированные между собой, вплетённые в общую концептуальную канву сочинения. В основе розановской гносеологической теории лежит, в сущности, очень давняя идея врождённого знания, которую в ново-европейской традиции развивал Г. Лейбниц, следы которой также можно отыскать ещё в древности, если скомпоновать в одно целое учение Платона о припоминании как источнике познания эйдосов и представление Аристотеля о преформациях.

Розанов утверждает, что врождённые знания могут существовать в неявном, потенциальном виде и используются людьми безотчётно, инстинктивно. «Возведение науки к чистому пониманию только проясняет это смутное сознание, и отрицание научности во всём, что не связано с пониманием, только оправдывает это влечение, столь глубоко коренящееся в человеческих инстинктах <...> Оно показывает, что в свободном и чистом проявлении этого инстинкта... и состоит всецело сущность науки» [5, с. 30]. Из этого вытекает, что телесно-эмпирическая природа изначально соприсуща природе разума. Следовательно, внешний чувственный опыт не может служить главным источником познания, являясь лишь стимулом для проявления изначальных потенций разума. Вступая в полемику с эмпиризмом позитивистской философии, Розанов критикует идею *tabula rasa* – пустого сознания, являющегося в мир совершенно свободным от знаний и заполняемого опытом в течение жизни. По Розанову, сознание познающего – это вовсе не равнодушная гипостазированная калька эмпирического опыта: «Если разум лишь пустой восприимчивик впечатлений, если он безжизненная *tabula rasa*, то как понять, что в те далёкие времена, которые мы привыкли считать варварскими, находились люди, предпочитавшие вытерпеть все мучения, чем испытать одно – перестать думать о том, над чем уже исстрадалась их мысль? Где источник этого стремления, если не в разуме? Как может *tabula rasa* желать, чтобы на ней было написано то, а не другое?» [5, с.56].

Критика теории *tabula rasa* во многом воспроизводит антилокковскую позицию Г. Лейбница, изложенную в сочинении «Новые опыты о человеческом понимании» (1704), которую, подчеркнём это, Розанов, по его собственному признанию, не читал в оригинале, но знал только в изложении немецкого историка философии Куно Фишера. По всей видимости, именно из полемики рационалистов и эмпириков XVII века Розанов позаимствовал саму постановку проблемы врождённых идей, придав ей, однако, своеобразное звучание, адекватное традициям русской религиозной философии. Различия между позицией Лейбница и розановской интерпретацией сводятся к тому, что первый осмысляет мир посредством классической дихотомии бытия и (со)знания, рассматривая всякую идею как мысленный образ, а идеальное бытие как отвлечённую абстракцию, для второго же мир идей – живая реальность, непосредственно переживаемая человеком, «проявляющаяся в сознании, но не творимая им» [5, с. 436]. По своей природе и строению, как далее формулирует Розанов, идеи представляют собой «нечто в одно и то же время и идеальное и реальное; идеи – это тела, по своей сущности духовные, по своей ясной определённости ясно осязаемые <...> идеи не представляют собою только состояния сознания, но суть некоторые самостоятельные существа, пребывающие в нём» [5, с. 87].

Вероятнее всего, вслед за Лейбницем (в переложении Куно Фишера), Розанов развивает теорию потенциального знания, согласно которой человеческий дух в каждом познавательном акте, всякий раз заново, воспроизводит весь необъятный множественный мир. При этом познающим началом выступает не субъект, а допредикативный (ускользающий от строгих дефиниций) и дорефлексивный разум (рефлексия начинается только с момента соприкосновения разума с миром вещей). Именно эта потенциальная (бессубъектная) разумность именуется у Розанова пониманием: «Разум есть потенция, в которой предустановлены формы понимания, материал для которого даётся внешним миром, и обладающая скрытою жизненностью, состоящая в стремлении и в способности образовывать это понимание» [5, с. 57]. Тип рациональности, выводимый здесь Розановым, предполагает

детерминированность разума иррациональными факторами, в конечном итоге отсылающими к некому высшему творческому и разумному началу – бытию Бога: «Когда я понимаю, я не имею отношения ни к людям, ни к жизни их; я стою перед одною моею природою и перед Творцом моим; и моя воля лежит в воле Его. В это время Его одного знаю и Ему одному повинуюсь; и всё, что становится между мною и между Творцом моим, восстаёт против меня и против Творца моего» [5, с. 369].

Определив предмет своей книги, Розанов приступает непосредственно к изложению концепции понимания. В рамках этой концепции познавательный процесс представляется отнюдь не в форме традиционной линейной последовательности, но в виде движения по кругу. Связь между актами мышления осуществляется в такой модели не напрямую – от одного умозаключения к другому, но через точку центра окружности, в которую мышление всегда возвращается, чтобы выстроить новый акт. Роль стяжающего и управляющего центра всех схем понимания выполняет потенция идеи чистого существования, которая мыслится в данном случае не как условная фикция, допущение, но как бытие особого рода – чистое можествование, способность познавать мир: «Это есть центр, к которому сходятся все схемы понимания, воспринимающий на себя все первые впечатления внешнего мира и представляющий собою потенцию идеи чистого существования, простую и неразложимую, состоящую в чистой способности образовать эту идею» [5, с. 33]. Процесс понимания осуществляется посредством перманентного удержания в голове идеи чистого существования и постоянного возвращения к ней. Таким образом, насколько можно понять Розанова, изыскующегося зачастую не вполне строго и законченно, развёртывание понимания заключается в предположении (предпонимании) и одновременном овозможнении этого предположения (полном понимании), происходящем в результате постоянного соотношения возникающих догадок, первых проблесков смысла с набрасыванием смысла целого. Так возникает сначала идея чистого существования, которая затем распадается на более частные идеи, соответственно действию схем разума, потенциально заложенных в нём. Этих схем шесть: природы, атрибутов, причинности, сходства и различия, чисел. Соотнося перечисленные схемы с образующимися идеями, коррелятивными сторонам существующего (идеи о сущности бытия, о причине бытия, о цели бытия, о сходстве и различии бытия, а также идеи числа), мы получаем путь познания в виде некоего онто-гипотетического развёртывания понимания: «Всякое ощущение беспросветно, темно для человека, непроницаемо в своём смысле, пока оно не будет возведено к смыслу чего-то, уже ранее присутствовавшего в духе» [4, с. 53].

Философское исследование розановского учения, безусловно, нуждается в восстановлении историко-философского и идейного контекста, к которому его можно отнести. Решение этой задачи сопряжено с той трудностью, что сам Розанов то ли намеренно, то ли в силу отсутствия навыков философского анализа обходит тему связей своей теории с традицией мировой мысли. Поиск интеллектуальных истоков розановской теории понимания ведётся в исследовательской литературе уже не одно десятилетие и, пожалуй, до сих пор не принёс значительных результатов.

Так, Н.Н. Страхов, который первым серьёзно заинтересовался розановской «географией ума» [8, с. 8], сопоставляет её с философией Гегеля, что инициировало продолжительную переписку между двумя философами [4]. Страхов в целом высоко оценил содержание работы, но, однако, как верный приверженец немецких традиций, стремился поместить Розанова с его необъятным мыслительным простором в «тесные» рамки конкретного терминологического пространства немецкого идеализма. Пытаясь прочесть книгу с позиций философии Канта, Фихте и Гегеля, он обнаруживает в розановских категориях логическую и метафизическую платформу, только недостаточно строго и ясно выраженную. Об этом отсутствии профессионализма и пишет Страхов, обращаясь в письме с полемикой к своему молодому другу: «Вы пошли по старым путям, только не столь последовательно как другие, проложившие и разработавшие эти пути. Вы не повторяете именно потому, что не доводите Вашей мысли до конца, или недостаточно строго её ставите» [4, с. 127].

Вслед за Страховым в качестве гегельянского сочинение также рассматривает ряд исследователей. В их числе современники автора Ф.Э. Шперк, Д.И. Чижевский и другие. Чижевский включил Розанова в длинный список последователей Гегеля в России [7]; А.Ф. Шперк даже считал себя продолжателем Розанова, выстраивая диалектику в гегелевском духе [8]. Из исследований постсоветского периода версия гегельянства проводится в работе С.В. Пишуна. Ему представляется очевидным влияние на раннего Розанова объективного идеализма Гегеля: «русский мыслитель, как и любой немецкий философ, развивает свою систему категорий всех наук, исходя из единого принципа» [3, с. 38]. Понимание и есть такой научно-познавательный принцип, дающий относительную целостность методологии и классификации наук, соединяющий в себе онтологический и гносеологический аспекты. Розанов поставил задачу – создать из разрозненных специальных наук на основе общего принципа понимания общую, охватывающую всю целостность знания, единства и разнообразия мира науку, и этот замысел опять же возводится Пишуном к Гегелю, а также к Канту: «У Гегеля категории развёртываются в учение о бытии, о сущности

и далее у него выступает основная категория – Понятие, у Розанова же в начале следует наука (или идея) о чистом бытии, затем наука о сущности и идея свойств (атрибутов), что указывает на некоторое сходство системы понимания и абсолютного идеализма Гегеля» [3, с. 38].

Действительно, если рассматривать учение Розанова в контексте классической традиции, то искать в нём нечто оригинальное и самоценное лишено какого бы то ни было смысла. Не составляет труда обнаружить здесь те или иные типологические черты классической новоевропейской метафизики – тот же монизм, сводящий систему знаний к единому первопринципу, те же жёсткая детерминированность внутренней логики и линейная последовательность изложения, та же тотальная схематизация реальности постигаемого мира и т.д. Однако всё перечисляемое характеризует книгу лишь с формальной стороны и не даёт ничего для интерпретации её содержания. Более того, версия гегельянского происхождения розановского учения сводится на нет показаниями самого философа. «Германский идеализм», – что... Едва ли бы я к нему примкнул, или с ним слился, если бы его и узнал, – пишет он с изумлением, комментируя письмо Страхова. – Дело в том, что Страхов не совсем понимал книгу «О понимании», и я это чувствовал всё время знакомства с ним, и не совсем понимал так сказать философскую часть моего духовного организма, накладывая на него некоторые свои схемы а-приори взятые из этого германского идеализма. Он во мне искал Гегеля или части Гегеля, тогда, как во мне не было ничего этого и вообще никакой части немца...» [4, с. 9].

Таким образом, очевидно, что поиск адекватного розановским идеям интеллектуального контекста должен вестись с принципиально иных позиций. Такую исследовательскую перспективу открывает подход, выводящий философию Розанова за рамки его локальной эпохи и помещающий её в контекст большого исторического времени. И здесь, прежде всего, в силу самоочевидности, учение раннего Розанова может быть сопоставлено с теориями тех западных мыслителей, которые возводили понимание в статус фундаментальной категории культуры XX века.

В первую очередь учение Розанова вызывает ассоциацию с концепцией понимания В. Дильтея. В одном из разделов розановской работы содержится общее размышление о природе и методах исторического познания, наук о духе в целом. Здесь проводится мысль о том, что настоящий историк должен «отразить в своём духе дух всех народов и пережить с ними все времена; <...> всему отдавая столь же искренно и глубоко, как отдавался в различные эпохи своей жизни сам человек, – это требует такой всеобъемлемости духа, о какой даже приблизительного понятия не дала нам история» [5,

с. 607]. Именно в этом небольшом фрагменте прослеживается сходство розановских размышлений с герменевтической концепцией Дильтея, в которой понимание постулируется как специфический метод общественнознания, представляющий собой процедуру вживания, вчувствования в мироощущение человека прошедших эпох.

В розановском учении можно обнаружить большое число мотивов и идей, роднящих его и с философией Хайдеггера. Об этом сходстве с волнением писал В.В. Биbihин: «Пророчество Розанова о будущем “изучении сторон бытия независимо от бывающих вещей”, – отмечает он, – буквально осуществилось в философии Хайдеггера...» [1, с. XIII]. Действительно, опередив Хайдеггера на десятилетия, Розанов поставил проблему понимания как способа бытия, живого знания, и это уже в большей степени сближает его гносеологическое учение с онтологической герменевтикой Хайдеггера, нежели с герменевтикой как теорией гуманитарного познания, разрабатывавшейся Дильтеем.

Ещё одна параллель, которую необходимо провести, позволяет соотнести подходы к проблеме понимания у Розанова и М.М. Бахтина. Розановская мысль уже рассматривалась в контексте философии участника Бахтина исследователем А.А. Медведевым, в диссертационной работе которого прослеживается некая внутренняя логика русской философии, связывающая имплицитно позиции двух мыслителей, а также указывается, что одной из определяющих черт этой логики является недоверие к интеллектуальному познанию [2]. И Розанов, и Бахтин говорят примерно об одном: теоретическое познание имеет хоть какую-то ценность только в той мере, в какой оно причастно к конкретно переживаемой, единственно данной исторической ситуации. По Розанову, «то знание ценно, которое острой иглой прочертило по душе. Вялые знания – бесценны» [6, с. 206]. Возможно, в этом пренебрежении к интеллекту следует искать причину той простоты и необязательности теоретической конструкции и фактографического наполнения книги «О понимании», которая вызвала раздражение критиков, увидевших в ней лишь пародию на европейский рационалистический дискурс.

Библиографический список

1. Биbihин В.В. Время читать Розанова // Розанов В.В. Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М.: 1996. – С. IX–XXV.
2. Медведев А.А. Эссе В.В. Розанова о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом (проблема понимания): дисс. ... канд. филолог. наук. – М.: МГУ, филологический ф-т, 1997. – 222 с.
3. Пишун С.В. Социальная философия В.В. Розанова. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1993. – 152 с.

4. Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. – М.: Республика, 2001. – 368 с.

5. Розанов В.В. Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М.: Танаис, 1995. – 808 с.

6. Розанов В.В. Уединённое. – М.: Политиздат, 1990. – 543 с.

7. Чижевский Д.И. Гегель в России. – СПб.: Наука, 2007. – 410 с.

8. Шперк Ф.Э. Рец. на кн.: Розанов В.В. Красота в природе и её смысл. М., 1895 // Новое время. – 1896. – 8 янв. – С. 8.

УДК 1(091)(470)

Павлюченков Николай Николаевич

кандидат философских наук

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)

prav1905@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

В статье приводятся некоторые примеры, свидетельствующие о глубоком внутреннем единстве раннего и позднего религиозно-философского наследия П.А. Флоренского. Особое внимание обращается на источник этого единства – внутренний мистический опыт русского философа, который привел его в Православную Церковь. При этом в Церкви Флоренского интересовало, прежде всего, самое главное, что реально воздействует на внутреннюю жизнь и состояние человека, – богослужбная практика. Отмечается, что именно с опытом познания жизненной необходимости для человека религиозного культа связана вся творческая деятельность П.А. Флоренского.

Ключевые слова: священник Павел Флоренский, символ, цельное знание, религиозный культ, внутренний опыт.

В наследии священника П. Флоренского достаточно четко выделяются две разработки, отражающие хронологические этапы его религиозно-философского творчества. Это – сравнительно ранняя софиология, обозначенная в «Столпе и утверждении Истины» (1914), и поздняя философия символа, присутствующая в лекциях конца 1910-х – начала 1920-х гг. На первый взгляд, между ними мало общего, и существует представление о том, что в поздний период Флоренский отказался от ряда своих прежних, основополагающих концепций [3, 497; 11, 5]. Но сам Флоренский так не считал и даже, более того, настаивал на глубокой целостности своих исследований. Например, в одном из писем он фактически утверждал, что в его трудах нет разных концепций, а есть лишь разные точки зрения, разные подходы при постановке одних и тех же целей и задач [2, с. 180–181]. В «Воспоминаниях» он также отмечал, что всю жизнь, с самого начала, думал только об одном – о проблеме символа [5, с. 154–155]. Суть этой проблемы заключается в осознании и понятийном выражении имеющегося вполне определенного и несомненного личного опыта, описанием которого наполнены многие страницы «Воспоминаний». Данный опыт кратко может быть обозначен как ощущение глубокого единства мироздания при «просвечивании» или «проявлении» в объектах этого, видимого, мира иных, высших сфер бытия.

Флоренский столь ярко описывает переживания и ощущения раннего детства и юности, столь глубоко и емко фиксирует те моменты, которые, по его убеждению, формировали его будущее целостное мирозерцание, что его «Воспоминания»

в этом отношении становятся главным аргументом в пользу представления о глубокой внутренней связи всех работ русского мыслителя. Становясь же предметом соответствующего анализа, записи «Воспоминаний», естественно, возбуждают вопрос, в какой мере они выражают действительно опыт изначальный, опыт детства и юности, а не являются «наведенными» не только опытом уже зрелых лет, но и различными влияниями, испытанными автором в процессе обучения, изучения литературы и прочих моментов образования и самообразования. Ведь эти влияния часто, по крайней мере внешне, представляются почти несомненными, а Флоренский настаивает на том, что все знание в его жизни «было преобразовано в опыте самом раннем, и, когда сознание осветило этот опыт, оно нашло его уже вполне оформленным, почкою, полною жизни и ждущею лишь благоприятных условий распуститься» [5, с. 74].

Подобные проблемы, так или иначе, встают перед исследователем творчества Флоренского и требуют своего разрешения тем более, чем яснее и настойчивее этот русский философ, ученый и богослов обнаруживает свое стремление к «цельному знанию». В двух других случаях аналогичного стремления мы имеем явную творческую эволюцию – от западной философии к Св. Отцам у И. Киреевского и от принятия мистического опыта «всеединства» к его радикальному переосмыслению у В. Соловьева. Если бы удалось показать, что Флоренский действительно всю жизнь лишь всесторонне осмысливал некую единую основополагающую данность, это, по крайней мере, послужило бы поводом обратиться на саму эту данность гораздо больше внимания. Во всяком случае, кон-

цепция «цельного знания» Флоренского обрела бы тогда некоторую особую значимость в глазах исследователей.

Конечно, прежде всего, можно указать на то, что обращение Флоренского к проблеме символа действительно фиксируется уже в самой ранней его переписке с А. Белым (1904–1905 гг.) [8, с. 464], а также в датированной июнем 1904 г. работе «Эмпирея и эмпирия» [10, с. 401]. Не является здесь исключением, конечно, и «Столп и утверждение Истины», в котором, например, память определяется как творческий процесс создания «во Времени символов Вечности» [9, с. 201]. Можно привести и другие примеры, которые покажут, что идея символа действительно была руководящей во всей философской, богословской и научной деятельности Флоренского. Но в данном случае представляется более целесообразным попытаться увидеть действительно внутреннее, живое единство «раннего» и «позднего» Флоренского на более глубоком уровне – там, где он нашел для себя «оправдание» своего собственного, и не всегда однозначного, личного мистического опыта. Это – учение, а более всего – *практика* Христианской Церкви.

Яснее всего единство и последовательность ранних и поздних работ Флоренского проявляется в преемственности решения основных вопросов, обозначенных им в рамках «теодицеи» и «антроподицеи». А это – те самые вопросы, которые напрямую связаны с опытным переживанием некоего существенного внутреннего «беспорядка» в человеке – опасной духовной ситуации, из которой нужно искать выход. И выход был найден Флоренским в религии, а точнее – в Российской Православной Церкви того периода, где за «тысячами недостатков», по ту сторону, как казалось, «выдохшихся символов» ему «открылась жизнь..., открылась безусловно святая сердцевина». «И тогда я понял, – писал он А. Белому, – что уже не выйду оттуда, откуда увидел все это...» [8, с. 470].

Уже в 1905 г. молодой Флоренский намечает определенную программу деятельности – «выращивать» обнаруженное в Церкви «святая зерно» и доводить его до «мистерий» [8, с. 470]. По существу, эта же программа уже более зрелым автором конкретизирована в письме В.А. Кожевникову в июле 1912 г. В нем обозначены три «ступени развития» – от «очищения» через «научение» к «действию». Ступень «научения» составляют разработки «теодицеи» и «антроподицеи», а последняя постепенно переходит в «действие» – «мистерию», до которой еще нужно «очень расти» и «очень много страдать» [1, с. 829]. Изучение трудов Флоренского, как кажется, не оставляет сомнений в том, что в обоих вышеуказанных случаях под «мистериями» он понимал всестороннюю деятельность по преобразению человека и мира, в центре которой, как источник всех преобразующих сил, стоит цер-

ковное богослужение и его средоточие – церковные таинства. Вокруг этой цели Флоренский строит не только всю свою религиозно-философскую деятельность, но и саму свою жизнь: в 1911 г. он принимает священный сан и остается верным ему даже в самый тяжелый период ссылки и лагерей 1933–1937 гг. Здесь, как представляется, и может открыться исследователю подлинный Флоренский, со всем единством его мировоззрения, внутреннего опыта и религиозно-философских трудов.

В «Воспоминаниях» Флоренский пишет о глубоко внутреннем единстве мира при всем внешнем разнообразии: «растения, камни, птицы, животные, атмосферные явления, цвета, запахи, вкусы, небесные светила и события в подземном мире сплетаются между собою многообразными связями, образуют ткань всемирного соответствия» [5, с. 86]. Открываются эти «тайные узы» мироздания особым «мистическим» опытом, доступным человеку в раннем детстве или в особом состоянии экстаза. В детском восприятии, по убеждению Флоренского, весь мир пронизан жизнью; таинственное мерцание жизни можно уловить в самой обычной раковине, в отточенном морскими волнами камне [5, с. 59]. И само море – «живое и таинственное существо» [5, с. 56].

Вместе с тем далеко не все так однозначно и благостно в этих глубоких мистических ощущениях. Другой опыт – детское впечатление от фонтана искр, летевших от точильного колеса, – показал, что миг глубокого слияния человеческого существа с природой является упоительным и одновременно страшным [5, с. 32–33]. Природа на своей таинственной, сокрытой глубине несет человеку какую-то угрозу, которая как-то связана со столь же глубоким и сокровенным внутренним «беспорядком» в самом человеке. Флоренский пишет о пережитых в детстве мистических «ужасах», спасение от которых, как он также ощутил, обретается в религии [5, с. 145]. Задержанное в детстве светским воспитанием, свое обращение к религии он расценивал как закономерное следствие внутренних переживаний и поисков. Религия оказалась внутренней потребностью и именно поэтому не могла для Флоренского быть чистой «теорией», отвлеченной догматической доктриной. Религия – это, прежде всего, конкретное *воздействие* на внутренний мир человека, которое Флоренский пережил в православном церковном богослужении. Этим и определилась вся его дальнейшая жизнь и творческая деятельность.

В марте 1914 года, в речи перед защитой магистерской диссертации в Московской духовной академии, Флоренский выразил своё понимание главной задачи религии, или того основного «дела», которое она призвана осуществлять. Он изложил свою концепцию «теодицеи» и «антроподицеи» – «двух моментов» или «двух путей», слагающих

религию. Бесспорным, с точки зрения о. Павла, является призывание религии *спасать* человека, водворять мир в человеческой душе. «Спасение» – это спасение человека от самого человека, вернее, от таящегося в его внутреннем мире хаоса, от геены, «языки которой, прорываясь сквозь трещины души, лижут сознание» [4, с. 818]. Религия «улаживает душу» [4, с. 818], чем и доставляет ей спасение. Теодицея и антроподицея должны с разных сторон показать, каким образом это происходит.

Теодицея – это «путь восхождения», путь «испытания» человеком Бога [4, с. 819]. Она должна показать, каким образом человек убеждается в Боге действительно как в Спасителе. Этот путь более лёгкий, преимущественно теоретический. С духовной практикой по преимуществу сопряжён путь обратный – антроподицея, «путь нисхождения». Здесь человек испытывает себя и находит, что он нуждается в спасении и в Спасителе. Антроподицея должна ответить на самый важный практический вопрос религии: «какими путями человек принимает Божие спасение в себя и спасается своим Спасителем» [4, с. 819].

Эти два «пути» религии Флоренский напрямую соотносит с двумя этапами своего собственного творчества, то есть с уже намеченной программой целостных исследований. Результатом этапа «теодицеи» явился «Столп и утверждение Истины» (1914); этап «антроподицеи» не был Флоренским завершен, но во многом нашел свое выражение в поздних лекциях 1918–1922 гг. При внимательном рассмотрении между этими этапами может быть обнаружена глубокая внутренняя связь, выявляющая не просто преемственность позиции и даже не только *развитие* исследований в том или ином направлении. Как представляется, мы действительно здесь имеем дело с переходами на разные уровни рассмотрения одной и той же данности, которая таким образом лишь выясняется, облекаясь в соответствующие понятия. И эта данность – переживание жизненной необходимости для человека религиозной культовой практики. Флоренский постоянно находится в творческом поиске, но это – лишь поиск адекватного выражения того, что уже дано в опыте.

Так, очевидно, еще в университетский период (1900–1904) Флоренский обратил внимание на то, что современная психология наблюдает процесс разложения души. Этот процесс он определяет как начало духовного, онтологического распада личности, предел которого довольно ясно обозначен им в главе «Геенна» в «Столпе» [9, с. 238–244] и в более позднем «Иконостасе» [7, с. 92]: в человеке происходит разрыв связи между двумя мирами, когда эмпирическая (феноменальная) оболочка окончательно отсекается от своей ноуменальной основы и превращается в чистую субъективность. В «Столпе» (теодицея) и в «Философии культа»

(антроподицея) Флоренский смотрит на это с *разных* точек зрения. С точки зрения теодицеи, здесь речь идёт о потере личности самой себя вследствие её желания самоутвердиться без Бога [9, с. 173]. С точки зрения антроподицеи, человек теряет «свидетельство наличия в себе какой-то точки опоры, своего ноуменального ядра». И Флоренский показывает, что эту твёрдую точку опоры человеческого Я устанавливает религиозный культ. Культ есть «условие личности», и, таким образом, определения культа и условия целостности человека, реализации человеческого Я как личности – совпадают. Это – «единство трансцендентного с имманентным, умного и чувственного», «условного и безусловного», «дольного и горнего» [6, с. 89, 107, 127]. В религиозном культе происходит «встреча» этих двух реальностей [6, с. 99].

Таким образом, внутренний разлад в человеке – прямое следствие секуляризации, внекультового устройства образа жизни. Но раньше этого, в качестве определяющей причины разлада, выступает утрата ориентации на Бога как на высшую ценность. Подлинное стремление быть с Богом глубоко онтологично; здесь не может быть никакого удовлетворения лишь номинальной «религиозностью». И это также – не оккультный запрос на достижение «познания высших миров», а результат совсем иного опыта – опыта хождения по краю онтологической бездны и обретения в Боге единственно возможной «точки опоры». Стремление к освящению человеческой природы в религиозном культе – естественная потребность того, кто ощущает невозможность встречи с Богом в своем наличном, «разлаженном» состоянии.

Всё «внекультовое», – говорит Флоренский («Култ и философия», 1918), – есть «не-бытие, тьма внешняя, т. е. вне Бога». Это – «геенна», очевидно, в том же смысле, в каком данное понятие раскрыто в «Столпе» – чистая субъективность, лишённая подлинной реальности. Это – «тьма», «ибо не просвещена светом Истины» [6, с. 135]. В другой лекции («Освящение реальности», 1918) указывается, что «в культе вещи мира восходят к царству Света... Точки встречи того и другого – Таинства... Таинства – это изъятые из повседневности участки повседневности. Эти вырезки перестали быть тем, чем они были. Они сделались *иными* миру» [6, с. 152]. Таким образом, в культе земное просвещается небесным Светом и получает от Него онтологическую устойчивость, то есть исполняется подлинным бытием. Фактически речь идёт о «формировании» (или, вернее, раскрытии, обнаружении) в культе священного пространства-времени, противоположного всему остальному бытию, которое вне культа рассматривается как бытие неподлинное и мнимое.

Но ведь именно такая священная, «развернутая» в Божественной Вечности, реальность в «Столпе»

была названа Софией (см. [9, с. 348–350]). Попытка понятийного, философско-богословского выражения факта существования этой реальности, по сути, и составляет центральную концепцию «Столпа». Присутствующая здесь собственно софиология – лишь внешнее (во многом – эстетическое, декоративное) оформление этой концепции. На этапе антроподицеи, выражая реальность освящения (обожения) твари через категорию Божественной энергии (а не Божественной Сущности, как в «Столпе») и обратившись непосредственно к теме «мистерий» – церковного богослужения, Флоренский уже не привлекает Софию к рассмотрению. Теперь можно только домысливать, в какой мере София участвовала бы у Флоренского в итоговом синтезе, но представляется несомненным, что в его отказе от софиологии на позднем этапе творчества не следует видеть каких-либо радикальных мировоззренческих трансформаций. Во всяком случае, София появляется в своем религиозно-философском аспекте у Флоренского еще только раз – в «медитации» 1919 года – «Небесные знамения», где, опять же, выступает лишь элементом внешнего оформления идеи «перехода» от нетварного к тварному [10, с. 281–282]. Флоренскому не удалось в своих концепциях окончательно преодолеть идею необходимости «тварно-нетварного» посредства между Богом и миром. Но это – отдельный вопрос для исследования. Здесь же важно подчеркнуть одно самое важное обстоятельство. Есть опыт реальной встречи человека с Богом, приводящий в Христианской Церкви к онтологическому преображению и обожению тварного естества; это – главное, на чем Флоренский неизменно стоит и чему ищет и находит разносторонние способы концептуального выражения.

Приведенными здесь примерами и соображениями, конечно, не ограничивается совокупность свидетельств, подтверждающих вывод о Флоренском как «целостном» мыслителе, который именно в христианском церковном мировоззрении увидел основу для построения будущей системы «цельного знания». Достаточно ли «точно» отвечали соборному опыту Церкви *все* отдельные нюансы его личного опыта – это другой вопрос и также тема

отдельного исследования. Но сам Флоренский засвидетельствовал в начале творческого пути свое убеждение в том, что в «церковном католическом христианстве» ему *дано* «абсолютное мировоззрение» [10, с. 369–370], и не изменил ему на протяжении всей жизни, даже внешне, до самого конца.

Библиографический список

1. Андроник (Трубацев), игум. Из истории книги «Столп и утверждение Истины» // Флоренский П.А. Сочинения. – Т. 1(2). Столп и утверждение Истины. – М.: Правда, 1990. – С. 827–837.
2. Андроник (Трубацев), игум. Теодицея и антроподицея в творчестве священника Павла Флоренского. – Томск: Водолей, 1999. – 191 с.
3. Георгий Флоровский, прот. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – 599 с.
4. Павел Флоренский, свящ. Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги: «О Духовной Истине». Москва, 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 г. // Флоренский П.А. Сочинения. – Т. 1(2). Столп и утверждение Истины. – М.: Правда, 1990. – С. 817–826.
5. Павел Флоренский, свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. – М.: Московский рабочий, 1992. – 533 с.
6. Павел Флоренский, свящ. Из богословского наследия // Богословские труды. Сб. 17. – М.: Издательство Московской Патриархии, 1977. – С. 87–248.
7. Павел Флоренский, свящ. Иконостас // Павел Флоренский, свящ. Избранные труды по искусству. – М.: Изобразительное искусство, 1996. – С. 75–198.
8. Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 670 с.
9. Флоренский П.А. Сочинения. Т. 1(1). Столп и утверждение Истины. – М.: Правда, 1990. – 489 с.
10. Флоренский П. Христианство и культура. – М.: Фолио, 2001. – 633 с.
11. Хоружий С.С. Обретение конкретности // Флоренский П.А. Сочинения. Т. 2. У Водоразделов мысли. – М.: Правда, 1990. – С. 3–12.

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИДЕОЛОГИЮ В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ XX СТОЛЕТИЯ

С позиции социально-исторической ретроспективы в данной публикации была произведена оценка глубины философской мысли в целях осознания содержательных различий взглядов на идеологию между отдельными отрезками исторического времени прошедшего столетия.

Ключевые слова: идеология, миропорядок, социально-историческое развитие, философские концепции, эволюция взглядов.

Двадцатый век является одним из самых насыщенных событиями периодов в истории человечества, где социальные трансформации происходили практически каждое десятилетие.

Этот век характеризуется противоречивыми процессами, вобравшими в себя взлеты и падения, революции и контрреволюции, мир и войны. Произошедшие перемены затронули и изменили самые разные сферы бытия – отношения между обществом и планетой; характер взаимоотношений между государствами и между разнородными социальными силами; сферу нравственных отношений, семейные устои и многое другое.

На фоне таких явлений сложилось новое объяснение реальности, сопровождающееся формированием и соперничеством новых оригинальных философских концепций относительно феномена идеологии.

Цель данного исследования направлена на анализ мировоззренческих учений относительно феномена идеологии в социально-исторической ретроспективе XX века. В данной публикации акцент сделан на наиболее ярких представителях философской мысли, труды которых вызвали наибольший резонанс в политике, социологии, философии и других смежных областях научного знания и не потеряли своей актуальности в настоящее время.

Одним из наиболее фундаментальных философских исследований идеологии стала работа Карла Мангейма «Идеология и утопия» [4], увидевшая в свет конце 20-х годов XX столетия. Мангейм делает ряд решительных шагов в сторону от классической марксистской традиции, с одной стороны, а с другой – выступает как один из основателей новой традиции, получившей название «социологии знания», или, по классификации Джона Томпсона, – «нейтральной концепции идеологии». Мангейм отстаивал идею социально-исторической обусловленности форм сознания, но, в отличие от последнего, не противопоставлял сознание и идеологию пролетариата идеологиям других социальных групп по шкале «истина-ложь».

Мангейм попытался, по сути, реанимировать проект «отца идеологии» Антуана Дестютта де Траси, а именно – разработать «основания соци-

ального знания» и «органон для научного построения политики» [4].

С точки зрения Мангейма, идеология должна была компенсировать трудящимся массам страдания, которые они переносят в реальном мире, и блаженство должно наступить в загробной жизни. Для него был характерен существенный скептицизм, который был связан с оценкой социальной значимости идеологии. По мнению Мангейма, «в самом слове “идеология” содержится понимание того, что в некоторых ситуациях коллективное бессознательное определенных групп затуманивает реальные условия общества, как для себя, так и для других, и таким образом стабилизирует их» [4, с. 56].

Обозначенное коллективное бессознательное экистирует аксиологически, что фактически приравнивает идеологию к ценностной ориентации членов общества. Он считал, что содержание идеологии включает недоступные бытию представления, которые никогда не смогут воплотиться в социальной действительности. Мангейм считается автором социологического термина «идеологическое сознание», с характерной для него сложностью содержания [4, с. 85].

Используя методы социологии знания, Мангейм изучил корни идеологий и утопий, их содержание и основные формы. Важно отметить, что принципы, которые легли в основу его методов исследования, позволили подойти к феномену идеологии с новых взглядов, в которых идеология, с позиции научного анализизма, стала представлять непосредственный объект беспристрастной оценки.

Заслуга Мангейма состоит в том, что он впервые в истории политической науки теоретизировал учение об идеологии, поместил его в строго очерченные рамки. При этом он выявил исторические формы идеологий, разработал их классификацию, изучил политические функции идеологий, раскрыл истоки различных форм идеологического сознания и закономерности их развития.

Важно подчеркнуть, что труды Мангейма в этой области сопровождались богатым фактическим материалом и конкретными историческими примерами. Благодаря такому подходу, Мангейм в западной политической науке занял место одного

из основоположников позитивистского направления в исследовании феномена идеологии.

Следующая концепция – «кризиса культуры и его преодоления» – предложена испанским философом и социологом Хосе Ортегой-и-Гассетом. Одними из наиболее известных его работ являются «Восстание масс» и «Дегуманизация искусства».

В исследованиях испанского философа идеология выступает формой бытия общественной власти, где главным ее элементом является великая национальная идея, которая способна сыграть в жизни народа роль живого и созидательного начала, раскрыть перед обществом исторические перспективы, обеспечить его целостное творческое бытие в течение продолжительного времени.

Государству, как отмечает советский историк философии А.Б. Зыкова, Ортега-и-Гассет отводил роль «постоянно функционирующего идеологического механизма, а идеологию сравнивал со смазочным маслом, необходимым для функционирования машины» [3, с. 32].

В культурологическом учении Ортеги-и-Гассета, с позиции идеалистического ракурса, поставлен вопрос о мировоззренческом базисе жизни человека, с попытками выяснить, в каких слоях сознания человека он заложен. Указывая на появление большого числа идей, не укорененных в сознании человека, не воспринимаемых им в качестве составляющих его жизненную реальность, он констатировал кризис буржуазного мировоззрения и идеологии. Для него отсюда следовал вывод о необходимости обращения не к системе идей, научно исследующих проблемы существования человека в современном мире, а к идеям, неотрывным от человеческой жизни. Он выделяет особые идеи-верования и указывает, что сам предполагал поиск основы мировоззрения в слоях человеческого сознания, которые приближены к обыденному сознанию. Другими словами, совокупность идей, обладателем которой является человек до начала научного осознания им мира, эквивалентна «жизненному разуму» [2, с. 36].

Другое направление – дискурсивные исследования, – получившее широкое распространение в современных науках, исторически наследуют интеллектуальный потенциал французской философии 60-х годов XX века. Одним из основоположников данного подхода является французский ученый, бывший одно время учеником Луи Альтюссера, Мишель Фуко. На становление взглядов Фуко серьезно повлияло, во-первых, увлечение западных интеллектуалов 60-х годов марксизмом, во-вторых, осознаваемое как кризис положение во французском обществе конца 60-х годов и, в-третьих, стремление шагнуть за грань существующих социальных наук, которые вслед за представителями Франкфуртской школы (Адорно, Хоркхаймер, Маркузе и др.) понимались Фуко

в качестве инструмента обеспечения господства – и не более.

Фуко довольно неохотно использовал термин «идеология», практически отказавшись от него в дальнейшем, но именно он предложил новый эпистемологический «ход конем», попытавшись преодолеть дихотомию «истина – ложь» (непосредственно связанную с традиционным пониманием идеологии) через понятие «режим истины». Данный концепт характеризовал относительность любого социального знания и «снял» проблему «правильности или неправильности» знаний применительно к теоретическому анализу социальных явлений.

В общем, представления о тесной взаимосвязи терминов «дискурс» и «идеология» были известны и раньше. На это неоднократно указывали и советские лингвисты В.Н. Волошинов и М.М. Бахтин. Например, Волошинов считал дискурс идеологичным в том плане, что он возникает между социально организованными индивидами и не поддается пониманию вне контекста породившей его общественной ситуации [9].

Через понятия «эпистема», «режим истины» и «дискурс» Фуко развивает идею Альтюссера, касающуюся материальности идеологии, локализуя данную материальность в дискурсивной практике. Более того, Фуко выступает как «ультра-материалист», категорически отрицающий существование «идеальной сферы» в жизни общества. Для него нет ни истины, ни лжи, ни сознания, а есть лишь дискурсы, производящие «режим истины». В конце 60-х – начале 70-х годов Фуко вслед за Альтюссером и леворадикальными социологами искал свой путь в борьбе против доминирования «буржуазной культуры».

Философские воззрения на идеологию конца XX века ознаменованы рождением и других концепций, связанных с трансформацией социалистической системы общества в СССР и странах Варшавского договора (Чехословакия, ГДР, Румыния, Югославия, Польша, Венгрия) в 80-х – 90-х годах. Произошедшие события повлекли изменение мирового порядка, фундаментом которого было противостояние социалистических и капиталистических систем. Вышеуказанные социальные трансформации послужили следствием рождения новых взглядов на сам феномен идеологии.

Данный итог, вопреки западным «пророкам», предвещавшим такой исход, стал явной неожиданностью в кругах аналитиков. Либеральные экономисты, питавшие надежды перестройкой, смотрели оптимистично на будущее горбачевского Советского Союза: даже наиболее искушенные советологи, и самый авторитетный из них – Збигнев Бжезинский, не ожидали, что их объект исследования исчерпает себя столь быстро.

Возникла острейшая необходимость в оперативном осмыслении не только того, почему это

произошло, но и того, какие открываются новые перспективы мирового развития, с какими новыми вызовами придется столкнуться победителям в «холодной войне». При всех атаках, обрушенных на Френсиса Фукуяму и Самуэля Хантингтона, их подходы являли концентрированное выражение тех ожиданий и опасений, которыми были охвачены не только академические круги, но и широкая общественность.

Этим объясняется результат стремительной популярности Фукуямы после появления его статьи «Конец истории?» [6]. Опираясь на объяснения конца истории Гегеля и Кожева, он заключает, что либерализм и либеральные институты (главенство закона, представительская демократия и рыночная экономика) приобретают универсальное значение; он выдвинул тезис о полном разрешении основного конфликта «холодной войны» – конфликте двух идеологий: коммунизма и либеральной демократии. Коммунизм потерпел поражение в этом противостоянии – и это послужило появлению новых перспектив для установления демократических принципов во всем мире.

В этом ключе представляет интерес его другая работа «Конец истории и последний человек», изданная в 1992 году [7]. Данный труд может восприниматься обществом в качестве попытки представить критическое описание коммунистического типа общества. Помимо этого, его можно понимать как демонстрацию полного спектра преимуществ демократического строя, благодаря которому произошли существенные изменения в странах бывшего социалистического лагеря, а также возможность составить прогноз их будущего развития.

Фукуяма, в целом, теоретически выразил и политически обосновал убежденность в отношении будущего после завершения «холодной войны». Анализируя процессы реформ в Советском Союзе и Китайской Народной Республике, изменения в интеллектуальном климате этих двух стран и отмечая происходящие перемены в других регионах, он заключает, что произошедшие трансформации есть не просто конец «холодной войны» или окончание какого-либо послевоенного периода – наступает конец истории как таковой. Конец истории, по Фукуяме, выливается в «окончание идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии, как окончательной формы человеческого правления» [6, с. 111].

В соответствии с его теорией, сообщества, не являющиеся западными, в этом смысле являются лишь будущей проекцией западных ценностей.

В «Конце истории» происходит акцентуация исчерпанности систематических альтернатив Западу, ведь именно Запад на сегодняшний день остается сообществом, авторитет и мораль которого превосходят подобные показатели других участни-

ков мировых отношений; это указывает вектор глобального распространения западных ценностей, вне зависимости от того, приветствуется это или нет другими акторами системы международных отношений.

Как вывод, своей теорией Фукуяма продемонстрировал собственную приверженность ценностям западного сообщества. Поэтому не стоит приходить к удивлению, что концепция «конца истории» была подвергнута критике как идеалистическая и несколько упрощенная.

Труд американского политолога и геополитика Самуэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [8], вышедший в свет в 1993 году, вызвал ряд острых дискуссий, обозначив резонанс в геополитической науке. В фокус Хантингтона попала вступающая в новую фазу мировая политика – отсюда возникновение плюрализма перспектив, какой облик она приобретет: будет ли это конец истории, возврат к традиционному соперничеству между нациями-государствами, упадок наций и государств под напором разнонаправленных тенденций, таких как трайбализм и глобализм.

Основная идея теории Хантингтона заключается в обозначении главенствующей роли не экономики или идеологии, но культуры как основного источника конфликтов. Эту тенденцию он иллюстрирует примером роста связей между Китаем, с одной стороны, и Сингапуром, Тайванем и Гонконгом плюс заморскими китайскими территориями в иных странах Азии – с другой. С окончанием «холодной войны» общность культуры постепенно вытесняет идеологические различия: при этом нация-государство остается главным действующим лицом на международной арене, но наиболее существенные конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к различным видам духовной и материальной культуры.

Доминирующим фактором мировой политики становится столкновение цивилизаций. Линии разлома между ними – есть линии будущих фронтов. Данные конфликты неизбежны, считает автор «Столкновения цивилизаций», на что имеется ряд причин: географический фактор и идентичность цивилизаций, соседство которых приводит к их противостоянию и даже конфликтам между ними. Эти конфликты обычно происходят на стыке рубежей цивилизаций или на аморфно очерченных границах. Иногда эти конфликты можно предвидеть исходя из логики развития и взаимодействия цивилизаций.

По Хантингтону, облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия 7–8 крупных цивилизаций: западной, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, православно-славянской, латиноамериканской и, опционально, африканской. Конфликты будущего,

и самые значительные из них, развернутся по линиям разлома между обозначенными выше цивилизациями.

Таким образом, проведенный анализ убедительно показывает, что западная философия XX века вошла в историю с отличающим ее многообразием взглядов относительно идеологии. В основе идеологии лежат знания, идеи, взгляды, ценности, нормы, идеалы, цели, убеждения, которые могут быть рассмотрены с позиций различного научного знания, таких как социология, политология, культурология и др. Многие из представленных философских концепций ушедшего столетия продолжают жить и развиваться в соответствии с современными реалиями. Кроме обозначенных в данном исследовании философских концепций того периода, получили свое развитие такие взгляды, как неотрейдизм, неопозитивизм, экзистенциализм, феноменология, тоцизм. В более поздний период прошедшего столетия самоопределяются такие школы, как рационализм, франкфуртская школа, структурализм и др., которые также представляют несомненный интерес для их изучения и могут являться объектом дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Ачкасов В.А. Политология: учеб. для вузов / под. ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. – М.: Высшее образование, 2010. – 692 с.
2. Долгов К.М. Философия культуры и эстетика Хосе Ортеги-и-Гассета // О современной буржуазной эстетике: сб. статей. Вып. 3. – М.: Искусство, 1972. – 193 с.
3. Зыкова А.Б. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета: критические очерки. – М.: Наука, 1978. – 160 с.
4. Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.
5. Фуко М. Археология знания. – Киев: НИКА-ЦЕНТР 1996. – 207 с.
6. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – №3. – С. 84–118.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2010. – 588 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.
9. Voloshinov V.N. «Discourse in Life and Discourse in Poetry» in Bakhtin School Papers: Russian Poetics in Translation. – Vol. 10 / ed. Ann Shukman. – Oxford, 1983.

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Древнерусские литературные традиции, влияющие на христианские мотивы в раннем творчестве Н.В. Гоголя, проявляются в виде агиографической (житийной) традиции, традиции «Слова о полку Игореве», а также традиций бытовых и сатирических повестей XVII века.

Ключевые слова: агиографическая традиция, мотив «плача» и «славы», образ Русской земли, бытовые повести XVII века, сатирические повести XVII века, богородичный мотив.

Древнерусская литература и её традиции играют значительную роль в осмыслении фундаментального пласта всей русской литературы XIX века. Безусловно, творчество Н.В. Гоголя 1830-х годов, включающее в себя сборники «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и петербургские повести, вбирает в себя разноаспектное единство традиций древнерусской литературы. В современном литературоведении этому вопросу не уделено должного внимания, несмотря на его важность, поскольку в раннем периоде творчества Н.В. Гоголя древнерусские традиции оказывали влияние, прежде всего, на христианские мотивы, реализующиеся в художественной ткани произведений писателя.

Л.И. Сазонова, исследуя раннее творчество Н.В. Гоголя, акцентирует внимание на литературной ориентированности повестей на средневековые традиции, наделённые христианской спецификой. В статье «Средневековый мотив богородичного чуда в повести Н.В. Гоголя “Портрет”» она отмечает: «Средние века привлекали Гоголя как христианского писателя-моралиста, поэтому при анализе его творчества нельзя не учитывать направленность его взгляда на литературу и культуру, идущую из глубины веков» [10, с. 79]. На наш взгляд, средневековые мотивы повестей Гоголя неразрывно связаны с древнерусскими.

В гоголевской повести «Ночь перед Рождеством» ярко прослеживается агиографическая (житийная) или патериковая традиция. Житийные элементы проявляются в образе Вакулы – кузнеца, воплощающего собой христианскую добродетель. Представление христианской добродетели занимает центральное место во всех житиях и патериках. Не случайно исследователь древнерусской литературы В.В. Кусков отмечает: «В центре жития – идеальный христианский герой, следующий в своей жизни Христу» [6, с. 33].

Разновидностью агиографической литературы являются Патерики (Отчники), в которых (в отличие от жития) давалось не всё жизнеописание главного героя (чаще всего монаха), а лишь наиболее важные, с точки зрения их святости, подвиги и со-

бытия. Особый акцент делался на успешную борьбу главного героя с демонами. Примечательно, что «присущая целому ряду патериковых рассказов занимательность, сюжетность повествования, сочетание наивной фантастики с бытовыми эпизодами привлекали внимание читателей» [6, с. 34]. Специфика патериковой прозы, включающая в себя содержание устных слухов, преданий и других жанров восточнославянского фольклора, а также элементы религиозных сентенций, молитвы и описания чудес и видений, на наш взгляд, близка этой гоголевской повести. Благочестие Вакулы, его вера в Бога, его соблюдение поста и церковное покаяние, его способность комично провести чёрта, а также при помощи живописи осмеять его – всё это отражает патериковую традицию в раннем творчестве Гоголя.

Схожа в этом отношении с «Ночью перед Рождеством» петербургская повесть «Портрет». В ней показаны в сопоставительном плане судьбы художников, один из которых, предав свой талант и став модным живописцем, посвятил себя служению золоту и нечистому, другой, иконописец – Богу. В первой части произведения разрабатывается тема дьявольского искушения, погубившего талант, а во второй описывается, каким образом другому герою, автору дьявольского портрета, удалось преодолеть искушение и обрести путь к спасению.

Главный герой второй части – иконописец – получил от церкви заказ изобразить «духа тьмы». В размышлениях о том, как нарисовать дьявола, иконописцу пришел на ум облик «страшного ростовщика», который не преминул явиться во плоти и заказать свой портрет. Работа над дьявольским портретом была великим испытанием для художника, поэтому портрет остался не окончен. Находясь дома у мастера, художественное творение оказало свое разрушительное воздействие на жизнь своего владельца (характер живописца изменился, он стал завистлив к ученикам, работы его утратили святость, его преследовали несчастья и внезапные смерти – жены, дочери и малолетнего сына). Прозрев в случившемся кару небесную, главный герой, чтобы искупить свой грех, удалился в уединенную

обитель и только здесь начал обретать душевный покой. Но, даже находясь в монастыре, еще долгое время он считал невозможным для себя приступить к написанию заказанного настоятелем «главного образа в церковь». В пустыни на протяжении нескольких лет постом и молитвой он укреплял свое тело и душу, готовя себя к духовному подвигу, сидел за работой целый год (в противоположность первому главному герою Гоголя Чарткову), и, наконец, смог создать истинное произведение искусства, исполненное святости. В отличие от им же написанного портрета ростовщика, на картине Рождества Иисуса «святая, высшая сила водила» его кистью и «благословенье небес почило» на его труде [5, с. 125]. Исследуя повесть, Л.И. Сазонова обращает особое внимание на этот момент, указывая на его связь с мотивами богородичного чуда: «Произошло богородичное чудо: художник обрел спасение» [10, с. 81]. В повести ярко прослеживается древнерусская традиция божественного предназначения искусства и душевной чистоты его автора – творца, поэтому спасение души героем найдено благодаря её очищению путём самоотречения, строгого поста и молитвы. Нравственно очистившись, художник создаёт истинно божественное произведение, поскольку, по Гоголю, настоящее произведение может создать человек духовный. Эта авторская интенция, на наш взгляд, совпадает с древнерусскими агиографическими традициями. Подобно героям житийной литературы, гоголевский иконописец проходит путь нравственного очищения.

Кроме того, в повести прослеживается связь с традициями литературы XVII века об иконописцах, где важнейшим аспектом, как отмечает Л.И. Сазонова, является «...житие мастера, его “совесть”, которая ставилась в зависимость от “чистоты” веры. Отсюда же особое внимание в Новое время и к тем текстам, которые возвышали иконописца, требуя от него святости, в частности к появившемуся во второй половине XVII в. “Сказанию о святых иконописцах”...» [10, с. 80].

Определённая соотносённость повести «Портрет» с древнерусской христианской традицией пока не привлекала должного внимания, хотя еще в начале XX века поэт и литературный критик И.Ф. Анненский сделал краткое замечание: «И как нарочно Гоголь написал её в манере пролога или минеи!» [2, с. 16].

Вторая важная древнерусская традиция, на наш взгляд, прослеживается в повести «Тарас Бульба», в которой замечаются литературные параллели с историческими воинскими повестями, ярко отражающими военную тему в религиозном аспекте, а также со «Словом о полку Игореве».

В основе гоголевской повести лежит некая историческая эпоха. Но Н.В. Гоголь на страницах произведения, несмотря на вымышленность геро-

ев, хотел запечатлеть Запорожскую Сечь со всеми её стремлениями к свободной жизни, которой гордится запорожец. Воинские повести также не равны по степени реальности. «Одни из них отражают действительные факты с сохранением деталей, другие дают лишь сочиненную картину, лишенную действительных черт события. Есть и смешанный тип повестей, средний между приведенными характеристическими крайностями...» [9, с. 377].

Традиция «Слова о полку Игореве» в повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя заключается в сюжетном мотиве военного похода за веру христианскую и святую Русь, представляющем собой важнейший концепт этих произведений. Так, на страницах древнерусского памятника мы читаем: князь Игорь «...исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую» [12, с. 64]. В «Слове о полку Игореве» главенствует призыв к единению русских земель против половцев, являющихся носителями языческой нехристианской веры. В «Тарасе Бульбе» этого нет, но, на наш взгляд, сюжетный христианский мотив обоих произведений схож. В «Слове о полку Игореве» религиозные представления соединились в его идейном содержании с древним культом земли, который также в какой-то мере отразился на идейной стороне гоголевской повести. Образ Русской земли в древнерусском памятнике очень важен. Не случайно в «Слове...» многократно повторяется фраза: «О Русская земля!...» [12, с. 60], принадлежащая как автору, так и главным героям.

На страницах повести «Тарас Бульба» весьма частотен образ Русской земли в последних речах запорожцев, умирающих в смертельном бое за веру и за Русь. Так, смертельно раненый Бовднюг собрал «весь дух свой и сказал: «Не жаль расставаться со светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» [4, с. 122]. Куренной атаман Балабан, почуяв предсмертные муки, тихо сказал: «Сдаётся мне, пань-браты, умираю хорошою смертью: семерых изрубил, девятерых копьем исколол. Истоптал конём вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветёт вечно Русская земля!...» [4, с. 123]. Аналогичной была предсмертная речь козака Кукубенка: «...Пусть же после нас живут ещё лучшие, чем мы и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» [4, с. 123]. Такая закономерность в художественной ткани произведения не случайна, поскольку за счёт неё реализуется романтический аспект товарищеского единения запорожцев против ляхов-католиков за Русскую землю. Идейная концепция рассматриваемого эпизода гоголевской повести «Тарас Бульба» заключается в борьбе и за христианскую (православную) веру, символом которой является святая Русская земля. Примечательно, что смерть за Родину была весьма почётной для запорожца, поскольку вся его жизнь

была посвящена борьбе за Русь и православную веру. Не случайно в повести мы можем наблюдать следующие высказывания повествователя: «...И вылетела молодая душа. Подняли её ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо ему будет там. “Садись, Кукубенко, одесную меня! – скажет ему Христос, – ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь”» [4, с. 123].

Важно отметить в гоголевской повести и «отеческое» слово Тараса Бульбы о товариществе. Здесь, на наш взгляд, можно увидеть литературные параллели с «золотым» словом Святослава в «Слове о полку Игореве», где киевский князь призывает князей к примирению, единению и братолюбию. В древнерусском памятнике мы читаем: «Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: <...> Вступите, князья, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!...» (*курсив наш – Т.Н.*) [12, с. 68].

Аналогичны гоголевские интенции в речи Тараса о товариществе: «Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: <...> и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода <...> Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сырые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества!...» (*курсив наш – Т.Н.*) [4, с. 116]. Подобно Святославу, Тарас призывает казаков к борьбе за Русскую землю и «обиду своего времени». Несмотря на то, что «золотое» слово Святослава было произнесено в Киеве, воздействие его речи аналогично воздействию речи Бульбы. Так, Д. С. Лихачёв отмечает: «Неподвижен великий князь Святослав Киевский, но его “золотое слово” обращено с Киева “на горах”, где он сидит, ко всем русским князьям и обходит по кругу всех русских князей по границам Руси. Двигается не он, но зато движется все вокруг него. Он господствует над движением русских князей, управляет их движением...» [7, с. 22].

Достаточно явственно прослеживается в повести «Тарас Бульба» мотив «плача» и «славы», столь характерный для «Слова о полку Игореве» и отмеченный в древнерусском литературном памятнике Д.С. Лихачёвым: «“Плачи” и “славы” автор “Слова...” буквально приводит в своем произведении, им же он больше всего следует в своем изложении. “Плачи” автор “Слова...” упоминает не менее пяти раз: плач Ярославны, плач жен русских воинов, павших в походе Игоря, плач матери Ростислава. Плачи же имеет в виду автор “Слова...” тогда, когда говорит о столах Киева и Чернигова и всей Русской земли после похода Игоря...» [8, с. 311].

В «Тарасе Бульбе» мотив «плача» выражен в эпизоде прощания матери с сыновьями Остапом и Андрием. Элементы «плача» прослеживаются также в авторских причитаниях и сетованиях по поводу предательства Андрия.

Мотив ославления или «славы» главных героев можно проследить в эпизодах борьбы и сражений казаков с ляхами. Нередко для этого автором в текст вводятся поэтические фольклорные элементы и образы (что также, на наш взгляд, сближает «Тараса Бульбу» со «Словом...»): «Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьёт оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца – перепела, – так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего...» [4, с. 103].

Сходство мотивов и образов в рассматриваемых произведениях прослеживается достаточно ярко. Сам факт влияния «Слова о полку Игореве» на гоголевское творчество, как отмечал О.В. Творогов, «...не вызывает сомнения, как неоспорим и интерес писателя к памятнику древнерусской литературы» [11, с. 33].

Третья важнейшая древнерусская традиция, на наш взгляд, проявляется в повести «Вий». В художественной ткани произведения можно выделить элементы традиции демократической сатиры XVII века, содержащей антиклерикальную тематику. В гоголевской повести ярко представлен далеко не благочестивый быт семинаристов и бурсаков – представителей православного духовенства, для которых практически нормой жизни стали пьянство и разгул, воплощающие собой нравственное падение представителей христианской церкви.

В русской литературе XVII века «ярким образным документом, изображающим быт и нравы монашества, является «Калязинская челобитная» [6, с. 241]. В.П. Адрианова - Перетц в статье «Сатирическая литература [второй половины XVII в.]» пишет: «“Калязинская челобитная” осталась надолго лучшим реалистическим изображением монастырского разгула» [1, с. 203]. В.В. Кусков отмечает: «Повесть показывает несоответствие жизненной практики монашества требованиям монастырского устава. Нормой жизни иноков стало пьянство, чревоугодие и разврат, а не пост и молитва» [6, с.241]. На страницах сатирической повести мы читаем: «А коли мы, богомольцы твои, за правилом к вечеру утрудимся, до полуночи у пивного ведра засидимся и на утро встать не можем...» [13, с.458]. Аналогичен быт бурсаков в повести Гоголя. Не соблюдая законов церковного канона и беспричинно бражничая, Хома Брут тем самым совершает греховное дело. Хома перед тем, как явиться в церковь, не забывал «подкрепить себя доброю кружкой горелки» [4, с. 180], а перед третьей (и последней ночью в церкви) вытянул

«немного не полведра» (сивухи), так что «... пустился среди двора на расчищенном месте отплясывать тропака» [4, с. 189].

В гоголевской повести «Вечер накануне Ивана Купала» ярко прослеживаются элементы бытовых повестей XVII века, в частности, «Повести о Горе и Злочасти» и «Повести о Савве Грудцыне». Это четвертая древнерусская традиция, которую мы выделили в гоголевском творчестве раннего периода. Обратимся к тексту «Повести о Горе и Злочасти». Как отмечает В.В. Кусков, «Идя с Молодцем «под руку», Горе «научает» его «богато жить – убить и ограбить». Это и заставляет Молодца вспомнить «спасенный путь» и уйти в монастырь. Для героя и автора повести монастырь является отнюдь не идеалом праведной жизни, а последней возможностью спастись от своей злочастной доли» [6, с. 232]. Аналогичен финал «Повести о Савве Грудцыне». В последней части повести описывается болезнь Саввы. В этих «бесовских мучениях» нетрудно обнаружить характерные признаки падучей болезни. А «развязка повести связана с традиционным мотивом «чудес» Богородичных икон: Богородица своим заступничеством избавляет Савву от бесовских мучений, взяв предварительно с него обет уйти в монастырь. Савва становится монахом» [6, с. 235].

Нетрудно провести литературную параллель между рассматриваемыми бытовыми повестями XVII века и произведением Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала».

Во-первых, в «Вечере накануне Ивана Купала» можно отметить традиционный, характерный для повестей XVII века, мотив ухода в монастырь, как единственно верного пути к спасению души. «Пидорка дала обет идти на богомолье <...> приехавший из Киева козак сказал, что видел в лавре монахиню, всю высохшую, как скелет, и беспрестанно молящуюся, в которой земляки, по всем приметам, узнали Пидорку...» [3, с. 52]. Примечательно, что в бытовых повестях в монастырь ушли главные герои (Молодец и Савва Грудцын), а у Гоголя – возлюбленная главного героя. Таким образом, в творчестве писателя традиционный мотив трансформируется. Гоголевские интенции заключаются в том, что не будет спасения герою, совершившему убийство «невинного младенца». Убив Ивася, Петрусь уничтожает свою собственную душу. Заметим, что у Петра, как и у Саввы Грудцына, появились признаки «бесовской» болезни: «Бешенство овладевает им; как полоумный, грызёт и кусает себе руки и в досаде рвёт клоками волосы <...> и снова бешенство, и снова мука...» [3, с. 51]. Но нет спасения этому гоголевскому герою. Во-вторых, в повести прослеживается мотив «чудес» Богородичных икон, выделенный В.В. Кусковым в «Повести о Савве Грудцыне» [6, с. 235]. Пидорка в монастырь пришла пешком и «...принесла клад

к иконе Божьей матери, исцеленный такими яркими камнями, что все зажмуривались, на него глядя» [3, с.52]. Эту художественную деталь, на наш взгляд, Н.В. Гоголь использовал неслучайно, поскольку она несёт особую смысловую нагрузку. Уйдя в монастырь и преподнеся драгоценный дар иконе пресвятой Богородицы, жена Петра обрела духовную защиту Божьей матери, что является символичным и традиционным в литературе XVII века. В-третьих, образ Басаврюка в гоголевской повести также может вести свои корни из бытовых повестей XVII века. Исследуя и сопоставляя «Повесть о Савве Грудцыне» и «Повесть о Горе и Злочасти», В.В. Кусков отмечает: «Вводится в повесть и средневековый мотив союза человека с дьяволом: в порыве любовной скорби Савва взывает к помощи дьявола, и тот не замедлил явиться на его зов в образе юноши... Идейно-художественная функция образа беса в повести близка функции Горы в «Повести о Горе и Злочасти» [6, с. 234]. Действительно, нельзя не согласиться со справедливым замечанием исследователя, поскольку средневековый мотив союза человека с дьяволом, весьма частотный в фольклоре и литературе, имеет разнообразные вариации. Таковым союзом в повести Н. В. Гоголя является сделка Петра Безродного и Басаврюка, художественная функция которого, на наш взгляд, близка к функции его предшественников в древнерусской литературе – «беса в образе юноши» в «Повести о Савве Грудцыне» и Горем в «Повести о Горе и Злочасти», ведущих главных героев к грехопадению.

Таким образом, древнерусские литературные традиции, влияющие на христианские мотивы в раннем творчестве Н.В. Гоголя, проявляются в виде агиографической (житийной) традиции, традиции «Слова о полку Игореве», а также традиций бытовых и сатирических повестей XVII века.

Библиографический список

1. *Адрианова-Перетц В.П.* Сатирическая литература [второй половины XVII в.] // История русской литературы: В 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. II. Ч. 2. – 1948. – С. 187–206. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/i22/i22-1872.htm> (дата обращения: 27.07.2012)
2. *Анненский И.Ф.* Книги отражений. – М.: Наука, 1979. – С. 6–20.
3. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. в 6 т. – М.: Худ. лит, 1952. – Т I. – 352 с.
4. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. в 6 т. – М.: Худ. лит, 1952. – Т II. – 340 с.
5. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. в 6 т. – М.: , Худ. лит, 1952. – Т III. – 320 с.
6. *Кусков В.В.* История древнерусской литературы: учеб. для филол. спец. ун-тов. – 4-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 296 с.

7. Лихачев Д.С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» (Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М., 1980. – С. 5–22) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/likhachov-80.htm>. (дата обращения - 27.07.2012)

8. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы: Слово о полку Игореве – памятник XII века. – М.; Л., 1962. – С. 300–320) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/literature2/likhachov-62.htm> (дата обращения 27.07.2012)

9. Орлов А.С., Шамбинаго С.К. Слово о полку Игореве [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/orlov-shambina-41.htm> (дата обращения 27.07.2012)

10. Сазонова Л.И. Средневековый мотив божественного чуда в повести Н.В.Гоголя «Портрет» // Славяноведение. – 2010. – № 2. – С. 79–87 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.imli.ru/PDF/Sazonova-Portret.pdf> (дата обращения 27.07.2012)

11. Творогов О.В. Гоголь Николай Васильевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slovenec/es/es2/es2-0322.htm> (дата обращения 27.07.2012)

12. Слово о полку Игореве // Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII века / сост. Н.К. Гудзий. – М.: Аспект – Пресс, 2002 – С. 58–71.

13. Список с челобитной Колязина монастыря // Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII века / сост. Н.К. Гудзий. – М.: Аспект – Пресс, 2002 – С. 456–459.

14. Повесть о Горе и Злочастии // Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII века / сост. Н.К. Гудзий. – М.: Аспект – Пресс, 2002 – С. 386–396.

15. Повесть о Савве Грудцыне // Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII века / сост. Н.К. Гудзий. – М.: Аспект – Пресс, 2002 – С. 400–425.

УДК 821.161.1.09

Патроева Наталья Викторовна

доктор филологических наук, профессор

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск
nvpatr@list.ru

ЛЕРМОНТОВСКИЕ ЗАЧИНЫ: СТРОФИКА, МЕТРИКА И СИНТАКСИС

В статье представлен анализ композиционных начал (зачинов) стихотворений М.Ю. Лермонтова с точки зрения их строфической либо астрофической организации, метрической схемы и синтаксического строения. Наблюдения над лермонтовскими интродукциями позволяют прийти к заключению о том, что наиболее частой формой зачина оказывается ямбический четырехстопный катрен, совпадающий по своим границам со сложным бессоюзным предложением.

Ключевые слова: зачин, строфика, метрика, поэтический синтаксис.

Зачин (в других терминах: начало, интродукция, экспозиция, вступление, завязка) – первый элемент обычной для лирического текста трехчастной композиции, описанной в работах Б.В. Томашевского [9] и В.Е. Холшевникова [10]. Вопрос о границах зачина – проблема, пока не нашедшая решения в работах литературоведов (лирическая композиция – вообще мало разработанная область теоретической поэтики). В.С. Баевский, например, предлагает интерпретацию зачина в объеме только первой строки текста [1, с. 22], часто заменяющей в лирике отсутствующее заглавие. В.Е. Холшевников же настаивает, что при определении границ интродукции важно учитывать «не количество стихов», саму «функцию лирического зачина» [11, с. 10]. Р.А. Евсеева отмечает, что решающую роль в проблеме выделения зачина играет «содержательная, смысловая завершенность начальных строк стихотворения, определенная степень законченности начального образа, который, появляясь в зачине, дополняется, детализируется, обрывается новыми значениями в разработке и обоб-

щается в концовке посредством известных поэтических приемов и средств» [5, с. 47].

Безусловно, решение вопроса о протяженности и правой границе зачина нуждается в синтаксическом обосновании. Вполне очевидна опосредованность процедуры вычленения зачина также анализом синтаксического устройства, графики (пауз-пробелов), строфики и метрики лирического текста.

Цель предлагаемой вниманию уважаемого читателя работы – анализ зачинов в лирике М.Ю. Лермонтова с точки зрения их строфической, метрической и синтаксической организации. Материалом исследования служат тексты 253 стихотворений М.Ю. Лермонтова 1828–1841 гг.

Известный историк русского литературного языка Л.А. Булаховский отмечал, что «переход к «романтическим» размерам и новые излюбленные виды рифмовки единицей стихотворного выражения сделали строфу» [2, с. 276]. Строфически организованные стихотворения М.Ю. Лермонтова составляют немногим более половины его лири-

ческого наследия и в основном частью относятся, согласно нашим наблюдениям, ко второму периоду творчества (99 стихотворений 1828–1836 гг. и 52 стихотворения 1836–1841 гг. – соответственно 58% и 68%). Поэтической нормой и традицией, иногда только нарушаемым правилом, является синтаксически замкнутая строфа. В более чем 40 лермонтовских стихотворениях зачин совпадает по своей протяженности с катреном; за этим самым распространенным типом строфической конструкции следуют с большим отрывом: 7 октав («Дереву» [6, с. 58], «Ночь» [6, с. 67], «Романс к И...» [6, с. 80], «К Л.» [6, с. 89], «Арфа» [6, с. 105], «Поток» [6, с. 115], «Время сердцу быть в покое...» [6, с. 124]), 4 пятистишия («Черкешенка» [6, с. 29], «Кавказ» [6, с. 36], «Благодарю!» [6, с. 64], «Небо и звезды» [6, с. 92]), 4 секстины («Русская мелодия» [6, с. 24], «Перчатка» [6, с. 33], «Сосед» [6, с. 160]; «К***» [6, с. 227]), по 2 примера двенадцатиштихия («Исповедь» [6, с. 86], «Свиданье» [6, с. 219]), децим («Когда б в покорности незнания...» [6, с. 93], «Гляжу на будущность с боязнью...» [6, с. 166]) и двустихий («Баллада» [6, с. 32], «Морская царевна» [6, с. 223]), единственной репрезентацией представлены одиннадцатистишие («Памяти А.И. О>доевско>го» [6, с. 182]) и шестнадцатистишие («Молитва» [6, с. 35]).

Интродукции могут занимать также несколько строф: 16-строчный зачин стихотворения «Оправдание» занимает 4 строфы-катрена ([6, с. 207]), в четырех произведениях начальные фразы занимают 2 строфы (2 начала из восьми стихов, охватывающие по 2 катрена («Молитва» [6, с. 162], «<М.А. Щербатовой>» [6, с. 186]), десятистрочное, размещенное в двух пятистишиях («Н.Ф. И...вой» [6, с. 38]) и двенадцатистрочное, равное двум секстинам («Как часто, пестрою толпою окружен...» [6, с. 184]). За пределы октавы выходит 11-строчное интродуктивное предложение в стихотворении «К***», где междустрофная пауза одновременно является интонационной границей, разделяющей восходящую и нисходящую части в мелодической схеме периода:

Когда к тебе молвы рассказ
Мое название принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей будет кровь
И стану жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей;

Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты
Что при разлуке я сказал... [6, с. 68]

Организация зачинов по законам периодической речи – один из излюбленных приемов Лермонтова, например:

Оправдание

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,

Наместо славного названья
Твой друг оставит меж людей, –

И будет спать в земле безгласно,
То сердце, где кипела кровь,
где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь, –

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, –

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю язвительным упреком
Ты в оный час не помяни [6, с. 207].

Поддерживаемая совпадением границ предложения, строки или строфы мелодическая плавность, напевность звучания классического стиха, однако, Лермонтовым часто нарушается, в стремлении разнообразить ритм, избежать монотонности идеально симметричных форм, наполнить поэтическую речь живыми разговорными интонациями, «прозаизирующими» стих. Первые предложения, занимающие полустихия (подобные зачины встречаются только в произведениях первого этапа) либо одну и более строк с заключительным полустихием, когда первая фраза заканчивается в середине стиха, создают подобным «фразным сечением» (термин Л.А. Булаховского) дополнительный к анжамбману конфликт между стиховым и синтаксическим членением, тем самым сообщая стиху «разговорность; при определенном содержании, которое этого требовало, – даже опрошенность» [3; 277]:

Темно. Все спит. Лишь только жук ночной... [6, с. 54]
Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил... [6, с. 72]
Я видел юношу: он был верхом
На серой борзой лошади – и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер... [6, с. 86]
Вчера до самой ночи просидел
Я на кладбище, все смотрел, смотрел
Вокруг себя; – полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова... [6, с. 56]

В астрофических стихотворениях М.Ю. Лермонтова, доля которых снижается от 42 (70 из 170 ранних стихотворений) до 28% (22 из 77 поздних произведений) в направлении от первого ко второму этапу творчества, во многом сохраняется «инерция» построения инициальных конструкций по модели четырех-, дву- или восьмистишия: так, на композиционные начала длиной в 4 стиха приходится около трети всех репрезентаций в лишенных строфического членения произведениях. Таким образом, преобладающим строфическим типом зачина оказывается катрен – наиболее распространенный тип строфы в русской лирике.

Интересно проследить соответствие метрической организации зачина его синтаксическому

Таблица 1

Соотношение между метрической организацией лермонтовских стихотворений и синтаксическим построением зачина

Размер Тип предложения	Я 2	Я 3	Я 4	Я 5	Я 6	Я 7	Х 3, Х 5	Х 4	Ам	Ан	Д
ПП	1	2	33	7	7			7	4		1
ССП		1	5	3					4		1
СПП		2	12	1	2			1			
БСП			20	5	2	1		4	1		2
МСП	2	1	45	24	16		4	4	10	4	2

Условные сокращения: Я – ямб, Х – хорей, Ам – амфибрахий, Ан – анапест, Д – дактиль; цифры обозначают количество стоп в строк; ПП – простое предложение; ССП – бинарное сложносочиненное предложение; СПП – бинарное сложноподчиненное предложение; БСП – бинарное бессоюзное предложение; МСП – многокомпонентное сложное предложение из 3-х и более частей.

строению – вопрос о соотношении метрических и синтаксических характеристик стиха и пока специально не рассматривался с точки зрения типологии предложения, хотя попытки выявить морфологические основы рифмы и метра, а также соответствие ритма и компонентного состава предложения на материале русской лирики уже предпринимались (см. напр. [4], [8]).

В таблице 1 представлено соотношение между метрической организацией лермонтовских стихотворений и синтаксическим построением зачина:

Как следует из приведенных количественных показателей, размеры Я 2, Я 3 и жанрово-нейтральный, в силу своей самой широкой употребительности в малых лирических жанрах, Я 4 в два раза чаще соотносятся с зачинами, построенными по модели сложного предложения. Метрические схемы Я 5 и Я 6, Д, Ам используются еще гораздо активнее именно в полипредикативных интродукциях, Я 7 и Ан – только в сложных структурах лермонтовских начал. Примерно в равных пропорциях моно- и полиметрические структуры встречаются в четырехстопных хореических зачинах, поскольку, очевидно, за данной метрической схемой закрепилась прочная традиция песенной и эпической фольклорной стилизации, а также анакреонтики в русской «легкой поэзии». Таким образом, длинные размеры (в частности, пяти-, шести- и семистопный ямбы – стихи с ореолом «высоких» жанров, по преимуществу эпических поэм, драм и трагедий, пятистопный хорей), как и вольные стихи, а также разностопные и полиметрические композиции (например, «Слышу ли голос твой...», «Горе тебе, город Казань...», «Воля», «Песня» («Колокол стонет...»), «Песня» («Желтый лист о стебель бьется...»), «Русалка» и др.) предпочитают почти всегда усложненные структуры.

Инициальные фразы иногда могут занимать все пространство стихотворения, так что первое предложение текста вбирает в себя целостный лирический опыт поэта, поэтому затруднительным

и условным оказывается в этом случае членение подобного дискурса на традиционно выделяемые в типичной для стихотворения трехчастной композиции зачин, развитие темы, концовку. Подобное построение стихов, совпадающих по своим границам с одним пространным высказыванием, не только подчеркивает присущую именно поэзии грамматическую и смысловую сверхусложненность, но и позволяет заключить, что связь композиции с синтаксической структурой произведения в лирическом роде гораздо более тесная, жесткая, чем в иных жанровых формах: в стихотворном тексте в рамках нередко лишь одного вбирающего «бездну смысла» предложения уместаются несколько композиционных рубрик с не очень четкими, не столь очевидными (как, например, в структуре прозаической строфы – сверхфразового единства), размытыми границами:

Предсказание

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать.
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек.
И ты его узнаешь – и поймешь.
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем.*

Как плащ его с возвышенным челом [6, с. 59] –

первая строка, вводящая информацию о грядущем страшном событии, здесь, очевидно, является лаконичным зачином, предопределяющим развертывание антиутопии в придаточных частях со значением времени в рамках единого сложного целого; строки 12–16 содержат кульминацию – предска-

знание явления безжалостного мессии, а заключительных два стиха в представляют собой концовку мысли, подтверждающую характеристику будущего, заявленного лирическим героем в самом начале. Таким образом, смысловая и синтаксическая сложность, усиленная, двойная (с одной стороны – стиховая, с другой – конструктивная, синтагматическая) сегментированность стихового пространства позволяет представить трехчастную (зачин + развитие темы + концовка) композиционную форму, соединить «начала и концы» даже в пределах текста, совпадающего по структуре с одним предложением (ср. также: «Я видел раз ее в веселом вихре бала...», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Слышу ли голос твой...», «Она поет – и звуки тают...», «Когда твой друг с пророческой тоскою...», «Дай бог, чтобы ты не соблазнялся...» и др.).

Однако в целом только в менее чем 10% интродукций Лермонтова границы зачина и первого предложения не совпадают: первая композиционная часть соответствует части сложного целого (*Страшись любви: она пройдет, Она мечтой твой ум встревожит...* [6, с. 37]; *Я зрел во сне, что будто умер я: Душа, не слыша на себе оков...* [6, с. 39]; *Гляжу в окно: уж гаснет небосклон, Прощальный луч на вышине колонн...* [6, с. 48]; *Он спит последним сном давно, Он спит последним сном, Над ним бугор насыпан был...* [6, с. 69]; *Я видел юношу: он был верхом...* [6, с. 86]; «Я видел раз ее в веселом вихре бала; Казалось, мне она понравиться желала...» [6, с. 104]; «Я видел сон: прохладный гаснул день...» [6, с. 107]; «Приветствую тебя, воинственных славян Святая колыбель! пришлец из чуждых стран...» [6, с. 135]; и некоторые др.) или – гораздо реже – охватывает два-пять предложений (*Погаснул день! – и тьма ночная своды Небесные, как саваном покрыва. Кой-где во тьме вертелись и мелькали светящиеся точки, И между них земля вертелась наша; На ней, спокойствием объятый тихим, Уснуло все – и я один лишь не спал. Один я не спал...* [6, с. 42]; см. также: «Свиданье» и «Выхожу один я на дорогу...»).

Подводя итог нашим наблюдениям над строфическим, метрическим и синтаксическим устройством лермонтовских интродукций, отметим, что наиболее часто используемой структурой оказы-

вается ямбический зачин-катрен, построенный по модели бессоюзного двучастного или многокомпонентного с разными видами синтаксической связи сложного предложения (подробнее о синтаксической организации начал лермонтовских стихотворений см. [7]). Вопрос о соответствии композиционного членения, синтаксиса и ритмо-метрической схемы стихотворного текста требует дальнейшего исследования на основе более широкой эмпирической базы и представляется одним из актуальных и перспективных аспектов будущих филологических разысканий в области «грамматики поэзии» и стиховедения.

Библиографический список

1. Баевский В.С. Стих русской советской поэзии. – Смоленск: Изд-во СГПИ, 1972. – 145 с.
2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. – М.: Учпедгиз, 1954.
3. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. – М.: Наука, 1984. – 352 с.
4. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 288 с.
5. Евсеева Р.А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – Т. 61. – № 11. – С. 44–50.
6. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. стихотворений: в 2-х т. – Л.: Сов. писатель, 1988. – Т. 1. – 687 с.
7. Патроева Н.В. Интродуктивные предложения в лирике М.Ю. Лермонтова // Учен. зап. ПетргУ. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – № 5 (142). – С. 41–47.
8. Скулачева Т.В. Части речи в стихотворной строке: методы анализа // Корпусный анализ русского стиха: сб. науч. статей / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. – М.: Изд.центр «Азбуковник», 2013. – С. 243–266.
9. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 333 с.
10. Холишевников В.Е. Анализ композиции лирического произведения // Анализ одного стихотворения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – С. 5–49.

АНТИТЕЗА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

Рассматриваются конструкции с противопоставлением, встречающиеся в творчестве П.А. Вяземского. Анализируются отдельные группы антитез («вчера-сегодня-завтра», «день-ночь», «жизнь-смерть»). Предложены выводы, касающиеся функционирования антитез в творчестве поэта и их синтаксической организации.

Ключевые слова: антитеза, противопоставление, поэтический синтаксис, сложное предложение.

В современной филологии наблюдается возрождение интереса к риторической проблематике и вопросам экспрессивного синтаксиса. Одной из важнейших фигур речи, а, следовательно, и важным средством «нетривиальной», «креативной» грамматики [10, с. 14] выступает антитеза, поскольку именно «гармоничная структура поэтического произведения служит залогом его информативности» [7, с. 5], кроме того, синтаксические конструкции в лирике «не только информативно, но и стилистически нагружены, выполняют самые разнообразные функции (структурно-композиционную, ритмообразующую, интонационную, экспрессивно-стилистическую)» [9, с. 3]. Антитеза, обладающая способностью усиливать «аффективность», «симметричность» [2, с. 199] текста, построена по принципу «объединения в одном высказывании контрастирующих предложений» [11, с. 167]. Как отмечают специалисты, исследующие антитезу, «принцип контраста и антитезы можно считать едва ли не универсальным для поэзии вообще» [12, с. 112].

Цель предлагаемой работы – определить специфику использования антитез в лирике П.А. Вяземского как важного средства экспрессивного поэтического синтаксиса. Материалом для данного исследования послужили 286 стихотворений поэта, написанных на протяжении всей его жизни. В данной статье будут рассмотрены три группы антитез: «вчера-сегодня-завтра», «день-ночь», «жизнь-смерть».

Традиционной не только для творчества Вяземского, но и в целом для поэзии следует считать триаду «вчера – сегодня – завтра», поскольку именно временные отношения «являются одним из типов базовых отношений, воспринимаемых человеком и отражаемых формами языка» [5, с. 6]. Как правило, поэт противопоставляет в своих стихотворениях два из трех компонентов, причем комбинации могут быть любыми:

А) вчера и сегодня

*У тех, на коих врал **вчера**,*

***Сегодня** ножки он целует.* [4, с. 194]

Б) вчера и завтра

*Во мне найдешь, быть может, след **вчерашний**,*

*Но ничего уж **завтрашнего** нет.* [4, с. 261]

В) сегодня и завтра

***Сегодня** с плеч слегло, а **завтра** не настало.* [4, с. 266]

В поэзии Вяземского можно отыскать и единственный случай противопоставления всех компонентов триады:

***Сегодня** второе издание*

*Того, что прочел я **вчера**;*

*А **завтра**? Напрасно гаданье!* [4, с. 383]

В другом произведении Вяземский, сталкивая компоненты триады, не противопоставляет их, а напротив, при помощи конструкции с однородными членами объединяет их в нечто целое, символизирующее «существование вообще»:

***Вчера, сегодня, завтра** – звенья*

Предвечной цепи бытия [4, с. 230]

В стихотворении «Первый снег» противопоставление «вчера» и «сегодня» становится пространственным, объемным и используется для формирования целого стихотворения (тем самым Вяземский сопоставляет унылую и серую картину вчерашнего дня и дня сегодняшнего, после того, как выпал снег):

***Вчера** еще стелал над онемевшим садом*

Ветр скучной осени и влажные пары

Стояли над челом угрюмый горы

Иль мглой волнистою клубилися над бором.

<...>

***Сегодня** новый вид окрестность приняла*

Как быстрым манием чудесного жезла;

Лазурью светлую горят небес вершины;

Блестящей скатертью подернулись долины,

И ярким бисером усеяны поля. [4, с. 130]

Второй важной антитезой для творчества Вяземского становится «день-ночь» – типичное для поэтического творчества противопоставление (аналогичные исследования см. [6; 8; 12]). Любопытно, что в своем творчестве поэт использует эту антитезу преимущественно для указания на смену времени суток:

• *То ли дело встарь: телега,*

Тройка, ухарский ямщик,

***Ночью** дуешь без ночлега,*

***Днем** же – высунув язык.* [4, с. 257]

• *Но постепенно **дня** стихают голоса.*

*Серебряная **ночь** взошла на небеса.* [4, с. 348]

Символическое переосмысление прямо-номинативного узуального значения темпоральных лексем появляется у Вяземского лишь в поздние годы. В частности, в одном из стихотворений противопоставление дня и ночи сочетается с характеристикой «мёртвый сон», свидетельствующей об определении ночи как времени суток, во время которого торжествует смерть:

*Сердечной жизни час, веселый промежуток
Между трудом дневным и ночи мертвым сном.*
[4, с. 266]

Также Вяземский периодически сталкивает в пределах одного стихотворного контекста и два других компонента, связанных с архисемой «время суток», – «утро» и «вечер». Однако противопоставление здесь не столь акцентировано. Напротив, поэт находит между утром и вечером нечто общее:

• *Здесь вечер в зареве, там утро рассвело.*

И вечер так хорош, и утро так светло [4, с. 365]

• *С волшебной быстротою*

Дни резвые бегут:

Меж утренней зарею

И сумрачной порою [4, с. 86]

Антитеза из трех компонентов в этой группе встречается лишь единожды, в одном из последних стихотворений поэта, и при этом два первых элемента противопоставляются третьему:

И утро свежее, и полдень блеск и зной

Припоминаем мы и при дневном закате. [4, с. 416]

При этом здесь уже речь не идет об утре, полудне и закате как словах, указывающих исключительно на время суток – это составляющие метафоры жизни. Развертыванию метафоры «жизнь – сутки» посвящено отдельное стихотворение «Битва жизни», где рассвет символизирует молодость, полдень – зрелость, а зорю-старость Вяземский встречает в одиночестве – «оплакивал один я всех моих друзей».

Пожалуй, наиболее любопытным противопоставлением дня и ночи следует считать стихотворение «Зачем вы, дни?» – сказал поэт...

«Зачем вы, дни?» – сказал поэт.

А я спрошу: «Зачем вы, ночи?» [4, с. 377]

Здесь Вяземский вступает в диалог с другим известным поэтом XIX века, Евгением Боратынским. «Зачем вы, дни» – это неточная цитата из стихотворения «поэта мысли» «На что вы, дни! Юдольный мир явления...» [1, с. 218]. Диалог этот носит заочный характер – стихотворение было написано Боратынским в начале сороковых годов, а в 1844 году поэт скончался. Вяземский же «отвечает» своим риторическим вопросом через 24 года после написания стихотворения – поэт страдал от бессонницы, что и нашло отражение в ряде его поздних стихотворений.

Наиболее важной же для поэзии Вяземского становится антитеза жизни и смерти. Уже даже в первом из стихотворений Вяземского, которое было написано в 1808 году, когда поэту было 16 лет, можно прочесть следующие строки:

Быть может, разлучат с тобой нас люди злы

Иль смерть... печальна мысль

<...>

Мы добры - и, конечно,

Нас боги наградят здесь жизнью долговечной! [4, с. 54]

В раннем творчестве Вяземского идея торжества жизни раскрывается в полной мере. Поэт

предлагает несколько «вариантов» преодоления смерти:

– *Одолеть смерть можно через искусство:*

Полночный Апеллес, обманывая взгляды,

Дарует кистью жизнь, обезоружив смерть. [4, с. 120]

– *через любовь:*

Амуры! смерть велят забыть

И с вами вновь, мои малютки, жить. [4, с. 138]

– *через память:*

Воспоминание, как чародей богатый,

Из непа хладного минувшее зовет

И глас умолкшему и праху жизнь дает. [4, с. 132]

Однако подобный оптимистичный настрой уже к тридцатым годам сходит на нет. Поэт начинает писать о неизбежности смерти, её неизбежной включенности в цикл бытия человека:

Рождение, смерть, из урны рока

С неодолимой быстротой,

Как волны одного потока,

Нас уносящие с собой [4, с. 230]

Вяземский с горечью говорит о торжестве смерти над жизнью, о той победе, которую смерть одержит, несмотря на все старания людей избежать этой печальной участи:

• *Смерть воцарилась, жизнь во лжи изобличая* [4, с. 235]

• *Смерть жатву жизни косит, косит*

И каждый день, и каждый час

Добычи новой жадно просит

И грозно разрывает нас. [4, с. 270]

И даже коварство смерти, притворяющейся жизнью, находит отражение в стихах Вяземского. В стихотворении «Уж не за мной ли дело стало?» Вяземский упоминает «чуждого призрака», который сулит многое – однако:

С закрытого лица подымлет он забрало –

И видим мы не жизнь, а смерть перед собой. [4, с. 279]

Одним из знаковых произведений для позднего Вяземского является «Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду...», в котором он отказывается от жизни, выбирая смерть и загробный покой. Повтор слов «жизнь» и «смерть» лишь усугубляет, удваивает это противоречие:

Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду,

Что страшно вновь иметь за гробом жизнь в виду;

Покая твоего, ничтожество! я жажду:

От смерти только смерти жду. [4, с. 402]

Разумеется, рассуждая о роли антитезы в формировании поэтического синтаксиса, следует сказать и о собственно синтаксической организации данного средства языковой выразительности (см. табл. 1). Как правило, Вяземский, противопоставление два явления, предпочитает организовать столкновение в форме сложного предложения (это может быть как сложносочиненная конструкция, так и сложноподчиненная конструкция), так и при помощи осложненного предложения (в частности, с использованием однородных членов предложения). В некоторых случаях противопоставляемые

Таблица 1

Способы синтаксической организации разных типов антитез в творчестве П. А. Вяземского

Тип синтаксической конструкции	«Вчера-сегодня-завтра»	«День-ночь»	«Жизнь-смерть»	Всего
Простое предложение	1	3	2	6 (10%)
Осложненное предложение с однородными членами	2	6	7	15 (25%)
Сложное предложение	9	8	10	27 (45%)
Разные предложения	4	3	5	12 (20%)

компоненты могут находиться и в разных предложениях.

Таким образом, в соответствии с полученными данными можно утверждать, что знаковую роль в организации антитез в лирике Вяземского играют именно полипредикативные конструкции, поскольку они чаще всего применяются для противопоставления в каждом из трех блоков антитез, что в полной мере соответствует сделанным исследователями выводам – антитеза зачастую «является сложным предложением, в котором актуализируется, подчеркивается контраст двух признаков, явлений» [3; 158]. Перспективным видится дальнейший анализ антитезы как риторической фигуры с учетом специфики ее организации в пределах сложного предложения и – шире – в пределах стихотворного текста в целом.

Библиографический список

1. Баратынский Е.А. «На что вы дни! Юдольный мир явления...» // Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: в 2 т. – Л.: Сов. писатель, 1936. – Т. 1.
2. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. – М.: Рохос, 2004. – 208 с.
3. Бочина Т.Г. Акротеза с повтором тематического компонента в русской паремике // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. – 2011. – №4. – С. 158–162.
4. Вяземский П.А. Стихотворения. – Л.: «Советский писатель», 1986. – 544 с.
5. Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / Теория функциональной грамматики. – СПб: Наука, 1996. – С. 6–27.
6. Звонова С.А. Слово Ф.И. Тютчева в лирике Ю.Н. Верховского // Художественный текст и культура. Материалы международной научной конференции 6–7 октября 2005 г. – Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2006. – С. 90–95.
7. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
8. Константинова А.С. Вербализация концепта «Время» в лирике А.А. Фета // Ученые записки. Электронный научный журнал курского государственного университета. – 2009. – №2. С. 62–69.
9. Патроева Н.В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. – 334 с.
10. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 224 с.
11. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. – М.: Флинта-Наука. – 2009. – 432 с.
12. Щемелева Л.М. Значение антитезы в поэзии Тютчева // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1977. – Т. 36. – № 2. – С. 112–122.

**«ЛЕС» А.Н. ОСТРОВСКОГО И «ВИШНЕВЫЙ САД» А.П. ЧЕХОВА:
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ СООТВЕТСТВИЯ**

В статье рассмотрены некоторые переключки пьес А.Н. Островского и А.П. Чехова, отмечены смысловые и композиционные особенности комедий «Лес» и «Вишневый сад».

Ключевые слова: Островский, Чехов, сюжетные линии, композиция, игра, ожидание, художественное пространство.

Чехов не мог пройти мимо одной из лучших пьес Островского, мимо «Леса». Важно, что сам Островский считал эту комедию одним из сильных своих произведений. Прежде чем мы обратимся к сопоставительному анализу произведений, обратим внимание на одну интересную деталь. В «Дяде Ване» А.П. Чехова Астров вспоминает пьесу Островского и ее героя: «У Островского в какой-то пьесе есть человек с большими усами и малыми способностями» [3, с. 535]. Кого имеет в виду герой и автор? Скорее всего, Несчастливцева. Вспомним его портрет: «Ему лет 35-ть, но на лицо он гораздо старше, брюнет, с большими усами» [2, с. 302].

Коротко остановимся на основных событийных и композиционных переключках и соответствиях рассматриваемых произведений. И у Островского, и у Чехова действие комедий происходит в одном месте: в усадьбе Раисы Павловны Гурмыжской и в имении Любови Андреевны Раневской соответственно. И у обоих драматургов действие выносится на более широкий простор. Но у Островского пространство пьесы расширяется за счет рассказов актеров, упоминаний маршрутов их путешествий. Гурмыжская получила от Несчастливцева подарки с разных сторон света. «Из Карасубазара послал ей туфли татарские, мороженую нельму из Иркутска, бирюзы – из Тифлиса, кирпичного чаю, братец, из Ирбита, балык – из Новочеркасска, малахитовые четки – из Екатеринбурга, да всего и не упомянешь», – говорит Несчастливцев [2, с. 308–309]. Мир усадьбы Гурмыжской, лес, в который приходят актеры, является его частью, островском большом мире и одновременно противопоставлен ему: «И в самом деле, брат Аркадий, зачем мы зашли, как мы попали в этот лес...? Пусть их живут, как им хочется! Тут все в порядке, братец, как в лесу быть следует» [2, с. 362]. Несчастливцев оставляет лес с его законами жизни, и читатель понимает, что мир этот остается без должного поэтического проблеска: как мы узнаем из слов Восмибратова, планируемая свадьба Аксюты и Петра будет показным действием.

У Чехова жизнь усадьбы также противопоставлена большому миру, однако все отчетливей в комедии звучит мотив исчезновения сада, растворения в жестоком мире светлой красоты. Герои

приезжают из-за границы, чтобы в финале совсем покинуть дом.

И Островский, и Чехов мастерски выстраивают иерархию своих героев, умело сопоставляя и противопоставляя их. У обоих драматургов персонажи представляют собою разные социальные типы, существовавшие в России. У Островского мы видим помещиков, купцов, слуг, актеров. У Чехова – дворян, буржуазию, революционно настроенную молодежь. В обеих комедиях можно говорить именно о системах противопоставлений по различным линиям: благосостояния, способности зарабатывать на хлеб честным трудом, порядочности, душевности, чуткости, лицемерия, способности творчески преобразовывать жизнь. И если у Островского есть люди, способные противопоставить лесному укладу свободную жизнь, то у Чехова в «Вишневом саду» все изображенное словно обречено на вымирание, не случайно в комедии особенно важным оказывается мотив конца.

Герои Островского тоже ждут финала чего-либо, свершения каких-либо событий, но их планы, в основном, определены: Гурмыжская ждет того времени, когда она сможет открыто сделать Буланова любовником, а еще лучше – мужем, Аксютка мечтает стать женой Петра. И в этой *продуманности будущего* (курсив мой – Е.М.), в этих планах чувствуется ограниченность людей, «комедиантов», играющих для собственной забавы. От них резко отличаются настоящие артисты, игра которых переходит в жизнь, но и жизнь их неотделима от игры.

У Чехова все герои тоже чего-то *ожидают*. Но если Несчастливцев, несмотря на бедность, идет вперед, то герои Чехова ждут рокового часа, постоянно оглядываясь назад, на прожитую жизнь: «Гаев вспоминает юность, указывая сестре на определенную комнату, Раневская вспоминает, что было в Париже, малодушно увлекаясь остатками красивой жизни, Фирс припоминает еще более далекое прошлое: «В прежнее время, лет сорок – пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, маринвали, варенье варили, и бывало...» [3, с. 633].

В «Лесе» мы видим несколько сюжетных линий, мастерски связанных драматургом: линию Гурмыжской и ее нереализованных чувств, линию Аксюты и Петра и линию актеров. Несмотря на

то, что читатель понимает всю низость и пошлость жизни Гурмыжской, ограниченность и приземленность жизни Аксюши с Петром, мы видим, что герои добиваются именно того, чего хотели. Впрочем, симпатии читателя остаются на стороне актеров, а значит – вечного поиска.

В «Вишневом саде» мы также созерцаем несколько сюжетных линий: одна связана непосредственно с вырубкой сада, другая – с тянущимися непонятными отношениями между Лопухиным и Варей, третья – с идеями молодых (Ани и Пети) на будущее. У Островского логические, аналитические связи между героями и поступками ярче – действия героев Чехова, на первый взгляд, кажутся нам необоснованными. Но это происходит из-за того, что личные стремления персонажей не нейтрализуют остро стоящей в комедии проблемы, заключающейся в недовольстве героями жизнью.

Гурмыжская у Островского вынуждена продавать лес купцу Восмибратову, продается с аукциона имение и вишневый сад, покупателем становится купец Лопухин. Указанные продажи в пьесах имеют символический смысл: вряд ли долго протянет на плаву Гурмыжская, учитывая замыслы ее бестолкового возлюбленного, гимназиста Буланова: «Нам с Раисой теперь нельзя тратить ничего лишнего. Я хочу конный завод завести, пруды надо чистить, копать канавы» [2, с. 360]. Оба драматурга сцепляют воедино все линии, и перед читателями встает главный конфликт: актеров и обитателей леса, героев «Вишневого сада» и жизни.

Примечательно, что в рассматриваемых комедиях драматурги очень быстро включают читателей в разворачивающиеся события. Экспозиция «Леса» очень насыщена, в ней в сжатом виде изображены уже многие проблемы. У Чехова первое действие является по преимуществу экспозиционным. Здесь постепенно раскрывается предыстория события, развернувшегося в пьесе, а также дается общая характеристика героев и их взаимоотношений. Но приезд хозяев домой открывает их несостоятельность, неуверенность, хотя речь о продаже и возможной вырубке сада будет идти позже. Более того, первое действие очень динамично благодаря все нарастающим воспоминаниям героев.

Большое значение в пьесе Чехова имеет повтор звука, ведь еще во втором действии, когда все сидят задумавшись, в полной тишине раздается звук лопнувшей струны (повторяющийся в финале), который предвещает недоброе.

Важно, что в обеих комедиях герои приходят и уходят, приезжают и уезжают. В целом в пьесах можно говорить о линейной композиции комедий, но нельзя не учесть мотивов, создающих своеобразные круги: актеры, навестившие лес, решительно уходят, а герои «Вишневого сада» опаздывают: сначала задерживается поезд и они не вовремя приезжают домой, после сами персонажи

опаздывают на поезд. Кроме того, интересно, что на поезд опаздывает и Лопухин, купивший на торгах сад: «Мы к поезду опоздали, пришлось ждать до половины десятого» [3, с. 659]. Данный мотив помогает нам понять, что противопоставление Лопухина разоряющимся и растерянным дворянам очень условно.

Еще А.Л. Штейн отметил, что в основе строения «Леса» лежит принцип парности. Этот основной принцип композиционного строения помогает Островскому изобразить богатство человеческих характеров. Чехов вслед за Островским использует этот же принцип, однако помимо указанных функций в «Вишневом саде» он еще и помогает нам проникнуть в психологию героев.

У Островского первостепенное значение имеют события, у Чехова – состояние героев и их отношение друг к другу и к жизни. Общая зависимость героев друг о друга придает комедии Островского динамизм. Герои Чехова связаны родственными связями, но волнуют их не внешние события, а собственные переживания, которые и делают их равнодушными по отношению к другим.

Комедия Чехова, не лишенная драматических красок, имеет несомненно новаторскую композицию по сравнению с предшествующими произведениями. Композиционная сложность «Леса» состояла в наложении друг на друга нескольких линий. Но в построении «Вишневого сада» есть иная, новая функция, заключающаяся в поддержании жанровой сущности пьесы и определении ее основной светло-лирической окраски. Г.П. Бердников отметил, что изначально «Вишневый сад» был задуман Чеховым как пьеса в трех длинных актах. Но автору потребовалось и четвертое действие, которое оказалось необходимым для прояснения не столько положения героев, сколько для соответствующего завершения пьесы, ведь в финале третьего действия Раневская горько плачет. «Четвертое действие должно было не только прояснить характеры действующих лиц и их судьбу, и тем самым идеи, мысли, лежащие в основе пьесы и определяющие ее тональность, но должно было даже внешним своим звучанием подчеркнуть бодрую, оптимистическую мысль пьесы» [1, с. 197].

Согласно отмеченной нами выше особенности, бытовые детали и подробности несут у Островского и Чехова свои особые функции. Островский в «Лесе», подчеркивая те или иные несовершенства героев, выявлял пороки среды. Вне всякого сомнения, в «Лесе» мы видим угнетателей и жертв, властителей и моральных рабов, автор, в основном, подчеркивает жизненно-бытовые черты своих героев. В «Вишневом саде» в центре стоит продажа усадьбы и связанные с этим волнения и страдания Раневской. Но на протяжении всей пьесы драма Любви Андреевны погружается в процесс общего бытового обихода. С самых начальных сцен герои

оказываются с теми проблемами, которые будут волновать их до финала. Мы видим Варю со своими особыми заботами и тайной печалью, Лопухина, озабоченного очередными делами на завтрашний день, Епиходова, Фирса, Симеонов-Пищика, Дуняшу. И далее, на всем протяжении пьесы, вокруг Раневской не прекращается вращение этих маленьких миров, так трудно соотносимых друг с другом.

Если в пьесе Островского процветает реальное зло, состоящее во лжи, фальшивой игре для удовлетворения своего честолюбия или реализации давно лелеяемой мечты, то у Чехова нет правых и виноватых, нет злодеев, жизнь оказывается серой, не приносит настоящей радости ни одному из действующих лиц.

Герои Чехова, возможно, именно вслед за персонажами Островского играют роли. Разумеется, у Островского игра пронизывает всю комедию, но ведь и у Чехова разорившаяся Раневская играет в богатую барыню и ей это очень нравится, по крайней мере, в финале комедии отказываться от этой игры они явно не собираются, несмотря на продажу сада. Мотив игры выполняет и важную композиционную роль: играя роли, герои не двигаются по жизни, они статичны. Например, Несчастливцев у Островского разыгрывает представление, отводя себе роль благородного офицера, он вроде бы обманывает жителей усадьбы, а, на самом деле, обманывается сам, становясь участником более глобального комедийного спектакля, который разыгрывает Гурмыжская.

Герои Островского и Чехова мечтают о лучшем будущем, а сами драматурги показывают читателям неотвратимость жизненных переворотов. Только вот жизнь переворачивается, изменяется, а в какую сторону? И что при этом способны сделать герои? Сила у персонажей Островского есть, но сила прогрессивная, преобразующая мир, еще таится где-то на пути. Чехов также скептически относится к срокам и ближайшим возможностям ожидаемого переворота, хотя нигде не говорит о необходимости, благотворности и неминувости этого переворота.

Несчастливцев чуток и не лишен таланта, но он нищ, полуграмотен, уже при появлении в пьесе он имеет усталый вид. Точно так же мало надежды у читателей «Вишневого сада» на то, что Аня и Петя смогут когда-нибудь насадить свой сад. Внешне молодые герои противопоставлены Раневской и Гаеву, в комедии параллельно рыданиям, перебивая и приглушая их, со двора несутся радостные, возбужденные, призывные голоса Ани и Трофимова: «Мама! ... Ау!...». Но именно этот контраст, смех во время плача подсказывает читателю, что мечты Ани останутся мечтами.

Как и в «Дяде Ване», в «Вишневом саду» большое значение имеют паузы. Они характеризуют то

или иное психологическое состояние действующих лиц, например, неловкость всех присутствующих после речи Гаева перед книжным шкафом. Очень часто паузы подчеркивают глубину переживания, создают необходимое эмоциональное настроение, расширяют значение, досказывают, обогащают содержание слов и реплик.

Музыка в комедии помогает Чехову оттенить доведенные до предела переживания, подчеркнуть их контраст. Драматург использует многочисленные ремарки, которые не только по количеству, но и по детальной разработанности, по богатству своих оттенков превосходят ремарки предшествовавших ему драматургов, в том числе Островского.

Если у Островского герои внимательны к словам друг друга, потому что в игре, которая ведется каждым из них, большое значение имеют реплики каждого, то у Чехова создается впечатление глухоты персонажей друг к другу. Отражая особенности живых бесед, Чехов намного чаще, чем Островский, превращает диалоги в многоголосые разговоры.

Торги и продажа сада не изображены автором, а относятся к внесценическому действию, которое придает пьесе объемность, позволяет автору избежать описания того, что совершается закономерно.

Композиционное целое пьесы выстроено мастерски: среди бытовых мелочей нет лишнего. Как и ранее у Чехова многие прерванные диалоги оказываются договоренными, законченными.

Наконец, важными композиционными скрепами оказываются символы леса и сада. У Островского и Чехова лес и сад представляют полноту жизни, ее насыщенность, смысл, уходящие для изображенных героев. Лес у Островского – это, с одной стороны, непролазная глушь, где царствуют комедианты. Так, А.Л. Штейн писал: «Слово “Лес”, стоящее в заглавии пьесы, имеет, как известно, двоякий смысл. Оно обозначает не только тот лес, который помещица Гурмыжская столь неудачно продает купцу Восмиборатову. Оно символизирует и ту темную, непролазную глушь, в которой живут герои комедии, и те темные дела, которые они творят в этой глуши» [4, с. 225]. Но, кроме того, лес – это еще и источник жизненной силы, которого лишается Гурмыжская. Куда повернется эта высвободившаяся сила? Уносит ли ее с собой Несчастливцев? Вряд ли. Финал комедии «Лес» заставляет читателя задуматься о переменах, о грядущей жизни. Продажа сада у Чехова оставляет Раневскую и Гаева не только без средств, но, что самое главное, без видимой цели существования. Но тем более необходимым оказывается поиск новой цели, обретение смысла жизни.

В финале комедий читатель испытывает двойственные чувства. Островский смеется над пошлостью и лицемерием, Чехов грустит о настоящем, но читатель чувствует, что нельзя мириться с тем, чтобы люди жили без радости, чтобы все, что име-

ется в человеке живого и поэтического, оставалось без применения, погибало под гнетом развратного невежества или умирало в постоянной, скрытой и тоскующей печали.

Библиографический список

1. Бердников Г.П. Чехов-драматург. Традиции и новаторство в драматургии Чехова. – Л.; М.: Ис-

кусство, 1957. – 247 с.

2. Островский А.Н. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. – М.: Худ. лит., 1987. – 495 с.

3. Чехов А.П. Избранные сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Худ. лит., 1986. – 671 с.

4. Штейн А.Л. Мастер русской драмы. Этюды о творчестве Островского. – М.: Сов. писатель, 1973. – 432 с.

УДК 821.161.1.09

Морозов Николай Георгиевич

кандидат филологических наук

Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова

СЮЖЕТНЫЙ СЛЕД «ЖИТИЯ» СЕРАФИМА САРОВСКОГО В РАССКАЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «СВЯЩЕННИК КРОНИД»

В статье осуществляется попытка определения мотивов «Жития» Серафима Саровского в сюжете рассказа Б.К. Зайцева «Священник Кронид».

Ключевые слова: Б.К. Зайцев, «Священник Кронид», Серафим Саровский, мотивы, сюжет.

По мере развития повествования о деревенском священнике Крониде, всё более явно начинают определяться сюжетные фрагменты, в которых проступает агиографический подтекст. Летняя гроза, изображённая Зайцевым во второй части рассказа, приносит в мир деревни энергию жизни, обновления, божественной красоты. Эта картина способствует выявлению житийной основы образа старого сельского пастыря, неуловимо напоминающего древнерусского святого. Здесь каждая деталь природного пейзажа становится особым рода знаком-атрибутом в портретной характеристике героя, напоминая читателю об особом языке искусства иконописцев: «...Алмазные капли прорезывают сверху вниз воздух, и божественная радуга висит на небе. Крон в солнечных лучах идет домой и подбирает рясу. Дома, у забора, жемчужно-белый жасмин цветет растрепанными шапками, и к отцу Крониду плывет душный запах. Вечер блистает» [1, с. 75]. В этой тихой, прозрачной красоте пейзажа есть все приметы иконописного мастерства Дионисия: небесная палитра цветов, белоснежный тон для риз, драгоценные камни в окладе блистающие.

По мере развития повествования в сюжете рассказа всё более отчетливо начинают определяться мотивы древнерусской агиографии. Они возникают сначала как едва уловимые волны новой мелодии на фоне торжественно звучащего праздничного хора. Праздничный летний день склоняется, в этой картине сельского вечернего пейзажа всё дышит любовью и сердечной теплотой. Средоточием этой душевной благодати выступает священник Кронид. Всё, что есть живого в этом мире дольнем, тянется к нему: «Из-под кухни выскочил галопом кофейный пес Каштан. Он бежит увальнем, тело его огромно и мягко; он тепел в движениях, голова его медвежья, с кругленькими желтыми глазами <...> Крон гладит его по голове и проходит

в дом» [1, с. 75]. На фоне предыдущей пейзажной и портретной символики, связанной с агиографическими мотивами, вряд ли случайными подробностями следует признать сходство домашнего пса Каштана с неким подобием прирученного медведя. В «Житии преподобного Сергия Радонежского» есть известный эпизод иноческого подвига Сергия, когда медведи были послушны великой силе любви, исшедшей от святого. Избыточно большие размеры Каштана, его «медвежья голова» с медвежьими маленькими, «круглыми глазками» обретают особый смысл.

Этот «огромный и мягкий», похожий на большую игрушку зверь с медвежьей головой наполнен теплом приязни к священнику Крону, любви к нему. Говоря о житийных мотивах в рассказе «Священник Кронид», нельзя исключить воздействие на творческое сознание Б.К. Зайцева ещё одного произведения. Речь идёт о достаточно известных в начале XX века в России статьях и книгах церковного публициста Евгения Николаевича Погожева (1870–1931), посвящённых истории русского старчества. Е.Н. Погожев, публиковавшийся под псевдонимом Евгений Поселянин, создал замечательную книгу о деяниях преподобного Серафима Саровского, в которой был житийный фрагмент о приручении старцем медведя. Приведём этот отрывок: «Не раз видали его кормящим громадного медведя, который, по его слову, отходил в чашу леса, а потом возвращался опять» [2, с. 35]. В рассказе Б.К. Зайцева «Священник Кронид» не случайно подчеркнуты медвежья голова собаки Каштана, его маленькие медвежьи глазки и огромные размеры. Отец Кронид гладит голову ласкающегося к нему странного животного: медведя, превратившегося в домашнего сторожевого пса, верного и любящего друга. Как известно, традиционность – одно из ведущих начал древнерусской литературы. Эпизод «Жития Сергия Радонежского»

нежского», в котором великий подвижник земли Русской христианской любовью и кротостью превратил огромного и страшного лесного зверя в ласкового, доверчивого питомца, повторился в книге Е. Поселянина о Серафиме Саровском. Этот мотив житийных произведений определяется и в рассказе Б.К. Зайцева «Священник Кронид».

Так, в агиографическом контексте рассказа «Священник Кронид» определяется параллель с известным фрагментом «Жития преподобного Сергия Радонежского». В результате образ главного героя, сельского пастыря, обретает дополнительное сходство с подвижником, творящим чудеса.

Агиографические мотивы нарастают по принципу градации, гиперболизируя образ отца Кронида. Пейзажные эпизоды в таком контексте обретают симфоническое звучание: удар молнии, раскаты грома и радуга оказываются знаменами, свидетельствующими о гармоническом порядке в небесных и земных сферах, о их творческом созвучии и согласии. Проводником этих созидательных энергий любви и гармонии выступает в рассказе Зайцева пастырь-праведник отец Кронид. Поэтому развитие событий в мире природы имеет некий библейский отзвук: радуга над деревенским миром и отцом Кронидом напоминает о той легендарной ветхозаветной радуге, которой Творец украсил небо после всемирного потопа, в знак окончания скорбей и наступления времён благодати и новой жизни, очищенной от груза прошлых грехов старого человечества. Этой древней, восходящей к библейским временам благодатью, овеяны заключительные фрагменты рассказа Зайцева. В облике отдыхающего седовласого пастыря Кронида есть нечто близкое библейскому праотцу Аврааму, идиллически погружившемуся в благочестивые раздумья, отдыхающего от праведных трудов. Но Зайцев, подобно Ф.И. Тютчеву в позднем периоде своего творчества, открывает для читателей духовный космос в формах оригинальной, русской культуры. Его сельский пастырь окружён явлениями русской природы, символическое значение которых вызывает в памяти читателей ассоциации с известными древнерусскими житийными произведениями, например с «Повестью о Петре и Февронии». Во второй части «Повести», как известно, княжеский гонец, разыскивающий в деревне Ласково чудесного лекаря для змееборца князя Петра, встречает необыкновенной красоты деву Февронию, у ног которой прыгает ручной заяц. Деталь многозначная: приручить пугливого зайчика способна лишь героиня, наделённая сердечной любовью ко всему существу, обладающая прозорливой

мудростью и светлой душой. Ни в каком другом памятнике древнерусской агиографии нет подобного сюжета. Потому-то столь важно заметить повторение этой приметы в финале рассказа Б. Зайцева «Священник Кронид»: «Крон медленно поднимается на гору за рекой и бредёт тропинкою среди молодых ржей. <...> Довольно жарко еще идти, он хочет отдохнуть. Снимает шляпу; полуседые волосы свешиваются вниз. Как старый пастырь, он глядит вниз на село и думает о чем-то. Вдруг слышит сзади слабый шорох. На краю зеленеющего клевера стоит зайчик; он выбежал веселым галопцем на теплую зарю и, увидев Крона, замер. Вот он поднялся на задние лапки, двигает ушами, и усы его беспокойно ходят. Все серое слабенькое тельце подрагивает и полно святого любопытства. Крон молчит и улыбается. Зайчик прыгает и медленными скачками, не боясь, пробегает в десяти шагах <...> Батюшка все улыбается и встает» [1, с. 75–76].

Как видим, Б. Зайцев, сохраняя верность основным приметам жанра и стиля древнерусских житийных произведений, по-своему их трансформирует. Зайчик в финале его рассказа словно тянется к доброму батюшке, а перепелка вторит этому доверительному порыву. В результате образ отца Кронида вырастает до размеров народного подвижника, наделённого даром невербального, духовного общения с природой. Кронид понимает единый язык, данный Богом людям и тварям земным – язык любви, мира и благодати. Сделанные наблюдения дают основание для следующих выводов, касающихся специфики жанра, стиля, композиции и образов рассказа «Священник Кронид»:

1. Жанрово-стилистическое своеобразие данного художественного произведения можно определить как мозаичного характера смешение фрагментов семейно-бытового очерка из жизни сельского духовенства и крестьянства с фрагментами, содержащими мотивы древнерусских житийных произведений.
2. Рассказ «Священник Кронид» представляется возможным определить как первый опыт Б.К. Зайцева в создании литературного жития.

Библиографический список

1. Зайцев Б.К. Сочинения. В 3 т. Т. 1. – М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. – 571 с.
2. Дивеевская тайна и предсказания о Воскресении России. Преподобный Серафим Саровский Чудотворец: сборник. – М.: Вече, 2010.
3. Колтоновская Е.А. Борис Зайцев // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 2. – М.: Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ ИВАНА БУНИНА 1917–1953 ГГ.

В статье предпринята попытка проанализировать жанровые особенности коротких рассказов Ивана Бунина периода эмиграции и выявить в данных произведениях черты, характерные для других литературных и документальных жанров.

Ключевые слова: Иван Бунин, эмиграция, жанр, короткая проза.

Вопрос о жанровой специфике литературных произведений важен и актуален. Проблемы определения жанра были рассмотрены в научных трудах таких отечественных учёных, как М.М. Бахтин, В.В. Кожин, Б.В. Томашевский, В.В. Дементьев, Н.Л. Лейдерман, Н.Д. Тамарченко и другие. Также большой вклад в освещение теории жанра внесли зарубежные исследователи Р. Уэллек, О. Уоррен, А. Фаулер [8, с. 100–131].

Проблема определения жанра актуальна для всей художественной прозы XX века. В этот период происходит духовный кризис культуры в целом и литературы как её неотъемлемой части. Литературное творчество многих русских писателей было направлено на поиски новых идейно-нравственных ценностей, которые повлекли за собой отход от общепринятых жанровых канонов, расширение и стирание границ между многими жанрами, что в итоге привело к синкретизму в литературе и искусстве XX столетия [6].

Первая половина XX века ознаменована многими историческими событиями, и все они в той или иной степени получили освещение в прозе Бунина. Сами прозаические произведения очень разноплановы по своей проблематике, поэтике и жанровой специфике, что создаёт определённые трудности при их изучении. Кроме того, творчество Бунина условно можно разделить на несколько периодов. Особое место в этой дифференциации занимает период эмиграции писателя – время осмысления исторических событий и переоценки морально-нравственных ценностей.

Эмигрантский период – это творчество уже зрелого Бунина, сформировавшего своё особое видение реальности, мастерски изображённой в его творчестве. За годы эмиграции Бунин написал множество произведений, среди которых его единственный роман «Жизнь Арсеньева», сборник рассказов о любви «Тёмные аллеи», рассказы и повести, стихи. Эмиграция сильно повлияла на писателя, определив новый виток его творческой направленности. Особый интерес для нас представляет малая проза Бунина, создаваемая с 1917 по 1953 год. К ней мы относим небольшие по своему объёму рассказы, не объединённые циклом: «Роза Иерихона», «Безумный художник», «Далёкое», «Несрочная весна», «Богиня Разума», «Ка-

нун», «Слепой» и другие. Н. Любимов называет такие рассказы миниатюрами [3, с. 518].

Прежде чем рассматривать жанровую специфику коротких рассказов Бунина, целесообразно ввести понятие жанра как литературоведческой проблемы в целом. Литературные жанры – это группы произведений, выделяемые в рамках родов литературы. Каждый из них обладает определённым комплексом устойчивых свойств. Жанры с трудом поддаются систематизации и классификации из-за их количества, специфики культуры и объёма [9, с. 220–221].

К жанру миниатюры Бунин обращается ещё в 1900–1910-х гг. Это пейзажные, бытовые, психологические этюды и путевые очерки: «Сосны», «Новая дорога», «Золотое дно» и др. Конечно, по большей части это пока ещё только эскизы. Но Бунин создавал миниатюры и после таких крупных произведений, как «Деревня», «Суходол», «Митина любовь». Особенно серьёзно он работает над миниатюрами после окончания первой части «Жизни Арсеньева». Некоторые «краткие рассказы», как называл их сам автор, не занимают и целой страницы. Развязкой им служат чьи-нибудь слова, контрастирующие с содержанием миниатюры, и в силу этого запоминающиеся благодаря своей народно-образной меткости («Ведь какая была женщина! По дородству, по статности прямо игуменьей быть. А теперь – никуда: одни стропила остались». – «Стропила») [1, т. 3, с. 261], или диалог, в котором выявляется анекдотичность ситуации («Староста! Что это ты делаешь? – Окно слуховое забиваю. – Зачем? – От кометы». – «Комета») [1, т. 3, с. 260], или авторские сентенции («Чужая душа – потёмки». – «Нет, своя собственная гораздо темней». – «Дедушка») [1, т. 3, с. 262]. Во многих миниатюрах развязка вынесена за их пределы. Бунин обращается к «кратким рассказам» и после окончания «Жизни Арсеньева»: в «Тёмных аллеях» развёрнутые новеллы сочетаются с миниатюрами, где сюжетная линия едва обозначена и где развязки нет, хотя она легко угадывается («Сто рупий», «Смарагд»). Но эти «краткие рассказы» уже нельзя назвать эскизами. Это образцы законченного искусства, которые полностью соответствуют художественному методу писателя [3, с. 518]. Ведь в прозе Бунина сюжетная линия не делает крутых поворотов. Хитросплетённой интриги нет ни в «Деревне», ни в «Суходоле», ни в «Митиной

любви», ни в «Жизни Арсеньева». В повестях, как и в новеллах, на первом месте – психологический анализ, пейзаж, быт, диалог, описание и созерцание. Ради колоритного разговора, ради яркой бытовой сценки, ради описания природы, храмов, домов, городов и деревень Бунин жертвует быстротой в развитии действия [3, с. 519]. Он не анализирует настроение героев, никак его не определяет – читатель сам чувствует его в описании.

Малую прозу Бунина можно формально отнести к жанру рассказа, но данные произведение содержат и элементы таких литературных жанров, как стихотворение в прозе и сказ, а также черты документальных жанров – дневника, письма. Поэтому определение жанра прозаических произведений Бунина является литературоведческой проблемой.

Одним из специфических жанров эмигрантской прозы Бунина является рассказ-дневник. Дневниковые записи всегда имели большое значение в жизни и творчестве Ивана Бунина. Дневник – совокупность фрагментарных записей, которые делаются для себя, ведутся регулярно и чаще всего сопровождаются указанием даты. Такие записи организуют индивидуальный опыт и как письменный жанр сопровождают становление индивидуальности в культуре, формирование личности [7]. Бунин вёл дневник всю свою жизнь, начиная с юности и до последнего дня жизни. По сути, это отдельное произведение, имеющее не меньшую ценность, чем всё литературное творчество писателя. В эмиграции дневник становится для Бунина важной частью творческого процесса. Происходит некий синтез дневниковой формы и формы новеллы. Писатель, по сути, не делает стилистических различий между дневником и художественным произведением. Дневниковые записи наполнены лиризмом и художественными образами, а в прозаических произведениях всё громче начинает звучать голос автора, хотя в доэмигрантской прозе Бунин чаще всего определял себе роль созерцателя: «Так утешаюсь и я, воскрешая в себе те светлые древние страны, где некогда ступала и моя нога, те благословенные дни, когда на полудне стояло солнце моей жизни, когда, в цвете сил и надежд, рука об руку с той, кому бог судил быть моей спутницей до гроба, совершал я своё первое дальнее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во святую землю господина нашего Иисуса Христа» («Роза Иерихона», 1921) [1, т. 3, с. 5]. Этот маленький рассказ содержит в себе глубокие философские размышления о вечной жизни, о душе, при этом в качестве примера Бунин приводит личный опыт, вспоминает собственное путешествие. Те же вечные темы писатель поднимает и в своих личных записях: «Начинается пора прелестных облаков. Вечера с теплым ветром, который еще веет как бы несколько погребной сыростью недавно вышедшей из-под снега земли, прелого жнивья.

На востоке, за Островом, смутные, сливающиеся с несколько сумрачным небом облачные розоватые горы. Темнеет – в Острове кукушка, за Островом зарницы. И опять, опять такая несказанно-сладкая грусть от этого вечного обмана еще одной весны, надежд и любви ко всему миру (и к себе самому), что хочется со слезами благодарности поцеловать землю. Господи, Господи, за что Ты так мучишь нас!» [2, с. 174].

Значительное место в наследии Ивана Бунина периода эмиграции занимает также эпистолярное наследие писателя. Бунин вёл обширную переписку со многими представителями русской эмиграции. Сохранилось большое количество его писем к разным адресатам. Письмом является зафиксированный в компактной форме на бумаге или других материалах текст, сообщение. Также письмо является важной частью общения между двумя и более адресатами [7]. Письмо для Бунина – это возможность диалога, бытового или литературного, возможность поделиться своими мыслями и получить на них отклик, возможность не созерцать, а высказаться. Именно поэтому для некоторых своих рассказов он выбирает эпистолярный жанр, жанр рассказа-письма: «Вчера под ужасным дождём, – у нас вечный дождь, – ездила по делам в город, случайно купила Вашу книгу и читала её не отрываясь на возвратном пути на виллу, где мы живём круглый год из-за моего слабого здоровья. От дождя, от туч было почти темно, цветы и зелень в садах были необыкновенно яркие, пустой трамвай шёл быстро, кидая фиолетовые вспышки, а я читала, читала и, неизвестно почему, чувствовала себя почти мучительно счастливой» («Неизвестный друг», 1923) [1, т. 3, с. 39]. Те же стиль и поэтика проявляются и в бунинских письмах: «...С величайшим удовольствием уехал в Ялту. Здесь очень тихо, погода нежная, и я чудесно отдохнул за эти дни в Вашем доме. Не нарадуюсь на синий залив в конце вашей долины. Утром моя комната полна солнца. А у Вас в кабинете, куда я иногда заходил погулять по ковру, – еще лучше: весело, просторно, окно велико и красиво, и на стене и на полу – зеленые, синие и красные отсветы, очень сильные при солнце. Я люблю цветные окна, только в сумерки они кажутся грустными, и в сумерки кабинет пуст и одинокий...» [5]. Форма письма позволяет писателю напрямую вступить в диалог с читателем, высказать свои мысли открыто, не пряча их в подтекст. Читатель не разгадывает мотивы и поступки литературного героя, он слышит голос самого автора и может ему ответить.

Также в прозе И. Бунина 1917–1953 годов выделяются черты, характерные для жанра сказа. Сказ – вид литературно-художественной прозы, подражающий фольклорным произведениям стилем, специфической интонацией и стилизацией речи для воспроизведения речи сказителя устных

народных жанров или живой простонародной речи вообще. Это художественная имитация монологической речи. Учёные (Эйхенбаум, Виноградов) различают сказ, прикрепленный к образу рассказчика, и сказ, идущий от авторского «я» [7]. В прозе Бунина используется второй вариант: «Давным-давно, тысячу лет тому назад, жил да был вместе со мною на Арбате, в гостинице «Северный Полюс», некий неслышный, незаметный, скромнейший в мире Иван Иванович, человек уже старенький и довольно потрёпанный. Из году в год жила, делала своё огромное дело Москва. Что-то делал, зачем-то жил на свете и он. <...> Чем он у себя занимался, как коротал свой досуг? А бог его знает» («Далёкое», 1922) [1, т. 3, с. 31]. Конечно, писатель значительно переработал данную форму повествования, но основные черты сказа сохранились. Такое построение художественного текста позволяет Ивану Алексеевичу глубже раскрыть характер героя, показать его связь с народной культурой, традициями, всем тем, что было безвозвратно, по мнению Бунина, потеряно после революции. Также жанр сказа демонстрирует и отношение самого автора к народному быту и культуре. Оно не выражено прямо, а передаётся именно через форму повествования, приближая к народным ценностям и самого писателя, и читателя.

Ещё один важный жанр, связь с которым наблюдается в эмигрантском творчестве Бунина – стихотворение в прозе – лирическое произведение в прозаической форме, обладающее такими признаками лирического стихотворения, как небольшой объём, повышенная эмоциональность, обычно бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания. Повествовательное начало в этой форме зачастую ослаблено, а внимание к языковой, выразительной стороне текста, в том числе к образности и собственно прозаическому ритму повышено [7]. Признанным мастером данного жанра является И.С. Тургенев, который оказал значительное влияние на становление художественного метода Ивана Бунина. Бунин обращается к данному жанру в 1930 г., когда создаёт сразу несколько лирических миниатюр в прозаической форме: «Убийца», «Слёзы», «Капитал», «Комета», «Людоедка» и другие. «А потом вагон, второй класс. И какой-то сидящий против меня господин лет за сорок, широкий и стриженный бобриком, в золотых очках на плоском носу с наглыми ноздрями, всё встаёт и, не глядя на меня, – от пренебрежения ко мне, – всё поправляет на сетке свои хорошие, в крепких чехлах чемоданы и чемоданчики. Аккуратный и уверенный в себе господин, спокойный за своё благополучие и строгое достоинство... Шла, однако, уже осень шестнадцатого года» («Канун») [1, т. 3, с. 262]. Каждая миниатюра проникнута лирическим пафосом, тоской по безвозвратно ушедшему

времени, сожалением о невозможности его вернуть. Эти чувства передаются через метафоричность образов, эмоциональность языка произведений и ритмическое построение речи. Но помимо ярко выраженных субъективных впечатлений в небольшом объёме новелл содержится глубокий философский смысл, авторский вывод, его позиция, которая заставляет задуматься каждого читателя.

Таким образом, эмигрантское творчество Бунина представляет собой единый творческий процесс, синтез литературного и документального наследия писателя. Все произведения проникнуты чувством тоски по безвозвратно потерянной родине, и именно эта авторская мысль определяет жанровое своеобразие «коротких рассказов» Ивана Бунина 1917–1953 гг., указывает форму литературных произведений. В рассказах периода эмиграции исчезает повествование от третьего лица, исчезает взгляд со стороны. В малой прозе писатель использует форму первого лица, тем самым показывая сопричастность тем событиям и идеям, которые он рассматривает в своём творчестве. В эмигрантской прозе Бунина наблюдается всё более усиливающееся стремление писателя определить наиболее оптимальный жанр для воплощения философских и общечеловеческих раздумий Бунина об исторических судьбах России в XX веке.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собр. соч. в 4 т. – М.: Издательство «Правда», 1988.
2. Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. – Т. 8. – М.: Издательство «Художественная литература», 1967. – 620 с.
3. Любимов Н. Образная память (Искусство Бунина) // Бунин И.А. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 4. – М.: Издательство «Правда», 1988.
4. Морозов Н.Г. Актуализация старых литературных форм: феномен реализма конца XIX – начала XX вв. // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2006. – № 3. – С. 92–98.
5. Переписка А.П. Чехова и И.А. Бунина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1780-1.shtml (дата обращения: 09.09.2013).
6. Пономарёва Е.В. Жанровый синкретизм малой прозы 1920-х годов // Вестник Южно-Уральского Государственного университета. – 2005. – № 7. – С. 188–196.
7. Словарь литературоведческих терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/?q=456> (дата обращения: 9.09.2013).
8. Теория литературы в 4 т. – Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 592 с.
9. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 257 с.

СЮЖЕТ КРЕСТНОЙ МИСТЕРИИ В ИНТЕРМЕДИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА НАБΟКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»)

Статья посвящена исследованию источников из истории живописи с функцией претекстов и концептуальных референтов, создающих поле интермедиального взаимодействия, необходимого Набокову для свободной трактовки христианского сюжета. Чтобы уйти от миметизма восприятия и добиться мистериальных переживаний, Набоков обращается к интермедиальным аллюзиям и корреляциям, транспонирует технику, приемы построения образа, стратегии символизации и семиотизации из живописи в литературу. Таким образом он возвращает современное искусство к изначальному синтезу – синкретизму, возрождает его мифологически-культовую и магическую функции, присущие искусству в древности, когда оно было неотделимо от религиозно-обрядового действия.

Ключевые слова: жанровая схема крестной мистерии, интермедиальный контекст, полиглотизм поэтического языка

В романе «Приглашение на казнь» в актуальной модернистской эстетике, в интермедиальном поле взаимодействия литературы и изобразительного искусства Набоков осмысливает сюжет крестной мистерии как судьбы мира и человека от их сотворения. Главный герой романа Цинциннат – преступник, осужденный на казнь за «гносеологическую гнусность». Определение состава преступления синонимично духовности, единичности, божественной избранности. Пройдя путем страданий, страха и сомнений, в финале он находит выход из плена «мишурного» кукольного мира. Цинциннат – творец, писатель, ищущий Слово катарсической рождающей силы, освобождается из «темницы языка» [8, с. 58–59], Цинциннат светоносный – от оков тела. Путь в Новый Иерусалим лежит через Голгофу. Жанровая схема крестной мистерии, столь популярной в средневековом театре, «работает» на всех уровнях осмысления и во всех традициях интерпретации романа, к которым тяготеют современные прочтения.

Для того чтобы передать трагический оптимизм христианского мифа, Набоков создает уникальный поэтический язык.

В трактовке пространства, событий, происходящих вокруг Цинцинната, в характеристике персонажей (всего внешнего по отношению к герою мира, обретающего мифологические черты) Набоков ориентируется на театральные коды. Дух трагедии, свойственный театру, позволяет видеть в человеке не то, чем он в действительности является – героя окружают маски, ряженные. Театрализация превращает реальность в репрезентацию, предназначенную для визуального восприятия.

Набоков реставрирует и развивает культурный код XVIII века, когда театр был ориентирован на чисто живописные средства художественного моделирования, а живописи, чтобы осознать факт жизни как сюжет, нужно было предварительно смоделировать его в формах театра.

Такое последовательное двойное кодирование позволяет Набокову осуществить «высшую мечту

автора: превратить читателя в зрителя» [13, с. 342], о чем рассуждал один из его героев в романе «Отчаяние» (1830–1931).

Роман «Приглашение на казнь» тяготеет к сценичности, а сцены – к перерастанию в изображение, в замкнутые миниатюры, организованные по законам композиции фигур на живописном полотне, фиксирующие нелепые поступки странных существ, олицетворенные понятия, ощущения или идеи.

Набоковской прозе свойственна интермедиальность – особая форма диалога культур, осуществляемого посредством взаимопроникновения художественных референций (художественных образов, стилистических приемов, композиционных закономерностей). В его русскоязычной прозе весьма часто упоминаются и описываются произведения изобразительных искусств. Например, экфрасис «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи находим в романах «Машенька» (1926), «Защита Лужина» (1930), обращение к живописным полотнам Ф. Малявина в романе «Подвиг» (1932). Однако роман «Приглашение на казнь» несет в себе информацию о живописных произведениях не в форме экфрасиса.

Набоков создает широкий интермедиальный контекст, обращаясь, прежде всего, к опыту живописи разных времен и стилей: от Эль Греко и У. Хогарта до прерафаэлитов и Пикассо. Он транспонирует живописную технику в поэтику литературного произведения, переносит правила обхождения с материалом, приемы построения, стратегии семиотизации и символизации с языка визуального искусства на язык литературы.

Для изображения бутафорского мира и жителей тоталитарного государства Набоков иронически переосмысливает принцип циклизации У. Хогарта, который использовал его в создании нравоучительных сатирических циклов – известных как примеры «театральности» живописи XVIII века. Каждый из них Хогарт трактует как драматический писатель.

Рисуя тюремную жизнь или мир Марфиньки, Набоков прибегает к живописной технике сюрреализ-

ма: разрушает привычные связи между явлениями, заменяя их абсурдными взаимосочетаниями. При этом предметный мир изображается почти натуралистически достоверно. Набоков переводит язык сюрреалистической живописи на язык литературы, применяя известный прием «*a trompe l'oeil*» (обмана зрения): чтобы утвердить реальность абсурда, вводит в иррациональную систему образов изображение предметов, мотивов подчеркнуто будничных, тривиальных. Он использует прием, похожий на сюрреалистическое «удвоение образа» в живописи. Все посетители, «ввалившиеся» в камеру в сцене свидания, образуют один огромный испуганно-агрессивный, угрожающе-пошлый мир Марфиньки.

Создавая образ Цинцинната Ц., Набоков избирает совершенно иные поэтические средства. Он ищет в живописи дополнительные возможности, чтобы выразить определяющие сущность героя метафизические идеи, восходящие к неоплатонизму [10, с. 782–784].

Набоков обращается к светофанической живописи Тёрнера, рисуя двойной портрет Цинцинната: его видимое тело и *illumination* – внутренний свет, существующий в душе, субстанционально единый с божественным. Портрет «хитро освещенных плоскостей души» в XI главе создан по принципам, очень близким аналитическому кубизму Пикассо в портрете Амбруаза Воллара (1910), состоящем из полупрозрачных дымчатых ломаных плоскостей. Каждая из них – до конца не завершенная, незамкнутая геометрическая фигура, перетекающая своей разомкнутой гранью в другие формы. Так воплощается образ, находящийся в постоянном становлении. Набоков транспонирует живописную технику Пикассо в роман, создавая портрет многомерного Цинцинната.

Сюжет крестной мистерии, разыгрываемой в романе, аллюзивно соотносим с офортами Ф. Гойи «Капричос». Набоков следует принципу великого испанца: социально-политическая сатира, порожденная узнаваемым историческим временем, переплетаясь со сложной символикой и глубокой оригинальной фантастикой, выходит за рамки памфлета на отдельных лиц. Вслед за Гойей Набоков создает собирательный образ всех человеческих пороков и страстей, прежде всего, кровожадного властолюбия под маской лицемерия, таким образом, он поднимается до высот философского обобщения вневременного характера.

Мистерияльный финал «Приглашения на казнь» явственно указывает на другой интермедиальный источник: экстатическую живопись Эль Греко, его полотна «Погребение графа Оргаса» (1586) и «Восстание из гроба» (1595–1598), глубочайшие творения испанской религиозной мысли и живописи.

Эль Греко и Ф. Гойя выступают как внутренние референты, определяющие нарративную стратегию романа.

Полиглотизм поэтического языка, мощные интертекстуальное и интермедиальное поля взаимодействия необходимы Набокову для свободной трактовки христианского сюжета. Он отходит от традиционной трактовки, где каждому эпизоду Евангелия предписаны догмой соответствующие эмоции *со-страдания*: от благоговения до священного ужаса и скорби. В XX веке, в мире, где человек погружен в хаос, далек от гармонии, где любовь Бога, указанный им путь, да и само его существование – вопрос, не менее неразрешимый, чем гамлетовский, такая традиция рождает миметизм восприятия и обесмысливает даже сакральную историю.

Набокову необходимо *со-участие*. Добиться же мистерияльных переживаний можно, найдя максимально точный язык для их выражения. Следуя заветам символистов, мечтавших о том, «чтобы пресуществовала жизнь и стала мистерией» [3, с. 21], Набоков пытается вернуть современное искусство к изначальному синтезу – синкретизму, возродить его мифологически-культовую и магическую функции, присущие искусству в древности, когда оно было неотделимо от религиозно-обрядового действия.

Несмотря на то, что идея «вторичного синтеза» воспринималась как дилетантский абсурд Н.А. Бердяевым или Г.Г. Шпетом и многими другими, Набокову удалось это сделать. Он создает поэтику шока, «вышибающего» читателя, превращенного в зрителя, из привычного ритма его тривиального автоматизированного существования, утратившего связь с духовными источниками бытия.

Задолго до появления «театра абсурда» Набоков разрабатывает абсурдистскую поэтику для изображения идеологической диктатуры. В «Приглашении на казнь» она проникает во все уровни бытия человека, лишая его свободы воли как основы жизни духа, оборачиваясь в быту абсурдом, безумием и бредом. Все это проявляется в жестких играх ряженных, окружающих Цинцинната Ц.; в атаке на омертвевшие формы языка в доведенных до гротеска речах палача м-сье Пьера, судьи и других «служителей закона», в вербализированной живописной технике сюрреализма. Набоков добивается того, к чему стремился и о чем писал намного позже Эжен Ионеско: «Надо не маскировать нити, посредством которых двигаются куклы, но сделать их еще более заметными, не бояться открыть их, дойти до самых основ гротеска, до карикатуры, <...> свести все к пароксизму, источнику трагического» [15, с. 258–259].

В изображении Цинцинната Ц. как современной художественно-поэтической ипостаси «вечного» образа – непризнанного Христа – Набоков развивает принцип викторианских авангардистов из братства прерафаэлитов. Он лишает образ божественного величия, делает его даже слишком человеческим – в непосредственном действии, изобра-

жении, нарративно: в комментариях и обращениях автора к герою. Таким образом, устраняется дистанция в восприятии сюжета крестной мистерии. В «Приглашении на казнь» Цинциннат Ц. – «болезненный отрок» [14, с. 83]. Нечто подобное увидел Ч. Диккенс в картине «Христос в родительском доме» Дж.Э. Миллеса: «На переднем плане отвратительный рыжий мальчишка в ночной сорочке, заплаканный, с искривленной шеей» [9, с. 176]. Как известно, подобная трактовка «вечного» образа его чрезвычайно возмутила. Но такова цель авангардистов всех времен: сильные эмоции, пусть негодования, лучше равнодушия или принятой, профессиональной, и, вместе с тем, стертой трактовки христианского мифа.

Крестная мистерия «Приглашения на казнь» не перестает ею быть. Муки Цинцинната Ц. наполняют первобытной болью, погружают человека в реальность его положения, возвращают утраченное чувство космического.

Среди современных читателей и исследователей Набокова до сих пор живет традиция, порожденная эмигрантской критикой: видеть в его русскоязычной прозе лишь изощренную словесную и литературную игру, – и не видеть философии и метафизики. Размышляя о причинах подобного взгляда, Б.В. Аверин находит, что, во многом, это результат высказываний самого Набокова. Он «не выказывал пристрастия ни к одной конфессии, пренебрегая «общими небесами» и подчеркивая, что у него нет никакого желания странствовать по общепринятым парадизам – чем и заработал себе репутацию человека нерелигиозного, репутацию, мало соответствующую его внутреннему миру и нуждающуюся теперь в пересмотре и опровержении» [2, с. 34].

Опровержение подобного взгляда на Набокова стало центральной темой монографии В. Александрова «Набоков и потусторонность», вышедшей в 1991 году в США. Еще раньше в 1979 году, в предисловии к полному собранию стихов, Вера Набокова обратила внимание читателя на главную тему мужа: «Она, кажется, не была никем отмечена, а между тем ею пропитано все, что он написал; она, как некий водяной знак, символизирует все его творчество. Я говорю о «потусторонности», как он сам ее называл в своем последнем стихотворении «Влюбленность» [15, с. 3–4].

В книге «Дар Мнемозины» Б. В. Аверин приходит к очень важному и точному определению: тип мистики Набокова, утверждаемый им на протяжении всей жизни, иной, чем у символистов – «светлый, дневной, инстинктивно-целомудренный. <...> В основе мистики Набокова лежит представление о высшем разуме, совсем ином и бесконечно более высоком, чем наш, и все-таки воспринимаемом нами благодаря любви, искусству, нравственности, игре, незаинтересованному созерцанию» [2, с. 252–253].

Анализ поэтики романа «Приглашение на казнь» позволяет говорить не только о метафизичности и мистичности Набокова, но и о религиозности его произведений.

В статье «Творческое самосознание» (1910) М.О. Гершензон писал: «Нет, я не скажу русскому интеллигенту: «верь», <...> и не скажу так же: «люби». <...> Что пользы в том, что под влиянием проповедей люди в лучшем случае осознают необходимость любви и веры? Чтобы возлюбить или поверить, те, кто не любит и не верит, должны внутренне обновиться, – а в этом сознание бессильно» [7, с. 85]. Благодаря созданной Набоковым поэтике, идеи любви и веры способны «отозваться» в душе современного читателя.

Библиографический список

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. – М.: Гендальф, 1992. – 544 с.
2. *Аверин Б.В.* Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. – СПб.: Амфора, 2003. – 399 с.
3. *Аверин Б.В.* Набоков и Гершензон // А.С. Пушкин и В.В. Набоков. Сб. докл. международной конференции. – СПб.: Дорн, 1999. – С. 359–365.
4. *Александров В.Е.* Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. Н.А. Анастасьева. – СПб.: Алетейя, 1999. – 320 с.
5. *Андреев Л.Г.* Сюрреализм. – М.: Высшая школа, 1972. – 232 с.
6. *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. – М.: Искусство, 1994. – Т. 2. – 571 с.
7. *Гершензон М.О.* Творческое самосознание // Вехи: Интеллигенция в России // Сб. статей 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 85–109.
8. *Джонсон Д.Б.* Миры и антимирy Владимира Набокова / пер. с англ. – СПб.: Симпозиум, 2011. – 352 с.
9. *Диккенс Ч.* Старые лампы взамен новых // Диккенс Ч. Собр. соч. в 30 т. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 28. – С. 172–181.
10. *Козлова С.* Гносеология отрезанной головы и утопия истины в «Приглашении на казнь», «Ultima Thule» и «Bend Sinister» В.В. Набокова // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Антология: В 2 т. / сост., вступит ст. и примеч. Б.В. Аверина. – СПб.: РХГИ, 2001. – Т. 2. – С. 782–810.
11. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с.
12. *Лотман Ю.М.* Модель билингвальной структуры // Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. – Таллинн: Александра, 2010. – С. 117–128.
13. *Набоков В.* Собр. соч. русского периода: в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 2001. – Т. 3. – 832 с.
14. *Набоков В.* Собр. соч. русского периода: в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 2000. – Т. 4. – 784 с.
15. *Набоков В.* Стихи. – Анн Арбор: Ардис, 1979.
16. *Эсслин М.* Театр Абсурда / пер. с англ. Г. Коваленко. – СПб.: Балтийские сезоны, 2010. – 528 с.

СТИХИЯ ОГНЯ В РОМАНЕ М. ПРИШВИНА «ОСУДАРЕВА ДОРОГА»

Мифологема огня рассматривается как смыслообразующий центр романа М. Пришвина «Осударева дорога». Выявляется своеобразие художественной организации названной мифологеми, его место и концептуальное значение в общей картине мира писателя.

Ключевые слова: Пришвин, мифологема, огонь, стихия.

Роман М. Пришвина «Осударева дорога», являясь, по определению самого писателя, «романом-мифом», представляет собой синкретичное художественное пространство, где актуализированы, в том числе, древнейшие мифологеми, представления о природных стихиях нашего мира. Архетипические образы природных стихий выступают в романе в качестве своеобразного семантико-символического ключа к пониманию философско-художественного своеобразие произведения.

Учение о четырех первичных элементах (воде, земле, воздухе и огне) являлось частью религиозных и философских систем многих мировых культур. Древняя мифология связывала жизнь природных стихий с судьбами людей, что, несмотря на переоценку архаических представлений, сохранилось и получило свое дальнейшее развитие.

Древнейшие образы-архетипы, мифологеми, в которых были зашифрованы архаические представления о сущности природных стихий, оказались востребованы в литературе рубежа XIX–XX веков: «...В системе символизма уже в 1890-е гг. (под влиянием поэзии Тютчева и Ап. Григорьева, отчасти — философии и прозы Л. Толстого, философии Шопенгауэра, Ницше и Вагнера) происходит переоценка всей структуры понятия «стихия». Стихийное начало реабилитируется. Образы стихий становятся доминантами, входят в основные противопоставления символистской картины мира. Создается целостная мифология стихий, одной из отличительных особенностей которой является стремление к синтезу» [2].

Цель статьи состоит в исследовании способов функционирования архетипического образа огня в художественной структуре «Осударевой дороги» М. Пришвина. Огненная стихия представлена здесь в двух ипостасях: как физическое воплощение огня — пламени и как идеальная, сакральная субстанция. В пришвинском дискурсе огонь приобретает космологическую характеристику, ибо выступает в качестве небесного огня: Солнце, молния и пр.

Как известно, у человечества отношения с огнем складывались на протяжении многих веков. Функции огня многочисленны и противоречивы: он создает жизнь и может отнять ее, придает форму и разрушает.

Многие исследователи отмечают двойственную природу огня. В словаре Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» утверждается, что, наряду с живой и мертвой водой, есть «два огня» — «живой» и «мертвый». «Под “живым” огнем понимается огонь, заново добытый трением для особых целей. Живому огню приписывается очищающая, обеззараживающая и вообще добрая, благодетельная сила». По мнению автора, живому огню «противопоставлен отработавший огонь, не мертвый, но и не живой, как первый; огонь, утративший свою творческую силу, уходящий из земного мира вон, уже не способный творить, но способный разрушать, вредить и поэтому тоже активный».

Известно, что стихии полифункциональны, зачастую амбивалентны, поэтому семантическая структура образа огненной стихии полярна: огонь — это добро и зло, созидание и разрушение, защита и наказание, блеск рая и жаркое пекло преисподней. Эти смыслы прослеживаются в мифологиях многих народов и воплощаются в символических знаках, связанных с природной жизнью огня.

На первый поверхностный взгляд может показаться, что огненной стихии в пришвинском дискурсе отводится более скромное место, чем силе воды и земли. Тем не менее, архетипический образ огня становится одним из сюжетобразующих в романе «Осударева дорога», в котором местные жители, старообрядцы, живут в ожидании огненного апокалипсиса. Это ожидание актуализировано в образе старухи староверки, мирской няни, Марьи Мироновны, у которой «было клятвенным решением не уходить с острова перед затоплением из-за того, что мир по Писанию, должен сгореть, а не утонуть» [3, с. 13].

С деструктивной, разрушающей силой огненной стихии в романе связан эсхатологический мотив сожжения мира в конце времен, известный во многих культурах. Стоические философы вслед за Гераклитом Эфесским были убеждены, что старый мир закончит свое существование в огне, а после этого возникнет вновь, обновленный и очищенный. В божественном Откровении христиан говорится, что нынешний, пребывающий в грехе мир преобразится через огонь и будет создан новый, идеальный мир. Поэтому Мария Мироновна в предчувствии близкого апокалипсиса фанатично

утверждает, что «в Писании об огне сказано, – свет кончится от огня. И по всем признакам не успеет вода нас затопить» [3, с. 20].

Живущая постоянным чувством надвигающегося конца «мирская няня» измеряет собственную жизнь и жизни окружающих ее людей приближением очистительного огня Апокалипсиса, поэтому она «неустанно молилась у себя в моленной, а ночью ложилась в гроб, ожидая страшного часа, когда затрубит Архангел и загорится земля» [3, с. 100]. Она была искренне убеждена, что «впереди будет только мученье, и все кончится огненным светопреставлением, все сгорит» [3, с. 173].

Образ огненной стихии символизирует у Пришвина религиозный порыв и глубокую веру у старообрядцев: «И было время, когда с этой молитвой на устах праведники сгорали, а верующие историки написали в книгах, что тут же из огня они в светлых одеждах поднимались в лазурные небеса» [3, с. 176].

Не случайно в исследованиях, посвященных национальному самосознанию, отмечается роль огня как очистительной силы. В частности, Ю.М. Лотман подчеркивает, что из всех стихий «в огне в наибольшей мере выделены признаки мгновительности, эсхатологизма, что ориентирует этот образ, с одной стороны, на Апокалипсис, а с другой — на «русский бунт» [2].

Протест наиболее радикально настроенных старообрядцев прошел волной самосожжений: «Зимой в долгие вечера мы, ребята, слышали от мирской няни, как в старинное время здешние люди боролись за старую веру. Страшно было слушать эти правдивые рассказы о том, как люди собирались в деревянные срубы и, когда царские солдаты подходили – поджигали смоле» [3, с. 17].

Когда начались гонения на приверженцев старой веры, среди последних начали распространяться эсхатологические настроения, что огонь является оружием, карающим и защищающим, поэтому именно самосожжение, отождествляемое с погружением в очистительное пламя, было наиболее распространенным средством защиты веры старообрядцев от никоновской церковной реформы: «В то время, бывало, старец тоже так шепчет губами молитву, а глазами в щелку видит или ушами слышит за стеной, как царские солдаты начинают ломать двери. Тогда он скажет одно только слово: «Огонь!» – и другой верующий поджигает смоле» [3, с. 176].

Пылающий в сердце Марьи Мироновны огонь истинной веры наделяет ее способностью убеждать, вести за собой, зажигать в других людях душевное пламя: «Так распалит, бывало, Марья Мироновна, так настроит наше детское доверие, что вот взял бы сейчас и сгорел бы за старую веру. И так робко спросишь, бывало:

– А нельзя ли нам, бабушка, взять и сейчас вместе с тобой сгореть за старую веру?

– Не спешите гореть, – отвечает она, – успеете. Придет время, все вместе сгорим. Весь свет будет гореть: кто за старую веру, кто – за новую» [3, с. 17].

Главный герой романа, внук «мирской няни», маленький Зук, также оказывается в родстве с огнем. Сопричастность мальчика огненной стихии четко прослеживается в сцене объяснения с Сутуловым, в которой ребенок оказывается уличенным во лжи. Охваченный стыдом и злостью Зук «весь горел, и кончики ушей его почти что светились огнем. Глаза его были опущены, впились в камень. Он весь замер в отчаянной готовности стоять на своем до конца.

Сверкнула первая молния. Загремел первый гром этой грозы. Но куда сильнее этого грома, куда страшней этой молнии были слова:

– Отвечай мне, это ты разобрал завал и спас сто человек?

Зук как загорелся тогда, так и теперь стоял и горел, не отводя пристального взгляда от камня» [3, с. 80].

Более того, внутренний огонь, терзающий душу солгавшего Зуйки, усиливается, сливаясь с природным проявлением небесного огня. Это очень близко мифологическому сознанию, в котором с огнем связана эмоционально-чувственная природа, ему уподобляются сильные эмоции, чувства, желания и идеи, то есть все то, что вдохновляет и воспламеняет душу. Отсюда столь естественна характеристика ребенка, испытавшего сильные чувства стыда и унижения. Сгорая от стыда, он свертывается вниз, в пространство адского пламени, в царство уголовного Рудольфа – бараки, прозванные каналармейцами «конюшней». Это абсолютное дно романа.

Пространство конюшни приобретает черты преисподней, знаменуя собой глубокое падение. Это место, где «людям нечего было взять и у природы», где «им оставалось только грабить друг друга, отдавая свое время и волю картам», где «ночью пляшут и поют, а утром плачут и встают» [3, с. 106–107]. Не случайно обитатели конюшни кажутся Зуйке чертями: «Щеки у них, как и у всех людей, надувались от смеха, но глаза, в то время как лицо смеялось, оставались холодными и злыми: лица не добрели от смеха.

– Черти какие-то! – сказал Зук, переводя свои большие, удивленные глаза с одного лица на другое» [3, с. 81].

Одним из свойств огненной стихии является ее способность переходить на другие объекты, представляя, таким образом, опасность для окружающих. Поэтому в этой сцене небесный огонь словно зажигает гнев у начальника стройки, изгоняющего Зуйку вниз, его «сжигает» мысль о предательстве ребенка, который казался ему прежде прямодушным и честным. Но и в удалении от начальника стройки страдающего ребенка не покидает огонь,

который жжет его изнутри. Он находится в положении, в котором возможно все: с одной стороны, Зук по-прежнему одержим мыслью «чем-нибудь отличиться перед всем обществом»: «и так загорелось и стало больше и больше разгораться у него в душе страстное желание, рождающее героев; желание отличиться, и пусть оно где-то там не удалось, так, может быть, отличится он здесь» [3, с. 84]. С другой, он попадает в зависимость от Рудольфа, соблазняющего мальчика «красивой жизнью».

Зук находится в состоянии внутреннего противоречия: «Конфликт порождает огонь, огонь аффектов и эмоций, и как всякий другой огонь, этот имеет две стороны: он сжигает и одновременно дает свет. Эмоция, с одной стороны, является алхимическим огнем, чье тепло приводит все к существованию и чей жар превращает всякую избыточность в пепел. Но, с другой стороны, эмоции – это миг, когда сталь сталкивается с кремнием, благодаря чему высекается искра, ибо эмоции – это основной источник сознания. Без эмоций нет движения от тьмы к свету или от инерции к движению» [5, с. 234].

Но в романе актуализируется и другая грань образа огненной стихии – созидательная. Огонь ассоциативно связан с солнечной силой, с образом солнца, одаряющим светом, радостью бытия.

Ожидающая на затопляемом острове «неминуемое светопреставление» мирская няня склоняется перед жизнеутверждающей силой солнца: «Старая Мироновна на молитве, искоса поглядывая на преображение жизни на острове, не утерпела и, черная, старая, вышла на солнечный свет из дома и села на лавочку. Весеннее солнце своими живительными лучами угрело старуху, и она, сидя на лавочке, мало-помалу все ниже и ниже стала склонять голову» [3, с. 174]. Солнце – носитель божественного Света, а значит, способно воскресить, одухотворить и преобразить как человека, так и окружающую природу.

Старый мир скрылся под водой, и «начиналась жизнь, порожденная солнцем, но все-таки жизнь сама по себе; не раскаленно-бездушное и такое далекое, а свое, живое солнышко на своем собственном голубом, на живом своем небе» [3, с. 194].

Солнечный свет у Пришвина имплицитно соотносится с феноменом человеческого сознания, выступающего как космическая сила: «Есть у человека особое напряженное внимание, похожее, как если бы тереть друг о друга куски дерева и вдруг они задымятся и явится огонь. Так и тут в таком рабочем внимании после большого напряжения является свет и радость свободы: вдруг рождается спасительная мысль» [3, с. 202].

Космическое сознание есть и в мире животных: «Своим красным лучом солнце загло бисерные глазки, обвело светящимся нимбом мыслящий лобик. Казалось, на опустелой земле с утонувшей

жизнью солнце нашло себе это маленькое животное, и опять и вновь загорелся в нем разум» [3, с. 181]; «Казалось, будто благотворная сила луча заходящего солнца вошла в глаза животного и вышла из него светом разума» [3, с. 198].

Образ солнца создает удивительную картину торжества разумного начала в природе, торжества Всеединства. Космическая солнечная мысль соединяет всех живущих на земле: «Зук, вспомнив дедушку, отвел глаза от крысы, но встретился с такими же глазами у ящериц на малиновом пятне. А там у зайцев засверкали глаза, вон белка на дереве, вон лисица в кусту, там волк и там дальше в лесной чаще на сучках все глаза и глаза. <...> Тогда кажется, будто оттого солнце и погасло, что роздало живым существам свою мысль. Солнце не блесит больше, но зато человек думает, и ему теперь кажется, будто и на всей земле, и в каждом существе горит солнечная мысль» [3, с. 203].

Выброшенный из человеческого общества Зук «сгорает» в своем «индивидуализме», но не погибает: сила огня, символизирующая творческую мысль, спасает подростка: «Маленький человечек, подражая отцу, высек огонь, не думая о том, что очень давно огонь был взят с неба одним из богов, чтоб передать его людям, и сделавший это преступление бог был прикован другими богами к горе Кавказа, и коршун клевал ему грудь. Зук ни о чем таком не думал, высекая огонь, и через этот огонь он вошел в общество людей, имеющих власть над огнем. Раздувая трут, он зажег берестинки и, подкладывая сушь, делал костер, неустанно подчиняясь приказам начальника жизни, человека, имеющего власть над природой» [3, с. 187].

Мифологический образ титана Прометея, похитившего для людей огонь и приговоренного за это к наказанию, имплицитно вплетается в сцену добывания огня мальчиком-помором. Пришвин в своем творчестве создает художественное пространство, где органично сплетаются естественнонаучные знания и архаические верования, где «реальность сказочна, а сказка реальна, где мифическими оказываются не столько вещи (они могут быть самыми обыкновенными), сколько способ их изображения» [1, с. 104].

«Разумный человек» победил в Зуйке маленького себялюбца и помог найти свой собственный путь: «и так оно было, будто Зук своей догадкой отнял у зверей солнечную мысль, и она у всех так бесполезно прошла, а Зук у себя удержал. Он подложил в костер много суши, и человеческий огонь вспыхнул, и опять в кустах загорелись чьи-то глаза, и ящерицы остановились в своем движении вверх, и их маленькие бисеринки загорелись от огня человеческого, и внизу становилось вокруг все теплей и теплей» [3, с. 204]. Животные, стремясь сохранить обретенное, но вновь утраченное с наступлением ночного мрака сознание, стремят-

ся к рукотворному, человеческому солнцу: «ящерицы, почуяв тепло, оставили свой путь к холодному солнцу и быстро спустились к теплу огня человеческого. Звери тоже один за другим стали подбираться все ближе и ближе» [3, с. 205].

Пришвин верит, что человек силой своего разума способен зажечь свое собственное солнце «или, может быть, свою землю подвинет к горячей звезде, и, может быть, даже весь мир когда-нибудь соберет под огонь мысли своей человеческой» [3, с. 205].

Итак, в художественном пространстве романа «Осударева дорога» архетипический образ огненной стихии функционально многомерен и обладает амбивалентной семантической структурой. Мы обнаружили, что этот древнейший образ-архетип в прозе писателя становится художественной доминантой, способствующей созданию единой и целостной картины мира.

Библиографический список

1. *Борисова Н.В.* Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина: Учебно-методическое пособие. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – 227 с.
2. *Лотман Ю.М.* Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/lotman/lot/lot-814-.htm> (дата обращения: 25.02.2014).
3. *Пришвин М.М.* Осударева дорога // Собр. соч.: в 8 т. – Т. 6. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 5–214.
4. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
5. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. / пер. с англ. – К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

О СПОСОБАХ НОМИНАЦИИ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ КУЗНЕЧНОГО ДЕЛА (на материале горнозаводской деловой письменности начала XVIII века)

В статье в ономастическом аспекте (теории номинативной деривации) анализируются общерусские кузнечные термины – гиперонимы «якорь», «гвоздь» и их гипонимы. Освещены этимология, семантика, структура, ареалы терминов.

Ключевые слова: историческая лексикология, деловая письменность, терминология, способы номинации, синтаксическая деривация, семантическая деривация, заимствование.

Одна из задач исторической лексикологии заключается в том, чтобы выяснить, как происходило формирование словарного состава различных терминосистем преднационального периода, чтобы впоследствии выяснить общие тенденции развития словарного состава русского языка в целом. Привлекая к рассмотрению не вошедшие еще в научный обиход архивные материалы, можно проследить историю микросистемы терминов кузнечного дела. В данной статье мы установили способы номинации некоторых кузнечных терминов, определили их производящую базу, установили хронологию функционирования и ареалы как отдельных терминов, так и лексических групп – терминологических микросистем. Внимание сконцентрировано на сущности лексико-семантических изменений бытовых слов (метафоризации) в связи с происходящей терминологизацией, а также на структурных типах терминов.

Формирование производственно-технической терминологии, возникшей на основе общенационального языка, становление нормы русского национального языка отражаются в текстах региональной деловой письменности XVII–XVIII вв. Процессы образования кузнечной, в дальнейшем – горнозаводской, терминологии четко отражаются в лексико-семантической группе (ЛСГ), или микросистеме «Названия продуктов труда».

Источниками статьи послужили материалы деловой письменности преднациональной эпохи: документы Олонекских, Тульских, Уральских заводов, в качестве дополнительных использованы данные исторических и региональных словарей и историко-лексикологических исследований.

Олонекские казенные горные заводы, основанные в начале XVIII в., были вызваны к жизни потребностями Северной войны. Главная цель и назначение их заключались в непрерывном снабжении боевыми и корабельными припасами военных судов строящегося Балтийского флота. Этим и определялся ассортимент выпускаемой продукции заводов.

Олонекские заводы вырабатывали из местной руды металлы – полуфабрикаты разных сортов,

которые шли в дальнейшую обработку или сбывались в виде полуфабрикатов. В процессе обработки металлов чаще всего изготавливали корабельные припасы: 1) боевое оснащение кораблей: оружие, боеприпасы; 2) оборудование на кораблях: якоря, корабельные гвозди и др. Рассмотрим особенности названий второй подгруппы.

В начале XVIII в. на Олонекских горных заводах для корабельного оборудования в значительном количестве изготавливали якоря.

Общеславянское заимствование из греческого языка *якорь* «приспособление для удержания на месте судов в виде металлического стержня с лапами, которые зацепляются за грунт» известно в русской письменности с 907 года [19, т. 4, с. 553; 20, с. 524; 18, т. 3, с. 1656; 5, с. 402], по данным Картолки Словаря русского языка XI–XVII вв. (далее – КДРС), имело общерусский ареал.

В олонекских источниках семантика лексемы *якорь* обычно конкретизировалась с помощью определений, характеризующих разновидность реалии указанием на 1) размер, величину якоря: *большой якорь, средний якорь, малый якорь*, см.: *якорей больших и средних и малых сковат* [1, кн. 558, л. 5. 1714] и др.; 2) конструктивные особенности реалии: *двоерогий якорь, четверогий якорь*: «якорь с двумя, с четырьмя изогнутыми оконечностями (лапами), служащими для зацепа грунта»: *1 якорь двоерогой 4 пуда* [1, кн. 634, л. 1289 об. 1720]; *якорей четверогихъ 21 въсомъ 192 пуда* [1, кн. 634, л. 1078 об. 1717] и др.

Составные наименования (СН) *двоерогий якорь, троерогий якорь* наблюдаются в астраханской письменности начала XVII в.; *великий якорь, малый якорь* – в русских памятниках середины XVII в. [КДРС].

В олонекских документах отмечаются терминологические составные наименования, отражающие названия частей якоря.

Якорная голень – «металлический стержень, к которому привариваются лапы якоря»: *1 якорная голень 1 пудъ* [1, кн. 634, л. 1289 об. 1720]; *якорныхъ рогов и голени по первымъ присланному образцу голени 13, рогов 50* [1, кн. 558, л. 18. 1715].

В исторических и современных терминологических словарях данное СН не отмечается. В современных же олонекских говорах слово *голень* наблюдается в значении «голое», не нарезанное место на винте» [6, с. 16; 13, вып. 6, с. 291].

Исходное значение слова *голень*, в котором оно фиксируется в памятниках письменности с XIII в. и в котором восходит к общеславянскому языку – «часть ноги от колена до ступни» [19, т. 1, с. 428; 14, вып. 4, с. 61; 4, т. 1, с. 366].

Якорная лапа – «часть якоря, имеющая вид лопаты; треугольная, широкая оконечность рогов» [17, т. 1, с. 225; 4, т. 2, с. 236]: *якорные лапы присылать будутъ вскорѣ* [7, с. 508. 1711] и др.

В.И. Даль уточняет значение термина *лапа*: «в изделиях разного рода – расплюснутый загиб или колено» [4, т. 2, с. 236].

Исходное значение слова *лапа*, в котором оно впервые фиксируется в письменности XVI в. и в котором восходит к старорусскому языку – «ступня или вся нога у животных и птиц; стопа у человека» [14, вып. 8, с. 169]. В тот же период (XVI в.) в памятниках письменности лексема *лапа* регистрируется в значении «якорная лапа» [там же, с. 170].

Якорный рог – «изогнутая оконечность лапы якоря, служащая для захвата, зацепа», другими словами, *якорные рога* – «самые отноги веретен, без лопасти» [17, т. 2, с. 144; т. 3, с. 146; 4, т. 4, с. 99, с. 676]: *якорныхъ рогов и голенеи 1596 пуд* [1, кн. 634, л. 1280 об. 1720]; *якорных голенеи 22 прута, рогов 702 прута* [1, кн. 558, л. 18. 1715].

Исходное значение термина *рог*, в котором он фиксируется в русской письменности с XII в. и в котором восходит к общеславянскому языку – «вырос на черепе некоторых млекопитающих» [18, т. 3, с. 131; 19, т. 3, с. 489]. В тот же период (XII в.) в древнерусской письменности лексема *рог* отмечается в значении «выдающаяся часть предмета, подобная рогу» [18, т. 3, с. 131].

В названном значении составное наименование *якорная голень*, *якорная лапа*, *якорный рог* зафиксированы в соловецких деловых документах конца XVII в. [12, л. 4 об – 5. 1679].

В источниках других территорий СН *якорная лапа* и *якорный рог* являются синонимами-дублетами. Ср.: *якорная лапа* – «оконечности рогов, обделанные треугольником, которыми якорь зацепляет за дно» и *якорный рог* – «то же, что лапа якоря» [16, т. 2, с. 511; 16, т. 4, с. 138; 14, вып. 8, с. 170].

С 1717 года в олонекских документах активно употребляется термин *дрек* (*дрег*), заимствованный из голландского *dreg* в Петровскую эпоху [19, т. 1, с. 536] в значении «небольшой якорь» [15, вып. 7, с. 6]: *сдѣлано 182 дрега* [7, л. 536. 1717]; *дреков 5 по 3 пуда* [1, кн. 558, л. 78. 1718].

В словарях детализируется значение термина: *дрек* (*дрег*) – «четырёхлапный якорь»; «четырёхрогий якорь» [16, т. 1, с. 775; 4, т. I, с. 491];

приводится время заимствования данной лексемы – 1720 год [19, т. 1, с. 536; 15, вып. 7, с. 6]. По нашим же данным, наиболее ранняя фиксация лексемы *дрек* (1711 г.) наблюдается в документах Козьминских (Воронежских) заводов, снабжавших корабельными припасами в основном Азовский флот: *четверорогий дреговъ 121 вѣсом отъ 2 до 5 пудъ* [7, с. 508. 1711]. Это свидетельствует о постепенном проникновении слова из Центра Российского государства на Северо-Запад.

В данной микросистеме среди способов номинации продуктивны как синтаксическая деривация, которая представлена типичными СН (*четверорогий якорь*, *якорная голень*), так и семантическая деривация: общеупотребительные слова *голень*, *лапа*, *рог* приобрели специальное терминологическое значение.

На горных заводах для корабельного оборудования и для бытового обихода изготовляли гвозди.

Общеславянская по происхождению лексема *гвоздь* [19, т. 1, с. 399; 20, с. 102] в значении «металлический заостренный стержень со шляпкой на тупом конце, служащий для скрепления чего-либо» известна в русской письменности с X века [14, вып. 4, с. 15]. В памятниках письменности слово *гвоздь* частотно в форме мн. числа *гвозди* или в собирательном значении: *гвоздьѣ (гвоздѣе)* – [там же]; оно имело общерусское распространение [12, л. 7. 1679; 21, с. 50. 1662; 2, с. 116. 1723].

Кроме лексемы *гвоздь*, в олонекских текстах отмечаются единичные случаи употребления в идентичном значении термина *шпикарь*: *мастерская гдѣ ковали шпикари* [1, кн. 799, л. 3. 1727].

Слово *шпикарь* «гвоздь» в этимологических, исторических и в современных словарях, а также в КДРС не фиксируется. Значение слова *шпикарь* помогает раскрыть контекст: *в шпикарной уковки гвоздьѣ иноземецъ... всего у шпикарного дѣла 80 члвкъ* [1, кн. 559, л. 7 об. 1721].

В деловых текстах семантика терминов *гвоздь* и собир. *гвоздьѣ (гвоздьѣе)* конкретизировалась с помощью определений, характеризующих разновидность гвоздей указанием на 1) размер, величину – синонимический ряд (СР): *большой гвоздь*, *крупный гвоздь* «значительный по величине»: *зделано больших гвоздеи 2000* [1, кн. 558, л. 161 об. 1714]; *дано желѣза вѣсом 34 ф на гвоздьѣ крупное* [11, л. 24 об. 1715]; ср. СР: *малый гвоздь*, *мелкий гвоздь* [там же, л. 24]. Названные СН имели общерусское распространение [21, с. 51. 1748; 3, с. 341. 1734];

2) способ обработки: *луженый гвоздь* «покрытый полудой»: *принято гвоздеи луженых малои руки тритцать колодокъ* [8, л. 86. 1709]. С XVI в. в таком значении СН *луженый гвоздь* частотно в севернорусской и тульской документации [21, с. 51. 1761];

3) сорт и назначение. Отметим, что наименования сортов гвоздей (их длина, вес и конструктив-

ные особенности) всецело зависят от их назначения. Строительно-крепежные гвозди: *однотесный гвоздь*, *двоетесный гвоздь* «кровельный гвоздь определенной длины, прошивающий один, два ряда теса» [14, вып. 4, с. 15]; *прислано гвоздья двоетесного 25000, однотесного то же число* [10, л. 1. 1713]. Данные СН имели общерусский характер.

Синонимы-дублиеты *прибойный гвоздь* и *подбойный гвоздь* «строевой гвоздь, служивший для скрепления теса кровли или для прибивания досок в разных постройках»: *куплено гвоздеи 9 тысяч крупных прибойных* [9, л. 8 об. 1703]; *37 тысяч гвоздья подбойного которое куплено у него к строению хоромъ на прибивку холстов* [там же].

В словарях значение СН *прибойный гвоздь* не раскрывается [14, вып. 4, с. 15; 4, т. 1, с. 346], однако контексты свидетельствуют о том, что *прибойный гвоздь* представлял собой особый сорт (разновидность кровельных гвоздей).

По данным СлРЯ XI–XVII вв., первая фиксация СН *прибойное гвоздье* относится к 1574 г. (волоколамские источники). СН *прибойный гвоздь* имело общерусский характер [14, вып. 4, с. 15; 3, с. 341. 1734], а его синоним-дублет *подбойный гвоздь* в источниках других железообрабатывающих промыслов не обнаружен.

Оконничный гвоздь – это «гвоздь, служащий для скрепления оконных рам»: *отпущено к оконничному дѣлу... гвоздеи оконничных фунтъ* [8, л. 86. 1709].

Мостовой гвоздь – «гвоздь, служащий для скрепления досок при строительстве мостов (настилов из досок, бревен)»: *гвоздеи болиихъ мостовыхъ 16 тыс* [1, кн. 557, л. 13. 1722], см. также: *на прибивку мостовъна гвоздье желѣза 5 пуд* [1, кн. 634, л. 32. 1732].

Корабельный (корабелный) гвоздь; *галерный гвоздь* – «строительно-крепежный гвоздь, предназначенный для корабельного, галерного оборудования»: *на корабельные всякие припасы которые велѣно дѣлать на 6 кораблей, и на дѣло корабельного гвоздья 20000 пуд* [7, с. 510. 1703]; *гвоздья корабельногои галерного 11100 пудъ* [7, с. 478. 1721].

СН *мостовой гвоздь*, *корабельный гвоздь*, *галерный гвоздь* в источниках других горнозаводских промыслов не отмечены.

Исследуемая терминология складывалась в разные периоды развития русского языка. Гиперонимы *якорь*, *гвоздь* восходят к древнерусскому (общевосточнославянскому) языку. Ряд слов в терминологическом значении возникает в средне-русский период: *лапа* в значении «якорная лапа». В лексической системе старорусского языка формируются и некоторые СН: *малый якорь*, *двоерогий якорь*, *луженый гвоздь*, *прибойное гвоздье* и др. Большинство разных по структуре терминов пополнило терминосистему в начальный период становления русского национального языка: *якорная*

голень, *якорная лапа*, *якорный рог*, *четверорогий якорь*, *средний якорь*, *мостовой гвоздь*, *корабельный гвоздь*, *галерный гвоздь*, *шпикарь* и др. В терминологию включается заимствование *дрек (дрег)*. Основная масса однословных терминов и СН формируется именно в данный период, то есть на рубеже XVII–XVIII вв. или в первой половине XVIII в.

В большинстве своем анализируемые термины имели общерусское распространение, см. СН: *однотесный гвоздь* и др. Однако в процессе анализа выявлены локальные термины, характерные лишь для олонечкой горнозаводской терминологии, см.: *подбойный гвоздь*, *мостовой гвоздь*, *корабельный гвоздь*, *галерный гвоздь*; *шпикарь*.

Анализ терминосистемы с точки зрения теории номинации свидетельствует о том, что к наиболее продуктивным способам номинации относится синтаксическая деривация, которая представлена типичной структурой – двусловным СН: П + С (*якорная лапа* и др.). Способ синтаксической деривации очень удобен: он систематизирует терминологическую лексику, включает созданный термин в терминосистему путем актуализации гиперогипонимических (иерархических) отношений и позволяет наиболее полно отразить дифференциальные характеристики денотата.

Менее продуктивен способ семантической деривации (в данном случае, метафоризация): термины *рог*, *лапа*, *голень* образовались на основе развития специального терминологического значения у общеупотребительных слов.

Заимствованным является термин *дрек (дрег)*.

Как видно, в преднациональный период формирование исследуемой микросистемы терминов шло в основном за счет внутренних ресурсов русского языка, микросистема формировалась средствами родного языка.

Библиографический список

1. Берг Коллегия: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 271. Табели и ведомости Олонечких заводов. – Оп. 1. – Кн. 557, 558, 559, 606, 634, 799. 1703–1741.
2. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. – 1826. – Ч. 1–5. – 119 с.
3. Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 года. – М., 1937. – 646 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1981–1982.
5. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. – М.; Л., 1937. – 428 с.
6. Куликовский Г.И. Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1898. – 151 с.

7. Материалы для истории русского флота: в 3 ч. – СПб., 1866. – Ч. 3: Балтийский флот. – С. 381–544.

8. Разряд 26: РГАДА. – Ф. 26. – Оп. 1, ч. 2. – Д. №3269. Книга за рукою Петровских заводов казенным анбаром целовальника Павла Пантелеева и Григория Нестерова о приходе и расходе материалов. 1708–1709. – 110 л.

9. Разряд 26: РГАДА. – Ф. 26. – Оп. 2. – Д. № 132. О денежных сборах с разных оброчных статей... в С.-Петербургской Канцелярии. 1703–1710. – 52 л.

10. Разряд 26: РГАДА. – Ф. 26. – Оп. 2. – Д. №150. Дело о доставлении в С.-Петербургскую Канцелярию желѣзных строительных материалов. 1713. – Л. 1–6.

11. Разряд 26: РГАДА. – Ф. 26. – Оп. 2. – Д. №150. Ведомость о приходе и расходе желѣза и других припасов по С.-Петербургской Канцелярии. 1715. – Л. 9–35.

12. РГАДА. – Ф. 1201. – Оп. 1. – Д. № 591. Тетрадь Соловецкого монастыря переписной кузнешные службы городничего соборного иеромонаха Евфимия... 1679 г. – 11 л.

13. Словарь русских народных говоров / сост.

Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–41. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2007.

14. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008.

15. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1–19. – СПб.: Наука, 1984–2011.

16. Словарь церковнославянского и русского языков, сост. Вторым отделением Имп. Академии наук: в 4 т. – СПб., 1847.

17. *Спасский Г.И.* Горный словарь: в 3 т. – М., 1841–1843.

18. *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. – Т. 1–3. – М.: Книга, 1989.

19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / под ред. Б.А. Ларина. – Т. I–IV. – М.: Прогресс, 1986–1987.

20. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. – Изд. 3-е доп. – М.: Просвещение, 1975. – 546 с.

21. *Щеглова Н.А.* Словарь тульского оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв.: прил. к дисс. «Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв.». – М., 1964. – 542 с.

УДК 811.161.1; 821.161.1.09

Фокина Мадина Александровна

доктор филологических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
jan22284@kmtu.ru

ЯЗЫК И СТИЛЬ ЗАСТОЛЬНЫХ РЕЧЕЙ А.Н. ОСТРОВСКОГО

В статье рассматривается система языковых средств торжественных речей драматурга, посвящённых известным актёрам-современникам и открытию памятника А.С. Пушкину в Москве.

Ключевые слова: торжественное красноречие, выразительные средства, речевое воздействие.

Объектом нашего исследования являются четыре застольные речи русского драматурга Александра Николаевича Островского, произнесённые им по разным случаям за период с 1859 по 1880 гг.: «Речь на обеде в честь А.Е. Мартынова 10 марта 1859 г.»; «Речь на обеде в честь артиста С.В. Васильева 11 февраля 1861 г.»; «Речь на обеде в честь Э. Росси 12 апреля 1877 г.»; «Застольное слово о Пушкине» (1880). Первые две речи посвящены русским театральным актёрам, третья – знаменитому итальянскому артисту, который гастролировал в Москве в 1877 году. Особое место в риторической деятельности драматурга занимает «Застольное слово о Пушкине», приуроченное к торжествам, посвящённым открытию памятника поэту в Москве.

Обеденные речи Островского были опубликованы в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1859), «Московских ведомостях» (1861), в «Театральной газете» (1877) и в «Вестнике Европы» (1880). Краткие характеристики торжественных речей драматурга представлены в современной энциклопедии «А.Н. Островский» [6, с. 353].

Застольные слова традиционно относятся к эпидейктическому красноречию – созданию торжественных речей. Эпидейктическая речь – это «торжественная речь по случаю, имеющая своей целью создание у адресата определённого эмоционального состояния, определённого настроения – чувства удовольствия, наслаждения, гордости, радости или, напротив, чувства гнева, презрения, негодования» [4, с. 274–275]. Эпидейктическая речь, обращённая к внеязыковой действительности, даёт представление о нравственных ценностях, содержит похвалу (одобрение) или хулу (порицание); в основе организации и произнесения речи лежат ритуал и правила речевого этикета [11, с. 30]. Лингвистическое исследование эпидейктического жанра включает анализ речевой ситуации, предмета речи, композиции, риторических фигур и языковых средств выразительности [1; 3; 11].

Застольные речи А.Н. Островского, с одной стороны, отражают риторический идеал эпохи (второй половины XIX века), с другой стороны, содержат индивидуальные черты, характеризующие языковую личность драматурга, который был

не только великим художником, но и незаурядным мыслителем: «Он правильно мыслил: приобщаясь к его размышлениям, мы не уходим в тупики заблуждений, а, напротив, становимся на путь верного понимания событий и приближаемся... к истине» [10, с. 7].

Публичные выступления Островского имеют чёткую трёхчастную композицию (зачин, основная часть, концовка); автор использует традиционную коммуникативную стратегию (восхваление по заслугам); преобладают позитивные речевые коннотации; высказывания строго соответствуют торжественности момента и отличаются книжным строем речи.

В начале застольного слова – обязательное официальное обращение к адресату речи и выражение ему благодарности от публики и/или от драматических писателей, и только потом передаются личные впечатления и высказываются мнения от себя, то есть от 1-го лица. Явно прослеживается следующая динамика коммуникативного поведения: Вы (лицо, к которому обращаются с речью) – мы (публика, зрители, литераторы) – я (автор речи). Например:

«Александр Евстафьевич! Публика вас ценит и любит; каждая новая роль ваша для публики новое наслаждение, а для вас новая слава; ...в огромном числе почитателей вашего таланта есть некоторые, их у нас ещё очень немного, – которым ваши успехи ближе к сердцу, которым ваша слава дороже, чем кому-нибудь: это драматические писатели, от лица которых я и беру на себя приятную обязанность принести вам искреннюю благодарность...» (из речи на обеде в честь А.Е. Мартынова) [5, с. 145];

«Сергей Васильевич! Мы единодушно собрались здесь благодарить вас за те минуты чистого наслаждения, которыми вы дарили нас во всё продолжение вашего хотя кратковременного, но тем не менее славного служения искусству. Я, как человек наиболее близкий вам по сцене, мог бы сказать вам многое от себя лично...» (из речи на обеде в честь артиста С.В. Васильева) [5, с. 147].

А.Н. Островский широко использует клишированные обороты, характерные речи творческой интеллигенции второй половины XIX века: *служение искусству; почитатели таланта; честь и слава* и др. Обильно употребляются оценочные характеристики адресатов речи, в том числе перифразы: *желанный исполнитель, сценическая знаменитость* (о русском актёре Васильеве); *желанный гость, превосходный художник* (итальянский артист России). В застольных речах драматурга находим также сентенции, афористические высказывания: *Искусство единит народы и роднит* (из речи, посвящённой итальянскому артисту); *Русская литература в одном человеке выросла на целое столетие* (о Пушкине); *Пушкиным восхищались*

и умнели, восхищаются и умнеют. Интересно используются фразеологизмы, крылатые выражения: *смесь французского с нижегородским; не иметь корней; быть самим собой; на нашей улице праздник* и др.

Трансформированное выражение *смесь французского с нижегородским* восходит к цитате из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: *смешенье языков французского с нижегородским* 'ироническая характеристика французам дворянского общества, часто сочетавшейся с плохим знанием французского языка' [2, с. 379]. Использование известного крылатого выражения Островским способствует усилению антитезы *переводные пьесы – родной репертуар* в «Речи на обеде в честь А.Е. Мартынова»:

«Несмотря на все старания, на всю добросовестность исполнения *переводных пьес*, нашим артистам никогда не избежать *смеси французского с нижегородским*. Переводные пьесы нам нужны, без них нельзя обойтись; **но** не надо забывать также, что они для нас дело второстепенное, что они для нас роскошь; **а** насущная потребность наша – *в родном репертуаре*» [5, с. 146–147].

В этой речи А.Н. Островский обращается также к проблеме творческой интерпретации актёром сценического образа, обращает внимание на взаимоотношения исполнителя роли и автора пьесы:

«Вы помогли автору, вы угадывали его намерения, иногда неясно и неполно выраженные; из нескольких черт, набросанных неопытной рукой, вы создавали законченные типы, полные художественной правды. Вот чем вы и дороги авторам; вот отчего и немыслима постановка ни одной сколько-нибудь серьёзной пьесы на петербургской сцене без вашего участия; вот отчего, даже при самом замысле сценического произведения, каждый писатель непременно помнит о вас и заранее готовит для вашего таланта место в своём произведении как верное ручательство за будущий успех» [5, с. 145–146].

Здесь с помощью глагольного ряда создаётся процессуальная семантика, последовательно характеризуется творческая деятельность актёра: *вы помогли автору; вы угадывали его намерения; вы создавали законченные типы*. Параллельные синтаксические конструкции, часто используемые драматургом, образуют восходящие градации, которые усиливают позитивную динамику творческой деятельности: *вот чем вы и дороги авторам; вот отчего и немыслима постановка... пьесы; вот отчего... писатель... готовит для вашего таланта место в своём произведении*.

Обратимся далее к «Застольному слову о Пушкине». Пушкинские торжества, связанные с открытием памятника поэту, проходили в Москве с 6 по 8 июня 1880 года. Островскому предстояло выступить на обеде литераторов в Благородном собрании,

и это заставило его переработать свою речь, которая первоначально готовилась для публичного заседания Общества любителей российской словесности. Драматург сократил и изменил начало речи, отшлифовал свою мысль до афористической формы. «Застольное слово» было произнесено им 7 июня и произвело на слушателей сильное впечатление.

Речь состоит из трёх традиционных частей: 1) зачин (обращение к присутствующим слушателям); 2) основная часть (о значении великого поэта); 3) концовка (завершающий застольный тост).

А.Н. Островский убедительно и кратко обосновывает две основные заслуги Пушкина. Первая заслуга, по мнению оратора, заключается в следующем:

«Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет всё, что может поумнеть. Кроме наслаждения, кроме форм для выражения мыслей и чувств, поэт даёт и самые формулы мыслей и чувств. Богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием. Высшая творческая натура влечёт и подраживает к себе всех. Поэт ведёт за собой публику в незнакомую ей страну изящного, в какой-то рай, в тонкой и благоуханной атмосфере которого возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства» [5, с. 183–184].

Характеризуя творческую деятельность, драматург создаёт серию метафор с пространственной семантикой, усиливающей масштабность, объёмность пушкинского гения: *умственная лаборатория – незнакомая страна изящного – рай – тонкая и благоуханная атмосфера*. Результаты воздействия поэзии Пушкина на читателя переданы Островским лаконичной и точной формулировкой, которая по смыслу соотносится с «формулами мыслей и чувств» самого поэта: *возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства*.

Далее драматург обосновывает вторую заслугу Пушкина:

«Другое благодеяние, оказанное нам Пушкиным, по моему мнению, ещё важнее и ещё значительнее. До Пушкина у нас литература была *подражательная*, – вместе с формами она принимала от Европы и разные, исторически сложившиеся там направления, которые в нашей жизни *корней не имели*, но могли приняться, как принялось и укоренилось многое пересаженное» [5, с. 185].

Автор речи обращает внимание на подражательный характер допушкинской литературы и трансформирует языковой фразеологизм *пускать корни* ‘становиться постоянным, приобретать силу, устойчивость, укореняться’ [9, т. 2, с. 168]: в преобразованном виде оборот *корней не имели* употребляется в противоположном смысле с негативной эмоционально-экспрессивной окрашенностью.

Углубляя размышления о русской литературе допушкинского времени, Островский замечает:

«Отношения писателей к действительности не были непосредственными, искренними; писатели должны были избирать какой-нибудь условный угол зрения. Каждый из них, вместо того, чтоб *быть самим собой*, должен был настроиться на какой-нибудь лад» [5, с. 185].

Драматург высоко оценивает новаторство, оригинальность и самостоятельность творчества Пушкина, используя фразеологический повтор устойчивого оборота *быть самим собой*:

«Прочное начало освобождению нашей мысли положено Пушкиным, – он первый стал относиться к темам своих произведений прямо, непосредственно, он захотел быть оригинальным и был – *был самим собой*... Он завещал... искренность, самобытность, он завещал каждому *быть самим собой*, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским» [5, с. 186].

Концовка речи, посвящённой Пушкину, проникнута радостным чувством праздника, гордостью за великую русскую литературу. Островский произносит завершающий тост:

«Милостивые господа, я предлагаю тост за русскую литературу, которая пошла и идёт по пути, указанному Пушкиным. Выпьем весело за вечное искусство, за литературную семью Пушкина, за русских литераторов! Мы выпьем очень весело этот тост: *нынче на нашей улице праздник*» [5, с. 186].

Символическое звучание заключительной фразы усиливается двойной актуализацией фразеологизма *на нашей улице праздник*, употреблённого здесь в прямом значении и в переносном смысле: *будет и на нашей улице праздник* экспрес. ‘наступит лучшее будущее’ [9, т. 2, с. 138].

Анализ застольных речей Александра Николаевича Островского приводит к следующим выводам. Устные выступления русского драматурга не являются импровизированными речевыми произведениями. При создании каждой застольной речи учитываются все особенности речевой ситуации, в том числе фактор адресата, то есть аудитория слушателей (деятели культуры и искусства, творческая интеллигенция). Островский тщательно продумывает структуру, содержание, языковое оформление речей. Его выступления носят книжный характер, принадлежат элитарной культуре. После торжественного произнесения речей драматург всегда отдавал их в печать, и они публиковались в ведущих российских газетах и журналах.

Следуя риторическому канону, развивая русскую классическую традицию торжественного застольного красноречия, А.Н. Островский в то же время проявляет себя как оригинальная языковая личность, обладающая высоким уровнем культурно-языковой компетенции. Выступления драматурга отличаются глубиной мысли и метафо-

ричностью языка: объёмные смыслы передаются афористическими речевыми формулами.

Библиографический список

1. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика. – М.: МОДЕК, 2002. – 432 с.
2. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения. – М.: Современник, 1996. – 560 с.
3. Меньшенина С.В. Классификация речей, жанры эпидейктической речи // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2005. – № 7 (47). – С. 181–185.
4. Михальская А.К. Основы риторики. – М.: Дрофа, 2001. – 496 с.
5. Островский А.Н. Вся жизнь – театру: Дневники. Театральные записки. Речи. – М.: Сов. Россия, 1989. – 368 с.
6. Островский А.Н.: Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – 660 с.
7. Фокина М.А. Филологический анализ текста: учебное пособие. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 140 с.
8. Фокина М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков: научная монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 378 с.
9. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров. – М.: Цитадель, 1997.
10. Шаталов С.Е. За кулисами русской сцены // Островский А.Н. Вся жизнь – театру: Дневники. Театральные записки. Речи. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 5–26.
11. Шаталова С.В. Эпидейктические жанры речи: дисс. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2009. – 379 с.

УДК 800.372.8 ; 81'33

Колышкина Татьяна Борисовна

кандидат филологических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ktb-10@mail.ru

Шустина Ирина Викторовна

кандидат филологических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
shustina-irina@rambler.ru

СЛОВА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНОЙ БАЗОВОЙ МОТИВАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В данной статье авторы рассматривают особенности использования слов категории состояния в рекламном тексте. Анализ большого количества данных позволил выявить ведущие негативные мотивы. К ним обращаются составители рекламных текстов, чтобы оказать воздействие на покупателя и стимулировать приобретение товара.

Ключевые слова: реклама, эмоциональное отношение, мотив, слова категории состояния.

Считается, что потребительский выбор определяется мотивами. Именно они обуславливают человеческое поведение, в том числе и поведение, стимулируемое рекламой [1]. Поэтому задача рекламистов не только правильно диагностировать мотив, но и создать ситуацию, когда товар поможет удовлетворить его. Практика показывает, что человек руководствуется устойчивым набором мотивов, именно их и использует рекламодатель, осуществляя воздействие. Часто рекламный текст предупреждает покупателя о том, каких проблем ему удастся избежать в случае приобретения товара. В основе такой рекламы, как правило, лежат негативные мотивы. Анализ рекламных текстов позволил выявить следующие группы негативных мотивов и эмоции, которые составляют их основу (табл. 1).

Указанные мотивации реализуются с помощью различных языковых единиц. Одними из таких единиц являются слова категории состояния, поскольку они обладают весьма разнообразным

семантическим наполнением и служат для номинации как физического, так и эмоционального состояния человека. Рассмотрим, какие мотивации чаще реализуются с помощью слов категории состояния в рекламных сообщениях.

В исследованных текстах преобладает мотив снятия проблемы (21%). Данный мотив чаще реализуется в рекламе товаров предварительного выбора (автомобилей, цифровой и бытовой техники), реже – в рекламе товаров повседневного спроса (продуктов питания). Актуализация мотива снятия проблемы происходит благодаря введению в текст слов категории состояния с модальным значением: *нужно, можно*.

Слова *нужно / не нужно* по-разному вводятся в текст: описывается проблемная ситуация необходимости каких-либо действий, которые возможно осуществить с помощью рекламируемого объекта (*Uaz Patriot Бывает, что в одиночку – никак не справиться... когда **нужно** проявить характер, быстро принять верное решение... когда взаимно-*

Негативные мотивы и эмоции, составляющие их основу

Мотив	Эмоциональная последовательность
Снятие проблемы	Проблема → решение Раздражение → облегчение
Избегание проблемы	Страх → расслабление Страх → успокоение
Неудовлетворение Неполное удовлетворение	Разочарование → оптимизм (позитив)
Смешанно-избегательный Приемлемость – избегание	Конфликт → удовлетворение Противоречие → утешение
Истощение Нормальный износ	Легкое недовольство (неудовлетворение) → удобство (удовлетворение) Умеренное раздражение → удовлетворение

понимание – на вес золота... поможет он – верный, надежный друг!), а может даваться совет, как решить проблему, которая представлена в тексте имплицитно (**Нужно** передать всю свою мощь в контроль над дорогой. Без остатка... Без потерь... Так, как это делает Subaru WRX; Для пылесоса Bosch Roxx'x **не нужно** покупать фильтры, он сам заботится об их чистоте).

Более частотным оказалось слово *можно*, причем в одном тексте с помощью его подчёркиваются возможности товара как средства решения проблемы (Благодаря стильному и компактному корпусу Microtower, их **можно** установить в любом офисе: они будут работать на столе, на полу или там, где захотите. Если вам нужна максимальная отдача инвестиций в ИТ, выбирайте продуктивный и доступные компьютеры HP).

Слово *можно* указывает на возможности потребителя решить проблему с помощью рекламируемого объекта. Учитывая, что таким образом представлена в основном бытовая и цифровая техника, потенциальными потребителями которой являются активные и самостоятельные люди, легко можно объяснить выбор рекламодателями именно такой организации текста (Текст 1. *Высокая мода? Теперь на это **можно** тратить меньше усилий. Вещам, которые дороги моему сердцу, отныне гарантирован безупречный вид. Уникальный сотовый барабан стиральной машины Миле так бережно обращается с ними! У меня с Миле впереди еще не один модный сезон. Текст 2. Смотрите, что может наш принтер. Что бы вы ни захотели напечатать ... на принтерах Оki серии С 3000 это **можно** сделать прямо в собственном офисе, в считанные минуты и без всяких проблем!)*

Мотив снятия проблемы представлен с помощью слов категории состояния, обозначающих интеллектуально-волевое состояние человека, столкнувшегося с проблемой, средством решения которой является рекламируемый продукт (Calve Постный / делает еду вкуснее! «Мы едим то, что мы едим», – слышали такую фразу? А что едите Вы изо дня в день, когда живете и работаете в ритме современного города? В наше время мно-

гие придерживаются правильного питания и отказываются от тяжелой еды на время Поста. Но далеко не всем это благородное стремление дается легко: ограничивать себя во вкусе привычных блюд **тяжело**, особенно тем, кто любит добавлять в пищу майонез. Соблюдать Пост лучше всего с майонезом Calve Постный, который не содержит продуктов животного происхождения. <...> Майонез Calve Постный позволит сохранить вкус любимых блюд во время Поста.) В данном примере акцент сделан на внутреннем состоянии человека, однако чаще встречаются случаи использования слов категории состояния, обозначающих интеллектуально-волевое отношение человека к сложившейся внешней ситуации (Занят телефон? **Трудно** дозвониться до провайдера? Тогда подключай домашний интернет-канал; **Сложно** найти помощника, который был бы одновременно умен и трудолюбив. А вот новый цифровой копир Canon iR 5000 сочетает в себе и то, и другое; Сейчас **проще** чем когда-либо переходить от проводных к беспроводным сетям). Подобная модель организации текста может быть использована в ситуации, когда слова категории состояния, обозначающие интеллектуально-волевое отношение к ситуации, служат как приём олицетворения рекламируемого продукта (**Сложно?** Только не для них! Мощь, точность управления и великолепная маневренность. Автомобили Nissan 4x4; расширяйте свои возможности, стирайте границы, совершайте открытия).

Еще одним частотным негативным мотивом (11%) является мотив избегания проблемы, который отчасти связан с мотивом снятия проблемы, но основан на предотвращении не реализованной, а лишь предполагаемой проблемы. Для реализации данного мотива создатели рекламного текста часто используют слова категории состояния с модальным значением *можно*, *нужно*, *не нужно*, причем слово *можно* наиболее частотно. (Текст 1. *Работайте, развлекайтесь и путешествуйте без проводов! Благодаря мобильной технологии Intel Centrino и модулю беспроводной связи Wifi это стало реальностью. Элегантный широкоформатный ноутбук с высочайшим разрешением экрана на*

базе мобильной технологии Intel Centrino заменит целый ряд бытовых устройств: телевизор, домашний кинотеатр, DVD-проигрыватель, цифровой фотоальбом и музыкальный центр; благодаря технологии InstantOn все эти приложения **можно** запускать ... с помощью пульта дистанционного управления – теперь не стоит опасаться того, что кто-либо из домочадцев избавит Вас от «лишних» данных на жестком диске. Текст 2. Обратитесь к нам сегодня, и вы получите исчерпывающую информацию о том, как **можно** поддерживать бесперебойную работу ПК и других электронных устройств при возникновении проблем электропитания дома или в офисе. Текст 3. С мощным двигателем Vortec 4,2 л, полным приводом и прочным рамным кузовом **можно** комфортно чувствовать себя на любой дороге). Во всех примерах слово категории состояния предлагает потребителю вариант решения проблемы, из-за которой он до настоящего времени опасался приобретать конкретный товар. Слово *можно* во всех приведённых текстах актуализирует факт получения потребителем определённых возможностей с приобретением товара.

Слово *нужно* в меньшей степени реализует мотив избегания проблемы, однако в ряде текстов, рекламирующих товары предварительного выбора, оно используется для создания именно этого мотива, поскольку потребитель не совершает покупку из-за опасения попасть в некомфортную, обременительную ситуацию, а рекламодатель предлагает легкий способ избежать возможной проблемы. Для этого создатели текста дают потребителю рекомендацию, которой легко можно следовать, если приобрести товар: *В жизни не бывает прямых дорог, и на крутых поворотах **нужно** всегда сохранять уверенность и выдержку. Такую же, какой обладает Ford Focus.* Реализация данного мотива может осуществляться за счет оппозиции *не нужно – достаточно*, в которой конструкция со словом *не нужно* описывает негативную ситуацию, которой опасается потребитель, а конструкция со словом *достаточно* предлагает потребителю вариант использования товара без возможных сложностей (*Цифровые фотографии, музыка и фильмы будут доступны в каждом уголке вашего дома. Впервые для настройки безопасности и выхода в Интернет **не нужно** вдаваться в технические подробности или вызывать на дом специалиста. В любой точке России **достаточно** выбрать провайдера ADSL и тариф из списка, а все остальное за вас сделает уникальная технология ZyXE Net \Friend*).

В тексте, рекламирующем недвижимость, реализация данного мотива осуществляется за счет слова категории состояния, выражающего физическое и эмоциональное состояние человека, – *хорошо*. Указание на мотив избегания проблемы дан опосредованно, с помощью характеристик товара, соответствующих ожиданиям потребителя: *Как*

хорошо жить в современном теплом и безопасном доме. В доме, о котором Вы мечтали.

Крайне редко в рекламных текстах с помощью слов категории состояния реализуется мотив неудовлетворения (3%), причем актуализация мотива происходит за счет введения в текст как слов категории состояния с модальным значением (*Вам **не нужно** терпеть лишения, тратя годы на далеком острове где-то посередине Средиземного моря, чтобы стать настоящим мастером средиземноморской кухни. Все, что Вам нужно, – это просто открыть «ВЕГЕТУ Пряную» и ощутить неповторимый аромат орегано, базилика, майорана, лаврового листа и розмарина. Что бы вы ни собирались готовить, с «ВЕГЕТОЙ Пряной», ваше кулинарное приключение всегда будет иметь успешный финал*), так и слов категории состояния, способных в предложенном контексте одновременно выражать два значения – эмоциональное и физическое состояние субъекта (*Легко готовить / Настоящие супы без лишних хлопот*). В первом тексте за счет отрицательной конструкции создаётся ситуация, приводящая к определённому разочарованию, однако рекламируемый объект позволяет избежать этого разочарования и настроиться на позитивный лад. Второй текст включает многозначную языковую единицу, причем употребляется она в инверсированной конструкции, а потому акцент переносится с ситуации разочарования (конец предложения) на ситуацию позитива (начало предложения).

Смешанно-избегательный мотив создается на основе включения в оппозицию между двумя состояниями субъекта: с одной стороны, вполне приемлемая ситуация, с другой – избегание данной ситуации и получение удовлетворения от полученных преимуществ. Данный мотив представлен словами категории состояния трех семантических групп – модальные слова, слова, выражающие эмоциональное состояние субъекта, и слова, обозначающие интеллектуально-волевое состояние субъекта. Так, в примерах (*Благодаря фирменному механизму защиты от помех вы получите максимальную скорость Интернета. При настройке обычного ADSL-модема **нужно** проделать дюжину операций или вызывать на дом технического специалиста. Но это уже в прошлом. С новой технологией ZyXEL NetFriend достаточно выбрать вашего провайдера и тариф из списка – и весь процесс настройки Интернета займет не более пяти минут; Ваш ребенок школьник и ему **необходимо** дома пользоваться энциклопедиями и словарями? Вам хочется после напряженной работы расслабиться за компьютерными играми? А еще, вы хотите всей семьей заняться творчеством и записать свой музыкальный диск? Тогда вам нужен компьютер DESTEN eStudio*) мотив реализуется благодаря словам категории состояния с модальным значением. Данные слова передают объектив-

но существующую ситуацию, вполне типичную и привычную для субъекта, однако она не во всем устраивает его. Предлагаемый в рекламе товар поможет потребителю испытать полное удовлетворение за счет ее улучшения. Более частотными для реализации смешанно-избегательного мотива являются слова категории состояния, выражающие эмоциональное и интеллектуально-волевое состояние человека. Это объясняется тем, что мотив предполагает указание на изменение эмоционального состояния субъекта, а для этого должны быть словесные маркеры в рекламном тексте. Так, в рекламных текстах (*Тяжело, когда есть выбор? (видеоряд: дорожный указатель со стрелками в противоположных стороны). Нет, когда задача определена. Если Вашей компании необходимо обеспечить серьезную техническую базу, решение – техника HP; О некоторых вещах сложно судить по внешнему виду*) используется однотипная конструкция со словами, указывающими на интеллектуально-волевое состояние человека, находящегося в ситуации внутреннего конфликта. Предлагаемый продукт позволяет решить его и получить удовлетворение. Иногда в рекламном тексте акцент может смещаться на получаемое от приобретения товара удовлетворение за счет введения в текст слов, обозначающих одновременно эмоциональное состояние человека и оценку ситуации. В подобной функции чаще выступают многозначные слова с оценочным компонентом семантики: *А что ... здорово получить все сразу с принтером Bubble Jet S 900! Теперь вы делаете все, что только можете представить!* Реализация смешанно-избегательного мотива основана на противопоставлении ситуации внутреннего конфликта, возникающего из-за желания что-то сделать, и неудобств, вызванных этой деятельностью. Рекламируемый товар позволяет потребителю избежать этого конфликта и испытать удовлетворение от интересной деятельности.

Последним негативным мотивом является нормальный износ, или истощение. Он основан на смене двух состояний субъекта: от легкого недовольства к удовлетворению от полученного удобства. Реализация этого мотива чаще всего основана на использовании в рекламном тексте слов категории состояния, имеющих денотативное значение физического состояния окружающей обстановки: Текст 1. *С керамическими обогревателями будет жарко. №1 для вас.* Текст 2. *Этой зимой будет жарко. Здесь есть адреналин, как в настоящем спорткаре. И чувство уверенности, как в истинном внедорожнике. Mazda CX-7 готова к любому сезону. Полный привод и турбированный двигатель сделают по-летнему увлекательной даже зимнюю дорогу. Mazda CX-7. Этой зимой будет жарко.* Текст 3. *Фантастически чисто! Вы тоже останетесь довольны результатами уборки с кассет-*

ным пылесосом Perfectum. Не удивительно! Поддержание чистоты и порядка в доме становится максимально удобным благодаря новейшей системе кассетной фильтрации. Кассетные пылесосы Perfectum от Samsung Electronics. Фантастически чисто! В первых двух текстах использовано слово *жарко*, однако семантическое наполнение этих слов существенно отличается: в рекламе обогревателей слово употреблено в своем прямом значении 'горячо, знойно', в результате восприятия текста появляется уверенность в надёжности предлагаемого оборудования, а следовательно, удовлетворение от приобретения надежной техники. Во втором тексте слово *жарко* употреблено в нескольких значениях: 1) 'горячо, знойно', 2) 'пылко, страстно', 3) 'трудно, тяжело, напряженно', – поскольку речь идёт о внедорожнике с уникальными техническими параметрами, позволяющими водителю испытать целый комплекс эмоций и ощущений. Лексический состав текста позволяет актуализировать каждое из указанных значений лексемы *жарко*: наречие *по-летнему* реализует первое значение, слова *увлекательной, спорткар и адреналин* одновременно выражают второе и третье значение. В результате оксюморонное сочетание «*Этой зимой будет жарко!*» передаёт состояние окружающей обстановки и внутреннее состояние субъекта и позволяет потребителю почувствовать удовлетворение от уверенной езды в экстремальных зимних условиях. Третий текст содержит слово категории состояния, обозначающее физическое состояние окружающей обстановки (*чисто*), причем в сочетании с наречием степени, что придаёт слову категории состояния оценочную коннотацию. Предложение «*Фантастически чисто!*» обрамляет рекламный текст, содержащий описание технических особенностей пылесоса, и звучит как реплика потребителя, пользующегося такой техникой, в результате возникает стойкое убеждение, что данный пылесос чрезвычайно удобная вещь и покупка его сделает нашу жизнь гораздо удобнее.

В одном тексте реализация мотива истощения осуществляется посредством слова, актуализирующего сразу два значения – интеллектуально-волевого и физического состояния субъекта: *Сохраните натуральный вкус и аромат своих блюд и, конечно, максимум витаминов. В системе приготовления на пару Aqua Cook используется естественная конвекция тепла и пара, при которой микроволны не проникают внутрь продуктов. Пар используется для очистки внутренней поверхности СВЧ-печи с помощью системы Aqua Clean. Легко готовить, легко чистить!* Слово *легко* снимает внутреннее недовольство субъекта необходимостью долго и трудно отмывать технику после приготовления пищи. Фигура синтаксического параллелизма, включающая два действия (готовить, чистить), убеждает потребителя в том, что оба действия не

вызовут у него затруднений и не потребуют усилий, если он приобретет рекламируемый товар.

Слова категории состояния с модальным значением для реализации данного мотива практически не используются, однако нам встретился один текст, в котором благодаря синтаксическому параллелизму слово *надо* весьма успешно актуализирует мотив истощения: *Они работают. Там, где надо. Так, как надо. И тогда, когда надо. Жесткие диски Hitachi.* В результате знакомства с данным текстом потребитель понимает, что ему предлагают именно то, что он ищет.

Анализ текстов, в которых реализуются негативные мотивы, позволил выявить вполне прогнозируемую закономерность: данные мотивы лежат в основе текстов, рекламирующих товары предвзвешенного выбора, решение о приобретении которых потребитель принимает после взвешивания всех «за» и «против».

Библиографический список

1. Маркова Е.В. Психология рекламы: учеб. пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 152 с.

УДК 81'33 ; 81'36

Волкова Елена Борисовна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
lenka@mail.mipt.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА МЕСТОИМЕННО-СОЮЗНЫХ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В МАТЕМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются местоименно-союзные соотносительные сложноподчинённые предложения, характерные для математических текстов. Уступая по продуктивности другим конструкциям нерасчленённого типа, такие предложения многогранны по семантике и способны выражать сложное содержание экономными средствами научного стиля.

Ключевые слова: местоименно-союзное соотносительное сложноподчинённое предложение, главная часть, придаточная часть, качественное, количественное значение.

Цель данной статьи – выявить наиболее характерные для математических текстов конструкции местоименно-союзного соотносительного типа и изучить их структурно-семантические особенности. Нами было выбрано порядка 1000 конструкций приместоименного типа из работ выдающихся математиков Л.С. Понтрягина, Б.В. Федосова, труды которых в математическом сообществе считаются эталоном стиля подачи материала. Об этом свидетельствуют высказывания академика РАН И.Р. Шафаревича [13, с. 1], Г.Л. Алфимова [1, с. 1].

Приместоименные конструкции относятся к сложноподчинённым предложениям (СПП) нерасчленённой структуры. Их продуктивность в математических текстах далеко уступает как атрибутивным, так и изъяснительно-объектным СПП. Так, на 100 страниц математического текста из наших источников доля изъяснительно-объектных СПП составила 45% от встретившихся конструкций нерасчленённого типа, атрибутивных – 33%, а приместоименных – только 22%.

Приместоименные конструкции подразделяются на местоименно-соотносительные и местоименно-союзные соотносительные. По мнению Л.Д. Беднарской, местоименно-соотносительные конструкции в своем первообразном, семантически не осложнённом виде встречаются всё реже, они постепенно теряют свою фразеологизированность и подчиняются давлению относительного подчинения, преобразуясь в связь местоименно-со-

юзного типа, позволяющую создавать дифференцированное синтаксическое значение [4, с. 146]. Действительно, местоименно-союзные соотносительные предложения представлены более широко в математических текстах. В нашей выборке их оказалось около 77%.

Стоит отметить, что в литературе данные конструкции трактуются по-разному: как предложения со значением меры и степени (А.М. Давидовский [8, с. 8], А.Н. Гвоздев [7, с. 288], и др.), предложения со значением следствия (Н.М. Андреев [2, с. 4], Ж.Н. Тимофеева [12, с. 12] и др.) и, наконец, как предложения с совмещением значений (Л.Ю. Максимов [10, с. 27], Д.И. Баршай [3, с. 2] и др.).

Представители структурно-семантического подхода Н.С. Поспелов [11, с. 149], В.А. Белошапкина [5, с. 87] подчеркивают двойственную природу этих конструкций. Так, Н.С. Поспелов отмечает, что в предложениях с расчленённым союзом *так*, *что* ослабленное значение следствия «наслаивается на общее значение образа действия» [11, с. 149].

В.А. Белошапкина соответствующие конструкции причисляет к МС предложениям, в которых придаточная часть относится к местоименному слову в главной посредством синтаксических союзов и относительных местоимений, считая, что они получают фразеологизированный статус, поскольку «в предложениях с союзами *что*, *чтобы* признак, на который указывает соотносительное слово, является следствием того явления, о кото-

ром сообщается в главной части: это значение не вносится союзом, а характеризует структурную схему в целом» [5, с. 87].

Л.Ю. Максимов выделяет данный тип СПП путем последовательного применения двух критериев, его образующих, – качества союза и характера сочетаний коррелятов с опорными словами различной семантики, отдавая предпочтение «качеству союзов как критерию более стабильному и в то же время более глубоко затрагивающему модальный план сочетающихся частей» [10, с. 27].

Д.И. Баршай указывает на то, что «совмещение значений в одном сложноподчиненном предложении обуславливается контаминацией структурно-семантических компонентов главной и придаточной частей» [3, с. 2]. При этом она отмечает, что на семантику степени и следствия могут наслаиваться дополнительные атрибутивное значение (в конструкциях с прилагательным в опорном сочетании) и значение образа действия (в структурах, где в роли опорного компонента выступает глагол).

Рассмотрим данные конструкции. В отличие от местоименно-соотносительных СПП в местоименно-союзных соотносительных (качественно-количественных многозначных) связь главной и придаточной частей осуществляется соотношением указательного слова и союза. В таких СПП придаточная часть, наполняя своим содержанием соотносительные местоимения *так (такой)*, *столько (столь)*, *настолько*, выражает не только соответствующие значения степени качества, меры количества или образа действия (качества действия), но и значения, обусловленные союзным подчинением: следствия (союз *что*), ирреального следствия или цели (союз *чтобы*), предположительного сравнения (союзы *будто*, *как будто*, *словно*, *точно*) [9, с. 200]. В силу особенностей стиля точных наук последняя группа союзов в математических текстах практически не употребляется и в нашей выборке отсутствует.

Подавляющее большинство ($\approx 88\%$) местоименно-союзных соотносительных СПП в нашем материале построено с помощью союза *что*. Эти предложения можно подразделить на следующие подгруппы: 1) с количественно-степенной семантикой; 2) с качественно-степенной семантикой; 3) с семантикой меры количества или объема. 1) Пусть u настолько мало, что $L^{*2} \in Lt$ [1, с. 342]. 2) Покажем, однако, что существует такая функция $\varphi(x, t)$, что сечение $H - \varphi(x, t)$ будет плоским [3, с. 25]. 3) Из этого следует, что для каждого $x \in G$ существует настолько большой номер i , что x целочисленно выражается через s и n [2, с. 45].

Можно заметить, что собственное значение предложений из каждой группы сочетается со значением реального следствия, обусловленного союзом *что*. Кроме того, на сложную семантику данных предложений наслаивается ещё и атрибу-

тивное значение, чему способствует употребление имени прилагательного в опорном словосочетании. Предложения второй группы, где указательное слово *такой* стоит непосредственно перед существительным (*такая функция*), особенно продуктивны в математических текстах. В них наиболее ярко проявляется атрибутивно-следственное дополнительное значение. Такие конструкции часто используются в определениях математических понятий, формулировках теорем, построениях доказательств и пр.

Оставшаяся меньшая часть ($\approx 12\%$) местоименно-союзных соотносительных предложений из нашей выборки построена с помощью союза *чтобы*, который придаёт всему предложению дополнительное значение ирреального следствия или цели. *Предположим, что U_{ij} можно выбрать так, чтобы они удовлетворяли условиям коцикла, аналогичным (1.8)* [3, с. 24]. *При этом нужно лишь выбрать столь малые окрестности U и V , чтобы все проводимые в § 1 выкладки были возможны* [3, с. 30]. Действительно, в первом предложении собственная семантика образа действия дополняется значением ирреального следствия. Во втором – качественно-степенная семантика совмещается со значением цели. Такие предложения используются в математических текстах при высказывании различных гипотез, приведении доказательств, решении задач.

Даже из приведённых примеров видно, что для местоименно-союзных соотносительных СПП характерна многозначность придаточной части. Одни значения (степени качества, меры количества, способа или качества действия) зависят от семантики указательного слова в главной части и от его позиции (стоит ли оно при качественных прилагательных, наречиях, словах категории состояния или при глаголах, существительных). Другие значения (следствия, цели) связаны с тем, какой союз в придаточной части. Первые значения возникают в результате отношения придаточной части к определённым в лексико-грамматическом смысле словосочетаниям в главной части и всей придаточной, что находит своё выражение в союзном подчинении. Н.С. Ганцовская отмечает, что такие предложения имеют определённую функциональную окраску: следствия, сравнения, цели – сближающую их с предложениями расчленённого комплекса [6, с. 47]. По мнению Л.Ю. Максимова, СПП этого типа занимают промежуточное положение между нерасчленёнными и расчленёнными структурами [9, с. 202].

Итак, местоименно-союзные соотносительные СПП более распространены в математических текстах, чем другие приместоименные конструкции. Будучи построены по стандартным моделям с использованием ограниченного числа союзов (*что*, *чтобы*), они многогранны по семантике и спо-

собны выражать сложное содержание достаточно экономными средствами научного стиля. Такие предложения компактны, но передают весь спектр значений, необходимый для максимально точного донесения мысли до адресата.

Библиографический список

1. Алфимов Г.Л. Воспоминания о Б.В. Федосове. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.math.tamu.edu/~comech/archive/fedosov/miet/miet.html> (дата обращения: 18.07.2013).
2. Андреев Н.М. Грамматические средства выражения следственных отношений в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1956. – 24 с.
3. Баршай Д.И. Сложноподчиненные предложения местоименно-союзного типа в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 17 с.
4. Беднарская Л.Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX столетий. – М.: Прометей, 1994. – 196 с.
5. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). – М.: Просвещение, 1967. – 160 с.
6. Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчиненные предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 274 с.
7. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – Ч. 2. Синтаксис. – М.: Просвещение, 1973. – 350 с.
8. Давидовский А.М. Придаточные предложения меры и степени // Русский язык в школе. – 1953. –

№ 6. – С. 8–15.

9. Максимов Л.Ю., Бабайцева В.В. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1987. – Т. 3. – 253 с.

10. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1971. – 29 с.

11. Поспелов Н.С. О структурно-семантической основе объединения и разграничения одночленных конструкций сложноподчиненного предложения в современном русском литературном языке // Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. – М.: Наука, 1990. – С. 153–161.

12. Тимофеева Ж.Н. Способы и средства выражения следственных отношений в простом и сложном предложении в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 1996. – 204 с.

13. Шафаревич И.Р. Так сделайте невозможное! (К 80-летию Л.С. Понтрягина). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ega-math.narod.ru/LSP/ch8.htm#a> (дата обращения: 18.07.2013).

Источники исследования

1. Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 520 с.
2. Понтрягин Л.С. Дифференциальные уравнения и их предложения. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 208 с.
3. Федосов Б.В. Деформационное квантование и асимптотическое операторное представление // Функциональный анализ и его приложения. – 1991. – № 3. – С. 24–36.

УДК 811.161; 81'28

Михайлова Любовь Петровна

кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
posnm87@bk.ru

ОБУДОХА (ПОИСК ЭТИМОЛОГИИ ЗАГАДОЧНОГО РУССКОГО СЛОВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАРЕЛИИ)¹

В статье делается попытка установить этимологию малоизвестного диалектного слова *обудоха*, которое употреблено поэтом Я. Вохменцевым, но не отмечено в диалектных словарях. Автор опирается на семантические, словообразовательные и фонетические параметры при поиске этимона. Выдвигается гипотеза о связи корневой морфемы исследуемого слова с прибалтийско-финскими словами, в частности с опорой на фонетические особенности – с лексикой карельского языка.

Ключевые слова: диалектная лексика, языковые контакты, этимология.

Для исследователя русской диалектной лексики интерес представляет слово *обудоха*, которое употреблено Я. Вохменцевым в стихотворении «Родное слово», но не зафиксировано широко известными словарями. Поэт-фронтовик Я. Вохменцев, родившийся в деревне Вохменке Юргамышского района Курганской

области², слышал известное ему с детства слово от вологжан³, которые воевали вместе с ним на Волховском фронте. Слово *обудоха*, сохранившееся в памяти поэта, к сожалению, не описано лексикографами, а в Лексическом корпусе русского языка содержатся сведения, ограниченные небольшим отрывком текста именно из указанного произведения

Я. Вохменцева. Приведем ту часть стихотворения⁴, в которой автор использует слово *обудоха*:

Кладь, медунка, подполозок, соты –
С детства мил мне этот лексикон.
Чувства меры нету у кого-то –
Говорили: «*Обудоха* он!».

Из какого древнего запечья
Это слово вышло за порог?
Даже Даль, подвижник русской речи,
Докопаться до него не смог.

Помню: листьев золото осеннее,
Хмурый Волхов, опаленный дзот...
На пороге дзота пополнение –
Деревенской выдержки народ.

«Покурить бы – говорят – неплохо!»,
Сыплю горсть махорки одному;
«*Да куда ты столько, будоха!*»
На-ко, брат, согдится самому!»⁵.

Контекст стихотворения свидетельствует о денотативном значении слова *обудоха* – ‘человек, насыпающий в большем объеме, чем необходимо’: следует иметь в виду конкретную ситуацию, связанную с тем, что сыпучего материала (махорки) дается сверх того, что умещается (в самокрутке), «с горкой». Возможно допустить и более абстрактное значение – ‘человек, делающий что-либо сверх меры, с большим усердием’.

Загадочность слова *обудоха* определяется прежде всего корневой морфемой. При первом восприятии слова *обудоха* может показаться, что в нем только русские элементы: видимо, есть приставка *об-*, суффикс *-ах(a)*. Остается место и корню *-уд-*. Но что это за корень? Допустима мысль о том, что он возник из *-вуд-*, утратив первый звук, ср. аналогичное явление в словах типа *обоз* < *обвоз*. Как утверждают этимологи, праславянские *о-* и *об-* «следует реконструировать без *ъ* в конце приставки, потому что только *-бв-* могло дать *-б-*. <...> Форма *о-* тоже объясняется из **об-* перед согласным» (Фасмер 3: 96); имеются основания восстанавливать *об-* с чистым исходом, «а случаи на *объ* чаще вторичны», не считая архаичных примеров (ЭССЯ 26: 73).

Приставка *об-*, употребляющаяся в русском языке при образовании глаголов, «вносит значение чрезмерности какого-либо действия: *объедаться, опаивать, опиваться*» (БАС 8: 9). Лексема *обудоха*, как имя существительное, может быть образована или непосредственно от глагола с производящей основой *обуд-* суффиксальным способом, или от глагола с основой *уд-* суффиксально-префиксальным способом, то есть от предполагаемых глаголов *обудить* или *удить*.

Обратимся к словам с исконным корнем *уд-*. В медвежьегорских говорах Карелии бытует слово *удить* ‘склоняться под тяжестью спелых колосьев (о ржи)’ (СРГК 6: 587). Лексема *удить* ‘спеть, созреть (о злаках)’ имеет более широкую террито-

рию бытования – Лодейноп. Олон., Олон., Сузун. Новосиб. (СРНГ 46: 299). М. Фасмер приводит *удить* ‘зреть (о зерне), наливаясь’, *удное зерно* ‘зерно’ без географических сведений и отмечает в качестве обычной гипотезы сближение данных слов с названием вымени в индоевропейских языках и как менее убедительное сравнение с *уд* ‘член’, однако Якобсон считает, что «*уд* неотделимо от *удить* ‘зреть, набухать’ и *вымя*» (Фасмер 4: 148–149). Видимо, родственным является и лексема *обудиться* ‘подрумяниться (о хлебе, пироге)’ Остр., Пушкин. Пск. (ПОС 22: 428; СРНГ 22: 249). В западных новгородских (волоотовских) говорах *обудиться* ‘стать богатым; разбогатеть’ (НОС 2010: 685). Именно эти две лексемы послужили основанием для восстановления праславянского диалектизма **obuditi se*: «Представляется возможным сложение **ob* и **uditi*, с развитием значения ‘наливаться (о зерне), зреть’ → ‘наполняться, приобретать’ и ‘доходить до готовности’. Вероятность праслав. древности определяется возможностью квалификации русск. *удить* как праслав. диалектизма» (ЭССЯ 30: 238)⁶.

Следует принять во внимание и слова с корнем *буд-*, семантически близкие к анализируемому *обудоха*, однако таковые, вероятно, отсутствуют в русском языке, по данным диалектной лексикографии. Слово *будовина* ‘волдырь, шишка’ Кириш. Ленингр. (СРГК 1: 131), возможно, выступает междиалектным фонетическим и семантическим вариантом к известному в западной зоне слову *пудовина* ‘утолщение (на тросточке)’ Пск., Осташк. Твер. (СРНГ 33: 109). В лексической паре, отражающей мену звонкого и глухого звуков в позиции начала слова, первичным, вероятно, является корень *пуд-*.

Вряд ли стоит считать родственными слову *обудоха* лексему *будорахнуть* ‘вливать, налить сразу слишком много чего-либо, через край’ Курск., Кром. Орл. (СРНГ 3: 246), которая, в соответствии с гипотезой О.Н. Трубочева, связана с этимологически неясным *будоражить* ‘беспокоить, тревожить’, предположительно восходящим к украинскому *бударажити* ‘снаряжать челны, будары’ (Фасмер 1: 230). Однако не менее обоснованной, на наш взгляд, является позиция А.А. Шахматова, считающего, что слово *бударахнуть* ‘небрежно, поспешно налить’, известное курским говорам, произошло из *бу-тарахнуть* в том же значении (Фасмер 1: 229). В группе лексем, этимологически соотносимых с данным глаголом, ядерной семой является ‘беспокойство, шум’, ср.: *будорага* ‘тревога, переполох’ Влад., Мещов. Калуж., Петров. Сарат. (СРНГ 3: 246). Четкие семантические различия на уровне центрального структурного звена дают основания для исключения родственных связей указанных слов с лексемой *обудоха*.

При рассмотрении этимологии слова, бытующего в зоне полиэтнических контактов, в которую

входит и Русский Север, и Урал, естественно обращение к вопросу взаимодействия русского языка с соседними финно-угорскими, в частности прибалтийско-финскими языками. Обратимся к данным этих языков, к словам, в которых обнаруживается созвучие корневых морфем с предполагаемым для слова *обудоха* этимологом *-вуд-*. При этом поставим задачу учитывать семантическую близость.

В финском языке в группу глаголов со значением разг. 'лить (литься, течь)' – *value, virrata, juosta* – входит и *vuotaa* (РФС: 337), которое имеет также значение 'перелиться, вылиться через край' (РФС: 542). Семантический диапазон слова *vuotaa* в финском языке широк, хотя и неотделим от ядерной семы 'наполнение жидкостью': 'течь, литься, вытекать / вытечь, выливаться / вылиться; затекать / затечь, натекасть / натечь, наливать / налить' (ФРС: 758). Ср. в северно-ингерманландских говорах финского языка *vuotaa* 'течь', *vuuvattaa*, а также *vuottataa* 'выливать, выпускать, цедить, сочить, проливать' (PIMS: 409).

В собственно-карельских говорах Карелии в значении 'течь, протекать, пропускать воду' наряду с наиболее употребительным *vuodua* известны *vuodaa* Паданы Медвежьегорского района, *vuodua* Поросозеро Суоярвского района (ССКГК: 340); в ливвиковском наречии карельского языка также бытует *vuodua* 'течь, пропускать воду' (СКЯМ: 442); в тверских говорах карельского языка *vuodua* 'течь, протекать' (СКЯП: 344). С консонантом *-d-* в корне ср. также финское *vuodattaa*, обозначающее действие «лить, выливать / вылить, проливать / пролить» (ФРС: 755).

В говорах вепского языка широко известны слова *vodada, vota, vodah* 'течь (пропускать воду, иметь течь)', 'вытекать, высыпаться, выпадать', *vodatada* 'просыпать, рассыпать'; в средневепском диалекте известно слово *vodatex* 'просыпанное зерно' Пяозеро Бабаевского района Вологодской области (СВЯ: 637). В связи с этим обратим внимание и на диалектный глагол с безударным корнем *вод-*, появившийся, возможно, не без вепского влияния и имеющий общие семантические компоненты с исследуемым словом, а именно на лексико-семантический вариант *водить* 'сыпать': «Я сплужила, а потом под лопатку водила сама семена» Пуд. Карел. (СРГК 1: 212).

Приведенные слова с семой 'наполнить (жидким или сыпучим веществом)', известные прибалтийско-финским языкам, особенно карельскому, могут быть привлечены для решения вопроса об источнике неясного корня лексемы *обудоха*. Вероятность вепского влияния также нельзя исключать. По семантике указанные лексемы, несомненно, близки к слову, употребленному Яковом Вохменцевым в контексте «Да куда ты столько [насыпашь. – Л.М.], *обудоха!*»: конкретная ситуация подтверждает наличие в значении слова

семы 'сыпать', а также компонента «больше, чем нужно».

По результату наполнения емкости жидкостью или сыпучим веществом глаголы *лить / налить* и *сыпать / насыпать* в русском литературном языке являются близкими, так как при стремлении «поместить больше» можно *переливать* 'наливать больше, чем следует' (БАС 9: 714), *пересыпать* 'сыпать, насыпать больше, чем нужно' (БАС 9: 932). Сочетаемость данных слов на уровне фразеологии в русском языке одинакова: *переливать из пустого в порожнее* разг. 'заниматься бесполезным делом, вести пустые разговоры', *пересыпать из пустого в порожнее* разг. 'то же, что переливать из пустого в порожнее' (БАС 9: 714, 931). В русских говорах Карелии и Мурманской области лексема *лить* имеет, наряду с другими, значение 'сыпать, пересыпать что-н.' Кондоп. Карел., Тер. Мурман. (СРГК 3: 131), ср. *переливать* 'пересыпать' Лодейноп. Ленингр., 'перекладывать, перегружать сачком (рыбу)' Средн. и нижн. теч. р. Урал (СРНГ 26: 144). В семантической структуре лексемы *сыпать* наличествует и значение 'лить, наливать что-л. (в тарелку, чашку и т.п.)' Зап. Брян., Дон., Краснодар., Новоросс. (СРНГ 43: 140), ср. также *сыпаться* 'падать струей, литься, выливаться (о жидкости)' без указ. места (там же). Семантика и словообразовательные возможности лексем *лить* и *сыпать* в русском языке во многом совпадают, так как имеют общую сему 'наполнение емкости жидким или сыпучим веществом (или освобождение ее)'.

Существенным звеном в решении вопроса об этимологии слова является словообразовательная модель слова *обудоха*. Она аналогична таким лексемам, как *объедоха* 'обжора' Пск., Осташк. Твер., Твер. (СРНГ 22: 275), *обойдоха* 'пройдоха, проныра' без указ. места (СРНГ 22: 160), *обленоха* 'ленивый человек' без указ. места (СРНГ 22: 93), *обливоха* 'пьяница' без указ. места (СРНГ 22: 99), *обрямоха* 'оборванец, оборванка' Оренб. (СРНГ 22: 227) и др. Ср. в качестве производящих, во-первых, глагольные лексемы с приставкой *об-*: *объедаться* 'съедать очень много чего-нибудь' Порх. Пск. (ПОС 22: 460), *обойти* 'обмануть' Примор. Арх., 'обокрасть' Вельск. Арх. (СРНГ 22: 260), *облениваться* 'стать ленивым, привыкнуть к лени' (БАС 8: 200), без приставки: *лить* в сочетании *лить за щеку* 'пить водку, пьянствовать' Тихв. Ленингр. (СРГК 3: 131), во-вторых, именные: *рямка* 'старая рваная одежда, тряпка' Соликам. Перм., Кемер., *рямки* 'лохмотья, висящие концы старой рваной одежды' Беломор., Новосибир., *рямки* 'то же' Арх., Сев.-Двин., Печор., Перм., Новосибир., Алт., *ряма* 'оборванец' Сев.-Двин. (СРНГ 35: 351).

Как показывает материал, слова с приставкой *об-* и суффиксом *-ох(а)* активно употребляются в русских говорах для обозначения человека, поступки или внешний вид которых характеризу-

ются негативно. При этом надо иметь в виду, что действия и признаки, выраженные производящей основой, сами по себе уже являются нежелательными в представлении норм человеческого поведения. Следовательно, словообразовательная модель, изначально не содержащая экспрессивного отрицательного оттенка, вероятно, может использоваться и для слов, не имеющих соответствующей коннотации. Однако заметим, что суффикс *-ox(a)* закрепляется преимущественно за лексемами экспрессивно-негативного содержания.

Предположение о возможном исходном корне *вуд-*, возникшем на базе славянского **vŏd-*, не подтверждается славянским материалом, ср. **obvŏditi* (сѣ) с основным значением 'коптить', семантически далекое от слова *обудоха* (ЭССЯ 31: 110). Несомненный интерес представляет наличие слова *вуд* «возвышенность, поднимающаяся выше границы леса, верхняя безлесная часть горы» в кольских говорах (СРНГ 5: 238), имеющего, возможно, саамские соответствия, ср. саамское слово *вуэдт* (*вуэд*) «основание горы» (СРС: 59). Исследователь народной географической терминологии Э.М. Мурзаев отмечает, что такие гидронимы, как *Вудъявр оз.*, *Вудъяврйок р.*, *Вуд-Озеро* в Мурманской области связаны с саамским и русским диалектным словом *вуд* 'возвышенность, поднимающаяся выше границы леса, гольц, верхняя безлесная часть горы' (Мурзаев: 138).

Итак, предварительный анализ формальных и содержательных элементов лексики, так или иначе близкой к слову *обудоха*, оставляет вопрос о его этимологии открытым. При этом по совокупности фонетических и семантических признаков наиболее близкими к лексеме *обудоха* оказываются, на наш взгляд, материалы прибалтийско-финских языков, в частности карельского. Однако затруднения вызывает словообразовательная модель, продуктивность которой очевидна, несмотря на отсутствие в русском языке соответствующей производящей основы. Факт использования в ее роли слова другого, неродственного языка сам по себе интересен и может объясняться длительным сосуществованием русских, карел, вепсов, саамов на территории Карелии, их тесными контактами на бытовом уровне. Данное предположение ставит перед исследователем задачу поиска производных русских диалектных слов, построенных по соответствующей модели (с иноязычной производящей основой). Вопрос о том, является ли корень слова *обудоха* по происхождению прибалтийско-финским, саамским, относится ли он к более древней эпохе финно-угорского языкового единства, еще ждет своего решения.

Примечания

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития

ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

² Вохменцев Яков Терентьевич. Сведения о жизни и творчестве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://al-dedov.narod.ru/information/vohmencev.htm> (дата обращения: 15.07.2014 г.).

³ Следует иметь в виду, что раньше Вохма входила территориально в Вологодскую область: «Старинное русское село Вознесенье (Вохма) возникло на перекрестке древних торговых путей. Свое название оно получило по центральной церкви Вознесения Христа Спасителя, построенной в 1740 г., и было центром Вознесенской волости, расположенной в бассейне реки Вохма и входившей в состав Никольского уезда Вологодской губернии. Выгодное географическое положение села способствовало развитию торговых отношений. Во второй половине XVIII в. при Никольском погосте была построена пристань и жители края вели значительную торговлю с Казанью и Вяткой». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vohma.ru/0%20raione> (дата обращения: 21.07.2014 г.).

⁴ Полный текст, опубликованный в одном из журналов в конце 50-х гг. XX в., был переписан мною еще в студенческие годы и хранится в специальной тетради для стихов и высказываний о русском языке.

⁵ Продолжение стихотворения Я. Вохменцева см. в разделе «Приложение».

⁶ Вероятно, в стороне следует оставить приставочные образования типа *наудить*, связанные происхождением со словом *уда*, *удочка*. Ср. данное в ПОС с пометами «перен.» и «шутл.» слово *наудить* в значении 'сильно намочить, промочить насквозь' Пл. Пск. (ПОС 20: 380), в говорах Белозерья известна лексема *наудить* 'намочить' Чер. Волог. (СРГК 3: 392).

Приложение

Продолжение стихотворения Я. Вохменцева:

Я всмотрелся в русую пехоту,
По наречью слышу – земляки.
В тесноте обстрелянного дзота
Самокрутки прячем в кулаки.

Покурив, однако, разобрались,
Что друг другу вовсе не сродни:
Я – по роду коренной уралец,
А они... из Вологды они...

Вохма есть еще одна на свете:
Речка вьется через край лесной ...
В Вохме той, как и в уральской, дети
По медунки бегают весной.

Шел мой предок с войском Ермаковым,
По речушке Вохме тосковал...
Дом срубил себе в лесу сосновом
И деревней Вохменской назвал.

Он ворочал трудную работу,
Клади хлеба ставил на гумне,
Пряный мед копил в прозрачных сотах,
Песни предков пел наедине.

Он мечтал, что здесь расправит спину,
Что нужда не приползет сюда...
Все на свете мог бы он покинуть,
Но родное слово – никогда!

Стойкость слова – не в обличье громком.
Если смысл в нем стойкий заключен,
Значит, слово перейдет к потомкам,
Уцелев под натиском времен.

Понял я в тот грозный вечер года
На суровой фронтовой реке,
Что характер и душа народа,
и его бессмертье – в языке!

Хочется выразить надежду, что употребленное поэтом слово обнаружится в говорах Урала или вологодских, костромских и соседних с ними говорах. Возможно, новые данные позволят прояснить мотивационную модель этого слова, если будут надежные контексты, в которых могут быть употреблены слова, обозначающие самые важные черты характера, свойственные человеку, названному словом *обудоха*.

Список принятых сокращений

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М.; Л., 1948–1965.

Мурзаев – *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. Изд-е 2, перераб. и доп. В 2-х томах. Т. 1. Справочник. – М.: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999. – 340 с.

НОС 2010 – Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010. – XXVII, 1435 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б.А. Ларина, И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой и др. – Вып. 1–24. – Л.; СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1967–2013.

РФС – Русско-финский словарь / под ред. М.Э. Куусинена и В.М. Оллыкайнен. – М., 1963. – 1000 с.

СВЯ – *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепского языка. – Л.: Наука, 1972. – 746 с.

СКЯМ – Словарь карельского языка: (Ливвиковский диалект) / сост. Г.Н. Макаров. – Петрозаводск: Карелия, 1990. – 495 с.

СКЯП – Словарь карельского языка (Тверские говоры) / сост. А.В. Пунжина. – Петрозаводск: Карелия, 1994. – 396 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–46. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013.

СРС – Саамско-русский словарь / Н.Е. Афанасьева, Р.Д. Куруч, Е.И. Мечкина и др.; под ред. Р.Д. Куруч. – М.: Рус. яз., 1985. – 568 с.

ССКГК – *Федотова В.П.* Словарь собственно-карельских говоров Карелии. – *Karjalan Varšinaismurtehien šanakirja* / В.П. Федотова, Т.П. Бойко; Учреждение РАН института языка, литературы и истории Карел. науч. центра РАН. – Петрозаводск, 2009. – 350 с.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1964–1973.

ФРС – Финско-русский словарь / сост. И. Вахрос и А. Щербаков. Изд-е 2-е. – М., 1977. – 815 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 1–37. – М.: Наука, 1974–2011.

PIMS – *Veera Ollikainen. Pohjos-Inkerin murresanakirja/ Vuoleen ja Kelton murresansstoa. Vantaa, 2003/* – В.М. Оллыкайнен. Словарь северо-ингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский) / подгот. к печати Т.П. Бойко. [ИЯЛИ КарНЦ РАН], 2003. – 422 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 34 (091)

Романовская Вера Борисовна

доктор юридических наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
tigrpnn@yandex.ru

Романовская Любава Ростиславовна

кандидат юридических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Elza_r@mail.ru

РЕЛИГИЯ И ПРАВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

В статье анализируется роль канонического права в развитии юриспруденции и в политической жизни. Определяется интегрирующая роль религии в условиях партикуляризма права. Отмечается, что в конце средневековья – начале нового времени набирает силу процесс секуляризации, отделения светской науки от теологии, права от религии.

Ключевые слова: каноническое право, средневековая юриспруденция, христианское мировоззрение, секуляризация права, светская наука.

Если давать в самых общих словах характеристику европейского общества в период Высокого средневековья (XII–XIV вв.), не разделяя его на нации, народы и государства, то можно смело утверждать, что, невзирая на местные различия, имелись объединяющие это общество черты, позволяющие говорить о нем как о чем-то целом. В первую очередь, это общность религиозных основ, христианской религии как единой духовной константы, не меняющейся в многообразии динамичных политико-правовых явлений средневековой Европы несколько столетий [3, с. 244]. Во вторую очередь, это общность культурных начал, лежащих в глубинах римско-античной цивилизации и варварского раннего средневековья.

Последнее обстоятельство послужило формированию еще одного общего принципа организации их жизни – партикуляризма права. Известно, что одной из особенностей правовой системы Франции, Германских княжеств, Италии была «множественность» права и правовых источников. Этот принцип выражался в наличии большого разнообразия юрисдикций, которые одновременно существовали в этих государствах и обслуживали потребности общества. Среди них: королевское право, торговое право, городское право, римское право, морское право, обычное право и др. Особую роль играло каноническое право – право римской католической церкви, чья власть в те времена распространялась на весь западный мир.

Юристы-канонисты, то есть специалисты в области канонического права, как правило, монахи (преподавалось оно в университетах на богословских факультетах), были, если можно так сказать, интеллектуальной элитой общества. Они работали в королевских куриях, государственных учреждениях, были доверенными лицами и консультантами королей по важнейшим вопросам политики, они были ближайшими советниками тех людей, которые стояли у руля государства. Через них

проходила «линия смычки» между религиозной, правовой и политической жизнью средневековых государств.

Очевидно, что право во всех его проявлениях и отраслях было под сильным влиянием религии. То же самое можно сказать об общественной морали, обычаях и, конечно, политике. Неверно бы было говорить о полном смешении религии, права и политики в средневековом обществе, они имели свою структуру, свои институты, свои механизмы реализации, оставаясь определенным образом автономными, не смешиваясь друг с другом. Управление каждой из этих систем осуществлялось специальным корпусом людей, имеющих для этого особую квалификацию и отвечающих особым требованиям, присущим только этой страте.

Начиная с XII века, юриспруденция была введена специально обученным в университетах на юридических факультетах специалистам. В это же время и теология с каноническим правом стала пониматься как наука и тоже преподаваться в университетах [4; с. 175–176].

Плюрализм права на Западе был отражением плюрализма политической и экономической жизни. Отчасти он проистекал из различия между церковной и светской властью, однако, хотя церковь позиционировала свою свободу от светского контроля, и светская власть пыталась быть независимой и даже доминировать над церковной, по многим вопросам у них была общая юрисдикция. Более того, духовенство в определенных случаях могло подлежать юрисдикции светского суда, а миряне в очень большом количестве случаев подлежали юрисдикции канонического права.

Политические системы средневековых европейских государств были очень схожи между собой, впрочем, как и их правовые системы, однако нельзя говорить об их полной идентичности, поскольку каждая из них сохраняла свои особенности. Эти особенности отразились, например, в раз-

личиях государственности Франции и Германии. Схожесть же политических систем обуславливалась особой ролью христианской религии и институтов канонического права, как факторов серьезного влияния на политику и политические институты. Христианство через каноническое право оказывало непосредственное влияние на формирование правового сознания европейских монархов и их окружения, и хотя князья (короли) и Папы сражались друг с другом за политическое первенство, все они апеллировали к Божественному закону.

Дуализм церковной и светской юрисдикции являлся отличительной чертой западных обществ. Как указывает выдающийся исследователь в области истории права и политики Г.Д. Берман, «первой западной системой права стало каноническое право римско-католической церкви» [1, с. 57]. Можно продолжить, что политические системы западноевропейских государств сложились также под влиянием римско-католической церкви и христианского мировоззрения.

Однако было бы неверным утверждать, что именно религиозное мировоззрение оказалось прообразом будущего общего европейского правовопонимания. Начиная с XVI века и особенно в XVII веке эта «незыблемость» была поставлена под сомнение. Основную роль при возникновении сомнений сыграла светская наука, которая в то время начала активно развиваться (механика, математика, геометрия, физика и др.). С этого момента к истине стали иметь отношение три интеллектуальных сферы – теология, философия и естествознание, а не только первые две, как это было в Средневековье.

Возникла тенденция к постановке наук естественных рядом, а потом и выше наук божественных. Большую роль в отделении теологии от других наук сыграл Галилео Галилей, разделивший знания человеческие и истины божеские. Известный исследователь Уильям Боусма писал: «Утверждение Галилея, что теология – королева наук только вследствие достоинства ее предмета, а не благодаря особому праву контролировать то, что происходит в других науках, и что религия учит, как кому-то продвинуться на небо, но не тому, как движется небо, отражают позицию, которую с ним разделяли Бэкон, Гассенди, Мерсен и Паскаль» [6, с. 8].

Передовые люди того времени постепенно пришли к пониманию о необходимости секуляризовать научный поиск, вывести его за рамки теологии. Выдающиеся ученые позднесредневековой Европы стремились к автономии богословия от науки, что не могло не способствовать быстрому развитию последней. Исследователи отмечают важную особенность этого процесса: если в XV–XVI веках обновление переживали естественнонаучные дисциплины, порвавшие свою зависимость

от схоластической философии и создавшие оригинальные научные школы со специфической методологией, то в XVII веке имела место эмансипация от средневековой схоластики гуманитарной сферы человеческого знания [2, с. 98].

В юриспруденции появляется новая линия, очерченная голландцем Гуго Гроцием, его продолжателем из Германии Самуэлем Пуффендорфом и учеником последнего – Христианом Томазиусом – теория чистого естественного права. Эта теория в течение долгого времени господствовала в умах европейских юристов позднего средневековья и нового времени.

Заметим, что эта естественно-правовая теория не убирала Бога вообще. Он занимал особое, периферийное место по отношению к социальному регулированию. Но Он был в их микро- и макрокосмосе. Связь между правом и моралью, этикой и философией была еще очень тесна. И люди, исповедовавшие теорию естественного права, не были атеистами.

Немецкий исследователь Эрик Вольф отмечал, что характерной чертой естественно-правовой школы было стремление придать естественным нормам права прямое действие в юридической практике [7, с. 86].

Конец средневековья и начало нового времени знаменовались явно выраженной тенденцией к секуляризации права. Она продолжала нарастать, и часть ученых повернула в сторону атеизма, что стало возможно в век Просвещения. Как указывает Мишель Фуше, «для Монтескье Европа является светской идеей, связанной со свободой, то есть свободной от деспотизма. Просвещенная и интеллектуальная республика Вольтера объединяет науки; искусства и науки, закладывает фундамент доминирующего положения Европы... Отсюда следует полное разделение между Европой и христианством и устанавливается новая полярность, полюса которой различаются своим отношением к прогрессу. Идея Европы означает светскую модель» [5, с. 33–34]. Для автора идея христианства, как это вытекает из сказанного, связана со стагнацией в общественном развитии, тогда как идея светскости однозначно ассоциируется с развитием. Страны новой Европы объединились в принятии этой светской свободы, сбросив путы христианского обременения.

Именно светская модель в противоположность христианской, бывшей основой старой Европы, по мнению Мишеля Фуше, есть основа новой интегрированной Европы. Не оспаривая этот тезис, напомним, что позиция «против кого дружить будем», не является самой удачной для создания надежных отношений. Анализ проблем новой интегрированной Европы не входит в нашу задачу и может быть осуществлен в рамках другого исследования.

Библиографический список

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1998. – 624 с.
2. Верховодов Е.В., Мигунова Т.Л. Секуляризация общественной мысли в Западной Европе 17 века // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, Новое время. Вып. 2. – Арзамас: АГПИ, 2002.
3. Квачадзе О.Б., Романовская В.Б. Влияние канонического права на городскую политико-правовую действительность средневековой Западной Европы // Известия высших учебных заведений.

Правоведение. – 2010. – №1. – С. 244–249.

4. Романовская В.Б. Период высокого средневековья в Европе – век инноваций в юридическом образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-2. – С. 174–176.
5. Фуше М. Европейская республика: исторические и географические контуры. – М.: Международные отношения, 1999. – 168 с.
6. Bouwsma W.J. The Secularization of society in the Seventeenth Century. – Moscow, 1970.
7. Wolff E. Grotius, Pufendorf, Thomasius. Drei Kapitel zur Gesteltgeschichte der Rechtswissenschaft. – Tübingen, 1927.

УДК 349.2

Рощин Борис Евгеньевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ТРУДА: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НОРМОТВОРЧЕСТВА (к 95-летию создания Международной организации труда)

В предлагаемой статье рассмотрены первые конвенции Международной организации труда, принятые в момент её создания, и заложившие правовые основы сущностных институтов международного трудового права.

Ключевые слова: Международная организация труда, Конвенции МОТ, Генеральная конференция, ограничение рабочего времени, проблемы безработицы, социальная защита и охрана труда женщин и детей.

Всеобщий и прочный мир может быть установлен только на основе социальной справедливости...

Из Устава МОТ

Современное российское трудовое законодательство во многом базируется на нормах международного трудового права, поскольку Россия (как правопреемница СССР) является (с 1954 г.) полноправным членом Международной организации труда (далее МОТ) – старейшей, признанной и одной из самых уважаемых мировым сообществом организаций, которая была создана ещё в 1919 году (на основе Версальского мирного договора при Лиге наций), а в 1945 г. МОТ (с принятием Устава ООН) стала первым специализированным учреждением ООН. Кроме того, современная российская Конституция (ч. 4. ст. 15) признаёт общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ в качестве составной части её национально-правовой системы. Более того, если международным договором (далее МД) РФ установлены иные правила, чем национальным законодательством РФ, то применяются правила МД. Следовательно, определённый объём международно-трудового законодательства (нормативные акты, закрепившие общепризнанные принципы и нормы международного права; конвенции по вопросам труда, ратифицированные РФ; МД по труду, заключённые РФ

и др.), являются неотъемлемой составляющей частью внутреннего российского трудового законодательства и должны активно и непосредственно применяться правоприменительными органами. Это говорит о всё большей интеграции современной России в мировое пространство.

Современное международное трудовое право имеет свою, вполне обозримую историю. Изучение исторического опыта позволяет глубже понять сущность современного международного трудового права, которое в настоящее время сформировалось в относительно автономную подотрасль международного публичного права. Целью работы является краткая характеристика основных конвенций МОТ, принятых в момент её создания, в процессе работы первой сессии Генеральной конференции этой организации (29 октября 1919 года – 27 января 1920 года).

Разумеется, МОТ возникла не на пустом месте. Идеи создания подобной международной организации, регулирующей глобальные проблемы в социально трудовой сфере, относятся к XIX веку. Необходимость принятия и развития международного трудового законодательства осознавалась рядом стран Европы и Америки, в которых бурное

развитие промышленности осуществлялось, как правило, за счёт усилий трудящихся.

Немаловажное значение имели европейские идеи гуманистического порядка. Многие прогрессивные умы того времени (философы, экономисты, социологи и др.) говорили о необходимости изменения невыносимых условий труда рабочих. Следует подчеркнуть, что подобные идеи разделяли и некоторые представители предпринимательских кругов, среди которых Роберт Оуэн (1771–1858) и Даниель Легран (1783–1859). К примеру, в 1855 г. французский промышленник Даниель Легран писал Наполеону III: «Международное фабричное законодательство сможет дать материальные и моральные выгоды, не нанося ущерба предпринимателям». Более того, он полагал, что предупредить возможные социальные потрясения в будущем способна «только социальная реформа» [3, с. 10].

Важную роль в дальнейшем развитии международного трудового законодательства сыграли конгрессы I и II интернационалов. Так, на первом конгрессе I интернационала (1866 г.) были приняты основные документы, направленные на улучшение социального положения работников: о 8-часовом рабочем дне для рабочих; об охране труда женщин; об организации труда детей; о развитии профессиональных союзов и др. Конгресс II интернационала (1891 г.) призвал «рабочих всех стран бороться за законодательное утверждение своих экономических и социальных прав, за улучшение жизни трудящихся» [3, с. 11].

Кроме того, для осуществления работы по подготовке определенных международно-правовых актов в социально-трудовой сфере, была создана (в 1901 г. в Базеле) Международная ассоциация защиты трудящихся. Большое значение для формирования и дальнейшего развития единого международного трудового права имели нормативно-правовые акты социальной направленности, принятые в ряде стран (к примеру, социальные законы Германии, принятые к началу XX века).

Решающую роль в необходимости создания МОТ сыграла Первая мировая война и послевоенное состояние мира. В военные годы заметную активность в вопросах международного регулирования труда проявили профсоюзы. Они требовали, чтобы по окончании войны была создана международная организация по вопросам труда и содействию укрепления мира. Также необходимость создания МОТ была продиктована революционными процессами в России и ряде других государств.

На заседании Парижской мирной конференции (11.04.1919 г.) был утверждён Устав МОТ, разработанный специальной Комиссией по международному трудовому законодательству. 28.04.1919 г. была утверждена декларация принципов работы МОТ. Эти документы вошли в качестве части XIII в Версальский мирный договор.

29.10.1919 года открыла свою работу первая Международная конференция труда (Вашингтон, округ Колумбия), которая в течение довольно продолжительного периода именовалась как «Генеральная конференция». Эта дата считается «днём рождения» МОТ. Необходимо отметить характерную структурную особенность МОТ – трипартизм, т.е. деятельность данной организации на основе трёхстороннего представительства: правительств государств, предпринимателей, работников.

Одной из ключевых функций МОТ является нормотворческая деятельность – принятие конвенций и рекомендаций, предназначенных для осуществления уставных целей МОТ (обеспечение достойного труда, достижение социальной справедливости, защита социально-трудовых прав человека и др.). Конвенции представляют собой международные договоры, которые подлежат обязательной ратификации. Государства – члены МОТ, которые ратифицировали их, принимают на себя определённые обязательства юридического характера по исполнению соответствующих норм.

На первой Международной конференции труда (Генеральная конференция) были приняты первые 6 конвенций: о рабочем времени, о безработице, о защите материнства, об ограничении труда женщин в ночное время, о минимальном возрасте приёма на работу детей в промышленности, об ограничении труда подростков в промышленности. В целом эти конвенции касались двух сущностных институтов трудового права – рабочего времени и охраны труда, что вполне объяснимо, поскольку наиболее острые проблемы всегда возникали при решении этих вопросов.

Следует кратко рассмотреть данные документы.

Правовому регулированию рабочего времени посвящена Конвенция №1 МОТ «Об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю» (1919 г.). Конвенция, в частности, ограничивала продолжительность рабочего времени лиц, занятых на промышленных предприятиях (за некоторыми исключениями). Согласно ст. 2 Конвенции, продолжительность труда устанавливалась не свыше 8 часов в день и 48 часов в неделю. Превышение максимальной продолжительности рабочего времени (т.е. аналог современных сверхурочных работ) допускалось: а) при наступлении несчастного случая или «угрозе такового»; б) при необходимости выполнения срочных работ по ремонту машин или оборудования; в) в случае непреодолимой силы, реально угрожающей «нормальной деятельности предприятия»; г) на работах со сменным режимом.

Государства, ратифицировавшие данный документ, обязывались разработать и принять соответствующие правила о максимальной продолжительности сверхурочных работ (в отношении

отдельных категорий работников и специфики предприятий), а также установить размер ставки для таких работ (не ниже 1/4 обычной ставки) [4].

Следует напомнить, что в период принятия данной конвенции в России победила Октябрьская революция. Большевики, захватив власть 25 октября 1917 г., незамедлительно стали создавать новые формы организации и регулирования труда. Ограничение продолжительности рабочего времени было провозглашено известным декретом о 8-часовом рабочем дне, принятом 29 октября 1917 г. (11 ноября по новому стилю). Документ устанавливал максимальную продолжительность рабочего времени – не более 8 часов в сутки и не более 48 часов в неделю. Кроме того, устанавливался запрет на допуск к сверхурочным работам всех лиц женского пола и лиц мужского пола, не достигших 18-летнего возраста. Устанавливались основания проведения подобных работ (необходимость завершения начатой работы, которая не была завершена вследствие «непредвиденной и случайной задержки»; для предотвращения опасности «жизни людей или имущества»; для обеспечения работы соответствующей инфраструктуры – водоснабжения, освещения, канализации и т.п. и др.). Продолжительность сверхурочных работ не должна была «превосходить 4 часа» в течение 2-х суток подряд [1, с. 176–180].

Если сравнивать общие положения Конвенции № 1 с вышеуказанным декретом, то следует констатировать, что декрет о 8-часовом рабочем дне (принятый двумя годами ранее) устанавливал более широкие общие гарантии, чем конвенция. Так, конвенция ограничивала продолжительность рабочего времени только на промышленных предприятиях (шахты, карьеры, строительство, реконструкция, ремонт, перевозка и т.п.), а декрет распространялся на все «предприятия и хозяйства, независимо от их размера и от того, кому они принадлежат, и на всех лиц, занятых работой по найму». Конвенция вообще не упоминала о времени отдыха, несмотря на то, что рабочее время и время отдыха – непосредственно взаимообусловленные правовые категории, декрет достаточно четко регламентировал виды отдыха работников (обеденный перерыв, нерабочие праздничные дни и т.п.).

Проблемам безработицы (правового регулирования процессов занятости и трудоустройства) посвящена Конвенция МОТ №2 «О безработице» (1919 г.), которая, в частности, возлагала обязанности на соответствующие государства (ратифицировавшие документ) по созданию системы «бесплатных государственных бюро занятости под контролем центрального органа» [5].

С острейшими проблемами массовой безработицы столкнулось и «молодое советское государство». В «Советской Республике» (также двумя годами ранее, 11.12.1917 г.), принимается положение

о страховании на случай безработицы. В данном документе сформулировано понятие «безработный». Им считалось всякое трудоспособное лицо, не имевшее возможности найти работу по найму и зарегистрированное на бирже труда. Документ возлагал обязанности на работодателя (нанимателя) по уплате определенных сумм страховых взносов, направленных на выплаты пособий по безработице [11, ст. 111]. Более того, Декрет «О биржах труда» (от 31.01.1918 г.) не только учредил бесплатные органы (под жестким государственным контролем), но и категорически запретил всякое трудоустройство по найму через разного рода посреднические организации, кроме бирж труда [12, ст. 319].

Правовому регулированию и охране труда женщин посвящены 3 и 4 конвенции МОТ. Конвенция МОТ № 3 «Об охране материнства» (1919 г.) затрагивала ключевые вопросы социальной защиты женщин. Согласно документу, женщине предоставлялось право на: а) отпуск по беременности и родам (6 недель до родов и 6 недель после родов); б) пособие (за время отсутствия на работе), «достаточное для содержания ее и ребенка в хорошем и здоровом состоянии». Данное пособие следовало выплачивать либо из государственных средств, либо путем системы страхования; в) два получасовых перерыва в течение рабочего дня (в рабочее время), если работница «кормит ребенка грудью» [6]. Конвенция МОТ № 4 «О труде женщин в ночное время» (1919 г.) устанавливала запрет на применение женского труда (независимо от возраста) в ночное время (в период «между десятью часами вечера и пятью часами утра») на предприятиях (как государственных, так и частных). Исключением из данного правила являлись следующие основания: а) в случае непреодолимой силы, «когда на каком-либо предприятии имеет место перерыв в работе, который невозможно было предвидеть и который не носит периодического характера»; б) в случаях, когда ночной труд объективно необходим для предотвращения порчи и утраты производственного сырья и материалов [7].

В России, при социалистической организации труда, вопросы охраны труда женщин и социальной защиты трудящихся трактовались как основополагающие идеологемы. Так, 22.12.1917 г. увидел свет декрет «О страховании на случай болезни», который достаточно подробно регламентировал основные меры защиты работниц: а) выплата денежных пособий по беременности и родам в размере полного заработка за период 8 недель до родов и 8 недель после родов; б) запрет на допуск к работе женщин в течение указанного периода; в) предоставление дополнительного перерыва (не менее 0,5 часа через каждые 3 часа), «работнице, кормящей грудью ребенка»; г) установление неполного рабочего времени (не более 6 часов в день)

«для кормящей матери» (в течение 9 месяцев после родов) и др.

Очевидны явные преимущества данного декрета перед конвенцией «Об охране материнства». Отметим любопытную деталь. Социальные пособия по беременности и родам были установлены в одном из первых декретов советской власти, именовавшемся как декрет «О страховании на случай болезни». Подобная «трактовка» беременности (как болезни) существует и сегодня. Так, согласно современному российскому законодательству, период беременности и родов (по общему правилу – 70 дней до родов и 70 после) оформляется «больничным листом», а пособие выплачивается (как и при временной нетрудоспособности работника) за счёт Фонда социального страхования.

Правовому регулированию и охране детского труда посвящены 2 конвенции МОТ – №5 и №6. Конвенция МОТ №5 «О минимальном возрасте приёма детей на работу в промышленности» (1919 г.) запрещала принимать малолетних детей (моложе 14 лет) на работу в какие бы то ни было промышленные предприятия. Исключениями являлись случаи детского труда «в профессиональных школах», с «одобрения и под надзором государственной власти». На работодателя возлагались обязанности по ведению учёта всех работников, моложе 16-летнего возраста [8]. Конвенция МОТ №6 «О ночном труде подростков в промышленности» (1919 г.) запрещала применение труда подростков (моложе 18 лет) в ночное время на промышленных предприятиях (государственных и частных). Вместе с тем, в ряде случаев допускалось применение в ночное время труда подростков, достигших 16-летнего возраста: а) при производстве железа и стали; б) в стекольном, бумажном и сахарном производстве; в) при получении золота «из руды химическим путём» [9].

В рассматриваемый период в «Республике Труда» декларируются следующие нормы: а) запрещалось допускать малолетних (до 14 лет) к любой работе по найму; б) рабочее время для лиц, не достигших 18 лет, не могло превышать 6 часов в сутки; в) запрещалась работа в ночное время (с 9 вечера до 6 утра) всем работникам женского пола, а также работникам мужского пола до достижения 16-летнего возраста; г) с 01.01.1919 г. запрещалось допускать к работе по найму всех лиц, не достигших 15 лет, а с 01.01.1920 г. – всех, не достигших «20 лет от роду» [1, с. 177]. Как писал современник: «...подросткам нужен достаточный досуг для дополнительного общего и профессионального образования, для, так называемого, после – школьного обучения» [10, с. 31].

Следует обратить внимание на ещё одну практически важную деталь. В рассмотренных выше конвенциях МОТ, принятых первой Генеральной конференцией, установлен единый механизм их

применения на территориях соответствующих государств. Алгоритм следующий: 1) государство, ратифицировавшее конвенцию, направляло соответствующие документы Генеральному директору Международного бюро труда (далее МБТ) для регистрации; 2) данное государство обязывалось применять конвенцию на своей территории («к своим колониям, протекторатам и владениям»), за некоторыми исключениями (объективно не позволяет специфика местных условий); 3) государство обязывалось уведомлять МБТ «о мерах, принятых в отношении каждой из своих колоний, протекторатов и владений, не пользующихся в полной мере самоуправлением» (т.е. о практическом применении ратифицированных конвенций); 4) конвенция связывала обязательствами только тех членов МОТ, чьи документы о ратификации прошли регистрацию в МБТ; 5) любой член МОТ имел право на денонсацию (путём направления в МОТ соответствующего акта) конвенции по истечении 10-летнего периода её вступления в силу.

Общие выводы:

1. МОТ прошла непростой эволюционный путь, но, несмотря на объективные трудности, выдержала испытание временем и в настоящее время остаётся «мировым центром социально-трудового законодательства и социального партнёрства» [3, с. 5].

2. Идеи трипартизма (трехсторонности), заложенные при создании МОТ, показали свою эффективность, актуальность и востребованность временем. Эти идеи легли в основу социального партнёрства не только на международном уровне, но и на внутригосударственном (национальном). Социальное партнёрство в сфере труда, основанное на принципе трипартизма, является одним из актуальных и существенных институтов современного российского трудового права (Ч. 2. Раздел II Трудового кодекса РФ).

3. В первых 6 конвенциях МОТ, принятых в процессе работы первой Генеральной конференции, заложены правовые основы двух важнейших институтов международного трудового права – институтов рабочего времени и охраны труда.

4. Первые конвенции МОТ и первые правовые акты советского правительства провозглашали общие социальные ценности (сокращение рабочего времени, содействие государства в трудоустройстве, выплаты социальных пособий женщинам, запрет эксплуатации труда малолетних и др.), необходимость которых объективно была продиктована запросом времени. В то же время, парадокс заключался в том, что МОТ провозглашала соответствующие ценности в целях смягчения социальной напряжённости в мире и возможного предупреждения новых мировых войн и революций, а советское правительство – в развитие пролетарской (а затем и мировой) революции.

5. За всю (95-летнюю) историю МОТ был накоплен бесценный опыт многих стран, сконцентрированный в международных трудовых стандартах, которые, в свою очередь, составили своего рода международный кодекс труда. В настоящее время международные стандарты труда являются достижением современной цивилизации. Их прогрессивные положения являются надёжными ориентирами для разработки и совершенствования национальной системы трудового права любого государства (в т.ч. РФ), взявшего курс на соответствие общечивилизационным ценностям.

Библиографический список

1. Вестник Народного комиссариата труда. – 1918. – № 1.
2. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России. – М.: Проспект, 2003. – 496 с.
3. Костин Л.А. Международная организация труда. – М.: «Экзамен», 2002. 416 с.
4. Конвенция № 1 МОТ «Об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до

восемью часов в день и сорока восьми часов в неделю» // СПС «Консультант Плюс», раздел «Законодательство».

5. Конвенция МОТ № 2 «О безработице» // СПС «Консультант Плюс», раздел «Законодательство».

6. Конвенция МОТ № 3 «Об охране материнства» // СПС «Консультант Плюс», раздел «Законодательство».

7. Конвенция МОТ № 4 «О труде женщин в ночное время» // СПС «Консультант Плюс», раздел «Законодательство».

8. Конвенция МОТ № 5 «О минимальном возрасте приёма детей на работу в промышленности» // СПС «Консультант Плюс», раздел «Законодательство».

9. Конвенция МОТ № 6 «О ночном труде подростков в промышленности» // СПС «Консультант Плюс», раздел «Законодательство».

10. Линдов Г. Детский труд. – Петроград: Изд-во «Муравей», 1917. – 32 с.

11. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 8.

12. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 21.

УДК 340.1

Романовская Вера Борисовна

доктор юридических наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
tigpnnngu@yandex.ru

Пужаев Владимир Владимирович

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
notionn@mail.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КАК ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ

В статье рассматриваются существующие в юридической науке подходы к определению правового режима, отмечается общетеоретический характер данной категории, определяется структура правового режима и соотношение со смежными правовыми явлениями.

Ключевые слова: правовой режим, структура правового режима, политический режим, механизм правового регулирования, правовое состояние.

Современные вызовы политико-правовому развитию российского общества, порождаемые, с одной стороны, мировыми глобализационными и интеграционными процессами, а с другой – специфическими внутренними особенностями функционирования отечественной правовой системы, с неизбежностью влекут необходимость модернизации различных сфер общественной жизни в целях их наиболее адекватного соответствия изменяющимся условиям. Особую значимость при этом приобретает поиск эффективных форм, путей регламентирующего воздействия права на общественные отношения – правового регулирования, осуществляемого «с помощью системы специальных правовых средств» [3, с. 299]. Вместе с тем давно замечено, что успешное «использование правовых средств при решении тех или иных специальных задач в значительной степени состоит в том, чтобы выбрать оптимальный

для решения соответствующей задачи *правовой режим...*» [1, с. 264]. Иными словами, именно с категорией «правовой режим» во многом связана возможность совершенствования процессов юридической регламентации общественных отношений, что и предопределило интерес к её исследованию в рамках настоящей статьи.

Правовой режим представляет собой глубокое, богатое по содержанию и сферам применения правовое явление, олицетворяющее функциональную характеристику права, его нормативность. Основательно укоренившийся в научной литературе и широко используемый в российском внутреннем государственном праве (нормативно-правовых актах различного уровня и содержания) и международных актах [17], термин «правовой режим» по-прежнему не имеет своего единообразного понимания и вызывает серьёзные дискуссии среди представителей юридического сообщества.

При этом очевидно, что исключительно отраслевой ракурс исследования категории «правовой режим» (именно он в настоящее время является преобладающим среди российских ученых) не способен в полной мере выявить как в целом её сущностные характеристики, так и потенциально возможные её проявления и сферы применения. Этим обстоятельством, на наш взгляд, во многом и определяется целесообразность общетеоретического изучения правовых режимов. Вместе с тем в современной российской юридической науке процесс теоретического осмысления правовых режимов также нельзя считать завершенным. Существующие исследования монографического характера [2; 18] хотя и внесли весомый вклад в изучение указанного вопроса, но всё же не исчерпали его по существу проблемной составляющей.

Прежде чем приступить к рассмотрению имеющих в науке трактовок понятия «правовой режим», следует обратиться к уяснению значения самого термина «режим». В переводе с французского *régime* (от лат. *regimen* «правление») означает следующее: 1) государственный строй, совокупность средств, методов и способов осуществления власти; 2) строго установленный распорядок жизни (труда, отдыха и т.п.); 3) определенное состояние, положение, статус субъекта или объекта; 4) система обязательных норм, правил, требований, принципов, установленных для определенного вида деятельности [12, с. 7]. Таким образом, указанное понятие многозначно, а соответственно и вся категория «правовой режим» будет также иметь сложный в содержательном плане характер.

Исследование доктринальных источников позволило выявить несколько типичных позиций относительно понимания правовых режимов. Согласно первой и наиболее влиятельной из них, под правовым режимом следует понимать «порядок регулирования, который выражен в многообразном комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений и запретов (а также позитивных обязываний) и создающих особую направленность регулирования» [1, с. 264]. Однако стоит согласиться с мнением А.В. Малько, считающего основным минусом указанной формулировки акцентирование внимания сугубо на направленности правового регулирования (формальном признаке) и указывающего, что в информационно-психологическом аспекте правовой режим в большей мере раскрывает степень благоприятности либо неблагоприятности для интересов различных субъектов права (т.е. материальный признак) [6, с. 206, 208–209]. Тем не менее, именно этот подход так или иначе проводится в жизнь в работах многих ученых [2; 12; 16], которые, приняв за основу вырабатываемой ими дефиниции понимание правового режима в качестве «порядка регулирования», дорабатывают его,

исходя из собственных научных предпочтений или соображений иного толка.

В рамках второго подхода правовой режим определяется как «социальный режим некоторого объекта, закрепленный правовыми нормами и обеспеченный совокупностью юридических средств» [5, с. 258–259]. Вместе с тем, использование в определении не менее «сложного», чем рассматриваемая категория, термина «социальный режим» приводит к размытости полученной формулировки, отсутствию её универсальности.

Третье направление представлено позицией Л.А. Морозовой, определяющей правовой режим как «результат регулятивного воздействия на общественные отношения системы юридических средств, присущих конкретной отрасли права и обеспечивающих нормальное функционирование данного комплекса общественных отношений» [9, с. 123]. Подобное рассмотрение правового режима лишь в качестве итогов нормативного воздействия, на наш взгляд, не совсем приемлемо, так как не соответствуют как общему назначению правовых режимов в системе правового регулирования, так и их сущностным характеристикам. Поэтому следует согласиться с А.В. Малько, считающим, что правовой режим скорее «система условий и методик осуществления правового регулирования, определенный “распорядок” действия права» [6, с. 206–207], нежели его результат.

Неудачной видится и попытка ряда авторов определить правовой режим с позиции, которую можно условно обозначить как «содержательно-функциональную». Предельно узкая трактовка элементного состава и направлений возможного воздействия правовых режимов приводит исследователей к тому, что под ними понимается либо «сложное комплексное юридическое средство, предназначенное для регулирования, охраны общественных отношений и воздействия на поведение субъектов...» [11], либо «самостоятельное правовое средство государства, используемое в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя, специализированный порядок деятельности субъектов права, предназначенный для решения специфических задач или функционирования публично-властных субъектов в особых обстоятельствах» [14, с. 11]. Однако достаточно очевидно, что правовые режимы не ограничиваются простой совокупностью (комплексом) юридических средств или каким-либо комплексным правовым средством, их функционал гораздо богаче, а сферы применения существенно шире. Помимо собственно юридических средств различного уровня организации (в разного рода сочетаниях и вариациях), в структуру правового режима входят также гарантии реализации требований режима и ответственность за нарушение данных требований, субъекты и объекты права и способы их

взаимной связи, принципы права, цели и способы правового регулирования.

На основании приведенного выше обзора различных мнений ученых, позволим себе считать, что наибольшим познавательным потенциалом и степенью соответствия действительности обладает первый подход, который с учетом приведенных нами общих замечаний может быть принят в качестве основного.

Подчеркивая самостоятельное место «правового режима» в категориальном аппарате теоретико-правовой науки, представляется целесообразным провести его соотношение со смежными правовыми понятиями, такими, как политический режим, механизм правового регулирования, правовое состояние.

Традиционно в научной литературе правовой режим рассматривается в качестве важной органической составляющей режима политического [7; 18]. Указанное суждение в целом верно, по крайней мере в том смысле, что необходимо всегда учитывать взаимную связь правовых режимов, получивших своё официальное закрепление в нормативных актах той или иной страны, с существующей в ней в данный период времени политической конъюнктурой. Установление в государстве демократического, авторитарного или тоталитарного режимов неминуемо влечет за собой изменение и корректировку применяемых средств, методов регулирования общественных отношений. В то же время с помощью правовых режимов необходимым образом закрепляются и реально осуществляются сами государственные или политические режимы. Отмеченная взаимосвязь правовых и политических режимов является в своей основе частным случаем взаимодействия на более широком уровне – между правом как соционормативным регулятором общественных отношений и в целом политической реальностью. По данному поводу многими авторами справедливо указывается, что «политический подтекст многих юридических явлений, понятий, конструкций вполне очевиден» [8], а «содержание правовых предписаний, как правило, не противоречит доминирующему политическому курсу в том или ином государстве, фундаментальным основам политической идеологии» [15, с. 109].

В некоторых работах по праву можно встретить точку зрения, в соответствии с которой правовой режим, по сути, отождествляется с механизмом правового регулирования (взятой в единстве системой правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное воздействие права на общественные отношения). Однако представляется, что дело обстоит несколько иначе, и необходимо четко разграничивать эти довольно близкие понятия. Будучи, по выражению С.С. Алексеева, «высокозначными правовыми категориями», они позволяют представить различные явления право-

вой действительности в работающем и притом системном виде (в виде целостной динамической структуры). Каждая из них в той или иной степени раскрывает динамический характер права. В чём же тогда состоит их различие, если таковое имеется? На наш взгляд, оно касается нескольких принципиальных моментов. Во-первых, с точки зрения структуры категория «правовой режим» является более содержательной, и помимо элементов, составляющих механизм правового регулирования (норм права, юридических фактов, правоотношений, актов реализации права и т.д.), включает иные составляющие, на которые указывалось выше. Во-вторых, правовой режим практически реализуется через механизм правового регулирования. Большинство авторов вполне обоснованно замечают, что в данном аспекте правовой режим есть специфический механизм правового регулирования, который направлен на конкретные виды субъектов и объектов, привязанный к более широким и значимым социальным процессам, в пределах которых указанные субъекты и объекты взаимодействуют [8].

Категория «правовой режим» также тесно связана с понятием «правовое состояние», однако не тождественна ему. Объединяет указанные категории не только и не столько лексическая близость терминов, входящих в их состав («режим» и «состояние»), но в большей мере их обоюдная значимость в процессе правового регулирования. Наряду с правовыми режимами, «правовые состояния» в качестве компонентов правового регулирования оказывают влияние на общественные отношения не только напрямую, но и опосредованно, через иные правовые явления» [4, с. 153]. Вместе с тем, между ними существуют определенные различия, которые кратко могут быть обозначены следующим образом: 1. Правовое состояние – это частица механизма правового регулирования, а правовой режим – его функциональная часть, нормативная основа. 2. Если правовой режим отвечает на вопрос: как и в каком порядке осуществляется регулирование общественных отношений, то правовое состояние – цель и результат правового опосредования, т.е. то, что регулируется [10, с. 134–135]. 3. Любой правовой режим представляет собой некое правовое состояние, но не всякое правовое состояние является правовым режимом.

Таким образом, анализ существующих в юридической литературе подходов к пониманию правового режима свидетельствует о дискуссионности и неоднозначности восприятия указанной категории в современной науке (во многом это обусловлено сложностью и многоаспектностью самого рассматриваемого феномена). Приходится также констатировать отсутствие среди ученых согласия и по вопросам о структуре правовых режимов, их функциональной роли. В этой связи, несомненно, актуализируется потребность в общетеоретиче-

ском исследовании как отмеченных нами в рамках данной статьи, так и оставшихся за её пределами проблемных аспектов заявленной темы.

В заключение статьи хотелось бы согласиться со справедливым утверждением о том, что «поскольку право всегда связано с конкретным обществом, социально определено, то вопросы соответствия, адекватности права, его категорий и понятий регулируемым общественным отношениям и их участникам, способности их отражать объективные потребности общества всегда будут стоять на «передовой» юридической науки» [13, с. 329]. А потому не приходится сомневаться, что механизмы регулятивного воздействия права, в рамках которых значимое место занимают правовые режимы, еще не раз привлекут к себе пристальное внимание современных ученых.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 6: Восхождение к праву. – М.: Статут, 2010. – 558 с.
2. Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Курск, 2013. – 45 с.
3. Груздев В.В. Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – №2. – С. 297–310.
4. Груздев В.В. Преемственность в научном знании: опыт разработки категории «правовое состояние» // Юридическая техника. – 2011. – №5. – С. 144–153.
5. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. – М., 1987. – С. 245–267.
6. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – 250 с.
7. Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. – 2001. – №9. – С. 19–25.
8. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. – 1996. – №1. – С. 16–29.
9. Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. – М.: Юрид. лит., 1985. – 144 с.
10. Новикова Ю.С. Правовое состояние и правовой режим: вопросы разграничения понятий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – №13(68). – С. 131–135.
11. Осипов П.И. К вопросу о конституционно-правовом режиме // Материалы международной научно-практической конференции «Государство, Конституция, Родина». 23 мая 2013 г. / под ред. д.ю.н. Л.В. Голоскокова. – М.: Изд-во Финансовый университет при Правительстве РФ, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/gkr_2013/source/authors/Osipov.pdf. (дата обращения: 01.07.2014).
12. Придворов Н.А., Брыксина Г.С. Правовой режим органа государственной власти (теоретико-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – №3–9. – С. 5–21.
13. Романовская В.Б. Новое исследование по теории правового состояния личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т.17. – №5-6. – С. 329–330.
14. Ситников А.П. Вопросы соотношения категорий «правовой режим», «правовое состояние», «правовой порядок» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №31 (169). Право. Вып. 21. – С. 9–11.
15. Тирских М.Г. Право в государствах с авторитарным политическим режимом // Сибирский юридический вестник. – 2011. – №3(54). – С. 109–115.
16. Утяшов Э.К. Правовые режимы: понятие, признаки, структура, методы правового регулирования // Право и политика. – 2014. – №2. – С. 252–259.
17. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ «О военном положении» // СЗ РФ, 04.02.2002, N 5, ст. 375; Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ, 04.06.2001, N 23, ст. 2277; ст. 59 Федерального закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ, 14.01.2002, N 2, ст. 133; ст.4 Федерального закона от 09.07.1999 N 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ, 12.07.1999, N 28, ст. 3493; §2 «Правовой режим и защита инвестиций» Договора о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) и многие другие.
18. Шамсумова Э.Ф. Правовые режимы (теоретический аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001.
19. Шанин А.А. Правовой режим в структуре режима политического // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – №3(12). – С. 4–10.

АНАЛИЗ ПРОКУРОРОМ СОСТОЯНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Статья посвящена анализу состояния законности при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, терроризм, прокурорский надзор, банковская сфера.

В Концепции национальной стратегии противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма, утвержденной Указом Президента РФ от 11 июня 2005 г., указывается, что легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма представляют серьезную угрозу национальной и глобальной безопасности, нарушают нормальное функционирование государства и его основных экономических институтов, препятствуют рыночным преобразованиям и контролю над финансовой системой страны со стороны государственных органов, вызывают недоверие в обществе к государственным институтам, создают негативный имидж России на международной арене.

По мнению С.Ю. Журавлева, процессы легализации доходов от наркобизнеса и преступной деятельности приводят к ряду негативных последствий, среди которых: ошибки в экономической политике, нестабильность банковских ставок и курса обмена, снижение сбора налогов, неправильное распределение финансовых ресурсов, расширение коррупции, банкротства банковских институтов, расширение и укрепление экономической и технической базы организованной преступности, усиление ее защитных функций и иное [2].

Для правильной организации надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма прокурору необходимо представлять масштабы этого явления. Конечно, точную цифру легализуемых преступных доходов назвать вряд ли получится. Вместе с тем, учеными и правоохранителями с относительной долей вероятности даются оценки объемов отмываемых доходов.

Эксперты МВФ оценивают суммарный объем отмываемых преступных доходов в 2–5% от мирового ВВП, что составляет от 0,6 до 1,5 трлн. долл. в год [6]. По оценкам Росфинмониторинга, в России ежегодно легализуется порядка 2 трлн. руб. [3]. По данным Центрального банка РФ, масштабы фиктивных финансовых операций, которые проходят через банковскую систему России со-

ставляют 1,5–2 трлн. руб. в год, что эквивалентно 7–10% российского ВВП, потери консолидированного бюджета – 500–800 млрд. руб. в год [1].

Объем капитала, выведенного за рубеж, в 2012 году по данным Центрального банка РФ составил 39 млрд. долларов, за 9 месяцев 2013 года – около 22 млрд. долларов. Ежегодные объемы «обналиченных» через российскую банковскую систему денежных средств исчисляются сотнями миллиардов рублей [7]. Так, только за 30 календарных дней обналичивание составляет в среднем 50–80 млрд. руб. [1].

Особенностью преступлений, связанных с легализацией преступных доходов, является высокий уровень латентности. Р.В. Жубрин отмечает, что «отмывание» – одно из самых неочевидных преступных посягательств. Даже при обнаружении сомнительной финансовой операции на сумму, превышающую 600 тыс. руб., данная операция считается только подозрительной, требует проверки денежных средств на предмет их преступного происхождения. Для этого нужно знать не только подозрительные операции, но и способы совершения легализации преступных доходов, а также документы, которые могут быть при этом использованы. Нередко работникам оперативно-розыскных служб, прокурорам и следователям этих знаний не хватает, из-за чего снижается эффективность выявления и расследования легализации преступных доходов [1]. Сравнение приведенных выше объемов легализуемых преступных доходов с количеством зарегистрированных преступлений свидетельствует о том, что большая часть преступлений не выявляется правоохранительными органами. Таким образом, количество зарегистрированных преступлений данной категории не отражает реальный уровень преступности.

Отметим также, что на количество регистрируемых преступлений, связанных с легализацией преступных доходов, влияют результаты деятельности правоохранительных органов и изменения уголовного законодательства.

Анализ динамики зарегистрированных преступлений в рассматриваемой сфере свидетельствует о том, что общее количество зарегистрированных

преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, имеет тенденцию к снижению. Так, на территории Российской Федерации в 2013 году было зарегистрировано всего лишь 582 преступления, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем (в 2012 году – 611).

По ст. 174 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем) в 2013 году правоохранительные органы регистрировали 210 преступлений, по ст. 174.1 УК (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления) – 372 преступления.

В 2013 году, впервые, начиная с 2010 года, количество установленных преступных деяний, квалифицируемых по ст. 174-1 УК РФ, по сравнению с предыдущим годом возросло на 7,5 % (с 346 до 372). В то же время число выявленных преступных посягательств, предусмотренных ст. 174 УК РФ, уменьшилось на 20,8%, в связи с чем наблюдающаяся в последние годы тенденция к снижению общего количества регистрируемых преступлений, направленных на легализацию преступно нажитого имущества, не изменилась.

Наиболее криминализованной остается кредитно-финансовая сфера.

В рамках реализации надзорных функций Банком России и его территориальными учреждениями в 2013 году было завершено 1005 проверок кредитных организаций. Вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма рассматривались в 43% случаев всех завершённых плановых и внеплановых проверок кредитных организаций. В течение 2013 года территориальными учреждениями Банка России в отношении 415 кредитных организаций было возбуждено 1233 дела об административных правонарушениях, в том числе 457 дел в отношении должностных лиц, при этом 81 дело об административных правонарушениях было прекращено на этапе проведения расследования. В результате в течение 2013 года было завершено рассмотрение по 1146 делам об административных правонарушениях, по которым вынесено 290 постановлений о наложении штрафа (в том числе 57 постановлений в отношении должностных лиц кредитных организаций), 482 постановления о назначении предупреждений (в том числе 239 постановлений в отношении должностных лиц кредитных организаций) и 374 – о прекращении административных дел (в том числе 144 постановления в отношении должностных лиц кредитных организаций) [8].

В рамках реализации политики Банка России по предотвращению проведения через кредитные организации сомнительных операций, связанных

с обналичиванием денежных средств и выводом средств за границу, в 2013 году к 115 кредитным организациям были применены жесткие меры надзорного реагирования ограничительного/запретительного характера, направленные на прекращение таких операций [8]. В связи с допущенными нарушениями законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в 2013 году Центральным банком РФ отозвано 8 лицензий, 54 банка по итогам мониторинга регулятора прекратили проведение сомнительных операций [7].

К примеру, в 2013 году Банком России, Федеральной службой по финансовому мониторингу, ГУЭБиПК МВД России и другими правоохранительными органами пресечена деятельность теневой «обнальной» площадки, действовавшей на базе «Мастер-банка» в течение 2010–2013 гг. Данный банк фактически являлся «фабрикой» по предоставлению услуг обналичивания денежных средств, которую активно использовали как «теневики» со всей страны, так и непосредственно другие банки-посредники. Большинство юридических лиц – участников схемы – имели явные признаки фиктивности. В схеме были задействованы как тысячи банковских карт, открытых на подставных людей, так и тысячи реальных физических лиц, большинство из которых были готовы за небольшое вознаграждение участвовать в теневых схемах. Схема обналичивания реализовывалась посредством перечисления денежных средств заказчиков через счета ряда подконтрольных компаний с последующим зачислением их либо непосредственно на счета физических лиц в виде выдачи займов, либо на счета ряда брокерских компаний, которые в дальнейшем также осуществляли перевод денег в адрес физических лиц в качестве оплаты по договорам о брокерском обслуживании. Впоследствии деньги обналичивались. С каждой такой транзакции организаторы схемы взимали комиссию до 7%. В результате с использованием данной схемы было обналичено несколько миллиардов рублей [5].

Анализ состояния законности в сфере противодействия легализации преступных доходов свидетельствует о необходимости реализации прокурором надзорных полномочий, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Несмотря на то, что проверки исполнения законодательства о противодействии легализации преступных доходов в прокуратурах субъектах проводятся часто, надзор за исполнением названного законодательства до настоящего времени не является приоритетным направлением деятельности органов прокуратуры. Вместе с тем, результаты надзорной деятельности прокуроров сопоставимы

и даже выше результатов деятельности контрольно-надзорных органов в сфере противодействия легализации преступных доходов.

На фоне тенденции снижения выявленных прокурорами в 2013 году нарушений как в целом в сфере экономики, так и практически во всех ее отдельных сегментах [4], состояние законности в сфере противодействия легализации преступным доходам характеризуется увеличением нарушений закона, выявляемых прокурорами. Так, в анализируемой сфере в 2013 году прокурорами выявлено свыше 4,3 тыс. нарушений закона, в 2012 году выявлено свыше 3,3 тыс. нарушений закона. Увеличение количества выявленных нарушений вызвано как активизацией надзорной деятельности прокуроров в рассматриваемой сфере, так и широкой распространенностью нарушений законодательства о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем.

В связи с ростом нарушений законодательства о противодействии легализации преступных доходов, увеличилось количество актов прокурорского реагирования. Отметим, что в 2013 году органами прокуратуры использовался весь арсенал правовых средств, предусмотренный законом. Так, по фактам нарушения законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в 2013 году прокурорами внесено 1258 представлений (2012 год – 920), направлено в суд 466 исков и заявлений (2012 год – 212). По требованиям прокуроров более 1,3 тыс. виновных лиц привлечены к дисциплинарной и административной ответственности (2012 год – более 1 тыс.).

Особое внимание уделялось прокурорами принятию профилактических мер, в связи с чем количество лиц, которым объявлено предостережение о недопустимости нарушений законодательства о легализации преступных доходов увеличилось в 2,2 раза, предостережено о недопустимости нарушений закона 119 лиц (2012 год – 54).

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в сфере надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации преступных доходов в 2013 г. наблюдается не только увеличение активности органов прокуратуры Российской Федерации в выявлении нарушений закона, но и повышение результативности такой деятельности.

В структуре нарушений, выявляемых ежегодно прокурорами, большинство установлены в деятельности организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, что свидетельствует о недостатках в деятельности контрольно-надзорных органов. Распространенности нарушений законодательства о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в кредитно-финансовой сфере способствуют

недостатки исполнения банками законодательства о противодействии легализации преступным доходам. Так, в деятельности кредитных организаций распространенный характер носят нарушения в части организации внутреннего контроля, при проведении процедуры идентификации клиента, представителя клиента, выгодоприобретателя, определения степени риска их деятельности. Банками не в полном объеме выполняются требования Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» в части обучения кадров, фиксирования и направления сведений в уполномоченный орган об операциях, подлежащих обязательному контролю и др.

Прокурорские проверки свидетельствуют, что контрольно-надзорными органами в сфере противодействия легализации преступных доходов не используется весь комплекс полномочий для выявления нарушений законов, имеет место низкое качество проверок соблюдения поднадзорными организациями законодательства в сфере противодействия легализации преступных доходов.

Количество ежегодно выявляемых прокурорами нарушений в сфере противодействия легализации преступным доходам свидетельствуют о необходимости постоянного анализа состояния законности в рассматриваемой сфере и активизации работы на данном направлении надзорной деятельности. Учитывая, что нарушения законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма носят распространенный характер, число выявленных прокурорами нарушений растет, а основные причины нарушений остаются нерешенными, предполагается, что данное направление прокурорской деятельности должно быть связано с устранением причин нарушений законов и носить упреждающий характер.

Библиографический список

1. *Жубрин Р.В.* Основы профилактики легализации преступных доходов: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 493 с.
2. *Журавлев С.Ю.* «Характеристика механизма криминальных доходов и подходы к анализу следов преступной деятельности» // Пути повышения эффективности взаимодействия подразделений МВД РФ с другими государственными органами в области противодействия легализации преступных доходов (стратегический и прикладной аспекты): сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2005. – С. 678–679.
3. Совещание по вопросам исполнения поручений Президента Российской Федерации. 16.02.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru>.

4. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2013 год: информационно-аналитическая записка / под общ. ред. ректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. – 348 с.

5. Публичный отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу в 2013 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fedsfm.ru/content/files/activity/annualreports/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_2013.pdf (дата обращения – 14.06.2014).

6. Тинзи В. Отмывание денег и международная финансовая система // рабочий документ МВФ. Май 1996 г. – № 96/55. – с. 3.

7. Финансовая безопасность. – 2014. – №4. – С. 8, 12.

8. Центральный банк Российской Федерации. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2013 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9525 (дата обращения – 21.06.2014).

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ МАГИСТРОВ

В статье рассматриваются пути формирования культурно-просветительских компетенций магистров педагогического образования. Основу технологии формирования компетенций составляет разработка просветительского проекта в одном или нескольких видах искусства.

Ключевые слова: магистр, культурно-просветительская деятельность, компетенции, проект.

Просветительская деятельность имеет длительную историю становления и развития в отечественной культуре. Сегодня насчитываются тысячи организаций, союзов, ассоциаций, обществ, фондов, центров и иных объединений, занимающихся просветительской деятельностью. Решение задач, которые выполняют различные просветительские программы, связаны с использованием научного, культурного, экономического, политического, медицинского и т.д. потенциала и возможностей в интересах личностного развития граждан.

В законодательных документах просветительская деятельность определена как совокупность образовательных мероприятий по изучению и целенаправленной пропаганде научных знаний и других социально значительных сведений, направленных на формирование общей культуры человека, комплекса его интеллектуальных способностей к профессиональному действию и получению необходимых знаний [2].

Политика государства в сфере просвещения находит отражение и в системе высшего образования. Культурно-просветительская деятельность сегодня является важной составляющей подготовки выпускника вуза: бакалавра и магистра.

Характеристика профессиональной деятельности магистров в Федеральном Государственном Образовательном Стандарте высшего профессионального образования связана со способностью решения профессиональных задач в педагогической, научно-исследовательской, проектной, управленческой и культурно-просветительской деятельности [3].

Культурно-просветительская деятельность выпускника связана с изучением и формированием культурных потребностей и повышением культурно-образовательного уровня населения, разработкой стратегии просветительской деятельности; созданием просветительских программ и их реализацией; использованием современных информационно-коммуникационных технологий и СМИ для решения культурно-просветительских задач; формированием художественно-культурной среды, способствующей удовлетворению культурных по-

требностей и художественно-культурному развитию отдельных групп населения [3].

Перечисленные виды деятельности направлены на формирование ряда компетенций магистров в данной области, среди которых способность изучать и формировать культурные потребности и повышать культурно-образовательный уровень различных групп населения (ПК-17); готовность разрабатывать стратегии просветительской деятельности (ПК-18); способность разрабатывать и реализовывать просветительские программы в целях популяризации научных знаний и культурных традиций (ПК-19); готовность к использованию современных информационно-коммуникационных технологий и СМИ для решения культурно-просветительских задач (ПК-20); способность формировать художественно-культурную среду (ПК-21) [3].

Культурно-просветительские компетенции магистра по профилю подготовки «Развитие личности средствами искусства» формируются в процессе освоения таких дисциплин Основной образовательной программы высшего профессионального образования, как: «Методология и методы научного исследования», «Интерпретация художественного текста», «Синтез искусств в педагогическом процессе», «Организационно-творческая работа с художественно-творческим коллективом», «Научно-педагогическая практика» и др.

Перечисленные дисциплины лишь частично ориентированы на культурно-просветительский аспект деятельности будущего магистра в области педагогического образования. Поэтому в вариативную часть профессионального цикла в учебный план магистратуры включена дисциплина, которая направлена на фундаментальную культурно-просветительскую подготовку – «Просветительская деятельность в области искусства», общая трудоемкость которой составляет 3 зачетных единицы (108 часов). Дисциплина читается во втором семестре, формой промежуточной аттестации является экзамен.

В результате освоения дисциплины магистры знакомятся с законодательными актами в области просвещения, особенностями просветительской деятельности и ее основными формами, услови-

ями проведения просветительских мероприятий в области искусства, приобретают навыки просветительской деятельности, свободного общения с аудиторией, осуществляют экспертизу просветительских мероприятий.

Одной из задач изучения дисциплины является создание условий для самостоятельной учебной и исследовательской работы магистров. Такая работа предполагает самостоятельное изучение отдельных вопросов курса на основе соответствующей научной литературы; подготовку презентаций Power Point; анализ литературы по теме проекта.

Основу реализации учебно-исследовательской работы магистров составляет разработка просветительского проекта в одном или нескольких видах искусства.

Задание проекта обязательно ориентировано на получение конкретного результата и включает исследовательский элемент. Магистранты самостоятельно выбирают значимую в исследовательском и творческом плане проблему, которая требует интегрированного подхода для ее решения, исследовательского поиска. Следующим шагом выполнения проекта является структурирование его содержательной части и подготовка отчета по проектному заданию.

Проект просветительского мероприятия в области искусства должен содержать разделы: проблема, ее описание, цель и задачи, содержание, место проведения, материально-техническое и финансовое обеспечение, ожидаемый итог.

Выбор значимой проблемы. На данном этапе работы над проектом магистры анализируют ситуацию, диагностируют проблему, вырабатывают и осмысливают пути ее решения. Начальный этап работы связан с изучением интересов аудитории и основан на проведении мониторинга культурных потребностей, анализа запросов предполагаемой аудитории. Решение этой задачи предполагает изучение правительственных постановлений и документов по культурной политике государства и города. Для определения круга интересов и запросов, возраста, образования будущих слушателей, магистры используют сочетание формализованных (тестирование, анкетирование) и неформализованных методов (наблюдения, беседы с руководителями учебных учреждений и учащимися, анализ результатов учебно-профессиональной деятельности и т.д.).

Следующий этап работы над проектом связан с *описанием проблемы*, которую он решает, причин его значимости, сферы применения.

Раздел «Описание проблемы» должен отражать обстоятельства, побудившие написать проект, значимость проблемы в регионе, обществе, ее значимость в конкретном регионе или в целом для общества, масштабы проекта.

На основе изучения потребностей и интересов аудитории формулируются *цель и задачи проекта*.

Цель является отражением той проблемы, которую предстоит решить, формируя образ желаемого результата. Поэтому цель увязана с проблемой, указывает путь ее решения и конкретизируется в задачах, как промежуточных результатах.

Содержание проекта представляет технологический его этап и подразумевает подбор оптимальной системы действий, направленной на решение поставленных задач. На этой стадии работы над проектом магистры выбирают технологический инструментарий, который связан с описанием конкретных этапов работы. В этом разделе описываются реальные технологии и мероприятия, направленные на достижение заявленной цели.

Просветительские проекты могут разрабатываться как комплекс мероприятий, объединенных в циклы, как отдельные программы. Темы мероприятий и их актуальность зависят от потребностей аудитории и их цели. Один просветительский проект может содержать одну и более идей, которые последовательно должны реализовываться на всех этапах его проведения.

Форма мероприятий определяется их тематикой, возрастом аудитории, для которой они предназначены. Форма обуславливает организационную сторону работы, определяет «каким образом должна быть организована работа?». Формами просветительских мероприятий в области искусства могут быть лекции, концерты, беседы, диспуты, встречи (со слушателями, с деятелями искусства), фестивали, мастер-классы, семинары, конференции.

Представим методические рекомендации по разработке просветительского мероприятия.

Основное внимание в подготовке мероприятия должно уделяться составлению сценария, основанному на жанрово-стилевом подходе и документализме. Такой подход позволит гармонично соотносить художественный и документальный материал. Художественная значимость, воспитательная направленность и целесообразность предлагаемых сведений являются основными принципами построения сценария каждого мероприятия. Чтобы программа не была перегружена теоретическим материалом и полноценно воспринималась аудиторией, необходимо дидактически переработать материал, применяя синтез искусств.

Методические рекомендации по составлению сценария концертно-просветительской работы подробно описаны Л.Л. Мельниковой. Автор рекомендует в построении сценария придерживаться трехчастной структуры: вступление, основная часть, заключение [1].

Вступление должно быть кратким, так как основная его цель – привлечь внимание и заинтересовать аудиторию.

В середине программы целесообразно располагать более лёгкий материал, сокращая словесную

часть, komponуя материал по принципу контрастности. Включение в программы элементов театрализации (несколько ведущих программы, костюмированные сказочные, исторические, современные персонажи и т.д.) позволит сделать мероприятие динамичным, ярким и запоминающимся для аудитории.

Финал является результирующим этапом мероприятия. В этой связи важно подобрать материал таким образом, чтобы зрители получили позитивные эмоции, сохранив эмоциональное состояние и настроение после посещения программы.

Общая продолжительность мероприятия не должна превышать 60 минут.

Выбор актуальной темы, подбор разнообразного материала, соблюдение основных принципов и правил составления сценария являются фундаментом его подготовки.

Место проведения просветительского проекта. В проекте необходимо указать территорию, на которой он будет реализовываться. Площадками для проведения просветительских мероприятий могут выступать образовательные учреждения общего, среднего профессионального, дополнительного образования, центры, клубные учреждения, студии, музеи, галереи, фонды и т.д.

Чем шире охват зрительской аудитории, география проведения мероприятия, тем эффективнее будет решаться проблема, заявленная в проекте просветительского мероприятия на различные типы аудитории.

Финансовое обоснование проекта. В разделе должны быть представлены ответы на вопросы: сколько необходимо средств на осуществление проекта, на какие цели будут израсходованы средства, собранные для реализации проекта (например: подарки, сувениры, цветы и т.д.). В данном разделе указывается наличие материально-технической базы организаторов проекта, дополнительные источники финансирования (взносы; средства учредителей; благотворительные пожертвования; спонсорские отчисления; и т.д.).

Ожидаемый итог предполагает оценку, анализ и обобщение результатов реализации проекта. На этой стадии работы над проектом определяются дальнейшие перспективы и направления деятельности, с учетом детализированных полученных данных.

Оценка выполнения проекта может проводиться по ряду количественных, технологических, экономических показателей, конкретизирующихся через критерии. Критериями количественных по-

казателей является востребованность проекта, количество участников и мероприятий, оценка общественного мнения и т.д.

Технологические показатели измеряют уровень организации мероприятий, четкость и эффективность, слаженность действий его участников. Важно наладить обратную связь с аудиторией, чтобы понять степень воздействия программы на аудиторию. Экономические показатели оценивают соотношение затрат с культурно-просветительским эффектом, привлечение дополнительных материально-технических ресурсов. В разработанных проектах результаты должны быть измеримы, его осуществление должно улучшить ситуацию. На этом этапе необходимо сопоставить результаты с блоком целей и задач.

Завершающая стадия работы над проектом – создание презентации, которая наглядно информирует о стадиях его выполнения и является формой отчетности магистранта по выполненной работе. Качество выполненного проекта показывает степень изучения проблемы, заинтересованность студента, уровень сформированности компетенций.

Таким образом, необходимость формирования культурно-просветительских компетенций магистров продиктована современными реалиями, связанными с необходимостью транслировать населению систему идеалов и ценностей в сфере культуры и искусств, ФГОС ВПО и требованиями работодателей к уровню подготовки магистров художественно-творческого профиля.

Библиографический список

1. Мельникова Л.Л. Основы организации концертно-просветительской работы в музыкальных учебных заведениях. – Магнитогорск: МаГК; МГОПУ, 2007. – 132 с.
2. Постановление Правительства Москвы от 03.10.2009 г. № 1191-ПП «О комплексе мер по обеспечению государственной поддержки развития просветительской деятельности в городе Москве на 2009-2012 гг.» // ИА «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/293043/#ixzz30G7R8ewK> (дата обращения 09.05.2014).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (Квалификация (степень) «Магистр») // Утвержден Приказом Министерства образования и науки РФ от 14 января 2010 г. №35.

КАЧЕСТВО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ – ВАЖНЕЙШИЙ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Качественное иноязычное образование – одна из важнейших, ключевых характеристик, определяющих профессионализм выпускника вуза, высшего образования в целом. Она рассматривается с позиций системности, целостности содержания, технологий обучения, методов контроля и оценки результатов.

Ключевые слова: иностранный язык, качество знаний, системный подход, модернизация учебных программ, механизм контроля, предметно-ориентированный подход, традиционное и интерактивное обучение.

Современный этап развития общества проходит в условиях перехода от индустриального к информационному, диктует особые требования к системе высшего профессионального образования. Меняются структура и содержание образования, вводятся новые стандарты, происходит смена идеологических ориентиров и приоритетов.

Интегральным показателем качества образования в контексте его модернизации является сохранение ранее достигнутых позиций полученного образования и одновременно ориентация на запросы обновляющейся экономики и стремительно растущих потребностей рынка труда в высококлассных специалистах. Новая парадигма образования требует более глубокого, осмысленного, системного подхода и к вопросу обеспечения качества иноязычного образования.

Обучение иностранным языкам сегодня представляет интерес не как абстрактная тема, а как ключ к решению назревших в обществе практических проблем, выступает важнейшим системообразующим и движущим фактором в социальном развитии и становлении личности современного студента и образования в целом, а также рассматривается как приобретение межкультурной и профессиональной ориентации.

Проблему иноязычного образования неоднократно обсуждали на страницах специализированной литературы отечественные исследователи: Т.Т. Амиранова, Н.И. Гез, О.А. Голубенко, Г.В. Ейгер, Л.М. Зельманова, И.А. Зимняя, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев, С.Д. Мартынов, Е.И. Пасов, В.А. Сластенин, И.И. Халеева, Н.С. Шаброва, Л.В. Щерба и др. Обобщающая идея всех исследований заключается в следующем: в свете компетентностной образовательной парадигмы обучение иностранным языкам является одной из фундаментальных задач общего и профессионального образования. Вооруженные знанием иностранного языка, будущие специалисты получают доступ к самой современной зарубежной информации и возможность общаться со своими иностранными коллегами без языкового барьера.

Иноязычное образование осуществляется посредством иностранного языка как инструмента

познания мировой культуры и направлено на становление личности обучающегося, т.е. его развитие, воспитание, учение. В современной концепции иноязычного образования отражаются общие тенденции гуманистического направления в образовании [4, с. 94].

Качественное языковое образование выступает одной из важнейших, ключевых характеристик, определяющих конкурентоспособность и профессионализм выпускника вуза, и рассматривается с позиций целостности содержания, технологий обучения, методов контроля и оценки результатов.

Системообразующий фактор – это движущая сила, направленная на гармонизацию и взаимосвязь различных компонентов в достижении цели. Общая цель детализируется в частных целях, сформулированных по отдельным направлениям учебно-воспитательной деятельности.

Следуя этим принципам, выделим важнейшие системообразующие компоненты в достижении наиболее высокого качества обучения иностранному языку в профессиональном образовании:

- информационно-методическое обеспечение и модернизация программ по иностранному языку по различным направлениям;
- совершенствование умений и навыков применения иностранного языка в практических целях (предметно-ориентированное обучение, формирование профессиональной компетентности);
- контроль и системное проведение анализа качества знаний студентов на различных этапах обучения;
- последовательная организация учебной деятельности студентов на основе личностного ориентированного подхода при обучении языкам;
- формирование познавательных и креативных способностей обучаемых;
- комплексное применение традиционных и инновационных методик иноязычного обучения, использование электронных образовательных технологий в учебном процессе (Интернет-ресурс, видеотехника, дистанционное обучение).

Рассмотрим каждый из представленных компонентов.

Составление программ по курсу «Иностранный язык» ориентировано на соответствие определен-

ной научной концепции, методические особенности модернизированного содержания обучения иноязычному деловому общению, на развитие личностного потенциала студентов. Содержание программ оценивается по используемым в вузе учебным планам и учебным программам дисциплин, практик, итоговых аттестаций. А их информационно-методическое обеспечение – по наличию необходимого количества учебной литературы, программно-информационных источников и научно-методических разработок. Последовательность формирования комплексного учебно-методического и информационного обеспечения может быть положена в основу оценки эффективности и качества подготовки выпускников и свидетельствует об уровне вуза.

Основная задача обучения иностранному языку в вузе – использование иноязычной литературы в профессиональных целях, умение составлять рефераты и аннотации, высказываться и вести беседу на иностранном языке по вопросам, связанным с будущей профессией.

Основная цель курса «Иностранный язык» в неязыковых вузах (факультетах) – последовательное формирование коммуникативной и профессиональной компетентности обучаемых, овладение навыками чтения и обработки информации, техникой перевода узкопрофессиональных текстов, совершенствование креативных способностей и речемыслительной активности. В процессе обучения он выступает как предмет, подчиненный профилирующим дисциплинам, и является ресурсом для накопления специальных знаний в рамках профессиональной образовательной программы, открывающим перед студентами большие возможности для ознакомления с зарубежным опытом в сфере избранной специальности.

Нами взят за основу огромный потенциал межпредметных связей иностранного языка с другими дисциплинами, который должен быть реализован в процессе изучения и взаимодействия этих дисциплин. Залогом успешной педагогической деятельности в области предметно-ориентированного обучения является высокий уровень развития как предметной, так и лингвистической компетентности обучаемых, что выдвигает особые требования к процессу образования и воспитания новой модели специалиста.

Обучение иностранному языку предусматривается учебной программой технического вуза (факультета) и является обязательным, однако признается его неэффективностью. При этом принято ссылаться на два основных фактора: отсутствие у многих способностей к его освоению и слабую мотивацию, обусловленную мнением, что в предстоящей профессиональной деятельности иностранного языка вряд ли им понадобится» [1, с. 70].

Опровергая этот стереотип, заметим, что специалист строит конструктивные отношения с дру-

гими людьми в контексте своей профессиональной деятельности, познает социум, определяет свое место в мире. Курс иностранного языка в неязыковой школе ориентирован на приобретение студентами навыков профессиональной и коммуникативной компетентностей, и эти понятия уже прочно вошли в современную лингводидактику.

Механизм контроля в учебном процессе играет важнейшую роль в анализе качества знаний студентов. В каждом учебном предмете педагогический контроль имеет свои цели и функции, которые реализуются в различных специфических формах и методах. Система проверки знаний и умений студентов – органическая часть учебного процесса, и ее функции выходят далеко за пределы собственно контроля. Проблема повышения качества обучения иностранному языку в неязыковых вузах, его оптимизация и интенсификация ставят вопрос о разработке и научном обосновании системы контроля в этой сфере.

В качестве учебного действия контроль осуществляется не только как проверка и анализ качества усвоения знаний по конечному результату, а как идущее по ее ходу и выполняемое самим обучающимся активное действие. Проверка проводится на всех этапах обучения и по всем основным разделам учебного материала. В ней сочетаются различные формы текущего, промежуточного и итогового контроля, обеспечивается проверка усвоения теоретических знаний, формирования практических умений и навыков обучаемых (речемыслительной активности, прослеживания безошибочности суждений, их соответствия существу и содержанию, правилам и речевым стандартам изучаемого языка). Уже в начале курса иностранного языка студенты получают представление о структуре и объеме материала, который им предстоит усвоить.

В контексте качества иноязычного обучения актуализируется вопрос личностно ориентированного подхода, что предполагает развитие активности, самостоятельности, творчества, личностного роста обучаемых.

Одним из важнейших объективных условий в системе иноязычного вузовского образования является обеспечение преемственности всех ее этапов, реализация принципов инкрементализма (постепенного восхождения к цели), принципа синергетики, активности и интерактивности, принципа культуросообразности и обеспечение личностно ориентированного построения содержания подготовки с учетом специфики будущей профессиональной деятельности» [2, с. 267].

Личностно ориентированный подход в образовании позволяет интенсифицировать и интегрировать процесс языковой, методической и психолого-педагогической подготовки студентов. Создаются условия для развития личностных свойств студен-

тов: субъективности, смыслов творчества, толерантности, формирования профессиональных качеств личности и др.

Последовательная организация учебной деятельности на основе личностного ориентированного подхода позволяет осуществлять педагогическое стимулирование работы студентов с целью повышения мотивации к изучению иностранных языков, формирования ответственности, инициативности, познавательной активности обучаемых.

Эта парадигма образования коренным образом меняет подходы и идеалы системы, выдвигая в центр внимания студента как активного субъекта, приобретающего образование в форме «личностного знания». Последнее делает субъекта личностью, в прямом смысле образует (творит) и образует (развивает) интеллект [5, с. 53].

Сегодня наиболее востребованы креативные методы, основанные на артистическом, творческом подходе к обучению иностранному языку. Результат любой творческой деятельности студента – это новизна, оригинальное решение любого вопроса, задачи, проблемы. Это самостоятельно проявляющееся качество, саморефлексия студента, его интеллектуальная активность, это проявление личностно-индивидуальных качеств, таких, как заинтересованность в получении глубоких знаний, приобщение к творческой и научно-поисковой деятельности, развитие и воспитание профессионального чутья.

В сегодняшних условиях креативные методы должны стать главенствующими, поскольку они формируют творческую, думающую личность, способную быстро реагировать и адаптироваться к любой языковой среде и любым социальным условиям. Их применение дает очень хорошие результаты в обучении иностранному языку [3, с. 120].

Внедрение творческого элемента в коммуникативный подход позволяет использовать иностранный язык в продуктивной деятельности: в бизнесе и науке, в искусстве и культуре, в сфере общения, в работе переводчика и т.д. и оценивать его с точки зрения качественного содержания.

В последние десятилетия стали уже традиционными в образовательном процессе такие инновации, как кредитная, модульная и балльно-рейтинговая системы контроля знаний студентов.

Следуя модульному принципу обучения (это алгоритмизация учебной деятельности, жесткое структурирование учебной информации, индивидуализация и самостоятельность работы) мы разработали программу, позволяющую последовательно вводить новые языковые материалы, включающие блоки-практикумы лингвистического, профессионально-ориентированного и коммуникативного модулей. Теоретически мы разработали блоки-практикумы к каждому из предлагаемых модулей, практика же указывает на тесную взаи-

мосвязь и взаимозависимость всех модулей обучения с комплексом упражнений, диалогов, текстов с тематическими словарями и необходимыми комментариями к ним.

В модульной технологии обучения иностранным языкам в наибольшей степени учитываются личностные особенности студентов, но и обеспечивается возможность самостоятельного выбора маршрута обучения, который определяется как профилем специальности, так и лингвистическими возможностями обучаемого: речемыслительными, содержательными, коммуникативными. Их эффективность зависит от уровня языковых навыков, творческого мышления и умения систематизировать информацию.

При модульном обучении, как правило, используется балльно-рейтинговая система оценки знаний и умений студентов, позволяющая характеризовать качество его подготовки по специальности, активизировать познавательную деятельность студентов, усилить мотивацию обучения, воспитать способность к самореализации.

Вероятно, при всех ее достоинствах, рейтинговую систему оценки знаний нельзя рассматривать как идеальный метод, исключая все иные. Хотя нет сомнений, что при надлежащих условиях подготовки и осуществления рейтингов и тестирований они лучше других средств удовлетворяют основным методическим требованиям, обеспечивающим объективность процесса оценки качества обучения [6, с. 74].

Одной из основ преподавания иностранных языков в вузе является концепция сочетания коллективных, индивидуальных и интерактивных методов обучения. Сегодня активно разрабатываются различные методики обучения иностранным языкам с использованием интернет-технологий, которые обеспечивают уникальную возможность межкультурного взаимодействия, позволяя слушать и общаться с носителями языка, т.е. создается естественная языковая среда. При таком использовании всемирной сети обучение иностранным языкам меняется кардинально: пользователь получает доступ к актуальной и аутентичной информации, которую трудно отобрать из других источников.

Однако особую значимость сегодня приобретает внедрение технологий дистанционного обучения, которые могут быть как альтернативой традиционному обучению, так и прекрасным дополнением к нему, выгодно расширяя «классические» формы организации образовательного процесса. Дистанционное обучение – это набор технологий, система, позволяющая осуществлять процесс обучения дистанционно.

В этой системе преподаватели размещают необходимые учебные материалы и задания для контроля успеваемости и качества обучения студента, а студент получает доступ к личному кабинету

преподавателя. Теоретические знания усваиваются без дополнительных усилий, органично вплетаясь в тренировочные упражнения. Формирование теоретических и практических навыков по освоению иностранного языка достигается в процессе системной переработки информации и изучения материалов.

Необходимо отметить, что большим минусом в дистанционном обучении иностранному языку является отсутствие должного личностного контакта с преподавателем. Непосредственное общение с наставником оказывает существенное и незаменимое влияние на процесс изучения иностранного языка. Тем не менее, подавляющее большинство приверженцев дистанционного обучения находят эту методику эффективной.

Наличие обоснованной системы иноязычного обучения и представленных компонентов позволило соотнести цель деятельности с ее фактическим состоянием, определить пути реализации отдельных звеньев для достижения необходимого качества в процессе обучения иностранному языку, что, по сути, является научной новизной данного исследования.

Итак, мы пришли к выводам, определяющим целесообразность работы:

1. Последовательность формирования комплексного учебно-методического и информационного обеспечения может быть положена в основу оценки эффективности, качества и уровня подготовки обучаемых.

2. Залогом успешной педагогической деятельности в области предметно-ориентированного обучения является высокий уровень развития как предметной (профессиональной), так и лингвистической компетентности обучаемых, что выдвигает особые требования к процессу образования и воспитания новой модели специалиста.

3. Определение результативности обучения с применением инновационных средств, методов и технологий контроля позволяет создать объективную картину успеваемости по каждой дисциплине.

4. Личностно ориентированный подход и внедрение творческого элемента позволяют использовать иностранный язык в продуктивной деятель-

ности: в бизнесе и науке, в искусстве и культуре, в сфере общения и др., предполагают развитие активности, самостоятельности, творчества, личностного роста обучаемых.

5. Обновление дидактических концепций традиционных форм и методов обучения иностранному языку, эффективное их сочетание с использованием интерактивных образовательных технологий (Интернет-ресурса, дистанционного обучения) обеспечивают высокое качество иноязычного образования студентов.

В заключении отметим, что именно качество иноязычного обучения является одним из показателей профессионализма выпускников вуза, системообразующим фактором, движущей силой высшего образования.

Данными тезисами не ограничивается содержание столь сложной и многоаспектной проблемы, как качество иноязычного обучения, которое требует дальнейшей разработки и изучения дидактических особенностей с акцентом на современные инновационные технологии в высшем образовании.

Библиографический список

1. *Вербицкая А.А., Тенищева В.Д.* Иноязычная речевая деятельность инженера // Высшее образование в России. – 1994. – № 3. – С. 70–78.
2. *Коннова З.И.* Развитие профессиональной иноязычной компетенции специалиста при многоуровневом обучении в современном вузе. Монография. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2003. – 338 с.
3. *Нечаева Е.Ф.* Креативность и артистизм в преподавании и изучении иностранных языков // Педагогика. – 2007. – № 5. – С. 119–122.
4. *Пассов Е.И.* Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. – Липецк, 1998. – 159 с.
5. *Садовников Н.В.* Фундаментализация современного вузовского образования // Педагогика. – 2005. – №7. – С. 49–54.
6. *Сидакова Н.В.* Профессионально-компетентностная модель иноязычного обучения: пути формирования в условиях многоуровневого образования. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2012. – 180 с.

Поляков Евгений Артурович

кандидат педагогических наук
Дзержинский филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте России
p_e_art@list.ru

Сучков Евгений Анатольевич

кандидат технических наук
Дзержинский филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте России
esuchkov@mail.ru

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГОССЛУЖАЩИХ

Эмпирическая основа статьи – материалы проведенного в Дзержинском филиале РАНХ и ГС при Президенте России научного исследования качества преподавания при изучении дисциплины. Выдвинуто предположение, что качество подготовки зависит не только от качества лекционных, дидактических материалов, но и от степени индивидуализации, интенсификации обучения, контроля за учебно-практической деятельностью каждого студента, обеспечиваемых информационной обучающей средой. Приводятся результаты оценивания контрольной и экспериментальных групп в конце обучения и уровня диагностики остаточных знаний через три месяца.

Ключевые слова: дистанционное обучение, информационная обучающая среда, индивидуализация, мотивация, остаточные знания.

Накопление, переработка и усвоение все возрастающих потоков информации является одной из главных проблем, стоящих перед образованием. Поэтому необходимо создавать такую среду обучения, с помощью которой студенту будет проще выстраивать свою «образовательную траекторию», максимально индивидуализировать процесс обучения.

Образовательная практика, в первую очередь профессиональная, обнаруживает противоречие между жизненно важной потребностью общества в интенсификации творческого мышления людей в получении высшего образования и явной недостаточностью теоретического обобщения и, особенно, технологической адаптации результатов многовариантных исследований способов усвоения знаний. И на сегодня не существует законченных систем образования, жестких технологий, четко определенных правил, описывающих способы преподавания. Педагоги-новаторы еще в 60–80 гг. создали технологии, увеличивающие в 2–3 раза эффективность обучения при экономии труда и сохранении здоровья педагогов и учеников. При современных экономических реалиях человек может учиться непрерывно. Эта проблематика исследовалась многими учеными (Б.С. Гершунский, Г.П. Зинченко, А.А. Вербицкий и др.) [1, с. 6]. Сейчас выделяется необходимость развития креативности, творческих способностей обучаемых. Нужна модель учебного процесса, позволяющая массово раскрывать эти способности.

Сегодня большинство инноваций в области обучения можно рассматривать на основе развития и внедрения информационных технологий, развития педагогических технологий, при этом, если иметь в виду исключительно образование взрослых, важно помнить об изменениях, связанных с технологиями андрагогики. Кроме этого, важно

выбрать ту образовательную модель, которая может принести успех обучающей организации. Дидактическая модель обучения студентов на основе информационных технологий, а особенно с возможностью дистанционных элементов, должна синтезировать андрагогический и контекстный подходы в организации образовательного процесса.

Андрагогический подход ориентирован на потребности и особенности обучающихся взрослых, среди которых можно выделить наиболее существенные [2, с. 35]:

- высокую мотивацию к познанию и самореализации, обладание опытом, обучение для решения важной для него конкретной цели, наличие многих ограничений в учебе (социальных, временных, финансовых, профессиональных и др.).

Выходом из этой ситуации может быть применение новых методов интерактивного обучения, построенных на использовании информационных технологий с дистанционными элементами. Средством обучения выступает в данном случае персональный компьютер в аудитории, переносной компьютер студента (нетбук, планшетный ПК, коммуникатор). Динамика развития аппаратной части, средств накопления и передачи информации активно инициирует процессы внедрения и использования новых информационных технологий в образовании.

Оснащение Дзержинского филиала РАНХ и ГС компьютерными классами, локальной сетью, а также многолетний авторский опыт работы по разработке и внедрению технологии интерактивного обучения позволили создать и реализовать в филиале за три года более 20 интерактивных курсов для подготовки студентов очной (заочной, ускоренной) формы обучения высшего и среднего профессионального образования [3, с. 5].

Наша практика применения этих курсов показала, что эффективность использования предложенной технологии в преподавании ряда дисциплин может быть достигнута, если в основу ее структурно-логической схемы заложен комплекс научно-педагогического и философского знания, основными компонентами которого являются следующие [4, с. 189–192]:

- принцип целостности педагогической системы при гармоничном взаимодействии её компонентов, достигаемом за счет наличия эффективной обратной связи – мониторинга результатов учебной деятельности слушателей;
- целеполагание как основа управления процессом познания, цели обучения представляются через виды и способы учебной деятельности;
- рефлексивно-критическое осмысление преподавателем учебного процесса;
- корректность логики структурирования интерактивных модулей курсов;
- контекстный подход к содержанию учебной информации и организации учебного процесса, обеспечивающий приобретение будущими специалистами предметно-профессионального и социального опыта;
- сближение мотивационных потребностей обучающихся со структурой и содержательной организацией процесса обучения; индивидуализация и персонализация обучения;
- интенсификация учебного процесса за счет эргономизации и структуризации учебной информации, а также широкого использования компьютеров и коммуникационного оборудования;
- гуманизация процесса обучения, в результате которой студент и преподаватель находятся в субъект-субъектном взаимодействии;
- модель рейтинговой системы контрольных процедур, которая обеспечивает эффективность технологии интерактивного обучения за счет создания условий для систематического контроля познавательной деятельности в течение всего процесса обучения, а не только ее результатов.

Эффективность реализации технологии обучения на основе интерактивных курсов выражается в гарантированности достижения актуального уровня профессиональной компетентности обучающихся. Реализация лекционных и семинарских форм обучения с использованием технологии Web-сервера, вещания по локальной сети, текстового чата позволяют смоделировать и воссоздать процесс взаимодействия специалистов, обсуждающих теоретические вопросы. Предметный и социальный контексты профессионального будущего студентов реализуется в лабораторных и практических работах, в структуру которых введены имитационные и игровые модели. Активное формирование содержания образования самими обучающимися достигается в ходе выполнения прак-

тических заданий, на семинарах, при этом объект имитации является предметной основой фрагмента профессиональной деятельности.

Для проверки эффективности интерактивных форм обучения с элементами дистанционных модулей в 2012–2013 учебном году был проведен эксперимент с использованием авторского курса «Информационные технологии в профессиональной деятельности» [5]. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение, что качество подготовки зависит не от объема, качества лекционного и других дидактических материалов, подготовленных преподавателем, а от меры индивидуализации, интенсификации обучения, контроля за учебно-практической деятельностью каждого студента, обеспечиваемых системой СДО.

Курс содержит в соответствии с ФГОС всю необходимую документацию в электронном виде, интерактивные лекции, интерактивные мультимедийные практические занятия с возможностью пошагового выполнения заданий, встроенную систему промежуточного тестирования, систему выполнения практических работ и подведения итогового оценивания теоретических знаний и практических навыков студентов. В качестве платформы для Web-сервера был выбран свободно распространяемый продукт «Хампр», который состоит из установочного пакета (Apache, MySQL, PHP и Perl) [6]. Модули администрирования, сбора статистики размещены на серверной части локального Web-сервера «Дистанционные ресурсы в образовании ДФРАНХ и ГС», который доступен во всех учебных корпусах филиала по сети Wi-Fi.

Сам курс выполнен по технологии Adobe Flash, которая позволяет значительно расширить интерактивные возможности наиболее распространенных систем СДО (например, Moodle), где большая часть учебных материалов представлена в виде текста с гиперссылками. Например, интерактивная лекция ни по внешнему виду, ни по способу взаимодействия (листания) не отличается от стандартного документа Word, но позволяет производить полнотекстовый поиск, воспроизводить звук и видео, анимацию перелистывания страниц, встраивать гиперссылки, проверочные тесты, условные переходы, интерактивности. Она позволяет защитить контент от несанкционированных действий пользователя, например, от копирования текста, печати; установить другие ограничения (например, временные) и т.д. Кроме того, flash-технология, как и html-технология кроссплатформенна, не зависит ни от аппаратной платформы (студент может использовать компьютеры, нетбуки, смартфоны и любые мобильные устройства с поддержкой Wi-Fi сетей), ни от операционной системы (Win, Linux, Android, iOS), ни от установленного программного обеспечения (достаточен стандартный браузер с Adobe Flash-плагином). Курс совместим

с большинством стандартов e-learning (STORM, LMS и т.д.).

Еще одна технологическая особенность Flash-объектов позволяет студенту загружать мультимедийный курс, находясь в аудитории или в учебном корпусе, а затем, используя кешированные браузером команды серверного управления, работать с ним дома, на работе, в любом месте без необходимости подключения к интернету. На этой основе можно вводить элементы дистанционных технологий при преподавании большинства дисциплин для студентов очной, заочной (сокращенной) форм обучения без необходимости создания и поддержки внешнего сервера СДО. Единственное отличие такого off-лайн обучения в том, что служебные, статистические и другие пользовательские данные интерактивного взаимодействия не передаются в этот момент на сервер, но при возобновлении подключения к сети Wi-Fi филиала автоматически передаются и обновляются. Кроме того, такая архитектура курса не позволяет студентам не санкционированно копировать его, обмениваться с другими пользователями, выкладывать на общедоступные сервера, а проблема защиты авторских прав решается уже на технологическом уровне.

С точки зрения интерактивных возможностей такие курсы позволяют моделировать действия при изучении практически любых видов программного обеспечения без необходимости их устанавливать, сопровождать эти действия подсказками, комментариями, голосовым и видео сопровождением, обратной связью, оценивать, передавать пользовательскую статистику и т.д.

Дидактические возможности курсов на основе Flash позволяют преподавателю решать практически любые траектории реализации методики преподавания. Например, в ряде случаев практического применения подобных курсов автору удалось реализовать технологию «метро», которая закрывает студенту возможность «подглядывания» в текст лекции при ответе на контрольный тест [4, с. 73].

В качестве испытуемых были выбраны две группы студентов третьего курса очного отделения (гр. № 1 – $N_1=21$ чел, гр. № 2 – $N_2=18$ чел). Этот выбор объяснялся тем, что пока создавался мультимедийный курс по дисциплине, первая группа (контрольная) обучалась по традиционной методике: лекции, практика и семинары. К моменту нача-

ла обучения второй группы (экспериментальной), работа над курсом в основном была закончена, и занятия проходили по методике, которую он обеспечивал.

Курс состоит из связанных между собой модулей, складывающихся из дидактических единиц. В качестве дидактической единицы был выбран объем теоретического материала, который способны усвоить большинство студентов из группы за одно занятие (пару) на уровне 75–80%. Для практических занятий в качестве дидактической единицы был взят объем действий, который способен выполнить студент за 15 минут учебного времени для завершения упражнения. Он составил от 4 до 12 отдельных связанных между собой действий, которые студент должен выполнить для завершения упражнения и получения результата (форматированный текст, вычисление в таблице, запрос к базе данных и т.д.).

Таким образом, обе группы в конце обучения должны были подтвердить усвоение одинакового объема теоретического материала, выполнить один и тот же объем практических занятий, выполнить все лабораторные работы для подтверждения уровня владения информационными технологиями при выполнении упражнений профессиональной направленности.

Отличия в методике преподавания теоретической части дисциплины в группе №2 заключались в том, что лекционный материал начитывался преподавателем при возможности мультимедийного сопровождения своей лекции в режиме потокового вещания по локальной сети. Текстовые, графические и мультимедийные объекты такой лекции в синхронном режиме сопровождаются комментариями преподавателя, что позволяет студенту быстрее перейти с уровня запоминания на уровень понимания лекционного материала. В качестве сервера потокового вещания был установлен мультимедийный Unreal media server с бесплатной лицензией до 15 подключений, что вполне достаточно для стандартной компьютерной аудитории [7].

В период обучения и после его окончания обе группы подвергались оцениванию теоретических знаний и практических умений по одной и той же методике. Кроме того, через 3 месяца после зачета по дисциплине проводился повторный мониторинг остаточных знаний и умений. Результаты экспери-

Таблица 1

Уровни подготовленности студентов по окончании курса

Уровень знаний по окончании курса	Контрольная группа $N_1=21$ теория	Контрольная группа $N_1=21$ практика	Экспериментальная группа $N_2=18$ теория	Экспериментальная группа $N_2=18$ практика
Низкий (<75%)	2	4	0	0
Удовлетворительный (75-84%)	8	9	3	2
Хороший (85-94%)	8	7	8	10
Отличный ($\geq 95\%$)	3	1	7	6

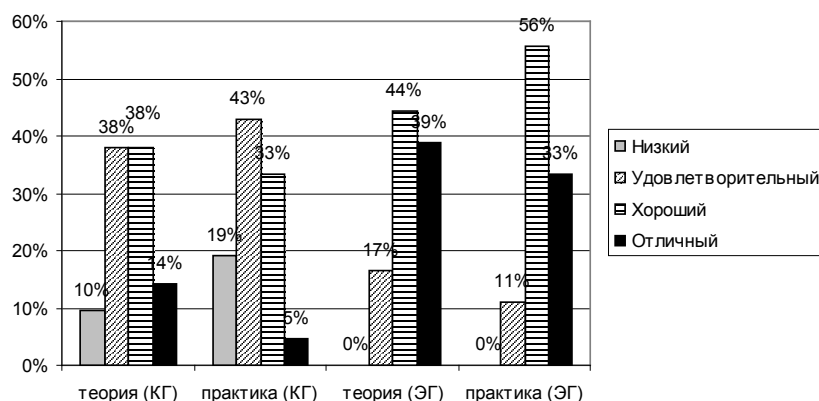

Диаграмма 1. Уровни подготовленности студентов по окончании курса в % от числа контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группы

мента в конце обучения представлены в сводной таблице и диаграмме 1.

Результаты эксперимента при диагностике остаточных знаний через три месяца представлены в сводной таблице и диаграмме 2.

Нулевая и альтернативная гипотезы формулируются следующим образом: $H_0: \mu_1 = \mu_2$ и $H_1: \mu_1 \neq \mu_2$. Предполагая, что выборки извлечены из нормально распределенных генеральных совокупностей, имеющих одинаковую дисперсию $\sigma_1^2 = \sigma_2^2$, применим t-критерий, использующий суммарную дисперсию. Эта статистика имеет t-распределение, имеющее $4 + 4 - 2 = 6$ степеней свободы.

Используя пакет анализа, рассчитаем описательные статистики этих выборок и двухвыборочный t-тест для случая с одинаковыми дисперсиями по данным таблиц, результаты сведем в таблицу 3.

Если математические ожидания имеющихся генеральных совокупностей на самом деле равны, вероятность обнаружить статистически значимую разность между ними равна 0,01. Поскольку р-значение меньше 0,05, у нас есть основания отклонить нулевую гипотезу для обоих случаев. Таким образом, можно утверждать с вероятностью 95%, что уровень подготовленности студентов экспериментальной группы в конце обучения и спустя три месяца после него значительно пре-

Таблица 2

Уровни подготовленности студентов при диагностике остаточных знаний

Уровень знаний по окончании курса	Контрольная группа $N_1=21$ теория	Контрольная группа $N_1=21$ практика	Экспериментальная группа $N_2=18$ теория	Экспериментальная группа $N_2=18$ практика
Низкий (<75%)	4	6	1	0
Удовлетворительный (75-84%)	11	9	4	3
Хороший (85-94%)	5	5	8	11
Отличный ($\geq 95\%$)	1	0	5	4

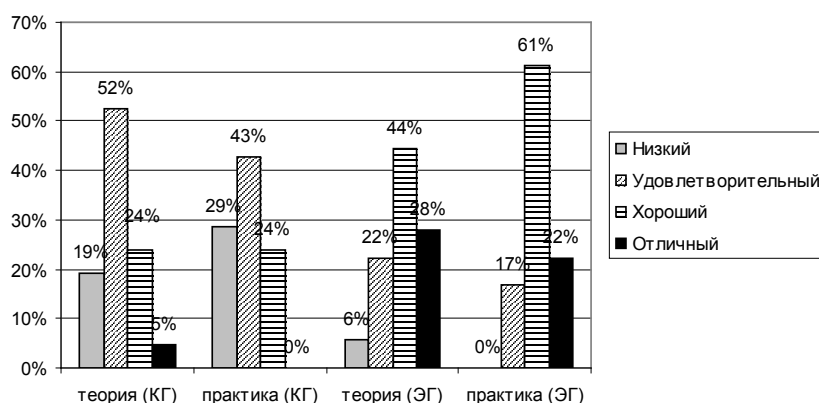

Диаграмма 2. Уровни подготовленности студентов при диагностике остаточных знаний в % от числа контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группы

Таблица 3

Результаты применения t-критерия для проверки гипотезы эффективности применения курса

Двухвыборочный t-тест с одинаковыми дисперсиями	Теория в конце курса	Практика в конце курса	Теория через 3 месяца	Практика через 3 месяца
t-статистика	0	0,265511	0,294647	0,167444
P(T<=t) одностороннее	0,5	0,399751	0,389096	0,436261
t критическое одностороннее	1,943180274	1,94318	1,94318	1,94318
P(T<=t) двухстороннее	1	0,799503	0,778192	0,872522
t критическое двухстороннее	2,446911846	2,446912	2,446912	2,446912

вышает уровень подготовленности контрольной группы. Это особенно заметно при диагностике остаточных знаний, уровень знаний студентов экспериментальной группы значительно выше уровня знаний контрольной группы. Все это подтверждает выдвинутую гипотезу исследования и позволяет сделать следующие выводы по результатам проведенного исследования:

1. Применение интерактивных курсов по предложенной методике позволяет значительно повысить мотивацию студентов не только за счет технологических процедур, заложенных при проектировании, но и за счет рефлексии, повышения мотивации (он смог, а я что, хуже?). Это позволяет эффективнее достигать учебных целей, увеличивать качество, уровень усвоения теоретического и практического материала студентами.

2. Разумное сочетание элементов дистанционных технологий и традиционной методики обучения позволяет высвобождать рабочее время преподавателя при проведении занятий в интерактивной форме, что может быть использовано для индивидуализации учебного процесса, для повышения качества при обучении отстающих студентов, уделять большее внимание наиболее сильным из них.

3. Можно предположить, что подобные результаты можно ожидать и в отношении дисциплин, не основанных на изучении информационных технологий, например, гуманитарного или естественнонаучного цикла.

Кроме того, на основании результатов проведенного эксперимента и практического опыта применения в обучении студентов курсов по другим дисциплинам авторами разработана и предложена концепция создания и дальнейшего развития системы дистанционного образования в Дзержинском филиале РАНХ и ГС на 2013–2014 годы, приведено ее экономическое обоснование.

В качестве дальнейшего развития предложенной авторами концепции плодотворным могла бы стать разработка теоретических основ технологии интерактивного обучения с учетом имеющихся практических наработок. Это особенно актуально для развития дистанционного обучения, учебный процесс которого структурируется по модульному, интерактивному принципу.

Библиографический список

1. *Вербицкий А.А.* Становление новой образовательной парадигмы в российском образовании // Образование и наука: Известия Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 6. – С. 5–18.
2. *Змеев С.И.* Основы андрагогики: учеб. пособие для вузов. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 156 с.
3. *Поляков Е.А.* Информационные технологии в системах обеспечения управления в регионе Учебно-методическое пособие. – Н. Новгород: ВГИПУ, 2011. – 114 с.
4. *Поляков Е.А.* Особенности построения дистанционных курсов средствами Flash-технологий при подготовке специалистов нормативно-технических специальностей (статья). – Дистанционные образовательные технологии: Внутривузовский семинар – Иваново: ИГПС МЧС России, 2010. – 205 с.
5. *Поляков Е.А.* Информационные технологии в профессиональной деятельности [Электронный ресурс]. – Мультимедийный (дистанционный) курс. – Дзержинск: ДФ РАНХ и ГС, 2012.
6. Apache Friends is a non-profit project to promote the Apache web server [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apachefriends.org/en/index.html>
7. Unreal Streaming Technologies is an innovative technology company that offers IP audio/video streaming products. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://umediasever.net>

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ПРОЦЕССОВ ВОСПИТАНИЯ И САМОВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье автор рассматривает создание условий, способствующих обеспечению педагогической интеграции процессов воспитания и самовоспитания в техническом вузе.

Ключевые слова: самовоспитание, физическая культура в вузе, качества жизни, интеграция процессов воспитания и самовоспитания.

Рассматривая качество образования как интегральную характеристику системы высшего образования, целесообразно определять его как степень удовлетворения изменяющихся потребностей общества, потребностей студенчества в научно-сервисном сопровождении образовательного процесса, в частности, в профессиональной и социальной компетентности психолого-педагогических и управленческих кадров вуза, в гармоничности образовательной среды вуза, в открытости к инновациям и богатым традициях вуза.

Качество образования подчинено сегодня действию механизмов закона опережающего развития качества человека, качества инновационных образовательных систем. Образовательная система опирается на взаимосогласованное единое философское основание, включающее в себя представление о мире и его устройстве; представление о человеке, его онтологической сущности и его месте в мире; о психологических механизмах обретения человеком «образа мира», о взаимоотношениях с миром, социумом, с самим собой и другими.

В образовательном процессе преподаватель решает различные педагогические задачи, направленные на целостное развитие личности. В качестве основных положений организации педагогического обеспечения интеграции воспитания и самовоспитания студентов в вузе могут выступить следующие: интеграция науки, образования и практики воспитания; ориентация на нравственные идеалы и ценности гражданского общества; целостность воспитательного процесса; компетентностный подход; приоритет гуманизации и гармонизации образовательной среды; толерантность и межкультурное взаимодействие; открытость, преемственность, гибкость воспитательной системы вуза; социокультурная сообразность; деятельностная основа и взаимодействие с разными людьми; социальная защищенность.

Социокультурный подход к качеству образования фокусируется на построении модели качества человека. На уровне вузов программа повышения качества воспитания является компонентом системы управления качеством вуза, высшего образования в целом. Государственная политика управления качеством высшего образования опирается

на концептуально-мировоззренческие основания «русской философии качества», в частности учения качества, созданного трудами В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Н.К. Рериха, и др.

И.А. Ильин в статье «Спасение в качестве» в 1928 году подчеркивал: «...Русскому народу есть только один исход и одно спасение – возвращение к качеству и его культуре. Ибо количественные пути исхожены, выстраданы и разоблачены, и количественные иллюзии на наших глазах изживаются до конца. Надо творчески развивать качественные силы России!...» [1].

Как отмечал Н.К. Рерих, не помышляющий о качестве, пусть и не помышляет о культуре [2]. Русская культура всегда была обращена к формированию качества человека в соответствии с идеалами духовности и нравственности, трудовой этикой, общинно-соборными установками, православной моралью, выработанными многовековой историей русской культуры и всей культурой России [3].

Система высшего профессионального образования имеет дело со студенческой молодежью как наиболее гибкой и динамичной частью социума.

По результатам опроса и бесед со студенческой молодежью выстроилась следующая идеальная модель личности:

- качества человека: гуманность, толерантность, оптимистичность, интеллигентность, творчество, справедливость, самосовершенствование;
- качества специалиста: профессиональная компетентность, организованность и деловитость, сотрудничество и самодисциплина, человек команды, требовательность к себе и другим, культура управления, потребность достижения Акме;
- качества гражданина: коллективизм, патриотизм, национальная честь и достоинство, совесть, мужество, ответственность;
- качества мужчины: мужественность, верность, привлекательность, доброта, взаимопонимание, деловая хватка;
- качества женщины: женственность, верность, обаятельность, приоритет семьи, взаимопонимание и умение создать уют.

Программа повышения качества воспитания и самовоспитания создается с целью роста качества студента и качества его жизни.

Индивидуализация феномена «качества жизни» ведет к акценту на психологических критериях в его определениях. Под «качеством жизни» начинают понимать «общее осознание исследований качества жизни – «глобального моделирования» и «субъективного качества жизни».

Главными составляющими качества жизни являются объективные показатели состояния здоровья и субъективная оценка личностью степени удовлетворения своих физиологических, материальных и духовных потребностей (Е.Е. Задесенец, Л.А. Кузмичев, А.А. Новик, М.В. Федоров, В.А. Хашченко, Н.Н. Хашченко и др.). Существуют значительные противоречия между этими объективными и субъективными показателями (В.И. Петров, Седова Н.Н), которые особенно ярко прослеживаются у молодежи, так как у нее еще не достаточно сформированы такие критерии самооценки качества жизни, как проблема формирования привычек здорового образа жизни, сознательное отношение к собственному здоровью и физической подготовленности, которые существенно актуализируются на всех возрастных этапах развития личности и выступают как социально значимая задача, как система воспитания в вузе, и в самовоспитательной деятельности молодого человека.

Интеграция процессов воспитания и самовоспитания студентов – необходимое условие эффективности формирования современного качества человека и качества жизни студенческой молодежи.

Педагогическое обеспечение интеграции воспитания и самовоспитания студентов технических вузов мы определяем как системное преобразование действительности, что предполагает концептуальное мышление, профессиональные усилия многих специалистов, преодоление сопротивления среды, как внутренней, так и внешней, неохотно принимающей новое качество. Основанием для него выступают лучшие традиции и инновационные подходы к повышению личностных и профессиональных качеств студенческой молодежи.

Работа в этом направлении предполагает реализацию следующих направлений:

- совершенствование самостоятельных и организационно-управленческих студенческих структур воспитания в техническом вузе;
- совершенствование информационного, программно-методического обеспечения и организации воспитательно-образовательного процесса: подготовка методических материалов; разработка и внедрение компьютерной версии мониторинга личностного развития студентов, введение новых форм организации воспитательной деятельности, развитие совместной проектной деятельности преподавателей и студентов;
- совершенствование неформальной воспитательной и спортивно-массовой работы: составление комплексного плана работы с привлечением

студенческого актива, укрепление связей с иными ведомствами (Департамент по делам молодежи, Департамент здравоохранения и др.) и учреждениями культуры, спорта;

- подготовка кадров: проведение семинаров-практикумов с педагогами, кураторами по оптимизации воспитательной работы и тренингов конструктивного педагогического взаимодействия;
- укрепление материально-технической базы вуза: строительство и реконструкция спортивных сооружений, инфраструктуры досуга и совершенствование способов их функционирования.

Наиболее приемлемым стилем педагогического обеспечения интеграции процессов воспитания и самовоспитания студентов, на наш взгляд является фасилитативный (стимулирующий) стиль педагога, который проявляется в стремлении к совместному поиску, поддержке молодого человека и управления процессом воспитания и стимулирования самовоспитания.

Важными аспектами педагогического обеспечения процессов воспитания и самовоспитания студентов можно признать:

- знание основ методологии воспитания и самовоспитания студентов, механизмов их функционирования;
- степень включенности студенческой молодежи в процесс самовоспитания, личностный смысл;
- многоаспектность и комплексность процесса самовоспитания, связь коллективного, социального и личного их жизненного опыта;
- уровень профессиональной и личностной культуры студентов, достижение молодым человеком социального и профессионального Акме, высокого общекультурного уровня;
- уровень развития личностного опыта, реализации самовоспитательной деятельности и преодоления недостатков развития своего «Я»;
- культура общения, взаимодействия, управления и самоуправления, командная деятельность, толерантность.

Таким образом, целью педагогического обеспечения интеграции процессов воспитания и самовоспитания студентов является: актуализация потребностей самовоспитания; интериоризация ценностей саморазвития во внутренний план сознания; овладение методами и средствами самовоспитательной деятельности, а не только получение самого результата; усвоение принципов и навыков самовоспитания; развитие интеллектуальных, физических, эмоционально-волевых и коммуникативных качеств; реализация самовоспитательной деятельности; ответственного отношения к жизнетворчеству; обогащение субъектного опыта студентов на основе овладения системой знаний, умений и навыков самовоспитания.

Эффективность педагогического обеспечения интеграции процессов воспитания и самовоспита-

ния студентов зависит от ряда факторов: создания социокультурной среды вуза; доброжелательных взаимоотношений субъектов образования; благоприятного климата; толерантных внутригрупповых взаимоотношений; наличия кураторского корпуса; психологической службы и поддержки самовоспитательной деятельности студентов; саморазвития самих педагогов.

Также неформальная социокультурная среда и совместная деятельность играют решающую роль в созидании студентами ценностей деятельности по достижению современного качества человека, движению к достижению Акме как социального, так и профессионального.

Для этого, как показало исследование, необходимо обеспечить:

- вовлечение студентов в разработку планов, социальных проектов и их реализацию в качестве организаторов, что может быть обеспечено при наличии развитого института кураторства, неравнодушия, активности всех педагогов;

- создание атмосферы праздника, освещения мероприятий в СМИ, приглашение выдающихся спортсменов, героев России, музыкального и художественно-эстетического оформления.

- развитие команды студентов как носителя правил и норм самосозидательного стиля жизни (на основе механизма противоречия между «Я» – идеальным и реальным);

- развитие информационной системы, что позволяет провести качественную постановку просветительской работы о взаимосвязи физического, психологического и духовного здоровья человека, о преимуществах физкультурно-спортивного стиля жизни; освещения личностных достижений преподавателей, студентов вуза, системы поощрений; об обмене опытом самовоспитательной деятельности, доступности самодиагностики личностных качеств (психологического тестирования), получении он-лайн консультаций и рекомендуемой литературы и т.п.

Особое внимание необходимо уделять созданию обстановки уверенности, эмоционального спокойствия, подъема, формированию новых традиций вуза, направленных на развитие качества студенчества.

Эффективности неформальной социокультурной среды вуза, несомненно, по мнению Д.Ю. Трушниковой, будет способствовать возрождение ежегодного всероссийского смотра-конкурса на лучшую организацию воспитательной, спортивно-массовой работы вузов [4].

Еще одной значимой ступенью в процессе педагогического обеспечения интеграции процессов воспитания и самовоспитания студентов является развитие рекреационного вида физической культуры, где выступают спортивно-оздоровительные лагеря (многие вузы имеют эту базу), клубы актив-

ного туризма и др. Занятия физической культурой и спортом являются реальной школой мужества, воли, характера, самопреодоления и победы над собой.

Реализация педагогического обеспечения интеграции процессов воспитания и самовоспитания студентов предполагает согласование противоположностей: открытость – замкнутость, творчество – воспроизведение, самоопределение – управление, свобода – принуждение, самостоятельность – регламентация, поливариантное – инвариантное. Оно предопределяет открытость образовательной среды вуза социуму, использование воспитательного, развивающего, стимулирующего саморазвития потенциала социума для удовлетворения потребностей самовоспитания, развития культуры здоровья студенческой молодежи.

Феномен педагогического обеспечения интеграции в целостную систему процессов воспитания, самовоспитания студентов в образовательной среде вуза и за его пределами целесообразно представлять как динамичное развитие множества взаимоотношений, объединений, организаций, направленных на создание условий, способствующих обеспечению полноты и цельности самосозидательной деятельности студентов, в том числе:

- на социально-политическом уровне (региональная, муниципальная политика в области воспитания, взаимодействие институтов культуры, спорта и т.п.);

- на экономическом уровне (интеграция финансовых потоков на муниципальном, региональном и федеральном уровнях);

- на организационном уровне (создание и реализация на практике эффективных моделей педагогического обеспечения интеграции процессов воспитания, самовоспитания студенческой молодежи с целью достижения ею современного качества человека);

- на общепедагогическом и дидактико-методическом уровне (разработка и внедрение инновационных воспитательных технологий, содержания моделей педагогического обеспечения интеграции процессов воспитания, самовоспитания студенческой молодежи);

- открытость и взаимодействие, взаимообогащение социокультурной среды вуза (социально-политический уровень);

- менеджмент и маркетинг в области развития социально-педагогической системы воспитания (организационно-институциональный уровень);

- развитие информационной и пропагандистской поддержки самосозидательного стиля жизни молодежи;

- социальное партнерство всех субъектов муниципального образовательного пространства (нормативно-правовой уровень).

Таким образом, педагогическое обеспечение интеграции процессов воспитания и самовоспитания студентов мы рассматриваем как особую культуру поддержки и помощи молодому человеку, как совокупность социально-психологической и педагогической деятельности на основе определенной методологии, направленной на формировании эффективного качества современного выпускника технического вуза.

Библиографический список

1. *Ильин И.А.* Спасение в качестве // Русский колокол. – 1928. – № 4. – С. 3–7.

2. *Рерих Н.К.* Культура и цивилизация. – М.: Междунар. центр Рерихов, 1997. – 200 с.

3. *Суббето А.И.* Качество непрерывного образования: Логика развития и проблемы: (лекция в С.-Петербург. гос. акад. последиплом. пед. образования. – СПб.: СПГАППО, 2005 – 75 с.

4. *Трушников Д.Ю.* Проектирование системы воспитания в университетском комплексе на основе кластерного подхода: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Тюмень, 2011. – 43 с.

ОТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА К ДИАЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ (теоретико-методологический аспект)

В статье раскрывается проблема институционализации диалога государства и гражданского общества в контексте нормативной модели диалогической модели демократии.

Ключевые слова: диалог, государство, гражданское общество, институционализация, диалогическая демократия, коммуникация, взаимодействие.

Институционализм в настоящее время является одним из ведущих направлений научной мысли, которое объединяет учёных, изучающих практически любую систему (государственно-правовую, экономическую, социологическую, политическую и т.д.) в развитии, во взаимодействии с социальными, политическими, правовыми, психологическими и другими общественными институтами. Проблематика формирования институциональных механизмов диалоговой коммуникации государства и гражданского общества базируется на теории и практике их взаимодействия как институтов и рассматривается в рамках междисциплинарных подходов в сфере политологии, социологии, социальной философии, государствоведения и права, политической лингвистики (лингвополитологии), коммуникативистики, конфликтологии, социальной психологии, культурологии, медиавистики, социального управления, пиарологии и т.д. В то же самое время в современных социальных науках существует довольно пестрая картина в определении базовых фундаментальных понятий институциональной теории, включая даже такие концепты, как «институт» и «институционализация». В политологии и смежных с ней науках и дисциплинах имеется огромное количество работ о том, как появляются институты, как они функционируют, сохраняют стабильность, трансформируются и, наконец, деинституционализируются, угасают и исчезают. Данное обстоятельство побуждает более детально исследовать как сам процесс институционализации в целом, так и условия, факторы и перспективы институционализации диалога государства и гражданского общества в контексте диалогической (дискурсивной, делиберативной) нормативной модели демократии.

Как внутри конкретных научных дисциплин, изучающих проблемы институционализации, так и между ними «нет единства даже по самым существенным аспектам процесса институционализации и существования институтов» [6, с. 231].

В одном случае оказывается, что под институтами следует понимать законы и формализованные правила, в другом – спонтанно складывающиеся неформальные практики, ограничения и привычки, в третьем – отождествляются организации и институты. Современные исследователи-политологи в связи с этим вполне резонно отмечают, что «в научном сообществе отсутствует единство в трактовке категории «политический институт», с которой неразрывно связана политическая институционализация» [1, с. 53]. Ряд авторов обращают внимание на невозможность дать однозначное, четкое и ясное определение понятия «институт». По их мнению, в вопросе «об определении института легче найти ответ, что институтом не является, чем выработать адекватное определение института» [5].

Понятие «институт» в теории социальной системы Т. Парсонса определяется двояко. Институты, во-первых, – это нормативные модели образа действия и взаимодействия, а во-вторых, – это комплекс образцовых элементов ролевых ожиданий. Социальная система у Т. Парсонса предстает в качестве структуры статусно-ролевых отношений между участниками коммуникации (диалога) и интересубъективного взаимодействия [8; 11; 13; 14]. Структурный институционализм или системный анализ институтов, основы которого были заложены Т. Парсонсом, рассматривает общество, государство и другие социально-политические институты не как сумму или механическую совокупность различных элементов, а как специфические системы.

Неоинституциональный подход в политической науке возник в результате обращения исследователей к смежным научным дисциплинам. Это породило «экономический» (или «институционализм рационального выбора»), «социологический» (в нормативном и когнитивном вариантах), «исторический» институционализм и др. К фундаментальным трудам, заложившим основы различных парадигм и исследовательских традиций

в русле неoinституционализма, относятся работы Д.Г. Марча и Й. Ольсена, Р. Гудина, К. Шепсла, Б. Вейнгаста, П. Ди Маджио и У. Пауэлла, Дж. Найта, Д. Норта, Э. Остром, П. Холла, Р. Тейлора и др.

В российской политической науке утверждение нового институционализма связано, в первую очередь, с деятельностью исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки (РАПН) по институциональным исследованиям и с работами таких ведущих политологов, как С.В. Патрушев, П.В. Панов, А.Д. Хлопин, Г.Л. Кертман, Т.В. Павлова. На методологических основах неoinституционализма основаны труды отечественных ученых-обществоведов А.А. Аузана, О.Э. Бессоновой, С.Г. Кирдиной, А.Т. Конькова, В.С. Лисина, К.Э. Яновского, В.А. Мау, Р.М. Нурева, С.Г. Айвазовой, В.В. Радаева, В.Л. Тамбовцева и др., посвященные анализу становления институтов и институциональных преобразований в политической, экономической и социальных сферах современной России.

Для большинства современных исследователей политические институты – это правила игры и ограничения, которые подразделяются на «формальные» и «неформальные» [29, с. 160]. Такой подход соответствует определению института, данному Д. Нормом: «Институты – это “правила игры” в обществе, или... ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения... являются ключом к пониманию исторических перемен» [25, с. 17]. Д. Норт первым указал на то, что организации и институты не тождественны друг другу. По его аналогии с игрой организации – это «игроки» (субъекты, акторы, агенты), в то время как институты – это формальные и неформальные нормы, ограничения, процедуры и правила.

В отличие от традиционного («старого») институционализма, неoinституционализм акцентирует внимание на неформальных институциональных аспектах. Неoinституционалисты изучают не только государственные органы власти и нормы законодательства. Они интересуются институтами, которые релевантны способам выражения политических интересов и структурирования отношений по поводу власти во взаимодействии государства с другими негосударственными агентами, акторами и субъектами политического процесса.

По мнению Б. Ротстайна, «если ограничить определение институциональных правил лишь формальными, то появляется риск упустить из виду многочисленные, но, тем не менее, присущие любой политической организации, неформализованные, но, тем не менее, «само собой разумеющиеся» правила, которые детерминируют политическое

поведение» [29, с. 161]. Такая методология позволяет рассматривать диалог государства и гражданского общества в плоскости неoinституциональной парадигмы, как процесс институционализации и закрепления возникающих инновационных практик, процедур и норм их субъект-субъектной интеракции на основе двухсторонней коммуникации и дискурса.

Институционализация (англ. Institutionalization; нем. Institutionalisierung) – это относительно длительный процесс возникновения, образования и адаптации в обществе устойчивых форм, образцов и моделей социального взаимодействия, общения, поведения и социальных отношений, закрепляемых как формально, так и с точки зрения неoinституциональной теории, то есть неформально. С. Хантингтону, которого в западной литературе называют «отцом» понятия институционализации, принадлежит ее классическое определение: «Институционализация – это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [34, с. 32].

Но институционализация это не только процесс, но и результат, когда социальные действия становятся упорядоченными в особые социально-структурные особенности. Итогом процесса институционализации является формирование новых социальных институтов, то есть установленного порядка «правил и стандартизованных моделей поведения. Таким образом, в институциональной политологии термин «институционализация» рассматривается двояко: *во-первых*, как учреждение, создание, формирование новых институтов; *во-вторых*, как закрепление, укоренение и стабилизация уже существующих институтов. То есть институционализация трактуется одновременно и как учреждение, и как укоренение институтов.

Институционализация у П. Бергера и Т. Лукмана выступает как процесс возникновения, установления и передачи социального порядка. В этом процессе присутствуют три последовательных этапа: типизация, объективация и легитимация. Необходимым условием типизации или процесса возникновения институтов является хабиитуализация [2, с. 32]. Хабиитуализация, то есть «опривычивание» (от англ. habitual – «опривычивание»), предшествует появлению института, но именно типизация является началом появления нового института. При этом институт определяется П. Бергером и Т. Лукманом как «взаимная типизация опривыченных действий» [9, с. 92].

Второй этап институционализации, или объективация, предполагает превращение института в объективную социальную реальность.

Третий этап институционализации – это легитимация, или оправдание существующего социального порядка, расширение его за пределы жизни одного поколения. «Легитимация, – как пишут

П. Бергер и Н. Лукман, – создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам» [2, с. 53]. Таким образом, процесс институционализации, то есть образование нового социального института, состоит из нескольких последовательных и относительно длительных этапов. Финалом процесса институционализации является возникновение нового социального или политического института.

В. Шмидт из Бостонского университета в США предлагает дополнить неоинституционализм еще одним направлением, которое было названо ею «дискурсивным институционализмом». Если «три старейших» направления неоинституционализма углубляются в сферу институциональных ограничений, то дискурсивный институционализм обращен к смысловым структурам, мышлению и речи. Как и другие ветви неоинституционализма, дискурсивный институционализм акцентирует внимание на институтах. Без дискурса, понимаемого как обмен идеями, по мнению В. Шмидт, «очень трудно объяснить, как происходит переход идей от индивидуальной мысли к коллективным действиям» [48, р. 15].

Проблематика дискурсивного институционализма В. Шмидт перекликается с теорией делиберативной демократии, субстанциональной основой которой является делиберативный диалог. «Делиберативная демократия считается лучшей формой принятия решений, – пишет В. Шмидт, – поскольку открытый диалог может разблокировать неиспользованные знания, генерировать новые практики и ноу-хау, осуществить качественную аргументацию для большей легитимизации политики, а также создать новые, более крепкие взаимоотношения между сторонами в процессе совместного обсуждения» [48, р. 18].

Следует иметь в виду, что такие понятия, как дискурс, делибератия и диалог, очень близки друг другу. К примеру, в версии делиберативной демократии, предложенной Дж. Драйзеком, она предстает как дискурсивная демократия [40]. А такое понятие современной политической науки, как политический дискурс, начиная с Ю. Хабермаса, истолковывается, в том числе и российскими учеными (А.В. Дука [4, с. 92], Л.Н. Тимофеевой [31, с. 3; 32, с. 321], О.Ф. Русаковой [30, с. 37] и др.), как диалог в сфере политики, в том числе и как диалог власти и оппозиции, гражданского общества и государства в сфере публичной политики.

Идеи диалогической демократии разрабатывались Э. Гиденсом [43], М. Каллоном [41; 42], С. Лавеллем [44; 45], Б. Латуром [46] и другими зарубежными политологами, социологами и философами. В западноевропейской политической науке существует точка зрения, что в одном типологическом ряду современных моделей демократии

наряду с демократией участия и делиберативной или дискурсивной демократией, находится еще одна – *диалогическая демократия*.

И демократия участия, и делиберативная демократия построены на диалоге, диалог, в том или ином виде, является их субстанциональной основой. С точки зрения П. Лавелля и его соавторов, модель диалогической демократии близка «к делиберативной демократии, хотя она иногда заимствует некоторые элементы демократии участия» [45, р. 4]. Делиберативная демократия и демократия участия в целом «входят в диалогическую модель» [45, р. 3]. Они служат для того, «чтобы заполнить некоторые пробелы в диалогической модели» [45, р. 2].

Делиберативная и совещательные модели демократии, по сути дела, выступают лишь в «качестве дополнительных моделей» по отношению к диалогической демократии. Не отрицая наличия существенных отличий во всех этих трех новейших моделях демократии, П. Лавелль настаивает на том, что и делиберативная, и патрисипаторная модели «принадлежат» к более широкой модели диалогической демократии [45, р. 4]. При этом ни одна из трех названных моделей не замещает собой и не опровергает либеральную демократию, они лишь ее дополняют, модернизируют и, тем самым, адаптируют демократию к новым запросам со стороны общества.

Учитывая, что современная демократия институционализируется в сфере публичной политики в процессе взаимодействия государства и гражданского общества, мы можем утверждать, что существует тесная взаимосвязь между двумя политическими процессами: процессом институционализации диалога государства и гражданского общества и процессом постепенного становления диалогической демократии, в том числе и России [6; 7; 10]. В том числе, к примеру, в таком ее инновационном модусе, как электронная демократия. Правда, в отличие от западноевропейских коллег, российские политологи вплоть до настоящего времени еще так и не приступили к изучению диалогической модели демократии. Так, С.П. Поцелуев, детально рассмотрев роль политического диалога в коммуникативных теориях демократии, перебрав практически все теории, модели и формы демократии, так и не упомянул о существовании теории (и практики) диалогической демократии [26; 27].

С нашей точки зрения, институционализация диалога государства и гражданского общества латентно обуславливает и процесс институционализации диалогической демократии. И, наоборот, институционализация демократии (делиберативной, участия, диалогической модели) объективно связана с институционализацией диалога государства и гражданского общества. При этом под демократией, вслед за Дж. Кином, мы понимаем «особый

тип политической системы, в которой институты гражданского общества и государства имеют тенденцию функционировать как два необходимых элемента, как отдельные и одновременно стыкующиеся, разные и вместе с тем взаимозависимые, внутренние сочленения в системе, где власть... всегда может стать предметом публичного обсуждения, компромисса и соглашения» [20, с. 20].

Определяющую роль гражданского общества в процессе институционализации новейших моделей демократии разделяют Дж. Коэн и Э. Арато, которые в своем фундаментальном исследовании гражданского общества в контексте политической теории заметили по этому поводу следующее: «Наш главный тезис состоит в том, что на уровне гражданского общества демократия может идти гораздо дальше, чем на уровне политического и экономического сообществ, так как в первом координирующие механизмы коммуникативного взаимодействия имеют фундаментальный приоритет» [21, с. 526]. А для «институционального существования полностью развитого гражданского общества» с нормативной точки зрения необходимы два рода прав: во-первых, те, которые обеспечивают автономию личности, и, во-вторых, «те, что имеют дело со свободной коммуникацией» [21, с. 513].

Российские политологи и политические социологи едины во мнении, что для снижения социальной напряженности в современном российском социуме, как воздух, «необходима институционализация механизмов перманентного диалога властных структур с гражданским обществом». Институционализация диалога государства и гражданского общества не только «задаст “правила игры”», но еще и сформирует элементы общественной системы, способной оказать благотворное «воздействие на бытующие в социуме ценности, коллективную идентичность, доверие и солидарность» [3, с. 8].

Как утверждает Т.С. Шикина, «становление института диалога только начинается» и на пути процесса институционализации диалога, по ее мнению, «лежит много преград, коренящихся в историческом и социокультурном прошлом социума и объективных авторитарных устремлениях власти» [35]. Институт диалога государства и гражданского общества – это результат исторически длительного процесса закрепления в социальной практике и в ходе институционализации разнообразных практик intersubjectивного взаимодействия, коммуникации и дискурса этих двух макрополитических акторов. Институт диалога хабиитуализируется в процессе переговоров, партнерства, консультаций, экспертиз, дебатов, обсуждений, общественного контроля и других форм интеракции государства и гражданского общества в сфере публичной политики [7; 9; 14]. Институт диалога представляет собой институционализированные практики двухстороннего продвижения,

передачи и обмена социально-политической информацией между институтами государства и организациями гражданского общества.

В.С. Рахманин полагает, что «институционализация политических диалогов» – это не только их легитимация, то есть законодательное закрепление в политической практике, но и еще «явленность», открытость, транспарентность, взаимообусловленность возрастания роли диалога возрождением и трансформацией публичной сферы жизни общества и публичной политики, где, собственно, и протекает процесс институционализации диалога государства и гражданского общества [28, с. 243].

А.В. Кулинченко обращает внимание на технологический аспект процесса институционализации диалога. По его мнению, сегодня, как никогда ранее, необходимо активно осуществлять всесторонний научно-теоретический «поиск и выработку новых форм институционализации поля общественного диалога между государственными органами и организациями гражданского общества». А для практической институционализации диалога государства и гражданского общества необходимо «организационное оформление участников диалога» и создание для его реальных и потенциальных субъектов понятных «правил и процедур разработки и принятия согласованных решений». Для этого, в свою очередь, требуется, «чтобы появилась организующая сила», способная содействовать объективно необходимому процессу «институционализации новых форм общественного диалога» [22].

В. Михеев и А. Иванова, рассматривая процесс институционализации диалога государства и гражданского общества, исходят из «широкого» и «узкого понимания» процесса его институционализации. Институционализация диалога государства и гражданского общества в широком – это «сфера публичной политики... открытая, гласная, доступная для участия сфера общественной жизни, в которой субъекты политических и общественных отношений взаимодействуют друг с другом» [24, с. 74]. В узком понимании институционализация диалога государства и гражданского общества, как считают вышеназванные авторы, представляет собой процесс взаимодействия «институтов власти, гражданского общества, бизнеса, многообразных социальных групп, слоев по поводу реализации общественных интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа и населения определенных территорий» [24, с. 74].

В целом соглашаясь с данной трактовкой диалога государства и гражданского общества, хотелось бы заметить, что в данном случае речь идет не столько о процессе институционализации диалога, сколько о перечислении и описании содержательной стороны межсубъектного взаимодействия

акторов этого диалога. Институционализация – это не «сфера» и «взаимодействие». Институционализация – это относительно темпоральный процесс, процедура, путь хаби́туализации диалога. В процессе его укоренения в публичной сфере, когда отдельные и спорадические практики диалогического взаимодействия государства и гражданского общества приобретают устойчивый и повторяющийся характер, они все более институционализируются, то есть становятся регулярным и повторяющимся типом двухсторонней коммуникации, симметричного обмена информацией. Институционализация – в смысле превращения диалога в институт – является, скорее, результатом, чем, процессом, разворачивающимся в ходе intersubjectивного взаимодействия и протекающим в лоне публичного пространства и транспарентной публичной политики с участием как государства, так и достаточно развитого для этого гражданского общества [6].

Из современных западных исследователей первым об институционализации диалога заявил Б. Барбер в своей получившей мировое признание работе под названием «Сильная демократия: политика участия для нового века», вышедшей еще в 1984 году [36]. При этом, правда, автор не использует сам термин «диалог», а обращается к его эквиваленту, именуя диалог разговором (talk). В связи с этим заметим, что существительное «talk» переводится с английского языка на русский и как «разговор», и как «диалог», и как «беседа». Кроме этого, понятие «talks» обозначает еще и переговоры. Во французском издании книги Б. Барбера английское слово «talks» переведено на французский именно как «диалог» [37].

На страницах книги Б. Барбера «Сильная демократия: политика участия для нового века» термин диалог (talk) упоминается 180 раз, а три подглавки (параграфы) специально посвящены проблеме диалога. Одна из подглавок получила наименование «Институционализация сильного демократического диалога» (Institutionalising Strong Democratic Talk). Институционализация диалога, по мнению Б. Барбера, теснейшим образом переплетена с использованием новейших информационно-коммуникативных, а точнее, сетевых технологий в Интернет-взаимодействии власти и общества.

Ч. Эссенгул, координатор Центра социальных исследований Американского университет Центральной Азии, отмечает, что институционализация диалога между правительством и неправительственными организациями играет исключительно важную роль в обеспечении эффективности процесса принятия политических решений. «Между тем пока еще ни одна модель институционализации не была тщательно проработана и широко признана» [35].

Авторы аналитического доклада «Реформа политического процесса: институционализация

консультаций между государственными учреждениями и неправительственными организациями в странах СНГ» констатируют: «Институционализация диалога между правительственными учреждениями и неправительственными организациями, как и другие формы партнёрства и сотрудничества, подразумевает наличие очевидного и достаточно развитого сектора независимых неправительственных организаций».

Для институционализации диалога, по мнению авторов данного доклада, требуются наличие «как минимум трёх компонентов, или условий, которые смогут создать эффективный процесс институционализации».

Во-первых, это необходимость мышления, склонного к сотрудничеству, и сознания того, что выгода от институционализированных форм консультаций будет получена обеими сторонами диалога.

Во-вторых, это наличие правовых основ развития неправительственных организаций и законодательное закрепление процесса и процедур институционализации диалога.

И, в-третьих, информированность об уже существующем опыте сотрудничества государства и общества, что способствует лучшему пониманию трудностей, которые могут возникнуть при появлении любых инициатив, направленных на институционализацию консультаций и диалога [38, p. 53].

Французский политолог С. Блатирикс также отмечает важность юридического аспекта в ходе институционализации публичного дискурса. Однако, как она пишет в своей докторской диссертации по политологии, посвященной исследованию становления демократии участия во Франции, «анализ процесса институционализации показывает, что создание социального или политического института не ограничивается только юридическими документами, но относится к более сложной совокупности социальной деятельности» [39, p. 14].

Социальная деятельность, в контексте демократии участия, ведущая к появлению новых политических институтов, – это новые демократические практики, совместные коллективные действия и общественные движения, которые только и могут создать «необходимые эффекты с точки зрения институционализации процедуры консультаций и диалога» [39, p. 16]. Иными словами, юридически-правовой аспект «является одной из сторон институционализации» [39, p. 190]. Но, кроме законодательного закрепления диалоговых процедур, механизмов и норм, необходим еще и социальный аспект, позволяющий институционализировать диалог в контексте конкретных политических практик демократии участия или делиберативной демократии.

Институционализация диалога государства и гражданского общества для второго автора из этой пары своеобразные ловушки, которые необ-

ходимо учитывать в процессе нормативного закрепления процедур их взаимодействия. Так, политолог из Испании Э. Ломбардо полагает, что, несмотря на очевидные блага, «процесс институционализации диалога с гражданским обществом несет в себе ряд проблем и рисков для демократии» [47, р. 7]. Суть этих рисков можно свести к двум аспектам диалога. Первый – это проблема репрезентативности, вторая – подотчетности акторов диалога перед своими организациями и всем гражданским обществом в целом.

Дело в том, что пропорциональное и равное участие в диалоге «представителей» со стороны организаций и институтов гражданского общества осложняется открытой природой гражданского общества и практической невозможностью его адекватной репрезентации для участия в открытом диалоге с государством. Что касается второго риска, то не существует каких-либо никаких механизмов для того, чтобы каким-либо образом привлечь к ответственности за те или иные некорректные действия какие-либо организации или отдельных акторов гражданского общества, как этого требует демократический режим. Эти риски проистекают из процедуры институционализации диалога на основе формализации связей и отношений между государственными учреждениями и неправительственными организациями гражданского общества.

Для организаций гражданского общества оборотной стороной создания устойчивой институциональной системы коммуникации со структурами и органами государственной власти может стать попадание в «ловушку». Попадая в нее, НКО утратят или полностью потеряют свою независимость от власти. Данные риски на практике могут обернуться зависимостью и последующей бюрократизацией акторов институционализированного диалога гражданского общества с государством.

Институционализация диалога государства и гражданского общества представляет собой синергетический процесс перехода от нерегулярных спорадических практик к систематическим, упорядоченным, организованным и управляемым моделям симметричной коммуникации, диалогического дискурса и взаимодействия на основе нормативно закрепленных механизмов обмена информацией между государственными институтами, с одной стороны, и организациями и институтами гражданского общества – с другой. Институционализация диалога государства и гражданского общества – это относительно длительный поступательный процесс эволюционного усложнения, дифференциации и интеграции системы разрозненных коммуникативных институций на основе объективного тренда к повышению социальной значимости, места и роли данного института в общественно-политической практике intersubjectivного взаимодействия государства и гражданского общества [9; 11; 12; 14].

Процесс институционализации диалога государства и гражданского общества состоит из ряда этапов, отличающихся друг от друга динамикой, глубиной и широтой институционализации диалога, каждый из которых способствует все большей хабиитуализации и рутинизации диалога, превращению его в привычную норму коммуникации государства, граждан и их ассоциаций в режиме диалогического дискурса [15]. Смысл и предназначение институционального диалога состоит в повышении качества и эффективности новой модели дискурсивного управления на основе партнерства государства и гражданского общества в процессе совместного обсуждения, выработки и принятия социально и политически значимых решений [10; 16–19]. Созидание такой коммуникативной системы требует значительных усилий и немалого количества времени. В конечном итоге, устойчивое функционирование такой инновационной социокоммуникативной системы будет означать институционализацию диалога государства и гражданского общества и трансформацию ранее существовавших коммуникативных практик в новый социально-политический институт общества.

Библиографический список

1. *Абрамов А.В.* Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // *Власть*. – 2010. – № 5. – С. 53–55.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. *Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е.С. Петренко*. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. – 392 с.
4. *Дука А.В.* Политический дискурс оппозиции в современной России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 1998. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 91–113.
5. *Жуковский А.Г.* Специфические парадигмальные черты институционализма и возможности его применения в политологии // *Современные исследования социальных проблем. (Электронный научный журнал)*. – 2012. – №1 (09). – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru>.
6. *Зайцев А.В.* Теоретико-методологические основания институционализации диалога и государства и гражданского общества // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. – 2012. – №1. – Вып. 21. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – С. 231–236.
7. *Зайцев А.В.* Структурный функционализм и институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. – 2012. – Т. 18. – № 1. – С. 351–354.

8. *Зайцев А.В.* Институционализация практики диалогового взаимодействия государства и гражданского общества в современной России // Государство и гражданское общество в России: новые практики взаимодействия: коллективная монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – С. 249–258.
9. *Зайцев А.В.* Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2013. – № 15(158). – Вып. 27. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – С. 147–153.
10. *Зайцев А.В.* Государство и гражданское общество: институционализация диалогового взаимодействия // Аспирантский вестник Поволжья. Научно-информационный межвузовский журнал (Самара). – 2011. – № 3–4. – С. 215–217.
11. *Зайцев А.В.* Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – №3. – С. 313–318.
12. *Зайцев А.В.* Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества: опыт в ЕС и современная Россия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 2. – С. 188–191.
13. *Зайцев А.В.* Структурный функционализм и институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 1. – С. 351–354.
14. *Зайцев А.В.* Институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России: структурно-функциональный анализ // Общество: политика, экономика, право. – 2012. – №1. – С. 30–35.
15. *Зайцев А.В.* Диалог государства и гражданского общества как социально-политическая категория // Социум и власть. – 2012. – №1. – С. 30–33.
16. *Зайцев А.В.* Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 203–206.
17. *Зайцев А.В.* Взаимодействие власти и гражданского общества (на примере Костромской области) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 2. – С. 166–169.
18. *Зайцев А.В.* Диалог государства и гражданского общества в контексте региональной публичной политики (на примере Костромской, Курской и Ярославской областей) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – №2. – С. 212–221.
19. *Зайцев А.В.* Диалогический дефицит в сфере коммуникации и связей с общественностью государства и гражданского общества современной России // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. – 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 133–141.
20. *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество / пер. с англ.; послесл. М.А. Абрамова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
21. *Коэн Дж., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ.; общ. ред. И.И. Мюрберг. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 784 с.
22. *Кулинченко А.В.* О современных формах взаимодействия гражданского общества и государства (к вопросу о развитии новых форм институционализации общественного диалога в современной России) // Без темы. – 2007. – № 1(3). – С. 90–98.
23. *Луман Н.* Что такое коммуникация? / пер. с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–125.
24. *Михеев В.А., Иванова А.А.* Институционализация диалога власти и общества: реалии и перспективы // Государственная служба. – 2012. – №3. – С. 70–74.
25. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.Э. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
26. *Поцелуев С.П.* Диалог и парадигма как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества: Автореф. ... д-ра полит. наук. – Ростов н/Д, 2010. – 46 с.
27. *Поцелуев С.П.* Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии: монография. – Ростов н/Д: СКАГС, 2010. – 496 с.
28. *Рахманин В.С.* Диалог политических культур как демократический процесс // Логос: философский журнал. – 2005. – № 4. – С. 243–252.
29. *Ротштайн Б.* Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999. – С. 149–180.
30. *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* PR и дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН-Институт международных связей, 2008. – 282 с.
31. *Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса (К «совершеннолетию» российской оппозиции) // Власть. – 2007. – № 4. – С. 10–20.
32. *Тимофеева Л.Н.* Состояние политического дискурса между властью и инакомыслием в России // Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества в современной России: сб. статей / Ин-т «Справедливый Мир», Рос. ассоц. политич. науки, Фонд им. Ф. Эберта; [редкол.: Л.И. Никовская (отв. ред.), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец]. – М.: Ключ-С, 2012. – С. 321–326.

33. Шикина Т.С. Динамика институционализации диалога // Регионология. – 2011. – №3. – С. 323–330.
34. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М., 2004. – 480 с.
35. Эссенгул Ч. Политические уроки: институционализация диалога между неправительственными организациями и правительством. Аналитическая записка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.src.auca.kg%2Findex.php%3Foption%3Dcom_content%26task%3Dblogca.
36. Barber B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. – Berkeley: University of California Press, Ltd. London, England, 1984.
37. Barber B. Démocratie forte / Benjamin R. – Desclée de Brouwer, 1997. – 329 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mediatheque.territoiresmemoire.be/index.php?lvl=notice_display&id=131693.
38. Policy process reform: institutionalization of consultations between government institutions in the CIS count RITS. Conditions, form, practice. United Nations Development Programme. – Bratislava, 2002. – 76 p.
39. Blatrix C. La «Démocratie participative», de Mai 68 aux Mobilisations anti-TGV: Processus de consolidation d'institutions sociales émergentes. These pour l'obtention du Doctorat en Science Politique. Université Paris I – Pantheon Sorbonne. – 20 janvier 2000. – 634 p.
40. Dryzek J. Discursive Democracy: Politics, Policy and Political Science. – Cambridge University Press, 1994. – 268 p.
41. Callon M., Lascoumes P., Barthe Y., Burchel G. Acting in an Uncertain World: An Essay on Technical Democracy (Inside Technology). The MIT Press/Cambridge, Massachusetts, London, England. – 222 p.
42. Callon M., Barthe Y. Décider sans trancher. Négociations et délibérations à l'heure de la démocratie dialogique // Négociations. – 2005. – №4. – P. 115–129.
43. Giddens A. Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics. – Cambridge: Polity Press, 1994. – 276 p.
44. Lavelle P.S. Le principe dialogue et l'activité humaine. Technique, travail, culture // Ergologia. – 2010. – № 4. – Novembre. – P. 55–101.
45. Lavelle P.S., Dubreuil G.H., Gadbois S., Mays C., Schneider T. Démocratie constructive et gouvernance de la technique: Les conditions de la gouvernance démocratique dans un processus technique et social complexe : l'exemple du projet européen Cowam-in-Practice dans la gestion des déchets radioactifs // Revue gouvernance hiver 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.revuegouvernance.ca/images/content/Spring2007/lavelle_et_al.pdf.
46. Latour B. Politique de la nature. Comment faire entrer les sciences en démocratie. – Paris: La Découverte, 1999. – 382 p.
47. Lombardo E. The Participation of Civil Society in the Debate on the Future of Europe: Rhetorical or action frames in the discourse of the Convention? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unizar.es/union_europea/files/workPapers3_UE.pdf. 40 p.
48. Schmidt V. Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth «new institutionalism» // European Political Science Review. – 2010. – Vol. 2. – № 1. – P. 1–25.

Ковалева Светлана Викторовна*доктор философских наук
Костромской государственной технологической университет
sweta.lana1968@yandex.ru***Степанищенко Ольга Викторовна***кандидат политических наук
Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар)
stpshnk@mail.ru*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается необходимость введения изменений в статьи Конституции РФ, посвященные проблемам идеологического воспитания и образования социально-коммунитарного мировоззрения у граждан России.

Ключевые слова: Конституция РФ, образование, воспитание, идеология, коммунитарность, демократия.

Безусловно, основные мировоззренческие аспекты, которые помогают человеку осуществлять компетентную деятельность в рамках социума, создаются и формируются относительно сущностных качеств сознания усилием воли индивида. Однако без информации, которая ориентирует участников социального взаимодействия в системе общества, практически невозможно создать устойчивую структуру как внутреннего мира, так и внешней реальности. Особенно значимым для стабильного развития социальной среды являются политические ценности, их воздействие на сознание личности, которая осмысленно внедряет их в практику собственного развития и становления гражданского самосознания. Это, в свою очередь, накладывает определенные обязательства и на государственные структуры.

Важнейшей основой функционирования государства является единое правовое пространство, которое обеспечивается верховенством закона, и прежде всего его Конституцией. Именно Конституция определяет нормы, регулирующие основы государственного конституционного строя РФ, правовое положение человека и гражданина, федеративное устройство, организацию и функционирование органов государственной власти и местного самоуправления. По сути, Конституция представляет собой базовый комплекс нормативных принципов, сознательное усвоение которых способствует развитию и становлению гражданских основ личностного мировоззрения, а также детерминирует устойчивое, стабильное существование общества и государства.

Не так давно действующей российской Конституции исполнилось 20 лет, и, по образному выражению А.В. Торкунова, эти годы она «честно “отработала” для России и должна впредь работать на будущее страны» [8]. Тем не менее оценки этого документа, как в отечественной, так и зарубежной науке, далеко не однозначны. По мнению одних авторов, «Конституция Российской Федерации сыграла роль ценностного “ядра” общественного согласия, постепенно сняв, как анестетик, раздиравшее постсоветский социум идеологическое на-

пряжение... Благодаря своему эффективному процедурному инструментарию она позволила к концу 1990-х сформировать если не консенсус политических сил, то как минимум среду, в которой могли конструктивно сосуществовать конкурирующие элиты» [9, с. 47].

Высказывается и прямо противоположная точка зрения, согласно которой Конституция РФ далеко не идеальна, а, следовательно, нуждается либо в полном обновлении [6], либо в корректировках. Подчеркнем, что разброс мнений по проблеме изменения содержания Конституции достаточно широк. Высказываются предложения о совершенствовании отдельных конституционных норм [2, с. 2–4; 10, с. 34–38], а также предлагаются достаточно обширные планы изменения действующей Конституции в целом [см.: 1, с. 33–37].

Как это часто бывает в последние годы в российской истории, итог дискуссии «подвел» Президент РФ. Выступая с посланием к Федеральному Собранию, он отметил тот факт, что именно Конституция 1993 г. «соединила два базовых приоритета – высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, – подчеркнув их взаимную обязанность – уважать и защищать друг друга», а «конституционный каркас должен быть стабильным, и прежде всего это касается второй главы Конституции, которая определяет права и свободы человека и гражданина... При этом конституционный процесс нельзя рассматривать как окончательно заверченный, мертвый. Точечные коррективы других глав Основного Закона возможны, а порой – необходимы» [5].

Действительно, отдавая должное той, несомненно, позитивной роли, которую сыграла Конституция 1993 г. в один из самых драматичных периодов российской истории, стремительно наступающая новая эпоха в жизни не только нашей страны, но, пожалуй, и всего человечества требует поиска столь же обновленных подходов к формулировке базовых правовых и политических принципов. Нормативная база должна строиться и развиваться так, чтобы выдержать очередной исторический удар, и, как это всегда и бывало в от-

еественной истории, «новая» Россия должна выстоять и сохранить свой уникальный гражданский потенциал.

Вполне вероятно, что в определенных корректировках нуждаются некоторые нормы, закрепленные в Основном Законе страны, касающиеся конкретизации и балансировки отдельных статей, но нам хотелось бы обратиться к вопросу, как представляется, чрезвычайно актуальному. Одной из норм Конституции Российской Федерации является запрет государственной идеологии. Так, ст. 13 Конституции гласит, что государством признается идеологическое многообразие (п. 1 ст. 13), при этом никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (п. 2 ст. 13).

Введение этой нормы в постсоветский период прошло почти «незамеченным», а объяснение подобной узаконенной деидеологизации объяснялось наследием советского прошлого, но ведь речь в Конституции идет не о коммунистической идеологии, а об идеологии в целом. Так что же такое идеология и чем она так страшна, что требует столь фундаментального ограничения, причем именно в российской Конституции? Автор проанализировал десятки основных законов других стран и ни в одной из них, включая Конституцию Германии 1949 г., принятую после несопоставимо более страшного периода истории, подобной нормы нет.

В начале XIX в. термин «идеология» ввел в научный оборот А.Л.К. Дестют де Траси, определив таким образом «учение об идеях», которое должно было, по мысли французского ученого, выступать в качестве основного принципа для руководства как в науке, так и в социальной жизни, или, иначе говоря, составлять систему знаний первооснов морали, политики, права.

Впоследствии к этому вопросу обращались десятки исследователей, и сегодня идеология рассматривается как совокупность системно упорядоченных взглядов, выражающая интересы различных социальных классов и других социальных групп, на основе которой осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу [7].

Несмотря на достаточно обширную критику идеологий как некоего базового концепта, подобные системы взглядов существуют в подавляющем большинстве государств мира, выступающих в качестве хоть сколько-нибудь значимых акторов мирового политического пространства: для США – это Manifest Destiny (манифест судьбы), термин, впервые использованный О’Салливаном в 1845 г. для обоснования расширения территорий США, а сегодня широко применяемый при объяснении «миссии» США по «продвижению» демократии во всем мире; для Китая – идеи конфуцианства; для Израиля – идея

священной для еврейского народа земли Эрец-Израэль, сохраненная в течение нескольких тысячелетий и ставшая основой государственного строительства в середине XX в.

Русская национальная идея имеет не менее глубокие исторические корни. Именно она выступает первоосновой самого существования государства – уникального, самобытного, являющего собой пример удивительно устойчивого образования, способного в любых исторических условиях к возрождению и развитию. Российская цивилизация удивительным образом сохраняет не только огромные территории, но и многообразие культур населяющих ее народов. Не совсем верным представляется сведение русской идеи исключительно к православному ее началу. Будучи толерантной по сути (а не в том смысле, в котором, к сожалению, рассматривается толерантность в наше время), Россия приемлет различные (но единые в своей духовно-нравственной основе) православие и ислам, буддизм и иудаизм. Именно коммунитарность, являющаяся собой мощный противовес национализму в любых его формах, и есть настоящая русская идея и стержневая основа государственной идеологии. В мире нет ни одного другого государства, подобного России.

В середине XX в. на Западе получили популярность теории деидеологизации. В числе наиболее известных теоретиков подобного направления можно назвать Р. Арона, утверждавшего, что идеологический подход к анализу общественной жизни закончился и на смену ему пришла прагматическая истина и социальная инженерия [11, р. 112]. Кроме указанного автора, можно назвать Ю. Хабермаса, выделявшего две формы идеологии – политическую идеологию, свойственную прошлым эпохам, и современную «идеологию», возникшую в условиях индустриального общества, – технократическое сознание и др.

Весьма примечательно в этом отношении точка зрения А.А. Зиновьева, назвавшего концепции «деидеологизации» заблуждением: «...идея конца идеологий сама есть идея чисто идеологическая, есть идея западной идеологии, которая в полном соответствии с общими законами идеологии лишь себя считает истиной, а другие формы идеологии – ложью и даже преступлением» [цит. по: 3, с. 17]. Обозначенные противоречивые представления о месте и роли идеологических аспектов в структуре Конституции говорят о необходимости введения таких поправок, которые смогут придать обществу стабильность, выведут из кризисного состояния социально-политическую сферу, а также обеспечат устойчивость гражданским основам мировоззрения в сознании личности.

В начале XXI в. вопрос о государственной идеологии приобретает характер цивилизационного вызова. Становится все более очевидным, что для

современного Запада идеи, подобные российской цивилизационной модели, не только не нужны, но и чрезвычайно опасны. И если еще недавно подобные рассуждения были вотчиной теоретиков, то сегодня картинка «социальной инженерии» и «технократического сознания», реализуемая, например, в современной Украине, приобретает почти апокалиптический формат.

Востребованность в системе идей, объединяющих граждан России, сегодня очевидна, но мы, с одной стороны, старательно выбираем субституты термину идеология (духовные скрепы, ключевые национальные объединительные идеи и т.п.), а с другой – сохраняем в Конституции официальный запрет на эту самую идею. В этой связи весьма важно соблюсти баланс между традиционными национально-духовными ценностями российского народа, определенными архетипичной структурой менталитета, и ценностями политическими, отвечающими вызовам современной мировой стабильности. Особенно значимым представляется нам изменение конституционных положений, детерминирующих возможность создания ценностно-значимых аспектов как в мировоззрении граждан, так и в системе государственных отношений.

Конечно, современное государство должно иметь защиту от появления тоталитарных форм, но с политической точки зрения признание многопартийности (п. 3 ст. 13 Конституции РФ) и запрета создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (п. 4 ст. 13 Конституции РФ), являются вполне достаточной гарантией, исключающей подобное развитие событий.

Понятие «идеология» слишком абстрактно, и истолковать его можно по-разному: содержание интерпретации будет зависеть и от политической грамотности специалистов, и от онтологических нравственно-духовных основ их личностного мировоззрения, и от множества других социальных факторов и аспектов. В этой связи упоминание термина «идеология» в Конституции в принципе выглядит ошибочным. Автору представляется возможным устранить из Конституции пп. 1 и 2

ст. 13. Такая точечная поправка позволит при всех прочих гарантиях демократического свободного государства сохранить духовное единство народов, проживающих в России.

Библиографический список

1. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 3. – С. 33–37. (Навстречу юбилею Конституции Российской Федерации.)
2. Казьмина Е.А. Проблемы закрепления прав российского народа в Конституции России // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 9. – С. 2–4.
3. Михальченко И.А. Информационные войны и конфликты идеологий в условиях геополитических изменений конца XX века: Дисс. ... канд. пол. наук: 23.00.03. – СПб., 1998.
4. Научный макет новой Конституции России / под ред. С.С. Сулакшина. Центр научно-политической мысли и идеологии. – М., 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/dev/nauchnyj-maket-novoj-konstitutsii-rossii> (дата обращения: 25.04.2014).
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 // Российская газета. – 2013. – № 282. – 13 декабря.
6. Проект новой Конституции России, подготовленный группой экспертов во главе с М.А. Красновым и С.В. Васильевой // Фонд Либеральная миссия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/5619> 13.02.2012 (дата обращения: 25.04.2014).
7. Семигин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия. – М., 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
8. Торкунов А.В. 20 лет для Конституции не срок // Российская газета. – 2013. – Федеральный выпуск №6184.
9. Шахрай С.М. О Конституции: Основной Закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. – М.: Наука, 2013.
10. Ярошенко Н.И. Дисбаланс статей 125–127 Конституции Российской Федерации // Современное право. – 2011. – № 3. – С. 34–38.
11. Aron R. The Opium of the Intellectuals. New Brunswick. – NJ., 2001 (1955).

ЧЕЛОВЕК АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ: ПРИРОДА ГЕРОЯ И ЛИЧНЫЙ ВЫБОР СУДЬБЫ

В статье раскрыта трагическая природа античного героического духа, показана значимость и ответственность духовно-нравственного выбора человека, пытающегося утвердить себя в вечности любой ценой. Анализ проводился в философско-культурологическом ключе на основе принципа историзма с помощью метода сравнения.

Ключевые слова: мифология, боги, демоны, герои, антигерои, слава, бессмертие.

Существует множество теорий мифа. В буквальном смысле слово «миф» означает «сказание», «предание». Он раскрывает на конкретном материале важнейшие стороны человеческого бытия не в религиозных догмах, научных понятиях и философских категориях, а в особой художественной форме, которая указывает на внутренний нравственный смысл того или иного события и одновременно вызывает эстетическое чувство наслаждения или отвращения у человека. В мифе античный человек объективировал свои свойства и качества, возносил их на «небо» и через жизнь богов (бог как предельное, максимально полное состояние человеческой природы) пытался увидеть себя как в зеркале.

Природа античных богов и героев. Гесиод говорит о четырех видах одаренных разумом существ, обитающих во Вселенной. На вершине пирамиды он помещает олимпийских богов, потом демонов, наконец, людей. Человечество проходит определенные зоны, или жизненные века, развития, когда золотой род сменяется серебряным, затем медным, героическим и железным [4, с. 90–200]. В данной статье речь пойдет о героическом роде людей, на примере которых легче понять тенденции развития целого ряда духовно-нравственных проблем, доведенных до своего логического завершения.

Современный читатель, воспитанный на христианских представлениях о Боге, ангелах и демонах, должен отбросить в сторону эти соображения при чтении древнегреческой мифологии. Это связано с тем, что в христианстве Бог, ангелы и демоны рассматриваются как чисто духовные, нематериальные сущности. По своей природе Бог есть Дух. Он – самодостаточное, вечное, неизменное, разумное, всемогущее, святое, творящее существо. Главным свойством Бога является любовь. Кроме Бога, существуют ангелы (др.-греч. ἄγγελος, ангелос – «вестник, посланец») – служебные, разумные, волевые существа, которых не надо путать с аггелами (греч. aggelos) – падшими ангелами или демонами. Так вот, античные боги обладают совершенно иной природой. Они – разумные существа духовной природы, но обладающие живым материальным телом, в жилах которого течет особая

кровь – ихор, или прозрачная нетленная эфирная жидкость. Они – могущественны, но не всемогущи. Они обладают ведением, но не всеведением. Они бессмертны, но не в абсолютном смысле этого слова. Для поддержания своего бессмертия они вынуждены вкушать нектар (греч. νέктар) и амброзию (греч. ἄμβροσία – «бессмертие»). Иначе говоря, они очень похожи на людей.

Античные боги, как говорит Гомер, таинственным образом [6, II, 516; XVI, 184.] породили род героев. В рождении героев принимали участие практически все боги. Сам Кронид доводился отцом многим прославленным героям – Гераклу, Персею, Сарпедону, Миносу, Радаманту, Эаку и другим.

Можно прямо сказать, что герои – полубоги, то есть дети того или иного бессмертного божества и смертного человека. Их природа соединяла как божественные свойства, так и человеческие. Главное отличие героев от богов состоит в том, что герои были смертными существами, а боги бессмертными. А от простых людей они отличались тем, что имели многославных и благородных предков, обладали огромной, часто безмерной физической и духовной силой, смелостью и волей. Поэтому, кратко характеризуя героев, можно сказать вслед за Гераклитом Эфесским, что «Боги – это бессмертные люди, а люди – это смертные боги».

Чтобы создать великого героя, требовалось немало времени, порою не одно поколение людей. Так, Кронид три раза вступал в интимные отношения со смертными женщинами, чтобы через двенадцать поколений родился Геракл. Среди его предков были такие знаменитые полубоги, как Данай и Персей. Таким образом происходило постепенное нарастание божественной мощи в природе героя, достигающей максимальной концентрации во всегреческих героях, подобных Гераклу.

Образ полубожественного мифологического героя с неизбежностью сталкивается с личностью Богочеловека Иисуса Христа и требует дополнительного разъяснения. Иисус Христос как богочеловек, хотя и имеет внешнее сходство с фигурами «божественных мужей», сыновей и дочерей богов, мыслится в христианстве не как полубог, возникший от смешения двух разных природ. Он мыс-

лится как «совершенный» Бог и «совершенный» человек, единый не через смешение сущностей, а через единство лица. Господь Иисус Христос совмещает в себе всю полноту божественной и человеческой природы. Он является не промежуточным существом, который ниже Бога и выше человека, но одновременно есть Бог и человек.

По учению Православной Церкви, сформулированному на IV Вселенском Соборе, эти две природы в Иисусе Христе соединены неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно [8, с. 273]. Напомним, что герой – полубог, соединяющий в себе определенные характеристики того или иного божества и человека. От божества к человеку переходила некоторая сила и мощь, возвышающая его над простыми смертными. А от человека к героям передавалась смертная природа, преодолеть которую было практически невозможно.

Главное противоречие жизни героя. Из указанных особенностей героической натуры вытекало основное противоречие жизни героев. По мнению А.А. Тахо-Годи, это было «несоответствие и противоречие между ограниченными возможностями смертного существа и стремлением героя утвердить себя в бессмертии» [13, с. 295]. Ведь они чувствовали свою исключительность и хотели ее как-то закрепить.

Конечно, в виде очень большого исключения человек за какие-то выдающиеся заслуги мог получить бессмертие в дар от богов. Однако такое бессмертие обычно не достигалось по самым разным причинам. Например, известно, что Афина с разрешения Зевса готова была даровать любимому греческому герою Тидею бессмертие с помощью особого лекарства, но эта затея провалилась. Аполлодор поясняет, что смертельно раненый Тидей во время похода семерых против Фив, «получив голову Меланиппа, расколол череп и выпил из него мозг. Когда Афина увидела это, она прониклась величайшим отвращением к поступку Тидея, оставила свое намерение его облагодетельствовать и возненавидела его» [2, III, VI, 8]. Хотя отметим, что поедание тел врагов в древности носило характер военного обряда. Делалось это для увеличения витальной силы и устрашения врага.

Но некоторые герои все-таки получали в дар бессмертие. Так, обрел бессмертие сын Троса молодой Ганимед, «небожителем равный», который по воле Зевса попал живым на Олимп за необыкновенную красоту. На Олимпе Ганимед был наделен Зевсом вечной молодостью и стал «виночерпием» богов (в переносном, конечно, смысле, ибо боги вина не пьют) [6, XX, 232–235].

Библия предлагает другие критерии оценки человека, не эстетические, а этические – его праведность. Праведник – человек, живущий согласно божественным заповедям, заветам и предписаниям, не нарушающий законов нравственности. Напом-

ним, что в Книге Бытия говорится, что праведный Енох «ходил пред Богом и не стало его, потому что Бог взял его» [3, 5: 22–24]. Это высказывание обычно интерпретируется как указание на то, что Енох не умер, а был взят на Небо в награду за свое благочестие. Считается, что живым был взят на Небо и прор. Илия: «вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на Небо» [3, 4 Цар. 2: 11]. В античной культуре условием бессмертия была физическая красота, а в библейской – праведность личности. Эта праведность человека одновременно является его внутренней красотой, которая, в свою очередь, одухотворяет и внешность человека.

Попытки героев самим достичь бессмертия всячески пресекались богами, ибо нарушали закон принципиального равновесия смертного и бессмертного миров в данной зоне, или «жизненном веке». К примеру, Геракл похитил яблоки Гесперид (аналог «молодильных яблок» в русских народных сказках), дарующих вечную молодость, но Афина возвратила их на место [2, II, V, 11]. Тщетной была и попытка Орфея вернуть к жизни Эвридику [2, I, III, 2]. Трагические последствия имела деятельность сына бога Аполлона и смертной нимфы Кронида Асклепия по воскрешению мертвых.

Со временем Асклепий стал столь искусным врачом, что научился воскрешать мертвых, и люди на Земле перестали умирать. По Аполлодору, он, приобретя от богини Афины кровь медузы Горгоны, стал применять кровь с левой стороны тела медузы для гибели, а с правой стороны тела – для воскресения людей из мертвых (аналог «мертвой» и «живой» воды). Как говорит Аполлодор, он успел с помощью своего искусства воскресить из мертвых Капанея, Ликурга, Ипполита, Тиндарея, Гименея, Главка и еще какого-то мертвого за плату. Бог смерти Танатос, лишившись добычи, пожаловался Крониду на Асклепия, нарушившего мировой порядок. «Зевс испугался, как бы люди не стали спасать друг друга, позаимствовав у этого врачевателя его искусство, и поразил его своим Перуном» [2, III, X, 3–4].

Вот почему «невозможность личного бессмертия, – подчеркивает А.А. Тахо-Годи, – компенсируется в героическом мире подвигами и славой (бессмертием) среди потомков» [13, с. 295]. Это стихийное честолюбивое стремление античных героев к славе сопрягалось весьма часто с любовью к земным почестям, власти и материальному достатку, но в предельном смысле всегда вело к утверждению их в вечности (памяти потомков). Такое бессмертие достигалось любыми средствами, как хорошими, так и плохими. Здесь действовал принцип «цель оправдывает средства».

По ту сторону добра и зла. Герои, изначально призванные воплощать в жизнь волю олимпийских богов на земле среди людей, «внося в нее

справедливость, меру, законы, вопреки древней стихийности и дисгармоничности» [13, 295], часто «забывали» о своем высоком историческом предназначении и становились людьми, преступающими всякую мораль и нравственные предписания ради славы. Иначе говоря, они делались преступниками как перед людьми, так и перед богами.

Современный исследователь античной мифологии Е.А. Авдеев, справедливо подмечая эту отрицательную черту поведения большинства героев, дает нетрадиционное, но верное по существу и форме определение полубогов: «Герой – это... злодей: родичеубийца и богоборец» [1, с. 18]. Он поясняет, что дело здесь не в том, что герои были способны на безнравственные поступки, а в том, что «“славное деяние” приобретает для них абсолютную ценность, и герой (часто невольно!) оказывается, по ту сторону добра и зла» [1, с. 19]. Отсюда личная судьба героев, по большей части, драматична, с неизбежностью приводит их к гибели – за преступления надо платить. Как сказал Ф. Ницше, «вокруг героя всё становится трагедией...» [12, с. 301].

От этой трагедии героев не избавляют ни воинские доблести, ни административные способности, ни художественные или мистические таланты. Наоборот, всякие «дары», «таланты» и «способности» лишь усугубляли внутреннее противоречие героического духа, делали его еще более напряженным. Речь идет о трагической судьбе героев-мастеров (Дедал и Икар, Зет и Амфион), героев-прорицателей (Тиресий, Калхант, Мопс, Амфиарай), героев-музыкантов (Орфей, Лин), героев-законодателей (Тесей). Природа героев как бы подталкивала их к определенному роду поведения, вынуждала их совершать поступки с негативным содержанием.

Антигерои, или благочестивые герои. К сказанному надо добавить только одно, что основополагающее свойство героического духа – стремление к славе любой ценой для самоутверждения в вечности, при всей своей важности и распространённости, – все же не является характеристикой всего рода героев. В античной мифологии встречаются и благочестивые герои (Эак, Нестор и Эней), опиравшиеся в своей жизни на совершенно иные доминанты поведения. Для них гораздо большей ценностью обладали духовно-моральные императивы. Им было важнее продемонстрировать искреннее почтение к богам, любовь к Родине, родителям, семье, друзьям. Конечно, бессмертная слава имела и для них значение, но она стояла на втором или даже на третьем месте в шкале нравственных предпочтений. Поэтому такие герои лишены традиционных героических характеристик. И в этом смысле они – антигерои. Существование в античной мифологии «героев» и «антигероев» выражает один общий духовный принцип бытия – каждое разумное и волевое существо само

определяется в своем нравственном выборе, лично избирает вектор своего поведения и отвечает за его последствия. Природа героя важна, но важнее личностный выбор человека.

В связи с этим напомним очень популярный в древности рассказ софиста Продика, дошедший до нашего времени в пересказе Сократа, о встрече Геракла с Добродетелью и Пороком. Этот сюжет обычно называется «Геракл на распутье», или «Выбор Геракла». Он иносказательно изображает нравственные колебания любого героя между двумя прямо противоположными жизненными сценариями – между Добродетелью и Пороком. Первый вариант правилен, но труден, а другой – ложен, но легок и приятен.

В одних и тех же обстоятельствах разрушения Илиона все греческие герои вели себя по-разному. Во время всеобщей резни троян нашлись греки, которые пропустили царевича Энея, несущего на плечах своего больного и старого отца, уважая его за благочестие [2, Э, V, 21]. Они также не тронули Антенора за гостеприимство, которое он оказал Одиссею в свое время. А другие герои безжалостно насиловали беззащитных женщин (Кассандру), цинично и бессердечно убивали дряхлых стариков (царя Приама). Моральный выбор остается за человеком, который сам определяет свою судьбу и в этом, и в загробном мире.

Посмертная судьба героев. История героев закончилась их самоистреблением под стенами Трои в кровопролитных сражениях. По мнению Гесиода, после смерти часть полубогов-героев попала на «острова блаженных» – привилегированная часть Аида для праведников у бурных вод Океана. Там они живут счастливой, беспечальной жизнью [4, с. 110–120].

Большинство же героев-богоборцев и родичеубийц оказалось в глубинах Тартара. Тем не менее многим героям возводились в Греции храмы, им поклонялись, им совершали жертвоприношения, как заступникам и посредникам между людьми и богами. Наиболее широко в Греции был распространен культ Геракла, Ахиллеса, Тесея. Особенный всплеск почитания Тесея произошёл после явления призрака царя на Марафонской битве, что, как считали греки, помогло им одержать победу в войне над персами. Героический род закончился, но герои мифов стали образцом для подражания в исторические времена.

Однако высшая нравственная правда, явленная в античном мифе, уступает библейскому Откровению по той простой причине, что здесь Бог не только словом, но и делом всей своей жизни показал во всей полноте Любовь, Истину, Путь и Жизнь, которые лишь угадывались и интуитивно предчувствовались древними греками, сердцем зрящими истину.

Библиографический список

1. Авдеенко Е.А. «Античная культура» в современной классической гимназии. – М.: Русский хронограф, 1999. – 432 с.
2. Аполлодор. Мифологическая библиотека. – М.: Наука, 1993. – 215 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1988. – 1008 с.
4. Гесиод. Труды и дни // Гесиод. Полное собрание текстов. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с.
5. Гигин. Мифы. – СПб.: Алетейя, 2000. – 480 с.
6. Гомер. Илиада // Илиада. Одиссея. – М.: Художественная литература, 1967. – 767 с.
7. Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. – СПб.: Алетейя, 1997. – 300 с.
8. Карташев А.В. Вселенские соборы. – М.: Республика, 1994. – 542 с.
9. Котенева А.В. Печаль и горе: пути и способы их преодоления (на материале эпических поэм Го-

мера «Илиада» и «Одиссея») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 4. – С. 152–156.

10. Котенева А.В. Духовные ценности как фактор психологической защищенности личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2008. – Т. 14. – № 4. – С. 38–44.

11. Лосев А.Ф. Гомер. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 416 с.

12. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – Т. 2: По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего, афоризм 150. – М., 1990. – 829 с.

13. Тахо-Годи А.А. Герой // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 294–297.

14. Чельшев П.В., Котенева А.В. Очерки по истории мировой культуры: боги и герои античной мифологии: учеб. пособие. – М.: МГТУ, 2013. – 351 с.

УДК 7.03

Портнова Ирина Васильевна

кандидат искусствоведения

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

irinaportnova@mail.ru

АНИМАЛИСТИКА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСКУССТВЕ XVIII–XX ВЕКОВ: ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ЖАНРА

В статье рассматривается отечественное анималистическое искусство XVIII–XX веков в аспекте специфических особенностей жанра. Ставится проблема определения жанровых границ анималистики в разных видах изобразительного искусства.

Ключевые слова: анималистический жанр, специфика образа, изображение животных, границы жанра, виды искусства, проблемы анималистики.

На протяжении XVIII–XIX веков образ животного включался в существующую жанровую систему эпохи и был неотъемлемой частью общей картины развития русского искусства. Мы встречаем их в пейзажных и жанровых композициях, они выступают необходимыми персонажами в произведениях научной тематики (научная иллюстрация). Так, с момента возникновения в Академии художеств класса «зверей и птиц» (1763), домашние животные стали присутствовать в композициях «ландшафтного класса» [6, с. 37], изображались в виде «скота пасущегося, зверей, птиц и словом, все, что случается видеть на поле», притом предполагалось «скотов изображать исправно и лучшего рода» [6, с. 43].

Здесь художники использовали всю многоликую природу цвета для передачи фактуры меха зверей, оперения птиц, разные источники освещения, то есть стремились создать реально-натуральную картину жизнедеятельности животных в естественной для него среде обитания.

Показательно, что в это время основные жанры (по Урванову – роды) изобразительного искусства (исторический, батальный, портрет, пейзаж, на-

тюрморт) сформировались в своих структурно-художественных чертах, в строй которых органично вписалась анималистика. Включаясь в тематику и сюжеты других жанров, разнообразя мотивы, иногда внося в них элемент занимательности, она на протяжении всей истории развития утверждалась в своих характерных, специфических чертах. В этом смысле нельзя не учесть относительно самостоятельной логики развития жанра, его самоценности, что было принципиальным достижением, связанным со становлением в России искусства Нового времени. Именно в XVIII веке анималистика обрела постоянство формы существования благодаря установке изобразительной культуры на подражание природе в целом. Сама эпоха, с ее ярко выраженной потребностью познания окружающего мира (научные изыскания, географические путешествия и т.п.), способствовала появлению графических и живописных изображений разнообразных зверей и птиц.

Очевидно, что в силу исторических условий эти свойства на каждом историческом этапе проявлялись по-разному. Однако качественным признаком жанра, свойственным любой эпохе, является

наличие в его структуре черт, связанных с трактовкой образа животного. Все это позволяет говорить о проблемах границ жанра. На эту тему писала В.А. Тиханова [5, с. 141, 165, 183–194].

Автор говорит о «чистоте» анималистического образа, определяет его отличительные черты, в отличие, например, от изображения животного в декоративном искусстве. Здесь, во-первых, главной задачей анималиста является точность и конкретность изображения животного, во-вторых, художник-анималист призван дать художественно-образную характеристику представителей фауны, подметить красоту их поз и движений. На эту же тему на страницах своего мемуарного труда «Воспоминания. Записки анималиста» рассуждал В.А. Ватагин [2], который останавливался на специфике анималистического искусства как самостоятельной области. Качественными особенностями обладает каждый жанр, однако в анималистике они особенные. Художника волнует вопрос: всякое ли изображение животного можно назвать анималистическим? Он считает, что «никак нельзя считать анималистическими произведения, в которых животные занимают подчиненное место, когда, например, маленькая фигурка животного изображена на большом ландшафте или малозаметный звериный персонаж дан в жанровой многофигурной композиции. Едва ли является анималистическим изображение животного, если оно служит средством для выявления посторонней задачи, например в зоологической иллюстрации. То же можно сказать и о декоративном искусстве, где тема животного широко используется, но в некоторых случаях образ животного настолько изменяется, растворяясь в построении орнамента, что не может уже считаться анималистическим». Мастер заключает: «Только там, где животное трактуется как сама себя оправдывающая цель, где живой выразительный образ проникнут особой остротой восприятия и передачей характеристики, такой образ может по праву называться анималистическим» [3, с. 68]. По мнению В.А. Ватагина, чтобы быть успешным анималистом, необходимо: «Первое, и самое главное условие, – это особая заинтересованность животным миром, пристрастное любование им, любовь к нему, к его формам, к моментам проявления его жизни. Второе условие – чувство животного, которое помогает найти в нем самое характерное и выразительное, самое привлекательное (...). Третье необходимое качество можно приобрести – это знание животного. Чем больше и глубже будет знать художник то, что он изображает, тем лучше (...). Знание формы, строения и анатомии, жизни и повадок животного – необходимое условие для создания полноценного образа» [4, с. 71, 72]. Об этом же писал А.Ф. Котс – бывший директор Дарвиновского музея в Москве: «Не касаясь формы, техники, манеры трактования темы и фактуры обработки материала, и не пре-

тендуя на охват проблемы полностью, мы склонны думать, что краеугольным, обязательным условием удачности или успеха анималистического творчества художника является его умение вчувствоваться в не предаваемый словами стиль и типизированный облик данного животного» [1, с. 369]. Научившись чувствовать животное, художник-анималист сможет подойти к созданию его образа, как модели живой, одухотворенной природы.

Эстетическое чувство, тонкое и глубокое, понимание природы животного, совершенствование мастерства – все эти качества в истории анималистики неустанно развивались и обогащались.

В любом творческом процессе вырисовывается объект (модель) и субъект (художник), ее изображающий. С одной стороны, выступает художник со своими человеческими эмоциями и чувствами, а с другой – модель, явление жизни. В анималистике следует признать, что зверь весьма специфический, своеобразный объект для изображения, в связи с которым могут возникнуть проблемы трактовки, в частности вероятность очеловечивания. Как известно, представители животного царства по некоторым параметрам сходны с человеком, таким как некоторые черты внешности, анатомии, поведения. Художнику-анималисту нужно знать об этом и придерживаться тонкой грани меры. В памяти жанра заключается закономерность опосредованной передачи человеческого отношения. Мастер призван следовать указанному принципу, чтобы не допустить нарушения конкретного облика зверя. Поэтому уже на раннем этапе (XVIII век) передача достоверного облика зверей и птиц явилась характерной чертой анималистического искусства. Вот почему изображения животных в древнерусском искусстве, стилизованных, подверженных видоизменениям, далеких от своего реального прототипа, при всем многообразии их образов, не претендуют на жанровый характер.

Важным свойством жанра стало то обстоятельство, что анималистика складывалась в академической среде. Благодаря созданию новой системы художественного образования стало возможным говорить о становлении художника светского типа, каковыми были анималисты. Их внимание естественным образом было обращено на анализ живой природы, предполагающий ее близкое рассмотрение и, соответственно, стремление к созданию ее подобия. Здесь принципы профессионализма, нацеленные на штудирование предмета, были основополагающими. Сама программа обучения, в основе которой на серьезном уровне поставлено преподавание рисунка с его методом анализа натуры, было весьма показательным для анималиста, который опирается на живую природу, как основной способ постижения модели.

Поскольку животное в силу многообразия своего облика претендует на воплощение в разных

видах изобразительного искусства, здесь может возникнуть проблема интерпретации, связанная с границами жанра. Станковая живопись, графика и скульптура ближе всего отражают принцип достоверной трактовки облика животного. История русской анималистики XVIII–XIX веков показала варианты «охотничьего», «иппического» жанров в этих видах искусства. Со второй половины XIX века анималистический образ наряду с живописью стал чаще появляться в скульптуре. Объемная пластика, лучшим образом подходящая для трактовки зверей и птиц, продемонстрировала полноту художественного воплощения в разных материалах, начиная от традиционной бронзы, а затем – гипса, камня, дерева, меди. Если русская анималистическая скульптура XIX века, подобно живописи, показала свои свойства тщательного фиксирования внешности животных, когда образ наделялся массой жизненных деталей, варианты которой были во французской и немецкой бронзе, то уже в конце XIX века пластический язык скульптуры был переосмыслен и изменился сам взгляд на животное.

С углублением мировосприятия человека и расширением его кругозора естественно поменялись акценты во взгляде на животное и анималистический жанр, который утратил свои прежние границы. В практике искусства создавались новые подходы к жанру, синтезирующие привычные зрителю жанровые формы.

Короткий по времени период рубежа веков показал, что анималистический персонаж не только может выступать как объект познания, но и отражать состояние человека и животных, их взаимосвязь, эмоциональную близость, как, например, в скульптуре импрессионизма. В живописи, по сравнению с предыдущим временем, звери стали активными участниками природной среды, а пейзаж воспринимался живой, некой одухотворенной материей, непосредственной средой их обитания. Они уже не были носителями тех породных качеств, которые доминировали в анималистике XIX века. В прошлом осталась тенденция правдоподобного, внешне сходного и точного изображения звериной модели как свидетельство ее врожденных, природных свойств. Такая объективная, документальная точка зрения на животное, которая в предыдущие столетия объяснялась характером самой науки, накапливающей факты, на рубеже веков оказалась недостаточной.

Если в XIX столетии выбор и изображение персонажей (лошадь, собака) все же имел несколько односторонний подход (академическая скульптура Клодта или работы Е. Лансере, А. Обера, Н. Либерики, подробно фиксирующие их быт), то в XX столетии расширение диапазона моделей привело к их многообразной трактовке. Новые возможности открылись в монументально-декоративной скульпту-

ре и малых формах, участвующих в организации природной и бытовой среды, оставив в прошлом традиции конного монумента. Станковая пластика вместе с графикой стала одной из самых востребованных в выставочном плане. Актуальность проблемой экологии уже в 1950-е – 1960-е годы подняла статус анималистического жанра на уровень весьма значимого искусства. Она даже стала претендовать на некую степень эпохальности, всеобщности. Художник, который раньше избирал какую-нибудь локальную, замкнутую среду, в которую помещал животное, теперь стремился к универсализации образа природного мира. Особенно зримо это проявилось в анималистическом искусстве второй половины XX века. Но при этом наблюдался обратный процесс. В конце 1980-х – 1990-х годов сложившаяся образная система утратила свою цельность. Ее художественный строй стал настолько многоликим, что можно отметить множество оттенков одной темы, неожиданных творческих решений, включающих традиции и стилевые направления разных эпох. Сложная, многомерная структура возникла в ответ на потребность осмыслить глубину самого мира. Здесь говорить о какой-либо определенности видовых и жанровых границ вообще и применительно к анималистическому искусству уже не приходится. Осталось в прошлом понятие традиционного жанра, какое встречалось в XVIII–XIX веках, например связанное с изображением «охотничьих» животных или лошадей.

Данный процесс уже наметился в первой половине XX века, когда анималистика находила воплощение в разных видах изобразительного искусства и оказалась восприимчивой в сфере эксперимента, особенно это касалось монументально-декоративной скульптуры и пластики малых форм. Но при этом она еще продолжала существовать в своих типических чертах. Тогда сложился во всех структурных признаках обобщенный типизированный образ животного – в станковой скульптуре В. Ватагина, Д. Горлова, А. Кардашева, Д. Цаплина, силуэтно-выразительный – в монументально-декоративной пластике И. Ефимова, лаконичный и полихромный – в малых формах П. Кожина, А. Сотникова, Д. Горлова и у ряда других мастеров.

Несмотря на длительный путь, который прошла анималистика, она сумела сохранить свою «жанровую память», перешагнув рубеж XX столетия. Необходимым принципом в формировании традиции оказался взгляд на анималистический жанр, как на искусство основательное, отправной точкой которого справедливо считать русское искусство XVIII–XIX веков. Академическую школу, с ее мощным образовательным потенциалом, прошли многие русские художники-анималисты: П. Клодт, Н. Либерики, Н. Сверчков, Н. Самокиш, П. Ковалевский, Р. Френц и др. На рубеже веков и в первой половине XX века, когда уже отсутствовала сти-

левая общность, существующая в XIX столетии, преемственность содержания и формы была не так заметна, но основы профессионального знания в изображении животного остались неизменными. Анималистическое искусство конца XX – начала XXI века, подготовленное предыдущим периодом развития, став разнообразнее в стилевом отношении, предстало как выражение общей закономерности отечественного искусства XX века. Поколение анималистов 1970-х – 1990-х годов (М. Островская, А. Цветков, О. Малышева, А. Марц, Д. Успенский, С. Асерьянц, С. Лоик и др.), опирающееся на достижения предшественников (В. Ватагин, Д. Горлов, В. Трофимов, П. Баландин), в своих разнообразных образно-пластических решениях и экспериментах в материале, поисках нетрадиционного художественного образа, следуя некоторым традициям, например древних архаических культур (мотивы древнеегипетской анималистики) или традиции барокко («необарокко» в скульптуре малых форм), старались сохранить природную пластику зверей и птиц. При этом, оставаясь зорким наблюдателем, подмечая необычные проявления животной жизни, художники-анималисты расширили горизонты восприятия и изображения живой природы. У них нет превосходства одних моделей

над другими, как было в свое время у П. Клодта, А. Лансере. Это понимание природы и животного, как важной и неотъемлемой части мироздания, целесообразности и необходимости их бытия, закономерно вело в анималистических произведениях к поискам новых возможностей в пределах традиционного жанра.

Библиографический список

1. Анимализм в свете Дарвина и Гете. Доклад на собрании художников в клубе МОСХа 19 февраля 1945 г. // Архив А.Ф. Котса. – ГДМ. – Т. 5. – Л. 369.
2. Ватагин В.А. Воспоминания. Записки анималиста. Статьи. – М.: Советский художник, 1980. – 167 с.
3. Ватагин В.А. Изображение животного. – М.: Искусство, 1957. – 170 с.
4. Ватагин В.А. Изображение животного. – М.: Искусство. 1957. – 170 с.
5. Тиханова В.А. Лик живой природы. – М.: Советский художник, 1990, – 240 с., Она же. Анималистика. Границы жанра // Советская скульптура. – М.: Советский художник, 1985. – № 9. – С. 183–194.
6. Урванов И.Ф. Краткое руководство к познанию рисования и живописи исторического рода. – СПб.: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1793. – 133 с.

УДК 82-9; 08

Головань Елена Владимировна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
gev.koipkro@mail.ru

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ «ДУХА ВРЕМЕНИ» (по материалам каталогов библиотеки Н.А. Сунгурова (бывшей Е.Ф. Олоховой) в Костроме (1898–1904))

Статья посвящена «книгам научного содержания», которые собирались библиотекой Н.А. Сунгурова в Костроме во второй половине XIX в. и на рубеже веков и были адресованы детской аудитории. Среди авторов научной популяризации, представленных в рассматриваемых каталогах, – Г. Вагнер, В.В. Лункевич, А.Н. Рубакин, Г. Тиссандье, И.Ж. Фабр, К. Фламарион и др.

Ключевые слова: библиотека, детские книги, каталог, научно-популярная литература, книги для юношества.

Возникновение научно-популярной литературы во второй половине XIX века и её дальнейшее развитие явились следствием не только высоких достижений отечественной и европейской науки в области естествознания и научного прогресса, но и отражением духовно-практического освоения природы и мира человеком и социально-культурной эволюции личности.

Под духовно-практическим освоением природы здесь понимается «путь опыта», как духовного процесса.

П.А. Флоренский, рассуждая о формировании своих позднейших религиозно-философских убеждений, был уверен в детских наблюдениях как первоисточниках названного «пути»: «Эти напластования горных пород и отдельности, эти слои

почвы, постепенно меняющиеся, пронизанные корнями, этот слой дерновины, их покрывающей, кусты и деревья над ними – я узнал о них не из геологических атласов, а из разрезов и обнажений в природе, к которым привык, как к родным» [10, с. 120–121].

Экспедиционное освоение Сибири и Дальнего Востока предопределило стремительное развитие наук – географии, геологии, этнографии и антропологии.

«Экспериментальные исследования» – результаты научных занятий, опыты, фотографические снимки – П.А. Флоренский заносил в особые записные книжки. «Самое малое, что требовалось, – это была запись каких-нибудь новых для меня данных, преимущественно физического или геоло-

гического характера из прочитанных книг. Я много читал по физике и родственным наукам, всё, что мог достать» [10, с. 266].

В статье «Публичные чтения г-на профессора Рулье» (1845) А.Н. Герцен писал о необходимости обобщения сведений о естествознании, как одной из главных потребностей времени: «Их много в науке – их мало в обществе; надобно втолкнуть их в поток общественного сознания ... сделать доступными ... дать им форму живую, как жива природа ... язык откровенный, простой, как её собственный язык...» [1, с. 399].

Определяя культуру XIX века как антропоцентрическую, И.А. Едoшина отмечает: «... в антропоцентрической культуре человек является не только её главным героем, но и одновременно её сущностной характеристикой. Абсолютное доверие к разуму повлекло за собой бурное развитие науки, ещё больше закрепившей основополагающее положение человека в мире» [4, с. 52–53].

Для выражения сути человека – его чувственной и внечувственной природы – и указания на его господство в этих сферах В. Гумбольдт находит наиболее уместное понятие – дух (Geist). Следуя философии Гумбольдта, конечная цель духовных исканий человека заключается в его предназначении и в воплощении идеи человечности.

С этой точки зрения П.А. Флоренский представляется нам как человек-личность, которая «с наивысшей силой и в широчайших пределах воплощает в себе идею человечности» [3, с. 343].

М. Фарадей («обожаемый» П.А. Флоренским), впервые начавший читать общедоступные лекции для молодёжи, стал основоположником научной популяризации: его книга «История свечи» (1860) положила начало доступному знанию в образовании.

«Популярная астрономия» К. Фламариона, «Жизнь насекомых» И.Ж. Фабра, издания В. Бельше, У. Бойса, Э. Геккеля, Ф. Содди имели огромное значение для пропаганды научных знаний, развития просвещения и демократизации культуры.

Параллельно с развитием науки и техники развивается издательское и библиотечное дело, растёт количество публичных библиотек и народных читален.

Индивидуальная мировоззренческая позиция складывается в течение всего человеческого опыта, но именно в детстве и юности зарождаются основы ценностных ориентаций и «моральных устремлений» – «духа человечества». В этом контексте научную среду публичных и общественных библиотек было бы уместно рассматривать в качестве ценностного воздействия на содержание «человеческой формы».

Гумбольдт подразделяет все книги и произведения искусства на живые и мёртвые: «только первые могут просвещать, последние – лишь поучать» [3, с. 342].

В рассматриваемых каталогах библиотеки Н.А. Сунгурова популяризации естествознания были посвящены и адресованы «отроческому уму» книги профессора М.Н. Богданова «Из жизни русской природы» (СПб., 1898), профессора В.В. Лункевича «Среди животных и растений» (СПб., 1900), профессора А.Н. Краснова «Индия и Цейлон» (СПб., 1900) [5, с. 216–218].

«Популяризатор непременно должен быть художником слова, и высшая, прекраснейшая самая человеческая задача искусства состоит именно в том, чтобы слиться с наукой...» – утверждал Д.И. Писарев в статье «Реалисты» [7, с. 157]. Критик полагал, что роль популяризатора в науке важнее роли исследователя: «... популяризирование науки составляет самую важную, всемирную задачу нашего века. Хороший популяризатор, особенно у нас в России, может принести обществу гораздо больше пользы, чем даровитый исследователь» [7, с. 154].

В «Отделе XIII. Детские книги. В) Книги научного содержания» каталога библиотеки Н.А. Сунгурова (бывшей Е.Ф. Олоховой), опубликованном в 1904 г., указаны 102 названия; это издания, поставленные на учёт, имеющие инвентарные номера [6, с. 215–221]. В каталоге библиотеки Е.Ф. Олоховой 1898 г. книги научного содержания представлены 23 названиями [5, с. 109–111].

Наряду с популярными книгами библиографа и библиофила А.Н. Рубакина «Вода на земле, под землёй и над землёй» (М., 1895), «Из мира науки и из истории мысли» (М., 1896), «Рассказы о делах в царстве животных» (М., 1893, 1897) [6, с. 220] в отделе значатся книги переводчика и натуралиста А.П. Нечаева «Чудеса без чудес. Маленькая физика в применении к забавам» (СПб., 1897), «Мой горный музей. О составлении коллекций минералов и её хранении» (СПб., 1901), «Моя лаборатория. Разные простые опыты» (СПб., 1901) [6, с. 218].

Н.А. Рубакиным было написано около 250 работ научно-популярного характера из самых разных областей знания – астрономии, биологии, географии, истории, общий тираж которых превысил 15 млн. экземпляров.

По мнению Л. Разгона, книги Н.А. Рубакина «не часто, скорее редко, попадали в библиотеку. ... Огромные тиражи рубакиных книг расходились непосредственно среди читателей из народа. Их покупали у книгонош ... в тысячах сёл и деревень России ... рабочих посёлках. Их выписывали на “свои, кровные” с книжных складов Сытина, Парамонова, Сойкина...» [8, с. 18].

В начале января 1912 г. К.И. Чуковский писал Н.А. Рубакину: «Глубокоуважаемый Николай Александрович!.. Ещё мальчишкою – как я собирал копейку за копейкой – складывал, чтобы купить Рубакина “Рассказы о делах в царстве животных”, “Чудо на море” – а и позже в “Новом слове”,

“Северном Вестнике” – я строчки Вашей не пропускал. Приходил в библиотеку, брал старые журналы – и сейчас даже шрифт помню, каким были напечатаны Ваши “Взыскующие Града”. Какой Вы счастливый человек: Вы поняли, что нужно людям – и Вы делаете именно то, что нужно, – несомненное дело. Каждая Ваша книга насущно нужна – это не суфлэ, не шоколадный крем, это – хлеб» [12, с. 272–273].

Научно-популярные издания Н.А. Рубакина имели свои особенности: они отличались «жизненностью», «психологичностью», «лёгкостью понимания», «эмоциональностью», «революционизирующей силой», «публицистичностью», «конкретизацией изложения и синтетичностью».

В начале второй половины XIX в. издательства специализировались на выпуске литературы, ориентированной на взрослую аудиторию, детских книг издавалось мало. Об отсутствии книг, адресованных детям, заявлял А.И. Герцен: «Писать детские книги, действительно, – задача колоссальная, оттого-то их и нет. Есть книги *отроческие* – современная английская литература ими очень богата, – но детских нет» [2, с. 354]. Спустя десятилетия об этом же из Петропавловской крепости писал жене Н.В. Шелгунов: «...детские книги нам нужны, и их у нас нет» [13, с. 130].

В библиотеке Н.А. Сунгурова имелись работы Н.В. Шелгунова-педагога – «Основы рационального воспитания» (СПб., б. г.) [6, с. 187] и Шелгунова-критика «Талантливая бесталанность», «Люди сороковых и шестидесятых годов», «Вопросы русской жизни» и другие публицистические статьи [6, с. 55, 65].

В 60-е годы XIX в. Н.В. Шелгунов обдумывал проект детской библиотеки, основу которой составили бы: 1) визуальные издания для детей (картинки большого формата) с разъяснениями взрослых; 2) издания для детей 6–8 лет, умеющих читать (краткие монографии с изображениями в тексте, повести, рассказы из истории, сказки А.С. Пушкина, описание физических явлений); 3) издания для детей 10-летнего возраста, приготавливавшихся в гимназию (краткие отраслевые курсы). Отражая все сферы бытия, эти издания должны были быть универсумом знаний; изложение в них материала – самым популярным, «гораздо проще, чем Вагнера». Н.В. Шелгунов был не совсем доволен манерой изложения научно-популярных книг своего времени – «краткость и скудость фактов» мешали объективному восприятию содержания. Между тем такие книги были особенно популярны и неоднократно переиздавались. В библиотеке Н.А. Сунгурова, помимо адаптированного сборника «рассказов по Вагнеру» «Из природы» (1870 г.), имелись книги немецкого популяризатора Германа Вагнера и русского зоолога Юлия Вагнера, изданные в период с 1893 по 1900 гг.

О бережном их использовании и сохранении свидетельствуют каталоги: собрание книг Ю. Вагнера «Воздух», «Огонь», «Земля», «Невидимый мир животных и растений» (СПб., 1897) и «Первые рассказы из естественной истории» Г. Вагнера отражены в изданиях 1898 и 1904 гг.

Каталог 1904 г. дополнен другими произведениями: «Растения. (Ботанические беседы)», «Животные» (СПб., 1898), «В горах. (Природа и жизнь)», «Лазурное море. (Средиземное)» (СПб., 1900), «Мой аквариум. (Устройство и содержание)» (СПб., 1895) Ю. Вагнера; «В саду и на дворе» (М., 1898), «В поле и на лугу», «В лесной глуши» (М., 1899) Г. Вагнера [6, с. 216].

Помимо авторов, не получивших специального (естественнонаучного) образования, популярные книги для массового читателя, в том числе адресованные детям, писали выдающиеся западноевропейские и русские учёные: А. Гуд, О. Лодж, Д. Перри, Д. Тиндаль, Г. Тиссандье, Н.Н. Аменицкий, И.П. Иванов-даль, Е.И. Игнатъев и др.

Книга «Научные развлечения в области физики и химии» французского метеоролога и химика Г. Тиссандье, переведённая на русский язык в 1883 г., была занимательным собранием явлений и опытов учёного, непосредственным очевидцем, участником и создателем которых был он сам [5, с. 10, 14]: «В этой книге нет людей, явлений, рассматриваемых вне времени и пространства. Объясняя происхождение необыкновенных явлений в природе, Тиссандье передаёт свои личные ощущения от того, что он видел во время путешествия в Арденнах, Альпах, прогулках по берегу Кале. Он стремился, чтобы читатель вместе с ним участвовал в решении задачи» [8, с. 29].

В описаниях каталогов библиотеки Н.А. Сунгурова (1898 и 1904 гг.), кроме книжного издательства, указывались место и год каждого из представленных изданий. Можно предположить, что основная доля научно-популярной литературы выпускалась центральными издательствами Петербурга и Москвы – «товариществами печатного и издательского дела» А.С. Суворина и И.Д. Сытина.

И.Д. Сытин издавал книги для самообразования, сотрудничал с Л.Н. Толстым, основавшим издательство «Посредник» (1884 г.) и серию «Библиотека для детей и юношества». При содействии И.Д. Сытина было налажено распространение качественных по содержанию и дешёвых по цене книг для самых широких читательских масс.

Выбирая лучшие издания научно-популярной литературы, отражающие «дух времени», библиотеки вовлекали в сферу научных интересов читателей разных возрастов. Давая детям-читателям знания и прививая им «умственные аппетиты», библиотеки явились проводниками просвещения и образования, научного поиска и общественного развития.

«Учёная литература спасает людей от невежества, а изящная – от грубости и пошлости; то и другое дело одинаково благотворно и необходимо для истинного просвещения и для счастья людей» [11].

Библиографический список

1. Герцен А.И. Сочинения: в 2 т. – Т. 1 / под общ. ред. А.И. Володина, З.В. Смирновой. – М.: Мысль, 1985. – 592 с. – (Филос. наследие; т. 95).
2. Герцен А.И. Эстетика. Критика. Проблемы культуры / сост., вступ. ст. и коммент. В.К. Кантора. – М.: Искусство, 1987. – 603 с., портр. – (История эстетики в памятниках и документах).
3. Гумбольдт В. ф. Язык и философия культуры: пер. с нем. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 452 [4] с.
4. Едошина И.А. Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы. – М.; Кострома: Б. и., 2002. – 252 с.
5. Каталог библиотеки Е.Ф. Олоховой в Костроме. – Кострома: Типо-литография Ф.А. Фальк, 1898. – 120 с.
6. Каталог библиотеки Н.А. Сунгурова (бывшей Е.Ф. Олоховой) в Костроме. – Кострома: Типо-литография А. Азерского, 1904. – 236 с.

7. Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. – Т. 2 / сост., примеч. Ю. Сорокина. – Л.: Худож. лит., 1981. – 456 с.

8. Разгон Л.Э. Волшебство популяризатора. – 2-е изд., доп. – М.: Дет. лит., 1966. – 160 с.

9. Рубакин А.Н. Рубакин (Лоцман книжного моря). – 2-е изд., доп. – М.: Мол. гвардия, 1979. – 204 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр. Вып. 8 (442)).

10. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминая прошлых дней. – М.: АСТ, 2004. – 379 [5] с. – (Философия. Психология).

11. Чернышевский Н.Г. Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chernishevskiy.net.ru/lib/sb/book/3424/page/2> (дата обращения: 27.01.2014).

12. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. – Т. 14 / вступ. ст. Е. Ивановой; сост. Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская; общ. ред., подгот. текста Е. Ивановой. – М.: Терра, 2008. – 688 с.

13. Шелгунов Н.В. Воспоминая: в 2 т. – Т. 2 / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов; под общ. ред. В.В. Григоренко. – М.: Худ. лит., 1967. – 518 с.

УДК 008.001

Шигабетдинова Гузель Мирхайзановна
кандидат педагогических наук
Ульяновский государственный технический университет
shigabetdinova@gmail.com

КУЛЬТУРА РЕФЛЕКСИВНОГО ПАРТНЁРСТВА В КОНТЕКСТЕ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура рефлексивного партнёрства в контексте срединной культуры связана с умением индивида дифференцировать логику инверсий и логику медиации, критически и творчески преодолевать в своем мышлении влияние бинаризма, выходить за рамки сложившихся дуальных оппозиций.

Ключевые слова: партнёрство, диалог, срединная культура, культура рефлексивного партнёрства.

Современное общество представляет собой сложную структуру, компоненты которого находятся во множественном взаимодействии друг с другом. Возрастающее количество конфликтов и их участников, сложное переплетение конфликтных взаимодействий вызывают беспокойство исследователей. Учёные обращают внимание на импульсивность и иррациональность поведения оппонентов как разрушительный потенциал в конфликте [13]. Полагаем, что поиск эффективных способов согласования интересов и ресурсов различных социальных субъектов необходимо осуществлять в пространстве культуры.

Размышляя над происхождением культуры, Г. Зиммель пришел к выводу, что «парадокс культуры состоит в том, что субъективная жизнь, которую мы ощущаем в ее непрерывном потоке и которая сама по себе стремится к достижению своего внутреннего совершенства, совершенно не

в состоянии, если смотреть на это с точки зрения культуры, достичь этого совершенства сама по себе, но лишь посредством этих совершенно для нее чужеродных, кристаллизировавшихся до состояния самодостаточной замкнутости форм. Культура возникает тогда (этот момент является определяющим для ее понимания), когда встречаются два элемента, каждый из которых не содержит ее сам по себе: субъективная душа и объективное духовное произведение» [9, т. 1, с. 448–449].

Для Г. Риккерта культура и есть ценность: «в объектах культуры... заложены ценности» [1, с. 172].

На уровне личности культура определяется как совокупность качеств, определяющих меру её культурной социализации и самореализации. Благодаря культуре личность включается в общественную жизнь как яркая индивидуальность, желающая и способная вести с обществом равноправный диа-

лог. С помощью культуры человек обретает самого себя, строит стратегическую иерархию ценностей и одновременно идет по ступеням духовного и социального совершенствования [2].

Механизмом развития культуры, утверждает В.А. Лекторский, является толерантность как «расширение собственного опыта и критический диалог». Подчёркивая диалогичность данного процесса, учёный приходит к выводу: «плюрализм выступает не как нечто мешающее моей точке зрения, нечто глубоко ей чуждое, но как необходимое условие плодотворного развития моей собственной позиции и как механизм развития культуры в целом. Это уже не просто плюрализм, а полифония, т. е. диалог и глубинное взаимодействие разных позиций» [11].

Исходным пунктом концепции М. Бубера является диалогический принцип. Человек обретает собственную сущность только вбирая в себя всечеловеческое, соотнося себя с другими людьми: «Мир для человека двойствен в соответствии с двойственностью основных слов, которые он может произносить. Основные слова суть не единичные слова, а словесные пары. Одно основное Другое основное слово – пара Я-ОНО... тем самым Я человека также двойственно» [7, с. 6]. В философии М. Бубера именно в диалоге обретается истина бытия, диалог не просто является способом межличностной коммуникации, это самоценное начало мира, это духовная ценность.

Согласно Э. Левинасу, в диалоге происходит не просто передача информации, а понимание себя через другого, поскольку основополагающим свойством бытия человека является стремление к Другому. Другой «есть смысл как первоисток, ибо наделяет смыслом выражение, и только через него такой феномен, как значение, внедряется в бытие» [10, с. 167].

В философии М.М. Бахтина диалогизм – не только часть мира, где ведутся диалоги, а та форма познания, в которой открывается человек. По М.М. Бахтину, «Я осознаю себя и становлюсь самим собой, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого... Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться... Быть – значит быть для другого и через него – для себя» [5, с. 186].

Итак, в понимании смысла диалога можно выделить две позиции. Согласно первой, диалог трактуется как способ изложения материала, обмена информацией. Согласно второй, диалог – это не просто обмен информацией, это способ человеческого бытия. Особенно информативен диалог непосредственного общения: слово в нем проявляет себя уникально, является точкой скрещения рефлексизирующих сознаний. В контексте исследуемого нами феномена «культуры партнёрства» отметим следующее положение философа М.М. Бахтина:

диалоговая этика требует признания права другого быть иным [5].

В основе построения конструктивного взаимодействия лежит рефлексивное представление о внутренних характеристиках партнёра, основанное на процессе децентрации, независимое от эмоционального отношения к другому, опосредованное характером и содержанием совместной деятельности.

В философской и социологической литературе взаимодействие – одна из базовых категорий, поскольку термин «взаимодействие» задает порядок рассмотрения других понятий, задает определенный тип видения самых разнообразных объектов. Взаимодействие – это воздействие различных субъектов друг на друга, вызывающее изменения внутренних свойств. К конструктивным типам взаимодействия исследователи относят партнёрство и сотрудничество. Ранее нами был осуществлён анализ структуры и содержания данных понятий с целью их разграничения, выявления их общих и отличительных черт [14]. Партнёрство представляет собой тип конструктивного взаимодействия, которое направлено на достижение общей цели при равенстве в правах и обязанностях сторон. Выявленные отличия позволили определить границы понятия партнёрство, его принципы, но неясным остался механизм достижения согласованности между партнёрами, особенно в ситуациях сложных, неопределённых и неоднозначных. Наличие определённых стереотипов и шаблонов поведения партнёров нередко приводит к разрушению партнёрства. Мы выдвинули предположение, согласно которому включение рефлексии в структуру партнёрства будет способствовать развитию культуры партнёрского взаимодействия личности.

Обоснуем это положение.

В самом общем виде понятие рефлексии возникло от позднелатинского *reflexio*, что в дословном переводе означает «обращение назад». Д. Локк, впервые употребивший понятие «рефлексия» в XVII веке, понимал под ним процесс. В этих представлениях преломилась реальная способность человека к самоотчету об испытываемых им фактах сознания, самоанализу собственных психических состояний. Рефлексия – источник особого знания, проявляющегося в процессе направления наблюдения исследователя на внутренние действия его сознания. Это знание есть восприятие «внутренней деятельности нашей души», тогда как ощущения имеют своим предметом внешние вещи [12, т. 1]. В прошлом веке, в последней его трети, М.К. Мамардашвили и др. осуществили философскую проработку понятия рефлексии в контексте проблемы сознания и деятельности. Философский план анализа позволил выделить онтологический, гносеологический, методологический и аксиологический аспекты рефлексии. Первые три аспекта выделяют

рефлексию как рациональное начало организации психического в его интеллектуально-познавательных проявлениях, а четвертый аспект представляет собой переход к личностно-психологическому пониманию рефлексии, где рефлексия рассматривается как «мировоззренческие чувства» личности, выражающие экзистенциально-этические ценности ее бытия и сознания (С.Л. Рубинштейн). В связи с этим важно подчеркнуть, что личностно-психологическое понимание рефлексии позволило констатировать следующее: появление у человека рефлексии свидетельствует о наличии внутренней жизни, которая противопоставляется внешней жизни, это возникновение определенной системы управления своими состояниями и влечениями, появление воли и свободы выбора. Рефлексия – это обращение назад, то есть способность человека неоднократно обращаться к началу своих действий, мыслей, умение стать в позицию стороннего наблюдателя, размышлять над тем, что он делает, как познаёт, в том числе и самого себя. Но это не просто знание или понимание субъектом самого себя, но и выяснение того, как другие знают и понимают его, его личностные особенности, эмоциональные реакции и когнитивные представления. Мы соглашаемся с теми, кто видит в рефлексии основу взаимопонимания.

Партнёрство, основанное на рефлексии, – это тип конструктивного взаимодействия, основанный на рефлексивном управлении своим поведением участниками (саморегуляцией), на соуправлении ситуацией взаимодействия и выработкой норм, правил, ценностей взаимодействия, характеризующегося согласованностью действий и распределением ответственности за результативность совместной деятельности по достижению общей цели. Мы называем его рефлексивное партнёрство.

Рассмотрение культуры рефлексивного партнёрства с позиции диалогового подхода объясняет существование человека с человеком в культуре, обнаруживает двунаправленность, взаимность коммуникативного аспекта при равенстве сторон, готовность уступить часть своей свободы и самостоятельности другому, отдать другому часть своей полноты и самодостаточности. Диалог – это система рефлексивного взаимодействия, являющаяся основой социогуманитарного познания. Процесс движения мысли к истине, осознания развивает способность видеть и понимать, что происходит вокруг и внутри себя. Диалоговый подход направляет исследование на представление культуры рефлексивного партнёрства в контексте признания норм и ценностей Другого, рефлексии Другого как ценности. Культура рефлексивного партнёрства предполагает толерантность к неопределенности, поиск новой меры синтеза полярностей, и основанием поиска этой меры является понимание, что она в равной мере и одновременно является как

мерой всеобщего, так и особенного, как мерой целостности, так и мерой расчлененности, как мерой незавершенности развития, так и мерой его завершенности.

В связи с исследованием нами культуры рефлексивного партнёрства считаем необходимым обратиться к рассмотрению принципа дуальных оппозиций, содержащегося в концепции социокультурной динамики общества А.С. Ахиезера. Согласно трактовке А.С. Ахиезера, дуальная оппозиция как «необходимый принцип объяснения социальных явлений ... определяет деятельность как амбивалентное взаимопроникновение полюсов оппозиции, в результате которого возникают новые пласты срединной культуры, новые отношения... [3, т. 3, с. 371].

Понятие «срединная культура» в начале XX века введено Н.А. Бердяевым [6, с. 31]. Для А.С. Ахиезера в качестве основных категорий, описывающих механизмы социокультурных изменений, становятся понятия инверсии и медиации [3, т. 3, с. 371]. А.С. Ахиезер, объясняя инверсионную логику, считает ее выражением синкретизма, когда субъект не выделяет в явлении отдельные его элементы. Господство инверсии в целом означает преобладание готового, сложившегося опыта над рождением новых культурных смыслов и образцов, преобладание статичности, простого типа воспроизводства над динамичным. Инверсии противоположна медиация – тип логики, на котором вырастают культура и формы социальной жизни, представляющие собой уход от полярных состояний. Это способ развития, основанный на синтезе, примирении противоположностей, их взаимопроникновении, способ, который обеспечивает выход за рамки сложившихся дуальных оппозиций и «наращивание» нового содержания культуры [3, т. 3, с. 186]. Таким образом, инверсия характеризуется абсолютизацией различных полюсов, склонна сводить диалог полюсов к смене одного монолога другим и обратно. Медиация же переносит центр тяжести за рамки перехода от одного полюса сложившейся оппозиции к другому, на поиск нового сложного и противоречивого смысла, где оппозиции постоянно изменяются, создаются новые, где противоположность полюсов превращается в противоречие, которое в результате его преодоления дает качественно новый результат, новый смысл, новые дуальные оппозиции [4].

По мнению А.П. Давыдова, исследователя роли «срединной культуры» в русской литературе первой половины XIX века, одним из направлений изучения культуры является поиск в ней культурных форм, несущих в себе более эффективную воспроизводственную логику культуры. А это, в свою очередь, влияет на развитие общества в целом. Русская литература первой половины XIX в., согласно А.П. Давыдову, не случайно завоевала всемирное

признание и получила статус великой. Писатели анализировали то, что можно назвать человеческой реальностью, рефлексией, то есть изучали понимание человеком жизни, осуществляемое через формы культуры. Глубина и точность видения писателями человеческой реальности в России, путей дальнейшего развития России создали в культуре России такой анклав, продвинутость которого до сих пор во многих отношениях остается непревзойденной [8].

Понимаемая нами культура рефлексивного партнёрства личности – интегральная характеристика личности, представляющая собой способность к равноправному симметричному конструктивному взаимодействию на основе осознания себя, ситуации и партнёра по взаимодействию.

Культура рефлексивного партнёрства в контексте срединной культуры связана с умением индивида дифференцировать логику инверсий и логику медиации; критически и творчески преодолевать в своем мышлении влияние бинаризма, выходить за рамки сложившихся дуальных оппозиций и «наращивать» новое содержание культуры.

Возрастание межнаучных исследований по проблематике партнёрства аргументирует её актуальность и обозначает дальнейшие перспективы педагогического осмысления культуры рефлексивного партнёрства в разных возрастных группах.

Библиографический список

1. Антология культурологической мысли / авт.-сост. С.П. Мамонтов, А.С. Мамонтов. – М.: Изд-во РОУ, 1996. – 352 с.
2. Арнольд А.И. Введение в культурологию. – М.: Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. – 350 с.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. – М.: ФО СССР, 1991.
4. Ахиезер А.С. Социокультурный словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philosophy.ru/edu/ref/soc/slov_ahiez.html. (дата обращения: 24.02.2013).
5. Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев: NEXT, 1994. – 510 с.
6. Бердяев Н. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – 205 с.
7. Бубер М. Я и Ты: пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда, послесл. П.С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1993. – 175 с.
8. Давыдов А.П. «Духовной жаждою томим». А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. – Новосибирск: Сибир. хронограф, 2001. – 243 с.
9. Зиммель Г. Избранное: в 2 т. – М.: Юрист, 1996.
10. Левинас Э. Время и другой; Гуманизм другого человека. – Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 265 с.
11. Лекторский В.А. О толерантности // Философские науки. – 1997. – № 3/4. – С. 14–18.
12. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985.
13. Рябова Е.Л. Исследование основных аспектов культуры конфликтного взаимодействия в современном российском социуме // Социум и власть. – 2010. – № 2. – С. 27–30.
14. Шигабетдинова Г.М. Рефлексивное партнёрство как тип конструктивного взаимодействия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – 2013. – Т. 7. – № 1. – С. 79–88.

Иванов Дмитрий Игоревич
кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет
Ivan610@yandex.ru

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ БАЗА РОК-КОМПОЗИЦИИ КАК СПОСОБ АКТИВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ РУССКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КОДОВ В СТРУКТУРЕ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается специфика использования русских национальных инструментов в структуре инструментальной базы рок-композиций, которые приобретают свойства мощного когнитивного катализатора, активизирующего систему русских национальных концептуальных кодов сознания.

Ключевые слова: синтетическая языковая личность, концептуальный код, рок-культура, русское национальное сознание.

В рамках данной работы мы рассмотрим один из способов активизации, воскрешения системы русских национальных концептуальных кодов сознания в структуре синтетической языковой личности (СЯЛ), сформированной в пространстве «героической эпохи» [6] русского рока (середина 1980-х – 1991 гг.), а именно прием трансформации инструментальной базы рок-композиции, точнее – введения в её состав русского национального инструмента (русского колокольчика).

Однако перед этим необходимо конкретизировать содержание понятия СЯЛ. Под синтетической языковой личностью мы понимаем специфическую разновидность личности семиотической, дискурсивной [1, с. 30–31]. Это когнитивно-прагматическая единица, которая формируется, развивается и функционирует в пространстве синтетических текстов разных типов (песенный текст, рок-текст, кинотекст, театральный текст, рекламный текст и т.д.). СЯЛ обладает гибкой внешней структурой, которая зависит от типа и структурных особенностей синтетического текста или синтетических текстов, в рамках которых она существует. Например, в пространстве синтетического рок-текста [5, с. 17–24] внешняя структура СЯЛ состоит из четырех базовых компонентов: 1) вербального; 2) артикуляционного; 3) музыкального; 4) имиджевого. Если говорить о внутренней структуре СЯЛ, то она состоит из трех уровней: 1) вербально-семантического (на этом уровне обозначается комплекс семиотических зон, попадающих в структуру синтетического текста, и определяются качественные особенности внешней структуры СЯЛ); 2) когнитивно-прагматического (он включает в себя систему концептуально-когнитивных кодов, которые последовательно распределяются по семиотическим зонам синтетического текста и, соответственно, по компонентам внешней структуры СЯЛ); 3) ассоциативно-интерпретационного (на этом уровне происходит вовлечение в структуру СЯЛ воспринимающего субъекта, который является конститутивным компонентом дискурсивного сознания СЯЛ).

Отметим, что обращение к русским национальным, фольклорным музыкальным традициям отражается на специфике формирования инструментальной базы рок-групп. В неё вводятся различные народные музыкальные инструменты. Это необходимо для создания особого национального колорита, специфической атмосферы и повышения степени активизации в рамках музыкального компонента СЯЛ комплекса невербальных, когнитивных, различных (в данном контексте русских) национальных музыкальных кодов. Заметим, что использование народных инструментов в рамках музыкального компонента СЯЛ в русском роке явление достаточно распространённое. Чаще всего можно встретить два основных типа использования русского народного инструмента в пространстве музыкального компонента СЯЛ: 1) *в музыкальный компонент включается один или несколько специфических народных инструментов, определяющих специфику восприятия всего музыкального компонента* (например, песня Г. Сукачева «Дорожная», в которой роль лидирующего инструмента выполняет гармонь); 2) *музыкальный компонент полностью сыгран на народных музыкальных инструментах* (например, альбом группы «Чайф» «Изумрудные хиты» (2004), записанный при участии народного музыкального ансамбля «Изумруд»). Этот альбом состоит из 14 композиций (1. Вольный ветер. 2. Матяня. 3. За полшага. 4. Африка. 5. Аргентина – Ямайка 5:0. 6. Сальто назад. 7. Ой-йо. 8. Пиво. 9. Пиво. 10. С войны. 11. В её глазах. 12. Не спеши. 13. Оранжевое настроение. 14. В ночь по новым адресам). В записи были использованы следующие народные инструменты: домра, балалайка, баян, контрабас-балалайка. Важно, что трансформация, переаранжировка музыкального компонента в данном случае вносят в её структуру дополнительные значения, активизировавшие в пространстве названных композиций элементы народного русского сознания.

Один из самых интересных вариантов введения русского народного музыкального инструмента в структуру музыкального компонента СЯЛ

представлен в поэтико-музыкальной системе СЯЛ А. Башлачёва. Общеизвестно, что рок-поэт принципиально отказывался от создания целостных, групповых музыкальных аранжировок, так как это разрушало специфическую, сакральную, исповедально-трагическую тональность рок-композиции. А. Башлачёв практически всегда исполнял свои песни под акустическую гитару, звучание которой дополнялось звоном медных колокольчиков. Во время исполнения песен эти колокольчики находились на специальном браслете на правой руке музыканта. Заметим, что выбор А. Башлачёвым именно этого музыкального народного инструмента не случаен. Дело в том, что колокол (колокольчик) и его звучание генетически вписаны в культуру и сознание русского народа. Звучание колокола может быть рассмотрено как своеобразный медитативный, музыкально-звуковой, концептуальный катализатор, который, отражаясь в сознании каждого русского человека, активизирует комплекс исконно русских национальных когнитивных кодов.

Важно, что комплекс национально-когнитивных кодов, заложенных в звучании колокольчиков, пронизывает не только музыкальный, но и вербальный, артикуляционный и имиджевый компоненты СЯЛ А. Башлачёва. Рассмотрим специфику отражения данной когнитивной системы в раках каждого компонента СЯЛ.

Музыкальный компонент СЯЛ А. Башлачёва. Отметим, что звон колокольчиков является конститутивным, постоянным элементом музыкального компонента СЯЛ. Это указывает на особую важность и концептуальную значимость использования этого музыкального инструмента. С помощью него А. Башлачёв на музыкальном уровне стремится воссоздать и выразить в своеобразной доязыковой, музыкально-звуковой форме противоречивость, прерывистость, непредсказуемость, злость и смирение, неудержимость русского национального сознания, русской души. Причём этот процесс активизируется не в отдельных композициях, а пронизывает все песенное творчество рок-поэта. Из этого следует, что звучание колокольчиков, своеобразная невербально-когнитивная система, воздействующая на подсознание слушателя-зрителя, которая представляет собой фундамент всей когнитивно-прагматической системы СЯЛ А. Башлачёва, формирующейся в рамках русского национального сознания.

Вербальный компонент СЯЛ А. Башлачёва. Принципиальным в данном контексте является тот факт, что в главных песнях рок-поэта («Время колокольчиков», «Случай в Сибири» и некоторых других) активизируется феномен вербализации музыкальных элементов музыкального компонента СЯЛ – прерывистого звучания русских колокольчиков. В рамках вербального компонента СЯЛ невербализованное когнитивное пространство

русских национальных кодов сознания приобретает знаковую, языковую форму. Каждый вербализованный фрагмент представляет собой целостную концептуальную единицу. Отметим, что в пространстве конкретного синтетического текста, как правило, реализуется несколько таких концептуальных единиц, которые, вступая в семантическое взаимодействие, организуют когнитивно-прагматическую структуру всего синтетического текста.

Приведём несколько примеров (концептуальные единицы выделены курсивом): «Пока пою, пока дышу, любви меняю кольца, / *Я на груди своей ношу три звонких колокольца.* / Они ведут меня вперёд и ведают дорожку. / Сработал их под Новы год знакомый мастер Прошка. / Пока дышу, пока пою и пачкаю бумагу, / *Я слышу звон. На том стою. / А там, глядишь, и лягу* <...> Стучало сердце. Звон в ушах. / – Да что там у тебя звенит? / И я сказал: “*Душа звенит. Обычная душа*” <...> Я первый раз сказал о том, мне было нелегко. / Но я ловил открытым ртом родное молоко. / И я припал к её груди, я рвал зубами кольца. / Была дорожка впереди. *Звенели колокольца*» [2, с. 64]; «Долго шли зноем и морозами, / Всё снесли и остались вольными, / Жрали снег с кашей берёзовой / *И росли вровень с колокольнями.* / Если плач – не жалели соли мы. / Если пир – сахарного пряника. / *Звонари чёрными мозолями / Рвали нерв медного динамика.* / Но с каждым днём времена меняются. / Купола растеряли золото. / *Звонари по миру слоняются. / Колокола сбиты и расколоты.* / Что ж теперь ходим круг да около / На своём поле, как подпольщики? / *Если нам не отлили колокол, / Значит, здесь время колокольчиков.* / Ты звени, сердце, под рубашкою. / Второпях врассыпную вороны. / Эй! Выводи коренных с пристяжкой / И рванём на четыре стороны <...> А на дожде все дороги радугой! / Быть беде. Нынче нам до смеха ли? / *Но если есть колокольчик под дугой, / Так, значит, всё. Заряжай, поехали! / Загремим, засвистим, зацелкаем, / Прoberёт до костей, до кончиков. / Эй, братва! Чуете печёнками / Грозный смех русских колокольчиков?* <...> *И пусть разбит батюшка Царь-колокол, / Мы пришли с чёрными гитарами. / Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл / Околдовали нас первыми ударами. / И в груди искры электричества. / Шапки в снег – и рваните звонче. / Рок-н-ролл – славное язычество. / Я люблю время колокольчиков*» [3, с. 15].

Артикуляционный компонент СЯЛ А. Башлачёва. В представленном выше синтетическом тексте А. Башлачёва («Время колокольчиков») вербальный компонент СЯЛ формально завершается раньше, чем музыкальный компонент СЯЛ. В результате его место занимает музыка. Это делает их семантически равноправными. Укажем, что заключительный проигрыш этой песни содержит в себе как вербальные, так и невербальные компоненты текста. Его структура выглядит так: «...я люб-

лю...»; «...я... люб-лю-у-у-у...»; «...время... время... время...». Многоочиями показаны зоны формального отсутствия текста. Особое внимание необходимо обратить на фрагмент «...я... люб-лю-у-у-у...». Этот фрагмент на разных фонограммах пропеваётся от одного до трёх раз. Однако при каждом исполнении этого фрагмента реализуется феномен резонирующего звучания. Гласный звук [у] пропеваётся с различной высотой и разным тембром, приобретая некую волнообразную, но прерывистую структуру, похожую на глухой и одновременно звонкий, глубокий звук колокола. Ассоциативно эта звуковая последовательность соотносится с плачущей, стонущей, кричащей душой русского человека. Это приводит к тому, что музыка и специфически артикулируемая звуковая последовательность начинают выполнять функцию недопроизнесённого слова. Этот эффект усиливается, если вспомнить башлачёвскую манеру исполнения песен: поэт буквально «захлёбывается» словами. Усиление тональности текста, использование специфической артикуляции и ускорение его произнесения полностью соответствуют изменениям музыкального компонента рок-композиции: они взаимодополняют друг друга. Таким образом, в финале «Времени колокольчиков» невербальный музыкальный компонент СЯЛ полностью вербализуется.

Имиджевый компонент СЯЛ А. Башлачёва. Отметим, что мы обратимся только к отдельным, наиболее важным в данном контексте элементам имиджевого, мифобиографического компонента СЯЛ А. Башлачёва. Прежде всего, необходимо указать на то, что биографический миф А. Башлачёва может быть рассмотрен как миф о настоящем русском, национальном поэте: «Именно сема, *концептуальный код сознания СЯЛ* (курсив мой. – Д.И.) *поэта*, как показали наблюдения, доминирует в репутации Башлачёва. Примечательно, что его называют поэтом самые разные люди – от простых поклонников и журналистов до литературных критиков и видных ученых: “Он был поэт – этим и интересен”» [7, с. 232]; «Ближе всего, конечно, слово “поэт”, но в его изначальном природном значении, смыкающемся с игрой стихий» [4, с. 4]; «Рок был “обезглавлен”, потеряв своего лучшего поэта» [8, с. 14].

Важно, что одним из ключевых, концептуальных компонентов мифобиографической системы

А. Башлачёва, во многом определивших специфику его восприятия как национального русского поэта, является русский колокольчик, который органично вписан в имидж рок-музыканта. Здесь достаточно вспомнить, что у А. Башлачёва был своеобразный оберег, который хранил его душу (поэт носил на шее три колокольчика). После смерти А. Башлачёва рядом с могилой была посажена берёза, на которой были развешены колокольчики. Всё это приводит к тому, что после трагической гибели поэта русский колокольчик стал своеобразным символом контркультурной «героической» лингвокультурной эпохи русского рока, которую метафорически называют временем колокольчиков [7].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что звенящий русский колокольчик, как символ русской души, пронизывает все уровни СЯЛ А. Башлачёва и является одним из центральных, системообразующих компонентов общего концептуально-прагматического уровня СЯЛ поэта.

Библиографический список

1. Баранов А.Г. Семиотическая личность: кодовые переходы // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тез. док. XV Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.; Калуга, 2006. – 186 с.
2. Башлачёв А. Случай в Сибири // Башлачев А. Посошок: Стихотворения. – Л.: ЛИРА, 1990. – 102 с.
3. Башлачёв А. Время колокольчиков // Башлачев А. Посошок: Стихотворения. – Л.: ЛИРА, 1990. – 102 с.
4. Житинский А. Семь кругов беспокойного лада // Башлачев А. Посошок. – Л.: ЛИРА, 1990. – 102 с.
5. Иванов Д.И. Способы ризоматизации рок-текста в контексте изучения синтетической языковой личности // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 378. – 217 с.
6. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: Возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Вып. 1. – Тверь, 1998. – 131 с.
7. Смирнов И. Время колокольчиков, или Жизнь и смерть русского рока. – М.: ИНТО, 1994. – 264 с.
8. Фролова Г. «Пляшу в огне...» // Собеседник. – 1990. – № 12. – 92 с.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Kirill Ye. Shiryayev

*Nekrasov Kostroma State University
shiryayev4@yandex.ru*

On functions' integral separatedness

The article contains analysis of some integral properties of functions (separatedness, closeness, equality) and application of such properties to proving equality of central and central Steklov exponents of the class of functions.

Keywords: integral separatedness, integral closeness, integral equality, function, superior function, central exponent.

Nataliya L. Margolina

*Nekrasov Kostroma State University
nmargolina@mail.ru*

On the formulas of indices of uniform stability of linear systems of differential equations

The article discusses the discrepancy of the two formulas in the case of a set of equations with an unlimited right-hand side.

Keywords: differential equations qualitative theory, Lyapunov exponent, stability, uniform stability.

Valeriy S. Sekovanov

*Nekrasov Kostroma State University
sekovanovvs@freemail.ru*

On Hénon modified maps

The spectrum of Hénon plane maps is examined in the article; the type of fixed points of these maps is investigated; their attractors at some parameter values are examined; procedural modes for Hénon modified map are indicated.

Keywords: curvilinearity, attractor, fixed points, curvilinear map, Hénon map.

Aleksandr P. Kirpichnikov

*Kazan National Researchful Technological University,
City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
kirpichnikov@kstu.ru*

Anton S. Titovtsev

*Kazan National Researchful Technological University,
City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
notna6683@mail.ru*

Open systems of poly-component flow differentiated service

A mathematical model of open queue systems, combining multi-channel Erlang model (M/M/m/0), classic multi-channel model (M/M/m), as well as multi-channel bound queueing model (M/M/m/E), is proposed in the article. Mathematic formalization of the model in stationary mode has been conducted, the task of managing service in the systems of such type at output objectives specified has been assigned, transient regime of a queue system is investigated.

Keywords: queue system, differentiated service system, poly-component input flow, queue, queueer.

Aleksandr V. Sviridov

*Nekrasov Kostroma State University
avsviridov09@mail.ru*

Oleg P. Akayev

*Nekrasov Kostroma State University
akaev@list.ru*

Liquid complex nitrohumic fertilizer resulting from peat

Technique of producing liquid complex nitrohumic fertilizer with microelements based on peat is proposed. Check studies of the fertilizer have shown its efficiency for enhancing germinability and increase of plant growth acceleration.

Keywords: peat, nitrohumic, microelements, fertilizer.

Galina A. Isayeva

*Nekrasov Kostroma State University
biophys@mail.ru*

Pavel P. Isayev

*Nekrasov Kostroma State University
chemphys@mail.ru*

Chemical topology in local anesthetics biological activity prediction

Topological characteristics of substances exhibiting analgesic effect are considered in this article. Logarithms of the minimum blocking concentration of local anesthetics and of several model compounds have been calculated. Correlation of Wiener indices and Balaban's J indices of the investigated compounds with their biological activity has been researched. It has been shown that, in the majority of cases, Wiener indices unlike Balaban's J indices better correlate with biological activity, although the both indices are possessed of good discriminative power against the researched property.

Keywords: biological activity, topological index, connective index, root-mean-square distance index, QSAR models, local anesthetics.

Tat'yana A. Shul'gina

*Saratov scientific and researchful institute
of traumatology and orthopaedy
tshylgina2012@yandex.ru*

Ol'ga V. Nechaeva

*Razumovsky Saratov State Medic University
olgav.nechaeva@rambler.ru*

Performance analysis of action of nanopreparations into the composition of aqueous solution on biological activity of gram-negative and gram-positive microbes

Use of nanomaterials into the composition of antibacterial drugs is one of the rational solutions against antibiotic resistance. Experimental research of antimicrobial action of silver and copper nanoparticles into the composition of aqueous solution on 20 in-patient strains of *Staphylococcus aureus* and coliform is conducted. It is ascertained that aqueous solutions of silver and copper nanoparticles are possessed of the maximal pronounced bactericide effect.

Keywords: *Staphylococcus aureus*, *Escherichia coli*, aqueous solutions, nanoparticles, silver, copper.

Vasiliy V. Kuz'michyov
Nekrasov Kostroma State University
kaf_mbd@ksu.edu.ru

Andrey F. Kuz'min
Nekrasov Kostroma State University
kaf_mbd@ksu.edu.ru

Boris M. Strelets
Nekrasov Kostroma State University
kaf_mbd@ksu.edu.ru

Margarita N. Stakina
Kostroma regional veterinarian laboratory
margarita.stakina@yandex.ru

Pancreas physiologic indices dynamics in health and disease

Pancreas pathologies diagnostics is impossible without biochemical and complete blood investigations. As prophylaxis of pathologies, laboratory hematologic study is recommended to be conducted regularly: in animals, metabolic disorders detected at an early stage, are more plastic and milder to be corrected by means of balance of nutrition ration with minimal medicinal preparations use. According to Sergey Starchenkov's data (2001), at timely etiologial factors elimination, the investigated blood value revert to the species-specific physiological standard indices.

Keywords: physiological values, work dynamics, pancreas.

Igor M. Kovalenko
Sumy Agrarian University of the nation of the Ukraine,
City of Sumy, the Ukraine
kovalenko_977@mail.ru

Biodiversity of understorey plants of the forest ecosystems as a precondition for their sustainability

The article deals with biodiversity of the structural components of ecosystems – layers, synusias and others, which show the relative independence.

Keywords: forest ecosystems, sustainability, biodiversity, grass and shrub layer, structure of populations.

Anna V. Nemchinova
Nekrasov Kostroma State University
nemanvic@rambler.ru

Igor' G. Krinitsyn
Nekrasov Kostroma State University
hek@rambler.ru

Lidiya A. Smirnova
Nekrasov Kostroma State University
lidas94@mail.ru

Stag's-horn clubmoss (*Lycopodium clavatum* L.) biomorphs biometric peculiarities in the ontogeny

Satisfiability of the terms "ramet" and "genet" as Lycopods' ontogeny units is examined in the article. A number of morphologic characters is proposed to be examined as ontogeny states markers by results of biometric investigations of stag's-horn clubmoss (*Lycopodium clavatum* L.) morphology.

Keywords: ontogeny states, biomorphs, morphogeny, plant biometry, plant population biology, Lycopods.

HISTORY

Sergey A. Kabatov
Nekrasov Kostroma State University
kabatov74@mail.ru

Kostroma Region rural population zoomorphic decorations semantics

Definition of functional stress and content of zoomorphic decorations of the rural population of Kostroma Povolzhye (culture of Kostroma kurgans) is the aim. The topicality is determined by the fact that the main base of sources (archaeological monuments – burial mounds) has been irrevocably destroyed because of the impact of anthropogenic factors and the disappearance of the spiritual culture bearers in this area in recent decades.

Keywords: semantics, horse cult, bird cult, meaning.

Andrey V. Abanin
Moscow State Regional Institute for the Humanities,
City of Orekhovo-Zuyevo, Moscow Region, Russia
andrey.abanin@yandex.ru

Prince Grigoriy Petrovich Shakhovskoy. Personality factor in the uprising of Bolotnikov Rebellion during the Russian Time of Troubles

The author of this article explores the factor of personality in Bolotnikov Rebellion. He examines the activity of Prince Grigoriy Shakhovskoy, his significance in the rebellious movement.

Keywords: Prince Grigoriy Petrovich Shakhovskoy, Bolotnikov Rebellion, personality factor, time of Troubles.

Svetlana B. Chernetsova
Demidov Yaroslavl State University
ch-sb@yandex.ru

Rare types of rustic chapels in the Upper Povolzhye

The article touches upon the problem of exploration and preservation of rustic chapels in the buffer zone of Yaroslavl, Kostroma and Tver Povolzhye. The attempt of cataloguing and systematization of structures of chapel type in this region has revealed here some structures out of the generally accepted system of chapels' typology. The attendant ethnographic material allows referring them to so-called objects of orthodoxy tradition.

Keywords: chapel, rustic shrines, orthodoxy tradition, traditional culture, sacral landscape.

Dar'ya D. Zhukova
Pedagogic Institute of Vladimir State University
fresh_raspberry@mail.ru

The system of interaction between Vladimir Province governors and police agencies in the second half of the 19th century

The article is a research of Vladimir Province governors' activity in the 2nd half of the 19th century. Due to the transfer of some economical functions to the competence of newly founded authorities, the Governors' powers in control, revision as well as public order maintenance increased. Close liaison with the police agencies promoted realization of government

reforms as well as improving the efficiency of the Governors' activity.

Keywords: Vladimir Province, 19th century second half, reforms of Alexander II, police agencies, Governor.

Nataliya Yu. Novichkova

*Ivanovo Institute of State Fire Fighting Service of EMERCOM
n.nature@mail.ru*

The main factors of Fire hazard in Russian cities of the second half of 19th century

The article is devoted to the fire safety problem in the cities of Russian Empire in the second half of the 19th century. The reasons of frequent and devastating fires are determined. The position of population concerning fires is marked. The author makes a conclusion about the necessity of strengthening of fire safety system and fire service which is its structural component.

Keywords: fire safety, urbanization, building norms, increased fire hazard objects, material loss, mentality of urban strata.

Ivan A. Bushuyev

*Nekrasov Kostroma State University
ivan.textwork@yandex.ru*

The transport system of Kostroma and Yaroslavl in the late 19th – early 20th centuries in the everyday life of the provincial centers

The article examines the role of the transport system in daily life of Kostroma and Yaroslavl in the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: daily routine, everyday life, transport communication, transport, tram, cabmen.

Anton V. Danilov

*Pyatigorsk State Linguistic University,
City of Pyatigorsk, Stavropol Land, Russia
danilov_a.88@mail.ru*

Projects of tram constructing in Yessentuki in the early 20th century

The article is devoted to the projects of constructing tram in Yessentuki in the early 20th century. It analyzes the tram route network and examines the reasons why the projects were not realized.

Keywords: Yessentuki, tram, power plant, route, resort, technology, partnership, settlement, railway station.

Dmitriy Ye. Leonov

*Rostov Pedagogic College, town of Rostov, Yaroslavl Region
demetriosrost@yandex.ru*

Orthodox clergy on the pages of satiric magazines of the Revolution of 1905 period (on the materials of Yaroslavl Province)

The article is devoted to analysis of the first Russian Revolution satiric publications in the newspapers "Fever", "Gossip", "Yaroslavl Bell", "Yaroslavl Smack", "Cudgel" published in Yaroslavl Province in 1906–1908; their anticlerical orientations, the grounds for criticism of the clergy, of the church, of religious and educational policy of the Russian Empire have been identified in this study.

Keywords: Revolution of 1905, Orthodox Church, clergy, periodical press, political struggle, satirical magazines, anticlericalism.

Gennadiy N. Kocheshkov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
kocheshg@mail.ru*

Marxist conception of the Russian historical process in the works of Mikhail Pokrovsky

The Marxist methodological approach of the famous historian Mikhail Pokrovsky in investigating historical processes, which took part in pre-revolutionary Russia, is analyzed in this article.

Keywords: Bolshevik party, revolution, Marxism, historical process, class methodological basis, world view, «trading capital» theory.

Yelena N. Abovyan

*Bryansk State Technical University
mjordon@yandex.ru*

The partisans' struggle with the Axis occupants in the vicinity of Bryansk in the period from November 1941 to May 1942

The article describes the second phase of the struggle of the partisans with the Axis occupants on the territory of Bryansk Region, which is dated to the period from November 1941 to May 1942. It considers the process of centralization of controlling detachments, of guerrilla war staffs organization, of organization of guerrilla territories and zones.

Keywords: USSR Great Patriotic war, partisan, guerrilla band, underground, diversions, resistance, occupation.

Denis L. Lapin

*Nekrasov Kostroma State University
denilapin@mail.ru*

Activities of Kostroma office of Russian youth's council on patriotic education and study of history of Kostroma Region in the 20th – 21st centuries

The author tells about specificity and forms of learning history of Kostroma Region by the Kostroma department of the public organization "Russian Union of Youth" in 1991–2013 years.

Keywords: social and public associations, youth policy, Russian Union of Youth.

Nikolay I. Seryy

*Nekrasov Kostroma State University
disser44@mail.ru*

Analysis of regulatory and legal framework for Russia – South Ossetia military and political cooperation

The article examines development of the regulatory and legal framework for Russia – South Ossetia cooperation after Russia's recognition of South Ossetia's independence (2008–2010). The following analysis of military and political cooperation agreements reflects the development of legal framework itself, as well as determines the key issues and development trends in Russia – South Ossetia bilateral relations.

Keywords: Georgian-Ossetian conflict, Russia – South Ossetia relations, South Ossetia, South Caucasus.

ECONOMY

Vladimir V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University
tcheckmar@ksu.edu.ru

Synergistic aspects economy innovations in the process of economic security of economic units

This article explains the use of the aggregate of theoretical approaches that provide a synergetic effect with the establishment of mechanisms to ensure the economic security of business entities in the paradigm of innovation economy.

Keywords: economics of innovation (innovative economy), economic security of business entities, synergetic and process approaches.

Zinaida V. Bragina, Yelena V. Ponomarenko
Nekrasov Kostroma State University

Economic patriotism as managerial resource

A new look on economic patriotism as a management resource, which comes down to consider the process of preparation and management decisions by agencies, authorized to determine the vector of development through the prism of ensuring protection of interests of sectors of the Russian economy, is proposed.

Keywords: managerial resources, economic patriotism and forms of displaying it.

Fyodor N. Zav'yalov
Demidov Yaroslavl State University
Anna M. Kozyreva
Demidov Yaroslavl State University
kozirewaam@yandex.ru

Agriculture in the conditions of Russia's participation in the WTO: problems and decisions

The problems of agricultural development in conditions of Russia's participation in the WTO: gradual reduction of subsidies, preferential credits and others measures, which contradict statutes and rules of WTO, are considered in the article. The necessity of wide usage of purposeful investments and special programs for social agricultural development are substantiated; in agricultural import, we should use quotes in order to protect domestic producers.

Keywords: yellow and green baskets, investment in agricultural infrastructure, social development, breeding, seed growing, quoting, small business development.

Anna M. Kozyreva
Demidov Yaroslavl State University
kozirewaam@yandex.ru

Assessing the competitive advantages of foreign countries of flax subindustry

The article examines the general trends in the functioning and development of the linen sub-sector of France, as one of the of Europe's most developed areas and major producer of textile flax. The actions of the European Union in the direction of application of state support of economically integrated farming methods are shown.

Keywords: world production, acreage, competitiveness rankings of competitiveness, support measures, subsidies.

Oleg V. Pishchulin

Nekrasov Kostroma State University
tcheckmar@ksu.edu.ru

Purpose, object and subject of public control

The author actualizes the role of social control as a function of control over the definition of objectives, objects and subjects.

Keywords: social control, social control aim, objects and subjects of public control.

PHILOSOPHY

Arnol'd V. Yerakhtin
Ivanovo State Polytechnical University
erakhtinav@mail.ru

Kant's ontology and transcendental metaphysics

The article proves that the concepts «philosophy», «metaphysics» and «ontology» are often identified as identical even in special works on the problems of metaphysics and ontology. This leads to confusion and contradictions. Kant's metaphysics is also inconsistent. Speaking against ontology, Kant does not deny the real existence of «things-in-themselves», i.e. even within his metaphysics, he could not exclude the ontological problems.

Keywords: Kant, philosophy, metaphysics, ontology, apriorism, transcendentalism.

Nataliya Ye. Sizova
Kostroma State Technological University
nsizova917@yandex.ru

The church and the state according to Sergei Bulgakov

This article discusses the historical and philosophical views of Sergei Bulgakov – a representative of Russian religious philosophy at the turn of the 19th century – the beginning of the 20th century. This article analyzes the whole set of religious and philosophical, journalistic works about the problem of relations between the church and the state, and touches upon the issues of the role of church and state in human life and society; the stages of development of these relationships throughout Russian history, included in the original philosophical system of Sergei Bulgakov, are monitored.

Keywords: church, state, Christianity, Orthodoxy, public ideal, Russian philosophy.

Anton P. Semenyuk
Russian National Research Tomsk Polytechnic University
marcelp@yandex.ru

Gnoseological problematic in Vasily Rozanov's treatise "Of Comprehension"

The article explicates gnoseological conception of early creative work of Vasily Rozanov, searching for an adequate context for interpreting it, identifies the sources that contributed to shaping it.

Keywords: Vasily Rozanov, comprehension, Russian religious philosophy, potentiality, gnoseology.

Nikolay N. Pavlyuchenkov

*Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities
npavl905@mail.ru*

On the issue of unity of religious and philosophical heritage of Pavel Florensky

The article gives some examples of deep inner unity of early and late religious and philosophical heritage of Pavel Florensky. Particular attention is paid to the source of this unity – the inner mystical experience of Russian philosopher which brought him into the Orthodox Church. In the Church, Florensky was interested, above all, in the most important thing which really affects the inner life and state of a person – the liturgical practice. It is noted that all the creative activity of Pavel Florensky is connected exactly with the experience of learning vital necessity of religion to a person.

Keywords: Priest Pavel Florensky, symbol, holistic knowledge, religious cult, internal experience.

Nikita N. Ravochkin

*Gorbachyov Kuznetsk Basin State Technical University,
City of Kemerovo
nickravochkin@mail.ru*

Philosophical views on ideology in the socio-historical retrospective of the 20th century

The assessment of the depth of philosophical thought in this publication has been made in order to realize differences in the content of views on ideology between the individual pieces of historical time of the last century.

Keywords: ideology, world order, social and historic development, philosophic conceptions, evolution of attitudes.

SCIENCE OF LITERATURE

Tat'yana B. Nalyotova

*Nekrasov Kostroma State University
naleyotova.tatiana@yandex.ru*

Traditions of Old Russian literature and Christian motifs in Nikolai Gogol's early works

The Old Russian literary traditions influencing Christian motives in early creative work of Nikolai Gogol, appear in the form of hagiographical tradition, tradition of "The Tale of Igor's Campaign", and also in the traditions of the stories of everyday life and satirical stories of the 17th century.

Keywords: hagiographical tradition, motive of "lamentations" and "glory", image of Russian land, 17th century everyday life stories, 17th century satirical stories, deiparous motif.

Natal'ya V. Patroyeva

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
nypatr@list.ru*

Mikhail Lermontov's introductions: stanzaic prosody, metrics and syntax

The article presents an analysis of compositional beginnings (introductions) of Mikhail Lermontov's poems in terms of their strophic or astrophic organization, metrical scheme and syntactic structure. Observations of Lermontov's introductions allow concluding that the most common form of introduction is iambic

tetrametric quatrain, which matches, in its borders, with an asyndetic compound sentence.

Keywords: introduction, stanzaic prosody, metrics, poetic syntax.

Aleksandr A. Lebedev

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
perevodchik88@yandex.ru*

Antithesis in poetic works of Pyotr Vyazemsky

Constructions with oppositeness found in the works of Pyotr Vyazemsky are considered. Certain groups of antitheses ("Yesterday-today-tomorrow", "day-night", "life-death") are analyzed. Some deductions concerning the functions and syntactic organization of antitheses in the poet's works are suggested.

Keywords: antithesis, opposition, poetic syntax, composite sentence.

Yekaterina L. Muratkina

*Nekrasov Kostroma State University
kaf_en@ksu.edu.ru*

"The Forest" by Alexander Ostrovsky and "The Cherry Orchard" by Anton Chekhov: artistic consonances and compositional correspondences

Some consonances of the plays by Alexander Ostrovsky and Anton Chekhov are examined in the article, sensual and compositional peculiarities of the comedies "The Forest" and "The Cherry Orchard" are mentioned.

Keywords: Alexander Ostrovsky, Anton Chekhov, plotlines, composition, play, expectation, artistic space.

Nikolay G. Morozov

Nekrasov Kostroma State University

Subject trace of «Life of Saint Seraphim» of Sarov in Boris Zaytsev's short story «Priest Kronid»

An attempt of defining motifs of «Life of Saint Seraphim of Sarov» in the plot of the short story by Boris Zaytsev «Priest Kronid» is conducted in the article.

Keywords: Boris Zaytsev, «Priest Kronid», Saint Seraphim of Sarov, motifs, plot.

Tat'yana I. Ryzhakova

*Nekrasov Kostroma State University
tajrin902@mail.ru*

Genre specifics of short prose by Ivan Bunin of 1917–1953

The attempt to analyze the genre features of short stories by Ivan Bunin in the emigration period and to identify features, typical for other literary and documentary genres, has been undertaken in the article.

Keywords: Ivan Bunin, emigration, genre, short prose.

Ol'ga A. Dmitriyenko

*North-Western Institute of Press
of St. Petersburg State University of Technology and Design
da_olga@mail.ru*

Mystery of the cross in interlude interpretation (based on Vladimir Nabokov's novel "Invitation to a Beheading", 1938)

The article studies the examples of painting which have function of pretexts and conceptual referents.

They form field of interlude interaction interpreting Christian plots. To avoid standard perception, Nabokov refers to interlude allusions and correlations and transfers methods and stylistic means from painting to literature. Thus, he revives mythological and magical functions in the modern writing.

Keywords: genre scheme of Christian mystery, interlude context, poetic language polyglottism.

Margarita Kh. Morozova

*Bunin Yelets State University, City of Yelets,
Lipetsk Region, Russia
mbily@mail.ru*

The element of fire in the novel «Sovereign's Road» by Mikhail Prishvin

The mythologeme of fire is considered to be central for Mikhail Prishvin's novel «Sovereign's Road». The author emphasizes the originality of the structure of the mythologeme and determines its role and conceptual meaning in the world image of the writer.

Keywords: Mikhail Prishvin, mythologeme, fire, element.

LINGUISTICS

Tat'yana M. Yudina

*Institute of Philology and Cross-cultural Communication
of Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
tatyana.y.tanya@mail.ru*

On the methods of nomination of certain terms of blacksmith's work (on the material of mining business writing of the early 18th century)

The article analyses general Russian terms of blacksmith's work – hyperonyms “anchor”, “nail” and their hyponyms in onomasiological aspect (theory of nominative derivation). Etymology, semantics, structure, terms' ranges are enlightened. When analyzing the lexis, two basic methods of nomination were discovered: syntactical derivation (formation of multi word complex denominations based on hyper- and hyponymic relations) and semantic derivation (term formation based on the terminologization or secondary nomination of lexis of everyday life). This term micro-system in the pre-national period was forming by means of the native language.

Keywords: historical lexicology, business writing, terminology, nomination methods, syntactical derivation, semantic derivation, loanword.

Madina A. Fokina

*Nekrasov Kostroma State University
jan22284@kmtu.ru*

Language and style of Alexander Ostrovsky's solemn dinner speeches

The article studies the system of language means in the playwright's public solemn speeches dedicated to contemporary actors and to the opening of Pushkin statue in Moscow.

Keywords: solemn eloquence, expressive means, vocal influence.

Tat'yana B. Kolyshkina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
ktb-10@mail.ru*

Irina V. Shustina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
shustina-irina@rambler.ru*

Words of category of status as a means of reflection of customers' negative motivation in advertising text

The authors of the article consider some cases of using status words in advertising text. Having analyzed a lot of data, the authors managed to identify the leading negative motives. The advertising agents appeal to them in order to influence the customer and encourage the person to buy the goods.

Keywords: advertising, emotional attitude, motive, category of status words.

Yelena B. Volkova

*Moscow Aviation Institute (national research university)
lenka@mail.mipt.ru*

Structural and semantic qualities of pronominal conjunctive relative constructions in mathematical texts

The paper deals with pronominal conjunctive correlative complex sentences typical for mathematical texts. Being less productive than other constructions of inseparable type, such sentences are many-sided in semantics and are able to express complicated content by concise means of scientific style.

Keywords: pronominal conjunctive correlative complex sentence, main clause, subordinate clause, qualitative meaning, quantitative meaning.

Lyubov' P. Mikhaylova

*Petrozavodsk State University
posnm87@bk.ru*

Обыдоха

(search for the etymology of the mysterious Russian word in the linguistic space of Karelia)

The article attempts to establish the etymology of little-known dialectal word обыдоха which was used by the poet Yakov Vokhmentsev, but has not been noted in the dialectal dictionaries. The author relies on semantic, derivational and phonetic options, when searching for etymon. The hypothesis of the relations of the root morphemes of the investigated word with Baltic-Finnish words, in particular based on phonetic features, with the Karelian language lexis.

Keywords: dialect vocabulary, etymology, language contacts.

JURISPRUDENCE

Vera B. Romanovskaya

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
tigpnngu@yandex.ru*

Lyubava R. Romanovskaya

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
elza_r@mail.ru*

Religion and law in the political life of medieval Europe

The article is devoted to the role of canon law in the development of jurisprudence and political processes. Authors point to the integrative role of religion

in the conditions of pluralism of law. It is noted that processes of secularization, separation of secular science from theology, law and religion increased at the end of the Middle Ages—the Early Modern period.

Keywords: canon law, medieval jurisprudence, Christian worldview, law secularization, secular science.

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

**The first International Labour Conference:
rule-making main results
(commemorating the 95th anniversary
of International Labour Organization)**

The first conventions of the International Labour Organization, approved at the moment of its creation and having laid down the rightful principles of essential institutions of law of employment, have been examined in the proposed article.

Keywords: International Labour Organization, ILO Conventions, General conference, working time limitation, unemployment problems, female and child labour social protection and labour safety.

Vera B. Romanovskaya
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
tigpnngu@yandex.ru

Vladimir V. Puzhayev
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
notionn@mail.ru

**Legal regime as a general theoretic category:
problematic aspects of understanding**

The article is devoted to some existing approaches to the definition of legal regime in jurisprudence, highlights the general theoretic nature of this category and determines the structure of legal regime and its correlation with other related legal notions.

Keywords: legal regime, legal regime structure, political regime, legal regulation mechanism, legal condition.

Anna V. Ivkova
Academy of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation, Moscow
ivkova-anna@yandex.ru

**The public prosecutor's analysis of condition
of legality at counteraction of legalization
(laundering) of income gained by criminal way
and to terrorism financing in the bank sphere**

The article is devoted to the analysis of condition of legality at implementation of public prosecutor's supervision of performance of laws on counteraction of legalization (laundering) of income gained by criminal way, and to terrorism financing in the bank sphere

Keywords: criminal income legalization, terrorism, public prosecutor's supervision, banks.

PEDAGOGY

Svetlana V. Protasova
Saratov State University
svikt29@rambler.ru

**The formation of cultural and educational
Master's competences**

The article describes the ways of formation of cultural and educational competences of Masters of peda-

gogic education. The development of educational project within the province of one or more art forms are basic to the technology of development of competences.

Keywords: Master, cultural and educational activity, competences, project.

Nelli V. Sidakova
Hetagurov North Ossetian State University, City of Vladikavkaz,
North Ossetia – Alania autonomy, Russia
nelly@solt.ru

**The quality of foreign teaching
is the most important system-forming factor
in higher education**

Qualitative foreign teaching is one of the most important key characteristics defining the professional competence of a higher school graduate as a whole, and is considered from the point of view of systemacy, of integral content, of teaching technologies, of methods of control and assessment of the results.

Keywords: foreign language, knowledge quality, system approach, curricula modernization, control mechanism, object-oriented approach, traditional and interactive education.

Yevgeniy A. Polyakov
Dzerzhinsk branch of Russian Academy
of Economics and Civil Service under the President of Russia,
City of Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod Region
p_e_art@list.ru

Yevgeniy A. Suchkov
Dzerzhinsk branch of Russian Academy
of Economics and Civil Service under the President of Russia,
City of Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod Region
esuchkov@mail.ru

**Practical aspects of creating and use of distant
technologies in the training of civil servants**

The materials of the scientific research of quality of teaching while studying a discipline held in Dzerzhinsk branch of Russian Academy of Economics and Civil Service under the President of Russia are the empirical basis of the article. The assumption, that training quality depends not only on the quality of lecturing and didactic materials, but also on the degree of individualization, of intensification of training, and of control of training and practical activities of each student, provided by information learning medium, has been advanced. The groups C and E assessment results at the end of training and the results of assessment of the level of diagnostics of residual knowledge in three months have been adduced.

Keywords: distance learning, information learning medium, individualization, motivation, residual knowledge.

Andrey N. Baranov
The Volga State Water Transport Academy,
City of Nizhny Novgorod
andreybaranov1980@rambler.ru

**The pedagogic support of upbringing
and self-upbringing processes integration
at a technical higher educational institution**

The author considers the conditions, leading to the needs of integration of upbringing and self-upbringing processes at a technical higher educational institution in the article.

Keywords: self-upbringing, physical culture in a higher educational institution, the quality of life, the integration of upbringing and self-upbringing processes.

POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaytsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru

From institutionalization of the dialogue between state and civil society to democracy dialogic model (theoretic and methodological aspect)

The problem of institutionalization of dialogue between state and civil society in the context of standard pattern of democracy dialogic model is revealed in the article.

Keywords: dialogue, state, civil society, institutionalization, dialogic democracy, communication, interaction.

Svetlana V. Kovalyova
Nekrasov Kostroma State University
sweta.lana1968@yandex.ru

Ol'ga V. Stepanishchenko
The Kuban State Technological University, City of Krasnodar
stpnsnkh@mail.ru

Betterment of the Constitution of the Russian Federation: contributing to problem statement

The need to introduce changes to the articles of the Constitution of the Russian Federation, devoted to the problems of ideological upbringing and education of social and communitarian worldview among citizens of Russia, is considered in the article.

Keywords: Russian Constitution, education, upbringing ideology, communitarianism, democracy.

SCIENCE OF CULTURE

Pavel V. Chelyshev
National research technological university
«Moscow Institute of Steel and Alloys»
simeon5@rambler.ru

Person of ancient mythology: nature of hero and fate personal choice

The article deals with the tragic nature of the ancient heroic spirit, shows the importance and responsibility of spiritual and moral choice of a person trying to gain a foothold in eternity at any cost. The analysis has been carried out from the philosophical and cultural point of view basing on historicism principle by comparison method.

Keywords: mythology, gods, demons, heroes, anti-heroes, glory, immortality.

Irina V. Portnova
Peoples' Friendship University of Russia, City of Moscow
irinaportnova@mail.ru

Animals in the domestic arts of the 18th–20th centuries. The boundaries of the genre

The article describes the Russian animalistic art of 18th–20th centuries with regard to the specific fea-

tures of the genre. It raises the problem of defining the boundaries of the animal genre in different kinds of art.

Keywords: animal genre, the specificity of the image, the image of the animal, the boundaries of the genre, art, animal problems.

Yelena V. Golovan'
Nekrasov Kostroma State University
gev.koipkro@mail.ru

On the publications of popular science books for children and young people (the second half of the XIX – the early XX centuries). According to the materials of Sungurov's library catalogs (former Olokhov's library) in Kostroma (1898–1904)

The article is dedicated to the scientific contents of the books that were collected at Sungurov's library in Kostroma during the second half of the 19th century and at the turn of the century. The books were addressed to children's audience. Among the authors of scientific popularization presented in these catalogs were Hermann Wagner, Valerian Lunkevich, Aleksandr Rubakin, Gaston Tissandier, Jean Henri Fabre, Camille Nicolas Flammarion, etc.

Keywords: library, children's books, catalogs, popular science books, books for youth.

Guzel' M. Shigabetdinova
Ulyanovsk State Technical University
shigabetdinova@gmail.com

The culture of reflexive partnership in the context of the median culture

The culture of reflexive partnership in the context of the median culture is associated with the ability of the individual to differentiate the logic of inversions and logic of mediation, to overcome critically and creatively in their thinking the influence of binary opposition, to go beyond the existing dual oppositions.

Keywords: partnership, dialog, median culture, reflexive partnership culture.

Dmitriy I. Ivanov
Ivanovo State University
ivan610@yandex.ru

Instrumental base of a rock song as a way of activating the system of Russian national conceptual codes in the synthetic lingual personality structure

The article is devoted to the peculiarities of using Russian national instruments in the structure of rock songs instrumental base which acquire, in the context of studying the synthetic lingual personality, the features of a powerful cognitive catalytic agent activating the system of Russian national conceptual codes of consciousness.

Keywords: synthetic lingual personality, conceptual code, rock culture, Russian national consciousness.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. *Статьи* направляются в редакцию только в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют *отсканированный вариант рецензии* на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в формате, полностью совместимом с Word 97–2003. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – *не более 10 страниц текста*.

5. **Библиографический список** должен быть представлен *в алфавитном порядке*. **Ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать *не более 15 источников*.

6. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

7. **Рисунки, схемы, диаграммы**. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

8. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). (Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы)). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

9. **Формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

10. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака **запятую** (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой **точкой с запятой** (0,12; 0,087).

11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова должны быть **переведены на английский язык**.

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

2. Фамилия, имя, отчество автора (полностью);

3. Ученая степень и ученое звание;

4. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора;

5. Адрес электронной почты для каждого автора;

6. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон;

7. Название статьи (сокращения в названии недопустимы)

8. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (не более 5 строк)

9. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

10. *На английском языке*: Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова.

11. Текст статьи.

12. Библиографический список (указывается *в алфавитном порядке*, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

**Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского
в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов**

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов.

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

**The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky
in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908**

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908.

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. –

Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2014 – Т. 20 – № 4

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

Н.М. Рассадин

ректор КГУ им. Н.А. Некрасова, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 10.07.2014.
Дата выхода в свет 10.2014.
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 31,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 77.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна